

75.185

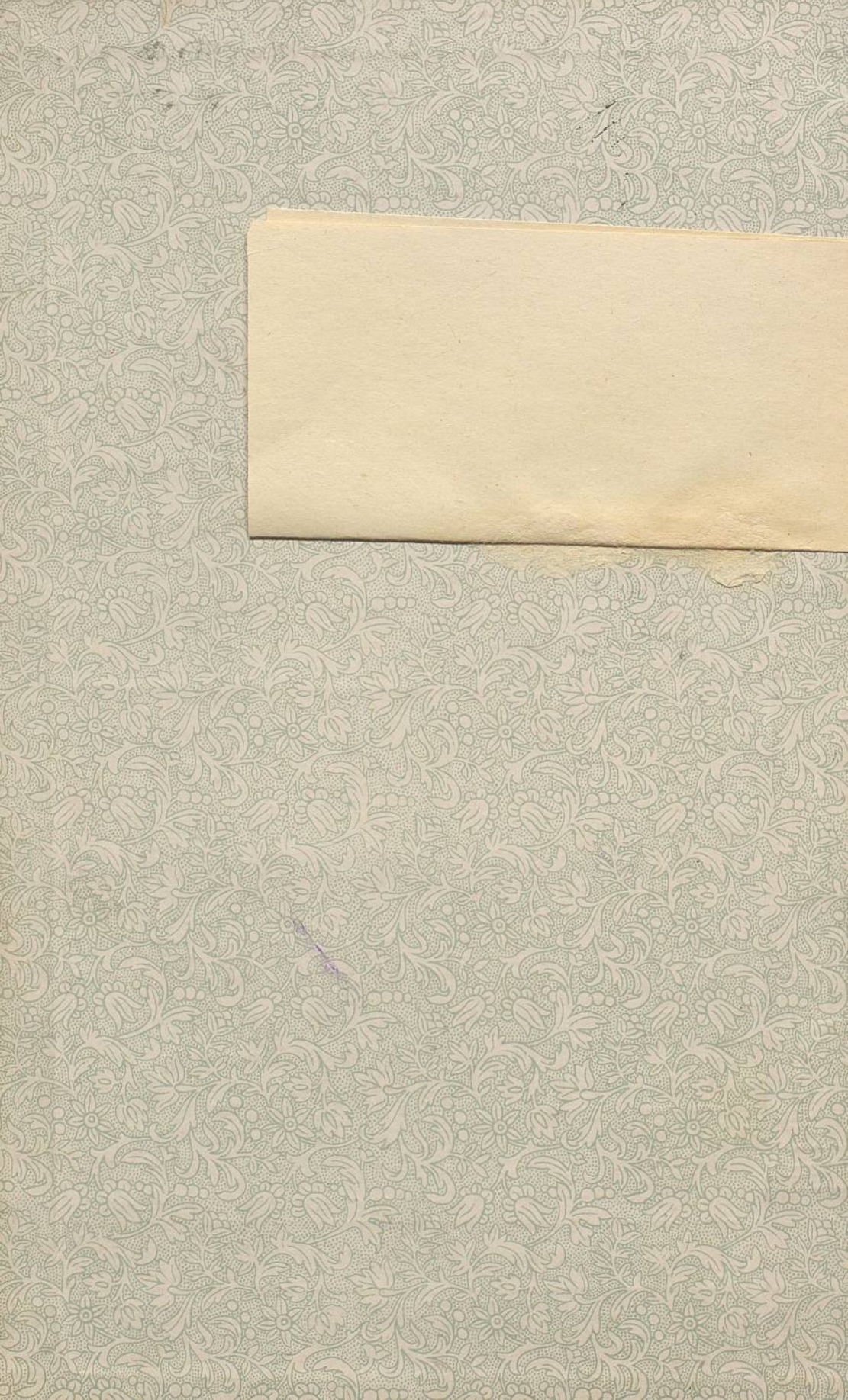
ВЪ ПАМЯТЬ

ЖЕНЩИНЫ - ВРАЧА

ЕВГЕНИИ ПАВЛОВНЫ
СЕРЕБРЕННИКОВОЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИКЪ

4771
a

— О К Т 1959

НА УЧРЕЖДЕНИЕ СТИПЕНДИИ ВЪ ЖЕНСКОМЪ МЕДИЦИНСКОМЪ
ИНСТИТУТЪ.

4771.
8-8
13-11
ВЪ ПАМЯТЬ

ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА

Евгеніи Павловны Серебренниковой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилище
1935 г.

Съ портретомъ Е. П. Серебренниковой.

ИЗДАНЪ ПРИ ПОСОВІИ ПЕРМСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1900.

8-8

92 Сергеевского, Е. П. + эк.

П. Ю. - Люди Урала

М. И. печать крас

~~НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ~~

Е. Сергеева

1933

082.2+92

xx

НА УЧРЕЖДЕНИЕ СТИПЕНДИИ ВЪ ЖЕНСКОМЪ МЕДИЦИНСКОМЪ
ИНСТИТУТЪ.

№ 4771

ВЪ ПАМЯТЬ

ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧА

Евгении Павловны Серебrenниковой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

(2р)

Пр. 1936 г.
Ингиограф.

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
2 4 SEP 1921
№ 75185

1943

Съ портретомъ Е. П. Серебrenниковой.

ИЗДАНЪ ПРИ ПОСОБІИ ПЕРМСКАГО ГУБЕРНСКАГО ЗЕМСТВА. 25,5

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ

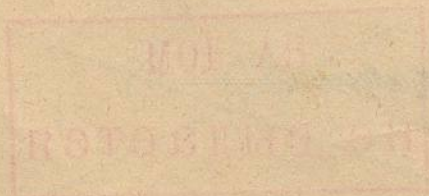
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1900.

2958

Мысль объ изданіи настоящаго Сборника возникла въ Перми среди друзей Е. П. Серебренниковой почти тотчасъ послѣ ея смерти (19-го апрѣля 1897 года), и тогда же было приступлено къ ея осуществленію. Но собираніе литературнаго матеріала и его редактированіе по разнымъ причинамъ затянулись, такъ что Сборникъ удалось сформировать только къ 3-й годовщинѣ со дня смерти Евгеніи Павловны.

Матеріальная цѣль изданія—увеличить основанный посредствомъ подписки, открытой Пермской губернской земской управой, капиталъ на учрежденіе стипендіи имени Е. П. Серебренниковой въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ. Капитальъ этотъ достигъ въ настоящее время 950 рублей. Пермское губернское земство ассигновало въ пособіе на изданіе настоящаго Сборника 600 руб. съ тѣмъ, чтобы весь чистый доходъ отъ изданія былъ внесенъ въ указанный капиталъ.

Издатели: С. А. Удинцевъ.
В. Ф. Предтеченскій.
А. С. Сиговъ.
В. В. Грибелъ.
И. С. Сиговъ.
В. А. Владимірскій.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

	Стр.
1. Евгенія Павловна Серебrenникова, біографическій очеркъ <i>С. Удн-цева</i>	1
2. Юношескія воспоминанія. (Веночка Солонинина). <i>Н. Д. Васильева</i> . . .	13
3. Мое знакомство съ Е. П. Серебrenниковой. <i>Н. Вьлозерской</i>	24
4. Памяти Е. П. Серебrenниковой. <i>Н. Ф. Бунакова</i>	35
5. Мои воспоминанія о Е. П. Серебrenниковой. <i>А. Кролюницкаго</i>	40
6. Письмо Е. П. Серебrenниковой къ доктору И. И. Моллесону (по случаю 25-лѣтняго юбилея его земско-медицинской дѣятельности) . . .	50
7. Письма Е. П. Серебrenниковой къ А. В. Кролюницкому.	57
8. Списокъ печатныхъ трудовъ Е. П. Серебrenниковой.	64

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

1. Прибой. Разсказъ. <i>В. І. Дмитріевой</i>	66
2. Подражаніе псалмамъ. Стихотворенія. <i>Н. Бунакова</i>	88
3. Пустынникъ. (Изъ воспоминаній стараго человѣка). Разсказъ. <i>И. М. Горбунова</i>	91
4. Въ чужбину мнѣ пишутъ друзья.. Стихотвореніе. <i>П. Я.</i>	113
5. Одинокій скиталець. (Изъ записной книжки). <i>А. Погорьлова</i>	114
6. Раздумье. Стихотвореніе. <i>Н. В. Казанцева</i>	127
7. Русская женщина и молодежь. <i>А. С. Изюева</i>	129
8. Ягодкина. (Разсказъ врача). <i>Мася</i>	137
9. Гасите свѣчи! Стихотвореніе. <i>П. Я. В.</i>	168
10. Роль земскаго врача въ борьбѣ съ народнымъ алкоголизмомъ. Проф. <i>Л. О. Даркишевска</i>	169
11. По закону. (Разсказъ проходимца). <i>А. Погорьлова</i>	186
12. Что такое метафизика? <i>П. Фирсова</i>	190

13. Изъ весеннихъ мелодій. Стихотвореніе. П. Я. Б.	211
14. Обзоръ дѣятельности земствъ Пермской губерніи по охраненію народнаго здравія. Врача В. Предтеченскаго.	212
15. Въ казармѣ. I. Капитанъ Баганюкъ. II. Шмунъ. III. Пріятели. Разсказы. А. Гедсонова	235
16. Голосъ земства о тѣлесномъ наказаніи. Врача Д. Жбанкова	255
17. Морякъ. Стихотвореніе. П. Я. Б.	295
18. Каплица. (Изъ бѣлорусскихъ разсказовъ). Д. Е. Лаппо.	296
19. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. И. Я. Неклепаева.	306
20. Къ біографіи Ѳ. М. Рѣшетникова. Г. С. Десятова.	337
21. Лѣсомъ. Путевыя замѣтки. Д. У.	358
22. Старая школа. (Изъ воспоминаній). Н. А. Русскихъ	365
23. Артели грузчиковъ. А. Шерстобитова	373
24. Женщины-труженицы въ произведеніяхъ г. Боборыкина. А. Намимова.	381

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

1. Введеніе. П. Я. Б.	1
2. Введеніе. П. Я. Б.	1
3. Введеніе. П. Я. Б.	1
4. Введеніе. П. Я. Б.	1
5. Введеніе. П. Я. Б.	1
6. Введеніе. П. Я. Б.	1
7. Введеніе. П. Я. Б.	1
8. Введеніе. П. Я. Б.	1

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

1. Введеніе. П. Я. Б.	1
2. Введеніе. П. Я. Б.	1
3. Введеніе. П. Я. Б.	1
4. Введеніе. П. Я. Б.	1
5. Введеніе. П. Я. Б.	1
6. Введеніе. П. Я. Б.	1
7. Введеніе. П. Я. Б.	1
8. Введеніе. П. Я. Б.	1
9. Введеніе. П. Я. Б.	1
10. Введеніе. П. Я. Б.	1
11. Введеніе. П. Я. Б.	1
12. Введеніе. П. Я. Б.	1
13. Введеніе. П. Я. Б.	1
14. Введеніе. П. Я. Б.	1
15. Введеніе. П. Я. Б.	1
16. Введеніе. П. Я. Б.	1
17. Введеніе. П. Я. Б.	1
18. Введеніе. П. Я. Б.	1
19. Введеніе. П. Я. Б.	1
20. Введеніе. П. Я. Б.	1
21. Введеніе. П. Я. Б.	1
22. Введеніе. П. Я. Б.	1
23. Введеніе. П. Я. Б.	1
24. Введеніе. П. Я. Б.	1

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

ЕВГЕНІЯ ПАВЛОВНА СЕРЕБРЕННИКОВА.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

19 апрѣля 1897 года скончалась въ г. Перми женщина-врачъ Евгенія Павловна Серебрянникова. Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ передъ этимъ все Пермское общество съ тревогой слѣдило за ходомъ рокового недуга Е. П. и его загадочными симптомами, въ которыхъ сначала затруднялись разобраться и ея коллеги-врачи. Наконецъ, когда болѣзнь сдѣлала свое дѣло и Евгенію Павловну пришлось провожать къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, на похороны собрался весь городъ „Огромныя массы народа ¹⁾ запрудили всѣ улицы и площади по пути слѣдованія печальной процессіи. Люди всѣхъ профессій, званій, положеній и исповѣданій спѣшили отдать послѣднюю дань почитанія благородной, гуманной женщины-врачу“. На гробъ покойной было возложено болѣе 30 вѣнковъ отъ разныхъ учреждений и корпорацій. Мужемъ Е. П. была получена масса сочувственныхъ телеграммъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Смерть ея вызвала рядъ некрологовъ и была отмѣчена не только мѣстными провинціальными (уральскими и приволжскими), но и столичными изданіями („Русская Мысль“, „Новое Время“, „Новости“, „Врачъ“, „Русь“ и т. д.). Для увѣковѣченія памяти покойной мѣстной Губернской Земской Управой и Уральскимъ обществомъ любителей естествознанія открыты подписки для учрежденія стипендіи ея имени при женскомъ медицинскомъ институтѣ; среди друзей Е. П. возникла мысль, теперь осуществляемая, издать сборникъ, посвященный ея памяти; совѣтъ Богородицкаго попечительства въ Перми постановилъ образовать особый капиталъ имени Е. П.

¹⁾ Говорю словами мѣстной газеты.

для благотворительныхъ цѣлей. Все это говоритъ намъ, что Пермь 19 апрѣля 1897 года потеряла незауряднаго врача, незауряднаго человѣка.

Мнѣ, какъ одному изъ соредакторовъ настоящаго сборника, выпало на долю дать біографическій очеркъ и характеристику личности покойной Евгеніи Павловны. Не чувствуя за собой достаточно умѣнья, чтобы нарисовать вполне ясный и болѣе или менѣе рельефный портретъ покойной, я постараюсь сдѣлать что могу, надѣясь, что печатаемые ниже воспоминанія объ Е. П. и ея письма помогутъ читателямъ дорисовать въ своемъ представленіи даваемый мною въ этомъ очеркѣ блѣдный абрисъ ея личности.

Евгенія Павловна Серебренникова, урожденная Солонина, родилась 10 декабря 1854 года въ г. Екатеринбургѣ въ семьѣ горнаго инженера; дѣтство до 5 лѣтъ провела въ Невьянскомъ заводѣ, а затѣмъ опять переѣхала съ семьей въ г. Екатеринбургъ.

Еще въ дѣтствѣ она проявляла недюжинныя умственные способности, такъ, напр., уже въ семилѣтнемъ возрастѣ она умѣла читать по-французски, какъ взрослый, т.-е. съ полнымъ пониманіемъ читаемаго и вполне правильной, выразительной дикціей.

Въ 1867 г., 12-ти лѣтъ отъ роду, Е. П. поступила прямо въ третій классъ Екатеринбургской женской гимназіи. О первыхъ годахъ пребыванія ея въ гимназіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; печатающіяся ниже воспоминанія бывшаго учителя словесности Екатеринбургской женской гимназіи, А. В. Кролюницкаго, застаютъ Е. П. уже въ 5-мъ классѣ. По словамъ А. В. Кролюницкаго, онъ скоро отличилъ ея даровитость, горячее увлеченіе знаніемъ и всѣмъ, что относилось къ области чистыхъ идеальныхъ стремленій. Въ 6-мъ классѣ даровитая и дѣятельная натура Е. П. очень замѣтно проявлялась на урокахъ словесности, которые велись Кролюницкимъ въ формѣ бесѣды. Такого стремленія къ знанію, такой неудержимой потребности высказаться, все разъяснить, такой, наконецъ, живости и быстроты ума не было, по свидѣтельству г. Кролюницкаго, ни у одной его ученицы. Сообщаемый далѣе въ воспоминаніяхъ А. В. Кролюницкаго фактъ обращенія къ нему Е. П. и двухъ ея подругъ съ просьбой помочь имъ разобраться въ хаосѣ волнующихъ ихъ мыслей показываетъ, что въ это время у Е. П. уже началась критическая работа мысли, послужившая основаніемъ для выработки самостоятельнаго міросозерцанія. Официальная гимназическая наука, хотя и оживляемая бесѣдами учителя сло-

весности, очевидно, не могла удовлетворить запросамъ молодого, жаждущаго истины ума и не давала матеріала для рѣшенія сомнѣній, неизбѣжно возникавшихъ въ головѣ, какъ только молодая пытливая мысль начала внимательно, вдумчиво относиться къ окружающимъ явленіямъ личной, семейной и общественной жизни. Въшкольное вліяніе, которое, по словамъ А. В. Кролюницкаго, оказалъ на Е. П. и ея подругъ сосланный въ Екатеринбургъ молодой человѣкъ радикальнаго образа мыслей, очевидно, выдвинуло на арену мысли Е. П. совершенно новыя для нея горизонты. Безпощадная критика всего существующаго, изобличеніе лживости усвоенныхъ молодыми дѣвушками въ семьѣ и школѣ взглядовъ на жизнь, литературу и общественные вопросы, испроверженіе прежнихъ авторитетовъ, — все это, очевидно, произвело полный разгромъ и разрушеніе въ юныхъ головахъ. Отстоять свои прежнія мысли и взгляды или сознательно профильтровать ихъ и отказаться отъ тѣхъ, которые не могли бы устоять предъ судомъ критической мысли, онѣ были бы не въ силахъ, такъ какъ не имѣли ни необходимыхъ для этого знаній, ни умственного опыта. И вотъ, прежнія свои мысли и новыя, налетѣвшія вихремъ со стороны, пришли въ столкновеніе между собой и вызвали мучительный процессъ въ умственной жизни молодыхъ дѣвушекъ. Чтобы разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ мыслей и взглядовъ, нуженъ матеріалъ, который можетъ дать только изученіе жизни, какъ въ непосредственныхъ ея проявленіяхъ, такъ и въ отражающей жизнь литературѣ. И вотъ въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи устроенныя г. Кролюницкимъ бесѣды на литературныя темы, очевидно, сыграли немало важную роль въ дѣлѣ умственной формировки Е. П. и ея подругъ. По крайней мѣрѣ, Е. П. до конца дней своихъ не переставала относиться къ своему бывшему учителю съ большимъ уваженіемъ и съ чувствомъ благодарности. По свидѣтельству Н. А. Бѣлозерской ¹⁾, Е. П. явилась по окончаніи гимназіи въ Петербургъ начитанной и развитой не по возрасту и приписывала свою любовь къ чтенію и развитіе вліянію русскаго учителя Екатеринбургской женской гимназіи.

Но вотъ гимназія кончена, полученъ гимназическій дипломъ, а мысль продолжаетъ работать, требуетъ себѣ новой пищи, недостаточность средняго гимназическаго образованія сознается съ полной силой. Высшее образованіе въ Россіи для женщинъ тогда было еще недоступно, поэтому Евгенія Павловна рѣшила искать

¹⁾ См. ниже: „Мое знакомство съ Е. П. Серебренниковой“.

его за границей и начала дѣятельно готовиться въ Цюрихскій университетъ. Между тѣмъ, движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія въ Россіи, постепенно развиваясь и приобрѣтая силу, выразилось въ открытіи осенью 1872 г. при Петербургской Медико-Хирургической Академіи женскихъ медицинскихъ курсовъ для приготовленія „ученыхъ акушеровъ“. Евгенія Павловна немедленно рѣшила поступить на эти курсы и въ январѣ 1873 года явилась въ Петербургъ. Но здѣсь встрѣтилось неожиданное препятствіе: по правиламъ курсовъ, въ число слушательницъ принимались лица не моложе 20 лѣтъ, а Е. П. было тогда только 19. Только благодаря своей необычайной настойчивости и содѣйствію Н. А. Бѣлозерской¹⁾, Евгенія Павловна удалось поступить на курсы.

Умственная жизнь тогдашней молодежи вообще и участіе въ этой жизни молодой студентки Евг. Павл. Солониной очень живо обрисованы въ помѣщаемыхъ ниже воспоминаніяхъ Н. Д. Васильева и Н. А. Бѣлозерской. Эти воспоминанія говорятъ намъ, что Евг. Павл., какъ и всю лучшую часть русской молодежи того времени, занимали, главнымъ образомъ, вопросы социальной жизни народа и въ особенности жгучій вопросъ объ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу, о распространеніи въ народѣ того міросозерцанія и тѣхъ общественно-политическихъ идеаловъ, которые исповѣдывались передовой частью русскаго общества. Стремленіе провести эти идеалы въ сознаніе народной массы выразилось движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ „хожденія въ народъ“, которое является характерной чертой русской жизни 70-хъ годовъ.

Е. П. съ своими широкими умственными запросами, основаніе которымъ было положено еще въ гимназіи, со всей пылкостью даровитой натуры окунулась въ водоворотъ идейной жизни тогдашней университетской молодежи. Не замыкаясь въ рамки избранной специальности, Е. П. черпала нужныя для своего развитія знанія изъ всѣхъ доступныхъ ей источниковъ, при чемъ на первомъ мѣстѣ стояли общественныя науки.

Въ связи съ вопросами объ обязанностяхъ интеллигенціи по отношенію къ народу являлись на сцену и вопросы личной морали, и рассказанный Н. Д. Васильевымъ анекдотическій случай съ калошами, оставленными Е. П. на Литейномъ мосту только потому, что тысячи людей ходятъ безъ калошъ, очень характе-

¹⁾ См. ниже: „Мое знакомство съ Е. П. С.“

рень для того времени и хорошо рисуетъ оригинальную, живую, увлекающуюся натуру Е. П.

Но при этомъ философское направленіе и широта мысли не позволяли Е. П. ограничиваться одними вопросами, такъ сказать, общественно-практическаго характера,—вопросами практической политики и личной морали; ея безпокойный умъ стремился проникнуть въ корень вещей, уяснить себѣ основы чело-вѣческаго знанія, коренной источникъ всѣхъ чело-вѣческихъ дѣй-ствій, чело-вѣческаго поведенія. Неразрѣшимость многихъ такихъ вопросовъ, по крайней мѣрѣ, при существующемъ уровнѣ чело-вѣческихъ знаній, повергала Е. П. въ уныніе, подчасъ въ от-чаяніе, а это, въ связи съ природной энергіей и неугомонностью ума, служило стимуломъ къ дальнѣйшей работѣ мысли, къ даль-нѣйшимъ поискамъ истины.

Широко ставя задачу самообразованія и выработки широ-каго научнаго міросозерцанія, Е. П. считала необходимостью са-мое всестороннее знакомство съ интересовавшими ее обществен-ными науками въ широкомъ смыслѣ этого слова, а богатые умственные способности давали полную къ тому возможность. Принявшись, напримѣръ, за изученіе исторіи, Е. П. пришла къ убѣжденію въ необходимости предварительнаго ознакомленія съ нѣкоторыми юридическими науками, и, по ея инициативѣ, молодой юристъ Н. Д. Сергѣевскій, нынѣ профессоръ Петербургскаго университета, въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ читалъ для Е. П. и 8-ми ея товарокъ лекціи по уголовному судопроизводству; пред-полагалось выслушать такой же курсъ по гражданскому судо-производству отъ другого юриста, Фаворскаго, но эти лекціи не состоялись.

Нужно замѣтить при этомъ, что при всей интенсивности чи-сто интеллектуальной жизни, Е. П. по натурѣ своей не могла быть тѣмъ, что называется „синимъ чулкомъ“. Евгенія Павловна съ такой же стремительностью предавалась по временамъ ве-селью, какъ и работѣ, при чемъ веселье ея было заразительно и увлекало окружающихъ. Вообще даровитая, живая, симпатич-ная натура Е. П. создала ей массу друзей и поклонниковъ, какъ среди женской, такъ и мужской молодежи. Въ числѣ наиболѣе близкихъ друзей былъ студентъ-медикъ Павелъ Николаевичъ Сере-брениковъ. Вскорѣ они полюбили другъ друга и въ 1876 году повѣнчались.

Въ апрѣлѣ 1877 года началась русско-турецкая война, по-требовалась организція медицинской помощи. Медицинская мо-лодежь дружно откликнулась на призывъ къ работѣ на полѣ

битвы. Отправились на войну и супруги Серебренниковы—Павель Николаевичъ въ качествѣ врача „ускореннаго выпуска“, а Евгенія Павловна студенткой 5-го курса. Болѣе или менѣе подробныхъ свѣдѣній о дѣятельности Е. П. на войнѣ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ; извѣстно только, что кромѣ медицинской дѣятельности Е. П. пришлось принимать участіе и въ самой организаціи дѣла; такъ, ей приходилось исполнять разныя порученія главнаго уполномоченнаго Краснаго Креста П. А. Рихтера, что было связано съ неоднократными поѣздками въ Константинополь, Санъ-Стефано и другія мѣста военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, прежде окончанія еще ученія, Е. П. уже имѣла возможность принять участіе въ общественной работѣ, и, несомнѣнно, война была для нея практической школой для будущей общественной дѣятельности, для знакомства съ людьми не по книжкамъ, а въ жизни ¹⁾.

Въ сентябрѣ 1878 г. Серебренниковы возвратились въ Петербургъ, и Е. П. принялась за подготовку къ выпускнымъ экзаменамъ. По окончаніи курса въ 1879 году Е. П. вмѣстѣ съ мужемъ вернулась на ихъ общую родину—Ураль. П. Н. получилъ здѣсь мѣсто заводскаго врача въ Нижне-Салдинскомъ заводѣ, гдѣ Серебренниковы оба работали въ заводской больницѣ. Энергическая дѣятельность и любовное отношеніе къ людямъ быстро создаютъ популярность врачамъ Серебренниковымъ, и эта популярность до нѣкоторой степени удовлетворяетъ ихъ общественнымъ стремленіямъ, хотя студенческія мечты о сліяніи съ народомъ такъ же быстро разрушаются дѣйствительной жизнью. (Смотри ниже письмо Е. П. къ А. В. Кролюницкому).

Въ 1881 г. Павель Николаевичъ Серебренниковъ былъ приглашенъ на вновь открывшуюся должность городского врача въ г. Ирбитѣ. Нужно замѣтить, ирбитчане знали Серебренниковыхъ еще ранѣе, во время ихъ студенчества, когда они пріѣзжали изъ Петербурга въ Ирбитъ къ родственникамъ Евгеніи Павловны на каникулы.

Здѣсь Серебренниковымъ открывается болѣе широкое поле для общественной работы. Въ этомъ же 1881 г., по инициативѣ весьма энергичнаго и разумнаго городского головы А. Г. Хи-

¹⁾ При всякой общественной работѣ неизбежны личныя столкновенія и недоразумѣнія; не избѣжала ихъ и Е. П., по крайней мѣрѣ нѣкій врачъ М., узнавъ о намѣреніи издать сборникъ въ память Е. П., обратился съ письмомъ къ издателямъ сборника, проникнутымъ ненавистью и злобой по адресу покойной; эту злобу г. М. 30 лѣтъ тайлъ въ своемъ сердцѣ и въ дневникѣ, который онъ угрожаетъ опубликовать.

трова ¹⁾), возобновляетъ свои дѣйствія городская санитарная коммиссія, которая затѣмъ соединяется съ уѣздной коммиссіей; въ этой соединенной коммиссіи Е. П. избирается секретаремъ. Начинается энергичное изученіе санитарныхъ условій города и уѣзда; Е. П. изслѣдуетъ совмѣстно съ военнымъ врачомъ И. М. Потѣхинымъ (также въ настоящее время уже умершимъ) воду рѣкъ и колодцевъ г. Ирбита ²⁾), участвуетъ въ санитарной переписи города и т. д.

Въ то же время при земской управѣ, по инициативѣ служившаго въ Ирбитскомъ земствѣ извѣстнаго земскаго работника врача И. И. Моллесона, организуется „врачебный совѣтъ“, который вѣдаетъ медицинское дѣло въ уѣздѣ, и Серебренниковы принимаютъ въ немъ очень дѣятельное участіе при разработкѣ земско-медицинскихъ вопросовъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Ирбитъ (въ январѣ 1881 г.) Е. П. избираютъ на должность представительницы мѣстнаго попечительства о бѣдныхъ, которую она съ обычной для нея энергіей исполняетъ до самаго отъѣзда изъ Ирбита (въ іюлѣ 1883 г.).

Но не одна, такъ сказать, официально-общественная дѣятельность занимала умъ и энергію Е. П. При оцѣнкѣ дѣятельности провинціального интеллигентнаго работника необходимо имѣть въ виду не только общественную работу, приуроченную къ тому или другому обществу, къ той или иной профессіи, но еще болѣе личное воздѣйствіе на окружающую среду. Это непосредственное, не приурочиваемое ни къ какой опредѣленной общественной организаціи вліяніе имѣетъ громадную цѣнность въ смыслѣ умственного и нравственного подъема провинціального общества. И въ этомъ отношеніи общественныя заслуги Серебренниковыхъ и въ частности Е. П. стоятъ внѣ всякихъ сомнѣній. Около нихъ (какъ въ Ирбитѣ, такъ впослѣдствіи и въ Перми) всегда группировались лучшіе, наиболѣе отзывчивые общественные элементы. Разностороннее образованіе, начитанность, прочно установившіеся широкіе взгляды на явленія общественной жизни, умѣніе ясно и доказательно излагать эти взгляды—вотъ та почва, на которой создалось весьма полезное интеллектуальное вліяніе Е. П. на окружающихъ и, въ особенности, на молодежь. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій для такого вліянія являлось также умѣніе Е. П. подойти къ внутреннему міру каждой сталкивающейся съ нею личности, разыскать въ ней живую струю, создать почву

¹⁾ Теперь уже умершаго.

²⁾ Смотри Дневникъ Казанскаго Общества врачей, 1884 г. №№ 7, 8 и 9.

для взаимнаго духовнаго единенія. Скоро квартира Серебренниковыхъ сдѣлалась умственнымъ центромъ, къ которому тяготѣла мѣстная интеллигенція какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ.

Лѣтомъ въ 1883 г. въ Ирбитѣ происходилъ учительскій съѣздъ подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Н. Ф. Бунакова. Помѣщаемыя ниже воспоминанія г. Бунакова рисуютъ намъ Серебренниковыхъ дѣятельными участниками съѣзда, гдѣ П. Н. читаетъ лекціи по школьной гигиенѣ, а Е. П., вращаясь въ средѣ учительства, вноситъ въ эту среду атмосферу живой, свѣтлой мысли, при чемъ возбуждаемая ею бесѣды и взаимное общеніе, по свидѣтельству Н. Ф. Бунакова, являлись превосходной подготовкой къ педагогическимъ совѣщаніямъ.

Но разносторонняя виѣпрофессіональная общественная дѣятельность Е. П. отнюдь не мѣшала ей заниматься своей спеціальностью — медициной, и городская дума нашла справедливымъ назначить ей особое вознагражденіе за подачу бесплатной медицинской помощи городскому населенію.

Сталкиваясь съ разнообразными человѣческими недугами сначала въ Нижне-Салдинскомъ заводѣ, а затѣмъ въ Ирбитѣ, Е. П. пришла къ мысли о необходимости специализироваться въ глазныхъ болѣзняхъ. Очевидно, мысль эта возникла у ней въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Пермская губернія, по числу слѣпыхъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Осенью 1883 г. Серебренниковы уѣхали въ Петербургъ — Павелъ Николаевичъ сдавать докторскій экзаменъ и заканчивать докторскую диссертацию: „Медико-топографическое описаніе г. Ирбита“, а Евгенія Павловна изучать глазныя болѣзни.

Здѣсь Е. П. поступила сначала сверхштатнымъ ординаторомъ въ глазную клинику Медицинской Академіи, которой завѣдывалъ профессоръ В. И. Добровольскій; затѣмъ перешла въ глазную лѣчебницу профессора И. Х. Магавли и здѣсь работала подъ руководствомъ доктора, впослѣдствіи профессора Г. А. Донберга; въ то же время Евгенія Павловна вела глазную амбулаторію при Общинѣ св. Георгія, гдѣ черезъ ея руки прошли тысячи больныхъ, и производила домашній пріемъ больныхъ у доктора Донберга. Въ 1885 г. Серебренниковы вернулись на Уралъ и поселились въ Перми, гдѣ Е. П. въ августѣ 1885 г. открыла, съ разрѣшенія губернской земской управы, амбулаторный пріемъ больныхъ глазными болѣзнями при губернской больницѣ. Потребность въ глазномъ специалистѣ не замедлила обнаружиться съ полной очевидностью, и въ первые же четыре мѣсяца Е. П. приняла 673 больныхъ. Въ виду этого первое же губернское зем-

ское собраніе постановило открыть при больницѣ глазное отдѣленіе, ординаторомъ котораго была приглашена Е. П., въ каковой должности она и состояла до конца своей жизни. Въ теченіе 10 лѣтъ Е. П. принято больныхъ болѣе тридцати тысячъ чело-вѣкъ, было сдѣлано 6305 глазныхъ операцій, при чемъ по-мощью Е. П. пользовались не только жители Пермской губер-ніи, но и сосѣднихъ губерній—Вятской, Тобольской, Уфимской, Оренбургской и т. д.

Въ 1891 г. для освѣженія и пополненія своихъ знаній Е. П. ѣздила за границу, гдѣ послѣдовательно занималась въ Берлинѣ у профессора Шеллера, въ Висбаденѣ у д-ра Поггенштекера, въ Парижѣ у профессоровъ Веккера и Абади, у Ландольта и д-ра Труссо. Вмѣстѣ съ тѣмъ за границей Евгенія Павловна озна-комилась со многими школами и пріютами для слѣпыхъ, что въ послѣдствіи принесло немалую пользу для правильной поста-новки пермскаго училища слѣпыхъ дѣтей, открытаго при бли-жайшемъ участіи Евгеніи Павловны въ 1886 году.

Вскорѣ отчеты о дѣятельности Евгеніи Павловны, помѣщав-шіеся во „Врачѣ“ и въ „Вѣстникѣ Офтальмологіи“, сдѣлали имя Евгеніи Павловны извѣстнымъ въ средѣ специалистовъ и поста-вили ее въ ряду выдающихся дѣятелей въ области практической офтальмологіи (списокъ печатныхъ трудовъ Евгеніи Павловны помѣщается ниже). Однако это не сдѣлало изъ нея узкаго спе-ціалиста. Евгенія Павловна была и осталась сторонницей широ-кихъ взглядовъ на общественныя задачи медицинской дѣятель-ности. Она всегда принимала живое и дѣятельное участіе въ обсужденіи земско-медицинскихъ вопросовъ на съѣздахъ земскихъ врачей Пермской губерніи, участвовала почти во всѣхъ пирогов-скихъ съѣздахъ врачей, при чемъ на VI съѣздѣ въ Кіевѣ была избрана на одномъ изъ засѣданій глазной секціи почетной пред-сѣдательницей. Насколько Евгенія Павловна стремилась возможно шире раздвинуть рамки вліянія медицины, видно изъ того, что на VI съѣздѣ врачей Пермской губерніи она внесла предложеніе, мотивированное съ точки зрѣнія народнаго здравія, ходатайство-вать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Ея же инициативѣ, по словамъ доктора Жбанкова ¹⁾, принадлежит и возбужденіе во-проса о тѣлесномъ наказаніи на кіевскомъ съѣздѣ врачей.

Не удовлетворяясь одной медицинской дѣятельностью, Евге-нія Павловна участвовала въ разнообразнѣйшихъ общественныхъ начинаніяхъ. Такъ, она состояла бесплатнымъ преподавателемъ

¹⁾ Смори ниже: „Голосъ земства о тѣлесномъ наказаніи“.

фельдшерской школы, принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго отдѣленія попечительства о слѣпыхъ, работала въ пермскомъ экономическомъ обществѣ, участвовала въ устройствѣ общедоступныхъ спектаклей, литературныхъ вечеровъ, публичныхъ лекцій, являлась лекторомъ на народныхъ чтеніяхъ ¹⁾ и т. д. Евгенія Павловна, какъ уже упоминалось выше, всегда стояла въ центрѣ многочисленнаго, болѣе или менѣе сплоченнаго кружка, — вліяніе же ея, какъ интеллигентной силы, распространялось далеко за предѣлы этого кружка, захватывая людей разныхъ состояній и взглядовъ.

Умѣнье при столкновеніяхъ съ людьми обнаруживать въ душѣ каждого человѣка, въ которомъ сохранились хотя бы проблески живой, сколько-нибудь дѣятельной духовной личности, лучшія и цѣнныя для общества свойства, умѣнье, обусловливаемое съ одной стороны вдумчивымъ, внимательнымъ отношеніемъ къ внутренней жизни каждого человѣка, а съ другой — разносторонностью умственныхъ интересовъ, давало возможность Евгеніи Павловнѣ, не поступаясь своими убѣжденіями и не потворствуя царствующему въ большой публикѣ индифферентизму, привлекать къ себѣ людей всевозможныхъ направленій, создавать нейтральную почву для группировки разнообразѣйшихъ общественныхъ элементовъ, вызывать всеобщее сочувствіе ко всѣмъ общественнымъ начинаніямъ, въ которыхъ она являлась или инициаторомъ, или дѣятельнымъ участникомъ. Живость натуры, умъ, сердечныя отношенія къ людямъ, обширныя познанія, умѣнье проводить свои взгляды въ жизнь примѣнительно къ данному случаю, природный тактъ, талантливость натуры — все это въ совокупности создало огромную популярность Е. П. въ Пермскомъ краѣ.

При иныхъ условіяхъ общественной жизни популярность эта, несомнѣнно, распространилась бы гораздо шире, такъ какъ Е. П. имѣла все нужное для того, чтобы быть крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Отзывчивость, способность горячо увлекаться идеей и увлекать ею другихъ, настойчивость въ проведеніи своихъ взглядовъ, незаурядный организаторскій талантъ, личное обаяніе давали всѣ условія для болѣе широкаго общественнаго вліянія.

Въ еженедѣльные пріемные дни („среды“) въ квартирѣ Серебренниковыхъ собиралось многочисленное общество, крайне разнообразное по состоянію и официальному положенію. Здѣсь деба-

¹⁾ Зимой 1895/6 года ея былъ прочитанъ для народа систематическій курсъ русской исторіи.

тировались тѣ или иные общественные, литературные, научно-философскіе вопросы, прочитывались выдающіяся статьи изъ журналовъ или газетъ, обсуждались текущіе факты общественной жизни, возникали и разрабатывались различные планы и проекты, изъ которыхъ многіе впоследствии осуществлялись... Вечера эти почти всегда были крайне оживленны, интересны; у всѣхъ присутствующихъ чувствовалось особенно повышенное настроеніе и всякій сознавалъ цѣнность и необходимость для всесторонняго человѣческаго существованія той умственной и нравственной атмосферы, которую вносили въ жизнь супруги Серебренниковы. Вѣроятно каждый, кому приходилось бывать на этихъ вечерахъ, сохранить память о нихъ въ числѣ лучшихъ своихъ воспоминаній.

Иногда вечера разнообразились музыкой и пѣніемъ; карты, этотъ неизбѣжный спутникъ всякихъ провинціальныхъ собраний, здѣсь абсолютно отсутствовали, и никто по нимъ не скучалъ. Общественные интересы и кипучая общественная жизнь не мѣшали Е. П. обращать серьезное вниманіе на воспитаніе своего сына, появленіе котораго въ 1891 году пополнило пробѣлъ въ семейной жизни супруговъ и дало удовлетвореніе одной изъ интенсивнѣйшихъ потребностей человѣческаго сердца — любви къ дѣтямъ.

Такимъ образомъ, широкая и разносторонняя общественная дѣятельность, семья, многочисленные друзья,—все, казалось, давало право не думать о близкомъ концѣ этой плодотворной жизни. Но... быть можетъ, въ этой кипучей и разнообразной дѣятельности, по догадкѣ старшаго врача губернской земской больницы В. М. Виноградова, высказанной имъ въ надгробной рѣчи на похоронахъ Евг. П.—ны, и слѣдуетъ искать зерно ея болѣзни.

Уже зимой 1895/6 года начали замѣчаться нѣкоторые признаки болѣзненнаго состоянія Е. П.: малокровіе, упадокъ силъ, нервность, головныя боли; осенью 1896 г. признаки эти усилились, Е. П. продолжала худѣть, головныя боли сдѣлались страшно мучительными. Иногда Е. П. чувствовала такую слабость, что при обходѣ глазного отдѣленія больницы должна была нѣсколько разъ отдыхать.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1897 г. Е. П. наконецъ слегла въ постель и болѣзнь пошла быстрыми шагами, выражаясь сначала невыносимыми болями въ головѣ, желудкѣ, рвотой, прогрессирующимъ упадкомъ силъ, а затѣмъ тяжелыми истеро-эпилептическими припадками съ потерей сознанія, быстро подрывавшими силы больной.

13 апрѣля Е. П. впала въ безсознательное состояніе; всякая надежда на благопріятный исходъ болѣзни исчезла, а въ 10 часовъ утра 19 апрѣля 1897 г. наступилъ печальный конецъ — цѣнная для общества жизнь угасла...

Похороны Е. П. напомнили пермскому обществу о такихъ же похоронахъ, бывшихъ въ 1835 г., доктора-филантропа Теодора Христіановича Граля; теперь такъ же, какъ и тогда, по справедливому выраженію одной изъ надгробныхъ рѣчей, собрались надъ могилой всѣ богатые и бѣдные, знатные и простые, горожане и крестьяне, старые и малые, люди всѣхъ званій, состояній...

Быть можетъ, русская женская молодежь найдетъ въ личности покойной, памяти которой посвящается настоящій сборникъ, ободряющій для себя примѣръ цѣнной для общества женской общественной работы, который придастъ ей лишнюю каплю энергіи, необходимой для выполненія поставленныхъ ею для себя общественныхъ задачъ.

Мы же, которые имѣли возможность лично знать покойную и непосредственно наблюдать и чувствовать ея благотворное вліяніе на общество, можемъ засвидѣтельствовать словами одной телеграммы, полученной въ день похоронъ Е. П., что „она всегда будетъ жива въ сердцахъ всѣхъ ее знавшихъ“.

С. Удинцевъ.

ЮНОШЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Веночка Солоникина).

Двадцать, двадцать пять лѣтъ—небольшое время для исторіи, но для отдѣльнаго человѣка очень много. Быстро старѣются люди, блекнутъ краски и прежнее—близкое, дорогое—становится чуждымъ. Состарился и я. О многомъ забылъ, о многомъ пересталъ думать. Вѣсть о смерти Е. П. Серебренниковой (Солоникиной) разбудила уснувшія воспоминанія и воскресила въ памяти рядъ почти забытыхъ картинъ. Конечно, отрывочныя воспоминанія изъ юношеской жизни ничѣмъ не замѣчательнаго человѣка имѣютъ мало общаго значенія; но, можетъ быть, ихъ не безъ интереса прочтутъ тѣ, кому дорога память покойной.

Окончивъ въ 1872 году курсъ университета, я въ теченіе трехъ лѣтъ оставался въ Петербургѣ, приготавлиаясь къ экзамену на ученую степень. Жилось по-студенчески—съ малыми заботами, съ еще меньшими средствами, но съ большими идейными, если можно такъ выразиться, увлеченіями. Въ тотъ годъ открылись высшіе женскіе медицинскіе курсы; много наѣхало барышень изъ разныхъ угловъ Россіи; пріѣзжали онѣ въ теченіе всей зимы для подготовки и поступленія въ слѣдующемъ году. Мы—интеллигентная молодежь—принимали ихъ радостно и съ величайшимъ уваженіемъ, всячески помогали имъ устроиться, снабжали книгами, готовили къ повѣрочному экзамену. Поджидалъ и я одну такую же барышню изъ Екатеринбурга, которую, по просьбѣ знакомыхъ, долженъ былъ принять на первое время подъ свое покровительство.

— Здѣсь живетъ „такой-то?“ — услыхаль я однажды юный, почти дѣтскій голосъ въ прихожей, произносившій мое имя. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату бойко, постукивая каблучками, вошла небольшого роста, очень молоденькая дѣвушка, скромно одѣтая, съ прекрасными темными, необыкновенно ясными и живыми глазами. Она вошла и разомъ сконфузилась.

— Вамъ говорили обо мнѣ... вотъ я пріѣхала... посоветуйте... мнѣ нужно много заниматься, — растерянно произносила гостя, а я стоялъ и невольно улыбался, всматриваясь въ ея глазки.

— Да кто вы такая? Какъ ваша фамилія?

— Ахъ, фамилія... фамилія у меня очень смѣшная; впрочемъ, надѣюсь, это безразлично. — И лицо ея вдругъ сдѣлалось совершенно серьезнымъ и даже строгимъ. — Моя фамилія Солонинина.

— Солонинина, Евгенія Павловна? Очень радъ, я давно васъ поджидаю.

Черезъ пять минутъ мы дружески и запросто бесѣдовали. Маленькая, кругленькая, необыкновенно подвижная фигурка Евгеніи Павловны производила очень симпатичное впечатлѣніе; смуглое съ неправильными чертами личико оживлялось такимъ глубокимъ, выразительнымъ взоромъ, что казалось положительно красивымъ. Она мало рассказывала о себѣ; все спрашивала и спрашивала. Ей все хотѣлось знать, всему научиться, все понять. Вопросы, мысли, соображенія, иногда очень оригинальные и смѣлые, такъ и сыпались. Незамѣтно пролетѣли нѣсколько часовъ, и мы разстались друзьями, отложивъ до завтра самое главное: пріисканіе жилища, устройство пропитанія и занятій для подготовки къ экзамену.

Настроенія тогдашней петербургской учащейся молодежи были очень разнообразны и пестры. Тогда нарождалось, въ мирныхъ еще формахъ, такъ называемое народничество или „хождение въ народъ“ съ мирными просвѣтительными цѣлями; продолжалась унаслѣдованная отъ шестидесятыхъ годовъ борьба съ „сѣмейнымъ деспотизмомъ“, доходившая до примѣненія комическаго средства „фигтивныхъ браковъ“; тогда сильно занималъ молодыхъ головы вопросъ: приносить ли прогрессъ человѣчеству счастье и „нужна ли наука“ для этого счастья, — вопросъ, за которымъ ясно выдвигалась „теорія опрощенія“. Организанія труда (всякаго) на артельныхъ началахъ тоже почему-то считалась однимъ

изъ краугольныхъ камней общаго счастья. Бакунинская программа анархизма пугала и привлекала многихъ; произносились фразы: „тѣмъ хуже, тѣмъ лучше“, и рядомъ съ этимъ горячо проповѣдывалась всякая помощь „нуждающимся братьямъ“... Конечно, каждое поколѣніе переживаетъ періодъ увлеченій, и всегда образованная молодежь будетъ волноваться и увлекаться разными вопросами и общественными проблемами. Но едва ли разнообразіе и, главное, взаимное противорѣчіе этихъ вопросовъ и проблемъ, при быстрой смѣнѣ однихъ другими въ однихъ и тѣхъ же кружкахъ, достигали когда-либо такихъ размѣровъ. Однако, надъ всей этой калейдоскопической пестротой царило одно настроеніе: стремленіе къ чтенію серьезныхъ книгъ, которыя должны были дать отвѣтъ на всѣ вопросы жизни. Въ университетѣ это былъ періодъ значительнаго ослабленія систематическихъ занятій и время большой небрежности въ посѣщеніи лекцій; но всѣ много читали или дѣлали видъ, что читаютъ, а еще болѣе разговаривали на научныя темы.

Надо сказать правду, это стремленіе къ серьезному чтенію во многомъ поддерживалось и создавалось именно барышнями-медицинками, студентками, какъ ихъ называли. Онѣ много читали, увлекались, конечно, по преимуществу общими вопросами соціальной жизни; устраивали кружки для чтенія, маленькія научно-литературныя вечеринки; читали безъ разбора, безъ системы, безъ надлежащей подготовки, перебрасываясь съ вопроса на вопросъ; не докончивъ одной книги, принимались за другую, — все это выходило довольно безтолково, но дѣлалось отъ души и вполне добросовѣстно. Какъ сдѣлать голоднаго сытымъ, глупаго умнымъ, больного здоровымъ, несчастнаго счастливымъ? Какъ, — этого никто не могъ сказать, но всѣ были увѣрены, что они могутъ это сдѣлать, лишь бы найти въ книгѣ соотвѣтствующую программу.

Евгенія Павловна очень быстро освоилась съ петербургскою жизнью, завела много знакомствъ не только съ молодежью, но и съ людьми старѣйшаго возраста. Она всѣмъ нравилась и легко становилась въ добрыя, дружескія отношенія. Общее расположеніе къ ней выражалось между прочимъ тѣмъ, что почти никто изъ близкихъ знакомыхъ не звалъ ее полнымъ именемъ; и за глаза, и въ глаза мы называли ее „Веночка“ — оригинальное ласкательное отъ Евгеніи. Такъ звали ее дома, въ семьѣ. А что касается до разнаго рода „вопросовъ“, которыми наполнены были молодыя головы, то тутъ Евгенія Павловна плавала какъ рыба

въ водѣ. Придетъ, бывало, озабоченная, серьезная и, не успѣвши поздороваться, требуетъ:

— Назовите хорошую книгу по такому-то вопросу; расскажите, что вы знаете о томъ-то, какъ объяснить то-то. — И не дай Богъ отвѣтить отказомъ, сказать: не знаю. Огорчится, разсердится: — Ничего-то вы не знаете, ничѣмъ не интересуетесь... „Полно, скажешь, Веночка, развѣ можно все знать и всѣмъ одинаково интересоваться? Подождите, я найду вамъ книгу, поговорю со специалистами“. Вздохнетъ, задумается, а черезъ минуту и развеселится. Веселье ея было заразительное. Остроты, шутки, смѣхъ, самыя дѣтскія шалости были забавны, но ни для кого не обидны. Разбрасаетъ, бывало, книги, опрокинетъ чернильницу, рассыплетъ табакъ и убѣжитъ. Случалось мнѣ съ Веночкой просиживать цѣлые вечера за серьезными разговорами; случалось расходиться во взглядахъ и мнѣніяхъ; случалось, говоря попросту, даже браниться. Но наши простыя дружескія отношенія не измѣнялись.

Родственниковъ у меня въ Петербургѣ не было. Вслѣдствіе этого за всѣ семь лѣтъ, проведенныхъ мною въ Петербургѣ отъ поступленія въ университетъ и до отъѣзда на службу въ провинцію, я почти не имѣлъ знакомствъ въ семейныхъ домахъ. Черезъ товарищей-студентовъ я познакомился съ семействомъ писательницы Н. А. Бѣлозерской и съ ея дядею, нынѣ уже умершимъ, Н. И. Катенинымъ. Въ этихъ двухъ домахъ я былъ принятъ какъ родной. О Николаѣ Ивановичѣ Катенинѣ не могу не сказать нѣсколькихъ словъ. Инженеръ-технологъ по специальности, бывшій когда-то преподавателемъ Лѣсного Института, человѣкъ если не богатый, то вполне обеспеченный, онъ давно уже оставилъ государственную службу и, занимая должность уѣзднаго предводителя дворянства, жилъ лѣтомъ въ своемъ имѣніи, а зимою въ Петербургѣ съ дочерью и племянницей. По своимъ убѣжденіямъ, образованію и внутреннимъ свойствамъ Катенинъ вполне принадлежалъ къ лучшимъ „людямъ сороковыхъ годовъ“. Близкій пріятель Шевченко и Костомарова, онъ свято чтилъ память перваго и относился съ нѣжною предупредительностью къ послѣднему. Когда-то Шевченко написалъ масляными красками (довольно впрочемъ плохо) портретъ Катенина и подарилъ ему. Гдѣ находится теперь этотъ портретъ, я не знаю; но Н. И. Катенинъ берегъ его какъ зѣницу ока. Хранилъ онъ также какую-то книгу, подаренную Шевченко (какую именно, не помню) съ собственноручною надписью: „Чистому

сердцемъ Н. И. Катенину“. Николай Ивановичъ былъ дѣйстви-
тельно чистый сердцемъ, въ полномъ значеніи этого слова, безъ
малѣйшаго пятнышка. Велъ жизнь онъ очень оригинальную. Это
была какая-то смѣсь широкихъ барскихъ замашекъ съ спартан-
скою простотою. Держалъ отличнаго повара, но хорошее вино
считалъ непозволительною роскошью; не могъ обходиться безъ
лакея, но ѣздилъ всегда въ 3-мъ классѣ, притомъ большею частью
усаживался вмѣстѣ со своимъ лакеемъ и всю дорогу запросто
съ нимъ разговаривалъ.

Отношенія Катенина къ молодежи были проникнуты беско-
нечной добротою. Съ людьми своего возраста онъ почти не схо-
дился, если не считать Костомарова, но охотно проводилъ время
въ обществѣ студентовъ и ученыхъ барышенъ. Онъ часто навѣ-
щалъ своихъ молодыхъ друзей, приглашалъ ихъ къ себѣ и кор-
милъ не роскошными, но здоровыми и изобильными обѣдами;
участвовалъ въ бесѣдахъ и спорахъ, поражая иногда широкою
начитанностью и глубиною здраваго смысла. А главное, помо-
галъ въ нуждѣ деньгами и при этомъ зналъ, когда помочь и
какъ помочь, чтобы не задѣть молодого самолюбія. „Бывало въ
старое время, — говаривалъ онъ, — дасть богатый бѣдному рубль,
да за этотъ рубль вдоволь надъ нимъ поломаются; теперь, слава
Богу, не то: дашь рубль, да скажи спасибо, что взяли“. Меня
Николай Ивановичъ очень любилъ, а я и до сихъ поръ ставлю
себѣ въ особую честь его расположеніе. Немного встрѣчалъ я
въ своей молодости людей, воспоминаніе о которыхъ было бы
для меня такъ дорого, какъ память о Н. И. Катенинѣ, не го-
воря уже о чувствѣ благодарности за ту матеріальную помощь,
которую онъ мнѣ неоднократно оказывалъ.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ и несомнѣнномъ умѣ, Ни-
колай Ивановичъ отличался многими смѣшными чертами, впеча-
тлѣніе которыхъ еще усиливалось его наружностью. Выше сред-
няго роста, очень толстый, тяжелый, съ большою лысой головой,
онъ былъ совершенно несоотвѣтственно подвиженъ и быстръ въ
походкѣ, въ поворотахъ тѣла; широкое, съ признаками татар-
скаго происхожденія лицо украшалось жиденькой бородкой и
рыжими, короткими, торчащими усами. Лицо это, всегда добро-
душное и даже простоватое, легко принимало выраженіе самага
яростнаго гнѣва, при чемъ сильный голосъ переходилъ въ звѣро-
подобный ревъ, и тогда Николай Ивановичъ становился просто
страшенъ. Въ дополненіе ко всему этому Николай Ивановичъ
обладалъ особою мимическою способностью. Онъ умѣлъ строить
совершенно необычайныя гримасы, придавать лицу какое угодно

выраженіе и представлять лицомъ и всѣмъ своимъ огромнымъ тѣломъ разныя комическія, подражательныя фигуры. Онъ изображалъ такимъ образомъ своихъ знакомыхъ въ каррикатурномъ видѣ, извѣстныхъ актеровъ, статуи и, наконецъ, животныхъ, звѣрей и птицъ.

Однажды Катенинъ сидѣлъ у меня въ большомъ креслѣ (имѣ же подаренномъ). Пришла Веночка, возбужденная массою широкихъ вопросовъ неразрѣшимаго свойства. Не взирая на присутствіе незнакомаго ей человѣка, едва поздоровавшись, она оживленно заговорила, излагая свои недоразумѣнія и соображенія, которыя всѣ сводились къ вопросу о томъ, когда всякій голодный будетъ сытъ, а всякій злодѣй будетъ добродѣтеленъ. Катенинъ неподвижно сидѣлъ, наблюдая новую личность, и молчалъ. Но когда Веночка, заканчивая свои горькія рѣчи, воскликнула:—Да когда же это будетъ!—онъ громко, рѣшительно и совершенно серьезно отвѣтилъ: „Будетъ,—когда ракъ свистнетъ“. Веночка въ азартѣ не сообразила шутки, повернулась къ нему и, полнымъ жалобнаго недоумѣнія голосомъ, спросила:

— Ракъ, какой ракъ?

— Простой,—отвѣтилъ Катенинъ и вдругъ представилъ рака. Огромный ракъ сидѣлъ въ креслѣ и упирался, пятясь назадъ, какъ будто бы его тащили за усы. Веночка, широко раскрывъ глаза, медленно подошла къ нему и подняла руки, какъ бы защищаясь отъ чудовища. Наконецъ, всѣ расхохотались. Веночка развеселилась, забыла свои отчаянные вопросы, и мы всѣ втроемъ отправились пить чай къ Катенину.

Катенинъ очень полюбилъ Веночку, но считалъ ее личностью, которая съ трудомъ укладывается въ обыкновенныя житейскія рамки. „Найдетъ добраго мужа и такое дѣло, при которомъ всегда были бы заняты руки,—говорилъ онъ,—выйдетъ отличнымъ человѣкомъ, а нѣтъ—худо кончитъ“. Къ сожалѣнію, старикъ не дожилъ до того времени, когда его любимица нашла и добраго мужа, и такое дѣло, которое снискало ей общее уваженіе высокой степени.

Витая большею частью въ отвлеченностяхъ, озабоченные разрѣшеніемъ неразрѣшимыхъ вопросовъ, мы бывали счастливы чувствомъ удовлетворенности тогда, когда удавалось тѣмъ или другимъ способомъ дойти, на великомъ пути усовершенствованія человѣчества, до какой-либо программы, осуществимой нашими силами.

Въ большинствѣ случаевъ такія программы сводились къ разнаго рода опытамъ надъ собственной личностью. Тогда на-

чиналось „реальное дѣло“, съ увлеченіемъ, съ восторгомъ, съ полнымъ сознаниемъ собственного достоинства. Помню, однажды додумались или, лучше сказать, договорились до необходимости всячески ограничивать свои потребности въ пищу, въ одежду, въ обстановкѣ жилища, однимъ словомъ, во всемъ, что не „касается интеллекта“. Немедленно приступили къ подвигамъ. Веночка впереди всѣхъ. Съ полной добросовѣстностью подвергала она обсужденію всякую принадлежность своей небогатой обстановки и немедленно устраняла то, что казалось ей не безусловно необходимымъ. Между прочимъ мысль ея остановилась на калошахъ. — Зачѣмъ калоши? Тысячи людей ходятъ безъ калошъ. — Дѣло происходило на Литейномъ мосту; Веночка сняла свои теплые, резиновые ботинки, поставила рядышкомъ и пошла спокойно далѣе.

Нерѣдко приходилось слышать въ обществѣ осужденіе той свободы знакомствъ и взаимныхъ посѣщеній, которая господствуетъ среди учащейся молодежи — студентовъ и дѣвицъ. Не спорю, въ этой свободѣ или, вѣрнѣе сказать, простотѣ отношеній заключается, можетъ быть, нѣчто неблагоприятное. Но по совѣсти скажу, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по крайней мѣрѣ, въ наше время, за этой простотой не скрывалось ничего дурного. Барышни приходили къ намъ, просиживали вечера; мы навѣщали ихъ точно такъ же по-товарищески, и отношенія оставались совершенно чистыми, даже мыслей дурныхъ не возникало. Если и происходили изрѣдка уродливыя явленія въ сферѣ взаимныхъ отношеній двухъ половинъ человѣческаго рода, то причины такихъ явленій коренились не въ простотѣ отношеній. Тутъ дѣйствовали совсѣмъ особые увлеченія и ошибки.

Весною я обыкновенно перебирался на дачу и поселялся гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Петербурга въ деревнѣ, въ свободной избѣ у мужика или у нѣмца-колониста. Учащіеся барышни, студентки, частенько меня навѣщали, въ особенности въ маѣ мѣсяцѣ, съ единственною цѣлью подышать чистымъ воздухомъ. Нерѣдко мои гости оставались ночевать, устраиваясь гдѣ-нибудь въ чуланчикѣ, на хозяйской половинѣ, въ сосѣдней избѣ; случалось, что мнѣ самому приходилось убираться изъ своего помѣщенія и искать ночлега чуть не подъ открытымъ небомъ или у сосѣда, такого же одинокаго дачника, какъ и самъ. Всегда по этому поводу было много смѣха. Иногда, не забывая и въ ученомъ званіи обязанностей женщины въ домѣ, барышни принимались стряпать обѣдъ, а вѣжливый хозяинъ долженъ былъ ѣсть

всякую гадость, крѣпко сожалѣя въ душѣ о потраченныхъ на провизію деньгахъ; иногда предлагали свои услуги починить бѣлье и ради шутки зашивали наглухо рукава рубашекъ. Вообще въ такихъ случаяхъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь, обычаями дозволялось держать себя натурально и весело, соответственно возрасту, отложивъ въ сторону всѣ ученія и философскія настроенія. Въ послѣдній годъ пребыванія моего въ Петербургѣ я, въ половинѣ апрѣля, переселился къ нѣмцу-колонисту около Старого Петергофа. Комната во второмъ этажѣ избы — что-то среднее между мезониномъ и чердакомъ — представляла всѣ удобства: она дѣлилась перегородкой на двѣ части; оба окна выходили на крышу нижняго этажа, что давало возможность пользоваться этой крышей какъ балкономъ. Было холодно, сыро, грязно; на поляхъ лежалъ еще мѣстами снѣгъ. Лѣтній дешевый ресторанъ въ Петергофѣ еще не былъ открытъ; хозяйка-нѣмка готовить мнѣ обѣдъ отказалась и поэтому я запасаюсь разнымъ сухояденіемъ: колбасой, сыромъ, кренделями. Первый день прошелъ прекрасно. Но къ ночи пришла бѣда: крысы во множествѣ напали на мои припасы и оставили мнѣ только соръ и кусочки. Сходилъ въ городъ, купилъ новой провизіи и подвѣсилъ въ кулѣкѣ на веревкѣ къ потолку среди комнаты. Какъ только стемнѣло, крысы полѣзли изъ всѣхъ угловъ; добраться до кулѣка онѣ не могли, но подняли такую возню, что я не спалъ всю ночь: бѣгали, прыгали, визжали, дрались, вскакивали на кровать и вѣплялись въ одѣяло. Пришлось спать днемъ. Огорченный усѣлся я передъ сумерками на свой балконъ и думалъ горькую думу: какъ быть съ крысами? Хозяйка ничего умнаго посовѣтовать не могла. „Возьмите, говоритъ, большую палку и стучите всю ночь по полу“. Я подумалъ, что она не умѣетъ выражаться по-русски, заговорилъ съ нею по-нѣмецки; но она и по-нѣмецки сказала то же самое.

Не ждано, не гадало явилась Веночка. Внѣшній видъ ея и выраженіе лица ясно свидѣтельствовали о томъ, что она находится въ самомъ грустномъ, угнетенномъ настроеніи духа. Это съ ней изрѣдка бывало, какъ результатъ противорѣчія ея искренней, живой натуры съ тѣми отчаянными впечатлѣніями, которыя получались отъ углубленія въ неразрѣшимые вопросы. Какъ-то брезгливо поздоровавшись, Веночка заговорила: — Вы меня не звали, а я пріѣхала. Надоѣли мнѣ всѣ, опротивѣли; говорятъ, говорятъ, а сдѣлать ничего не могутъ. Знать ихъ больше не хочу. Уѣду домой, въ Екатеринбургъ, или утоплюсь. — Я молча слушала, такъ какъ очень хорошо понимала, кто ей опротивѣлъ

и надоѣлъ. Принялись пить чай. Веночка сидѣла нахохлившись и машинально пошевеливала ложечкой въ стаканѣ. Вдруг завопилась крыса. Веночка вздрогнула.—Это чтò такое?—Я разсказалъ свое горе. Веночка разомъ оживилась и говоритъ:—Я ихъ поймаю.—Развлеченіе было найдено. Вооружившись палкой и рѣшетомъ, моя ученая барышня до утра не ложилась спать и все ловила крысъ. Конечно, ни одной не поймала, но разве селась и отказаться отъ борьбы съ крысами не хотѣла.

Она отправилась съ хозяйкой въ Петергофъ и купила десятокъ мышеловокъ; вернулись онѣ друзьями, и началась война. Трое сутокъ провела у меня Веночка. Вдвоемъ съ хозяйкой онѣ разставляли мышеловки, разыскивали крысиные ходы и выходы, дежурили цѣлыя ночи и вышли побѣдителями, изловивъ болѣе сотни звѣрей. Хозяйка уносила ихъ куда-то, увѣряя, что она за крысы шкурки еще и деньги получить: „пять копѣекъ за одинъ“, объясняла она. Веночка уѣхала въ Петербургъ бодрая, живая, веселая и увезла съ собою одну изъ мышеловокъ съ маленькимъ мышенкомъ, котораго никакъ не хотѣла отдать хозяйкѣ на истребленіе.

Въ мое время еще сохранялись въ Петербургѣ такъ называемыя „общія квартиры“, столь мѣтко и зло осмѣяныя въ романѣ Лѣскова „Некуда“. Серьезнаго, „принципіальнаго“, какъ тогда выражались, значенія имъ никто не придавалъ; но квартиры существовали, и охотниковъ проживать въ нихъ было достаточно. Обыкновенно нанималась въ складчину гдѣ-нибудь въ захолустѣхъ недорогая квартира въ нѣсколько комнатъ и кое-какъ меблировалась разнымъ хламомъ. Все помѣщеніе дѣлилось на двѣ части — мужскую и женскую; средняя комната оставалась нейтральною, и сверхъ того оставлялось помѣщеніе для отдохновенія и ночлега случайныхъ посѣтителей. Иногда устраивалось общее хозяйство, завтракъ и обѣдъ; иногда же дѣло ограничивалось общимъ чаемъ, а обѣдали, кто какъ хотѣлъ и гдѣ хотѣлъ. Иногда нанималась прислуга; иногда, въ особенности когда не было общаго стола, обязанности прислуги исполнялись хозяйками по очереди, и тогда въ квартирѣ заводилась грязь и мерзость невообразимыя. Расходы покрывались равномерными взносами наличныхъ обитателей, при чемъ мебель и посуда, на чьи бы деньги онѣ ни были куплены, считались принадлежностью квартиры и всегда должны были оставаться при ней, несмотря на смѣну обитателей. Лица, не имѣвшія денегъ и заработка, къ уплатѣ своихъ частей въ общихъ расходахъ не принуждались.

Когда денежные дѣла квартиры приходили въ упадокъ, а это случалось довольно часто, такъ какъ всегда много оказывалось бѣдняковъ неплательщиковъ, тогда обращались къ общественной помощи въ такой формѣ: устраивалась вечеринка по подпискѣ, безъ опредѣленной цѣны, кто сколько дастъ. Собиралось въ этихъ случаяхъ народу множество; угощеніе подавалось самое скромное, а вся экономія обращалась на покрытіе дефицита и уплату долговъ квартиры. На вечеринкахъ бывало очень весело: и ученые разговоры водили, и пѣли, и танцевали, и музицировали, кто во что гораздъ. Квартиры именовались, обыкновенно, по названіямъ тѣхъ улицъ, въ которыхъ находились: Симбирская, Нижегородская и т. д.

Заниматься дѣломъ въ общихъ квартирахъ было очень трудно, такъ какъ и хозяева другъ другу мѣшали, а еще болѣе случайные посѣтителы. Эти послѣдніе являлись туда во всякое время дня и ночи—посидѣть, отдохнуть, поболтать, узнать новости и даже просто выпасться. Поэтому студенты и студентки, прилежно учившіеся или любившіе спокойное чтеніе, въ общихъ квартирахъ не жили, развѣ нужда и безденежье принуждали. Веночка тоже, несмотря на неоднократныя приглашенія, никогда не поселялась ни въ какой общей квартирѣ, но въ веселую минуту любила путешествовать изъ квартиры въ квартиру, въ сопровожденіи двухъ, трехъ пріятелей или пріятельницъ, производя своимъ появленіемъ всяческій переполохъ и вызывая всѣхъ къ веселію. Прибѣжить, бывало, вечеромъ и кричить: — Ъдемъ въ Симбирскую!—Отправляемся; по дорогѣ еще кого-нибудь захватимъ. Съ шумомъ и гамомъ, иногда и съ музыкой, вваливается компанія въ такое время, когда хозяева уже спать хотятъ. Веночку вездѣ любили и встрѣчали всегда съ удовольствіемъ. Подымается обычное веселье—смѣхъ, болтовня, запѣваютъ пѣсни. Мало-по-малу молодые головы разгораются, появляется вино. Веночкѣ это не нравится.—Ну, пьянство начнется,—шепчетъ она:—поѣдемъ въ Нижегородскую.—„Поздно, Веночка, вѣдь тамъ уже спать“.—Ничего, мы ихъ разбудимъ.

Помню, какъ я уѣзжалъ изъ Петербурга на службу въ провинцію. Предстояла долгая разлука, а со многими и навсегда. Наканунѣ отъѣзда собрался небольшой кружокъ ближайшихъ друзей. Принесли маленькіе подарки на память въ дальнюю до-

рогу — теплый пледъ, дорожную подушку, сумку для сигаръ. Пришла и Веночка; она тоже захотѣла подарить мнѣ что-нибудь на память: — Принесу, говоритъ, завтра прямо на вокзалъ, — и дѣйствительно, принесла пару теплыхъ перчатокъ, изъ которыхъ одну потеряла дорогой.

Н. Д. Васильевъ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ Е. П. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ.

Мое знакомство съ Евгеніей Павловной Серебренниковой, урожденной Солонининой, началось въ 1873 году и продолжалось до ея смерти въ 1897 году, несмотря на своеобразный характеръ нашихъ отношеній. Видѣлись мы крайне неравномѣрно: иногда почти ежедневно, какъ, напримѣръ, въ годы пребыванія Е. П. на Женскихъ Медицинскихъ курсахъ и въ зиму 1884—1885 гг., а затѣмъ только урывками или совсѣмъ не видѣлись въ теченіе многихъ лѣтъ. Но ни время, ни разлуки не нарушили нашихъ неизмѣнно добрыхъ отношеній и существовавшей между нами вполне дружеской связи. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе продолжительныхъ перерывовъ и случайности нашихъ свиданій, въ памяти моей не могло сохраниться ничего цѣльнаго и послѣдовательнаго о моемъ знакомствѣ съ Е. П. Поэтому въ настоящей замѣткѣ я могу только поручиться за правдивость и искренность всего рассказаннаго мною.

Въ январѣ 1873 года Е. П. Солонинина, окончивъ курсъ въ Екатеринбургской женской гимназій, впервые пріѣхала въ Петербургъ и по рекомендаціи Н. Д. Сергѣевского ¹⁾ явилась ко мнѣ съ просьбой дать ей необходимыя указанія для поступленія на Женскіе Медицинскіе курсы. Я сообщила ей, что мнѣ было извѣстно, но съ оговоркой, что она сама должна отправиться на курсы для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній и подачи прошенія. Мы разговорились, будто давно знали другъ друга. Е. П. очаровала меня съ перваго свиданія своимъ умомъ,

¹⁾ Н. Д. Сергѣевскій, окончивъ курсъ въ 1872 году, былъ оставленъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ въ настоящее время состоитъ профессоромъ уголовного права.

живостью и даже наружностью. Несмотря на неправильныя, почти некрасивыя черты лица, она мнѣ понравилась больше всякой красавицы, потому что такихъ привлекательныхъ, выразительныхъ глазъ, какіе были у Е. П. въ молодости, мнѣ не приходилось встрѣчать ни до этого, ни послѣ.

Вскорѣ Е. П. опять пришла ко мнѣ и сообщила съ глубокимъ огорченіемъ, что была на курсахъ ¹⁾, и узнала, что не можетъ поступить раньше будущаго года, такъ какъ на курсы не принимаютъ моложе 20 лѣтъ, а ей всего девятнадцать. При свойственной Е. П. впечатлительности, потеря одного года казалась ей особенно важной и приводила ее въ отчаяніе. Я утѣшила ее общаніемъ переговорить о ней съ начальницей курсовъ М. Гр. Ермоловой, которая была всей душой предана имъ и входила въ положеніе каждой изъ вновь поступавшихъ слушательницъ. Но при этомъ, въ виду новизны дѣла, устроеннаго цѣной столькихъ усилій на средства частнаго лица, и лежавшей на ней отвѣтственности, она строго придерживалась буквы устава. Однако, въ концѣ концовъ она уступила моимъ убѣжденіямъ, принявъ во вниманіе и недостаточность средствъ молодой дѣвушки, пріѣхавшей издалека. Быть можетъ, помогло отчасти и хорошее впечатлѣніе, произведенное на нее Евгеніей Павловой при личномъ свиданіи.

Такимъ образомъ, Е. П. Солонина была принята на курсы осенью 1873 года, и г-жѣ Ермоловой не пришлось раскаиваться въ сдѣланномъ для нея исключеніи. Успѣшныя занятія новой слушательницы весьма радовали ее, и она не переставала интересоваться судьбой Евгеніи Павловны даже и по окончаніи ея курса.

Мои личныя отношенія съ Е. П.—или „Веночкой“, какъ я привыкла называть ее во время ея пребыванія на Женскихъ Медицинскихъ курсахъ, становились все болѣе и болѣе близкими. Она часто бывала у меня, иногда и ежедневно, если ее занималъ какой-нибудь отвлеченный, трудно разрѣшимый вопросъ, который не давалъ ей покоя и она настойчиво добивалась его рѣшенія. Въ этихъ случаяхъ она оставалась у меня ночевать, и часто наша бесѣда длилась почти до разсвѣта. Однако, несмотря на безсонную ночь, Е. П. рано утромъ отправлялась на курсы пѣшкомъ со 2-ой линіи Васильевского острова на

¹⁾ Осенью 1872 года при Медико-Хирургической Академіи были открыты особые курсы для женщинъ, имѣющіе цѣлью подготовку такъ называемыхъ „ученыхъ акушеровъ“.

Выборгскую. Вообще, Е. П., довольно молчаливая утромъ, особенно оживлялась, какъ всѣ нервныя люди, съ наступленіемъ ночи и становилась краснорѣчивой. Увлеченіе, съ которымъ говорила Е. П., невольно сообщалось ея собесѣднику; и такъ какъ она часто спорила съ горячностью, и ни къ одному болѣе или менѣе серьезному вопросу не могла относиться спокойно или, вѣрнѣе, *безразлично*, то это производило подчасъ невыгодное для нея впечатлѣніе на незнакомыхъ людей и навлекало на нее упрекъ въ искусственности. Этотъ упрекъ кажется мнѣ до сихъ поръ, — какъ казался и прежде, — безусловно несправедливымъ, и обаяніе личности Е. П. заключалось, главнымъ образомъ, въ ея искренности и прямотѣ.

Е. П. въ эту раннюю пору своей жизни была начитана и развита не по возрасту; она приписывала свою любовь къ чтенію и развитіе вліянію русскаго учителя Екатеринбургской женской гимназіи, гдѣ она воспитывалась. Фамилію этого рѣдкаго педагога, къ сожалѣнію, не помню ¹⁾. Во всякомъ случаѣ вліяніе его здѣсь потому было особенно сильно и продуктивно, что встрѣтило благодарную почву. Е. П. принадлежала къ тѣмъ талантливымъ натурамъ съ сильнымъ воспріимчивымъ умомъ, которымъ легко дается то, что другимъ стоитъ долгихъ усилій и тяжелаго труда. Идеи, образы, смѣлыя гипотезы и широкія обобщенія быстро смѣнялись одни другими въ ея молодой головѣ. Она хорошо знала исторію, внимательно слѣдила за современными событіями по газетамъ, живо интересовалась новѣйшей литературой и поэзіей, успѣвала просматривать всѣ журналы. Отношеніе Е. П. къ искусству вообще и въ частности къ поэзіи было своеобразное: поэзія для поэзіи, красота формы, глубина чувства не производили на нее никакого впечатлѣнія; она прежде всего требовала отъ поэзіи той или другой идеи, живого отношенія къ общественной жизни и ея насущнымъ вопросамъ, понимала и цѣнила только поэта-публициста. Всякіе споры по этому поводу съ Е. П. были бесплодны и никакіе доводы не дѣйствовали на нее. Такія же требованія предъявляла она къ современной беллетристикѣ, которая, за немногими исключеніями, не удовлетворяла ее. Одну зиму, — если не ошибаюсь на второй годъ своего поступленія на курсы, — Е. П. серьезно занялась отыскиваніемъ талантовъ, исходя изъ того положенія, что крупныя таланты исчезаютъ одинъ за другимъ, а новыя не появляются, но что

¹⁾ Педагогъ этотъ А. В. Кролюницкій, воспоминанія котораго объ Е. П. Серебrenниковой печатаются въ настоящемъ сборникѣ.

они должны быть и надо ихъ найти. Задавшись этой мыслью, она шагъ за шагомъ слѣдила за текущей литературой, въ надеждѣ встрѣтить проблески новаго блестящаго таланта и то радовалась, то приходила въ отчаяніе.

Время отъ времени Е. П. являлась къ намъ съ радостнымъ лицомъ и торжественно заявляла, что скоро она прочтетъ намъ необыкновенно талантливое стихотвореніе или повѣсть и даже приведетъ съ собою автора (кого-либо изъ своихъ пріятельницъ или знакомаго юношу) и при этомъ съ настойчивостью заявитъ: „Вы обязаны поддержать молодой начинающій талантъ“.

Въ назначенный вечеръ устраивалось чтеніе. Но послѣ двухъ или трехъ такихъ вечеровъ мнѣ пришлось просить Е. П. на будущее время приносить намъ понравившіяся ей литературныя произведенія, не приводя съ собою ихъ авторовъ, для удобства критики, такъ какъ все до сихъ поръ прочитанное оказывалось полнѣйшей бездарностью. Е. П. вступала по этому поводу въ горячій споръ, уступала неохотно и наконецъ, мало-по-малу, убѣжденная приведенными доводами, стала сама добродушно смѣяться надъ своимъ увлеченіемъ. Тѣмъ не менѣе чтенія произведеній юныхъ авторовъ продолжались, и нѣкоторые изъ этихъ авторовъ, къ торжеству Евгеніи Павловны, оказались впослѣдствіи выдающимися талантами.

Однажды Е. П. уговорила меня отправиться съ нею къ ея пріятельницѣ Малиновской, также медицинской курсисткѣ, чтобы посмотрѣть сдѣланные ею рисунки и портреты. На этотъ разъ то, что я увидѣла, превзошло всѣ мои ожиданія, и я совершенно искренно выразила удивленіе, что при такомъ очевидномъ талантѣ можно было заниматься чѣмъ-либо, кромѣ живописи. Но Малиновская, крайне застѣнчивая и неувѣренная въ себѣ особа, повидимому, не придавала большого значенія своимъ произведеніямъ и была такъ убѣждена въ пользѣ и необходимости медицинскаго образованія, что только по окончаніи курса рассчитывала поступить въ академію художествъ.

Но не одни только таланты искала и находила Е. П. въ эту пору своей жизни. При ея необыкновенной живости и воспримчивости, она быстро переходила отъ одного увлеченія къ другому. Чѣмъ только ни увлекалась Е. П. и своей искренностью и горячностью ни увлекала окружающую ее молодежь. Одно время она пришла къ убѣжденію, что нельзя знать исторію безъ знакомства съ юридическими науками, собрала восемь слушательницъ и уговорила двухъ молодыхъ юристовъ: Фаворскаго и Н. Д. Сергѣевскаго читать имъ лекціи. Фаворскій долженъ былъ

читать гражданское судопроизводство, но ограничился одной лекціей. Н. Д. Сергѣевскій читалъ три раза въ недѣлю около четырехъ мѣсяцевъ. Е. П. закидывала его всевозможными вопросами, требуя на нихъ немедленно самыхъ положительныхъ отвѣтовъ. Въ пору увлеченія политическими и соціальными вопросами Е. П. являлась ораторомъ на болѣе или менѣе многочисленныхъ собраніяхъ молодежи, говорила цѣлыя рѣчи, распространялась о необходимости и важности реформъ, рѣшала судьбы Россіи. Иногда она неожиданно и круто прерывала дебаты, и по ея инициативѣ устраивалась общая пляска и пѣніе, и тогда среди говора и шума слышался ея веселый смѣхъ.

Въ своемъ отношеніи къ людямъ Е. П. отличалась рѣдкой терпимостью и доброжелательствомъ. Чуждая зависти, строгая къ себѣ, она нерѣдко находила у своихъ знакомыхъ несуществующія качества и небывалыя достоинства. Разумѣется, не было недостатка въ разочарованіяхъ, но Е. П. не любила распространяться на эту тему и въ самомъ непродолжительномъ времени опять увлекалась въ томъ же направленіи. Вообще, матеріальная сторона жизни не имѣла для нея значенія и она мало обращала вниманія на окружающее, но если судьба сталкивала ее съ дѣйствительностью, съ людскимъ горемъ и нуждой, то она спѣшила на помощь, не пускаясь въ праздные разсужденія. Приведу слѣдующій примѣръ: одна изъ пріятельницъ Е. П. вышла замужъ за такого же бѣдняка, какъ она сама, кажется, за студента. Не задаваясь мыслью о будущемъ, юная чета не тяготилась своимъ положеніемъ и жила кое-какъ, день за днемъ, какъ живетъ множество подобныхъ супружествъ. Но когда явилось на свѣтъ потомство, то въ домѣ не только оказалось полное отсутствіе денегъ, но даже не во что было завернуть маленькое существо, кромѣ бѣлыя родителей и пледа. По этому поводу Е. П. явилась къ намъ рано утромъ встревоженная, противъ обыкновенія, на извозчикѣ, тотчасъ же усадила меня и сестру шить дѣтское приданое и отправилась на лекціи съ общаніемъ пріѣхать за готовыми вещами.

Естественно, что при такомъ отношеніи къ людямъ Е. П. не могла пожаловаться на ихъ неблагодарность, имѣла много друзей или, вѣрнѣе, поклонниковъ и поклонницъ. Всего больше пріятельницъ у ней было, конечно, среди курсистокъ, и она считала своимъ долгомъ меня знакомить съ ними. Обыкновенно въ субботу вечеромъ она приводила съ собой двухъ или трехъ, и такъ какъ завязывались при этомъ безконечные разговоры, то всѣ онѣ оставались у меня ночевать. Разумѣется, объ удоб-

ствахъ не могло быть и рѣчи при квартирѣ изъ двухъ комнатъ, да никто изъ нихъ и не думалъ объ этомъ.

Весною 1876 года Е. П. все чаще и чаще въ разговорѣ со мной стала упоминать о своемъ знакомствѣ съ П. Н. Серебренниковымъ; говорила о свѣтлыхъ сторонахъ его личности, о его гуманномъ отношеніи къ людямъ. Она не уставала говорить о немъ, и хотя о любви не было сказано ни слова, но для меня было ясно, что она увлечена имъ совершенно. Впослѣдствіи, когда я ближе узнала Павла Николаевича, то поняла ея увлечение. Это былъ товарищъ и другъ, съ которымъ она могла идти рука объ руку до конца жизни; онъ вносилъ равновѣсіе въ ея порывистую, разбрасывающуюся натуру, не отвлекая въ то же время отъ стремленій ея къ общественной дѣятельности.

На лѣто мы разстались съ Е. П. и увидѣлись только осенью того же года, по возвращеніи въ Петербургъ, а затѣмъ, не помню какого числа и мѣсяца, я получила отъ Е. П. записку, въ которой она сообщала мнѣ, что выходитъ замужъ за П. Н. Серебренникова и приглашала на свадьбу. Къ сожалѣнію, какъ эта записка, такъ и другія письма ко мнѣ Е. П. не сохранились, — мнѣ, конечно, и въ голову не приходило, что я могу пережить Е. П.

На свадьбѣ Серебренниковыхъ я не была по нездоровью, поѣхала къ нимъ нѣсколько дней спустя и съ трудомъ нашла квартиру молодыхъ супруговъ въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Петербургской стороны. Квартира была вполне студенческая, изъ самыхъ бѣдныхъ, и состояла изъ двухъ небольшихъ комнатъ съ неприглядной обстановкой. Такая же обстановка бывала и послѣ у Серебренниковыхъ, когда они пріѣзжали въ Петербургъ на короткое или болѣе продолжительное время, если не оставались у брата Е. П. Они помѣщались, обыкновенно, въ самыхъ неудобныхъ меблированныхъ комнатахъ и дѣлали это не изъ скупости, — оба они не отличались расчетливостью, — а по равнодушію къ комфорту и другимъ матеріальнымъ благамъ жизни.

На другой годъ своего супружества, когда Е. П. была уже на пятомъ курсѣ, они вмѣстѣ отправились на театръ военныхъ дѣйствій отъ Краснаго Креста и оставались тамъ до окончанія войны, работая въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ.

По возвращеніи Серебренниковыхъ въ Петербургъ, въ сентябрѣ 1878 года, я снова увидѣлась съ ними. Разказы ихъ относительно всего видѣннаго и слышаннаго представляли тѣмъ болѣе интереса, что не носили личнаго характера и не каса-

лись перенесенных ими трудностей и лишений, хотя въ этомъ отношеніи приходилось слышать не мало всякихъ жалобъ отъ большинства вернувшихся съ войны врачей. Е. П. тотчасъ же по приѣздѣ стала готовиться къ выпускнымъ экзаменамъ, безъ труда сдала ихъ и, получивъ дипломъ, отправилась на свою родину — Уралъ, при чемъ сначала работала въ больницѣ Н.-Салдинскаго завода, а затѣмъ переѣхала въ Ирбитъ, гдѣ мужъ ея получилъ мѣсто городского врача.

Въ 1883 г. Серебренниковы снова приѣхали въ Петербургъ: П. Н. сдавать докторскій экзамень, а Е. П. специализироваться въ глазныхъ болѣзняхъ, изученіе которыхъ она считала особенно необходимымъ въ виду сильнаго распространенія этихъ болѣзней среди горнозаводскаго населенія.

Во время этого ихъ пребыванія въ Петербургѣ мы часто видѣлись съ Е. П., а въ зиму 1884 — 1885 гг. она бывала у насъ почти ежедневно вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ. П. Н. готовился къ защитѣ своей докторской диссертациі: „Опытъ медико-топографическаго описанія г. Ирбита“. Онъ привезъ съ собой огромный статистическій матеріалъ, собранный на мѣстѣ и тѣмъ болѣе цѣнный, что до этого въ Ирбитѣ никто не занимался статистикой, существовала только одна работа, произведенная въ 1871 году земскимъ врачомъ Рудольскимъ, но далеко не полная. Диссертациія П. Н. уже была написана вчернѣ, оставалось прочесть нѣкоторыя русскія сочиненія, которыхъ невозможно было достать въ Ирбитѣ, и познакомиться съ иностранной литературой по данному вопросу, а именно — нѣмецкой, французской и отчасти англійской. Но здѣсь, какъ для большинства русской молодежи, пишущей диссертациі на ученія степени, препятствіемъ служило полное незнаніе новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. П. Н. Серебренниковъ сперва обратился по объявленію къ одной барынѣ, предлагавшей свои услуги для перевода à livre ouvert иностранныхъ книгъ за 50 коп. въ часъ. Но оказалось, что барыня при чтеніи на каждомъ шагѣ должна была искать слова въ лексиконѣ, а при такомъ знаніи дѣло сводилось къ напрасной тратѣ времени. Е. П. по этому поводу приѣхала къ намъ, рассказала о неприятномъ положеніи своего мужа и просила оказать ему помощь, если это не особенно затруднитъ насъ. Отказа съ нашей стороны не могло быть относительно такихъ людей, какъ Серебренниковы, всегда и во всемъ готовыхъ помогать другимъ: мы съ сестрой (С. А.) съ полной готовностью предложили свои услуги, и разумѣется даромъ. Такимъ образомъ устроились наши почти

ежедневныя свиданія. Обыкновенно П. Н. приходилъ къ намъ съ утра, а Е. П. являлась въ часы, свободные отъ ея занятій, и тотчасъ же завязывался оживленный разговоръ, который преимущественно касался научной почвы и разныхъ вопросовъ общественной жизни. Мои отношенія съ Е. П. стали опять такими же близкими, какъ будто мы не разставались съ нею; но я замѣтила, что со времени нашей разлуки въ 1878 году она измѣнилась во многомъ, стала болѣе спокойной и сосредоточенной. Знакомство съ дѣйствительной жизнью, а также, по многимъ даннымъ, вліяніе П. Н. значительно отрезвили ее; она уже не позволяла себѣ въ разговорѣ прежнихъ парадоксовъ и софизмовъ; неопредѣленные стремленія уступили мѣсто ясно сознанной жизненной цѣли; медицина и земская дѣятельность получили для нея живой интересъ.

Между тѣмъ диссертация П. Н. быстро подвигалась впередъ, была окончена въ апрѣлѣ 1885 года и напечатана съ приложеніемъ плана города и діаграммъ, сдѣланныхъ даромъ женщиной-врачемъ В. Н. Малиновской, пріятельницей Е. П., о которой я уже говорила выше. Профессоръ Медико-Хирургической Академіи А. П. Доброславинъ, на разсмотрѣніе котораго была представлена диссертация, безусловно одобрилъ ее; защита вышла блестящая. П. Н. прямо изъ Академіи пріѣхалъ къ намъ сообщить о своемъ торжествѣ, а вслѣдъ затѣмъ раздался нетерпѣливый звонокъ Е. П.,—при своей впечатлительности, она радовалась чуть ли не болѣе своего мужа и шумно выражала свое удовольствіе. Отрадно было видѣть счастливыя, сіяющія лица обоихъ супруговъ; помимо успѣха и сознанія достигнутой цѣли, ихъ радовала возможность опять вернуться къ живому дѣлу и служить ему для пользы другихъ.

Полныя надежды и добрыхъ желаній, отправились они въ Пермь. Но здѣсь немногіе знали ихъ, не легко и не сразу дается общественная дѣятельность и пріобрѣтается довѣріе общества. Естественное, что въ первое время Серебренниковымъ пришлось встрѣтить много препятствій, испытать огорченій и разочарованій, которыя особенно тяжело отражались на Е. П. Равнодушное отношеніе къ занимавшимъ ее вопросамъ большинства общества, занятого своими личными служебными и будничными интересами, дѣйствовали на нее угнетающимъ образомъ, жажда дѣятельности томила ее. Живое воображеніе Е. П. рисовало ей радужными красками событія и людей историческаго прошлаго Западной Европы; современная окружающая ее жизнь казалась мелкой и безцѣльной. Въ одну изъ такихъ тяжелыхъ для нея

минуть, она послала мнѣ свою превосходную фотографическую карточку, снятую въ Перми, съ слѣдующей надписью, написанной на обратной сторонѣ ея неровнымъ почеркомъ:

„Назадъ! Тамъ жизнь полнѣй кипѣла,
Тамъ тягостный сомнѣнья ядъ
Не отравлялъ живого дѣла.
Тамъ Петръ въ Клермонтѣ говорилъ
И жегъ огнемъ сердца народу.
И на костеръ тамъ Гусь входилъ,
И Телль боролся за свободу!
Тамъ страсть была! не эта мгла
Унынья, страха и печали.
Тамъ даже темныя дѣла
Своимъ величьемъ поражали!..“

Но печальное настроеніе Е. П. продолжалось недолго, въ ней было слишкомъ много жизни и силъ, чтобы не найти исхода въ той или другой дѣятельности, а всякаго дѣла у насъ избытокъ, тѣмъ болѣе въ провинціи и въ области медицины, гдѣ помощь народу часто является очень плохо организованной. Въ этомъ направленіи для Е. П. скоро нашлось много дѣла по ея специальности. Получивъ мѣсто ординатора вновь открытаго глазного отдѣленія при губернской земской больницѣ, Е. П. всей душой предалась любимому дѣлу, работала безъ устали, день за днемъ, годъ за годомъ, не зная скуки и усталости.

Въ 1891 г. Серебренниковы были въ Петербургѣ, проѣздомъ изъ-за границы, куда Е. П. ѣздила для усовершенствованія въ своей специальности, и навѣстила меня. Е. П. была очень довольна результатами своей поѣздки, говорила объ особенностяхъ заграничной жизни, не касаясь красотъ природы, театровъ и другихъ развлеченій, всего того, что преимущественно занимаетъ русскихъ путешественниковъ и что не имѣло для нея никакого значенія.

Послѣ этого случайнаго свиданія мы опять надолго разстались съ Е. П.—она вернулась съ своимъ мужемъ въ Пермь къ своимъ занятіямъ. Время отъ времени я получала отъ Е. П. письма, въ одномъ изъ нихъ она усиленно уговаривала меня и сестру пріѣхать къ нимъ въ гости на лѣто, обѣщая все доставить, всѣ блага, „кромѣ комфорта, которымъ не пользуются сами хозяева“. Мнѣ не удалось исполнить желаніе Е. П. по домашнимъ обстоятельствамъ; и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, я жалѣю объ этомъ. Разумѣется, зная нравы и привычки обоихъ

супруговъ, я менѣ всего могла у нихъ разсчитывать на комфортъ. На основаніи писемъ Е. П. и ея устныхъ разсказовъ, я живо представляла себѣ жизнь Серебренниковыхъ въ Перми, чуждую порядка и опредѣленныхъ часовъ, но полную содержанія и нравственнаго интереса; ихъ домъ, открытый для всѣхъ, и самихъ хозяевъ, всегда радушныхъ, всегда занятыхъ, но готовыхъ жертвовать собою и временемъ для другихъ. О степени ихъ радушія можно судить изъ слѣдующаго случая, о которомъ разсказала мнѣ Е. П. Какой-то совсѣмъ незнакомый господинъ, пріѣхавъ вечеромъ въ Салду, когда тамъ жили Серебренниковы, приказалъ извозчику везти его въ гостиницу, гдѣ останавливаются пріѣзжіе. Извозчикъ прямо привезъ сѣдока своего къ Серебренниковымъ (гостиницы въ Салдѣ не существовало), которые, не спрашивая случайнаго гостя, кто онъ и зачѣмъ явился, накормили его и пріютили у себя на ночь. Только на другое утро выяснилось недоразумѣніе, къ великому смущенію пріѣзжаго, который долго не могъ прійти въ себя, несмотря на всѣ старанія хозяевъ успокоить его.

Въ послѣдній разъ Серебренниковы были на сѣздѣ врачей въ Петербургѣ въ 1893 году и обѣдали у меня вмѣстѣ съ пріятельницей Е. П. женщиной-врачемъ Дубенской-Мерцаловой и ея мужемъ. П. Н. опоздалъ къ обѣду. Е. П. съ видимымъ нетерпѣніемъ ожидала его и, какъ только онъ вошелъ въ комнату, усадила его около себя и осыпала вопросами относительно слышаннаго имъ на сѣздѣ и результатъ его хлопотъ по какимъ-то общественнымъ дѣламъ. Вниманіе, съ какимъ П. Н. относился къ словамъ жены, и тонъ его отвѣтовъ ясно показывали, что между ними существуетъ попрежнему тѣсная нравственная связь. За обѣдомъ шелъ общій оживленный разговоръ о докладахъ сѣзда, о земскихъ дѣлахъ и разныхъ общественныхъ вопросахъ. Е. П. принимала живое участіе въ разговорѣ. Я внимательно слѣдила за нею и съ радостью видѣла, что она все та же, что она осталась вѣрна идеаламъ и увлеченіямъ молодости. Послѣднее меня особенно радовало, такъ какъ большинство русскихъ людей съ годами не только становятся равнодушными къ прежнимъ своимъ вѣрованіямъ, но даже издѣваются надъ тѣмъ, чему поклонялись въ молодости. Послѣ обѣда Серебренниковы уѣхали, потому что были приглашены куда-то на вечеръ, и дружески простились съ нами. Не думала я тогда, что ужъ больше никогда не увижу Е. П.

Неожиданное извѣстіе о смерти ея на 44-мъ году жизни

глубоко поразило меня. Помимо личного огорченія, невольно явился вопросъ: сколько добра и пользы могла бы она еще принести людямъ при ея безавѣтной, всепрощающей любви къ нимъ и искреннемъ стремленіи всегда и во всемъ служить общему благу.

Н. Бѣлозерская.

ПАМЯТИ Е. П. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ.

Преждевременная и совершенно неожиданная кончина Евгеніи Павловны Серебренниковой произвела самое удручающее впечатлѣніе на всѣхъ, кто зналъ, понималъ и цѣнилъ эту свѣтлую личность. Такая молодая, такая сильная физически и духовно, такая любящая и любимая, распространявшая вокругъ себя столько добра и пользы, безъ всякой рисовки, безъ фразъ и безъ шуму... и вдругъ слѣпая случайность прерываетъ ее жизнь въ пору полного развитія силъ и дѣятельности!

Подчиняясь непреодолимой потребности, я прошу друзей покойной допустить меня къ участию въ сборникѣ, который они задумали въ память этого хорошаго человѣка.

Случайно и непродолжительно было мое личное знакомство съ Евгеніей Павловной, но свѣтлый и полный жизни образъ ея трудно забыть.

Въ 1883 году мнѣ пришлось руководить съѣздомъ народныхъ учителей и учительницъ въ Ирбитѣ. То была пора живой и энергичной дѣятельности земскихъ учреждений, еще не подпавшихъ подъ суровую административную опеку, и того общественнаго оживленія въ дѣлѣ народнаго образованія, которое какъ-то періодически проявляется въ нашемъ отечествѣ, возбуждая дремлющее общество, захватывая даже людей обыкновенно ничѣмъ не интересующихся, кромѣ своего кармана, выпивки и картъ. Въ Пермскомъ краѣ это оживленіе обнаруживалось ярче и плодотворнѣе, нежели гдѣ-нибудь, особенно въ уѣздахъ Ирбитскомъ и Шадринскомъ. Здѣсь, въ интересахъ дѣла, обращено было особенное вниманіе на то, чтобы учительство, работающее въ народной школѣ, во-первыхъ, имѣло какъ можно больше средствъ для самообразованія; во-вторыхъ, было поста-

влено, по возможности, самостоятельно. Учителя и учительницы Ирбитскаго уѣзда избирали изъ своей среды особую депутацію, которая входила въ земское собраніе съ докладами объ истинномъ положеніи дѣла народнаго образованія въ уѣздѣ, о нуждахъ и потребностяхъ земской школы и учительства, о мѣрахъ къ улучшенію ихъ положенія и удовлетворенію этихъ нуждъ и потребностей, давала необходимыя разъясненія, отстаивала интересы школы и учительства и проч. Въ Шадринскомъ уѣздѣ для той же цѣли существовала постоянная учительская коммиссія изъ выборныхъ лицъ, постановленія которой поступали въ земское собраніе.

Послѣдствіемъ такой постановки дѣла явились: дѣйствительное знакомство земскаго собранія съ положеніемъ, нуждами и потребностями мѣстной школы и мѣстнаго учительства, основательное обсужденіе вопросовъ по народному образованію, а, слѣдовательно, и наиболѣе разумное рѣшеніе ихъ; наконецъ, возвышеніе нравственнаго достоинства въ средѣ учительства, которое сознавало себя не просто толпой наемниковъ, отбывающихъ урочную работу по найму, безгласныхъ и подневольныхъ исполнителей чужой воли, а нѣкоторой организованной корпораціей, выполняющей всѣми уважаемую земскую службу, обладающей правомъ своего мнѣнія и своего голоса передъ земскимъ собраніемъ и передъ земской управой. Отсюда вытекало и, сравнительно, лучшее матеріальное обезпеченіе народнаго учителя, и прочность его положенія, огражденнаго отъ личнаго произвола, и теплое отношеніе учительства къ школѣ и своему дѣлу.

Въ Ирбитскомъ же уѣздѣ тогда возникло и выработалось то „организованное домашнее обученіе грамотѣ“ подѣ руководствомъ земскихъ учителей и учительницъ, въ формѣ домовыхъ, но дѣйствовавшихъ замѣчательно успѣшно школокъ грамотности, которое особенно широко развилось въ Шадринскомъ уѣздѣ, обѣщая скоро дать краю всеобщую грамотность и грамотность не кое-какую, а вполне толковую и плодотворную. Въ Ирбитскомъ уѣздѣ это дѣло встрѣтило, къ сожалѣнію, упорное противодѣйствіе со стороны тупого формализма, въ лицѣ инспектора Протодьяконова,—и „школки“ организованнаго домашняго обученія спасло отъ разгрома только вліяніе Евгеніи Павловны Серебренниковой, да здравый смыслъ... исправника,—члена училищнаго совѣта (г. Иванова). Что стало съ этимъ „организованнымъ домашнимъ обученіемъ“ теперь—я не знаю¹⁾. Въ-

¹⁾ Съ изданіемъ закона 4 мая 1891 года о школахъ грамотности земскія школки домашняго обученія перешли въ вѣдѣніе духовенства.—Ред.

роятно невзгоды послѣднаго десятилѣтія, увы! стерли его съ лица земли и дѣло всеобщей толковой грамотности для этого края отодвинуто еще лѣтъ на пятьдесятъ.

Возвращаюсь къ съѣзду 1883 года. Тогда въ Ирбитѣ жили и Серебренниковы: Павелъ Николаевичъ и Евгенія Павловна, оба врачи и уроженцы Пермскаго края, оба преданные наукѣ, но не „для науки“ только, а для жизни и народнаго блага. Одна изъ учительницъ, Елизавета Михайловна Буторина, товарка Евгеніи Павловны по гимназіи, ввела меня въ семью Серебренниковыхъ на другой же день послѣ моего пріѣзда и съ того вечера эти люди стали для меня близки и дороги, какъ родные. Оба они съ самымъ живымъ и теплымъ участіемъ относились къ дѣлу учительскаго съѣзда, къ народной школѣ и къ учительству, тѣмъ болѣе, что у Евгеніи Павловны было не мало товаровъ по гимназіи среди учительницъ, съ которыми она была связана воспоминаніями юности, хорошими, свѣтлыми и дорогими воспоминаніями о годахъ гимназическаго ученія. Надо сказать, что Екатеринбургская женская гимназія въ 70-хъ годахъ была живымъ учебнымъ заведеніемъ, изъ котораго вышло не мало даровитыхъ дѣвушекъ, не только съ хорошими основательными познаніями, но и съ самыми чистыми идеальными стремленіями. Одною изъ таковыхъ была и Евгенія Павловна.

Серебренниковы много свѣта и тепла вносили въ занятія учительскаго съѣзда и въ семью ирбитскаго учительства. Павелъ Николаевичъ изложилъ учителямъ и учительницамъ въ формѣ превосходныхъ, живыхъ и содержательныхъ лекцій, курсъ школьной гігіены, основанный на научныхъ началахъ и постоянно поясняемый экспериментами, которые принялъ на себя другой молодой врачъ, С. Э. Крупинъ, ирбитскій уроженецъ, тогда проводившій лѣто въ родномъ городѣ. Евгенія Павловна постоянно присутствовала на занятіяхъ съѣзда, въ залѣ городской думы, среди учителей и учительницъ, а внѣ этихъ занятій учительство группировалось около нея; сами собой устраивались бесѣды, столь же непринужденныя, сколько содержательныя, изъ которыхъ много хорошаго переносилось въ тѣ педагогическія совѣщанія, которыя происходили на съѣздѣ.

Это была женщина богато одаренная отъ природы, обладавшая не только многосторонними и серьезными знаніями, но и теплымъ, отзывчивымъ и любвеобильнымъ сердцемъ, настойчивымъ энергическимъ характеромъ и самыми чистыми идеальными стремленіями, да не на словахъ только, а и на самомъ дѣлѣ. Немного такихъ людей стало на Руси въ послѣднее время, и тѣмъ мучи-

тельно чувствуется каждая утрата. Народу много, а людей все меньше и меньше...

Живо помнятся мнѣ тѣ „поѣздки въ поле“, которыя Евгенія Павловна устраивала во время учительскаго съѣзда въ свободные вечера. Учительство, по ея инициативѣ, отправлялось съ самоварами и чаемъ куда-нибудь за-городъ. Подъ сѣнью елей и березъ устраивалось продолжительное чаепитіе. Оно соединялось то съ хоровымъ пѣніемъ, въ которомъ непосредственное участіе принималъ Павелъ Николаевичъ, тогда обладавшій хорошимъ голосомъ, то съ живыми разговорами и спорами, которые служили превосходной подготовкой къ педагогическимъ совѣщаніямъ въ залѣ городской думы.

Устроила Евгенія Павловна во время съѣзда, для развлечения собравшагося учительства и въ его пользу, любительскій спектакль въ городскомъ театрѣ, принимая въ немъ непосредственное участіе, и я никогда не смотрѣлъ съ такимъ удовольствіемъ извѣстную пьесу „На порогѣ къ дѣлу“, какъ въ 1883 г. въ Ирбитѣ, гдѣ учительницей явилась дѣйствительная учительница (Е. Н. Эйгеръ), училищнымъ сторожемъ — членъ училищнаго совѣта Степанъ Ивановичъ Пономаревъ, старшиной — поэтъ Ѳ. Ѳ. Филимоновъ (Гейне изъ Ирбита), мировымъ судьей — врачъ С. Э. Крупинъ, а его сестрой — Евгенія Павловна Серебренникова.

Въ томъ же году зимой я встрѣтился съ Серебренниковыми уже въ Петербургѣ. Онъ тогда сдавалъ докторскій экзаменъ, а Евгенія Павловна занималась въ клиникѣ извѣстнаго окулиста, профессора Добровольскаго. Мнѣ какъ разъ пришлось обратиться къ этому профессору за совѣтомъ, и изслѣдованіе моихъ глазъ, въ качествѣ профессорскаго ассистента, производила Евгенія Павловна, черезъ нѣсколько лѣтъ возвратившая зрѣніе многимъ десяткамъ пермяковъ.

Послѣ этого я только изрѣдка получалъ извѣстія о жизни и дѣятельности Серебренниковыхъ въ Пермскомъ краѣ, — дѣятельности, проникнутой все тѣмъ же честнымъ идеализмомъ, къ которой я не могъ относиться иначе, какъ съ глубочайшимъ сочувствіемъ и уваженіемъ, можно сказать, съ восторгомъ. Особенно много пришлось мнѣ вспоминать ихъ, когда меня, навсегда поселившагося въ деревнѣ, въ с. Петинѣ, Воронежскаго уѣзда, посѣтила та самая учительница, Е. М. Буторина, которая когда-то ввела меня въ семью Серебренниковыхъ.

Я надѣялся увидѣть въ Петинѣ и самихъ Серебренниковыхъ, и въ 1895 году это посѣщеніе готово было состояться, когда Серебренниковы ѣхали по Воронежско-Курской дорогѣ на меди-

цинскій съѣздъ въ Кіевъ: эта дорога проходить въ 12—15 верстахъ отъ с. Петина. Случайность разстроила это посѣщеніе, которое было бы для меня истиннымъ праздникомъ.

Въ началѣ 1897 года я получилъ изъ Перми такую телеграмму, глубоко меня тронувшую: „Съ Новымъ годомъ, дорогіе друзья. Серебренниковы, Бүторина“.

Въ февралѣ 1897 года Евгенія Павловна предложила мнѣ принять хоть заочное участіе въ задуманномъ ею скромномъ чествованіи 25-лѣтняго юбилея ея товарки, учительницы Елизаветы Михайловны Бүториной, всю жизнь свою и всѣ силы свои отдавшей народной школѣ.

Неумоимо и бодро работая сама для блага людей, она умѣла цѣнить и чужой честный трудъ на общее благо, а внести какую-нибудь радость въ жизнь и душу честныхъ тружениковъ было живой потребностью ея прекрасной души.

А въ апрѣлѣ 1897 года этого дорогого человѣка уже не стало, благодаря слѣпой и жестокой случайности.

Н. Ф. Бунаковъ.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О ЕВГЕНІИ ПАВЛОВНѢ СЕРЕБРЕННИКОВОЙ.

Настоящія воспоминанія относятся къ тѣмъ годамъ, когда Е. П. Серебрянникова училась въ Екатеринбургской женской гимназій, и отчасти къ позднѣйшему времени.

Въ 1869 году я пріѣхалъ въ качествѣ учителя словесности классической гимназій въ Екатеринбургъ, а вскорѣ получилъ предложеніе заниматься и въ Екатеринбургской женской гимназій. На мою долю досталось преподаваніе словесности въ V-мъ и VI классахъ (VII-го класса тогда еще не было).

Евгенію Павловну я засталъ въ числѣ ученицъ V-го класса; по правдѣ сказать, хотя я скоро отличилъ ея даровитость и горячее увлеченіе знаніемъ и всѣмъ, что относится къ области чистыхъ, идеальныхъ стремленій, но въ этотъ годъ мнѣ не пришлось близко познакомиться съ этой замѣчательной ученицей. Причиной тому было, съ одной стороны, довольно слабое развитіе класса, а съ другой, — и это главное — отвлеченность и туманность моихъ объясненій и неумѣнье приладиться, приспособиться къ характеру ученицъ.

На первыхъ порахъ мое преподаваніе и нѣкоторая требовательность въ приготовленіи уроковъ вызвали даже враждебное ко мнѣ отношеніе со стороны нѣкоторыхъ ученицъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ начала моихъ занятій произошелъ такой случай. Являюсь въ классъ, развертываю журналъ и вижу, что страница, на которой были вписаны фамиліи ученицъ и выставлены мною отмѣтки, вырвана. На мой вопросъ, кто это сдѣлалъ, я не получилъ никакого отвѣта даже и тогда, когда я объяснилъ, что спрашиваю не затѣмъ, чтобы наказать виновную, а для того, чтобы увѣриться, что это сдѣлано не по уговору

отъ всего класса. Если,—говорилъ я,—это сдѣлано кѣмъ-либо изъ ученицъ по собственному почину, то для меня достаточно ея сознанія, и Богъ ее проститъ; если же въ этомъ выразилось враждебное ко мнѣ отношеніе большинства, то я долженъ со всѣми прекратить занятія. При этомъ я далъ честное слово, что не только не буду просить о наказаніи виновной, но что все останется между нами. Когда и послѣ такихъ объясненій я не получилъ отвѣта, то объявилъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могу продолжать занятій, и оставилъ классъ. Затѣмъ я разсказалъ о случившемся начальницѣ, г-жѣ Кукъ, женщинѣ спокойной и разумной, и просилъ ее выяснитъ инцидентъ, не придавая однако своимъ дѣйствіямъ характера формальнаго слѣдствія, при чемъ заявилъ, что до выясненія этого случая не буду ходить на уроки.

Недѣлю спустя г-жа Кукъ извѣстила меня, что страница была вырвана одной ученицей Д., безъ согласія съ другими, за то, что я поставилъ ей единицу. Этимъ все и кончилось. Я пришелъ въ классъ и сказалъ, что теперь снова можно продолжать занятія, такъ какъ въ происшедшемъ не оказалось ничего, что бы нарушало мои отношенія учителя къ ученицамъ, и что я прошу объ этомъ случаѣ забыть.

Хотя, какъ видно изъ сказаннаго сейчасъ, я и раздулъ нѣсколько этотъ печальный случай, но дѣти, чуткія ко всему, поняли, что я цѣню прежде всего искреннія человѣческія отношенія и ставлю выше всего ихъ собственный интересъ къ учению. Это выразилось въ томъ, что болѣе впечатлительныя и серьезныя ученицы послѣ этого случая стали особенно внимательны на моихъ урокахъ.

Уже въ то время замѣтно выдѣлялась изъ всѣхъ Евгенія Павловна большими сочиненіями, писанными съ видимымъ увлеченіемъ, и своимъ крайне внимательнымъ отношеніемъ къ моимъ разсказамъ и объясненіямъ.

Съ переходомъ въ VI-й классъ число ученицъ значительно уменьшилось, причины чего не могу припомнить: въ этомъ классѣ ихъ оказалось уже только восемь. Въ то время для женскихъ гимназій программы преподаванія если и были опредѣлены, то лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а потому болѣе подробное распредѣленіе учебнаго матеріала зависѣло отъ преподавателя и Педагогическаго совѣта. Пройдя въ V-мъ классѣ курсъ теоріи словесности по выбраннымъ мною образцамъ, я въ дальнѣйшемъ преподаваніи рѣшилъ положить въ основу общее знакомство съ главными произведеніями новой русской литературы,

начиная съ Грибоѣдова и Пушкина, въ тѣхъ соображеніяхъ, что разнообразныя вопросы, затрогиваемыя ими, должны дать прочное міросозерцаніе, отправляясь отъ котораго, ученицы вѣрнѣе усвоятъ постепенное развитіе идеаловъ въ русской литературѣ и будутъ въ состояніи, при разсмотрѣніи вопросовъ литературно-общественныхъ, имѣть въ виду и историческую перспективу. Ошибался я или нѣтъ, но помню, что курсъ, пройденный въ VI-мъ классѣ, сильно интересовалъ всѣхъ ученицъ, тѣмъ болѣе, что онъ проходилъ въ формѣ „литературныхъ бесѣдъ“. Въ началѣ года я сообщилъ ученицамъ, какія произведенія, начиная съ Грибоѣдова и Пушкина, онѣ должны прочитать и въ какомъ порядкѣ эти произведенія будутъ разбираться въ классѣ. Передъ разборомъ же каждаго произведенія въ классѣ, послѣ сообщенія краткой біографіи писателя, мною заблаговременно намѣчались тѣ вопросы, которыхъ мы затѣмъ должны были касаться на урокахъ, для того, чтобы ученицы могли обдумать ихъ до урока. Самый урокъ состоялъ въ томъ, что, ставя намѣченные вопросы, я просилъ отвѣтовъ ученицъ, не указывая, кто изъ нихъ долженъ отвѣчать, а предоставляя это собственному ихъ желанію, интересу и умѣнью. При такой формѣ урока приходилось иногда разбивать общій вопросъ на дополнительные, слышать разнорѣчивыя отвѣты и руководить преніями ученицъ. Такимъ образомъ въ теченіе года были разобраны главныя произведенія Грибоѣдова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого и Островскаго. Данная мною свобода высказывать свои мнѣнія по всякому вопросу естественно должна была выдвинуть впередъ наиболѣе даровитыхъ и впечатлительныхъ ученицъ, которыя почувствовали живой интересъ къ урокамъ и принимали дѣятельное участіе въ бесѣдахъ. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялась Евгенія Павловна, которая почти постоянно одна оживляла все классное преподаваніе и увлекала за собою всѣхъ подругъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ въ разбираемыхъ вопросахъ. Правда, и всѣ другія ученицы съ вниманіемъ слѣдили за бесѣдой; но того пылкаго стремленія къ знанію, той неудержимой потребности высказаться, все разъяснить, той, наконецъ, живости и быстроты ума не было ни у одной ученицы въ такой сильной степени, какъ у Евгеніи Павловны. Нѣкоторыя изъ ученицъ не высказывались по скромности и застѣнчивости. Помню ученицу, Августу Михайловну Буторину, дѣвушку тихую, молчаливо-сосредоточенную и крайне застѣнчивую, но съ добрымъ и постоянно ласковымъ выраженіемъ лица. Въ этой дѣвушкѣ съ перваго раза

трудно было предположить ту беззаветную преданность дѣлу на пользу другихъ—преданность до самозабвенія, которую Буторина проявила потомъ, основавъ до 40 шеолокъ домашнего обученія въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, и которая умерла отъ чахотки на учительской службѣ.

Евгенія Павловна имѣла на подругъ такое сильное вліяніе и приобрѣла среди нихъ такой авторитетъ, что это замѣтно было съ перваго взгляда. Авторитетъ этотъ былъ чисто нравственного свойства, не вызванный какимъ-либо стремленіемъ къ нарочитому господству, популярности, что совершенно было не въ натурѣ Евгеніи Павловны, отличавшейся и тогда способностью къ глубокимъ и живымъ увлеченіямъ въ самомъ высокомъ смыслѣ слова. Однимъ словомъ, этотъ авторитетъ былъ не принужденнымъ и естественнымъ результатомъ ея богатой, даровитой натуры. Въ особенности же она была дружна съ подругами Качкой и Темниковой, такъ что всѣ три составляли всегда неразлучное тріо, которое можно было видѣть и въ классѣ, и въ переѣздахъ, и внѣ гимназіи.

Въ половинѣ этого учебнаго года, помнится, вскорѣ послѣ Рождества, произошло нѣчто, что еще тѣснѣе сблизило меня съ ученицами и дало мнѣ возможность еще ближе присмотрѣться къ моей талантливой ученицѣ—Евгеніи Павловнѣ. Однажды у меня былъ въ VI-мъ классѣ послѣдній урокъ. Когда я выходилъ изъ класса, Евгенія Павловна попросила, нельзя ли мнѣ остаться на нѣсколько минутъ, потому что имъ тремъ нужно поговорить со мной наединѣ. Я сказалъ, что буду ихъ ждать въ учительской и чтобы онѣ пришли туда, когда всѣ разойдутся. Спустя четверть часа, двѣ девочки вошли въ учительскую и, какъ только вошли, то, помнится, самая восторженная изъ нихъ, К., упала на колѣни, и всѣ съ тревогой на лицѣ и со слезами на глазахъ стали умолять меня спасти ихъ. Пораженный такимъ отчаяніемъ, я сталъ спрашивать ихъ. Оказалась обыкновенная въ тѣ времена исторія. Дѣвушки познакомились съ однимъ молодымъ человѣкомъ крайне радикальнаго образа мыслей. Рѣчи этого господина, обращенныя къ дѣвушкамъ, до такой степени противорѣчили усвоеннымъ ими ранѣе взглядамъ, что онѣ были ошеломлены, выбиты изъ колеи, въ ихъ головахъ все пошло кругомъ. Я, насколько могъ, успокоилъ ихъ и общалъ помочь имъ разобраться въ хаосѣ новыхъ мыслей и чувствъ. Я очень былъ тронутъ и рассказомъ ихъ, и тѣмъ довѣріемъ, съ которымъ онѣ ко мнѣ обратились и которое, какъ я былъ убѣжденъ, очень мало было заслужено мною. Приходилось однако поду-

мать, какъ поступить. Внести обсужденіе вопросовъ, волновавшихъ горячія головы трехъ ученицъ, въ классное преподаваніе я не имѣлъ, какъ мнѣ казалось, ни права, ни основанія,—я не могъ жертвовать всѣми для трехъ. Поэтому я обратился къ начальницѣ гимназіи за дозволеніемъ устраивать для ученицъ VI-го класса, которыя изъявлять на то согласіе, внѣклассныя бесѣды по вопросамъ литературы и общественной жизни, интересующимъ ихъ въ данное время. Г-жа Кукъ, смотрѣвшая широко на дѣло воспитанія и относившаяся къ ученицамъ съ сердечной добротой, очень сочувственно приняла мой проектъ, и бесѣды начались. Онѣ продолжались въ теченіе полугода по 2 раза въ недѣлю, приблизительно съ 4-хъ до 6-ти часовъ вечера, послѣ уроковъ. На нихъ нерѣдко присутствовала и начальница гимназіи. Обыкновенно собирался почти весь VI классъ. Не имѣя строго опредѣленной программы, эти бесѣды не носили опредѣленнаго характера, — здѣсь говорилось обо всемъ, что интересовало въ данный моментъ моихъ собесѣдницъ, и большею частію происходилъ свободный обмѣнъ мнѣній подъ моимъ руководствомъ и предсѣдательствомъ. Моя задача состояла въ томъ, чтобы въ „хаотическое состояніе мыслей“ внести порядокъ и тѣмъ содѣйствовать усвоенію болѣе стройнаго міросозерцанія и предохранить отъ разрушительнаго скептицизма. Нерѣдко мы обходились безъ всякаго чтенія, разговаривая, выясняя какой-либо вопросъ съ разныхъ его сторонъ, очищая его отъ „крайностей“, которыя въ ту эпоху, такъ сказать, носились въ воздухѣ. Если я видѣлъ, что выясненію какой-нибудь мысли можетъ помочь та или иная популярная статья, я читалъ эту статью въ выдержкахъ съ своими разъясненіями. Если было желаніе со стороны ученицъ получить какія-либо разъясненія по поводу дома прочитанной книги или статьи, то и это служило предметомъ бесѣды. Въ особенности, помню, часто вызывали недоумѣніе статьи Писарева по многимъ вопросамъ. Крайніе выводы этого писателя, при увлекательномъ и легкомъ изложеніи, неотразимо дѣйствовали на убѣжденіе молодежи, а потому статьи его очень часто служили также предметомъ нашихъ бесѣдъ.

Само собой разумѣется, что крайности, заключавшіяся въ нихъ, я старался сглаживать и вводить въ правильное русло въ томъ смыслѣ, какъ я самъ понималъ. Такъ какъ участниками бесѣдъ были молоденькія 15-лѣтнія дѣвушки, то, разумѣется, большой самостоятельности мнѣній и какихъ-либо сильныхъ возраженій съ ихъ стороны ожидать было трудно, а по-

тому я, руководитель ихъ, прекрасно сознавалъ, какая нравственная отвѣтственность лежала на мнѣ при моемъ преобладающемъ вліяніи на все направленіе бесѣдъ. Нужно было держаться посрединѣ: не брать на себя роли ментора, не любящаго возраженій, и не ослаблять тѣхъ откровенныхъ отношеній, при которыхъ только и можно было достигнуть предположенной цѣли.

Какъ всегда бываетъ, такъ было и здѣсь: большинство ученицъ, при несомнѣнномъ интересѣ, проявляло лишь пассивное сочувствіе къ бесѣдамъ, и только нѣкоторыя оживляли ихъ активнымъ участіемъ. Евгенія Павловна, какъ всегда и всюду, явилась и здѣсь самой дѣятельной участницей въ разговорахъ, проявляя неослабный интересъ и живое увлеченіе ихъ содержаніемъ. Безъ нея наши бесѣды никогда не имѣли бы того одушевленія, того интереса, какой онѣ имѣли. Живая мысль, неустанное исканіе крѣпкаго основательнаго убѣжденія и ея альтруистическая натура уже въ то время составляли ея отличительныя черты.

На этихъ же бесѣдахъ возникла мысль о литературно-музыкальных вечерахъ для ученицъ гимназіи, начиная съ IV класса. Такихъ вечеровъ, на которыхъ читались самими ученицами небольшія беллетристическія произведенія и стихотворенія, а также разыгрывались на рояли музыкальныя пьесы, было устроено, кажется, два или три.

Мнѣ, впрочемъ, недолго пришлось послужить въ Екатеринбургѣ. Въ началѣ слѣдующаго же лѣта я переѣхалъ въ Саратовъ. Передъ моимъ отѣздомъ Евгенія Павловна вмѣстѣ съ К. и Т. пришли ко мнѣ на домъ проститься и высказать свою благодарность за мои учительскія отношенія къ нимъ. Всѣ ученицы VI класса поднесли мнѣ свои фотографическія карточки въ обмѣнъ на мои. Но не это главнымъ образомъ было для меня дорого. Мнѣ было дорого то, что я видѣлъ, какія теплыя, сердечныя отношенія остались ко мнѣ у ученицъ. Я видѣлъ, что если не со всѣми ученицами, то съ нѣкоторыми изъ нихъ у меня осталась крѣпкая нравственная связь. Это было тѣмъ болѣе для меня дорого, что я, скажу откровенно, сознавалъ свои недостатки въ отношеніи опытности въ преподаваніи и умѣнья подходить къ ученицамъ просто, безъ всякаго менторства. Но, должно быть, женское сердце чутко къ тому, что скрываетъ за собой сердечное отношеніе къ человѣку. По крайней мѣрѣ, это вполне справедливо въ отношеніи нѣкоторыхъ моихъ ученицъ Екатеринбургской женской гимназіи того вре-

мени и въ особенности Евгеніи Павловны. Евгенія Павловна и послѣ не прерывала со мной сношеній и всегда относилась ко мнѣ съ такимъ чувствомъ благодарности, что мнѣ становилось совѣстно: такъ эта благодарность была несоразмѣрно велика съ моими скромными заслугами.

Переписка моя съ Евгеніей Павловной началась ея длиннымъ письмомъ ко мнѣ въ Саратовъ, которое, къ сожалѣнію, у меня не сохранилось. О содержаніи письма вполне можно догадываться по предъидущимъ строкамъ моихъ воспоминаній—это было изложеніе сожалѣній о прекращеніи моихъ уроковъ и бесѣдъ и о томъ, что послѣ моего отъѣзда въ VII-мъ классѣ все измѣнилось.

Черезъ годъ послѣ этого Евгенія Павловна, окончивъ курсъ въ женской гимназіи, поступила на медицинскіе курсы. Помню изъ утраченного мною письма, которое она писала уже съ курсовъ, ея восторгъ, что исполнилась, наконецъ, ея завѣтная мечта и что она со всѣмъ жаромъ принялась за то, что она считаетъ святыней.

Черезъ годъ, уѣзжая изъ Петербурга домой на лѣтнюю вакацію, Евгенія Павловна неожиданно для меня безъ предупрежденія заѣхала въ Саратовъ, повидаться со мной, сдѣлавъ круговой путь изъ Петербурга въ Саратовъ и изъ Саратова въ Екатеринбургъ. Пробыла она у меня въ семействѣ три дня и я нашелъ въ ней ту же глубокую вѣру въ свое дѣло, ту же живость и неугомонность мысли и сердца. Ее въ особенности занимала и восхищала тогда мысль, что врачебная дѣятельность должна быть дѣятельностью по преимуществу женской, и что женщины-врачи нравственно обязаны это служеніе сдѣлать чистымъ, неподкупнымъ и благотворнымъ для общества. Много было нами переговорено въ эти три дня, но всего не припомнишь. Время было такое, когда русская женщина въ первый разъ выступала на арену общественной дѣятельности, и разговоры наши съ Евгеніей Павловной главнымъ образомъ касались этой темы, а также вообще дѣятельности интеллигенціи. Конечно, убѣжденія Евгеніи Павловны въ эту эпоху уже окрѣпли; но ея духъ всегда былъ такъ настроенъ, что она, какъ писала потомъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, испытывала съ одной стороны величайшее несчастіе отъ несоотвѣтствія силъ и желаній, а съ другой и величайшее счастье отъ того, что стремленіе къ идеальному не оскудѣваетъ въ ея душѣ. Хотя эти слова заимствованы мною изъ письма, относящагося къ болѣе позднему времени—службѣ ея въ Перми, но я ихъ нарочно

привелъ здѣсь, такъ какъ они ярче всего характеризуютъ Евгенію Павловну во всѣ періоды ея жизни.

Второй разъ мнѣ пришлось повидаться съ Евгеніей Павловной уже тогда, когда она служила врачомъ и была замужемъ за докторомъ Павломъ Николаевичемъ Серебrenниковымъ. Въ это время я служилъ учителемъ уже въ Нижегородской классической гимназіи. Евгенія Павловна съ Павломъ Николаевичемъ ѣхали на Парижскую всемірную выставку, и они завернули ко мнѣ не болѣе какъ часа на два, на три, проѣздомъ черезъ Нижній. При такомъ кратковременномъ свиданіи (хотя оно и было продолжено тѣмъ, что я проводилъ ихъ по желѣзной дорогѣ до станціи „Черное“), конечно, нельзя было о многомъ переговорить. Но я былъ радъ за Евгенію Павловну, встрѣтивши въ лицѣ Павла Николаевича одного изъ тѣхъ людей, которые сразу производятъ безошибочное впечатлѣніе чловѣка беззавѣтной доброты, спокойнаго характера и душевной ясности. Я это и высказалъ Евгеніи Павловнѣ, а она подтвердила, что я не ошибся и что она вполнѣ и глубоко счастлива въ своей семейной жизни. Правда, у Евгеніи Павловны въ это время уже появились нотки разочарованности, но кто изъ насъ, желавшихъ сдѣлать многое и сдѣлавшихъ мало, не носить въ себѣ этого чувства? Душа ея, всѣ ея мысли, весь ея нравственный обликъ остались тѣ же, какъ и прежде; но измѣнившіеся люди, измѣнившіяся условія сдѣлали то, что при всей прежней энергіи души являлось по временамъ разочарованіе и усталость. Лучшее всего такое состояніе выясняетъ сама Евгенія Павловна въ своихъ письмахъ: „Про себя скажу“, пишетъ она, „матеріально живется хорошо, но душевнаго спокойствія найти не можемъ. Очень ужъ мы одиноки среди новаго поколѣнія“ ¹⁾. Въ другой разъ она пишетъ: „Грустно, Александръ Васильевичъ, подчасъ и даже не подчасъ, а весьма и весьма часто! Личныя связи рушатся то смертью, то долгой разлукой, то нравственной перемѣной. Время идетъ... Хочется сказать: стой, солнце, не двигайся, луна, дай что-нибудь сдѣлать, дай дѣла, дай радости, дай жизни! А иной разъ и забудешь, что время идетъ, и чувствуешь себя не только молодымъ и свѣжимъ, а, кажется, не прочь и дурить, какъ бывало въ гимназіи — такъ будто все это недавно было! Какъ въ минорномъ, такъ и въ мажорномъ настроеніи такъ дороги старыя воспоминанія и связи, какъ будто какой-то драгоценный сосудъ, въ который сложены лучшія сокровища души“.

¹⁾ Письмо писано въ августѣ 1894 г.

Послѣ описаннаго свиданія я видѣлся съ Евгеніей Павловной еще только разъ, когда она съ Павломъ Николаевичемъ прїѣзжала въ 1896 году на выставку въ Нижній. Нельзя было въ то время и предвидѣть, что черезъ полгода я услышу о смерти дорогой для меня, по той глубокой нравственной связи, которая между нами установилась на всю жизнь, моей бывшей ученицы. Евгенія Павловна была полна силъ и здоровья и ни на что не жаловалась. Передъ ней и передъ Павломъ Николаевичемъ вставало дѣло, которымъ въ особенности былъ увлеченъ послѣдній, — дѣло народнаго образованія. Въ это свиданіе Евгенія Павловна вмѣстѣ съ бывшей моей ученицей и ея подругой, учительницей сельской школы, Елизаветой Михайловной Буториной, провела нѣсколько часовъ у меня, оживленная и веселая. Вечеромъ же я до поздняго часа пробылъ на томъ пароходѣ, на которомъ должна была на слѣдующее утро сѣбно ѣхать въ Пермь къ своимъ обязанностямъ Евгенія Павловна. Особую оживленность придавало нашей бесѣдѣ и то, что мы очутились какъ бы въ тѣсномъ родномъ кругу, съ дорогими давно невидавшимися друзьями: кромѣ Евгеніи Павловны, Елизаветы Михайловны, я здѣсь въ первый разъ послѣ отъѣзда изъ Екатеринбургa встрѣтилъ еще одну мою ученицу (по Екатеринбургской гимназій) Елизавету Петровну Калачеву (урожд. Качку), мать взрослыхъ дѣтей, которыми она была счастлива, видя ихъ хорошее направленіе.

Порѣшили мы съ Евгеніей Павловной, что на слѣдующее лѣто я прїѣду погостить въ Пермь; съ тѣмъ мы и распрощались. Въ наступившемъ затѣмъ 1897 году я получилъ отъ нея и Е. М. Буториной поздравительную телеграмму съ новымъ годомъ, а 19 апрѣля того же года меня поразила, какъ громомъ, печальная телеграмма отъ Павла Николаевича о кончинѣ Евгеніи Павловны.

Что сказать объ этой преждевременной потерѣ? Слова слишкомъ банальны; безсильное слово не въ состояніи выразить того, что чувствовали ея друзья, сроднившіеся съ ней глубоко по духу. Приходило и приходитъ теперь въ голову одно, что составляетъ щемить и болѣть сердце — это неотвязчивый вопросъ: зачѣмъ рано гибнуть такія силы, зачѣмъ переживаешь такія гнетущія душу потери? Но вопросъ такъ и остается вопросомъ, и только въ душѣ ощущаешь апатію къ жизни, и тѣ воспоминанія, которыя прежде поднимали духъ, кажутся теперь ненужными и тяжелыми.

Надѣюсь, что читатель извинить мнѣ, если я, старикъ-учитель, цѣня память дорогого человѣка, внесъ въ свой рассказъ, можетъ быть, ненужныя подробности и все-таки не сумѣлъ достаточно рельефно обрисовать личность покойной Евгеніи Павловны. Скажу только, что писалъ я наболѣвшимъ сердцемъ, и ужъ одно это не могло дать свободы моему перу.

А. Кролюницкій.

2 апрѣля 1898 г.
Нижній-Новгородъ.

ПИСЬМО Е. П. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ КЪ ДОКТОРУ И. И. МОЛЛЕСОНУ.

(По случаю 25-лѣтняго юбилея его земско-медицинской дѣятельности).

Глубокоуважаемый Иванъ Ивановичъ!

Никогда я не думала, что этотъ день, день вашего юбилея, мы будемъ праздновать не въ Перми, и еще менѣе считала возможнымъ, что мнѣ не удастся присутствовать на немъ, гдѣ бы то ни было. Судьба рѣшила иначе.

Я не могу быть въ Саратовѣ, но въ головѣ моей тѣсняются мысли, а сердце полно чувствами, относящимися къ этому моменту вашей жизни, и я должна излить ихъ... Не знаю,—сбумѣю ли.

Иванъ Ивановичъ! 25 лѣтъ тому назадъ вы вступили въ общественную жизнь. Дѣятельность ваша началась въ ту свѣтлую молодую пору, которую переживало наше отечество—въ эпоху шестидесятыхъ годовъ.

Хорошее было время!

Учителя ваши радостно отправляли юношество въ жизнь:—одни, указывая на свѣтлую зарю будущаго, говорили:

—„Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

Другіе, останавливая ваше вниманіе на темныхъ сторонахъ жизни, учили:

„Протестуй, пока ты въ силахъ,
Свѣжъ и звонокъ голосъ твой!
Протестуй, пока есть въ жилахъ
Капля крови молодой!“

Третьи, благословляя васъ на борьбу, поддерживали вашу вѣру въ свои силы теплыми словами:

„Жизни вольнымъ впечатлѣньямъ
 Душу вольную отдай;
 Человѣческимъ стремленьямъ
 Въ ней проснуться не мѣшай.
 Съ ними ты рожденъ природою,—
 Возделѣй ихъ, сохрани!
 Братствомъ, Истиной, Свободою
 Называются они“.

Подъ этотъ мощный призывъ вы вступили въ жизнь молодымъ человѣкомъ 22-хъ лѣтъ.

Вмѣсто профессорской кафедры, для которой вы предназначались университетомъ, вы отправились земскимъ врачомъ въ русскую деревню.

Дѣйствительность не замедлила дать себя знать.

Земскій врачъ 60-хъ годовъ, кромѣ свѣтлой головы и горячаго сердца, ничѣмъ не располагалъ: не только не было больницъ, аптекъ, помощниковъ, даже пациентовъ не было, хотя кругомъ свирѣпствовали болѣзни и косила смерть. Мужикъ не шелъ къ врачу, и врачу негдѣ и нечѣмъ было лѣчить его... Умъ терялся, не зная за что взяться!.. Нужно было убѣждать общество, что земскій врачъ уже не господскій, а крестьянскій врачъ, и быть готовымъ вынести все послѣдствія такого либерализма. Надо было работать надъ организаціей земской медицины, выбирая между разъѣздной и стационарной системой, а пока не устроится больницы, надо странствовать то въ телѣгѣ, то верхомъ — по деревнямъ и избамъ,—во всякую непогодъ и притомъ часто нежеланнымъ и непрошеннымъ гостемъ, соперникомъ знахаря и всехъ его сторонниковъ... А кругомъ невѣжество массы, претензіи общества, недостатокъ средствъ у земства... Что было дѣлать? Какъ проводить въ жизнь свои идеалы? Вы вышли изъ этой дилеммы, рѣшивъ попробовать свои силы и ориентироваться на маломъ районѣ, и перешли изъ земства фабричнымъ врачомъ въ міръ рабочихъ... Но, увы! какъ врачу, вамъ можно было проявлять и тамъ лишь свою личную энергію. Глаза видѣли, гдѣ зло, голова знала, какъ исправить его, сердце рвалось на помощь къ ближнему, но руки были связаны. Фабричная администрація давала средства на больницу, но не обеспечивала медицинской помощи, беря съ рабочихъ деньги за лѣченіе и лѣкарство. Тогда вы направили вашу энергію на общественную дѣятельность — на развитіе среди рабочихъ понятія о самопомощи,

и результатомъ этого явились созданныя вами въ Спасскомъ Затонѣ школа, бібліотека и потребительное общество, гдѣ дѣло велось самими рабочими. Все это процвѣтаетъ и донинѣ, и рабочіе имѣютъ тамъ теперь 10 тысячъ рублей собственныхъ денегъ.

Проживъ три года въ Спасскомъ Затонѣ и сдѣлавъ все, что позволяли мѣстные условія, васъ повлекло опять въ земство, горячимъ убѣжденнымъ сторонникомъ котораго вы заявили себя сразу. Потребность въ правильной дѣятельности заставила на этотъ разъ выбрать городъ. Вы поступили врачомъ земской больницы въ г. Яранскъ Вятской губерніи, гдѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ поистинѣ были врачомъ, совѣтникомъ и другомъ въ каждой семьѣ и представителемъ новыхъ идей въ обществѣ. Завоевавши нѣсколько позицій на поприщѣ земской медицины, широкая натура потребовала большаго, тѣмъ болѣе, что опытъ говорилъ, что при пренебреженіи санитарными условіями жизни лѣченіе есть не болѣе, какъ литье въ бочку Данаидъ.

Въ это время вы издали брошюру „Земская медицина“, изъ которой впервые общество и земство познакомились съ тогдашнимъ плачевнымъ положеніемъ земско-медицинскаго дѣла и въ которой впервые проведена была грань между врачебной и санитарной медициной въ земствѣ. Какъ бы въ отвѣтъ на ваше желаніе, Пермское губернское земство пригласило васъ сначала ординаторомъ губернской больницы, а затѣмъ, принявъ вашъ санитарный докладъ, — и губернскимъ санитарнымъ врачомъ.

Губернскій санитарный врачъ! О, въ то время это слово звучало громко и радостно! Тогда не были еще такъ раздроблены медицинскія специальности, и каждый не долбилъ своего дѣла, какъ дятель.

Это-то незнакомство съ деталями дѣятельности и привело тогда всѣхъ къ одной общей ошибкѣ — слишкомъ широкой задачѣ. Но эту ошибку жизнь указала послѣ. Первые же санитарные врачи вѣровали въ свои идеалы подобно первымъ мировымъ посредникамъ, вѣрившимъ, что они искоренятъ нужду, неправду и зло. Да и въ этотъ юношескій періодъ нашей общественной жизни всѣ передовые люди были идеалистами и вѣрующими, по выраженію одного писателя, въ бѣлую Арапію. Принявъ обязанность санитарнаго врача, вы тотчасъ же отправились въ столицу — заручиться образцами санитарныхъ учреждений и мѣропріятій, и, вернувшись, начали свою дѣятельность съ того, что подвергли медико-санитарному изслѣдованію всѣ земско-медицинскія учрежденія города Перми, а затѣмъ представили рядъ предложеній о приведеніи таковыхъ въ удовлетворяющее требо-

ваніямъ гигіены состояніе. Къ этому времени относятся ваши труды: о земскихъ богадѣльняхъ, о домѣ умалишенныхъ, о баракахъ, объ организаціи оспопрививанія, о фельдшерской школѣ, о сифилисѣ въ Инвенскомъ краѣ, популярныя брошюры о тифозныхъ и холерныхъ эпидеміяхъ и др. Тогда же былъ поднятъ вопросъ о сѣздѣ врачей, и этотъ первый врачебный парламентъ былъ поистинѣ блестящимъ. Сколько энергіи, любви къ дѣлу, а главное вѣры, вѣры безъ конца! Но видно вы не въ сорочкѣ родились, и, правя большимъ кораблемъ, не умѣли держать руль по-вѣтру. Въ результатѣ получился коллективный выходъ въ отставку всѣхъ земскихъ врачей г. Перми.

Вы перешли въ другое земство Пермской же губерніи, но уже участковымъ врачомъ. Здѣсь-то въ продолженіе 10 лѣтъ вы неустанно работали по организаціи земской медицины. По вашему предложенію земство приняло за норму стаціонарную систему лѣченія и въ каждомъ врачебномъ пунктѣ устроило прекрасныя больницы. Далѣе послѣдовало устройство правильного оспопрививанія въ уѣздѣ, для чего вами подготовлены были женщины-оспенницы. Наконецъ, принята была единообразная карточная система регистраціи больныхъ и, въ довершеніе всего, образованъ врачебный совѣтъ, благодаря которому земская медицина получила, такъ сказать, автономію.

Въ сферѣ общей, немедицинской дѣятельности вамъ принадлежитъ прочное устройство ссудо-сберегательнаго товарищества, которое существуетъ и понынѣ, имѣя уже 80-тысячныя обороты, и яслей въ селѣ Ольховкѣ. Если мы прибавимъ къ этому ваши поѣздки на русско-турецкую войну и астраханскую чуму, то изъ этого краткаго перечня видно, что въ земской медицинѣ нѣтъ области, которую вы не подвергли бы изслѣдованію; нѣтъ дѣла, которое не испытало бы на себѣ вашего живительнаго участія, и, что важнѣе всего, все дѣлалось въ строго послѣдовательномъ прогрессивномъ направленіи, и на каждомъ произведеніи лежала печать таланта.

На этотъ разъ, въ разрѣзъ съ пословицей, что худая слава по міру бѣжитъ, а хорошая въ углу лежитъ—извѣстность ваша распространилась далеко за предѣлы Пермской губерніи.

Я въ то время только-что начала учиться медицинѣ и думать о предстоящей практической дѣятельности, и, часто собираясь студенческимъ кружкомъ, мы читали ваши статьи, увлекались ими и стремились работать на той же земской нивѣ, откуда раздавался вашъ голосъ. Образъ вашъ, образъ земскаго врача, труженика, луча свѣта въ темномъ царствѣ, былъ созданъ на-

шимъ воображеніемъ. Вскорѣ по окончаніи мною курса, а вами вашей десятилѣтней дѣятельности въ Шадринскомъ земствѣ,—мы встрѣтились съ вами въ Ирбитскомъ уѣздѣ.

О, время сдѣлало свое дѣло! вмѣсто темноволосаго молодого человека съ блестящимъ взоромъ, какъ я видѣла васъ на портретѣ, я увидѣла предъ собою сѣдую голову, лицо съ морщинами, съ длинной сѣдою бородою и грустный взглядъ голубыхъ глазъ.

Я была поражена, зная, что вамъ не было въ это время 40 лѣтъ—пора расцвѣта духовныхъ и физическихъ силъ мужчины. Такъ вотъ она жизнь! Вотъ эти тернистыя тропинки по дѣйствинымъ лѣсамъ невѣжества, бѣдности и болѣзней. Это вы провели морщины, вы покрыли сѣдинами голову, вы вмѣсто блеска и задора зажгли въ глазахъ скорбную лампаду о человѣческомъ горѣ!.. Но въ организмъ человека есть органъ, который несетъ неустанную работу—это сердце. Да, сердце ваше оказалось такъ же молодо и такъ же полно любви къ людямъ, вѣры въ науку, стремленія къ борьбѣ, какъ и ранѣе, съ тою лишь разницею, что теперь возбудителемъ ея была не неопытность юноши, вѣрующаго въ близость Царствія Божія на землѣ, а сама жизнь, личный опытъ, изученіе людей съ ихъ свѣтлыми и темными сторонами и знаніе самого себя, для котораго счастье въ трудѣ и въ любви къ людямъ.

Вѣрую въ разумъ, надѣюсь на силу науки,
И человека, каковъ бы онъ ни былъ, люблю!

говорили вы съ жаромъ въ минуты дружескихъ бесѣдъ. Прослуживъ два года въ Ирбитскомъ земствѣ, устроивъ больницу въ своемъ участкѣ и организовавъ врачебный совѣтъ, вы, внимая всегдашнему зову „впередъ“, направили вашу ладью снова въ Пермь, гдѣ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ начали свою санитарную карьеру. На этотъ разъ ваша дѣятельность сосредоточилась на окончательной организаціи земской медицины, какъ того требовали современныя условія жизни, выяснившіяся задачи будущаго, нужды настоящаго и ошибки прошлаго. Съ этой цѣлью вы окончательно отказались отъ практической медицины и стали во главѣ „Сборника Пермскаго Земства“, организовавъ при немъ медицинскій отдѣлъ, въ которомъ и пропагандировали свои идеи. Когда позволило время, вы образовали при „Сборникѣ“ маленькую медицинскую газету „Эпидемиологическій Листокъ“.

Въ это же время масса вашей энергіи была направлена на устройство земскихъ врачебныхъ сѣздовъ, и, благодаря вашимъ

усиліямъ, образовался, наконецъ, въ 1886 году, второй съѣздъ земскихъ врачей, черезъ 12 лѣтъ. Въ слѣдующіе годы открылись III-й и IV-й съѣзды, въ которыхъ вамъ въ одно и то же время приходилось быть и предсѣдателемъ, и докладчикомъ, и секретаремъ, и корректоромъ, и чернорабочимъ вообще.

Къ этому же времени относятся и еще двѣ ваши работы въ томъ же избранномъ вами направленіи,—это проектъ въ комиссію оздоровленія С. П. Боткина, заслужившій специальную благодарность отъ комиссіи, и статья „Земскіе итоги въ Пермской губерніи за 15-ть лѣтъ“. Въ послѣднихъ работахъ вы окончательно формулировали свое *proffession de foi*, свою вѣру въ могущество принципа коллективной работы земства, которую вы исповѣдывали всю жизнь, всегда умѣя отдѣлять дѣйствія и ошибки людей отъ значенія самаго принципа и понимая временность первыхъ и вѣчность послѣдняго.

Какъ ни много приходилось вамъ работать по редакціи „Сборника“ и „Эпидемиологическаго Листка“, по организаціи съѣздовъ, гдѣ всѣ подготовительныя работы, за неимѣніемъ бюро, лежали на васъ, вы, кромѣ того, откликались на всѣ текущія нужды и на всякую злобу дня. Появилась въ Европѣ холера, начали готовиться и у насъ къ ея встрѣчѣ, и вы отыскиали еще гдѣ-то нѣсколько свободнаго времени и написали для народа бесѣду о холерѣ, удостоенную преміи.

Немного позже возникло у земскихъ врачей столкновеніе съ г. Р..., вы встали на защиту врачебнаго сословія, зная напередъ, что это равносильно выходу изъ службы, что и случилось.

Очутившись безъ мѣста, безъ средствъ, съ огромной семьей на рукахъ и съ глубокой обидой въ груди, вы не пали духомъ, и каждый, придя къ вамъ, видѣлъ васъ все за тѣмъ же письменнымъ столомъ, разбирающимъ и обрабатывающимъ свои накопленные по разнымъ вопросамъ матеріалы. Если вся спеціальная дѣятельность ваша была школой, въ которой можно учиться труду, энергіи и послѣдовательности, то и вся ваша личная жизнь среди домашнихъ заботъ, жизнь человека необезпеченнаго, но всегда бодрого, полного жизни и неудержимаго стремленія впередъ,—какою она была школой! Какъ поучителенъ вашъ примѣръ! Какъ глубоко онъ врѣзался въ сердца знающихъ васъ!

Иванъ Ивановичъ! Я пыталась прослѣдить и очертить вашу дѣятельность, но я вижу, что мнѣ это не удалось: я не коснулась совсѣмъ многихъ сторонъ, какъ, на примѣръ, тѣхъ моментовъ, гдѣ вы, отстаивая принципы, ставили себя въ такое поло-

женіе, что должны были лишаться мѣста и оставаться совершенно безъ средствъ, или той стороны вашей натуры, въ силу которой вы такъ страстно и всецѣло отдавались работѣ въ сферѣ науки и общественныхъ вопросовъ, что всегда отказывались отъ другой дѣятельности—медицинской практики, довольствуясь однимъ земскимъ жалованьемъ. Но какъ бы то ни было—подведемъ итоги вашей жизни: первый въ трудѣ, послѣдній съ поля битвы, стойкій подъ ударами судьбы, неутомимый въ преслѣдованіи цѣли, широкій во взглядахъ, строгій къ себѣ и снисходительный къ другимъ, любящій въ кругу семьи и друзей... Понимаете ли вы, какою любовію и уваженіемъ должны проникнуться всѣ знающіе васъ? О, вы недаромъ прожили полжизни! Пусть этотъ день, — день двадцатипятилѣтія вашей трудовой жизни, день, въ который вы услышите отъ окружающихъ васъ друзей и товарищей справедливую оцѣнку себѣ, послужитъ вамъ поддержкой при прохожденіи дальнѣйшаго пути, и пусть будущее двадцатипятилѣтіе дастъ вамъ взаимнѣ горестей возможность зрѣть плоды трудовъ своихъ и услышать то сердечное спасибо русскаго народа, которое обѣщано тѣмъ, кто сѣялъ „Разумное, доброе, вѣчное“.

Вашъ другъ Евгенія Серебренникова.

Пермь. Августъ 1890 года.

ПИСЬМА Е. П. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ КЪ А. В.
КРОЛЮНИЦКОМУ.

I.

Многоуважаемый, дорогой Александръ Васильевичъ! ¹⁾.

Письмо ваше, ваше теплое дружеское письмо я получила и благодарю васъ за него, какъ только можетъ благодарить человѣкъ, хранящій въ своей душѣ память о васъ въ продолженіе 15 лѣтъ.

Не отвѣчала же долго на него потому, знаете ли, что не во всякомъ настроеніи считаю себя достойной говорить съ вами.

Когда мелочи жизни, ремесло, заботы о своихъ дѣлахъ занимаютъ время и помыслы, мнѣ стыдно писать вамъ. Мнѣ хотѣлось дожидаться того момента, когда душа, какъ говорится, просить молитвы, и тогда побесѣдовать съ вами; мнѣ все хочется рассказать вамъ, какъ жилось мнѣ съ того времени, какъ я вступила въ жизнь практическую. Какъ одни стремленія, встрѣчая мели и подводные камни, затихали, потомъ опять вспыхивали, какъ дѣлались уступки, какъ съуживались задачи, какъ порой казался себѣ опустившимся, недостойнымъ и какъ снова поднимался духомъ и крѣпъ. Переходовъ такихъ, пока знакомишься съ жизнью, какъ она есть, и съ собой, каковъ есть въ дѣйствительности, а не въ воображеніи — было много. Толчковъ со стороны жизни было встрѣчено также не мало: „измы“ и все, чѣмъ только люди мстятъ тому, кто не хочетъ съ волками жить — по-волчьи выть, направлялось время отъ времени въ нашу сторону. Когда я читала и ваше письмо, всѣ перенесенныя

¹⁾ Письмо это писано изъ С.-Петербурга въ 1883 или 1884 г.

вами нападки со стороны торжествующаго направленія, я вспомнила свои подобныя же битвы—и мнѣ стало стыдно, что я порой такъ малодушно страдала. Какая разница! Вамъ пришлось вынести тысячи несправедливостей въ награду за 15 лѣтъ труда и работы ради идеи, и притомъ,—вамъ пришлось отстаивать не одного себя — за вашими плечами было 8 ребятъ, которымъ вы единственный оплотъ, и несмотря на все это, вы не падаете духомъ; а мы съ мужемъ вольны, какъ вѣтеръ, и только нѣсколько лѣтъ какъ вступили въ жизнь, — намъ стыдно вѣшать голову, и я надѣюсь, что впередъ мы будемъ тверже. И въ данномъ случаѣ вашъ примѣръ будетъ служить намъ опорой. Вѣрно, Александръ Васильевичъ, сама судьба хочетъ, чтобы вы были всегда моимъ учителемъ.

II.

Пермь, 20 мая 1886 года.

Причиною моего неаккуратнаго отвѣта служить то, что я хотѣла собрать отъ подругъ свѣжія извѣстія объ ихъ жизни и карточки, чтобы послать вамъ, какъ вы того желали. Россійская халатность сдѣлала то, что и до сихъ поръ я не получила ихъ, да и сама-то не снялась. Поэтому, чтобы не затягивать дольше, хочу теперь же побесѣдовать съ вами, а карточки пришлю потомъ. Про подругъ я вамъ, кажется, уже нѣсколько писала. Послѣдовательнѣе и страстнѣе всѣхъ относятся къ своему дѣлу сестры Буторины. Вотъ уже 15 лѣтъ минуло, какъ онѣ, отказавшись отъ родительскаго крова и общества, ушли въ народную школу. Одна изъ нихъ, Августа, получила тамъ чахотку, поддерживалась нѣсколько лѣтъ кумысомъ, всю зиму продолжая работать, какъ фанатикъ,—утромъ въ школѣ, вечеромъ съ окончившими курсъ, а по воскресеньямъ и праздникамъ съ взрослыми. Кромѣ того, по ея инициативѣ образовалось въ уѣздѣ до 40 школокъ грамотности, которыя находились подъ ея контролемъ. Теперь она лежитъ въ больницѣ, ждетъ смерти. Лиза—ея сестра—ваша ученица, нынѣшній годъ не въ школѣ: отецъ умиралъ—она была съ нимъ; теперь съ сестрой. Убита страшно: боюсь, пишетъ, съ ума сойти. Судьба Т—вой очень грустная. Вмѣстѣ поѣхали мы въ Петербургъ. По глупой случайности провалилась она на экзаменѣ, одинъ годъ по физикѣ, другой по исторіи. Пропало 2 года, обезкуражилась. Тѣмъ временемъ приспѣла неудачная любовь и смерть отца. Оба эти обстоятельства заставили бросить Петербургъ и

вернуться домой, усталою, разбитою и принужденною добывать кусокъ хлѣба. Поступила на службу въ страховое общество, и за 40 руб. писала съ утра до вечера. Это бы еще куда ни шло, если бы у нея не получилось какого-то презрѣнія къ себѣ. „Если не достигла къ чему стремилась, значить, я дрянь,“ — сказала она себѣ, и такъ крѣпко забила себѣ въ голову этотъ гвоздь, что отказалась отъ людей, отъ старыхъ подругъ—не бередите, дескать, рану—и засѣла въ полное одиночество, доходя порой до такого отчаянія, что хотъ пулю въ лобъ, если бы не жалъ матери. Я ее вижу довольно часто,—разъ въ годъ непремѣнно. Любимъ попрежнему другъ друга, но просто горько за нее. Она такая умная и такая глубокая!

Лиза К—а осталась и до сихъ поръ такой же экзальтированной; она, чувствуя себя хорошо нравственно, очень много терпѣла отъ матеріальной нужды. Вышла она замужъ въ первый же годъ въ Петербургѣ. Мужъ—вольнослушатель университета, не имѣетъ ничего. Пошли дѣти. Перебывались уроками, перепискою. Потомъ онъ взялъ мѣсто гувернера въ провинцію. Лиза увлекалась воспитаніемъ дѣтей, примѣняя всевозможныя системы. Ребятъ уже стало 4. Средствъ—50 р. въ мѣсяцъ. Временно разстались. Лиза пріѣхала въ Екатеринбургъ къ теткѣ. Годъ прожили врозь, соскучились и поѣхали опять искать счастья. Нашли мѣсто въ Воронежѣ на 100 р., статистика; но неумѣіе экономничать доводило до того, что сидѣли безъ хлѣба и безъ бабшмаковъ. Наконецъ открылись въ Сибири какія-то мировыя учрежденія, и ея мужъ попалъ въ Тару на должность тысячи въ двѣ. Недавно была оттуда одна барыня и рассказывала, что такъ же бьются и не могутъ свести концы съ концами. Лиза учить дѣтей и время отъ времени пишетъ рассказы для дѣтей въ дѣтскіе журналы. Постарѣла, говорятъ, похудѣла, но все кипитъ и горитъ. Дѣтишки, говорятъ, умныя и хорошо учатся.

Еще знаю о В—ѣ, помните ли? Она недалеко отъ Перми, учительницей прогимназіи. Очень дѣльная и честная. Видимся часто. О другихъ не знаю. Изъ старыхъ учителей видѣла нынче во время сѣзда врачей въ Екатеринбургѣ Вологодскаго и Павлова. Впрочемъ, я вамъ вѣроятно объ этомъ писала. Недавно получила отъ Вологодскаго письмо изъ больницы, гдѣ онъ лежить больной, и едва ли встанетъ.

Какія все невеселыя картины! Мы еще не стары, а уже сколько видѣли физическихъ и нравственныхъ смертей.

Грустно, Александръ Васильевичъ, подчасъ и даже не подчасъ, а весьма и весьма часто! Общественный режимъ гнететъ,

личные связи рушатся то смертью, то долгою разлукой, то нравственной переменой. Время идетъ... Хочется сказать: стой, солнце, не двигись, луна, дай что-нибудь сдѣлать, дай дѣла, дай радостей, дай жизни!..

А иной разъ и забудешь, что время идетъ и чувствуешь себя еще не только молодымъ и свѣжимъ, а, кажется, не прочь и дурить, какъ бывало въ гимназіи, такъ будто все недавно было!

Какъ въ минорномъ, такъ и въ мажорномъ настроеніи, такъ дороги старыя воспоминанія и связи, какъ будто какой-то драгоценный сосудъ, въ который сложены лучшія сокровища души.

„Образы прошлаго, гости желанные,
Боги младенческихъ лѣтъ,
Я передъ вами лампадою вѣчною
Душу затеплилъ мою“...

вспомнились мнѣ чьи-то стихи.

Искренно преданная вамъ Е. Серебрянникова.

III.

Дорогой Александръ Васильевичъ! ¹⁾.

Не стану говорить вамъ, какъ отрадно мнѣ было получить ваше письмо. Вамъ это понятно безъ словъ. Слишкомъ ужъ хорошіе дни переживали мы въ Екатеринбургѣ. Эхъ! Взойдетъ ли еще въ нашей жизни эта заря надеждъ, вѣры и силы?!

Начну вамъ свое повѣствованіе такъ сказать ab ovo. Мнѣ хочется уяснить, что можно ждать и что можетъ дать врачебная дѣятельность женщинъ.

Кончила я курсъ въ 80-мъ году и, полные желанія служить народу, я и мой мужъ бросили Питеръ, гдѣ мужъ былъ на профессорской дорогѣ (уже ассистентомъ) — поѣхали въ заводъ Салду. Какъ теперь помню я моментъ въѣзда, когда я, увидавъ множество (въ зав. 12.000 жит.) покосившихся избышекъ, дала молча себѣ слово быть другомъ въ каждой изъ нихъ.

При приложеніи этой задачи на практикѣ мнѣ частью пришлось узнать и радость, и горе. Радость была та, что народъ, и не только бабы, но и мужики, отнеслись ко мнѣ какъ къ врачу съ полнымъ довѣріемъ и оказалось, что я, несмотря на ску-

¹⁾ Письмо это писано изъ Перми; судя по содержанію, относится къ 1887 г.

достъ знаній (кончая—мало знаемъ), могу, слѣдя и учась, быть полезной хоть куда. Горе же заключалось въ томъ, что сойтись, слиться съ народомъ, какъ мечтали мы въ Петербургѣ,—у меня не оказалось никакой способности. Все выходило искусственно. Чутье подсказало, что лучше не притворяться, а быть самой собой. Мужъ же мой какъ нельзя лучше былъ въ этой роли. Прожили мы тамъ хорошо, но недолго. Полюбилъ насъ и народъ, и интеллигенція мѣстная, но просьбы родныхъ перетянули въ Ирбитъ, и я съ горькими слезами, провожаемая множествомъ людей, рассталась съ Салдой, о которой и теперь вспоминаю съ самымъ лучшимъ чувствомъ.

По приѣздѣ въ Ирбитъ картина совершенно мѣняется. Тѣ радости, которыя удовлетворяли меня въ Салдѣ, исчезли: довольство отъ успѣха лѣченія — потому, что я уже чувствовала себя тверже и привыкла, что такъ и слѣдуетъ быть, а радости по случаю излѣченія пациента — потому, что контингентъ ихъ сталъ другой и самый несимпатичный: мѣщане, купцы, гоголевскіе чиновники, которые норовятъ потомъ тебя же обвинить, осудить, почесать язычекъ. Рѣдко попадалась симпатичная семья изъ средняго или простаго класса, гдѣ можно было отдохнуть душой и гдѣ послѣ лѣченія устанавливалась и нравственная связь. Кромѣ того, стала чувствоваться тяжесть частной практики (я вѣдь была не на службѣ), вслѣдствіе несоразмѣрности траты времени съ продуктивностью труда и вслѣдствіе невозможности вести дѣло научно, какъ, напр., въ больницѣ; приходилось подчиняться обстановкѣ, капризу и проч. Все это было и въ Салдѣ, но сгоряча мною не замѣчалось и затушевывалось сужденіемъ, что служу рабочему человѣку. Чтобы вамъ это было яснѣе, проведите параллель между занятіемъ въ школѣ и частными уроками. Въ первомъ случаѣ передъ вами изъ года въ годъ проходятъ поколѣнія. Кромѣ вліянія на нихъ, вы въ средѣ педагоговъ можете вліять болѣе или менѣе на весь ходъ учебнаго дѣла. Во второмъ случаѣ вы бѣгаете по урокамъ, тратя на бѣготню массу времени и подчиняясь случайности: сегодня черезчуръ много, завтра—мало. То же—занятія въ больницѣ и частная практика. Въ первомъ случаѣ вы общественный дѣятель, во второмъ—общій слуга. Все это я начинала чувствовать съ каждымъ днемъ сильнѣе и все меньше и меньше удовлетворяться своей врачебной дѣятельностью—порой до отчаянія, желанія бросить ее.

Но являлся случай, гдѣ оказывался, при всей ничтожности силъ какъ индивида—спасителемъ какой-нибудь семьи, которая

тебя за это чуть не боготворить, и мирился, и тянулъ дальше ту же лямку. Зато въ другомъ отношеніи Ирбитъ далъ то, чего не было въ Салдѣ—это такъ называемая общественная дѣятельность. Мужъ мой въ качествѣ городского врача долженъ былъ заботиться о санитарномъ улучшеніи города.

По поводу этого ему приходилось и много говорить, и писать, и сталкиваться со всѣми представителями города, наживать и друзей, и враговъ, и противниковъ и адептовъ. Я тоже принимала въ этомъ участіе. Кромѣ того, сблизилась съ молодежью, съ учителями городскими и сельскими. Я готовила нѣсколько дѣвушекъ въ фельдшерицы—мужъ читалъ на учительскомъ съѣздѣ анатомію и гигиену, и благодаря всему этому у насъ образовался большой и тѣсный кружокъ и молодыхъ, и уже солидныхъ людей съ хорошими стремленіями. Теперь я съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю эти три года, которые жили въ Ирбитѣ; такъ какъ всѣ непріятности, интриги, тормозы, которые видѣлъ со стороны противниковъ, уже забылись и осталось сознаніе, что все это время жилъ нервами, такъ сказать, кипѣлъ, горѣлъ, приобрѣлъ друзей, былъ имъ полезенъ, и до сихъ поръ связь эта не порвалась. Но тѣмъ не менѣе нервы болѣе трехъ лѣтъ не вынесли; мы поѣхали въ Петербургъ отдохнуть и на свободѣ еще поучиться. Мужъ написалъ диссертацию, я специализировалась въ глазныхъ болѣзняхъ, и черезъ 2 года приѣхали въ Пермь. До сихъ поръ я вамъ рассказывала то, что вамъ уже было извѣстно изъ моихъ прежнихъ писемъ, но мнѣ хотѣлось описать вамъ это, такъ сказать, исторически, освободившись уже отъ вліянія мѣста, времени и людей, а потому вѣрнѣе и безпристрастнѣе. Съ устройствомъ въ Перми начинается медовый мѣсяцъ моей врачебной дѣятельности, зато мужъ дѣлается, какъ онъ выражается, шутя, „жертвой женскаго вопроса“, потому что въ Перми было мѣсто мнѣ и не было ему. Я поступила на земскую службу, а онъ сталъ заниматься частной практикой, т.-е. высуна языкъ ѣздитъ по больнымъ цѣлый день, а часто и ночь.

Дѣло было такъ: я сначала предложила устроить бесплатно пріемъ глазныхъ больныхъ въ земской больницѣ. Дѣло пошло неожиданно хорошо, больные стали являться массами. Земское собраніе въ виду этого рѣшило открыть глазное отдѣленіе, пригласивъ меня завѣдывать имъ и объѣзжать кромѣ того тѣ мѣста губерніи, гдѣ много слѣпыхъ и больныхъ глазами. Название мое—губернскій окулистъ. Вы не можете себѣ представить, какое блаженное состояніе я ощутила!.. Во-первыхъ, за женскій вопросъ.

Мѣстъ губернскаго окулиста всего 7—8 въ Россіи. Любой мужчина погнался бы за нимъ, и вотъ это мѣсто имѣетъ женщина! Во-вторыхъ, за себя — наконецъ-то я примыкала къ какой-то общественной машинѣ; я—въ больницѣ. Изъ году въ годъ будутъ лѣчиться у меня сотни и тысячи крестьянъ, и такимъ образомъ у меня появится связь съ одной, десятками, сотнями сель и деревень; кромѣ того, я буду въ средѣ многихъ врачей, земцевъ, участникомъ съѣздовъ и т. д., и т. д., словомъ, буду уже не пятой спицей въ колесницѣ. Я была буквально на седьмомъ небѣ. Весь первый годъ прошелъ какъ въ чадѣ. Дѣло шло хорошо—больные любятъ, зовутъ: кормилица, родная и т. п. Земство со мной носится какъ съ писаной торбой, — прекраснѣйшій человекъ старшій врачъ, хорошій человекъ женщина-врачъ-гинекологъ, да и прочіе ничего, всѣ живемъ дружно и дѣйствуемъ; устроили фельдшерскую школу, были на съѣздѣ—я делегатомъ; зажили, какъ говорится, на славу—но всему бываетъ конецъ... Смѣнился врачебный инспекторъ, и новый воздвигъ гоненіе на женщинъ-врачей... Появился расколъ въ средѣ врачей... Шире, дальше, — дѣло дошло до того, что на нашу партію... ополчились и травятъ, но пока честные люди на нашей сторонѣ, мы не унываемъ и надѣмся, что удержимъ за собой позицію. Обидно только бываетъ за людей! Какіе приемы! Какіе низкіе способы борьбы! Во всемъ узнаешь реакцію!

Пока будетъ рассказывать о своемъ житіи. Я дошла до послѣдняго фазиса. Чтѣ будетъ дальше—напишу. Затѣмъ я хочу сказать нѣсколько словъ о внутренней жизни. Удовлетворяетъ ли меня моя дѣятельность вообще? Нѣтъ!—за исключеніемъ такихъ періодовъ, которые я называю медовыми мѣсяцами. Лишь только дѣло начинается идти ровно, буднично, я чувствую то же, чтѣ и вы, я чувствую, что я больше могу дѣлать, что у меня больше способностей, чѣмъ на лѣченіе больныхъ, а гдѣ же теперь приложить ихъ, когда и говорить-то не смѣешь, не то что писать или дѣйствовать?

„Вихрь злобы и бѣшенства носится
„Надъ тобою, страна безотвѣтная,
„Все живое, все честное кѣсится...”

Прощайте. Вашъ искр. другъ

Е. СЕРЕБРЕННИКОВА.

СПИСОКЪ

ПЕЧАТНЫХЪ ТРУДОВЪ Е. П. СЕРЕБРЕННИКОВОЙ.

1) Отчетъ по глазной амбулаторіи при общинѣ Св. Георгія въ С.-Петербургѣ за 1884 г.

2) Къ вопросу о вытяженіи зрительнаго нерва (Врачъ. 1886 г. № 30).

Эта статья перепечатана во многихъ иностранныхъ специальныхъ журналахъ и между прочимъ въ одномъ испанскомъ офтальмологическомъ журналѣ.

3) Нѣсколько словъ о нашей слѣпотѣ (Сборникъ Пермскаго земства 1886 г. №№ 8 и 10).

4) Эпидемиологическія замѣтки (Эпидемиологическій листокъ, изд. Пермскаго земства 1886 г.).

Отчетъ о глазныхъ больныхъ при Пермской губернской земской больницѣ съ 1 декабря 1885 г. по 1 декабря 1886 г. (Вѣстн. офтальмологіи, 1887 г. Май и іюнь).

5) Краткій отчетъ о сотнѣ извлеченій катарактъ въ Пермской губернской земской больницѣ (Врачъ. 1887 № 25).

6) Къ лѣченію трахомы (Врачъ 1887 г. № 32).

7) Отчетъ о второй сотнѣ извлеченій катарактъ въ Пермской губернской земской больницѣ (Вѣстн. офтальмологіи 1891 г. Январь и февраль).

8) Нѣсколько словъ о призрѣніи слѣпыхъ въ западной Европѣ и Россіи (Пермск. губ. вѣдомости 1889 г. и отдѣльн. изд. „Призрѣніе слѣпыхъ“).

9) Офтальмологическія наблюденія за 1889 г. изъ Пермской губернской земской больницы (Вѣстн. офтальмологіи 1890 г. Ноябрь и декабрь).

10) Отчетъ о 300 операціяхъ катарактъ (Вѣстн. офтальмо-
логіи 1891 г., январь и февраль).

11) Офтальмологическія наблюденія за 10 лѣтъ въ глазномъ
отдѣленіи Пермск. губ. земск. больницы (напечатано въ Сбор-
никѣ Пермскаго земства за 1897 г.).

12) Переводъ лекцій по терапіи глазныхъ болѣзней д-ра
Труссо.

Доклады губернскимъ създамъ врачей Пермской губ.

13) Объ оспопрививаніи въ Пермской губерніи (докладъ
съѣзду 1886 г.).

14) Нѣкоторыя данныя къ вопросу о статистикѣ и этиологіи
слѣпоты въ Пермской губ. (тоже).

15) По оспопрививанію въ Пермской губ. (докл. V съѣзду
1891 г.).

16) О тѣлесномъ наказаніи (докл. VI съѣзду).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРИБОЙ.

Мы сидѣли на берегу моря. Мѣсяцъ уже поднялся высоко, и сверкающій столбъ свѣта, искрясь и дрожа, пересѣкъ море и терялся у самаго берега. Море, казалось, поглотило въ себя весь лунный свѣтъ, оставивъ берега и горы въ сумракѣ; налѣво чуть-чуть мелькалъ, точно повиснувъ въ воздухѣ, желтый подслѣповатый огонекъ Ай-Тадорскаго маяка; направо, окутанныя синими тѣнями, угрюмо темнѣли скалы „Дива“ и „Монаха“. У нашихъ ногъ тихо плескался прибой, обдавая насъ теплыми брызгами; пѣнящаяся невысокая волна прибѣгала, отбѣгала и снова возвращалась, чтобы съ тихой жалобой разбиться о песокъ. Но тамъ, въ скалахъ, прибой былъ сильнѣе и смѣлѣе, волны настойчиво осаждали эти угрюмые камни и мы слышали ихъ равномерные удары о каменные подошвы великановъ, въ неподвижности которыхъ было что-то мрачное и враждебное.

— А неправда ли, что прибой раздражаетъ? — сказалъ вдругъ кто-то. — Эта вѣчная возня, вѣчное мельканіе, вѣчный плескъ утомляютъ нервы. Думается, зачѣмъ это? Все одно и то же, одно и то же; впередъ, назадъ, впередъ, назадъ, и безъ всякой цѣли, безъ всякой пользы...

— Ну, о безцѣльности и бесполезности мы не будемъ говорить! — шутливо возразилъ пожилой господинъ, инспекторъ народныхъ училищъ откуда-то изъ средней полосы Россіи. — Можетъ, оно и нужно для чего, а можетъ быть и не нужно, кто его знаетъ, но, представьте, мнѣ прибой нравится! Въ немъ есть что-то упорное, настойчивое, что бодритъ и поднимаетъ духъ. И я уже замѣтилъ: бываетъ, раскиснешь эдакъ, устанешь, но стоитъ придти сюда и посмóтрѣть на эти неустанныя волны — и освѣжишься! Ей Богу... Вы слышите, слышите, какъ онѣ

тамъ воюють? Вѣдь это прелесть! Онѣ точно говорятъ этимъ камнямъ: „А, вы стоите, вы не обращаете на насъ вниманія,— ну, что-жъ! Мы здѣсь! Мы не устанемъ, никогда. Однѣ разбиваются, но приходятъ другія. О, насъ много, и ужъ когда-нибудь да одолѣемъ мы васъ, бессмысленные и глупые камни“... И почему знать, быть можетъ, и одолѣють, а?

— Вы поэтъ, Григорій Ивановичъ!—послышался насмѣшливый голосъ.

— Ну, какой тамъ поэтъ!—добродушно отвѣчалъ Григорій Ивановичъ.—Правда, въ ранней молодости писалъ стихи, но скоро бросилъ. Попались мнѣ какъ-то тоже стихи,—помните?

Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
Еще стыднѣй въ годину горя,
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласки милой воспѣвать...

— Ну, я прочелъ, стыдно мнѣ стало, я и бросилъ. Думаю себѣ, съ талантомъ стыдно такой ерундой заниматься, а ужъ безъ таланта—и подавно...

— А знаете что, вы вѣдь правы!—проговорилъ молчавшій до сихъ поръ докторъ, задумчиво глядѣвшій на набѣгавшія и отбѣгавшія волны.—Дѣйствительно, прибой возбуждаетъ... это символъ вѣчной борьбы, символъ настойчивости и громадной силы. Какъ вы это сказали? „Насъ много; однѣ разбиваются, но приходятъ другія“... Не то же ли самое въ каждомъ общественномъ движеніи? Одни гибнутъ, другіе становятся въ ряды... и, глядишь, какой-нибудь камень рухнулъ... И сколько ихъ, погибшихъ—не пересчитаешь...—тихо прибавилъ онъ и вдругъ нервно потеръ себя по лбу.—Вотъ мнѣ вспомнился одинъ случай—хотите расскажу?

— Пожалуйста, пожалуйста!—воскликнули всѣ и ближе придвинулись къ доктору.

Докторъ былъ видимо взволнованъ и, снявъ шляпу, нѣсколько разъ вытеръ свой лобъ и лицо платкомъ. Потомъ началъ тихимъ голосомъ: Это, господа, отчасти эпизодъ изъ моей личной жизни... можетъ быть, это черезчуръ субъективно... но...

— Рассказывайте, рассказывайте!..—ободрили его.

— Ну, хорошо. Это было въ началѣ 80-хъ годовъ. Вы помните, господа, какъ тогда относились у насъ къ женскому образованію? Послѣ пышнаго расцвѣта всякихъ курсовъ, лекцій, вдругъ въ воздухѣ повѣяло холодкомъ. Послѣ прибои наступалъ отбой. Въ газетахъ, еще вчера восхвалявшихъ подвиги русскихъ студентокъ на войнѣ, начали появляться намеки на преждевре-

менность женскаго образованія, насмѣшки, шпильки, пасквили... Толковали о закрытіи женскихъ курсовъ по городамъ, предполагали прекратить пріемъ на врачебные курсы... Въ обществѣ циркулировали о студенткахъ самые возмутительные анекдоты, рассказывали, что онѣ ничего не дѣлаютъ, не хотятъ учиться, бѣгаютъ по вечеринкамъ, заводятъ интрижки съ студентами... А въ то время, какъ общество и печать занимались этими грязными сплетнями, тамъ, въ аудиторіяхъ, въ препаровочныхъ, въ бѣдныхъ комнаткахъ на пятомъ этажѣ, иногда впроголодь, дрожа отъ холода, работали, учились и боролись эти самыя осмѣяныя и оклеветанныя „курсистки“, шагъ за шагомъ завоевывая себѣ ужъ не какія-нибудь, а просто „человѣческія“ права... И многія въ этой борьбѣ разбивались и умирали... Да, умирали... Впрочемъ, я того... отвлекся немного, и начну лучше сначала. Я, видите ли, родился и выросъ въ Москвѣ. Когда мнѣ было лѣтъ десять, мои родители познакомились съ семействомъ нѣкихъ Ступиныхъ. Признаться, я ихъ самихъ хорошенько не помню, но зато хорошо помню ихъ дочку, Лизу Ступину. Она была моложе меня года на три и въ дѣтствѣ очень мнѣ нравилась. Она была такая кругленькая, смѣшная, съ бѣлыми волосами и пухлыми губками, которыя придавали ей такой видъ, какъ будто она постоянно дулась. Но на самомъ дѣлѣ она никогда не дулась, никогда не капризничала, и болѣе ровнаго характера трудно было отыскать. Она всегда все дѣлала степенно, обстоятельно, и я, несмотря на то, что былъ старше ея, какъ-то невольно подчинялся ей во всемъ. Потомъ я поступилъ въ гимназію, она тоже. Это насъ разъединило и посѣяло между нами какой-то антагонизмъ. Роли наши измѣнились: теперь ужъ не она, а я принялъ съ нею покровительственный тонъ, хвастаясь своими учителями, своимъ форменнымъ мундирчикомъ, а главное—латинскимъ и греческимъ языками, которыхъ она не учила и которые давали мнѣ большое преимущество передъ нею. Мы встрѣчались рѣдко, но при встрѣчахъ непременно ссорились и расходились врагами. Я былъ невыносимо грубъ, насмѣхался надъ ея „бабьей логикой“ (не помню, гдѣ я подцѣпилъ это глупое изреченіе), приставалъ къ ней съ латинскими стихами, экзаменовалъ ее по математикѣ, вообще велъ себя какъ всякій неразвитой мальчишка, уже чувствующій въ себѣ мужчину—„властелина и царя земли“. Она вела себя иначе: въ то время, какъ я ломался и всячески старался выставить свое превосходство, она молчала и смотрѣла на меня страннымъ испытующимъ взглядомъ,—точно изучала меня и внутренно подсмѣивалась. Признаюсь, иногда мнѣ станови-

лось неловко подъ этимъ безмолвнымъ взглядомъ и я былъ очень доволенъ, когда Лиза наконецъ отпускала по моему адресу какую-нибудь язвительность. Смущеніе мое проходило, я собирался съ новыми силами и, какъ быкъ, бросался снова впередъ съ своими неуклюжими гимназическими остротами. Однажды, когда я очень уже разошелся, она встала и, покачавъ головою, произнесла: „Господи, какіе всѣ мужчины фразеры“! Помню, я тогда ничего не нашелся ей возразить на это, но слова ея засѣли въ моей головѣ, и долго спустя, когда мнѣ приходилось присутствовать при какомъ-нибудь разговорѣ о женщинахъ или встрѣчать въ печати нападки и насмѣшки надъ женской ученостью, женской литературой, я всегда вспоминалъ ихъ и... мысленно соглашался съ Лизой Ступиной. Окончивъ курсъ гимназіи, я уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію. Новые люди, новыя книги, новыя рѣчи—все это было для меня чѣмъ-то въ родѣ нравственной боли, и я скоро стряхнулъ съ себя гимназическую скорлупу. Въ молодости это происходитъ очень легко... И кому изъ насъ, на зарѣ своихъ дней, не случалось лечь въ постель однимъ человѣкомъ, а проснуться совершенно другимъ? Такъ было и со мною: я много узналъ новаго, на многое измѣнилъ свои взгляды, и въ этомъ обновленномъ видѣ пріѣхалъ въ Москву на каникулы. Конечно, я сейчасъ же вспомнилъ о подругѣ своего дѣтства, Лизѣ Ступиной, и захотѣлъ ее видѣть. Но каюсъ, господа, несмотря на мои новые взгляды, въ моей поспѣшности предстать предъ Лизой новымъ человѣкомъ была не малая доза желанія опять-таки порисоваться и показать свое превосходство, и какъ я прежде хвастался передъ нею своимъ мундирчикомъ съ свѣтлыми пуговицами, такъ теперь хотѣлъ похвастаться современной мудростью, заимствованною изъ послѣднихъ книжекъ журналовъ и изъ жаркихъ споровъ товарищей. Что дѣлать,—не такъ-то просто примѣнять на дѣлѣ то, о чемъ легко говорить!.. Однако, увидѣвъ Лизу, я нѣсколько оробѣлъ и смутился. Она сильно измѣнилась, выросла, и ея сѣроголубые глаза смотрѣли еще серьезнѣе и строже. Свѣтлые волосы ея чуточку потемнѣли и были заплетены въ двѣ длинныя косы, какъ у классической Маргариты, черты лица опредѣлились, утративъ свою дѣтскую округлость и расплывчатость,—только пухлыя губы сохранили въ себѣ что-то ребяческое, напоминавшее прежнюю толстушку-Лизу. Она встрѣтила меня привѣтливо, но сдержанно, не торопилась спрашивать и, видимо, выжидала, когда я самъ начну высказываться. Это меня, конечно, раздосадовало: какъ, думалъ я, всякая „про-

винціальная“ дѣвчонка (въ Петербургѣ Москва считается провинціей) смѣетъ поднимать носъ передъ петербургскимъ студентомъ... такъ вотъ же тебѣ!.. И оправившись отъ своего смущенія, я съ важностью, чуть не сквозь зубы, началъ снисходительно рассказывать ей о профессорахъ, о лекціяхъ, о студентахъ и курсисткахъ, о сходкахъ, на которыхъ рѣшались міровые вопросы... Однимъ словомъ, въ какихъ-нибудь полчаса я вывернулъ передъ Лизой все свое нутро и только тогда, какъ будто между прочимъ, спросилъ:

— Ну, а вы тутъ какъ? Кончили курсъ въ гимназіи?

— Кончила.

— Что же думаете дѣлать? Замужъ, небось?—съ усмѣшкой продолжалъ я.

— Нѣтъ, я хочу поступить на врачебные курсы.

Я опять смутился. Въ головѣ моей уже бродили смутныя мысли „заняться“ этой дѣвчонкой, „развить“ ее, разыграть Рязанова или Молотова, и вдругъ оказывается, — нечего развивать, и Лиза совсѣмъ непохожа на кисейную барышню, которой непременно нуженъ герой, чтобы „взять“ ее и „повести“... Она и сама великолѣпно знала дорогу... Несмотря на это разочарованіе и на потерянную надежду разыграть изъ себя „героя“, я часто сталъ видаться съ Лизой. Моя напыщенность скоро съ меня слѣзла, и между нами установились товарищескія отношенія. И тутъ я узналъ много такого, о чемъ раньше и не подозревалъ. Во-первыхъ, я узналъ, что Лиза прочла книгъ не меньше, чѣмъ я, и хотя не присутствовала на нашихъ сходкахъ при рѣшеніи міровыхъ вопросовъ, но знакома съ ними и задумывалась надъ ними такъ же, какъ и я. Во-вторыхъ, у нея были вполне опредѣленные убѣжденія и опредѣленные планы на будущее, и въ то время, какъ я еще не задумывался о томъ, что буду дѣлать по окончаніи курса, она все уже заранѣе рѣшила и обдумала и съ серьезнѣйшимъ видомъ, оттопыривъ свои дѣтскія губки, посвящала меня въ программу своей будущей дѣятельности. Наконецъ, въ третьихъ, я узналъ, что ей очень тяжело живется, что въ семьѣ у нихъ разладъ и изъ-за поступленія на курсы ей приходится выдерживать тяжелую, хотя и мелочную борьбу съ родителями. Особенно противъ курсовъ была ея матушка, толстая и въ сущности добродушная, но непроходимо-невѣжественная дама съ претензіями на аристократизмъ. Больше всего ее ужасала мысль, что скажетъ какая-то тетушка, урожденная княжна Оболдуева, когда Лиза будетъ „потрошить трупы“, и бѣдная m-me Ступина по цѣлымъ днямъ проливала

горькія слезы—не о Лизѣ, нѣтъ, а о своемъ униженномъ и опозоренномъ дворянскомъ имени. Лиза стойко выносила всѣ эти непріятности и въ промежуткахъ между раздирательными сценами, истерическими рыданіями и воплями, подъ угрозой проклятій зубрила латинскую грамматику и готовилась къ экзамену. Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось нашимъ первымъ студенткамъ пробивать себѣ дорогу къ образованію, и пусть ихъ преемницы, которымъ уже легче идти по проторенной дорожкѣ, помянутъ добромъ своихъ погибшихъ товарищей...

Въ августѣ Лиза уѣхала въ Петербургъ, въ сентябрѣ сдала экзаменъ, а въ октябрѣ мы съ нею встрѣтились уже въ новой обстановкѣ, въ крошечной каморкѣ на Пескахъ. Каморка была сыровата, за стѣной орали ребятишки и съ утра до вечера стучала швейная машинка, но Лиза была довольна и увѣряла, что устроилась великолѣпно. На мой вопросъ, какъ обстоятъ ея денежныя дѣла, она отвѣчала неохотно, но мнѣ все-таки удалось узнать, что родители обѣщали ей высылать, а пока она живетъ на собственныя деньги, заработанныя ею еще въ Москвѣ уроками, да и здѣсь разсчитываетъ найти какую-нибудь работу, чтобы не обязываться роднымъ. Я просилъ ее не стѣсняться и обращаться ко мнѣ, если понадобятся деньги, но она надула губки, степенно поблагодарила и отклонила мое предложеніе. Самостоятельная была особа, и я рѣдко встрѣчалъ даже среди мужчинъ такое стремленіе къ независимости. Помню, я даже нѣсколько обидѣлся на нее за этотъ отказъ и назвалъ ее „копеечницей“, но она только улыбнулась и по обыкновенію своему промолчала. Видѣлись мы рѣдко. Она была такъ поглощена своими лекціями, практическими занятіями, что у нея не было минуты свободной, и гости ее стѣсняли. Она начала уже работать по анатоміи и гистологіи, но особенно увлекалась химіей и фізіологіей, а тѣ рѣдкіе вечера, въ которые мнѣ удавалось застать ее дома, мы проводили за химіей Менделѣева или за фізіологіей Фостера, исписывая листы бумаги формулами и задачами. Умъ у нея былъ точный, положительный, глубокій, и она старалась вникнуть въ самую сущность предмета, не пренебрегая никакими деталями, тщательно вдумываясь въ каждое явленіе. Заниматься съ нею было очень интересно и у меня вошло въ привычку отмѣчать и разрѣшать вмѣстѣ съ нею всякіе запутанные вопросы и темныя мѣста. И не было случая, чтобы она затруднилась и не нашла рѣшенія, и всегда это дѣлалось быстро и оригинально. При этомъ трудолюбіе у нея было изумительное; она занималась съ жадностью, со страстью, и еще жа-

ловалась, что времени мало; бѣдняжка точно предчувствовала, что ей недолго остается жить, и торопилась, торопилась...

— Послушайте, Ступина,—говорилъ я ей иногда, входя къ ней въ комнату и заставая ее за столомъ, заваленнымъ книгами, тетрадями и грудю костей.—Будетъ вамъ сидѣть,—пойдемте сегодня въ театръ. Она поднимала отъ атласа Гейцмана свое блѣдное личико и долго глядѣла на меня затуманеннымъ взоромъ, точно не понимая, о чемъ идетъ рѣчь. Я повторялъ свой вопросъ, смѣясь и сердясь.

— Ахъ, въ театръ!—воскликала она нѣсколько удивленно.— Хорошо, пойдемте, только не сегодня. Сегодня мнѣ страшно некогда, надо кончить анатомію руки — сосуды и нервы; потомъ я взяла на одинъ вечеръ Розенталя... Ахъ, послушайте, вотъ интересно...

И глядь! у нея въ рукахъ уже карандашъ, и она рисуетъ какой-нибудь міографъ и толкуетъ о предѣлахъ мышечной работы, и ты увлекся тоже, споришь, доказываешь—и забылъ о театрѣ. Одинъ разъ мнѣ все-таки удалось ее вытащить на вечеринку. Она надѣла свое лучшее черное платье, прицѣпила какой-то голубой бантикъ, и мы отправились. Большая зала въ кухмистерской Вешнякова, звуки музыки, впрочемъ, довольно плохой, шаркающія пары, дымъ и шумный говоръ ошеломили ее. Она забилась въ самый отдаленный уголъ и весь вечеръ просидѣла тамъ, выглядывая, какъ звѣрекъ, съ испугомъ и недоумѣніемъ. Всѣ мои старанія увлечь ее въ танцы оказались напрасными и наконецъ я замѣтилъ, что она зѣваетъ самымъ откровеннымъ образомъ.

— Что это вы, Ступина? Какъ вамъ не стыдно! Вы зѣваете?

— Скучно! — какъ бы извиняясь сказала она и по-дѣтски улыбнулась.

Въ эту самую минуту къ ней подскочилъ какой-то студентикъ и пригласилъ ее на кадрили. Нужно было видѣть искренній ужасъ на ея лицѣ, когда она спѣшила ему отказать! Я не выдержалъ—расхохотался и больше уже никогда не приглашалъ ее ни на какія вечеринки.

Въ большомъ обществѣ она вообще бывала дика и застѣнчива, и ее очень трудно было заставить разговариваться. Мнѣ иногда просто досадно было видѣть, какъ она оставалась въ тѣни, а другія, менѣе умныя, но зато болѣе бойкія, производили впечатлѣніе. Я даже сердился на нее за это и не разъ ей говорилъ:

— Послушайте, Ступина, чего вы дичитесь? Эдакъ вы со-

всѣмъ разучитесь говорить публично, а между тѣмъ, представьте себѣ, вамъ придется когда-нибудь читать лекціи? Чтò вы тогда будете дѣлать?

А она усмѣхалась и возражала:

— Вы очень хорошо знаете, что я не мечтаю о профессурѣ,—моя дорога совсѣмъ другая. Тамъ не понадобится много говорить; нужно будетъ побольше работать... Да и смѣшно говорить о профессурѣ, когда даже курсы наши закрываются...

Зато въ другихъ случаяхъ, когда требовалось именно дѣло, а не слово, она проявляла необыкновенную находчивость и энергію. Такъ однажды она вступилась за мальчика, котораго истязалъ на улицѣ какой-то лавочникъ, и цѣлую недѣлю хлопотала, бѣгала по участкамъ, писала въ газеты, пока ей не удалось пристроить мальчика въ хорошія руки, а лавочника посадить на скамью подсудимыхъ. Въ другой разъ, возвращаясь откуда-то компаніей, мы набрали на обыкновенную въ Петербургѣ уличную сцену: на тротуарѣ упалъ какой-то человѣкъ, можетъ быть, больной, а можетъ быть, просто голодный, и около него собралась праздная толпа, не зная чтò дѣлать, и по обыкновенію русскаго человѣка ожидая, что вотъ придетъ „господинъ городской“ и все разсудитъ и устроитъ. Мы тоже присоединились къ толпѣ и пока судили да рядили, Лиза Ступина разспросила больного, гдѣ онъ живетъ, посадила его на извозчика и отвезла въ больницу. Такихъ случаевъ съ Лизой было множество, и всѣ ея знакомые въ шутку говорили, что съ Ступиной никуда показаться нельзя — непременно выйдетъ исторія. Подсмѣивался надъ Лизой и я вмѣстѣ со всѣми... Да, тогда было смѣшно, а теперь... но зачѣмъ объ этомъ говорить? Молодость часто смѣется надъ тѣмъ, надъ чѣмъ въ старости люди плачутъ. Впрочемъ, господа, я расчувствовался и затянулъ свой разсказъ; мнѣ-то, конечно, пріятно вспомнить старину, а для васъ не думаю, чтобы это было очень интересно. Да и рассказывать больше нечего; исторія самая обыкновенная. Жилъ былъ хорошій человѣкъ, работалъ, боролся, много общалъ—и вдругъ безсмысленно умеръ. Зачѣмъ? Для чего? Все это праздные вопросы, на которые никогда не бываетъ отвѣта. Да и не для того совсѣмъ, чтобы вопрошать, я вспомнилъ о Лизѣ Ступиной, а просто подъ вліяніемъ этого разговора о приборѣ мнѣ захотѣлось почтить память одной изъ тѣхъ, которыя стремились впередъ и—разбились... Вотъ и все.

— Нѣтъ, докторъ, вы доскажите до конца, — слышался чей-то женскій голосъ.—Отчего Лиза умерла?

— Умерла она очень просто... Въ это время она уже была на третьемъ курсѣ и попрежнему работала чрезмѣрно, цѣлые дни проводя то въ лабораторіи, то въ препаровочной, то въ Публичной Библіотекѣ, потому что у нея не хватало средствъ на покупку всѣхъ необходимыхъ для нея книгъ. Она даже въ обѣдѣ себѣ иногда отказывала, сэкономила на одеждѣ, на квартирѣ, и все это для того, чтобы пріобрѣсти себѣ микроскопъ. Ужъ и бранилъ я ее за это... но на нее не дѣйствовало. Выслушаетъ, улыбнется и пойдетъ покупать ливерную колбасу, которую она почему-то считала необыкновенно питательною.

— Я не понимаю, что вы злитесь? — говорила она, когда я ворчалъ при видѣ этой колбасы. — Вѣдь если бы я хворала отъ нея или вообще чувствовала себя скверно, а то вѣдь нѣтъ! Я очень здорова и никогда не болѣю, значить, нечего и говорить.

Дѣйствительно, здоровье у нея было прекрасное, и она даже никогда не жаловалась на усталость, несмотря на безпрерывную бѣготню и на тяжелый воздухъ лабораторіи и анатомическаго театра. Что ужъ ее поддерживало, право не знаю, и я даже подсмѣивался надъ нею, перефразируя извѣстное изреченіе: „науки юношей питають“... Я въ это время ходилъ къ ней часто, къ вечернему чаю, и не больше какъ на полчаса—больше она не позволяла. Признаюсь, меня къ ней тянуло, и сколько разъ я собирался ей сказать объ этомъ... Но, бывало, взглянешь на ея серьезное лицо, увидишь эти открытые голубые глаза, эти дѣтскія губки, и языкъ не поворачивается и даже стыдно какъ-то станетъ,—вотъ, молъ, дуракъ-то; человекъ наукой занятъ, о какой-нибудь химической реакціи думаетъ, а ты вдругъ съ любовью... И пойдешь себѣ домой не солоно хлебавши, утѣшаясь мыслью, что вѣдь время еще не ушло, что вотъ, можетъ быть, завтра... Такъ ничего и не сказалъ, а она, конечно, сама не догадалась... я увѣренъ, что она даже и не подозрѣвала, какія чувства волновали меня въ то время, какъ она рассказывала мнѣ о какомъ-нибудь своемъ „интересномъ больномъ“. Воображаю, какъ бы она смѣялась, если бы знала!.. Вотъ какъ сейчасъ вижу ее передъ собою,—въ неизмѣнномъ черномъ платьѣ, въ черномъ длинномъ фартукѣ, обшитомъ желтою тесьмою и прожженнымъ въ разныхъ мѣстахъ кислотой; вижу ее расхаживающую взадъ и впередъ по комнатѣ и дѣловито закуривающую папироску—она научилась курить въ препаровочныхъ; на столѣ шумитъ самоваръ, и торопливо тикаютъ часы,—какъ я ненавиждѣлъ эти часы! Лишь только стрѣлка приближалась къ заранѣе

отмѣченной цифрѣ, Лиза прерывала бесѣду на полусловѣ, протягивала мнѣ руку и говорила: „Ну, вамъ пора. До свиданія“!

— Позвольте хоть еще полчаса! — протестовалъ я. — Ну, что за педантизмъ такой! Вѣдь мѣръ, надѣюсь, отъ этого не разрушится?

— Нѣтъ, нельзя, — твердо повторяла она. — Сворачивать съ дороги легко, да найти ее потомъ трудно. До свиданія!

И вотъ однажды, придя къ Лизѣ по обыкновенію въ назначенный часъ, я къ удивленію своему замѣчаю, что и полчаса прошло, и еще полчаса, а она все молчитъ, не гонитъ. Забыла, думаю, и радъ, не напоминаю, даже часы какъ будто нечаянно отодвинулъ подальше и фуражкой прикрылъ. Она ничего, все не гонитъ. Я наконецъ даже не вытерпѣлъ, такъ это меня удивило.

— Что это вы сегодня, именинница, что ли? — спросилъ я.

— Нѣтъ, а что?

— Да вотъ уже и второй часъ у васъ сижу, а вы не гоните. Что это съ вами?

Она улыбнулась.

— Ничего, сидите. Мнѣ что-то сегодня заниматься не хочется.

И мы продолжали прерванную бесѣду. Впрочемъ, на этотъ разъ говорилъ больше я, а она сидѣла за самоваромъ и слушала. Такъ незамѣтно пролетѣлъ вечеръ. Когда я собирался уходить, она вдругъ вспомнила:

— Ахъ, да, я забыла вамъ сказать, — я сегодня на вскрытіи порѣзалась.

Меня при этихъ словахъ точно обожгло что-то внутри.

— Ну, вотъ! — сердито сказалъ я. — Ужъ васъ угораздитъ всегда! Гдѣ, покажите? Не очень сильно? Вы, конечно, прижгли сейчасъ же?

— Конечно, прижгла, — проговорила она, протягивая мнѣ пораненную руку. — Пустяки, царапина!

Дѣйствительно, на ладони около большого пальца была небольшая царапинка, немножко покраснѣвшая и припухшая. Я приписалъ это уксусной кислотѣ и не нашелъ ничего серьезнаго, но очень долго держалъ въ своей рукѣ эту маленькую бѣлую ручку, которую мнѣ въ эту минуту ужасно хотѣлось поцѣловать. И какъ я жалѣлъ потомъ, что не поцѣловалъ!..

На другой день вечеромъ я былъ въ акушерской клиникѣ на дежурствѣ. Сидимъ мы съ товарищемъ въ корридорѣ, болтаемъ,

смѣмся, вдругъ къ намъ подходитъ студентъ-пятикурсникъ съ разстроеннымъ лицомъ.

— Господа, какой ужасный случай. Одна медичка умерла сегодня отъ зараженія крови.

Меня точно обухомъ по головѣ ударило. А студентъ продолжалъ:

— Завтра похороны. Нужно пойти, господа... вѣнокъ... Что? Какъ фамилія? Кажется, Ступина. Не помню хорошенько. Ужасно, ужасно... какая смерть!..

Но я уже не слушалъ... Я вышелъ изъ клиники и пошелъ-было на Пески къ ней... Но на полдорогѣ вспомнилъ, что ея уже нѣтъ, и вернулся назадъ. Вообще я смутно помню, что я дѣлалъ и что чувствовалъ въ тотъ проклятый вечеръ. Зашелъ въ аптеку и купилъ полъ-унца хлораль-гидрата „рго ме“. Потомъ пришелъ къ себѣ домой, велѣлъ зачѣмъ-то затопить печку, — должно быть, мнѣ было холодно, — положилъ хлораль-гидратъ подъ подушку, легъ и заснулъ... И вотъ, какъ видите, живъ и до сихъ поръ... Я-то живъ, а она въ могилѣ... На похоронахъ я не былъ. И даже не спрашивалъ, какъ все это было. Послѣ уже, долго спустя, слышалъ смутно, что хоронили торжественно, были вѣнки и цвѣты, за гробомъ шли студентки и студенты, пѣли „Святый Боже“, профессоръ химіи, говорятъ, плакалъ... она была его лучшая ученица... Рассказывали еще какія-то подробности, но я не интересовался, да, признаться, даже и не знаю, гдѣ она похоронена. Зачѣмъ?... Вѣдь тамъ только прахъ, а она сама... она сама... всегда вотъ здѣсь... въ моемъ...

Докторъ не договорилъ, всталъ и отошелъ въ сторону. Мы всѣ долго молчали, — только приборъ шумѣлъ попрежнему настойчиво и упрямо.

— Да, печальная исторія! — проговорилъ наконецъ инспекторъ. — И сколько такихъ! Вотъ поэтому-то, когда я ѣду въ учебное время по желѣзной дорогѣ и вижу вокругъ себя множество оживленныхъ молодыхъ лицъ, особенно женскихъ, мнѣ становится грустно... Я думаю, какъ они молоды, счастливы, восторженны; какія надежды одушевляють ихъ, какія мечты рисуются имъ впереди, а что ихъ ждетъ? Я не говорю уже о разочарованіяхъ, обидахъ и всякаго рода неудачахъ, — нѣтъ, многихъ ждетъ впереди гибель, смерть, вотъ какъ эту бѣдную, милую Лизу Ступину. Что дѣлать! Даромъ ничто не дается — судьба жертвъ искупительныхъ просить... Въ этомъ единственное утѣшеніе.

— Хорошо утѣшеніе! — иронически отозвался кто-то.

— А какже? Гдѣ борьба, тамъ и жертвы. Не хочешь выходить на брань, сиди въ своей норѣ, — тамъ хоть и грязно, да тепло и сытно. А вышелъ въ чисто поле — дѣлать нечего, подставляй лобъ подъ пули. И, я думаю, многіе предпочтутъ

Лучше пасть какъ дубъ въ ненастье,
Чѣмъ съ тростникомъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье
Для франта тросточкой служить...

— Ну, это еще вопросъ! — возразилъ тотъ же ироническій голосъ. — Большинство думаетъ не такъ, и предпочитаетъ теплую конуру и корыто съ пойломъ.

— Ну, что-жъ, и пусть себѣ, насъ это большинство не интересуеетъ. Мы заговорили не о гниломъ болотѣ, а о живой и вѣчно дѣятельной волнѣ. Тамъ смерть, здѣсь жизнь; тамъ разложеніе, здѣсь борьба, и хотя въ этой борьбѣ отдѣльныя личности разбиваются и погибаютъ, но вѣдь дѣло-то ихъ остается, усилія-то ихъ не пропадаютъ даромъ. Погибнуть одни — придутъ на ихъ мѣсто другіе — вотъ вѣдь въ чемъ суть!

Счастливъ, кто тѣломъ легъ своимъ,
Судьбой преслѣдуемъ неправой;
Воздвигъ ступень ко граду славы
Великодушно онъ другимъ...

— Экъ стихи-то, такъ и лѣзутъ изъ васъ! — засмѣялись кругомъ. — И откуда вы ихъ берете?

— Привычка-съ, батеньки мои, старая привычка отставного преподавателя словесности. Но о стихахъ послѣ, а вотъ ужъ если пошло на печальныя исторіи объ этихъ великодушныхъ жертвахъ судьбы, то позвольте мнѣ тоже рассказать одну исторію и присоединить къ имени Лизы Ступиной еще одно безвѣстное имя. По странной случайности, это тоже женщина, или, лучше сказать, дѣвочка... но она составляетъ частицу той же общественной волны, только волна эта идетъ съ другой стороны, и героиня моя... впрочемъ, вотъ послушайте сами, а я постараюсь не утомлять очень вашего вниманія.

— Слушаемъ, слушаемъ, говорите! — слышались голоса. Инспекторъ закурилъ папиросу и началъ:

— Это было, когда я еще служилъ въ С—й губерніи. Разъ пріѣзжаю въ село Крутой-Яръ на экзамены, тамъ у меня учительница была, Ольга Ивановна, хорошая барыня и тоже въ своемъ родѣ типъ... Но не о ней рѣчь; скажу только, что учительница она была прекрасная и числилась на хорошемъ счету.

Ужъ одно то можетъ ее характеризовать, что Крутой-Яръ былъ почти сплошь населенъ раскольниками, и несмотря на это, Ольга Ивановна съумѣла такъ расположить крутоярцевъ въ свою пользу, что многіе посылали дѣтей своихъ учиться въ земскую школу. Впрочемъ, посылали только мальчиковъ; дѣвочекъ—ни-ни, и не разъ Ольга Ивановна горько на это жаловалась. И вдругъ прїѣзжаю къ ней на экзамены, гляжу, съ выпускными сидитъ дѣвчонка... Можете себѣ представить мое изумленіе, я сначала даже глазамъ своимъ не повѣрилъ. Но пѣтъ, слышу, Ольга Ивановна вызываетъ: „Дарья Тинякова!“ и къ доскѣ выходитъ эдакая пигалица, въ лаптишкахъ, въ красненькомъ платочкѣ, носикъ пуговкой, глазами моргаетъ и отъ волненія фыркаетъ... Задаю задачу—ничего, ободрилась, мѣлкомъ стучаетъ,—рѣшила хоть куда. Задаю другую—та же исторія. Заставилъ читать—высморкалась эдакъ обстоятельно въ подолъ сарафанчика, взяла книжку—прекрасно читаетъ! Спрашиваю Ольгу Ивановну, откуда у васъ эдакое чудо? Это, говоритъ, цѣлая исторія. И рассказываетъ мнѣ, что Дарья Тинякова изъ раскольничьей семьи, что она сначала потихоньку отъ своихъ бѣгала къ ней учиться, но потомъ, конечно, все это открылось, и бѣдную дѣвочку стали сильно притѣснять. Ее и били, и привязывали, и запирали, но Дарья какъ-то ухитрилась и снова пробиралась къ Ольгѣ Ивановнѣ. Всѣми правдами и неправдами ей удалось таки наконецъ подготовиться къ экзамену, и вотъ,—закончила Ольга Ивановна свой рассказъ,—какъ видите, она добилась цѣли. Эта исторія заставила меня сильно призадуматься. Какъ хотите, Дарья Тиняковы вѣдь не каждый день встрѣчаются. Въ городѣ, гдѣ и школы, и гимназін, и всякая такая штука, и то дѣвочекъ приходится чуть не насильно тянуть къ грамотѣ, а тутъ простая деревенская дѣвчонка сама бѣжитъ въ школу, выносить за это побои, брань, воюетъ съ семьей — и все-таки получаетъ свидѣтельство объ окончаніи училища, это ужъ явленіе незаурядное, и такъ оставить его нельзя. Надо помочь Дарьѣ Тиняковой... но какъ?

— Сколько ей лѣтъ?—спросилъ я Ольгу Ивановну.

— Пятнадцать. Это она ростомъ такая маленькая,—не растетъ, должно быть, отъ плохого питанія, а лѣтъ ей ужъ много. Черезъ годъ замужъ.

— Ну, зачѣмъ замужъ! Мы ей другое дѣло найдемъ!—сказалъ я.

Добрая душа такъ и засіяла.

— Ахъ, если бы!.. Ахъ, какъ я рада!.. Я ужъ думала ее на свой счетъ какъ-нибудь устроить.

— На свой счетъ... а сама получала 18 руб. 33¹/₃ коп. въ мѣсяцъ! Вотъ настоящіе-то добрые люди, — они никогда не раздумываютъ, что и какъ, да хватить ли у нихъ силъ помочь, а прямо бросаются и дѣлаютъ что нужно, — и всегда выходитъ хорошо! Эта черта и въ Лизѣ Ступиной была — помните? и за это Лиза мнѣ особенно полюбилась.

— Ну, я, конечно, расхотался надъ „своимъ счетомъ“ Ольги Ивановны; у меня родился другой планъ, непохожій на ея. Ольга Ивановна хотѣла помочь Дарьѣ Тиняковой учиться дальше, а я, напротивъ, хотѣлъ, чтобы Дарья Тинякова осталась въ деревнѣ и учила другихъ. Ольга Ивановна хотѣла ее оторвать отъ семьи, а я, наоборотъ, хотѣлъ прикрѣпить ее къ ней. Я рассуждалъ такъ: полунинтеллигентныхъ выходцевъ изъ деревни у насъ много, но всѣ они бѣгутъ въ городъ, неудовлетворенные деревенской жизнью, и ихъ знанія, которые могли бы пригодиться въ деревнѣ, пропадаютъ безъ пользы. Нужно создать такой типъ деревенскаго интеллигента, который оставался бы въ своей семьѣ, въ своей деревнѣ, жилъ бы ея жизнью и помогалъ бы ей своими знаніями. Эта мысль являлась у меня и раньше, но я не имѣлъ случая ее осуществить, теперь случай явился — Дарья Тинякова... Пусть она подготовится, подучится и, если возможно, сдастъ экзаменъ на сельскую учительницу. Тогда я сдѣлаю ее помощницей въ той же Крутойрской школѣ, а впослѣдствіи она, вѣроятно, будетъ и учительницей. Такимъ образомъ Дарья Тинякова остается на своей родной почвѣ и поэтому ея дѣятельность должна быть особенно плодотворна. Въ качествѣ „своей“ она будетъ ближе къ нуждамъ деревни, и деревня отнесется къ ней съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ къ чужому человѣку. Ея личный примѣръ подѣйствуетъ заразительно, и за первую Дарьей Тиняковой явятся десятки и сотни другихъ Тиняковыхъ... Однимъ словомъ, развивая свой планъ Ольгѣ Ивановнѣ, я такъ размечтался, что даже и про экзаменъ забылъ, спасибо, она напомнила. Но хотя я и былъ ослѣпленъ своими Маниловскими мечтами, однако замѣтилъ, что Ольга Ивановна какъ будто не очень имъ сочувствуетъ. И дѣйствительно, она смотрѣла на дѣло иначе, она мнѣ послѣ все это высказала. И какъ вы увидите дальше, она была права... увы, несмотря на свой почтенный возрастъ и на званіе инспектора народныхъ училищъ, я былъ наивенъ, какъ Щедринскій пискарь, и совершенно не зналъ деревни.

Я уѣхалъ, но о Дарьѣ Тиняковой не забылъ и при случаѣ справлялся о ней у Ольги Ивановны. Дарья жила попрежнему

у родныхъ, такъ же потихоньку бѣгала въ школу, украдкой читала книжки и готовилась, а въ промежуткахъ между арифметикой и закономъ Божіимъ ее колотили, посылали на рѣчку мыть бѣлье, а по праздникамъ заставляли читать раскольниковыя псалмы. И я, глупый старый пискарь, восхищался всѣмъ этимъ и рассказывалъ своимъ городскимъ знакомымъ о необыкновенной дѣвочкѣ, которую, представьте!—колотятъ, а она все-таки учится! И я увѣренъ, что если бы Дарью перестали бить, а напротивъ, позволили бы ей учиться сколько угодно, — три четверти интереса къ ней навѣрное бы ослабло, и, вѣроятно, о ней даже скоро бы и забыли. Вотъ до чего могутъ дойти люди, ослѣпленные какой-нибудь односторонней идеей, въ особенности если эта идея принадлежитъ ихъ собственному творчеству...

Прошелъ годъ, я опять былъ у Ольги Ивановны и, конечно, освѣдомился о Дарьѣ Тиняковой. Ольга Ивановна съ унылымъ видомъ сообщила мнѣ, что Дарьѣ очень плохо живется. Дома ее поѣдомъ ѣдятъ, книжки у нея рвутъ и жгутъ, такъ что она уже туда книгъ не беретъ, а бѣгаетъ заниматься въ школу, когда урветъ минутку. Но и это бываетъ рѣдко, потому что совершенно нѣтъ времени: ее засадили ткать и строго слѣдятъ, чтобы она выполняла заданные уроки, столько-то аршинъ въ день. При такихъ условіяхъ, конечно, о подготовкѣ нечего было и думать. Выслушавъ все это, я возмущился и тутъ же далъ Ольгѣ Ивановнѣ слово, что пристрою Дарью куда-нибудь въ школу грамотности пока, а потомъ можно будетъ назначить ее и помощницей. Ольга Ивановна опять просіяла и горячо меня благодарила за Дарью.

Но хотя обѣщать-то я и обѣщалъ, однако выполнить это было не такъ-то легко. Школы грамотности у насъ въ губерніи были не въ модѣ, ихъ было очень мало, и для Дарьи пришлось бы открывать новую; церковно-приходскія школы были переполнены, да если бы и удалось какъ-нибудь пристроить Дарью въ одну изъ нихъ, что бы сказали ея родители, а мнѣ вовсе не хотѣлось возстановлять ихъ противъ себя и подготовить между ними и Дарьей полный разрывъ. Положеніе, батеньки вы мои, было щекотливое, но я рѣшилъ, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“ устроить это дѣло—и устроилъ. Прежде всего, конечно, нужно было уломать Дарьинныхъ родителей отпустить дочь изъ дому, и въ одно изъ посѣщеній Крутояра я, надѣвъ фуражку съ кокардой, чтобы произвести болѣе впечатлѣнія, отправился къ Тиняковымъ. Я ожидалъ, что меня тамъ встрѣтятъ чуть не съ дреколями и заранѣе приготовился принять муче-

ническую кончину, но, къ моему величайшему удивленію, все обошлось благополучно. Меня приняли хотя и не съ распротертыми объятіями, но довольно вѣжливо, а отецъ Дарьи, мозглявый и какой-то растерянный мужиченко, оказался даже очень податливымъ и все мнѣ поддакивалъ. Я даже немножко былъ разочарованъ: въ воображеніи моемъ рисовались эпическія фигуры грозныхъ фанатиковъ, въ родѣ попа Аввакума, и вдругъ, самый обыкновенный деревенскій, запуганный мужикъ... Жена его тоже не выражала никакого протеста, и меня только смущали какія-то двѣ старухи,—настоящія вѣдьмы изъ Макбета!—которыя зловѣще выглядывали на меня съ печки и что-то бормотали. Дарья во время переговоровъ была тутъ же; она сидѣла у окна и прядла, не поднимая глазъ и не говоря ни слова; я замѣтилъ только, что у нея дрожали губы, и она то краснѣла, то блѣднѣла, какъ полотно.

— Ну-къ, что-жъ!—мямлилъ отецъ.—Пущай... Мы съ нея воли не сываемъ. Хочь иди, хочь нѣтъ... Слышь, что-ль?.. Дашутка!..

„Дашутка“ молчала, и только веретено нервно прыгало въ ея рукахъ: „жж... жж...“ Старухи зловѣще бормотали на печи. Я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда вышелъ отъ Тиняковыхъ; самое главное было улажено и какъ легко... „Ольга Ивановна добрая душа, и навѣрное преувеличиваетъ!—думалъ я. Ей вездѣ мерещатся ужасы и по ея словамъ родители Дарьи выходили какими-то извергами. А какіе же они изверги? Самые обыкновенные и даже, кажется, добрые люди“...

Я опять разсуждалъ, какъ благодушный пискарь. Я думалъ, что мучить и калѣчить могутъ только изверги, а между тѣмъ именно добрые-то и любящіе иногда и бываютъ самыми жестокими мучителями, и даже такъ бываетъ, что чѣмъ больше они любятъ, тѣмъ сильнѣе терзаютъ того, кого любятъ... Итакъ, иду это я себѣ и размышляю, вдругъ слышу кто-то за мною бѣжитъ и зоветъ меня по имени. Оглядываюсь—Дарья Тинякова, накинула на голову какой-то рваный зипунишко и догоняетъ меня. Я остановился, а она добѣжала, схватила меня за руку и ну цѣловать ее. И ничего не говоритъ, только всхлипываетъ. Признаюсь, я даже прослезился, такъ это меня тронуло. „Ну, ну“, говорю и хочу отнять у нея руку, а она вцѣпилась и рыдаетъ-рыдаетъ. Потомъ подобрала свой зипунишко, который свалился съ нея, и опять побѣжала назадъ. Я ей даже сказать ничего не успѣлъ. Но такъ она меня растрогала, что я всю дорогу думалъ о ней и во что бы то ни стало рѣшилъ ее устроить.

Это мнѣ удалось. Верстахъ въ пяти отъ Крутояра была деревнюшка, такъ себѣ, выселки не выселки, хутора не хутора, подъ названіемъ Козье Болото. Тамъ было всего дворовъ тридцать, но ребятъ имѣлось множество, и иные бѣгали за пять верстъ учиться въ Крутоярскую школу. Зимой въ мятели, которыя въ С—й губерніи бываютъ такія, что деревни съ крышами замечаетъ, это было неудобно, и вотъ я рѣшилъ открыть тамъ школу грамотности. Земство согласилось, наняли у бобылки хату, положили учителю 30 руб. въ годъ, и Дарья Тинякова водворилась на Козьемъ Болотѣ. Сначала дѣло шло прекрасно. Ольга Ивановна сообщала мнѣ въ письмахъ, что Дарья наша на седьмомъ небѣ, и я былъ очень радъ и доволенъ. По веснѣ, разъѣзжая по вѣренннымъ мнѣ школамъ, я нарочно сдѣлалъ крюкъ и заѣхалъ въ Козье Болото, чтобы посмотрѣть, какъ орудуетъ тамъ Дарья Тинякова. И что же, господа, я былъ пораженъ, просто пораженъ успѣхами Дарьиныхъ учениковъ! У нея ихъ было, положимъ, всего 17 человѣкъ, но для неопытной учительницы, какою была Дарья, и этого черезчуръ уже достаточно. А между тѣмъ дѣло было поставлено превосходно, читали и писали всѣ очень хорошо, объясняли прочитанное толково, но главное, что меня особенно поразило и чего я не ожидалъ въ виду молодости и происхожденія Дарьи—это образцовый порядокъ въ школѣ и поведеніе учениковъ. Никто не совался впередъ, никто не галдѣлъ, когда не спрашивали, и въ то же время ни у кого не замѣчалось того запуганнаго вида, который характеризуетъ учениковъ черезчуръ строгаго учителя, придающаго большое значеніе школьной дисциплинѣ. И сама Дарья была такая степенная въ своемъ синемъ кубовомъ сарафанѣ, въ лаптяхъ съ бѣлыми онучами, въ темненькомъ платочкѣ, низко надвинутомъ на глаза, что я былъ тронутъ и умиленъ до глубины души. Учительница въ лаптяхъ!.. Учительница изъ народа, изъ самага, такъ сказать, сердца деревни!.. Видали ли вы, батеньки мои, что-нибудь подобное? Сомнѣваюсь...

Я возвратился домой въ самомъ приподнятомъ настроеніи духа и всѣмъ своимъ знакомымъ рассказывалъ о необыкновенной учительницѣ, а главное о томъ, что она самая простая деревенская дѣвушка и даже ходитъ въ лаптяхъ. Конечно, ахи, охи!.. „Какъ? Неужели въ лаптяхъ? Ахъ, какъ это интересно! Какъ это мило... И пусть себѣ она такъ и остается въ лаптяхъ...“ Нѣкоторыя дамы даже пролили слезу умиленія надъ этими лаптями, точно именно въ нихъ-то и была суть, а о томъ, каково живетъ самой Дарьѣ,—никто и не спросилъ. О лаптяхъ Дарьи-

ныхъ говорили, а о душѣ-то ея и не подумали. Такъ-то и бываетъ на свѣтѣ, что люди больше интересуются декораціей, чѣмъ пьесой. Теперь все это противно вспомнить, а тогда вѣдь я, старый дурень, и самъ принималъ участіе въ этой комедіи, самъ громче всѣхъ кричалъ: „лапти, лапти!“ Эхъ, не хочу говорить, стыдно становится, — и хорошо, что темно, а то бы увидѣли, какъ я покраснѣлъ... Такъ прошелъ годъ. Вдругъ до меня начинаютъ доходить какіе-то смутные слухи, что въ Крутойрѣ неладно, что Дарьей Тиняковой недовольны, что она тамъ ведетъ себя какъ-то нехорошо. Потомъ получаю отчаянное письмо отъ Ольги Ивановны, пишетъ, что Дарью кто-то преслѣдуетъ, что на нее пишутъ доносы, что ей грозитъ увольненіе, потому что ее обвиняютъ въ неблагонадежности... Что за ерунда, думаю. Откуда у деревенской дѣвочки возьмется какая-то „неблагонадежность“? Просто, вѣроятно, какой-нибудь пустякъ, Дарья по молодости лѣтъ сдѣлала какую-нибудь безтактность, а Ольга Ивановна по своему обыкновенію все раздула и преувеличила. Однако, рѣшилъ при случаѣ навести справки и разслѣдовать дѣло. Только сию однажды утромъ въ своемъ кабинетѣ, приходитъ жена и сообщаетъ, что меня спрашиваетъ какая-то „баба“. Что за баба, говорю, — ко мнѣ бабы не ходятъ.

— Да нѣтъ же, говоритъ, тебя спрашиваетъ! Выхожу, вижу, дѣйствительно, стоитъ женщина въ плохенькомъ тулупчикѣ, въ лаптяхъ, платкомъ покрыта. Вматриваюсь — Дарья Тинякова! Ну, я сейчасъ же, къ удивленію всѣхъ своихъ домочадцевъ, взялъ ее за руку, повелъ къ себѣ, посадилъ въ кресло и сталъ разспрашивать. Вижу, дѣвочка взволнована страшно, еле говорить и все слезы глотаетъ.

— Да что такое случилось? говорю. Вы успокойтесь, расскажите!

— Уволили меня, шепчетъ. Училищный совѣтъ... школу закрыли, учениковъ разогнали... не знаю, что дѣлать...

И зарыдала. Я совсѣмъ растерялся, ничего не понимаю, за что уволили, почему учениковъ разогнали... Даетъ она мнѣ письмо отъ Ольги Ивановны, читаю и опять ничего не понимаю. Какой-то дячковъ сынъ мѣтилъ на Дарьино мѣсто и написалъ на нее доносъ, что будто бы она совращаетъ въ расколъ учениковъ и читаетъ имъ книгу Маргаритъ и Златаго Бисера. Приѣзжалъ членъ училищнаго совѣта, производилъ разслѣдованіе... Потомъ зачѣмъ-то на сцену появился земскій начальникъ, вызывалъ къ себѣ Дарью, кричалъ на нее, топалъ ногами и угро-

жалъ посадить въ холодную. Потомъ явился сотскій съ бумагой, школу запечатали, Дарью и учениковъ прогнали—вотъ и все...

— Правда это, что Ольга Ивановна пишетъ? — спрашиваю Дарью.

— Правда, говоритъ и начинаетъ рассказывать мнѣ кое-какія подробности. Вижу, дѣйствительно, исторія вышла какая-то скверная, но успокаиваю Дарью, ободряю, какъ могу, хотя чувствую, что на душѣ кошки скребуть. Вѣдь доносъ въ своемъ родѣ „слово и дѣло“, и хотя знаешь, что на дыбу теперь тебя не потянутъ, а все-таки какъ-то неприятно...

— Да вы и правда не читали ли имъ такія книги? спрашиваю.

— Никогда не читала, да и книгъ такихъ не видала. Слышала, что у начетчицы нашей, Прасковьи, будто есть такія, а сама ихъ не видала и не читала...

— Хорошо,—успокоилъ я ее, далъ ей немножко денегъ,—это вѣдь самый удобный способъ помогать ближнему: далъ копѣйку и святъ. Она поблагодарила и какъ будто повеселѣла.

— Такъ что же мнѣ теперь дѣлать? говоритъ.

— Ступайте, говорю, домой, поживите пока у родныхъ, а тамъ я разслѣдую дѣло и опять васъ куда-нибудь пристрою.

— Ужъ сдѣлайте милость, говоритъ. Ужъ я не знаю, какъ теперь и къ роднымъ-то пойду. Вѣдь они, когда меня въ Козье Болото провожали, такъ сказали, чтобы я къ нимъ и глазъ не показывала. А теперь я опять къ нимъ вернусь...

— Ну, что-жъ, говорю, вѣдь не звѣри же они. Ну, побранить, да и отстануть.

— А ужъ пуще всего мнѣ учениковъ-то жалко,—проговорила вдругъ она и опять заплакала.—Такъ я къ нимъ привыкла и такъ мнѣ школа эта полюбилась—въ жизнь бы не рассталась... Ужъ пожалуйста, назначьте меня опять въ какую-нибудь школу!..

Я обѣщаль, преподалъ ей нѣсколько благоразумныхъ совѣтовъ, и она ушла опять къ себѣ домой, откуда пришла пѣшкомъ за 70 верстъ. Я видѣлъ изъ окна, какъ она съ палочкой въ рукахъ переходила черезъ улицу, и въ эту минуту ея маленькая фигурка показалась мнѣ такой жалкой и безпомощной, что сердце у меня сжалось, и я чуть было не крикнулъ ей, чтобы она вернулась... Но она свернула за уголъ и скрылась. И больше я никогда уже ее не видѣлъ...

Я принялся за разслѣдованіе. Дѣло оказалось, какъ я и предполагалъ, скверное и хлопотливое. Были и доносы, и сплетни,

и всякая грязь, которую люди всегда пускаютъ въ ходъ, когда хотятъ погубить своего ближняго. О бѣдной Дарьѣ разсказывали разные ужасы и даже не пощадили ея нравственности. Возвратиться ей въ Козье Болото было немыслимо, а тутъ какъ разъ подоспѣлъ циркуляръ о закрытіи школъ грамотности и преобразованіи ихъ въ церковно-приходскія. Конечно, пристроить ее въ церковно-приходскую школу было возможно, но на это требовалось время, нужно было выжидать, подлаживаться, подготавливать почву, а какъ тутъ выжидать, когда Ольга Ивановна бомбардируетъ меня письмами и чуть не вопіетъ о помощи. Наконецъ она присылаетъ мнѣ письмо, въ которомъ прямо обращается съ просьбой найти Дарьѣ какое-нибудь мѣсто въ городѣ, хоть въ горничныя, хоть въ няньки, только ради Бога, потому что иначе невозможно... Я разсердился. Во-первыхъ, мнѣ эта исторія уже разстроила нервы и начала надоѣдать; во-вторыхъ, приставанія Ольги Ивановны начали казаться мнѣ черезчуръ назойливыми и не деликатными,—вѣдь знаетъ же она, что у меня не одно это дѣло на плечахъ, и не могу же я думать только о Дарьѣ да о Дарьѣ! Наконецъ, въ-третьихъ, просьба найти Дарьѣ мѣсто въ городѣ мнѣ совсѣмъ не понравилась, — помилуйте, а какъ же лапти? Вѣдь тогда ей придется ихъ снять, а что же останется отъ Дарьи, когда она надѣнетъ башмаки, и чѣмъ я буду восхищать моихъ знакомыхъ дамъ, пріятныхъ и очень пріятныхъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятныхъ?.. Нѣтъ-съ, я на это несогласенъ! Я написалъ Ольгѣ Ивановнѣ очень рѣзкое письмо, въ которомъ упрекалъ ее за то, что она не хочетъ ждать, совѣтовалъ ей быть благоразумной и въ заключеніе рѣшительно отказывалъ найти Дарьѣ мѣсто въ городѣ и при этомъ распространился на тему о вредѣ города для крестьянской неиспорченной души и о страшномъ преступленіи, которое мы, интеллигенты, беремъ на себя, когда отвлекаемъ полезныя силы отъ деревни. Не помню хорошенько, но, кажется, я даже помянулъ и лапти...

Отправивъ это жестокое и глупое письмо, я успокоился. Ольга Ивановна замолкла, всякіе слухи о Дарьиномъ дѣлѣ прекратились, и я въ свою очередь сталъ забывать о немъ. Такъ, иногда, бывало, вспомнишь какъ о чемъ-то непріятномъ („ахъ, да!.. Тинякова... надо, надо что-нибудь для нея сдѣлать“), сердце какъ-то защеमितъ, и опять стараешься отогнать отъ себя это воспоминаніе прочь, до болѣе удобнаго времени. А тутъ подошли каникулы, я взялъ отпускъ, уѣхалъ въ Финляндію — и совсѣмъ отрѣшился отъ всякихъ дѣлъ. Въ Финляндіи я отдохнулъ

и поправился и, возвратившись домой, съ усердіемъ принялся за дѣла. Вспомнилъ и о Дарьѣ Тиняковой, вспомнилъ, что я еще до сихъ поръ ничего для нея не сдѣлалъ, и сердце опять какъ-то болѣзненно сжалось. Но я сейчасъ же утѣшилъ себя мыслью, что теперь-то ужъ я займусь этимъ дѣломъ какъ слѣдуетъ, и рѣшилъ въ первую же поѣздку навѣстить Крутой Яръ и побывать у добрѣйшей Ольги Ивановны.

Пріѣзжаю. Та же школа, тѣ же ребята, но Ольга Ивановна встрѣчаетъ меня какъ-то странно, не попрѣжнему: не то официально, не то сконфуженно. И похудѣла, вижу, осунулась, и какія-то новыя морщинки на лицѣ появились.

— Что это вы, говорю, Ольга Ивановна? Больны были?

— Нѣтъ, такъ,—отвѣтила и больше ничего.

Когда ученики разошлись и я остался, по обыкновенію, попить чайку у Ольги Ивановны, вижу, все какъ-то избѣгаетъ она меня, то уйдетъ, то придетъ,—какъ будто по хозяйству хлопочетъ.

— Ольга Ивановна, говорю, да сядьте вы, посидите со мной. Вѣдь мы съ вами давно не видались.

— Да, давно, говорить, а сама на меня и не глядитъ.

— Что новаго у васъ? спрашиваю. Что Дарья Тинякова?

Какъ вдругъ она поблѣветъ вся, какъ задрожитъ; потомъ схватила за голову, зарыдала и бросилась вонъ изъ комнаты. Я за ней. Смотрю положила она голову на парту и заливается. Я ей воды, по головѣ ее глажу, уговариваю, а у самого такъ руки и трясутся.

— Что съ вами, Ольга Ивановна? Успокойтесь, скажите... Можетъ быть, вы на меня за то письмо сердитесь? Такъ простите, пожалуйста, я тогда разстроены былъ. Теперь ужъ зато примусь за дѣло какъ слѣдуетъ, вотъ увидите, устроимъ нашу Дарью...

— Не надо, говорить, теперь ужъ не надо.

— Почему не надо?

— Нѣтъ больше нашей Дарьи... не нужно ей ничего. Умерла она.

Я такъ и сѣлъ, и стаканъ съ водой на полъ брякнулъ.

— Какъ такъ умерла?

— Такъ и умерла... не вынесла... Травили ее, травили... со всѣхъ сторонъ... пошла въ сарай и повѣсилась..

Признаюсь, господа, я никому изъ васъ не желалъ бы пережить такой минуты, какую я тогда пережилъ... И вѣрите ли, не могъ болѣе оставаться въ С—й губерніи, ни за что,—какъ пріѣхалъ домой, сейчасъ же подать прошеніе о переводѣ и черезъ два мѣсяца былъ въ Т., гдѣ служу и до сихъ поръ.

Онъ замолчалъ; молчали и мы.

А прибой все шумѣлъ и все такъ же бились о камни упрямые волны, и не успѣвала разбиться одна волна, какъ на смѣну ей прибѣгала другая.

В. І. ДМИТРИЕВА.

ПОДРАЖАНІЕ ПСАЛМАМЪ.

ПСАЛОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Кто, о Боже, быть достоинъ
На горѣ Твоей святой?
— Тотъ, кто ясенъ и спокоенъ
Непорочною душой;
Кто стоитъ за правду съ честью
Предъ рабомъ и предъ царемъ;
Кто, гнушаясь подлой лестью,
Не лукавить языкомъ;
Кто не молится богатымъ
И не гонить бѣдняковъ;
Кто служить безъ всякой платы
Дѣлу доброму готовъ;
Кто не рвется за наживой
Противъ совѣсти своей,
Безкорыстный, справедливый
Другъ всѣхъ страждущихъ людей...
Тотъ святая убѣжденъ,
Какъ товаръ, не продаетъ,
Противъ общаго теченья
Безбоязненно плыветъ.
Этотъ правды честный воинъ,
Человѣчности герой,
Вотъ кто, Боже, быть достоинъ
На горѣ Твоей святой!

ПСАЛОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Когда къ Тебѣ съ мольбой, о, правды чистый геній,
 Смиранный праведникъ свой подымаетъ взоръ,
 Ты внемлешь голосу довѣрчивыхъ моленій,
 Душѣ его даешь свободу и просторъ.
 Ты вѣрныхъ слугъ своихъ, о Духъ Животворящій,
 На недоступную возносишь высоту...
 Опомнитесь скорѣй, вы—слуги лжи мертвящей,
 Вы—возлюбившіе земную суету!
 Довольно вамъ служить лишь звѣрскимъ вождельникамъ;
 Въ уединеніи ихъ смиряйте размышленьемъ
 И подымите взоръ на праведника. Онъ
 И предъ кончиною являетъ видъ героя:
 Въ очахъ сіяніе душевнаго покоя,
 Безоблачно чело и миренъ тихій сонъ.

ПСАЛОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Напрасно безумецъ твердить, что нѣтъ Бога:
 Богъ въ правдѣ, въ любви и въ святомъ идеалѣ.
 Вела къ нему прежде прямая дорога,
 Но люди въ потемкахъ ее потеряли.

Въ погонѣ за благами жизни, сознанье,
 Чтò правда, чтò ложь, извелось и пропало,
 Позорное всюду звучить величанье
 Бездушнымъ кумирамъ,—и Бога не стало...

Стремятся къ наживѣ да къ почестямъ люди,
 Корысть да тщеславіе ихъ обуяло,
 Лишь зависть да злоба волнуютъ ихъ груди,
 Вражда воцарилась,—и Бога не стало...

И всѣ озвѣрѣли въ разгарѣ стяжанья,
 Нѣтъ свѣточа жизни, ужъ нѣтъ идеала,
 О счастья общемъ былыя мечтанья
 Закиданы грязью,—и Бога не стало...

Нѣтъ, живъ Онъ для смѣлыхъ, чья воля благая
Всѣ прелести жизни отдастъ безъ печали,
Чтобъ съ ложью бороться, любя и страдая:
Богъ въ правдѣ, въ любви и въ святомъ идеалѣ.

Н. Бунаковъ.

ПУСТЫННИКЪ

(изъ воспоминаній стараго человека).

I.

Какъ только сталъ я помнить себя, такъ сталъ помнить и Фотія Деяныча Патрина. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда мнѣ было пять-шесть лѣтъ, я каждый день видѣлъ его сидящимъ и плетущимъ лапти на завалинѣ своей старой избы, какъ разъ противъ окна нашей чайной комнаты. Съ дѣтскимъ любопытствомъ, пристально наблюдалъ я, какъ слѣпой, сгорбленный Деянычъ ощупью бралъ лыки и привычными руками справлялъ свою незатѣйливую работу. Ему было въ ту пору за семьдесятъ лѣтъ; отъ старости и отъ долгаго тяжелаго труда его сгорбило, скрючило, и ходилъ онъ согнувшись въ дугу. Почти всю свою жизнь Деянычъ провелъ въ лѣсу, въ куреняхъ, въ качествѣ крѣпостного заводскаго угольнаго мастера. Отъ копоти, дыма и угольной пыли онъ давно испортилъ себѣ глаза, а подъ конецъ и ослѣпъ совершенно.

Какъ я уже сказалъ, завалина передъ окномъ нашей чайной была любимымъ мѣстомъ стараго Деяныча, и на то у него была своя уважительная причина: въ этой половинѣ нашего дома жилъ дѣдъ мой, Алексѣй Михайловичъ, отставной заводскій приказчикъ (тоже крѣпостной), и старики часто бесѣдовали здѣсь между собой, одинъ сидя у окна въ комнатѣ, а другой во дворѣ на завалинѣ, толкуя о послѣднихъ временахъ, объ упадкѣ вѣры, о пришествіи антихриста, или вспоминая старину.

Какъ и все населеніе Саранинскаго завода, глухого горнаго поселка, гдѣ прошли дни моего краснаго дѣтства и юности, старики крѣпко держались „старой, истинной вѣры“ и „древ-

ляго благочестія“. По нѣкоторымъ признакамъ, истекала послѣдняя тысяча лѣтъ, и уже носились слухи, что гдѣ-то родился антихристъ. Мнѣ живо вспоминается то чувство ужаса, какое испытывалъ я тогда, слушая безконечные разговоры о послѣднихъ временахъ, объ антихристѣ, о свѣтопреставленіи, о вѣчномъ огнѣ и мукахъ ада.

Въ дѣлѣ поддержанія истинной вѣры, которая одна могла спасти людей отъ ужасовъ загробной жизни, Деянычъ игралъ не послѣднюю роль. Въ его огородѣ была построена старовѣрческая часовня, при которой онъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ четырехъ сыновей, занималъ выборную должность часовеннаго надсмотрщика. По праздникамъ въ часовню собирались на молитву чуть не всѣ жители Саранинскаго завода. Внутри часовни переднюю стѣну занималъ иконостасъ, гдѣ въ четыре яруса помѣщались древнія потемнѣвшія отъ времени иконы. Вдоль иконостаса шель амвонъ; посрединѣ амвона стоялъ аналой въ видѣ престола, на которомъ лежали евангеліе, печатанное еще въ Почаевской друкарнѣ, при князѣ Константинѣ Острожскомъ, въ 1594 году, и деревянный крестъ. По сторонамъ устроены были два клироса. Надъ аналоемъ висѣло паникадило. Часовня вплоть до амвона раздѣлялась невысокой деревянной перегородкой на двѣ равныя части: направо помѣщались мужчины, налево—женщины. Въ то время старовѣрскаго попа уже не было въ Саранѣ: когда-то съ большимъ трудомъ и черезъ многія хлопоты привезенный сюда изъ Иргизскаго старовѣрскаго монастыря отецъ Іоаннъ Ларіоновъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Какъ извѣстно, бѣглые старовѣрскіе попы въ концѣ царствованія Александра I-го особымъ указомъ были оставлены на своихъ мѣстахъ до смерти, съ правомъ совершать всѣ требы по обычаямъ своей вѣры, вновь же появившихся поповъ повелѣно было преслѣдовать. Такимъ образомъ, со смертію отца Іоанна саранинцы остались навсегда безъ священника; съ тѣхъ поръ службу и требы сталъ исправлять особо избираемый міромъ наставникъ изъ грамотныхъ стариковъ.

II.

Я зналъ Фотія Деяныча уже въ то время, когда онъ былъ старъ, слѣпъ, безсиленъ, ходилъ скрючившись, ощупывая передъ собою дорогу деревяннымъ костылемъ; но было время, когда отъ одного его взгляда изъ-подъ сердито нахмуренныхъ бровей тре-

петала вся его многочисленная семья. Крутъ правомъ и тяжель на руку былъ Деянычъ въ семейномъ быту: его воля была единственнымъ закономъ для домочадцевъ, его власть не знала ограничений. Никто въ семьѣ не имѣлъ голоса, никто не долженъ былъ имѣть своего мнѣнія. Даже въ такомъ дѣлѣ, какъ женитьба, мнѣніе жениха не принималось въ расчетъ. Сообразивъ, что пришло время женить того или другого сына, Деянычъ молча и обстоятельно обдумывалъ это дѣло, перебирая въ умѣ извѣстныхъ ему въ заводѣ невѣстъ, молча приходилъ къ окончательному рѣшенію, затѣмъ засылалъ сватовъ. Обыкновенно самъ женихъ узнавалъ позже всѣхъ о своей женитьбѣ. Пока шли переговоры и обычные церемоніи, онъ жилъ себѣ въ куренѣ на работѣ и, только возвратившись домой къ воскресенью, усталый и измученный, чернѣе всякаго трубочиста, узнавалъ, что онъ женихъ и что свадьба уже назначена и все готово. Ошеломленный этой новостью и, однако, не смѣя обнаружить своихъ чувствъ, женихъ шелъ въ баню. Иногда за этими порядками скрывались неутѣшное горе, разбитыя надежды, погибшія мечты, и втихомолку разыгрывались настоящія драмы...

Такъ Деянычъ женилъ всѣхъ своихъ сыновей, и только одинъ изъ нихъ, самый младшій, Сергѣй, рѣшился протестовать. Причиной этого нарушенія сыновней покорности было особое обстоятельство: за Сергѣя была высватана Настасья Уточкина, извѣстная всему заводу дура, которая, что называется, трехъ не умѣла счесть. Деянычъ зналъ Настасью, но, какъ всегда, руководствовался въ данномъ случаѣ чисто практическими соображеніями. За Настасьей давали, по тогдашнему времени, большое приданое: три пубы, нѣсколько дюжинъ сарафановъ, рубахъ, полотенецъ, а, главное, цѣлый сундукъ холстовъ, оставшихся отъ ея покойной матери; что касается ума, то Деянычъ полагалъ, что это наживное дѣло и что мужъ научить жену уму-разуму, если она недостаточно умна.

Сергѣй жестоко поплатился за свое сопротивленіе: отецъ избилъ его тѣмъ звѣрскимъ боемъ, какой практиковался тогда въ экстренныхъ случаяхъ, т.-е. до увѣчья, до полусмерти. Сергѣй захворалъ и около мѣсяца пролежалъ въ постели. Какъ только онъ сталъ поправляться, назначена была свадьба. Женихъ больше не сопротивлялся. „Видно, такъ Богу угодно“, рѣшилъ онъ и смирился. Не веселая это была свадьба. Правда, много было наварено пива и браги, было и сивухи вволю, пѣлись свадебныя пѣсни, были и шутники, старавшіеся развеселить компанію, но все это было не то, не настоящее веселье, всему мѣшала видъ

жениха, точно приговореннаго къ смерти, и сидѣвшей съ нимъ рядомъ невѣсты, разряженной въ яркое, пестрое цвѣтное платье, съ глупымъ и важнымъ лицомъ.

III.

Какъ бы то ни было, свадьба состоялась. Сергѣй, насколько былъ въ силахъ, примирился съ своей горькой судьбиной. Все, повидимому, обошлось какъ нельзя лучше, жизнь пошла своимъ чередомъ. Деянычъ былъ доволенъ, что счумѣлъ выстоять на своемъ и не далъ повода думать, что есть возможность выходить изъ повиновенія отцовской власти. По-своему онъ считалъ себя правымъ: свое дѣло онъ сдѣлалъ — сына женилъ, а тамъ мужъ учи свою жену по-своему, какъ знаетъ — на то онъ и мужъ. Правда, что онъ не успѣлъ еще разглядѣть и узнать своей новой невѣстки: послѣ свадебной суতোлки онъ занялся обычной своей работой и не замѣчалъ того, что происходитъ въ домѣ. Оказалось, что хотя семейные и знали Настю за глупую дѣвку, но никакъ не полагали, что она совершенная, настоящая дура. Но дѣлать было нечего; какъ Сергѣй, такъ и всѣ семейные, скрѣпя сердце, переносили дурость Настасьи и только боялись, какъ бы не замѣтилъ этой дурости во всей ея полнотѣ глава семьи Деянычъ.

Такимъ образомъ прошло около полугода, и пока что, кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, все шло благополучно. Но разъ случилось, что изъ бабъ осталась въ домѣ одна Трофимовна (такъ величали по отцѣ Настю), и ей довелось хозяйничать. Когда къ вечеру возвратилась домой проголодавшаяся семья, Трофимовна стала собирать ужинъ. Сѣли за столъ. Деянычъ, по обыкновенію, взялъ коровай хлѣба и сталъ его рѣзать, но хлѣбъ оказался сплошной закалой, мякишъ приставалъ къ ножу и тянулся, какъ сырое тѣсто, верхняя корка отстала. Деянычъ бросилъ ножикъ на столъ, угрюмые глаза его засверкали гнѣвомъ.

— Это кто такъ портить добро? это твоя хабуня? — обратился онъ грозно къ Сергѣю. — Смотри, братъ, кабы опять тебя не пришлось учить уму-разуму!

Въ довершеніе бѣды Трофимовна подала на столъ щи, въ которыхъ плавали два черныхъ таракана. Деянычъ окончательно взбѣсился. Онъ выскочилъ изъ-за стола, схватилъ сидѣвшаго съ краю Сергѣя за волосы и сталъ хлестать его по чемъ попало

попавшейся подъ руку варовиной, приговаривая: „Учи жену! учи жену!“

Сергѣй, вырвавшись изъ рукъ отца, схватилъ Настю за косы, вытащилъ волокомъ въ сѣни и сталъ бить ее плетью. Сильно избилъ Сергѣй жену. Семейные разбѣжались кто куда, забывъ объ ужинѣ.

Съ этого времени понялъ Деянычъ, что сдѣлалъ большую и непоправимую глупость, приневоливъ Сергѣя жениться на дурѣ, однако онъ не хотѣлъ сознаться въ этомъ и винилъ Сергѣя, что тотъ плохо учитъ жену, т.-е. мало бьетъ ее.

Прошло еще полгода. За это время Деянычъ сильно не взлюбилъ Настасью и, чтобъ избавиться отъ нея, рѣшилъ отдѣлить младшаго сына. Онъ купилъ неподалеку избу, починилъ ее и сталъ поговаривать, чтобы Сергѣй перебирался въ свой домъ, но ему заявили, что Трофимовна беременна и вскорѣ должна родить, почему отдѣлять ихъ было бы теперь неудобно. Деянычъ нахмурился, но ничего не сказалъ.

Осенью, въ октябрѣ, Настасья родила сына, котораго нарекли Карпомъ. Черезъ два мѣсяца послѣ появленія его на свѣтъ Деянычъ далъ Сергѣю лошадь съ упряжью, корову, пять овецъ, кое-что изъ домашней рухляди и благословилъ его на самостоятельную жизнь.

Пошли мучительные дни для Сергѣя. Молодая жена его взялась за хозяйство. Господи! что это было за хозяйство! Хлѣбъ нельзя было ѣсть, молоко пахло навозомъ,—ездѣ была страшная грязь, безпорядокъ... Въ первую же недѣлю потерялась корова, и Сергѣй, вернувшись съ работы домой въ воскресенье, принужденъ былъ весь день употребить на ея поиски... Корова нашла, но оказалось, что она присушила молоко. Пришлось продать ее на мясо за безцѣнокъ и купить новую, но съ новой коровой было еще хуже... Сергѣй принужденъ былъ корову помѣстить у сосѣдей... Онъ думалъ-было и вовсе не держать коровы, да жалъ было оставить безъ молока сынишку, а сынишка выдался крупной породы и съ волчьимъ аппетитомъ. Нерѣдко присматривался Сергѣй къ сыну, и сердце у него сжималось отъ мучительныхъ сомнѣній: въ глазахъ мальчика усматривалъ онъ тотъ же бессмысленный взглядъ, какъ и у матери. Опасенія отца, къ несчастію, въпослѣдствіи вполнѣ оправдались.

Желая хоть сколько-нибудь улучшить свое хозяйство, Сергѣй просилъ сестеръ и сосѣдокъ приходить къ нимъ по утрамъ и показывать Настѣ, что и какъ надо дѣлать, но Настя, при всей

своей глупости, обижалась, говорила: „Меня нечего учить, я сама знаю“ и, осердившись, убѣгала изъ дому.

Сначала Сергѣй, по совѣту отца, пробовалъ учить жену, т.-е. попросту бить ее, но изъ этого ничего не выходило: Настя „не понимала“ и даже дѣлалась какъ будто еще глупѣе. Послѣ побоевъ она бросала ребенка, убѣгая неизвѣстно куда, и пропадала дня по два и по три, такъ что ребенка приходилось уносить къ бабушкѣ, а домъ запирали на замокъ.

Въ довершеніе несчастія, сынъ Карпъ оказался копіей съ матери, какъ наружностью, такъ и умомъ. Бывать у Сергѣя, видѣть его бѣду было тяжело, и мало-по-малу родные отъ него отстранились...

Можетъ быть, перенесъ бы Сергѣй и эту каторжную жизнь, — такъ велико было его терпѣніе, но ко всему остальному нашлись еще мерзавцы, которые развратили полоумную жену его. Долго ничего не зная Сергѣй, да сама же Настя проболталась по своей глупости. Когда онъ сталъ ее спрашивать, то она и рассказала ему все. По своему скудоумію она и значенія никакого не придавала своимъ поступкамъ и говорила: „Да развѣ отобьешься отъ нихъ, окаянныхъ: вонъ какъ они привязываются!“

Все это переполнило чашу терпѣнія Сергѣя. Проявившись такимъ образомъ около одиннадцати лѣтъ, онъ не могъ дольше переносить своей доли и скрылся неизвѣстно куда, оставивъ своихъ дураковъ на произволъ судьбы.

Трофимовна къ уходу мужа отнеслась совершенно равнодушно.

— Ушелъ, такъ ушелъ, — говорила она, видимо, повторяя чужія слова:—видно, кормить насъ съ Карпой не охота, окаянному... Ничего, проживемъ и безъ него, есть имя-то Христово...

И вотъ надѣли на Карпа большой холщевый мѣшокъ, и пошелъ онъ подъ окнами собирать милостыню, распѣвая дикимъ, несуразнымъ голосомъ „Исусову молитву“, коверкая и перевирая слова.

IV.

Дѣти мастеровыхъ поступали въ заводскую работу обыкновенно по достиженіи 12-лѣтняго возраста, всегда послѣ праздника Пасхи. Въ 1838 году была открыта въ заводѣ первая школа, въ которой учителями опредѣлены были священникъ и дьяконъ только-что возникшей здѣсь православной церкви. Помѣ-

ценіемъ для школы назначались двѣ комнаты въ домѣ заводской полиціи. Всѣмъ мальчикамъ школьнаго возраста былъ составленъ списокъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояли дѣти конторскихъ служащихъ. Служащіе или „приказные“, какъ ихъ называли, хотя и весьма косо посматривали на это нововведеніе начальства, тѣмъ болѣе, что учителями было православное духовенство, да и самое ученіе должно было вестись не по старымъ, а по никоновскимъ книгамъ, однако отдавали въ школу своихъ дѣтей безъ сопротивленія. Не то мастеровой народъ, — онъ дружно, всей массой возсталъ противъ „мірской“ школы и наотрѣзъ отказался отдавать дѣтей своихъ для обученія „ніконіанцамъ“. Едва не произошелъ школьный бунтъ. Отцамъ и матерямъ была учинена великая порка. Многіе претерпѣли до конца и тѣмъ отстаивали свободу своихъ дѣтей, другіе сдались. Такимъ образомъ набрано было въ школу четырнадцать человѣкъ учениковъ. Началось ученіе, но шло оно до крайности плохо. Во-первыхъ, духовенство, получая весьма скудное вознагражденіе, неохотно и крайне неисправно посѣщало уроки; во-вторыхъ, въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщалась полиція, ежедневно производились экзекуціи надъ провинившимися мастеровыми, — особенно этимъ отличались понедѣльники: въ эти послѣпраздничные дни съ ранняго утра и до вечера происходила здѣсь жестокая расправа. Хлестъ розогъ и раздирающіе душу вопли истязуемыхъ мѣшали занятіямъ: помнится, мы дрожали, какъ въ лихорадкѣ, и теряли способность произносить слова.

Карпъ Патринъ или Карпа, какъ его звали, тоже отданъ былъ въ школу, но пробылъ здѣсь лишь два дня, такъ какъ съ перваго же момента выяснилась его полная неспособность къ ученію. По достиженіи 12-лѣтняго возраста онъ былъ отданъ въ заводскую работу, но изъ этого также ничего не вышло: начальство, раза два отпоровъ его розгами, сдѣлало противъ его имени въ общемъ списокѣ отмѣтку: „освобожденъ отъ работы по малоумію“, и отпустило его на всѣ четыре стороны. До 17-лѣтняго возраста ходилъ Карпа за сборомъ подаянія. Смѣхъ и грубыя шутки надъ глупостью Карпы сопровождали его всюду, куда бы онъ ни пошелъ. И чего только ни придумывали охотники поиздѣваться надъ наивностью и легковѣріемъ слабоумнаго. Характеръ у Карпы былъ кроткій, и онъ въ большинствѣ случаевъ относился къ шуткамъ, иногда очень злымъ, вполне добродушно и самъ хохоталъ вмѣстѣ съ другими. Только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда его окончательно выводили изъ терпѣнія, онъ моментально приходилъ въ бѣшенство, скрипѣлъ зубами и

какъ дикій звѣрь бросался на обидчика. Но и тутъ стоило обидчику сказать кроткимъ голосомъ: „Карпонька, да вѣдь я пошутилъ“, какъ онъ уже приходилъ въ себя и черезъ минуту улыбался самымъ дружелюбнымъ образомъ. Въ 18 лѣтъ онъ былъ росту огромнаго, силой обладалъ богатырской. Чтобы заставить его работать, надо было или хвалить его, или пообѣщать водки, или дать копѣйку на табакъ. Украсть, взять чужое безъ спроса Карпа не позволялъ себѣ никогда. У него было очень доброе сердце. Если его разжалобить, онъ готовъ былъ отдать рѣшительно все, что у него было, чтобы утѣшить обиженнаго или несчастнаго человѣка, и если дѣйствительно отдавалъ, то послѣ не жалѣлъ объ этомъ никогда. Въ сущности, не взирая на свой огромный ростъ, это былъ совершенный ребенокъ. Счету онъ не зналъ вовсе, и поэтому на вопросъ: сколько у коровы ногъ? отвѣчалъ: „три“, а сколько у собаки? отвѣчалъ: „семь“. Говорилъ онъ такъ же картаво, какъ очень маленькія дѣти. Послѣ, когда онъ обросъ бородой, видъ у него сталъ вполне солидный, и было очень странно рядомъ съ такою солидностью и серьезнымъ внушительнымъ видомъ слышать его дѣтскій выговоръ.

Мать Карпы, Настасья, послѣ побѣга Сергѣя то шлялась по окрестнымъ селеніямъ, то возвращалась домой и жила въ своей избушкѣ, пропитываясь подаеніемъ добрыхъ людей. Послѣ смерти матери Карпа рассказывалъ и изъ предосторожности всегда шепотомъ, что его мамонька однажды, возвратившись домой, родила маленькаго ребеночка и закопала его въ подпольѣ въ землянку, а ему, Карпѣ, строго-на-строго наказала никому о томъ не сказывать.

V.

Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скрылся Сергѣй, бросивъ свою несчастную семью... Долго никто не зналъ, куда онъ дѣлся, и только на пятый годъ неизвѣстно какимъ путемъ до родныхъ дошла вѣсть, что онъ живъ и проживаетъ гдѣ-то въ дремучихъ лѣсахъ Бирскаго уѣзда. Впослѣдствіи скиты эти были открыты, и всѣхъ обитавшихъ въ нихъ бѣглецовъ забрали и посадили въ острогъ впредь до наведенія о нихъ справокъ.

Между тѣмъ въ Саранѣ произошли чрезвычайныя событія и перемѣны, поселившія въ умахъ крайнее смятеніе. Во-первыхъ, произошла перемѣна управленія. Издавна приказчиками или, иначе сказать, управителями завода назначались свои мѣстные люди, такіе же крѣпостные и притомъ крѣпко державшіеся

старой вѣры, какъ и всѣ остальные жители, и вдругъ въ одно прекрасное время прислали изъ Златоустовскаго завода совсѣмъ „мірскаго“ приказчика съ бритой бородой, съ свѣтлыми пуговицами, съ неслыханнымъ говоромъ и страннымъ названіемъ унтеръ-шихмейстера. Онъ молился „щепотью“, брилъ бороду и курилъ табакъ изъ такой длинной трубки, что она внушала серьезныя подозрѣнія: говорили, что это не простая трубка, что въ ней сидитъ бѣсъ. Новый приказчикъ отнесся къ саранинцамъ крайне сурово и непривѣтливо. Онъ распушилъ всю контору и нагналъ такого страха на приказныхъ, что на время они совершенно потеряли способность къ членораздѣльной рѣчи. Вскорѣ по его распоряженію наказаны были розгами при крайне унижительной обстановкѣ два очень уважаемыхъ старика, два кричныхъ мастера, за непочтительность,—вещь до сего времени небывалая. Въ заводѣ появились казаки въ зеленыхъ мундирахъ, часто стали изъ города наѣзжать приказные табашники... Все это страшно волновало саранинцевъ. Вторымъ событіемъ была постройка церкви и открытіе школы. Но все это было пустяками сравнительно съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвело на саранинцевъ отступничество отъ правой вѣры одного изъ главныхъ ревнителей древляго благочестія, проживавшаго въ Саранинскихъ лѣсахъ, старца Евфимія. Этотъ ревностный и всѣми уважаемый поборникъ „истинной вѣры Христовой“ вдругъ присоединился къ православію и удалился на житіе въ Далматовскій монастырь. Это событіе всѣхъ поразило, какъ громомъ. Видимо врагъ рода человѣческаго не дремалъ, и древлей вѣрѣ угрожала серьезная опасность. Каждый вечеръ старики собирались въ часовнѣ или у кого-нибудь на дому и читали старыя книги, стараясь въ писаніи найти объясненіе всему происходившему. Изъ книгъ явствовало, что послѣднія времена наступили, настало царство антихриста и что съ часу на часъ слѣдуетъ ждать свѣтопреставленія, кончины міра. Признаки антихристовой власти были всѣ налицо: распространился въ народѣ развратъ, появились въ обращеніи чай и табакъ,—два злака, проклятые на семи вселенскихъ соборахъ, сбывались у всѣхъ на глазахъ пророческія слова писанія: „Спаси, Спасе нашъ, люди отчаянные“, ибо ясно было теперь, кто эти отчаянные. Показывались на небѣ и на землѣ чудесныя знаменія. Говорили, что старецъ Евфимій, прежде чѣмъ перейти въ православіе, спозналъ съ нечистымъ. Многіе видѣли его сидящимъ въ кельѣ и бесѣдующимъ съ чертомъ о совращеніи людей въ никонову погибель. Другіе видѣли, какъ дьяволъ леталъ къ нему надъ прудомъ въ видѣ огненнаго

змѣя. Разговоры объ антихристѣ и близкомъ свѣтопреставленіи стали всеобщими. Дошло до того, наконецъ, что старики, старики и мы, подростки дѣти, дни и ночи проводили въ страшной тревогѣ, ожидая появленія огненнаго креста на востокѣ и звука трубы архангела Михаила. Когда для освященія церкви въ Сарану пріѣхалъ архіерей, многіе въ страхѣ бѣжали въ лѣса, захвативъ съ собою иконы и книги. „Настали послѣднія времена, вѣявъ разѣзжаетъ антихристъ, спасайся кто можетъ“, говорили старики. Усилившіяся въ послѣднее время гоненія на старообрядцевъ, внезапные наѣзды властей, сопровождавшіеся обысками, поборами, арестами, а иногда и жестокою поркой, и оканчивавшіеся соблазнительными оргіями въ „господскомъ“ домѣ, еще болѣе укрѣпляли пессимистическое настроеніе... Признаки близкой кончины міра умножались съ каждымъ днемъ...

Помню, однажды зашелъ къ намъ изъ конторы родственникъ нашъ, дядя Ѳеодоръ, какъ его называли всѣ, и принесъ двѣ новости. Во-первыхъ, онъ разсказалъ, что привезли въ контору скованнаго по рукамъ и по ногамъ Сергѣя Патрина и что его будутъ судить военнымъ судомъ. Во-вторыхъ, онъ показалъ намъ три фосфорныхъ спички или спички-самогорки“, какъ онъ называлъ ихъ, о которыхъ мы до того не имѣли никакого понятія. Дядя получилъ ихъ въ подарокъ, какъ необыкновенную рѣдкость, отъ одного изъ служащихъ главной конторы, пріѣзжавшаго изъ Ирвинскаго завода.

Дядя показалъ намъ спички и объяснилъ чудодѣйственное ихъ свойство загораться безъ огня. Мы слушали и плохо вѣрили, намъ казалось невѣроятнымъ, чтобы спичка оттого только, что ею чиркнули объ стѣну, могла сейчасъ же загорѣться огнемъ, но дядя увѣрялъ, что это такъ и даже божился. Любопытство наше было возбуждено до крайности, но дядя медлил, онъ ждалъ дѣдушку Алексѣя Михайловича, который тоже не видалъ этой диковинки. Наконецъ, пришелъ дѣдушка. Дядя показалъ ему спички и сталъ объяснять ихъ удивительное свойство. Дѣдушка произнесъ: „Эдакую придумали притчу!“ и велѣлъ дядѣ чиркнуть спичкой. Дядя исполнилъ приказаніе, и, о чудо! спичка тотчасъ же, къ неописуемому восторгу нашему, ярко вспыхнула и загорѣлась голубымъ пламенемъ. Дѣдушка взялъ у дяди другую и чиркнулъ самъ. Спичка также вспыхнула и загорѣлась.

— Вотъ такъ притча!—удивился дѣдушка и, взявъ изъ рукъ дяди третью, послѣднюю спичку, сталъ внимательно разсматривать ее со всѣхъ сторонъ, съ сомнѣніемъ и недовѣрчиво покачивая головой.—Чудно!—сказалъ онъ:—чудно, что говорить, но

еще чуднѣе, что обо всемъ этомъ было писано въ книгахъ... и какъ писано, такъ и сбывается...

Осенью отецъ мой, Михайло Алексѣевичъ, покончивъ дѣла съ караваномъ, вернулся домой съ Нижегородской ярмарки и въ числѣ прочихъ покупокъ привезъ пятьдесятъ коробокъ фосфорныхъ спичекъ. Посмотрѣть на это чудо къ намъ собирались толпами родственники и знакомые. Мы, дѣти, были рады, конечно, зажечь лишній разъ удивительную спичку-самогорку. Какъ сейчасъ помню, головки спичекъ были ярко-голубого цвѣта.

Часто практикуясь въ зажиганіи спичекъ, я замѣтилъ, что, когда чиркнешь спичкой о стѣну въ темной комнатѣ, то всегда остается на стѣнѣ свѣтлая, пылающая голубоватымъ пламенемъ полоса. Это меня заинтересовало, и я сталъ производить опыты. Утащивъ незамѣтно нѣсколько штукъ спичекъ, я уходилъ въ темную нежилую комнату и тамъ рисовалъ на стѣнѣ разныя картины; у меня отлично выходили огненные лошади, собаки, деревья, дома и проч.

Однажды увидаль я въ часовнѣ изображеніе дьявола, искушающаго Иисуса Христа въ пустынѣ, и вздумалъ нарисовать его. Чортъ у меня вышелъ на славу, такъ что, глядя на него, я и самъ немного струсилъ. Этимъ фокусомъ однажды мы съ сестрами на смерть испугали-было одну знакомую старушку, бабушку-повитуху, по прозванію Малафеиху. Я нарисовалъ чорта по всеѣмъ правиламъ: съ рогами, съ хвостомъ, съ высунутымъ языкомъ. Сестры подъ какимъ-то предлогомъ позвали въ темную комнату бабушку Малафеиху. Увидѣвъ огненное страшилище, она закричала не своимъ голосомъ, точно подъ ножомъ, бросилась съ испугу въ комнату дѣдушки Алексѣя Михайловича и всполошила весь домъ. О причинахъ переполоха сейчасъ же произведено было строжайшее дознаніе, и виновные тутъ же на мѣстѣ преступленія подверглись тѣлесному наказанію. Бабушка Малафеиха, впрочемъ, такъ и осталась въ томъ убѣжденіи, что наяву видѣла самаго настоящаго чорта, сколько ее ни старались разузнѣть.

VI.

Кнауфскіе горные заводы, къ которымъ принадлежалъ и Саранинскій заводъ, были въ казенномъ управленіи; поэтому заводскіе обыватели за наиболѣе важныя проступки и преступленія судились военнымъ судомъ. Судъ этотъ находился въ Юговскомъ казенномъ заводѣ или, какъ говорили тогда, въ Югу-

Государевомъ. Военному суду Сергѣй Патринъ былъ преданъ вмѣстѣ съ пойманнымъ бѣглецомъ Асафомъ Баталовымъ. Нѣкоторое время спустя послѣ ихъ поимки разрѣшено было впредъ до рѣшенія дѣла отдать обоихъ на поруки, буде найдутся поручители, о чемъ и было предписано Саранинской заводской конторѣ. Поручители нашлись очень скоро. Сергѣя Патрина взялъ на поруки дѣдъ мой Алексѣй Михайловичъ, а Баталова родной его отецъ.

Вскорѣ послѣ этого „пригнали“ подсудимыхъ. Посмотрѣть на пойманныхъ старцевъ сбѣжалась къ конторѣ чуть не вся Сарана. Старцы въ кандалахъ, истомленные длиннымъ переходомъ, сгорбившись, сидѣли въ арестантской на лавкѣ и что-то дѣлали съ своими снятыми съ ногъ онучами. Видимо они стѣснялись приходящихъ сюда людей, смотрѣвшихъ на нихъ, какъ на невиданныхъ звѣрей, и съ жадностью ловившихъ каждое ихъ движеніе. Впрочемъ, внутрь конторы пускали только избранныхъ, остальныхъ же гнали отъ крыльца приставленные къ арестантамъ казаки. Я также пробрался сюда вмѣстѣ съ одной изъ моихъ тетокъ и очень былъ удивленъ, когда оказалось, что предметомъ такого страстного и всеобщаго любопытства являются самые обыкновенные люди, удивлялся и тому, что эти люди, оба будучи арестантами, такъ рѣзко отличались одинъ отъ другого. Старецъ Асафъ, молодой и красивый дѣтина, лѣтъ тридцати, хотя и былъ одѣтъ въ иноческое одѣяніе, но столько же походилъ на отшельника и подвижника, сколько его товарищъ на атамана разбойниковъ. Онъ поражалъ своимъ бравымъ богатырскимъ видомъ и блескомъ своихъ соколиныхъ глазъ. Сергѣй Патринъ, напротивъ, былъ худъ и блѣденъ. Онъ одѣтъ былъ въ подрясникъ изъ грубаго синяго сукна, на головѣ была надѣта черная скуфья. Длинные пряди тощихъ волосъ, длинная узкая борода, скорбное истомленное лицо, большіе впалые глаза, глядѣвшіе устало и печально, необыкновенная худоба при высокомъ ростѣ и широкихъ плечахъ—все это крѣпко врѣзалось въ моей памяти.

Какъ только прибыли подсудимые и были сданы въ контору подъ росписку, заводскій приказчикъ унтеръ-шихмейстеръ Дементій Андреевичъ Медвѣдевъ, послалъ за моимъ дѣдомъ, чтобы лично внушить ему, какой отвѣтственности подвергается онъ въ случаѣ побѣга взятаго имъ на поруки Сергѣя.

Послѣ соблюденія извѣстныхъ формальностей, арестантовъ расковали и отпустили. Сергѣй пошелъ къ отцу. Деянычъ принималъ его, хотя и не очень ласково, и велѣлъ жить въ особой,

стоявшей на дворѣ маленькой избушкѣ. На слѣдующій же день Сергѣя нарядили на работу. Помню, я съ товарищами бѣгалъ смотрѣть на работавшаго старца Савватія (имя, данное Сергѣю при постриженіи его въ монашество). Онъ работалъ у вѣрота, которымъ поднимался шаръ, вѣсомъ около восьмидесяти пудовъ на высоту восьми сажень. Достигнувъ перекладины, шаръ срывался, падалъ и при паденіи разбивалъ подложенныя у подошвы столба крупныя чугунины. Одѣяніе, въ которомъ я видѣлъ его вчера и которое придавало ему видъ духовнаго лица, было замѣнено теперь обыкновенной мужицкой одеждой, и онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ рабочихъ, кромѣ своей необыкновенной худобы и длинныхъ волосъ.

Въ то время судебныя слѣдствія по всякаго рода дѣламъ производили въ заводахъ горные исправники. По обыкновенію, производствомъ слѣдствія исправникъ не спѣшилъ и пріѣхалъ въ Сарану мѣсяцевъ черезъ пять. Окончивъ слѣдствіе, онъ представилъ его военному суду. Въ судѣ дѣло тянулось еще съ полгода, и ровно черезъ годъ вышло рѣшеніе: Сергѣя Патрина наказать шпицрутенами, проведя сквозь строй 500 человекъ (шпицрутенами именовались таловые прутья въ мизинецъ толщиной съ обрѣзаннымъ концемъ), а Баталову дать 100 ударовъ палками.

Для производства экзекуціи пріѣхалъ горный исправникъ, нѣкто Авраамовъ, уже старикъ и человекъ добрый. Дѣдъ мой, Алексѣй Михайловичъ пошелъ къ исправнику, рассказалъ ему про семейное положеніе Сергѣя и причину его побѣга и сталъ просить наказать его полегче. Исправникъ общалъ. Въ подкрѣпленіе этого Алексѣй Михайловичъ посовѣтовалъ родственникамъ Сергѣя собрать денегъ и подарить исправника. Родственники собрали двадцать рублей, вымѣняли двѣ новенькихъ красныхъ бумажки и поднесли исправнику.

Экзекуція надъ Сергѣемъ была назначена въ 7 часовъ утра. Но уже съ восходомъ солнца толпы любопытныхъ наполняли заводскую площадь и сосѣднія улицы. Назначенные для производства экзекуціи сто человекъ были выстроены посрединѣ улицы въ два ряда по 50 человекъ на сторону, въ разстояніи полутора аршинъ одинъ отъ другого. У каждаго изъ нихъ было по пяти шпицрутеневъ, такъ какъ вдоль строя наказуемый долженъ былъ пройти пять разъ. Ударивъ шпицрутенемъ разъ, стоявшій въ строю уже бросалъ его и для слѣдующаго удара бралъ новый.

Ровно въ семь часовъ вывели изъ арестантской Сергѣя, сняли съ него всю одежду, оставивъ только штаны, и привя-

зали руками къ короткимъ концамъ нарочно устроенной крестовины.

Исправникъ и приказчикъ стояли неподалеку и отдавали распоряженія. Тутъ же были выстроены въ одну линію чловѣкъ двадцать учениковъ приходской школы. Этотъ варварскій обычай дѣлать учащихъ подневольными свидѣтелями публичнаго исполненія судебныхъ приговоровъ, въ томъ числѣ и столь страшнаго, какъ наказаніе шпицрутенами, соблюдался весьма строго и ему придавали большое воспитательное значеніе, онъ имѣлъ цѣлью внушить, запечатлѣть въ дѣтской душѣ, сколь тяжки бываютъ послѣдствія порочнаго поведенія.

Когда все было готово, вдоль строя прошли два казака и передали каждому стоящему въ строю приказаніе исправника бить легче. Затѣмъ, по особому знаку начальника, они подошли къ крестовинѣ и взявъ за длинные концы ея повели Сергѣя вдоль „зеленой улицы“ (такъ называлъ народъ наказаніе шпицрутенами). Первый свистящій ударъ больно рѣзнулъ по сердцу всѣхъ присутствующихъ, за нимъ посыпались другіе. Было въ высшей степени странно и дико видѣть, какъ сотня здоровыхъ и сильныхъ людей, вооруженныхъ прутьями, били беззащитнаго, безоружнаго, обнаженнаго, исхудалаго, до полусмерти испуганнаго чловѣка. Наказуемый съ томительной медленностью подвигался впередъ вдоль „зеленой улицы“, и, по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ, впереди чловѣкъ двадцать поднимали вверхъ зеленые прутья и потрясали ими въ воздухѣ передъ его обезумѣвшими отъ боли глазами: это должно было обозначать, что каждый изъ находившихся въ строю загода угрожаетъ преступнику и съ нетерпѣніемъ ждетъ его приближенія, чтобы нанести ему ударъ. Эта обязательная подробность, какъ и вся вообще обстановка экзекуціи была съ особенною утонченностью рассчитана на театральнй эффектъ и на усиленіе общаго впечатлѣнія.

Хотя, благодаря заступничеству моего дѣда и взяткѣ, полученной исправникомъ, Сергѣй и былъ наказанъ сравнительно легко, однако, спина и плечи несчастнаго оказались страшно исполосованными, и его замертво свезли въ больницу. И все же это было легкое и милостивое наказаніе, и народъ расходился по домамъ въ благодушномъ настроеніи. „Спасибо старому приказчику: заступился, дай ему Господи здоровья“, — говорили кругомъ. Когда же наказывали по всѣмъ правиламъ строгости, зрѣлище это производило страшное, потрясающее впечатлѣніе даже на привычныхъ людей.

Года за два передъ тѣмъ, именно такого рода наказанію

былъ подвергнутъ въ Саранѣ конокрадъ Павелъ Нефедовъ, приговоренный пройти сквозь строй 2.500 человѣкъ. Исправникомъ былъ тогда отставной капитанъ Пересадинъ, человѣкъ жестокой и любившій обставлять публичныя наказанія особенной торжественностью. Говорили, что онъ просилъ съ Нефедова 25 рублей, но тому дать было нечего, а родственники не захотѣли ему помочь. Въ строю поставлено было 312 человѣкъ, и черезъ этотъ строй Нефедовъ долженъ былъ пройти восемь разъ, чтобы получить 2.500 ударовъ. Когда повели Нефедова сквозь строй, а вести приказано было тихо, исправникъ шелъ позади него и кричалъ: „Сильнѣй, хорошенько!“ и, конечно, удары сыпались на спину несчастнаго самые полновѣсные. Исправникъ наблюдалъ, точно ли исполняется его приказаніе, и если кто билъ тихо, тому шедшіе сзади казаки ставили на спинѣ мѣломъ крестъ, а послѣ отмѣченные этимъ знакомъ подвергались наказанію розгами.

Когда преступникъ доходилъ до конца строя, дѣлалась небольшая передышка. Окровавленную, почернѣвшую и вздутую, какъ подушка, спину наказуемаго обливали холодной водой. Въ это же время подавали ему воду въ ковшѣ, и тотъ, блѣдный, трясущійся, стуча зубами, съ страшною жадностью выпивалъ ее.

Во время экзекуціи многія благочестивыя старушки молились Богу, читали псалмы и каноны, дабы Господь далъ терпѣнія наказуемому и укрѣпилъ его силы вынести ниспосланное ему мученіе. Вся наша семья, за исключеніемъ взрослыхъ мужчинъ, смотрѣла на экзекуцію изъ кухни, которая окнами выходила на улицу, а строй, начинаясь у самой конторы, оканчивался какъ разъ противъ нашего дома, гдѣ и обливали спину несчастнаго Нефедова водой, принесенной изъ нашего колодца.

Моя старшая сестра Татьяна, питая непреодолимое отвращеніе и ужасъ къ подобнымъ зрѣлищамъ, забижалась въ кладовую и тамъ стала молиться, читая канонъ святителю Николаю Чудотворцу. По своей непростительной глупости, я устроилъ съ нею очень злую шутку: я пошелъ и сказалъ ей, что наказаніе кончено. Она отъ радости перекрестилась и побѣжала въ кухню, взглянула въ окно, а въ это время какъ разъ вели Нефедова мимо нашихъ оконъ. Увидѣвъ истерзанную его спину, она поблѣднѣла, вскрикнула и повалилась на полъ, лишившись сознанія.

А зрѣлище точно было ужасное! Кто самъ своими глазами не видѣлъ этого наказанія, тотъ представить себѣ не можетъ, что это было такое. Нужно самому видѣть жалкую, обнаженную

фигуру наказуемаго съ искаженнымъ отъ страшной боли лицомъ и дикимъ безумнымъ взглядомъ, нужно слышать нечеловѣческіе, душу раздражающіе крики, нужно видѣть это безъ всякой пощады истязуемое сотнями людей человѣческое тѣло, которое подъ конецъ обращается въ сплошную окровавленную сине-багровую массу, которое потомъ уже не кричитъ, а только тихо, безпомощно стонетъ и въ концѣ концовъ падаетъ подъ ударами почти безъ признаковъ жизни.

Нефедовъ не могъ вынести полного наказанія и, получивъ немного болѣе двухъ тысячъ ударовъ, упалъ безъ чувствъ. Лѣкарскій ученикъ осмотрѣлъ Нефедова, дабы узнать, не притворяется ли онъ, и нашелъ, что преступникъ дѣйствительно находится безъ сознанія. Тогда Нефедова увезли въ госпиталь, гдѣ долго заживляли его истерзанныя спину и плечи. Черезъ годъ онъ все-таки дополучилъ и остальные четыреста съ чѣмъ-то ударовъ: правосудіе не хотѣло остаться у него въ долгу.

Возвращаясь къ Сергѣю Патрину, я долженъ сказать, что онъ отъ душевнаго потрясенія заболѣлъ продолжительной нервной горячкой и чуть не умеръ. По выходѣ изъ госпиталя братья выпросили его въ подрядную знакомую ему работу—готовить уголь, и на него положенъ былъ урокъ—сорокъ коробовъ угля въ годъ. Братья приняли его въ общую работу, построили ему въ огородѣ келью, и здѣсь онъ сталъ жить на положеніи спасающаго свою душу отшельника.

Не болѣе года прожилъ Сергѣй или, какъ его всѣ стали звать теперь, старецъ Савватій, въ родительскомъ домѣ и, наконецъ, совсѣмъ удалился отъ людей, поселившись въ нѣсколькихъ верстахъ отъ завода въ лѣсу.

Почитая его за человѣка праведнаго и убогаго, жители часто обременяли его посѣщеніями, приносили ему обильное подаяніе. Онъ бралъ приношенія, потому что убогій человѣкъ, посвятившій себя молитвѣ, не имѣетъ права не брать милостыню, которую онъ долженъ замаливать; однако, это подаяніе его очень тяготило какъ потому, что онъ считалъ себя недостойнымъ молитвенникомъ, такъ и потому, что въ подаяніи онъ, собственно, вовсе не нуждался. Дѣдушка Алексѣй Михайловичъ не разъ посылалъ меня съ подаяніемъ къ отцу Савватию. Обыкновенно онъ давалъ мнѣ серебряный рубль и приказывалъ отнести его старцу, указавъ ему, что онъ долженъ помолиться, смотря по обстоятельствамъ, то о здравіи, то за упокой. Отецъ Савватій деньги бралъ всегда крайне неохотно и говорилъ: „Вотъ этого-то бы не надо, охъ! не надо: и такъ не замолить мнѣ того, что сдѣ-

даль для меня Алексѣй Михайловичъ“. Потомъ онъ садилъ меня на лавку рядомъ съ собой и начиналъ разспрашивать, часто ли пишетъ тятенька съ каравана, здорова ли маменька Анисья Ивановна, совѣтовалъ прилежнѣе учиться и быть такимъ же хорошимъ человѣкомъ, какъ дѣдушка и родитель. И я всегда уходилъ отъ него довольный, согрѣтый какимъ-то особеннымъ душевнымъ тепломъ.

Денежнымъ подаяніемъ отецъ Савватій лично никогда не пользовался да онъ и не нуждался въ деньгахъ. Обыкновенно, получивъ деньги, онъ въ тотъ же вечеръ выходилъ изъ своей кельи, шелъ къ дому какого-нибудь бѣдняка, стучалъ въ окно, читалъ Иисову молитву, говорилъ: „возьмите“ и, положивъ деньги на подоконникъ, уходилъ. Говорили, что именно желаніе избавиться отъ избытка подаянія и постоянныхъ посѣтителей было главною причиною переселенія его въ лѣтъ.

Разсчеты отца Савватія, однако, не оправдались: посѣщенія не только не прекратились, но еще увеличились; мало-по-малу къ нему сталъ стекаться народъ со всѣхъ окрестностей и даже изъ дальнихъ селеній, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Такимъ образомъ онъ прожилъ здѣсь два года и вдругъ скрылся неизвѣстно куда. Не задолго до этого времени умеръ Фотій Деянычъ, которому было уже около восьмидесяти лѣтъ. Говорили, что мѣстопребываніе отца Савватія было извѣстно его братьямъ, но они поклялись не открывать его никому постороннему.

VII.

Прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скрылся отецъ Савватій. Много за это время воды утекло, въ Саранѣ произошли великія и рѣшительныя перемѣны. Однажды, въ качествѣ волостного старшины, по дѣламъ службы пріѣхалъ я въ Верхне-Саранинскій заводъ. Здѣсь пригласилъ меня къ себѣ знакомый мнѣ старичекъ-пчеловодъ, Иванъ Ермиловичъ Двойнишниковъ, напиться чаю съ свѣжимъ сотовымъ медомъ и выпить всегда водившейся у него медовой бражки. Двойнишниковъ когда-то въ качествѣ лоцмана плавалъ съ родителемъ моимъ въ караванѣ и потому считалъ меня чуть-ли не своимъ родственникомъ. Попили мы чайку, попробовали браги и разговорились о томъ, о семъ.

Домъ Ивана Ермиловича стоялъ на самомъ краю селенія, а позади его усадьбы находился огороженный имъ большой пчель-

никъ, примыкавшій къ дремучему лѣсу. Въ пчельникѣ съ незапамятныхъ временъ жили старушки-старовѣрки, одна изъ коихъ была чрезвычайно древняя старуха, постриженная въ монахини еще на Иргизѣ до присоединенія иргизскихъ монастырей къ единовѣрію. Поговорили мы и о старушкахъ, потомъ стали вспоминать старину.

— А не слыхалъ ли ты Иванъ Ермилычъ что-нибудь про отца Савватія? гдѣ онъ? и живъ ли?—спросилъ я между прочимъ.

— Живъ, живъ,—отвѣчалъ Иванъ Ермилычъ:—какже! ничего, живетъ. Былъ я у него недавно. Онъ не далеко, верстахъ въ пятнадцать отсюда. Живетъ въ дремучемъ лѣсу, въ такихъ дебряхъ, что и найти его трудно. Живъ, живъ отецъ Савватій, какже, онъ частенько вспоминаетъ про покойнаго вашего дѣдушку, Алексѣя Михайловича... А что, Иванъ Михайловичъ, не съѣздимъ ли къ нему? а? какъ вы думаете? Оно и для васъ любопытно, да и ему будетъ радость: обрадуется онъ вамъ шибко—я знаю.

Было начало августа, день стоялъ великолѣпный, времени было еще немного, около одиннадцати часовъ, прогулка обѣщала быть весьма интересной,—я согласился. Ермилычъ заложилъ въ легонькій ходокъ свою породистую красавицу-кобылку, выкормленную имъ самимъ, и мы поѣхали къ пустынножителю, который болѣе двадцати лѣтъ не выходилъ изъ своей пустыни.

Верстъ десять ѣхали мы по торной проселочной дорогѣ, нѣсколько разъ переѣзжая въ бродъ рѣчку Сарану, потомъ повернули въ логъ по тропинкѣ. Здѣсь пришлось ѣхать шагомъ, и то съ большой осторожностью. Наконецъ, доѣхали мы до поляны, на которой оставили лошадь, затѣмъ съ версту шли пѣшкомъ безъ всякой дороги, по какимъ-то таинственнымъ замѣткамъ на деревьяхъ, извѣстнымъ Ивану Ермилычу. Въ концѣ концовъ подошли мы къ высокой горѣ, у подошвы которой росъ густой ольховникъ, указывающій на близость воды. Дѣйствительно, черезъ минуту очутились мы у прозрачнаго ручья, вытекающаго у самой горы; отъ ручья въ гору шли ступеньки, а около нихъ укрѣплены были перила изъ березовыхъ прутьевъ.

— Что это за перила?—спрашиваю Ермилыча.

— А вотъ тамъ на прилавкѣ и живетъ о. Савватій, а по этимъ ступенькамъ онъ ходитъ къ ручью за водой,—отвѣтилъ Ермилычъ и затѣмъ прибавилъ:—Вы обождите маленько, Иванъ Милайловичъ, я предупрежу его, а то онъ испугается незнакомаго человѣка.

Иванъ Ермиловичъ поднялся по ступенькамъ и, слышу, громко произнесъ Иисусову молитву, на которую послѣдовалъ чуть слышный отвѣтъ: „аминь“.

По голосу Ермилыча я догадывался, что онъ тутъ недалеко и что его заслоняютъ отъ меня только вершины растущаго внизу ольховника. Отойдя немного въ сторону, я увидѣлъ его у входа въ келью, изъ которой вскорѣ выползъ человѣкъ въ ветхомъ иноческомъ одѣяніи. Ермилычъ поклонился ему до земли, тотъ отвѣтилъ ему тѣмъ же. Слышу, Ермилычъ говоритъ старцу:— я гостя къ тебѣ привезъ, отецъ Савватій, нашего Саранинскаго старшину.

Отецъ Савватій видимо встревожился.

— Старшину?—переспросилъ онъ:—зачѣмъ старшину? ка-кого старшину? кто у васъ нынѣ старшиной-то?

— Внучекъ Алексѣя Михайловича, Иванъ Михайловичъ Горбуновъ, помнишь?

— Помню, какъ же, я зналъ его еще подросткомъ. Что же, милости просимъ!

— Пожалуйте, Иванъ Михайловичъ!—закричалъ мнѣ Ермилычъ.

Я поднялся по ступенямъ на уступъ горы и близко увидѣлъ отца Савватія. Онъ въ двадцать лѣтъ измѣнился мало, только похудѣлъ до такой степени, что болѣе этого похудѣть уже было нельзя; даже одежда на немъ какъ-будто была все та же, въ которой я видѣлъ его двадцать лѣтъ назадъ.

Я поклонился старцу, привѣтствовалъ его и спросилъ о здоровьѣ. На мой поклонъ онъ отвѣтилъ мнѣ поклономъ чуть не до земли и заговорилъ довольно оживленно и привѣтливо:

— Милости просимъ, милости просимъ, небывалый гость! Какъ это вы надумали навѣстить меня, старика? Вотъ уже вы какимъ молодцомъ стали, а когда я жилъ въ Саранѣ, вы еще отрокомъ были.

Я осмотрѣлся кругомъ, желая увидѣть келью пустытника, но, къ удивленію моему, ничего не увидѣлъ, кромѣ земляного бугра, обложеннаго дерномъ и поросшаго травой. Въ бугоръ этотъ вдѣланы были закоптѣлыя отъ дыму двери вышиной аршина полтора.

Недалеко отъ бугра виднѣлись три небольшія грядки, засаженныя капустой, рѣпой и морковью. Кругомъ мѣстоположеніе было хотя и дикое, но въ своемъ родѣ очень красивое; съ уступа горы, на которомъ мы стояли, далеко передъ нами разстилалась большая равнина, сплошь покрытая хвойнымъ лѣ-

сомъ, а вдали синѣлись высокія горы. О. Савватій предложилъ намъ зайти въ келью, указавъ на земляной бугоръ и извиняясь, что негдѣ принять и нечѣмъ угостить такихъ дорогихъ гостей.

Отворивъ дверь своей кельи, о. Савватій всталъ на одно колѣно, а другую ногу спустилъ за порогъ двери, нагнувъ голову и вошелъ въ свое жилище. Мы послѣдовали его примѣру и очутились въ полуземлянкѣ аршина четыре въ длину и аршина три въ ширину. Нагорная стѣна ея состояла изъ природнаго пласта красной глины, а остальные три стѣны срублены были изъ бревенъ и снаружи завалены землей. Въ той стѣнѣ, которая обращена была къ логу, прорублено было небольшое окно, освѣщавшее келью. Внутренность кельи вполне соотвѣтствовала ея убогому наружному виду. У окна придѣлана была лавка или полка, на которой лежали книги: псалтырь, часословъ и сочиненія Ефрема Сирина, повыше—божничка, на которой стояли мѣдное распятіе и такъ называемые складни, на которыхъ изображены были Спаситель, Пресвятая Дѣва, Іоаннъ Креститель и двенадцатые праздники. У задней глиняной стѣны оставленъ былъ уступъ въ родѣ дивана; на немъ лежалъ довольно обтертый деревянный обрубокъ. Уступъ этотъ, ничѣмъ не покрытый, служилъ старцу ночнымъ ложемъ, а деревянный обрубокъ замѣнялъ подушку. Налѣво при входѣ стояла небольшая скамья, а на ней берестяной бурачекъ и небольшой топоръ. Болѣе въ кельѣ ничего не было. Оказалось, что никакихъ подаваній, кромѣ восковыхъ свѣчъ, отецъ Савватій давно уже не принималъ, ничего, кромѣ чернаго хлѣба и овощей, не ѣлъ, да и хлѣбъ-то ѣлъ только какъ лакомство, которое привозилъ ему въ воскресные дни любимый братъ его Яковъ. Когда мы вошли или, правильнѣе сказать, влѣзли въ келью, отецъ Савватій попросилъ насъ сѣсть на свой диванъ, а самъ сѣлъ на скамейку, убравъ съ нея топоръ и буракъ.

При каждомъ болѣе сильномъ его движеніи слышно было, какъ бряцали надѣтыя на немъ желѣзныя вериги, хотя онъ, видимо, старался скрыть ихъ и не производить этихъ звуковъ.

Усѣвшись на мѣсто, о. Савватій спросилъ меня о здоровьѣ родителей моихъ, а также подробно разспросилъ о братьяхъ и сестрахъ; полюбопытствовалъ знать, женатъ ли я и имѣю ли дѣтей.

Пораженный такой невозможной обстановкой и поистинѣ аскетической жизнью, рѣшимостью спать въ веригахъ на голой землѣ, имѣя подъ головой деревянный обрубокъ, ничѣмъ не одѣваться, ѣсть сухой хлѣбъ и пить одну только воду, я невольно сказалъ старцу:

— Да, трудную, святую жизнь ведете вы, отецъ!

Отецъ Савватій смутился, и мнѣ показалось даже, что онъ слегка покраснѣлъ.

— Не знаю, не знаю, мои дорогіе, кажется, все тружусь: не проститъ мнѣ Господь Богъ моего великаго грѣха!—торопливо проговорилъ онъ и тяжело вздохнулъ.

— Какой же такой грѣхъ можетъ быть у васъ?—полюбопытствовалъ я.

— А тотъ грѣхъ, родной мой, что не могъ я снести крестъ свой, возложенный на меня Богомъ. Великій грѣхъ оставить семью свою безъ призрѣнія, тяжкій грѣхъ, тѣмъ болѣе, что жена моя и сынъ обдѣлены разумомъ; люди смѣются, потѣшаются надъ ними, а защититъ ихъ некому, ибо тотъ, на кого Господь возложилъ защиту ихъ, бросилъ ихъ... Охъ, и песъ смердящій не бросаетъ своихъ щенятъ... Великій грѣхъ и лежитъ онъ у меня на душѣ, и не надѣюсь я замолить его передъ Господомъ.

Пробыли мы у о. Савватія съ полчаса. Подъ конецъ я сталъ ощущать на тѣлѣ своемъ зудъ; осмотрѣлся, а блохи то и дѣло поскакиваютъ по моему пальто, а нѣкоторые изъ нихъ не постѣснились забиться и подъ рубашку. Я всталъ. И когда мы вышли на широкій просторъ изъ кельи отца Савватія, похожей больше на могилу, чѣмъ на жилище человѣка, какъ прекрасенъ показался мнѣ свѣтлый Божій міръ, какъ радостна жизнь и драгоценно человѣческое общество!

Простившись съ отцемъ Савватиемъ, мы отправились въ обратный путь. Глубокое впечатлѣніе произвелъ на меня старецъ Савватій. Двадцать лѣтъ прожить въ ужасающей обстановкѣ, въ этой звѣриной норѣ, двадцать лѣтъ не видѣть людей, голодать изо дня въ день и двадцать лѣтъ каяться въ своемъ грѣхѣ даже безъ надежды на прощенье — все это показалось мнѣ чѣмъ-то невѣроятнымъ, почти неправдоподобнымъ.

Прошло еще пять лѣтъ. За это время я ничего не слыхалъ о старцѣ Савватіи. Однажды пришлось мнѣ встрѣтиться съ племянникомъ его Гавриломъ Яковлевичемъ Патринимъ, и я между прочимъ спросилъ его, живъ ли отецъ Савватій.

— Нѣтъ, сударь, померъ въ прошломъ году, — отвѣтилъ мнѣ Гаврило:—померъ онъ въ своей кельѣ одинъ, и никто не видалъ его кончины. Родитель ѣздилъ къ нему, почитай, каждое воскресенье. Отецъ Савватій всегда въ этотъ день садился у ручья и дожидался его, но однажды онъ не вышелъ и не встрѣтилъ брата. Батюшка подумалъ, что, можетъ быть, нездоровится старику, подошелъ къ кельѣ, помолитвовался, но отвѣта

не послѣдовало. Тогда онъ отворилъ дверь, пролѣзъ въ келью и увидѣлъ, что дядя Савватій лежитъ на спинѣ безъ движенія, и руки его сложены на груди, и мѣдное распятіе возлѣ него. Должно быть, какъ сталъ помирать, взялъ распятіе и держалъ его въ рукахъ, а какъ померъ, оно и выпало. Лежалъ онъ какъ живой, и запаху отъ него никакого не было, да, правда, и быть-то ему не отъ чего,—совсѣмъ высохъ старикъ, кожа да кости.

Дальше Гаврило разсказалъ, какъ отецъ его, вернувшись домой, увѣдомилъ всѣхъ родственниковъ о смерти отца Савватія, какъ хоронили отца Савватія и какъ плакали всѣ, опуская его въ вырытую имъ самимъ могилу въ деревянномъ гробѣ, выдолбленномъ имъ же задолго до смерти. Постороннихъ никого не было — такова была воля покойнаго, который просилъ, чтобы смерть его для постороннихъ оставалась въ тайнѣ.

Такъ кончилъ многострадальную жизнь свою Сергій Фотьевичъ. Каждый годъ въ день кончины его собираются къ нему на могилу и теперь еще много старообрядцевъ и молятся надъ ней. Память о немъ жива и до сихъ поръ въ народѣ, и его чтутъ, какъ праведника-страдальца.

Ив. Мих. Горбуновъ.

Въ чужбину мнѣ пишутъ друзья: „Не мечтай,
Что родина нѣжно любимая—рай,
Что въ нашей лазури не бродить туманъ,
Что сердце у насъ не изныло отъ ранъ“.

Такъ дружба мою утѣшаетъ печаль;
Но сердце все рвется въ завѣтную даль,
Все вѣрить: тамъ воздухъ струится иной,
Тамъ люди добрѣе и лучше душой!

Тамъ юность, крылатая юность цвѣтетъ,
О правдѣ мечтаетъ, на жертву идетъ...
И если не видѣть ей краснаго дня,
Пусть общая чаша отравитъ меня!..

П. Я.

1899 г.

ОДИНОКІЙ СКИТАЛЕЦЪ.

(Изъ записной книжки).

Ясный осенній солнечный день. Трактовая дорога съ березовыми аллеями и телеграфными столбами, гладкая и ровная, какъ скатерть, совершенно пустынна. Ярко свѣтитъ солнце, но свѣтъ его холоденъ и угрюмъ, и на всемъ лежитъ отпечатокъ глубокой осени. Желтыя нивы, бурая трава, опавшіе листья, холодное небо, шумъ вѣтра и какая-то грусть, которая разлита всюду, наводятъ на невеселыя мысли. Лошади бѣгутъ бойкой, ровной рысью. Мы нагоняемъ пѣшехода въ драповомъ черномъ пальто, въ шляпѣ, съ узелкомъ въ рукахъ. Ему лѣтъ за пятьдесятъ, волосы и борода съ просѣдью, лицо интеллигентное и худое. Мы перегнали его и оставили позади саженьяхъ въ пятидесяти, какъ вдругъ ямщикъ остановилъ лошадей, слѣзъ съ облучка и сталъ что-то поправлять. Онъ перевязывалъ колокольчикъ, подтягивалъ и отпускалъ подпругу, трясъ дугу и передвигалъ сѣделку, затѣмъ уже, видимо, поправлять было нечего, а онъ все медилъ и оглядывался назадъ. Наконецъ, онъ обратился ко мнѣ:

— Баринъ, позвольте довести человѣка.

— Какого человѣка?

— А вонъ идетъ. Знакомый. Хорошій человѣкъ, у насъ писаремъ былъ. Дѣло ужъ немолодое, усталъ поди.

— Куда же мы его посадимъ?

И я указалъ на багажъ.

— Ничего, онъ и на козлахъ посидитъ. Больно хорошъ человѣкъ. Охота мнѣ довести его. Знакомый.

— Ну, хорошо.

Въ это время съ нами поровнялся пѣшеходъ. Ямщикъ закричалъ ему:

— Эй! айда скорѣе, садись!.. Сядешь, что ли?

— Куда?—спросилъ тотъ, не останавливаясь.

— Садись въ телѣгу. Довезу.

— Денегъ у меня нѣтъ,—отвѣчалъ пѣшеходъ, продолжая идти.

— Ну?.. вотъ те на!.. Охъ, подь ты къ шуту!.. вовсе, что ли, нѣту?

— Нѣту, нѣту.

— Подь ты къ лѣшему! А я думалъ, деньжонки у тебя есть. Эхъ-ма!—съ досадой говорилъ кучеръ, влѣзая на козлы.

Онъ съ какимъ-то ожесточеніемъ погналъ лошадей, и нѣсколько минутъ мы скакали, какъ на пожаръ. Затѣмъ ямщикъ придержалъ коней и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Отощаль миляга. Безъ должности теперича... Безъ должности какъ не отощать!.. Вотъ оно!.. А я хотѣлъ-таки довести его: думалъ, деньжонки у его есть... Эко, нѣту деньжонокъ-то. Отощаль.

— А хорошій человѣкъ?

— Хорошій, и-и хорошій! Онъ сколь добра народу сдѣлалъ, какъ писаремъ былъ. Только три года и побылъ въ писаряхъ, не пондравился начальникамъ: убрали.

— Какое же онъ добро сдѣлалъ?

— Дополнительный земляной надѣлъ охлопоталъ—разъ, фершала—два, недоимку скостили—три... да мало ли... Много добра видѣли отъ него мужики... Что говорить, дѣловой парень, дошлый... Ежели возьмется за что, то ужъ—сдѣлайте милость!.. До всякой механики доходилъ... И каждому, напримѣръ, растолкуетъ, законъ вычитаетъ, слова разяснить... Допрежъ него писарь былъ... да хоть бы и теперешняго взять: что онъ? Чуть чего,—дѣло не мое, ступай къ старшинѣ, ступай къ старостѣ, ступай въ земскую расправу, въ городское присутствіе... А этотъ нѣтъ: какъ учнетъ слова выговаривать, законы вычитывать,—только слушай!.. Его и начальники уважали, и не то, чтобы какъ, а изъ чести. Теперь что, теперь этотъ, какъ овечій хвостъ передъ начальствомъ-то, а тотъ довольно гордо себя соблюдалъ. Эдакого писаря, пожалуй-что, ужъ намъ не нажить... Хорошій человѣкъ—одно слово!

— За чтѣ же его уволили?

— А какъ пошли эти новые-то начальники, такъ вскорѣ онъ и уволился. Послали намъ какого-то съ краснымъ околышемъ, Господь его знаетъ, изъ какихъ-такихъ—батушки мои! ужъ больно повелъ себя великатно, то-есть, ахъ ты Боже мой!

Сначала мы думали—Богъ знаетъ что! Бѣда, да и только. „Шапки долой“!.. Ну, однако, ничего: уходился скоро, а потомъ уѣхалъ куда-то, да ужъ больше и не пріѣзжалъ; уволился совсѣмъ, говорятъ. Ну, такъ вотъ онъ первымъ дѣломъ на писаря: „Ахъ, ты“, говоритъ, „такой-сякой“!.. И всякими его, извините, нехорошими словами... Ну, тотъ и уволился. Конечно, безъ должности теперь... Вотъ оно каково!.. Ну, да онъ не пропадетъ!..

— Послушай, однако,—сказалъ я: — какъ же ты этого человѣка не посадилъ? а? Денегъ нѣту, такъ ты и бросилъ его середь дороги, а?

— А вѣдь также и есть: надо бы посадить. Посадить бы да и только. Эка ты, братецъ мой!.. А то идетъ, сердяга, пѣшечкомъ... Посадить бы надо, посадить бы и есть. Ну, что дѣлать!..

Черезъ часъ мы пріѣхали на станцію.

— Чай станете пить? — спросилъ меня рыжій мужикъ въ рваномъ полушубкѣ и въ шапкѣ, изъ которой во всѣ стороны лѣзла вата.

— Нѣтъ, запрягайте, пожалуйста.

— А то выпили бы чайку... Оно, видишь ли, того... съ дорожки-то...

— Лошадей, что ли, нѣту?

— Не то чтобы, а... какъ тебѣ сказать... какъ хозяинъ... Вотъ я хозяина пошлю...

Рыжій мужикъ ушелъ и больше не возвращался. Изъ глубины двора показался другой мужикъ, заспанный, толстый, въ красной рубахѣ, въ резиновыхъ калошахъ на босу ногу, самъ хозяинъ. Онъ, видимо, только-что былъ разбуженъ, потому что немилосердно зѣвалъ и скребъ пятерней брюхо и спину.

— Чай пить не станете?—спросилъ онъ, страшно зѣвая.— О, Господи!..

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, запрягайте. Лошади есть?

— То-то, что нѣту коней-то. Самоварчикъ, если угодно, поставимъ.

До города оставалось всего 15 верстъ, и эта задержка была мнѣ въ высшей степени непріятна.

— Съ часикъ всего подождать, не болѣе,—продолжалъ хозяинъ:—гляди, черезъ малое время вернутся кони-те...

— Мнѣ ждать нельзя,—сказалъ я съ досадой.

— Кто съ почмаремъ-то уѣхалъ? Митька, что ли?—вдругъ громко и чрезвычайно сурово обратился хозяинъ къ стоявшему неподалеку парню.

— Надо быть, онъ,—равнодушно отвѣчалъ парень.

— Разгонъ большой—страсть!.. Ужъ вы, пожалуйста, пождите,—снова обратился ко мнѣ хозяинъ.—Съ ногъ сбились... Ыздать, Ыздать теперь эти новые-то... предсѣдатель да члены... и все по одному мѣсту: къ Пенъковскому на заводъ... Замаяли насъ вовсе. И, Богъ ихъ вѣдаетъ, откедова такіе понаѣхали, изъ какихъ мѣстъ, чуть не съ того свѣта!.. Повозка имъ не повозка, лошадь не лошадь... И добро бы за дѣломъ, а то все по гостямъ... Чоморъ ихъ знаетъ, вѣдь иной разъ цѣлой гурьбой, да еще съ мамзелями... Сегодня вотъ четыре тройки отправили... Тыфу! будь они со свѣту прокляты! Ыздать, Ыздать; а хоть бы дорогу починили... Вонъ мосты провалились—срамъ!.. А изъ-за этого изъ-за самого долженъ я теперича неаккуратность терпѣть... Исправника ждемъ... почту давеча насилу отравили... вотъ и ваше благородіе задерживаемъ... А развѣ это можно? развѣ можно чиновниковъ задерживать? Господи, Боже мой! мы это очень хорошо понимаемъ...

Хозяинъ былъ такъ разгнѣванъ собственною своею неисправностью, что мнѣ оставалось молчать, покориться своей участи и велѣть ставить самоваръ.

— Самоварчикъ мы живой рукой, напьетесь чайку за мое почтеніе,—говорилъ хозяинъ ободряющимъ тономъ,—а оно пока кушаете, пока-что, той порой, Господи благослови, и лошадки подбѣгутъ... скорехонько обернутся.

Я пилъ чай, разсматривалъ картины, расклеенныя по стѣнамъ, глядѣлъ въ окна, выходилъ на улицу, снова возвращался въ избу, снова пилъ и снова разсматривалъ картины. Таѣ прошло часа два. Разумѣется, скучалъ я неимоვნю. Солнце уже склонялось къ закату, весь дворъ былъ въ тѣни, и только верхушка соломенной кровли ярко горѣла красноватымъ золотомъ.

— А! Степанъ Потапычъ!—услышалъ я со двора голосъ хозяина.—Гли-ко-ся! откедовъ ты взялся? Здорово, здорово. Куда Богъ несетъ?

— Въ городъ иду,—отвѣчалъ ему другой голосъ.

— Пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— Что такъ?

— Денегъ нѣту.

— Ну?.. Ахъ, ты миляга, миляга! Али шибко отощаль?

— Отощаль, братъ.

— Плохое дѣло, плохое, другъ, дѣло... Поди въ избу, наши

робята, знать-то, чайничаютъ, выпей чайку. Можетъ, и щецъ старуха нальетъ.

— Спасибо, не хочу.

— Ничего, иди, поѣшь... Слава Богу, не изубытишь, чего тутъ... Тоже на голодное-то брюхо пѣшкомъ оно не того... Иди, не бойся.

— Нѣтъ, не пойду, Кузьма Иванычъ.

— Что такъ?

— Плохо привѣчаешь.

— Какъ плохо?

— Какъ же, точно нищаго. Ты раньше меня не такъ принималъ.

— Ну-у!.. чтой-то... Вотъ, слава Богу... Я, кажется, отъ души...

Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ того самаго пѣшехода, котораго мы обогнали дорогой: онъ бодро и прямо сидѣлъ на ступенькѣ крыльца, опираясь на палку. Подлѣ него лежали узелокъ и шляпа. Густые полусѣдые волосы его длинными прядями развѣвались по вѣтру. Хозяинъ въ лѣнливой и небрежной позѣ стоялъ передъ нимъ и смотрѣлъ въ полъ.

— Тоже и сказалъ: какъ нищаго... ей Богу...—продолжалъ хозяинъ: — кажется, я, можно сказать, завсегда... ужъ и не знаю... завсегда, кажется, съ удовольствіемъ...

— Ну, ладно, это я такъ... Я зашелъ къ тебѣ не въ гости, а по дѣлу.

— По дѣлу? по какому такому?

— Ты вѣдь заводскій?

— Ну, заводскій.

— Ты былъ повѣреннымъ отъ общества, ходатаемъ по дѣламъ?

— Ну, былъ.

— Такъ вотъ по этому самому.

— Что такое? по какому такому?—съ тревогой спросилъ хозяинъ.

— У тебя тысячи трехсотъ рублей недостаетъ.

— Ты чего это?.. что ты врешь?.. На вотъ!..

— Мы учетъ сдѣлали полный: тысячи трехсотъ не хватаетъ.

— Какъ такъ? какой учетъ? какія деньги?.. Не знаю я ничего.

— Ну, какъ не знать!.. Знаешь. Такъ вотъ по этому самому дѣлу.

— У меня деньги въ безучетности были, коли хочешь ты знать... Вотъ что. Самъ знаешь, куда эти деньги ушли.

— Нѣтъ, нѣтъ. Въ безотчетное распоряженіе тебѣ дано было три тысячи, и куда они израсходованы—объ этомъ тебя не спрашиваютъ. Это совсѣмъ не то.

Нѣсколько секундъ сильно взволнованный хозяинъ молчалъ; онъ страшно вспотѣлъ и вдругъ началъ креститься.

— Вотъ ей-Богу, лопни мои глаза!—заговорилъ онъ быстро, поднимая голову и сверкая маленькими бѣгающими глазами:— провалиться на семь мѣстѣ! и какъ, значить, моя утроба... Я икону сниму... Вотъ видишь, видишь крестъ?.. Убей меня Богъ, ежели я... Знать ничего не знаю, и какія деньги, и что, на-примѣръ... Сохрани меня, Царица небесная!..

Отставной писарь смотрѣлъ ему прямо въ глаза и молчалъ.

— Грѣхъ тебѣ, грѣхъ!—продолжалъ хозяинъ:—грѣхъ тебѣ, Степанъ Потапычъ!.. Чего я тебѣ сдѣлалъ? Чѣмъ досадилъ?.. Кажется, завсегда съ удовольствіемъ... За что ты меня эдакъ-ту?.. а?.. вѣдь это передъ обществомъ конфузъ, а?.. Эдакую напраслину... Боже мой!.. Ты бы то подумалъ, что вотъ вѣдь и тебя Богъ убилъ... за что, за какія дѣла—не знаю, а только-что ты бы подумалъ...

— Полно, полно, Кузьма Ивановичъ, не прикидывайся сиротой: меня не разжалобить, поговоримъ лучше на чистоту. Учетъ сдѣланъ по всей формѣ: что не хватаетъ денегъ—это вѣрнѣе вѣрнаго, но главная бѣда еще не въ томъ. При учетѣ обнаружены подлоги и другія злоупотребленія, а это ужъ совсѣмъ скверно. Отдать тебя подъ судъ дѣло одного дня,—не доводи до этого, а то будетъ хуже: и засудятъ тебя, и деньги взыщутъ, а взыскать, слава Богу, есть чего... Постой, постой,—живо прибавилъ бывшій писарь, замѣтивъ со стороны теперь страшно блѣднаго мужика какое-то движеніе:—погоди, выслушай меня до конца. Одно тебѣ остается: внести деньги. Внеси пока хоть восемьсотъ рублей. Даю тебѣ сроку одну недѣлю.

— Нѣту! убей меня Богъ, нѣту!.. Хотя зарѣжь, хоть разними меня на мелкія части—нѣту!..

— Найдешь, долженъ найти. Бывшій старшина Непутяевъ ужъ повинился и заплатилъ пятьсотъ рублей. Заплатишь и ты.

— Старшина? Непутяевъ?.. —вдругъ злобно захлебываясь, заговорилъ хозяинъ.—Да, можетъ, онъ-то и есть... отъ него-то, можетъ быть, и это все... О, Господи!.. Ухъ!..

Хозяинъ въ изнеможеніи опустилсѣ на завалину и долго сидѣлъ молча, опершись локтями въ колѣни и опустивъ голову.

— Вотъ бѣда-то!.. вотъ бѣда-то!..—повторилъ онъ нѣсколько разъ. — Ну, за что? за что ты меня эдакъ?.. а?.. Чтò я тебѣ

сдѣлалъ? чѣмъ помѣшалъ?—обратился онъ затѣмъ къ собесѣднику, поднимая голову.

— Я бы не сталъ тебя трогать, еслибъ не штука одна,—спокойно и просто отвѣчалъ тотъ:—не ты первый, не ты послѣдній... Всѣ повѣренныя одинъ за другимъ обкрадывали и продавали своихъ довѣрителей, входили въ сдѣлку съ конторой и становились предателями... Общество разорили, истратили уйму денегъ, дѣло запутали... Господь вамъ судья, не мое это дѣло... Но намъ деньги нужны. Я за это дѣло взялся, а денегъ нѣтъ. Общество теперь ничему не вѣритъ, поэтому довѣренность мнѣ дали, а денегъ ни гроша. Вотъ зачѣмъ я тебя потревожилъ. Уплати безъ грѣха, деньги пойдутъ на доброе дѣло. Не уплатишь добромъ, возьмемъ силой. Ты меня знаешь: я отъ тебя не отстану.

Хозяинъ угрюмо молчалъ. Въ это время изъ-подъ навѣса подъѣхала къ крыльцу плетенка, запряженная парой лошадей, и я вышелъ во дворъ.

— Вотъ и лошадокъ вамъ изготовили,—сказалъ мнѣ хозяинъ съ жалкой улыбкой.

Я посмотрѣлъ ему въ лицо: онъ имѣлъ совершенно убитый видъ.

— Вы тоже въ городъ?—обратился я къ отставному писарю:—не угодно ли, я васъ доведу?

Онъ удивленно посмотрѣлъ на меня, потомъ улыбнулся. Улыбка совершенно преобразила его загорѣлое, огрубѣвшее лицо: оно вдругъ стало молодымъ и приняло чуть-чуть насмѣшливое, но милое и дѣтски-веселое выраженіе.

— Извините, — проговорилъ онъ:—я вамъ не компаніонъ. Полное безденежье. Двигаюсь по образу пѣшаго хожденія.

— Я доведу васъ бесплатно,—возразилъ я,—все равно, мнѣ надо ѣхать по дѣламъ службы.

— Въ такомъ случаѣ весьма благодаренъ, съ удовольствіемъ,—сказалъ онъ просто и хотѣлъ-было сѣсть на козлы, но я велѣлъ привязать чемоданъ на задокъ телѣжки и предложилъ ему мѣсто рядомъ съ собой.

— Итакъ, недѣля сроку,—обратился онъ къ хозяину, усаживаясь въ телѣжку:—черезъ недѣлю сходъ будетъ. Къ этому времени или деньги приготовь, или мы тебя подъ судъ отдадимъ.

Но хозяинъ уже, видимо, на что-то рѣшился.

— Ладно, — проговорилъ онъ, — не очень застрачивай: и окромѣ тебя найдутся законники, ничего.

— Какъ знаешь. Я тебя предупредилъ, а тамъ дѣло твое.

— Позвольте узнать вашу фамилію? — спросилъ я своего компаніона, когда мы выѣхали изъ села.

— Аромашевъ. А ваша?

Я назвалъ себя.

— Слышалъ, слышалъ. Весьма радъ познакомиться.

— О какомъ это дѣлѣ вы говорили съ хозяиномъ? — спросилъ я его.

— Весьма любопытное дѣло. Если хотите, я расскажу.

И онъ началъ рассказывать. Дѣло оказалось не только любопытнымъ, но прямо невѣроятнымъ, оно изобиловало такими неожиданными, странными, неправдоподобными, даже фантастическими подробностями, такими нарушеніями элементарнѣйшихъ требованій справедливости и такъ противорѣчило всему, что мы привыкли считать за неотъемлемое право всякаго человѣка, что временами я подозрительно смотрѣлъ на своего собесѣдника: въ своемъ ли онъ умѣ или не издѣвается ли онъ надо мною? Но умные глаза его смотрѣли совершенно ясно, а рѣчь дышала такой простотой, непосредственной искренностью и эпическимъ спокойствіемъ, что всякое подозрѣніе казалось нелѣпостью.

— Вы видите, — сказалъ онъ въ заключеніе, — какъ неоспоримы и очевидны были въ началѣ права населенія и какъ они теперь запутаны, благодаря невѣжеству и недобросовѣстности властей.

— Но вы надѣетесь ихъ распутать? — спросилъ я.

— Да, но это теперь не легко. Во всякомъ случаѣ, я сдѣлаю все, что могу.

— Помогай вамъ Богъ.

Нашъ ямщикъ молодой парень, который, видимо, съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ Аромашева, вдругъ обернулся и сказалъ:

— Теперь онъ хозяинъ-отъ, поди, въ заводъ ускакалъ совѣтоваться... Теперь онъ начнетъ хлопотать... Смотри, кабы онъ тебя не перехитрилъ: у него вездѣ дружки-пріятели.

— Это ничего, пусть хлопочетъ, — серьезно возразилъ ему Аромашевъ: — едва ли чего-нибудь достигнетъ, да и дѣло это второстепенное.

— А вотъ бы, — снова заговорилъ парень, — обсказать все это какому-нибудь самому главному начальнику, вышнему министру или сенатору... а? какъ ты думаешь?

— Да, хорошо бы, — опять совершенно серьезно возразилъ Аромашевъ, — только это очень трудно, почти невозможно... Вотъ вы находите все это дѣло невѣроятнымъ, — обратился онъ ко

мнѣ: — дѣйствительно, на свѣжаго человѣка оно производитъ впечатлѣніе какой-то сказки... Но вѣдь такихъ дѣлъ у насъ тѣма, и только ничего о нихъ не знаютъ... то-есть, видите ли, даже и знаютъ кое-что, но отрывками, въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, а въ общемъ—нѣтъ, даже тѣ, кому вѣдать надлежитъ, даже заинтересованныя лица, потому что съ одной стороны безпомощность и невѣжество, съ другой — самая беззащитная недобросовѣстность, а съ третьей — формальное отношеніе къ дѣлу или та же недобросовѣстность. И это незнаніе, можетъ быть, одна изъ главнѣйшихъ причинъ того, что такія дѣла у насъ возможны... Вотъ онъ вѣрно сказалъ: обсказать. Надо такія дѣла обсказывать, чтобъ они стали извѣстны, чтобы выплыли на свѣтъ Божій...

На западѣ потухала заря. Справа, въ лощинѣ поднимался густой, бѣлый туманъ. Становилось холодно. Я вытащилъ изъ-подъ сидѣнья шубу и надѣлъ на себя.

— Вамъ не холодно?—спросилъ я Аромашева.

— Нѣтъ, я рѣдко зябну, у меня теплая кровь, — сказалъ онъ, смѣясь.

Мы долго ѣхали молча. Небо быстро темнѣло, на землю спускались ночныя сумерки. Разстилавшаяся впереди даль заключала въ себѣ что-то хмурое, мертвенно спокойное и безнадежно холодное. Я уже не могъ разсмотрѣть въ темнотѣ лица моего собесѣдника, и онъ представлялся мнѣ поэтому какимъ-то загадочнымъ существомъ.

— Вы, кажется, въ писаряхъ служили?—прервалъ я молчаніе.

— Много разъ. Былъ я и фельдшеромъ, и учителемъ, и писаремъ, даже одинъ разъ псаломщикомъ... былъ адвокатомъ, секретаремъ земской управы, статистикомъ, почтаремъ, разсылнымъ, наборщикомъ, занимался сельскимъ хозяйствомъ... Однимъ словомъ, прошелъ сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы.

— И вездѣ защищали обиженныхъ?

— Н-да, конечно, по возможности...

— И вездѣ были гонимы?

— Нѣтъ... отчего же?... Я этого сказать не могу, напротивъ: очень часто находилъ сочувствіе и поддержку.

— Неужели? и до сихъ поръ не разочаровались въ людяхъ?

— Нѣтъ... конечно, были разочарованія, какъ безъ этого?... но вообще нѣтъ. Я думаю, что неразумно требовать отъ людей того, чего они дать не могутъ, и не надо преувеличивать ни своихъ силъ, ни того сочувствія, на которое вы въ правѣ раз-

считывать. Въ этомъ весь секретъ. Надо, впрочемъ, имѣть еще хорошее здоровье и крѣпкіе нервы.

— Исторія вашей жизни, должно быть, весьма интересна?

— Ну! что вы!.. Ничего интереснаго... напротивъ, самая обыкновенная... Мало ли такихъ скитающихся людей, какъ я!..

— Но, мнѣ кажется, вы не совсѣмъ обыкновенный скиталецъ. Я сегодня слышалъ отъ ямщика, что, будучи писаремъ, вы много хорошаго сдѣлали для волости.

— Онъ говорилъ это? въ самомъ дѣлѣ?—переспросилъ Аромашевъ съ живостью:—неужели говорилъ? Знаете, что я вамъ скажу,—прибавилъ онъ, и въ голосѣ его слышалось необычное радостное возбужденіе:—я тысячу разъ убѣждался, что добро, даже самое микроскопическое, никогда не пропадаетъ безслѣдно: оно растетъ, накапливается и шагъ за шагомъ одолеваетъ тьму... Оно заключаетъ въ себѣ прогрессивную, животворящую силу. Зло — это мертвая, инертная масса... это матерія... Вы понимаете?

— Не совсѣмъ.

— Да, конечно... Видите ли, я получилъ весьма скудное образованіе, я только уѣздное училище кончилъ, и уже послѣ такъ, кое-что, урывками читалъ, старался образовывать себя, но гдѣ же? Разумѣется, изъ этого ничего не вышло... Поэтому, собственно, я не умѣю отчетливо выражать своихъ мыслей, да и мысли-то мои такія... тоже не совсѣмъ ясныя... Однимъ словомъ, я хотѣлъ сказать, что всякое зло проистекаетъ, по моему мнѣнію, изъ зоологической, изъ матеріальной природы человѣка, а всякое добро—изъ побужденій духовнаго, высшаго порядка, присущихъ только мыслящему существу, возвышающемуся надъ матеріей... Добро—это нѣчто новое, чего природа до человѣка не знала... Однимъ словомъ, я не философъ, и, конечно, можетъ быть, моя мысль смѣшна... Но все-таки я неоднократно замѣчалъ, что добрыя сѣмена никогда не погибаютъ... я постоянно находилъ, такимъ образомъ, подтвержденіе этой моей, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ неосновательной теоріи... Для образованнаго человѣка должна быть смѣшна эта доморощенная философія, но для меня она необходима... Я вѣрю въ добро, такъ сказать, органически... Да вѣдь и всѣ люди въ концѣ концовъ вѣрятъ въ силу добра, т.-е. придерживаются, стало быть, въ общихъ чертахъ этой же самой теоріи.

— Скажите, пожалуйста,—началъ я:—существованіе ваше, вообще говоря, вѣдь нельзя назвать вполне благополучнымъ... Эти скитанія, бѣдность, лишенія... вотъ вы за сорокъ верстѣ

идете пѣшкомъ... разнаго рода неудачи, можетъ быть, оскорбленія со стороны властей, черная неблагодарность со стороны мужиковъ, и мало ли еще что... Неужели все это васъ не угнетаетъ? Неужели не хотѣлось бы вамъ устроиться болѣе прочно, болѣе свободно, болѣе независимо и спокойно пожить, такъ сказать, для самого себя?

Аромашевъ отнесся къ этому вопросу съ тою же удивительною простотою, съ какою онъ относился ко всему вообще.

— Право, вы представляете меня какимъ-то подвижникомъ, — сказалъ онъ, — а вѣдь ничего подобнаго нѣтъ: я живу, какъ и всѣ, для самого себя и, какъ всѣ маленькіе и мало обезпеченные люди, занятъ, главнымъ образомъ, заботами о своемъ пропитаніи... Устроить себѣ спокойное, обезпеченное и независимое существованіе, чтобы жить не только о хлѣбѣ насущномъ, но и о словѣ Божіемъ: на примѣръ, почитать книжку, поучиться чему-нибудь — это моя мечта... Но, вообще говоря, я вовсе не такъ плохо живу, какъ вы думаете. Вы видѣли, что я хожу пѣшкомъ, но вѣдь это временно... это потому, что теперь я безъ заработка... Всякій изъ нашего брата бывалъ въ такомъ положеніи... Да отчего и пѣшкомъ не пройти, когда есть силы? Отчего даже не поголодать иногда?... Надо все испытать въ жизни — я такъ думаю. Конечно, я желалъ бы... да мало ли чего бы я не желалъ?... На примѣръ, быть миллионеромъ, художникомъ, артистомъ, писателемъ, вождемъ, народнымъ трибуномъ... желалъ бы и власти, чтобы разсѣвать гордіевы узлы, а не распутывать ихъ кропотливо... Но я знаю, что для этого у меня нѣтъ никакихъ данныхъ: ни по образованію, ни по условіямъ воспитанія, ни по уму, ни по талантамъ я не могу рассчитывать на крупную роль. Вотъ фельдшеромъ, учителемъ, писаремъ, ходатаемъ по крестьянскимъ дѣламъ я быть могу, и то слава Богу: что-жъ, всякому свое мѣсто... Образованія не получилъ — это жаль, да и съ этимъ я теперь примирился. Кругомъ такая тьма, такая дикость, что среди нихъ я все же являюсь достаточно просвѣщеннымъ человѣкомъ... все же я имѣю правильные взгляды на вещи, у меня есть убѣжденія, есть идеалы, я ихъ не прячу въ карманъ, а провожу въ жизнь, я не трусь, — а это большое счастье...

— У васъ есть семья? — спросилъ я его.

— Были дѣти, да умерли... Вотъ это, дѣйствительно, было несчастье: я чуть не помѣшался... И какія славныя были дѣтки! трое — мальчикъ и двѣ дѣвочки... Умерли отъ дифтерита, и самъ же я ихъ заразилъ, фельдшеромъ тогда былъ... Когда они

умерли, я возропталъ и впалъ въ отчаяніе... Это было большое испытаніе...

— А ваша жена жива?

— Да, но мы съ ней давно уже разошлись. Она теперь въ Москвѣ, служить гдѣ-то, кажется, на желѣзной дорогѣ. Она хорошая женщина, но ей было со мной тяжело... Она съ дѣтства привыкла къ привольной жизни, а у насъ вскорѣ послѣ свадьбы начались разныя невзгоды... Здоровье же у ней всегда было слабое, и притомъ нервы... Бѣда эти нервы! Бывало, я только посмѣиваюсь, а она отъ всякаго пустяка въ отчаяніе приходитъ... Да, тяжело ей было... Притомъ она вскорѣ во мнѣ разочаровалась... Какъ выходила замужъ, считала меня героемъ, а какой же я герой, помилуйте!.. Вообще женитьба моя была большой ошибкой. Это было еще въ то время, когда я и самъ себя, пожалуй, немножко героемъ считалъ, думалъ — горы сворочу... Но, конечно, это была только иллюзія молодости... Я увлекся, она увлеклась, женились, а тамъ вскорѣ она меня разглядѣла, убѣдилась, что геройскаго во мнѣ ничего нѣтъ... Началась проза, а тамъ и семейный разладъ... Прожили мы такимъ образомъ около пяти лѣтъ, и много она, бѣдная, выстрадала за это время... Противно было ей со мной мыкаться, но все же уйти отъ меня она не рѣшалась... Какъ припомню теперь, это было самое тревожное и мучительное время изъ всей моей жизни. Глядя на нее, видя, какъ ей все противно: и наша обстановка, и наши знакомства, и наши маленькія дѣла, я тоже мучался. Я любилъ ее, и мнѣ бывало жалко ее до слезъ: видимое дѣло, попалъ человѣкъ не на свое мѣсто. Такъ и тянули мы эту лямку изо дня въ день, и долго бы еще протянули, еслибъ не подвернулось новое увлеченіе... Увлеклась она однимъ человѣкомъ... Молодой врачъ тутъ появился въ нашемъ селѣ, такъ вотъ имъ... Тогда она и рѣшилась... У женщинъ вѣдь, знаете, ни одинъ житейскій кризисъ не обходится безъ увлеченій... Такъ и тутъ. Конечно, разошлись мы безъ ссоры, по-дружески... Уѣхали они въ Москву. Дѣти остались у меня... Послѣ бросилъ онъ ее, но ужъ вернуться ко мнѣ она не захотѣла... Что дѣлать, видно, въ жизни не обойдешься безъ драмы... Много я передъ ней виноватъ... хотя бы вотъ даже и тѣмъ, что дѣтей не сумѣлъ сохранить... Да, да... самъ-то я цѣлъ остался, ничего, а вѣдь у ней вся жизнь изломана... Переписываемся мы съ ней и теперь, хотя рѣдко... Въ шутку она называетъ меня одинокимъ скитальцемъ... Что скиталецъ я—это вѣрно, но какой же я одинокій... Я не одинокъ, вовсе нѣтъ.

Вдали показалось зарево — признак приближающагося города. Минуть черезъ двадцать мы подъѣзжали къ заставѣ. На одномъ изъ перекрестковъ улицъ Аромашевъ попросилъ остановить лошадей.

— Вамъ куда нужно?—спросилъ я его.

— А тутъ, у одного знакомаго останавлиюсь.

— Позвольте, ямщикъ довезетъ васъ до мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразилъ онъ:—это далеко, въ Солдатской слободкѣ, зачѣмъ вамъ беспокоиться? Я дойду. Очень вамъ благодаренъ.

Онъ взялъ изъ телѣжки свой узелокъ и крѣпко пожалъ мою руку.

— До свиданія,—сказалъ онъ и скрылся въ темномъ переулкѣ.

А. Погорѣловъ.

РАЗДУМЬЕ.

Все, что волновало въ золотые годы
Юности волшебной сердце молодое
Жаждой безконечной счастья и свободы,
Все давно исчезло. Небо голубое
Взоры не плѣняетъ, какъ плѣняло прежде,
Самая природа кажется мрачнѣе.
Умъ давно не вѣрить сладостной надеждѣ,
Что настанутъ годы лучше и свѣтлѣе.

На душѣ печальной горя и страданья
Много накопилось, желчи накупѣло,
И съ улыбкой грустной вспомнятся желанья
Молодости пылкой: какъ рвалась смѣло
На борьбу съ неправдой молодая сила...
Думалъ, ей не будетъ ни конца, ни края...
Силу молодую жизнь давно сгубила,
И кручина въ сердцѣ поселилась злая...

И борясь бесплодно съ горькою судьбою,
Ни себѣ, ни людямъ не нашель я счастья.
Рано познакомаясь съ жизненной грозой,
Видѣлъ предъ собой я вѣчное ненастье.
Сѣверное небо, хмурая природа
Душу подавляли... Скорбію томимый
Рано я увидѣлъ, что чужда свобода
Грустной и печальной сторонѣ родимой.

Часто проходилъ я средъ людскихъ страданій,
 Сдерживая стоны, подавивъ проклятыя,
 И смотрѣлъ я молча, заглушивъ рыданья,
 Какъ отъ жизни гибли и друзья, и братья.
 Сердце разрывалось отъ тоски и муки,
 Но помочь не могъ я,—многое мѣшало:
 Горькое безсилье связывало руки,
 Добраго желанья было слишкомъ мало!..

Такъ тянулись годы... На душѣ скопилось
 Жизни невеселой грустное наслѣдство,
 Да въ мечтахъ о прежнемъ звѣздочкой являлось
 Свѣтлою картиной золотое дѣтство...
 Иногда лишь горе въ риѣмы перелется,
 Да и имъ плохая выпадаетъ доля:
 Въ кѣлѣтѣхъ вольной птицѣ не всегда поется,—
 Ей нужна свобода, солнышко и воля.

Н. Казанцевъ.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА И МОЛОДЕЖЬ.

Русскаго интеллигента, побывавшаго на лекціяхъ въ Парижской Медицинской Школѣ (по нашему „факультетѣ“), не могло не поразить отношеніе французскихъ студентовъ къ тѣмъ женщинамъ, преимущественно пріѣзжимъ изъ Россіи, которыя рѣшились продолжать свое образованіе за границей.

Каждую студентку обыкновенно при входѣ встрѣчаютъ гамомъ, шумомъ, сюсюканьемъ, воздушными поцѣлуями. Студенты дѣлятся на двѣ группы, которыя, перекликаясь, кричатъ: Embrassera.—Embrassera pas.—„Красива“, —затягиваютъ одни.—„Безобразна“, —отвѣчаютъ другіе. Нерѣдко дѣло доходитъ до произнесенія самыхъ неприличныхъ площадныхъ словъ. И это творится не только на лекціяхъ, гдѣ собирается до тысячи слушателей, но и во время практическихъ занятій, когда вмѣстѣ со студентками работаетъ нѣсколько десятковъ мужчинъ. И тутъ французы почти всегда считаютъ нужнымъ наводить разговоры на игривыя темы и заставляютъ краснѣть своихъ невольныхъ сосѣдокъ. И только одинъ-на-одинъ съ учащейся дѣвушкой французскій студентъ проявляетъ свою извѣстную всему міру вѣжливость, свое „галльское рыцарство“. Однако и тогда онъ не можетъ не смотрѣть подозрительно на русскую студентку. Французовъ оскорбляетъ, что русскія женщины держатся такъ далеко отъ нихъ и такъ недоступны. Французы думаютъ, что все это притворство, что со своими соотечественниками студентки ведутъ себя иначе и предаются чуть ли не разврату. Необычайный для французовъ свободный образъ жизни нашихъ женщинъ, ихъ непринужденное обращеніе и полное равенство со студентами,—все это внушаетъ французамъ мысль, что тутъ что-то неладно. Да и какъ иначе можетъ думать французъ, у

котораго на родинѣ въ буржуазной семьѣ родители только тѣмъ и занимаются, что стерегутъ своихъ дочерей, доставляющихъ, однако, несмотря на весь надзоръ, значительный процентъ *demi-vierges*.

Обвинять всѣхъ французскихъ студентовъ въ недостойномъ отношеніи къ учащимся женщинамъ—несправедливо, какъ несправедливо вообще всякое огульное обвиненіе. Но что огромное большинство французской молодежи не можетъ смотрѣть на женщину иначе, какъ сквозь призму остраго полового чувства, вѣчнаго вожделѣнія, этотъ фактъ отрицать невозможно. Да и до причинъ его добраться не трудно. Французскіе студенты, почти исключительно дѣти богатыхъ буржуа. Не знавшіе и не знающіе мелкаго упорнаго труда за существованіе, за кусокъ хлѣба, обезпеченные съ излишкомъ, они вполне могутъ отдавать свои досуги изученію „науки страсти нѣжной“, особенно въ молодые года. Прибавьте къ этому вѣковую парижскую культуру, въ которой половой элементъ игралъ значительную роль, сильное распространеніе порнографической литературы всѣхъ видовъ и сортовъ, а главное, горячій, южный темпераментъ, жгучую природу, зовущую къ нѣгѣ и наслажденію—и станетъ понятнымъ тотъ половой психозъ, своеобразная болѣзнь, которая, какъ говорятъ, все болѣе и болѣе овладѣваетъ романскими народами.

Если вы отъ французовъ перейдете къ нѣмцамъ и посмотрите на ихъ отношеніе къ учащимся женщинамъ, то картина получится хотя и совершенно иная, но въ своемъ родѣ не менѣе тяжелая. Въ самой Германіи женщинъ начали допускать въ университеты только недавно. Но въ Швейцаріи онѣ пользуются этимъ правомъ сравнительно давно. И чтѣ же? До сихъ поръ нѣмецкіе бурши не могутъ оставить своего презрительно-высокомѣрнаго взгляда на женщинъ, которымъ, по мнѣнію нѣмцевъ, мѣсто не въ университетѣ, а если и не въ веселомъ домѣ, какъ думаютъ французы, то, во всякомъ случаѣ, не далѣе кухни.

Нѣмецкій студентъ чистосердечно убѣжденъ, что мозгъ женщинъ совершенно неспособенъ къ усвоенію научныхъ истинъ. Въ этомъ онъ, впрочемъ, сошелся во мнѣніяхъ съ знаменитымъ французскимъ анатомомъ Фарабѣфомъ, который тоже сомнѣвался, чтобы анатомія могла умѣщаться подъ женской черепной крышкой. Кромѣ того, нѣмецкій буршъ часто бываетъ грубъ и дерзокъ, часто считаетъ своей обязанностью шутить съ ловкостью медвѣдя и остроуміемъ Михеля, въ видѣ перевертыванія вывѣсокъ вверхъ ногами. Иногда предметомъ этихъ шутокъ являются

женщины, и между прочимъ русскія студентки, заброшенныя на чужбину, одинокія, большею частью, робкія и застѣнчивыя.

И когда, отвернувшись отъ этихъ фактовъ европейской жизни, вы обратитесь къ родному краю, когда всмотритесь въ отношеніе къ учащейся дѣвушкѣ со стороны мужской русской молодежи, вы невольно проникнетесь уваженіемъ къ этой молодежи, которая одна, безусловно одна въ цѣломъ свѣтѣ, сумѣла выработать истинно-товарищескій, человѣчный и высокій взглядъ на учащихся женщинъ, и не только выработать въ теоріи, но и осуществить его въ жизни, проводить на практикѣ.

Русская молодежь въ шестидесятыхъ годахъ какъ-то сразу признала женщину за полноправнаго человѣка, за человѣка прежде всего. Въ какія бы научныя сферы женщины ни забирались, какія бы общественныя цѣли онѣ ни преслѣдовали, все это считали вполне нормальнымъ, не подлежащимъ спору. Равноправность мужчины съ женщиной казалась такой банальной истиной, которую доказывать смѣшно и глупо. И слово не расходилось съ дѣломъ. Женщины вездѣ, гдѣ бы онѣ ни появлялись, встрѣчались какъ товарищи, какъ равноправныя работницы. Если въ то время и существовали люди, которые, какъ, напримѣръ, Щедринъ, относились слегка скептически къ направленію, принятому „женскимъ вопросомъ“, то ихъ скептицизмъ покоился на глубокомъ основаніи, въ корнѣ котораго лежитъ опять-таки безусловное равенство половъ. Говоря о стремленіи женщинъ къ занятію различныхъ отраслей общественной жизни, Щедринъ писалъ въ 70-хъ годахъ: „Ну, просто, дозволилъ бы и дѣлу конецъ!“ и затѣмъ съ тонкой иронической улыбкой на устахъ прибавлялъ: „Разумѣется, если бы меня спросили, достигнется ли черезъ это „дозволеніе“ разрѣшеніе такъ называемаго „женскаго вопроса“, я отвѣтилъ бы: „не знаю, ибо это не мое дѣло“. Если бы меня спросили, подвинется ли хоть на волосъ вопросъ, мужской, тотъ извѣстный вопросъ объ общечеловѣческихъ идеалахъ который держитъ въ тревогѣ человѣчество—я отвѣтилъ бы: опять-таки это не мое дѣло“. Щедринъ полагалъ, что вся суть не въ „дозволеніи“, а въ „общечеловѣческихъ идеалахъ“, держащихъ въ тревогѣ человѣчество. Къ вопросу о „дозволеніи“ женщинамъ занимать различныя должности Щедринъ относится иронически, какъ къ чему-то до такой степени банальному, что и толковать о немъ стыдно. И голосъ общественнаго мнѣнія въ то время былъ до того силенъ, что даже нѣкоторыя канцеляріи снизошли и „дозволили“, и не только дозволили, но въ первое время и относились къ служащимъ женщинамъ по-человѣчески. Только впо-

слѣдствіи выплыли на свѣтъ Божій чиновные селадоны, обратившіе вниманіе на то, что канцеляристка, помимо того, что она служащая, еще особа женскаго пола. Но то было впоследствии, когда всякія „вѣянія“ улетучились, а вопросы, и мужской, и женскій, и вопросъ о молодежи и о человѣческихъ идеалахъ, куда-то спрятались.

Но своей первой, пусть только нравственной, но зато огромной побѣдой русская женщина обязана русской молодежи, которая сама признала и заставила другихъ признать въ женщинѣ прямо и просто человѣка.

Грѣшно считать русскую молодежь совершенствомъ. Если подвести балансъ ея достоинствамъ и недостаткамъ, еще кто знаетъ, что получится въ итогѣ—плюсъ или минусъ.

Но русская молодежь самая демократичная въ мірѣ и это, кажется, общепризнано. Отсюда и вытекаютъ всѣ ея достоинства и недостатки. Грубость, неряшливость, нетерпимость, отсутствіе умственной дисциплины и твердыхъ культурныхъ привычекъ, склонность разбрасываться, безволіе, невоздержанность на языкъ и иногда распущенность въ личной жизни—съ одной стороны; но зато съ другой, какое умное, хорошее и глубоко понимающее сердце кроется подъ этой непріятной виѣшностью! Кто наблюдалъ русскую молодежь, тотъ поражался ея способностью ставить себя въ положеніе другого, понять его, а потому и счесть его братомъ. Не стану говорить о самоотверженіи русской молодежи. Оно всѣмъ извѣстно. Исторія записала тысячи примѣровъ, и еще недавно голодъ и холера подтвердили, что не изсякъ этотъ родникъ въ душѣ молодой Россіи.

Наша учащаяся молодежь обладаетъ, несомнѣнно, громадной способностью къ работѣ, но она еще не научилась работать (да ее этому и не учатъ) и дѣйствуетъ больше порывомъ, запоемъ. Жизнь для русскихъ учащихся не праздникъ. Большинство изъ нихъ принуждено тяжелой и утомительной работой добывать себѣ и насущный хлѣбъ, и средства для образованія. Тяжелая трудовая школа приучаетъ человѣка смотрѣть на вещи прямо и реально, не прикрывать ихъ красивой ложью, а брать какъ онѣ существуютъ. Наша молодежь не могла культивировать въ себѣ барскихъ замашекъ, да она и не обладала ими, выйдя изъ разночинныхъ слоевъ нашего населенія. Не могла она также возвести въ догматъ жизни ухаживаніе за женщиной,—вѣчный турниръ между двумя полами, получившій во Франціи такое пышное развитіе. Наша молодежь не была аскетомъ, но она

никогда не доходила до того, чтобы видѣть весь смыслъ жизни въ любви, и только въ ней одной.

Немудрено, что при такомъ направленіи русская молодежь и къ учащейся женщинѣ отнеслась просто и по-человѣчески, съ такимъ достоинствомъ, что подобнаго ему мы не видимъ нигдѣ. Съ перваго же шага отношенія установились самыя нормальныя и самыя желательныя, особенно въ нравственномъ смыслѣ. Этого не могли отрицать даже честные противники „женской эмансипаціи“. И когда слышались возраженія противъ совмѣстнаго обученія въ однѣхъ аудиторіяхъ мужчинъ и женщинъ, мотивы приводились не нравственнаго, а политическаго характера. И соотвѣтствующія распоряженія, а впослѣдствіи и постепенное закрытіе даже специальныхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній, оправдывались именно причинами политическими.

Русская женщина всегда дѣлила свою судьбу съ русской молодежью.

Когда послѣдней жилось болѣе или менѣе тепло, когда къ ней относились съ довѣріемъ, глядѣли на нее съ любовью, щадили, тогда и женщинамъ жилось легче и свободнѣй дышалось. Но стоило только измѣниться взглядамъ на молодежь, стоило вмѣсто „надежды“ Россіи увидѣть въ ней злую силу, нуждающуюся въ хорошей удѣ и ежовыхъ рукавицахъ,—и „женскій вопросъ“ былъ объявленъ измышленіемъ вредныхъ умовъ, женскіе школы и курсы закрывались, въ учебныхъ программахъ выдвигались на первое мѣсто танцы, рукодѣлье и поведение, а прочіе предметы обрѣзались подъ уровень „птичьихъ головъ“.

Въ настоящее время въ области „женскаго вопроса“ повѣяло снова здоровымъ, свѣжимъ воздухомъ. Открытіе медицинскаго института, открытіе для женскаго труда новыхъ сферъ жизни и т. д., все это свидѣтельствуетъ, что недовѣріе проходитъ, и на сцену выступаютъ болѣе свѣтлыя взгляды. Одновременно съ этимъ подняты очень серьезные вопросы объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго положенія нашей молодежи, объ измѣненіи университетскаго устава, разрѣшеніи землячествъ и кружковъ самообразованія и проч. Но въ данномъ случаѣ женщины оказались счастливѣе своего постоянного союзника; о нихъ и больше думаютъ, да для нихъ и больше сдѣлано.

Во Франціи женскій вопросъ, до сихъ поръ еще не связанный съ какимъ органическимъ явленіемъ, ни съ какимъ общественнымъ классомъ. Во главѣ движенія стоятъ нѣсколько честолюбивыхъ, энергичныхъ, просвѣщенныхъ женщинъ, принадлежащихъ, по большей части, къ средней радикальной буржуазіи. Очень много мелкихъ

партий, враждующих другъ съ другомъ. Въ массѣ женскаго населенія всѣ эти группы и секціи особымъ вліяніемъ не пользуются. Соціалистическое движеніе, хотя и имѣетъ намѣреніе воспользоваться въ своихъ видахъ „женскимъ вопросомъ“, но пока дѣйствуетъ въ этомъ направленіи довольно слабо. Надо, впрочемъ, прибавить, что „половой психозъ“, отмѣченный нами у буржуазнаго студенчества, присущъ до извѣстной степени и французскому рабочему, который относится къ женщинѣ тоже любовно-иронически. Самой сильной и серьезной является въ настоящее время во Франціи та буржуазная группа женщинъ, которая поставила себѣ цѣлью добиться отмѣны нѣкоторыхъ, чрезчуръ варварскихъ средневѣковыхъ постановленій „Code civil“ Наполеона, въ родѣ запрещенія свидѣтельствовать по гражданскимъ дѣламъ, лишенія жены права распоряжаться своимъ заработкомъ и т. д. Этимъ слишкомъ уже умѣреннымъ требованіямъ женщинъ сочувствуетъ не только большинство женскаго населенія страны, не желающаго, впрочемъ, ввязываться въ политику, но и очень много мужчинъ и не сегодня-завтра всѣ эти desiderata получатъ законодательную санкцію. Но этимъ, конечно, не исчерпается женское движеніе, а какую оно приметъ окраску и куда направится—сказать пока трудно. Интересно также, что стремленіе къ высшему образованію среди французскихъ женщинъ очень слабо.

Гораздо болѣе серьезный характеръ носитъ женское движеніе въ Германіи; здѣсь оно чревато многими неожиданными и любопытными явленіями. Въ Германіи женскій вопросъ порожденъ самой жизнью и заложенъ на самомъ прочномъ изъ основаній: на экономическихъ явленіяхъ. Въ Германіи до милліона лишнихъ, не могущихъ выйти замужъ женщинъ и большинство изъ нихъ должны работать изъ-за куска хлѣба. Необходимо, слѣдовательно, открыть дорогу женскому труду, найти для него мѣсто. И если современное общество окажется не въ силахъ рѣшить эту задачу, естественно, что женщины обратятся къ тому, кто является провозвѣстникомъ новаго порядка вещей—къ рабочему классу. Къ тому же женскій трудъ въ Германіи довольно распространенъ и при почти поголовной принадлежности рабочихъ къ соціалъ-демократіи немудрено, что и жены рабочихъ начинаютъ придерживаться тѣхъ же взглядовъ. Словомъ, въ Германіи происходитъ видимое поглощеніе женскаго движенія соціалистическимъ, на что указываетъ хотя бы колоссальный успѣхъ книги Бебеля: „Die Frau und Socialismus“. Чѣмъ угрожаетъ такой оборотъ дѣла и къ чему онъ приведетъ—объ этомъ

пока можно только догадываться, но данныхъ для точнаго вывода еще нѣтъ.

Совсѣмъ иное положеніе женщинъ въ Россіи, тѣсно связанныхъ у насъ съ разночинной интеллигенціей и тѣмъ, что называютъ „интеллигентнымъ пролетаріатомъ“. Какъ показала, между прочимъ, и послѣдняя перепись, населеніе Россійской имперіи дѣлится по полу на двѣ почти равныя части; по 64 милліона въ каждой. Въ крупныхъ городахъ даже замѣчается нѣкоторый недостатокъ въ женщинахъ. Поэтому нѣмецкаго „милліона“ у насъ нѣтъ. Въ народѣ, собственно говоря, „женскаго вопроса“ не существуетъ; правда, тамъ существуетъ нѣчто еще болѣе страшное—„бабьи стоны“, но это уже изъ другой области. Тѣ женщины, которыя добиваются у насъ доступа къ образованію и къ разнымъ мѣстамъ, принадлежатъ къ мелкому дворянству, духовенству и вообще къ разночиннымъ людямъ. Всѣ требованія, которыя эти женщины предъявляютъ къ жизненному строю, вполнѣ, до мелочей совпадаютъ съ тѣмъ, чего добивается и разночинная мужская интеллигенція. Эти двѣ группы солидарны, отлично понимаютъ другъ друга, а потому шли и идутъ рука объ руку. Вотъ почему въ нашей исторіи и наблюдается такая тѣсная связь между женщиной и учащейся молодежью, которая до сихъ поръ была передовымъ выразителемъ разночинца и его стремленій. Этимъ объясняется враждебное отношеніе къ женскому вопросу со стороны тѣхъ, кто недолго любилъ разночинца и наоборотъ. Вотъ почему и крупнѣйшіе идейные вожди разночинцевъ, ушедшіе слишкомъ далеко отъ массы, какъ, напримѣръ, Щедринъ, смотрѣли черезъ голову „женскаго вопроса“ въ глубь „общечеловѣческихъ идеаловъ, держащихъ въ тревогѣ челоѣчество“.

Что будетъ дальше? Останется ли у насъ женскій вопросъ навсегда связаннымъ со стремленіями интеллигентнаго пролетаріата или современемъ приметъ другое направленіе? Вѣроятно послѣднее, но случится это не скоро, а только при достаточномъ развитіи нашихъ общественныхъ силъ. Теперь же тотъ „женскій вопросъ“, который выдвинутъ исторіей настоящаго, продолжаетъ быть тѣсно связаннымъ съ интеллигенціей, а слѣдовательно и съ молодежью. А потому и рѣшить его у насъ не трудно; признаніе полной равноправности за интеллигентными женщинами, о чемъ, собственно говоря, и идетъ рѣчь, не встрѣтитъ у насъ особыхъ затрудненій. Въ этомъ намъ помогутъ и русскій національный характеръ, и идейныя преданія прошлыхъ

поколѣній, и климать, и наша русская природа, тихая, ровная, безстрастная, не чувственная, а спокойно-радостная, зовущая не къ волненію, а къ мысли и созерцанію!

А. С. Изгоевъ.

Одесса.

ЯГОДКИНА.

(РАЗСКАЗЪ ВРАЧА).

I.

Сухой, раздражающій трескъ электрическаго звонка раздавался въ передней. Кто-то совсѣмъ безцеремонно ломился ко мнѣ. Звонокъ дребезжалъ несмолкаемо: очевидно, чья-то рука неумѣло, безтолково, не отнимая пальца, давила кнопку.

„Кого это чортъ принесъ?“—озлобленно думалъ я, приподнимаясь съ мягкой кушетки и комкая газету. Время для визитовъ было неурочное... Я только-что вернулся съ сытнаго обѣда и, покуривая папиросу, лѣнливо пробѣгалъ газетныя новости. И въ глазахъ ужъ стало у меня туманиться, сладкая дремота овлађвала мною... И вдругъ этотъ безпardonный звонъ!.. Кому такая экстренность? Мнѣ казалось, что причины моего негодования были вполнѣ резонны. Помилуйте, какъ же было не возмущаться? Какъ не раздражаться? Погода мерзѣйшая, хоть не гляди въ окно. По небу медленно и тяжело плыли хмурыя тучи. Сѣрый туманъ расползлся ключьями по землѣ. По дорогѣ виднѣлась вязкая грязь, тускло блестя взъерошенныя вѣтромъ грязныя лужи. Косой дождь лѣнливо и монотонно стучалъ въ окна... А я только сегодня утромъ вернулся изъ уѣзда, гдѣ съ недѣлю колесилъ по невылазнымъ дорогамъ съ судебнымъ слѣдователемъ и становымъ. Денька четыре, по крайней мѣрѣ, я думалъ опочить на лаврахъ, отдохнуть, отоспаться... А тутъ нелегкая несетъ надоѣдливаго пациента. Навѣрное, какой-нибудь мѣщанишка изъ посада, трясись за нимъ на извозчикѣ по грязи версты двѣ...

Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда умолкнетъ звонокъ и уйдетъ отъ дверей неизвѣстный докучливый посѣтитель. Я зналъ, что моя горничная Лукерья, опытная въ такихъ случаяхъ дѣвица, сѣмбѣтъ выпроводить незваного гостя... Однако, что же это?.. Разговоры какіе-то... Чей-то незнакомый голосъ звучитъ настойчиво и внушительно... А вотъ и моя Лукерья съ визитною карточкой въ рукѣ.

— Вѣдь я не велѣлъ никого принимать, — сказалъ я сердито:—меня дома нѣтъ, я въ уѣздѣ...

— Я говорила имъ, что васъ нѣту, да онѣ говорятъ, что видѣвши васъ, какъ вы изъ клуба проѣхали, — оправдывалась Лукерья.

— Кто это „онѣ“?

— Дама какая-то... пріѣзжая...

— Какая дама?

Бросаю взглядъ на измятую визитную карточку: Алевтина Семеновна Ягодкина.

— Какая такая Ягодкина?

— Не знаю.

— Ну, все равно, проси въ залу...

Я принялъ заранѣе холодный, строгій видъ, чтобы отвадить назойливую барыню... и вдругъ припомнилъ... Ягодкина! да вѣдь это та самая Ягодкина, что въ Мизютиху недавно на должность земскаго врача назначена... Коллега, значить... Вотъ оно что!.. Припоминаю, что въ клубѣ былъ о ней разговоръ... Городовой врачъ Курашевскій что-то о ней рассказывалъ... Но куда она, бѣдная, попала!.. Село—грязная трущоба, народишко кругомъ грубый. Больница—развалины, квартира—сарай. Я два мѣсяца прожилъ въ этой берлогѣ и едва не умеръ съ тоски, а мой предшественникъ коллега спился съ кругу и умеръ отъ чахотки... Во всякомъ случаѣ любопытно, что за Ягодкина.

Выхожу въ залу. У стола сидитъ худенькая женщина, лѣтъ 28, блѣдная, съ печальными сѣрыми глазами, одѣтая въ темное платье; лицо самое ординарное, нехарактерное... Она не замѣтила, какъ я вошелъ, углубленная въ чтеніе журнала, который, къ стыду моему, валялся неразрѣзаннымъ на столѣ...

Познакомились. Вину, конечно, на Лукерью свалилъ: дура, молъ, непокрытая, все перевираетъ...

— Простите, что помѣшала,—проговорила Ягодкина, глядя на меня грустными глазами:—я тороплюсь... Сегодня же возвращаюсь въ Мизютиху, а хлопотъ у меня еще полонъ ротъ:

надо медикаменты взять для больницы, книгами запастись, переговорить съ предсѣдателемъ.

— Да, — говорю, — не завидую вамъ... Трущоба ужасная! Глушь! Она съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣла на меня.

— Развѣ это глушь?.. Что вы! Работы много—это правда, но то и хорошо. Я и соблазнилась именно этимъ. Мнѣ въ Новинскѣ предлагали мѣсто... Нѣтъ, думаю, лучше я въ Мизютиху поѣду, тамъ больше дѣла...

Пришла очередь и мнѣ удивиться... „Ой, врешь“, думаю, „барынька, отъ Новинска ты бы не отказалась... Тамъ жалованье въ полтора раза больше, больница—сущій дворецъ, практика богатѣйшая... А впрочемъ, можетъ быть, ты изъ маниаковъ, свихнувшихся на узенькой идейкѣ?—А то, можетъ быть, институтская наивность въ тебѣ еще не вывѣтрилась и ты все еще сантименты разводишь, не замѣчая жестокой, угловатой реальности? Тогда понятно твое стремленіе къ захудалой нищенской Мизютихѣ. Какъ въ оны дни благородному рыцарю печальнаго образа скотный дворъ и развалившаяся гостинница казались богатѣйшимъ замкомъ, такъ, вѣроятно, и тебѣ глухая Мизютиха кажется широкой, чуть не всемірной ареной, откуда ты, полѣчивая грязныхъ и пьяныхъ мизютинцевъ, мечтаешь прогремѣть на весь міръ и приобрѣсти всемірную славу... Одно странно, что ты вовсе не институтка и, насколько мнѣ извѣстно, уже въ двухъ земствахъ служила, статейки въ ученыхъ журналахъ писала,—какъ же ты до сихъ поръ опыта не нахваталась, мудрости житейской не накопила?“

— Я слышала, что у васъ хорошая медицинская бібліотека,—продолжала между тѣмъ Ягодкина. — Можетъ быть, вы не откажете иногда снабжать меня книгами?.. А главное, я къ вамъ вотъ зачѣмъ: я знаю, что вы болѣе двухъ мѣсяцевъ были въ Мизютихѣ и, конечно, и участокъ, и больницу лучше моего знаете. Посовѣтуйте, къ кому мнѣ обратиться: къ предсѣдателю управы или къ члену какому? Разумѣется, вѣдь вы хлопотали же объ улучшеніи больницы, вамъ это дѣло знакомое.

Разумѣется!.. И не думаль! а если и хлопоталь, такъ больше о томъ, какъ бы мнѣ поскорѣе мизютихинскій участокъ съ рукъ сбыть...

— Да, — говорю я съ глубокомысленнымъ видомъ:—оно, конечно, лучше обратиться къ предсѣдателю, да только едва ли что-нибудь путное выйдетъ... Управа все равно ничего не сдѣлаетъ...

— Почему же?

— Да потому, что денегъ у нея нѣтъ... Управа теперь больше на счетъ дорожныхъ сооружений да устройства плотинъ. На будущій годъ выборы, такъ вотъ и стараются угодить вліятельнымъ гласнымъ... А кому какое дѣло до вашей Мизютихи? Тамъ почти ни одного землевладѣльца нѣтъ, мужицкое царство... Изъ-за чего же управѣ хлопотать?

— Но что же дѣлать?

— Пока ничего. Ждите новыхъ выборовъ... Можетъ быть, на ваше счастье Лежневъ въ председатели попадетъ, а у него имѣнье за Мизютихой, ну, тогда, конечно, обстроятъ вашъ пунктъ заново...

— Но это ужасно, что вы говорите,—заволновалась Ягодкина и даже раскраснѣлась отъ волненія:—сидѣть, ждать... Но вѣдь люди страдаютъ оттого, что зданіе гнилое, худое, холодное. Развѣ такъ можно? Я вѣдь не новаго помѣщенія прошу, тутъ ремонтъ пока нуженъ, а ремонтъ не разорить управу... Мы экономно все сдѣлаемъ. Я и смѣту даже составила сама... Вотъ взгляните.

Она вынула изъ кармана смятый листокъ и, тыкая въ него пальцемъ, говорила:

— Починка крыши... Проконопатка стѣнъ... Полы... потолки... итого триста пятьдесятъ рублей... Развѣ это много?

Я довольно равнодушно разсматривалъ планъ предполагаемыхъ перестроекъ въ Мизютихѣ. Совѣстно вспоминать, но, признаюсь, и горячая рѣчь меня нимало не тронула. Восемь лѣтъ безвыѣздной жизни въ уѣздной глуши не прошли безслѣдно, и разглагольствованія Ягодкиной наводили на меня ужасную тоску и скуку. „Господи! да скоро ли она уберется со своей Мизютихой? Вотъ надоѣла“,—думалъ я.

— Однако что-нибудь вы предпринимали же, что-нибудь дѣлали?—спрашивала она.

— Конечно, дѣлалъ. Три отношенія въ управу написалъ.

— И чтò же?

— Да ничего. Промолчали. Подъ сукно, вѣроятно, положили...

— А вы другихъ путей не искали? Къ частнымъ лицамъ не обращались? Съ докладомъ въ земское собраніе не входили? Можетъ быть, сельское общество поможетъ?

„Экъ, тебя, матушка!—думалось мнѣ:—„съ луны ты, что ли, свалилась?“

Признаюсь, допросъ начиналъ сердить меня. Что это за экзамень? Думаетъ, что кромѣ нея никто никакого дѣла устроить не можетъ. Ишь ты, сколько самомнѣнія въ ней сидитъ! Про-

бовали, матушка, пробовали; не глупѣе тебя: всѣ ходы, всѣ лазы, тайники и выходы знаемъ.

— Что-жъ, попытайтесь подѣйствовать на мизютинцевъ,— иронически отвѣтствовалъ я:—думаю, однако, что они весь вашъ амбулаторный пунктъ съ превеликимъ удовольствіемъ въ трактиръ заложили бы и пропили... Въ земское собраніе съ докладомъ?... Отчего же? Не возбраняется.. Да только что, пожалуй, кромѣ непріятностей ничего не получите..

— Нѣтъ, я этого такъ не могу оставить, — перебила меня Ягодкина:—надо попробовать!.. и не думаю, чтобы не удалось... Я разъясню управѣ, и не можетъ быть, чтобы стали люди спорить противъ очевидности. Судите сами: вотъ впечатлѣнія моей поѣздки по участку...

И Ягодкина съ одушевленіемъ начала рассказывать мнѣ грустную эпопею своихъ странствованій по мизютинской волости... Я заслушался противъ воли. Какъ она успѣла изучить участокъ! Она знала всѣ даже маленькія деревушки, хуторки, выселки... Это послѣ двухъ-то недѣль своего жительства въ Мизютихѣ, а я тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ пробылъ и развѣ три-четыре селенія объѣхалъ. Но это сознаніе рождало во мнѣ досаду, почти злость.

„Кухарка, какъ есть кухарка“,—съ озлобленіемъ думалъ я, глядя на ея неправильное угловатое лицо:—„якутка какая-то... скуластая“...

Въ озлобленіи я и чаю даже ей не предложилъ, хотя видно было, что она прозябла подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ. Наконецъ, слава Создателю, она кончила свой визитъ, связала веревочкой книги, которыя взяла у меня, и надѣла свое промокшее пальтишко.

— И что вамъ за охота сегодня же въ Мизютиху тащиться? Темнѣетъ, а вѣдь ѣхать сорокъ верстъ по убійственной дорогѣ... Какъ вы ночью поѣдете? Да еще, пожалуй, въ Митюковѣ на станціи лошадей не достанете... Тамъ всего тройка, а сегодня туда исправникъ поѣхалъ, значить, вамъ придется на станціи ночевать.

— Я прямо въ Мизютиху поѣду,—сказала Ягодкина:—меня тамошній мужичокъ привезъ, съ нимъ же и обратно... Кстати по дорогѣ надо въ двухъ деревенькахъ побывать: больные есть...

„Вонъ онъ что!“—подумалъ я:—„на телѣгѣ пріѣхала... Чортъ знаетъ, что за чепуха! въ такую погоду... Теперь на земской тройкѣ съ колокольчикомъ, въ крытомъ тарантасѣ и то скверно, не только что въ телѣгѣ“.

Заглянулъ въ окно,—и впрямь грязная навозная мужицкая телѣга стоитъ у подъѣзда.

— А вы почему на земскихъ не поѣхали?—спросилъ я.

— Въ разгонѣ всѣ кони, а ждать мнѣ не хотѣлось... Да я и привыкла къ телѣгѣ: часто приходится по участку ѣздить... Ну, до свиданія! Извините, что надоѣла вамъ. А за книги спасибо.

Я видѣлъ въ окно, какъ она усѣлась, закрывшись рогожкой, раскрыла свой зонтъ. Рядышкомъ примостился сухощавый мужиченко, хлестнулъ лошадь, и телѣга скрылась въ туманѣ...

Я чувствовалъ себя какъ-то нехорошо. Мое безмятежное настроеніе разсѣялось, глухо заговорила совѣсть. Укоризненно глядѣла на меня груда бумагъ съ письменнаго стола: тамъ валялись четыре отношенія училищнаго совѣта, извѣщавшія меня, что въ такихъ-то и такихъ-то селеніяхъ появились среди учащихся эпидемическія болѣзни и просившія „принять соотвѣтствующія мѣры“... Я забросилъ эти бумажки и думалъ: „вотъ кончится любительскій спектакль, тогда съѣзжу и посмотрю, что тамъ такое“.

Весь этотъ вечеръ чувствовалъ я себя скверно, хандрилъ, на репетиціи въ клубѣ сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Даже m-me Угрюмова замѣтила мое мрачное настроеніе.

— Что это вы какой нынче бука? — спросила она меня, лаская взглядомъ темносинихъ глазъ.

— Такъ,—отвѣчалъ я вполнѣ глупо и нелюбезно.

II.

Потомъ все пошло попрежнему. Я попрежнему игралъ въ карты, флиртовалъ, дирижировалъ танцами на вечерахъ, режиссировалъ на любительскихъ спектакляхъ, а въ промежуткахъ ѣздилъ то со становымъ, то со слѣдователемъ на вскрытія, на освидѣтельствванія увѣчій, отбывая все это какъ надоѣвшую повинность... Эпидеміи въ уѣздѣ росли, какъ грибы, но это мало насъ заботило. Мы уже привыкли, присмотрѣлись къ подобнымъ явленіямъ, намъ казалось, что это такъ и должно быть: осенній сезонъ,—значить, разгаръ болѣзней.

— Что-жъ эпидеміи,—разсуждалъ Осмининъ.—Голой рукой огня не потушишь... Грязь, бѣдность, невѣжество... Развѣ при этихъ условіяхъ можно что-нибудь сдѣлать? Пожаръ ковшемъ воды не зальешь... Да-съ, батенька, да надо же и свое здоровье побереечь... Надо разсудительно относиться къ вещамъ...

Я также разсудительно смотрѣлъ на дѣло... Исправно заносилъ я разныя отношенія, предложенія и рапорты во входящій журналъ и такъ же исправно отписывался нумерованными бумагами; а пока я занимался канцелярской эквилибристикой, мой фельдшеръ рыскалъ по глухимъ закоулкамъ уѣзда и вездѣ принималъ „соотвѣтственные мѣры“. Словомъ, все обстояло благополучно, и съ чиновничьей точки зрѣнія дѣятельность моя была превыше всякихъ похвалъ.

Съ описаннаго вечера я не видалъ Ягодкину мѣсяца полтора и, конечно, позабылъ бы ее, еслибъ не клубные о ней разговоры. Случая два-три удачнаго лѣченія въ городѣ, да двѣ такихъ же удачныхъ операціи заставили заговорить объ Алевтинѣ Семеновнѣ. Практика ей въ городѣ открывалась обширная и будь на ея мѣстѣ другой человѣкъ, онъ не упустилъ бы случая воспользоваться таковымъ благополучіемъ; но Ягодкину трудно было вытащить изъ Мизютихи.

Я довольно хладнокровно относился къ возраставшимъ успѣхамъ Ягодкиной: я облѣнился и всячески отлынивалъ отъ частной практики, но Осмининъ и Курашевскій весьма ревниво оберегали свои интересы, особенно послѣдній. Онъ слышать равнодушно не могъ о мизютихинской лѣкаршѣ. Онъ привыкъ смотрѣть на городъ, какъ на свои владѣнія, и вторженіе въ эту область Ягодкиной считалъ личнымъ оскорбленіемъ. Я не сомнѣвался, что именно онъ, городской врачъ Курашевскій, сѣялъ разные невыгодные слухи о Ягодкиной. Пошли сплетни, пересуды о ея прошломъ. Разсказывалось, что Ягодкину „турнули“ изъ двухъ уѣздовъ, что она интриганка, быющая на популярности, что все ея яко бы неусыпное рвеніе и неустанная дѣятельность не болѣе, какъ ширмы, кулисы, декораціи, за которыми скрываются весьма неказистыя возжелѣнія.

Разтѣзжая по курнымъ избамъ мизютихинскаго участка, Ягодкина, конечно, и не подозрѣвала, что мы немытыми руками стараемся влѣзть въ ея душу и раскрыть ея сокровенныя мысли и побужденія... Съ легкой руки Курашевскаго и земская управа стала косо поглядывать на Ягодкину и, видимо, каялась, что водворила столь безпокойнаго человѣка въ уѣздѣ...

Одинъ разъ я зашелъ въ управу, гдѣ въ это время кипѣла спѣшная работа передъ земскимъ собраніемъ. Писцы, согнувъ спины за длинными столами, неумоимо скрипѣли перьями. Бухгалтеръ въ потѣ лица щелкалъ на счетахъ, подводя итоги нескончаемымъ столбцамъ цифръ въ громадной книжищѣ. Предсѣдатель управы, нашъ добрѣйшій и милѣйшій Оедоръ Павловичъ,

мягкій и безхарактерный старичокъ, усталый, блѣдный, измученный сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ надъ грудой бумагъ и пакетовъ. Тутъ же сбоку примостился къ столу членъ управы, Адашевъ, смуглолицый мужчина съ пасмурнымъ лицомъ и густою гривою черныхъ волосъ на головѣ. Онъ тоже былъ углубленъ въ работу: перо его быстро скользило по разложеннымъ листамъ бумаги.

— Вотъ неугодно ли?— встрѣтилъ меня Ѳедоръ Павловичъ.— Неугодно ли взглянуть на этотъ ворохъ, вѣдь это, батенька мой, голова кругомъ... А черезъ двѣ недѣли собраніе... Держись крѣпче, управа! Всѣ мелочи, всякіе пустяки, малѣйшіе недочеты поставятъ на видъ... А что прикажете дѣлать, когда денегъ нѣту?! Хорошо Лежневу критиковать,—нѣтъ, онъ бы самъ попробовалъ... Кстати, голубчикъ, у васъ, говорятъ, дѣльце въ Мизютихинской волости... Сдѣлайте милость, поѣдьте со мной... Мнѣ надо тамъ дамбу осмотрѣть да кстати и въ больницѣ побываемъ... Бѣда, знаете, съ этой больницей...

— А что?—полюбопытствовалъ я.

— Да помилуйте! одолѣла насъ эта Ягодкина... Самъ знаю, что больница плоха, но что же дѣлать? Какъ я упрашивалъ ее: потерпите, говорю, годикъ-другой, зачѣмъ передъ выборами изъяны наши открывать? Нѣтъ! хоть ты что хочешь! Ей вынь да положь! Вѣдь жили же другіе врачи, терпѣли, не жаловались, а у госпожи Ягодкиной точно зудъ какой: и ясли, и родильный пріютъ она затѣваетъ, и больницу ремонтируетъ... Тьфу! да развѣ такъ можно?

— Откуда же деньги взялись на ремонтъ?—удивился я.

— Откуда? Изъ управы двѣсти рублей выдали... Что будешь дѣлать? Одолѣла насъ, ну, просто одолѣла... Спасенья никакого нѣту... Ахъ, ты, Господи! Я, говорить, если не дадите, къ частной благотворительности обращусь, а ужъ больницу устрою... Вамъ же, говорить, стыдно будетъ... Ну, что на это возразите? Бѣдовая барыня! И осрамить, сдѣлайте одолженіе, какъ пить дать...

— Я совѣтовалъ бы сплавить ее поскорѣе... Намъ она не ко двору, — замѣтилъ угрюмо Адашевъ. — Такая настойчивость во всякомъ случаѣ неумѣстна, это дерзость, которая должна быть урегулирована... Стало быть, недаромъ госпожу Ягодкину изъ двухъ уѣздовъ турнули... Спросите-ка городского врача, что онъ о ней поразскажетъ...

— Да, да, несогласная такая, — проговорилъ Ѳедоръ Павловичъ, — а вѣдь пренеутомимая... Мужики не нахвалятся. И когда

только успѣваетъ, словно у ней сорокъ восемь часовъ въ суткахъ. Любятъ ее, что говорить. Да вотъ вамъ, мизютинцевъ, конечно, знаете? Ну, что за народъ! Лодыри, пропойцы, въ недоимкѣ, какъ въ шубѣ, а поди-жъ ты на ремонтъ больницы сто рублей собрали... Какъ ужъ она урезонила ихъ, постигнуть не могу...

— Вы, Ѳеодоръ Павловичъ, черезчуръ очарованы госпожей Ягодкиной, — съ саркастической улыбкой прервалъ его Адашевъ, — а на вещи надо прямо смотрѣть. Ягодкина много работаетъ, а развѣ Курашевскій, Осмининъ, вотъ они, — кивнулъ онъ въ мою сторону, — развѣ они меньше трудятся? Ничуть! Они только не гремятъ о себѣ, а Ягодкина изъ каждаго пустяковъ рекламу себѣ создаетъ, шумиху... Это хвастовство, не болѣе, разыгрываніе роли... Корчитъ изъ себя какую-то идеальную труженицу, на свои деньги покупаетъ больнымъ мужикамъ говядину, бѣлый хлѣбъ, молоко; рыскаетъ по уѣзду на грязной телѣгѣ, но вѣдь все это съ цѣлью рекламировать себя, напумѣть, нагремѣть... Все это не болѣе, какъ раздутое тщеславіе, самомнѣніе, манія величія... Ну-съ, а потомъ, развѣ вамъ, Ѳеодоръ Павловичъ, неизвѣстны жалобы на идеальную госпожу Ягодкину? Вонъ Курчаевъ пишетъ, что она отказалась подать помощь его больной женѣ и вмѣсто того поѣхала куда-то къ чорту на кулички... Потомъ, развѣ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я сижу, управляющій Дьяченко не рассказывалъ вамъ, какъ у него захворалъ ребенокъ, и когда перепуганные родители пригласили Ягодкину, то она вильнула хвостомъ, промолвивши: „Пустяки“ и сейчасъ же уѣхала. Дьяченко долженъ былъ посылать нарочнаго за Осмининымъ, который и нашелъ, что болѣзнь ребенка серьезная... А Егоровъ? А Петровъ?

— Да, да, оно такъ, все оно такъ, — со вздохомъ согласался предсѣдатель.

Черезъ часъ мы ѣхали въ Мизютиху. Дорога была отвратительная: то рытвины и кочки, то бревенчатая, полуизгнившія гати по болотинамъ.

Въ Митюковѣ, пока перемѣняли лошадей, въ станціонную комнату вошелъ, какъ лунь, сѣдой, но еще бодрый, свѣжій старичокъ, отецъ содержателя станціи.

— Ба, да это ты, дѣдушка Онисимъ?! — сказалъ Ѳеодоръ Павловичъ, увидѣвъ его.

— Я, ваше высокородіе, Ѳеодоръ Павлычъ, я, — отвѣчалъ Онисимъ.

— А я думалъ, что и на свѣтѣ тебя давно нѣтъ... Ну, какъ, дѣдъ, живешь? Давненько тебя не видалъ...

— Живу ничего, слава Богу... Совсѣмъ зрячій сталъ, а то года три ни синь пороха не видѣлъ. Безъ палки шагу ступить не могъ... Разлилась, стало быть, въ глазахъ темная вода... Лѣчился, лѣчился, все не было толку... Да вотъ Господь лѣкаршу намъ хорошую послалъ — Левтину Семеновну... Живой рукой она мнѣ бѣлмы сняла, дай ей, Господи...

— Вотъ! — воскликнулъ Ѳеодоръ Павловичъ. — Слышите, докторъ!.. Нѣтъ, какова Ягодкина-то? А?..

Я слегка пожалъ плечами и промывчалъ что-то неопредѣленное.

— Дай вамъ, Господи, много лѣтъ здравствовать, батюшка Ѳеодоръ Павловичъ, — продолжалъ Онисимъ. — Ужъ такую намъ докторшу прислали — лучше не надо. Обходительная... Кого ни спроси, всѣ въ одинъ голосъ скажутъ. Въ полночь ли, за полночь ли, всегда приметъ, всегда выслушаетъ и помощью обнадежитъ. Конечно, маятно ей, ахъ, какъ маятно!.. Народъ-то ее одолеваетъ: извѣстно — мужички, безъ всякаго разсужденія лѣзутъ, а не сообразятъ того, что и докторшѣ отдыхъ нуженъ. Многіе и вовсе безъ разсудку ее беспокоятъ... По приѣмнымъ днямъ у ней ровно базаръ... Изъ дальнихъ мѣстъ ѣздятъ. Порядокъ сталъ теперича въ Мизютихѣ, ну оно и лестно народу-то... А то, бывало, пріѣдешь, выйдешь къ тебѣ пьяный фельдшеръ. Ни онъ тебя разспроситъ, ни обнадежитъ, — ткнетъ лѣкарствіе и проваливай... Докторъ-то небожно нами занимался... Только, бывало, ротъ раскроешь, а онъ тебѣ: „Знаю, проходи, не задерживай... видишь, сколько народу... Некогда мнѣ съ тобой разговаривать“...

Признаюсь, отъ разглагольствованій болтливаго старикашки мнѣ чувствовалось довольно скверно, и я начиналъ злиться; Ѳеодоръ же Павловичъ добродушно посмѣивался.

Въ Митюковѣ мы расстались съ Ѳеодоромъ Павловичемъ: я поѣхалъ на вскрытіе, а онъ осматривалъ дамбу и мостъ на рѣчкѣ Ничейкѣ.

Мы стоворились съѣхаться вечеромъ у Курчаева, въ его имѣніи, неподалеку отъ Мизютихи. Я позамѣшкался и подкапталъ къ высокому ярко освѣщенному дому Курчаева уже ночью. Ѳеодоръ Павловичъ уже давно былъ тамъ.

— А вотъ и докторъ какъ разъ къ ужину жалуетъ, — встрѣтилъ меня хозяинъ.

Курчаевъ въ нашемъ уѣздѣ считался вліятельнымъ гласнымъ,

воротилой, „шишкой“, какъ у насъ называли. Величали его княземъ, потому что онъ былъ потомкомъ какого-то татарскаго мурзы.

У Курчаева засталъ я управляющаго сосѣднимъ имѣніемъ—Дьяченко, пронырливаго, хитраго хохла, и станового Воробейчикова, весьма галантнаго, разбитнаго, веселаго молодого человека, большого искусника по части мелкихъ танцевъ и выколачиванія недоимокъ.

— Вы насъ совсѣмъ забросили, докторъ, — укорила меня, подавая пухлую ручку, пышная красавица, жена Курчаева:—а мы здѣсь безъ всякой помощи погибаемъ...

— Помилуйте,—отшучивался я,—да у васъ здѣсь Алевтина Семеновна гремѣть, чудеса дѣлаетъ, а вы жалуетесь. Какихъ же вамъ еще врачей надобно?

— Ахъ, не поминайте про эту противную... я слышать о ней не могу,—воскликнула Курчаева.

— Нѣтъ-съ, Ѳеодоръ Павловичъ, нѣтъ-съ, такъ нельзя,—заговорилъ Курчаевъ, когда мы сѣли за ужинъ.—Нельзя такъ распускать людей... Помилуйте, съ насъ земство беретъ деньги, строить тамъ какія-то школы, мосты, содержать врачей, а мы, землевладѣльцы, равнехонько ничѣмъ не пользуемся... Все мужику... А мы хотъ издыхай безъ всякой помощи... Я буду еще разъ покорнѣйше васъ просить обратить вниманіе на поведеніе новоявленной докторши... Какъ ее тамъ? Апельсинчиковой, Лимончиковой, Яблочковой, что ли? Это возмутительно! Моя Лида умираетъ, я посылаю верхового за вашей Лимончиковой, а она отказывается! ей, видите ли, надо ѣхать въ Мурзиху бѣлый хлѣбъ мужичью раздавать... Помилуйте! Чтò же это такое?

— Ахъ, перестань, Петя, будетъ, довольно,—перебила его т-те Курчаева разслабленнымъ голосомъ: — у меня нервы не выносятъ...

— Но, мой ангелъ, не могу же я этого такъ оставить... Вы, Ѳеодоръ Павловичъ, своей гуманностью всѣхъ распустили... Подтянуть нужно немножечко, подтянуть...

— Я разслѣдую это, непременно разслѣдую, — кряхтѣлъ съ виноватымъ видомъ смущенный и уничтоженный Ѳеодоръ Павловичъ.

— Да я, наконецъ, даже требую этого, — гремѣлъ Курчаевъ, — я официально писалъ въ управу... На земскомъ собраніи я попрошу васъ отвѣтить...

— Ну-ну! Полноте!.. Я разслѣдую, я приму мѣры,—бормоталъ предсѣдатель.—Я завтра же поговорю съ Ягодкиной.

— Не говорить съ ней надо, — возопилъ Курчаевъ, потерявшій всякое самообладаніе, — а нагоняй хорошій дать, хорошую взбучку.

— Я прошу, Оедоръ Павловичъ, и мое заявленіе принять относительно ребенка, — вставилъ Дьяченко: — извинить Ягодкину я не могу... Этакія вещи не прощаются...

— Господи! — съ отчаяніемъ оправдывался предсѣдатель: — да развѣ я ее защищаю? Я ни капельки ее не защищаю, я говорю только, что надобно разобрать... Я потребую отъ нея объясненій, я разберу...

— Прикармливать мужиковъ бѣлымъ хлѣбомъ — это подлость! — продолжалъ Курчаевъ: — это, наконецъ, я не знаю чтѣ... Мало того, что его, подлеца, даромъ лѣнчать, ему еще и жрать давай. Скоро все земство слопаютъ... Къ чему мы идемъ? Куда тянутъ насъ разныя госпожи Ягодкины? въ чью онѣ руку играютъ?

— Свои порядки теперь завела въ Мизютихѣ, — поддакнулъ становой: — фельдшеръ Ивановъ былъ уважительный человѣкъ: чуть чего, — онѣ сейчасъ же летитъ къ тебѣ съ медикаментами. Госпожа-врачъ долой его со службы, а вмѣсто того дѣвчонку опредѣлила... Настоящее теперь бабье царство!

— Я полагаю, что ваша Ягодкина скоро въ добавленіе къ даровой закускѣ и выпивку предложить мужикамъ... Они тогда еще больше зашумятъ о ней, — ехидничалъ Курчаевъ.

— Охъ-хо-хо! — вздыхалъ разстроенный предсѣдатель, когда мы укладывались съ нимъ спать въ кабинетъ Курчаева: — вотъ оно какъ! всѣмъ земство виновато, во всемъ управу винять... Будь хоть землетрясеніе, и въ землетрясеніи мы виноваты... Охъ, эта Ягодкина! Бѣда мнѣ съ ней! Хоть бы уѣхала куда-нибудь... Изъ-за нея они живьемъ меня слопаютъ на собраніи... Посмотрите, до чего Курчаевъ обозленъ, а вѣдь онъ говорунъ, и я на него большія надежды возлагалъ... А теперь, пожалуй, и онъ начнетъ управу раздѣливать... А все Ягодкина, чтобы ей пусто было...

На другой день послѣ сытнаго завтрака мы, побрякивая колокольчикомъ, подъѣзжали къ Мизютихѣ. Село раскинулось въ полугорѣ. Сейчасъ замѣтно было, что село глухое, бѣдное. Избы низкія, изъ осинового лѣса, съ маленькими окошками, съ ворохами потемнѣвшей соломы на кровляхъ. Вотъ и земская больница въ родѣ длиннаго сарая. Противъ больницы флигелекъ: квартира врача, тутъ же аптека и амбулаторія. У крыльца стояли телѣги, толпился народъ.

— Завернемъ спачала на одну минуту въ школу, — сказали

Федоръ Павловичъ: — учительница все жалуется, что холодъ у нея невозможный; заниматься, говорить, нельзя. Надо взглянуть, что тамъ такое.

Покосившаяся на богъ мизютихинская земская школа стояла наотлетѣ, подлѣ каменной церкви. Тарантасъ подкатилъ къ тесовому крылечку и остановился... Мы вошли въ школу. Темная, длинная комната. Полъ грязный, въ одной сторонѣ остлѣ, расщелялся. Печка вся въ трещинахъ. Въ окна и сквозь плохо проконопаченныя стѣны несло холодомъ. За столами сидѣло человѣкъ шестьдесятъ мальчугановъ и не больше пяти-шести дѣвочекъ. Учительница, молоденькая, живая дѣвушка, встрѣтила насъ въ передней.

— Да, да... неказисто у васъ,—говорилъ предсѣдатель, озираясь кругомъ,—не вполнѣ комфортабельно. Какъ быть! потерпите немножко: вотъ кончится собраніе, мы вамъ и того...

— Да теперь, Федоръ Павловичъ, у насъ и безъ земства дѣло на ладъ идетъ,—съ живостью проговорила учительница:—видѣли около школы лѣсъ и кирпичъ?.. Это общество на ремонтъ возить... А деньги за работу Лежневъ Павелъ Васильевичъ жертвуетъ.. Алевтина Семеновна объ этомъ хлопочетъ... Черезъ мѣсяцъ всю школу перестроить.

Предсѣдатель нахмурился и, помолчавъ, заговорилъ недовольнымъ голосомъ:

— То-то вотъ, вы все по-своему. Вѣдь теперь Лежневъ на собраніи будетъ своимъ пожертвованіемъ въ носъ всѣмъ тыкать! И чего Ягодкина не въ свое дѣло суется? Да и вы тоже, сударыня: вамъ бы управу одну знать, а не по своему усмотрѣнію хозяйничать...

— Федоръ Павловичъ! да я вѣдь десять разъ въ управу писала, и все ничего! Что же мнѣ было дѣлать?

— Ждать, чего же больше? Конечно, ждать. Терпѣніе, барышня, прежде всего. Вотъ оно: вездѣ непріятности!—обратился ко мнѣ предсѣдатель:—вотъ она земская служба!

Учительница съ недоумѣніемъ посмотрѣла на насъ, потомъ быстро подошла къ шкафу и открыла его.

— А вотъ, Федоръ Павловичъ,—заговорила она оживленно:—это Алевтина Семеновна намъ книги пожертвовала... Посмотрите-ка.

Предсѣдатель хмуро взглянулъ на полки шкафа, заваленныя оборванными книжками и мышѣдиной; только нижняя полка вся была уставлена новенькими книгами въ переплетахъ.

— Съ будущей недѣли чтенія хотимъ устраивать съ батюш-

кой,—продолжала учительница:—Алевтина Семеновна волшебный фонарь для нашей школы выписала.

— Ужъ ваша Алевтина Семеновна вездѣ поспѣла! — махнувши рукой, проворчалъ предсѣдатель.— Вотъ извольте-ка тутъ разобраться! кого слушать? кому вѣрить?.. А все-таки надо Ягодкину сократить, надо ее ввести въ оглобли.

Спустя нѣсколько минутъ мы были у больничнаго флигелька. Какая-то баба выбѣжала на звонъ колокольчика и отворила намъ дверь. Мы вошли въ квартиру Ягодкиной. Она состояла изъ двухъ комнатъ. Одна боковая, маленькая—спальня и другая обширная въ родѣ казармы. Я всегда испытывалъ въ ней гнетущее, тяжелое впечатлѣніе. Такъ и мерещился мнѣ, когда я жилъ въ этой казармѣ, несчастный Яковлевъ... Вотъ въ этомъ углу стояла его кровать; на ней-то онъ и умеръ, отравившись морфіемъ. Какую гнетущую тоску онъ испытывалъ, прозябая здѣсь!.. Въ окна ничего не видно, кромѣ ржаваго болота, поросшаго мелкимъ березнякомъ, да сѣрой захудалой деревушки Мурзики на дальнемъ горизонтѣ.

Я съ любопытствомъ оглядѣлъ свое бывшее жилье, но, странное дѣло, оно показалось мнѣ совсѣмъ инымъ. На окнахъ и на полу стояли банки цвѣтовъ. У одной стѣны книжный шкафъ со стеклянными дверцами, у другой—письменный столъ. Фотографическія карточки въ изящныхъ рамкахъ висѣли на голыхъ тесовыхъ стѣнахъ. Въ переднемъ углу стоялъ рояль. Все имѣло домовитый, опрятный и веселый видъ.

— Гдѣ Алевтина Семеновна?—спрашивалъ Феодоръ Павловичъ бабу.

— Барышня на приѣмѣ,—отвѣчала баба.

— Поди и скажи ей, что, молъ, предсѣдатель приѣхалъ...

Баба ушла и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась: Алевтина Семеновна извинялась, что не можетъ сейчасъ придти, и просила насъ подождать, пока она приметъ трудно-больныхъ, приѣхавшихъ издалека.

— Чайку не угодно ли, пока барышня ослобонится?—предложила намъ баба.

Мы отказались.

— Каково-съ? Какъ это вамъ покажется?—ворчалъ Феодоръ Павловичъ, бывшій не въ духѣ:—заставитъ дожидаться предсѣдателя управы? Ловко! Да что я, проситель, что ли? или пациентъ?

Рѣшили, пока-что, осмотрѣть больницу... Диковина! Совсѣмъ не узнаю мизютихинской больницы... Видно, что заботливая рука потрудилась надъ ея переустройствомъ. Стѣны прежде холод-

наго корридора пробиты, обшиты тесомъ. Всюду порядокъ, чистота... Встрѣтила насъ молоденькая дѣвушка—фельдшерица. Двѣ еще какихъ-то дѣвушки дежурили у кроватей больныхъ... Бѣлье на кроватяхъ чистое. Впечатлѣніе было неожиданное и сильное для тѣхъ, кто раньше зналъ эту больницу. Даже хмурый Ѳеодоръ Павловичъ повеселѣлъ. Черезъ полчаса онъ, прищелкивая языкомъ, говорилъ:

— Ну, не молодецъ ли? Прелестъ, прелестъ! И какъ это она изъ нечего умѣетъ сдѣлать?... Просто удивительно! Да теперь мизютихинская больница не хуже нашей городской... И тамъ такой чистоты не найдешь... Ишь какъ вездѣ прибрано, вылизано...

При выходѣ изъ больницы насъ встрѣтила Ягодкина, поху-дѣвшая, поплѣднѣвшая, но бодрая и неутомимая.

— Вотъ и отлично, господа, что вздумали навѣстить меня,—заговорила она, подавая намъ руку. — Извините, что заставила васъ ждать... Пойдемте теперь, будемъ чай пить... Приѣмъ у меня кончился. На ваше счастье, день такой легкій, а то начну утромъ, а кончаю совсѣмъ затемно...

Въ квартирѣ Ягодкиной на столѣ кипѣлъ самоваръ. Мы усѣлись за чай.

— Какъ живете?—спросилъ я, отхлебывая изъ своего стакана.

— Отлично, — отвѣчала она; — времени не вижу... Жалко одно, что силъ мало, не хватаетъ... Ну, а ремонтъ нашъ видѣли? Вѣдь недурно стало? а? А вы вотъ все нашихъ мизютинцевъ осуждали... Вотъ мизютинцы и доказываютъ вамъ, какъ вы ошибались въ нихъ...

— Подождите, конецъ вѣнчаетъ дѣло,—отшучивался я:—еще покажутъ они вамъ себя, ваши мизютинцы...

— Ну, что-жь? и подождемъ... Что-то вы скажете, когда мы здѣсь въ Мизютихѣ общество трезвости откроемъ? А вѣдь у насъ это дѣло на ладъ идетъ... Вотъ скоро и чтенія съ фонаремъ устроятся... Да мало ли что мы замышляемъ! Вотъ, Ѳеодоръ Павловичъ, помогите-ка намъ родильный пріютъ устроить...

— И что это вамъ вдругъ загорѣлось? — съ досадою пробурчалъ предсѣдатель. — Ей-Богу же, такъ нельзя: и ремонтъ, и пріютъ, и фонари, и картины, и чортъ знаетъ что! Конечно, это прекрасно, но гдѣ же средства?

— Полноте, Ѳеодоръ Павловичъ, зачѣмъ сердиться? А средства найдутся, ихъ немного и надо... Мы думаемъ лѣтомъ еще если здѣсь устроить. Вотъ какъ. Помощницы у меня есть, че-

тыре дѣвушки, кончили въ земской школѣ. Теперь въ больницу ходятъ, приучаются... Занимаюсь съ ними, на фельдшерскіе курсы готовлю...

— Ну, вотъ, вотъ... И ясли, и курсы, и приютъ... Да гдѣ же намъ денегъ взять на всѣ ваши затѣи?

— Какъ хотите, Ѳеодоръ Павловичъ, я въ собраніе буду писать.

— Не совѣтую: провалятъ, ничего не дадутъ.

— А я все-таки попытаюсь... Сама на собраніе приѣду: буду просить, убѣждать, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ.

— Ничего не выйдетъ... Вонъ вы гласныхъ противъ себя вооружаете: Курчаевъ на васъ въ претензіи, Дьяченко жалуется. Вы и мнѣ непріятности этимъ доставляете, Алевтина Семеновна.

Ягодкина покраснѣла.

— Позвольте, Ѳеодоръ Павловичъ, — сказала она живо: — эти сплетни мнѣ извѣстны. Онѣ не особенно меня смущаютъ: это въ порядкѣ вещей, но почему вы придаете имъ значеніе? Вы, конечно, госпожу Курчаеву отлично знаете. Это избалованная барыня, капризная, блажная... Чуть какая-нибудь домашняя исторія, — сейчасъ истерики, обмороки... Сначала, пока я не знала ее, я по первому зову летѣла къ Курчаевымъ... Но судите сами: бросать дѣло и тратить время на то, чтобы ублажать капризы дурашной барыни! Такъ и въ послѣдній разъ. Присылаютъ за мной. Я разспросила посланнаго, какъ и что, — оказывается обыкновенная исторія, а у меня на рукахъ трое дифтеритныхъ дѣтей: надо было торопиться сдѣлать прививку. Ну, я и не поѣхала, а послала фельдшерицу. Но господа Курчаевы надулись, фельдшерицу мою не приняли и раздули сплетню...

— Ну, хорошо, а вотъ тоже и Дьяченко, и Воробейчиковъ?

— Это оттого, что они привыкли, чтобы земскіе врачи только имъ служили, а не народу. У ребенка Дьяченко ничего опаснаго не было, просто перекормили его... Я заѣхала, успокоила, но не могла же я, бросивши настоящихъ больныхъ, сидѣть цѣлый день у Дьяченко для ихъ успокоенія?

— Ну, а фельдшеръ Ивановъ чѣмъ у васъ провинился? Его, однако, хвалили.

— Полноте! Кто могъ хвалить Иванова? Пьяный, грубый человѣкъ, невѣжественный фельдшеръ, вымогалъ у мужиковъ подачки... Да и дѣломъ онъ вовсе не занимался, а ѣздилъ по сосѣднимъ помѣщикамъ, развозилъ имъ лѣкарства, разыгрывалъ роль шута, пьянствовалъ... Нѣтъ, нѣтъ, ужъ это вы оставьте!

Ивановъ былъ никуда негоденъ. И охота вамъ, Ѳеодоръ Павловичъ, билетни слушать, вѣдь вы—предсѣдатель. Вонъ, пожалуй, про меня говорятъ, что я мужиковъ бѣлымъ хлѣбомъ прикармливаю. Что же, и по этому поводу прикажете дать объясненіе?

— Нѣтъ, нѣтъ... что вы!—бормоталъ предсѣдатель.

Наконецъ мы стали прощаться.

— А ужъ вы все-таки, Алевтина Семеновна, пожалуйста, ничего не пишите въ собраніе, право же,—говорилъ предсѣдатель уже въ прихожей:—что хорошаго, провалять, одна неприятность. Лучше оно того... потомъ какъ-нибудь...

III.

Недѣлю спустя мнѣ пришлось со становымъ приставомъ Воробейчиковымъ попасть въ село Богоявленское. Мертвое тѣло тамъ объявилось на постояломъ дворѣ, скоропостижно умеръ какой-то бродяжка... Кончилъ я освидѣтельствованіе трупа, написалъ протоколъ...

— Завернемте-ка отсюда ко мнѣ... Шнабсику хватимъ, пообѣдаемъ послѣ трудовъ праведныхъ... а?—соблазнялъ меня Воробейчиковъ.—Можетъ, кто и подѣдетъ... Винтикъ составимъ... Отлично время проведемъ.

Совсѣмъ, было, уговорилъ меня. Только-что сѣли мы въ тарантасъ, гляжу, сѣдой старикъ бѣжитъ къ тарантасу, шапку снявъ, кланяется... На глазахъ слезы...

— Докторъ, батюшка! помоги, ради Христа! Сынъ у меня... сынъ помираетъ...

— Вотъ еще нелегкая принесла! — проворчалъ Воробейчиковъ.—Ну, ѣдемте, докторъ! Ну его совсѣмъ!

Положимъ, я и самъ подумывалъ ѣхать, но замѣчаніе Воробейчикова мнѣ не понравилось, и я обратился къ старику съ вопросомъ:

— Гдѣ онъ у тебя?

— Въ Саватеихѣ, ваше благородіе, верстъ пятнадцать отсюда. Какъ прослышалъ, что вы на мертвое тѣло пріѣдете, ну, я и пригналъ...

— Фью! — засвисталъ Воробейчиковъ: — Такъ чего же ты лѣзешь, дуракъ? вези его въ городъ въ больницу...

— Батюшка! пластомъ лежить, не движется... Какъ его повезешь?.. И дыханіе у него ослабло...

Тащиться въ хмурый осенній день по невылазной грязи въ

Саватеиху—перспектива не очень заманчивая! Но такая глубокая скорбь сквозила въ слезящихся глазахъ старика, такимъ душевнымъ страданіемъ дышало его сморщенное лицо, такъ онъ былъ жалокъ, что у меня сердце захолонуло. Онъ стоялъ безъ шапки, въ вязкой грязи у колесъ брички, вѣтеръ шевелилъ его сѣдые волосы, дождевыя капли падали на его лицо... А рядомъ со мной сидѣлъ упитанный, краснощекій Воробейчиковъ въ щеголеватой шинели, равнодушный, безучастный, самодовольный.

— Чего-жъ мы время теряемъ?—нетерпѣливо замѣтилъ становой:—Саватеиха въ участкѣ Осминина, пусть къ нему и ѣдетъ, вамъ-то что?.. Докторъ, да куда же вы?—возопилъ онъ, видя, что я вылѣзаю изъ брички:—неужели въ Саватеиху?

— Да, въ Саватеиху,—сухо промолвилъ я.

Воробейчиковъ на минуту опѣшилъ и вытаращилъ на меня глаза...

— Гмъ,—промолвилъ онъ:—ужъ не въ секту ли Ягодкиной вы записались? Экъ васъ сердоболіе обуяло! Ну, пеняйте сами на себя... Мое почтеніе!

Брякнулъ колокольчикъ и тарантасъ умчался...

Настойчиво барабанилъ дождь по крышамъ. Темныя тучи ползли по небу... Великодушіе мое быстро растаяло... Сумрачный, недовольный усѣлся я въ телѣжку старика и покатилъ по проселку... Зато старикъ сіялъ, поминутно обертывался, нахлестывалъ лошаденку и вообще не зналъ, чѣмъ угодить мнѣ...

— Спаси васъ Господь, дай вамъ Господи!—говорилъ онъ возбужденно:—можетъ оправите парня... Одинъ онъ у насъ, вотъ какая статья, имъ весь домъ держится... Но-но! пѣгашка, выручай!

И старикъ все нахлестывалъ да нахлестывалъ лошадь...

— Я бы вашу милость, батюшка, и беспокоить не сталъ,—продолжалъ старикъ,—да нашъ-то дохтуръ очинно недоступенъ... Сколько разовъ къ нему гонялъ... Какъ ни пріѣдешь—все ему недосугъ... И разговору нашего не переносить. Строгій, охъ, строгій!..

А дождь все прибавлялъ прѣти. Сѣрый туманъ закутывалъ даль... На землю спускались сумерки.

— Я ужъ на волю Господнюю въ Богоявленіе поѣхалъ,—тараторилъ старикъ:—можетъ, думаю, упрошу доктора... А парнишку въ Капустино послалъ... Туда, слышь, лѣбаршу Левтину Семеновну ждуть... Ужъ вотъ добрая душа, охъ, добрая! Только, думаю, врядъ ли парнишка застанетъ ее въ Капустинѣ... На разрывъ ее народъ теревить...

Вотъ, наконецъ, и Саватейха показалаcя вдали на пригоркѣ.

Кое-какъ дотащились мы до избы старика. Глядимъ, ужъ чья-то телѣга стоитъ во дворѣ, подлѣ нея отпряженная лошадь.

— Дѣдушка! у насъ лѣкарша Левтина Семеновна, давеча на подводѣ пріѣхала, — сказалъ парнишка лѣтъ двѣнадцати, увидѣвши насъ.

Я вошелъ въ избу. И впрямь Ягодкина тутъ... Душно, грязно въ избѣ. Темно... Старуха на колѣняхъ передъ образомъ молится. Лампадка тихо мерцаетъ. У печки боязливо жметcя маленькая дѣвочка. Молодаяка, жена больного, съ заплаканнымъ лицомъ, что-то хлопотала у печки... Какъ изваяніе стояла Ягодкина у изголовья кровати; серьезно, сосредоточенно было выраженіе ея лица. Она то мѣняла компрессы на головѣ больного, то щупала его пульсъ... На столѣ разложена была аптечка. Увидѣвъ меня, она блѣдно и слабо улыбнулась, и какая это была хорошая улыбка, словно солнышкомъ обогрѣла!

— Какъ хорошо, что вы пріѣхали, — шепнула она: — можетъ быть и сдѣлаемъ что-нибудь...

На голубцѣ, раскинувшись, въ жару лежалъ молодой парень. Блѣдное лицо его исхудало. Тонкія руки висѣли, какъ плети... Онъ то неподвижно лежалъ, какъ мертвый, то начиналъ безпокойно метаться и бредить... До глубокой ночи провозились мы около больного... Выбившись изъ силъ, я потерялъ уже всякую надежду и только желалъ одного, чтобы скорѣе все кончилось. Но Ягодкина не унывала, точно и усталость ее не брала...

— Подите-ка отдохните, — сказала она мнѣ послѣ полуночи: — а я посижу тутъ...

— А вы? развѣ вы не устали? — спросилъ я.

— Я ничего... Потомъ я разбужу васъ, тогда вы подежурите, а я сосну...

Стыдно сознаться, но я не могъ преодолѣть страшной усталости и ушелъ въ клѣтъ, гдѣ и растянулся на кучѣ сѣна.

Чуть-чуть мигалъ огарокъ сальной свѣчки. Тѣни боязливо шевелились и ползали по стѣнамъ. Дождь хлесталъ въ оконце и дробно барабанилъ по крышѣ... Я слышалъ стукъ дверей, топотъ ногъ по сѣнцамъ... Ягодкина, значить, работала, вырывая у смерти ея жертву. Я долго не могъ заснуть. Разныя мысли бродили въ головѣ. Въ совершенно новомъ свѣтѣ представилась мнѣ эта маленькая, незамѣтная и скромная женщина. Я удивлялся ея силамъ, бодрости, ея беззавѣтной, всеискупляющей любви къ людямъ, которая должна обновить міръ! Какими жалкими пигмеями казались мнѣ теперь Курашевскій, Осмининъ и я самъ, пола-

гавшій обязанности свои въ прописываніи рецептовъ и въ отбываніи служебныхъ формальностей. А вотъ Ягодкина не спитъ, она борется съ болѣзнію въ самомъ гнѣздѣ заразы, не помышляя о себѣ... Чтѣ ей Ѳеодоръ? Не все ли ей равно, живъ онъ или нѣтъ? А она, какъ за братомъ, за нимъ ухаживаетъ. Однако, усталость взяла свое и я заснулъ...

Когда я проснулся, въ клѣти было свѣтло. „Экъ я разо-спался“,—подумалъ я и сталъ торопливо одѣваться.—„Что же Ѳеодоръ? Навѣрное успокоился бѣдняга и лежитъ теперь холод-ный на соломѣ въ переднемъ углу“.

Вхожу въ избу... Тихо въ ней, торжественно, точно празд-никъ какой. У образа лампада теплится. На лицахъ у всѣхъ радость. Ягодкина тоже сіяетъ. Заглянулъ въ уголь. Ѳеодоръ тихо, но спокойно, ровно дышетъ.

— Слава Богу, вѣдь Ѳеодоръ-то спасенъ, миновалъ кризисъ,—говорила Ягодкина, встрѣчая меня,—а я-то какъ боялась!

Смотрю на нее. Блѣдная, лицо усталое, измученное, но сколько бодрости, сколько несокрушимой силы въ ея взглядѣ!..

— Вамъ бы,—говорю,—отдохнуть, прилечь...

— Нѣтъ, ничего... Мнѣ ѣхать надо. Тамъ меня ждутъ. Уже и подвода за мной пріѣхала... Дорогой сосну. У меня птичій сонъ: часа два сосну и довольно. Спасибо вамъ, что помогли мнѣ,—прощаясь со мной, говорила Ягодкина.—Вотъ какъ иногда судьба сводитъ людей. Ну, думали ли вы когда-нибудь, что въ какой-то Саватейхѣ, въ деревенской избѣ мы сойдемся съ вами у постели больного мужика?.. вѣдь не думали?

Она крѣпко пожала мнѣ руку и такъ свѣтло улыбнулась мнѣ, что у меня на сердцѣ вдругъ стало радостно и тепло.

IV.

Къ двухъэтажному каменному дому уѣзднаго земства одинъ за другимъ подъѣзжали экипажи. Сходились и съѣзжались глас-ные. Въ канцеляріи управы толкалось не мало всякаго народу. Вездѣ было шумно и людно. На столахъ разбросаны были кипы бумагъ; шкафы растворены настежь. Управскіе сторожа, ради торжественнаго случая принаряженные въ мундиры, разносятъ гласнымъ чай. Въ угловой маленькой комнатѣ работаетъ реви-зійная комиссія. То и дѣло оттуда вылетаетъ раскраснѣвшійся бухгалтеръ, отыскиваетъ справку и опять исчезаетъ въ угловой комнатѣ. Изъ-за неплотно притворенной двери явственно слы-

шится недовольный голосъ Курчаева. Вонъ Лежневъ о чемъ-то весело бесѣдуетъ съ земскимъ начальникомъ Угрюмовымъ. Въ сторонкѣ два „собственныхъ корреспондента“ пробѣгаютъ, опечатанный на ремингтонѣ, журналъ предыдущаго засѣданія и торопливо дѣлаютъ замѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ.

Федоръ Павловичъ, утомленный и угрюмый, бродить, какъ тѣнь, не находя мѣста.

— Ахъ, батенька, вы не повѣрите, какъ я измучился! — говоритъ онъ мнѣ, пожимая руку: — изъ силъ выбиваюсь.

Бѣдный Федоръ Павловичъ! Досталось ему нынче на собраніи. Засѣданія были все боевыя. Лежневъ пріѣхалъ съ спеціальною цѣлью „провалить“ управу. Но что всего удивительнѣе, Курчаевъ, всегда поддерживавшій Федора Павловича, на этотъ разъ ополчился противъ него и нападалъ на управу съ ожесточеніемъ. Управу щипали, рѣзали, припирали къ стѣнѣ.

— Что будете дѣлать! — упавшимъ голосомъ продолжалъ председатель: — вѣдь ни одного предположенія управы не прошло, все провалили. Ладно имъ кричать, а посмотрѣлъ бы я, какъ Лежневъ или тотъ же Курчаевъ стали бы между двухъ огней изворачиваться...

Мнѣ было жалко нашего добрѣйшаго и милѣйшаго Федора Павловича. Очевидно, его лѣсенка спѣта. На выборы ему надѣяться нечего... Лежневъ тоже едва ли попадетъ въ председатели: курчаевская партія помѣшаетъ. А вотъ Адашевъ, теперешній членъ управы, тотъ навѣрно усядется въ председательское кресло, недаромъ онъ глядитъ именинникомъ и нисколько не опечаленъ разгромомъ управы.

— А все ваша Ягодкина надѣлала, изъ-за нея Курчаевъ на меня ополчился, — со вздохомъ произнесъ Федоръ Павловичъ, отходя къ осанистому бритому старичку, предводителю дворянства и председателю собранія.

„Итакъ, Федоръ Павловичъ погибаетъ изъ-за Ягодкиной“, — подумалъ я и вспомнилъ происходившій вчера послѣ засѣданія разговоръ Курчаева, Адашева и врача Осминина.

— Что-жъ вы будете дѣлать съ нашимъ председателемъ? Сами знаете, какая это тряпка: никакого режима, всѣхъ распустилъ, — говорилъ Адашевъ. — Я даю вамъ слово, что эту госпожу я уберу въ двадцать четыре часа...

— Ради рекламы она деморализуетъ всю медицину! — подхватилъ Осмининъ. — Помилуйте! развѣ возможно, чтобъ мужикъ лѣзъ къ доктору во всякое время? Мужикъ пренахальное животное, если онъ видитъ, что съ нимъ панибратствуютъ, что за

нимъ ухаживаютъ, и въ концѣ концовъ онъ возмечтаетъ о себѣ Богъ знаетъ что! Теряется, наконецъ, всякое уваженіе къ врачу, къ наукѣ, къ знанію... Врачъ становится рабомъ мужицкихъ капризовъ. У насъ глядятъ на это сквозь пальцы, во имя завиральныхъ идей, и, такимъ образомъ, разрушаютъ, деморализируютъ въ конецъ десятками лѣтъ поставленное земское дѣло...

— Вотъ подождите, подождите, господа, мы объ этомъ еще будемъ говорить на собраніи.

Канцелярія управы стала пустѣть. Гласные, одинъ за другимъ, потянулись наверхъ въ залу засѣданія. Я остался внизу и, закуривъ папироску, смотрѣлъ въ окно. На дворѣ опять шелъ дождь, ненастный, холодный.

„Почему, однако, Ягодкиной нѣтъ?“—думалъ я: — „нынче пойдетъ медицинскій докладъ. Навѣрное увлеклась своими разтѣздами и забыла про собраніе и о своемъ докладѣ... Оно, пожалуй, и лучше: по крайней мѣрѣ не услышитъ курчаевскихъ комплиментовъ по своему адресу, а докладъ ея все равно провалится“.

Вдругъ я увидѣлъ, что изъ-за угла вынырнулъ тарантасикъ. Всматриваюсь: Ягодкина... Вотъ она торопливо вылѣзаетъ, бѣжитъ къ подъѣзду...

— Что, не опоздала? Нѣтъ? Какъ я рада... Началось засѣданіе? Что идетъ сейчасъ?—засыпала она меня вопросами.—Я думала ужъ, что опоздала. Дорога тяжелая... Операція задержала меня, никакъ нельзя было. Всю ночь ѣхала...

Всю ночь, между тѣмъ незамѣтно ни малѣйшаго утомленія! Сколько бодрости, энергіи, силы душевной!..

Я уговорилъ ее выпить стаканъ чаю, пока тамъ читаютъ журналъ предыдущаго засѣданія и рѣшаютъ неважные вопросы.

— Ну, пойдемте, пойдемте,—торопилась она, наскоро допивая стаканъ.

Мы усѣлись на задней скамейкѣ въ публикѣ и стали слушать.

Федоръ Павловичъ, перелистывая бумаги, утомленнымъ голосомъ отвѣчалъ на какое-то замѣчаніе оппозиціи. Затѣмъ Адашевъ сталъ читать ходатайства разныхъ лицъ и учреждений.

— Отказать... отклонить...—слышались голоса гласныхъ.

Лежневъ, поигрывая листомъ бумаги, нѣтъ-нѣтъ да и пускалъ ядовитое замѣчаніе по адресу управы и самодовольно оглядывалъ публику. Курчаевъ сидѣлъ холодный, мрачный и только изрѣдка гудѣлъ его громкій голосъ...

— Ну-съ, теперь не угодно ли вотъ это,—сказалъ председатель, пошептавшись о чемъ-то съ Федоромъ Павловичемъ и

передавая Адашеву кипу бумагъ, когда всѣ ходатайства были отклонены.

— Докладъ управы о состояніи медицинской части въ уѣздѣ, — громко прочиталъ Адашевъ.

Докладъ былъ обычный, шаблонный, жиденъкій: столько-то зарегистрировано случаевъ заболѣванія, столько-то рецептовъ выписано тѣмъ-то и тѣмъ-то врачемъ, столько-то больныхъ было въ земскихъ больницахъ. Ходатайства врачей были неважныя: врачъ Воскобойниковъ просилъ увеличить ему квартирныя деньги, Демидовъ ходатайствовалъ о награжденіи фельдшера, Осмининъ — о выдачѣ ему вознагражденія за исправленіе имъ должности врача Халтурина, уѣхавшаго въ отпускъ...

Публика зѣвала, скучала. Гласные дремали надъ столами.

— Вотъ еще отдѣльный докладъ женщины-врача г-жи Ягодкиной, — произнесъ Адашевъ и началъ читать докладъ Ягодкиной.

Съ первыхъ же строкъ повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, живымъ, интереснымъ. Видно было, что писалъ человѣкъ искренній, отзывчивый, глубоко-заинтересованный тѣмъ, о чемъ пишетъ. Картина за картиной вставали передъ глазами слушателей, одна другой безотраднѣе. Публика притихла. Гласные изъ крестьянъ точно боялись проронить слово... Голосъ Адашева смолкъ... Съ минуту царилъ тишина. Докладъ произвелъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе.

— Очень странный докладъ, — заговорилъ Курчаевъ, шумно отодвигая свой стулъ: — въ сущности это не докладъ, а фельетонъ, фельетонъ изъ радикальной газетки... Намъ рисуютъ ужасныя картины крестьянской безпомощности, но все это слѣдуетъ отнести на счетъ богатой фантазіи автора. Надѣюсь, что земское собраніе призвано заниматься обсужденіемъ насущныхъ нуждъ уѣзда, а не фантастическихъ. Какъ мѣстный житель, хорошо знакомый съ Мизютихинской волостью, я заявляю, что ничего подобнаго тамъ нѣтъ, что все это выдумка больного воображенія... Не крестьяне тамъ нуждаются въ медицинской помощи, а мы-съ, мы, землевладѣльцы...

Больше полчаса гремѣлъ Курчаевъ, и всѣ тѣ обвиненія, которыя я слышалъ во время нашего у него пребыванія, были повторены имъ теперь и почти въ тѣхъ самыхъ выраженіяхъ.

Курчаеву возражалъ Лежневъ. Ядовито и остроумно подсмѣивался онъ надъ всѣми сплетнями, пущенными про Ягодкину. Неожиданно его поддержалъ мизютихинскій старшина Егоровъ, серьезный, умный старикъ.

— Мы своей докторшей вотъ какъ довольны!—говорилъ онъ, видимо робѣя и волнуясь:—лучше не надо... Кого ни спроси, всѣ въ одинъ голосъ скажутъ:—не бывало у насъ такого доктора никогда...

— Еще бы!—саркастически произнесъ Курчаевъ:—кто же другой будетъ васъ бѣлымъ хлѣбомъ кормить да молокомъ отпаивать!...

— Госпожа Ягодкина здѣсь, попросимъ у ней нѣкоторыхъ разъясненій,—сказалъ предсѣдатель.

Я посмотрѣлъ на нее. Она была совершенно спокойна, только легкая краска, набѣжавшая на лицо, выдавала ее внутреннее волненіе. Осмининъ и Воскобойниковъ насмѣшливо поглядывали въ нашу сторону.

Ягодкина встала и подошла ближе къ предсѣдательскому столу. Спокойно, просто, ясно начала она говорить по поводу своего доклада, о ремонтѣ больничнаго зданія, объ устройствѣ яслей и родильнаго пріюта.

Курчаевъ неоднократно перебывалъ ее, горячился, впадалъ въ азартъ, Ягодкина спокойно побивала его фактами, цифрами. Она была во всеоружіи и трудно было однѣми фразами сбить ее съ крѣпкой позиціи... Такъ же спокойно отвѣтила она на всѣ обвиненія Курчаева. Тотъ чувствовалъ, что зарвался, что горячностью портитъ дѣло, но уже не могъ овладѣть собою и говорилъ явную околесицу.

— Мы не милліонеры,—кричалъ онъ,—чтобы бросать деньги ради какихъ-то фантазій... Намъ говорить про цифры, но что такое цифры? Цифры можно подтасовать, какъ угодно, или можно доказать какую угодно теорію. Не цифры, а житейскій опытъ намъ говорить, что все это раздуто, что все это чепуха. Неужели мы ради какихъ-то фантастическихъ проектовъ будемъ отягощать и безъ того обремененныхъ плательщиковъ? И почему же, позвольте спросить, всѣ остальные врачи находятъ постановку медицинскаго дѣла въ уѣздѣ удовлетворительной, и одна только г-жа Ягодкина считаетъ ее нигде негодной?

— Управа съ своей стороны тоже не находитъ достаточныхъ основаній увеличивать смѣту на медицинскую часть,—сказалъ Адашевъ.

— Мы должны согласиться, однако, что все это прекрасно въ принципѣ,—вставилъ свое слово Федоръ Павловичъ:—и я съ своей стороны безусловно согласенъ въ принципѣ, но надо принять во вниманіе и обратную сторону медали. Ассигновки растутъ, земская касса пустѣетъ. Поэтому я полагаю бы, согла-

сившись въ принципѣ съ г-жей Ягодкиной, докладъ ея отклонить...

Потомъ говорилъ Лежневъ, поддерживая докладъ Ягодкиной, потомъ говорилъ еще кто-то изъ лежневской партіи. „Курчаевцы“ тоже не дремали, произошла весьма оживленная стычка.

— Баллотировать, баллотировать... На шары вопросъ!—раздавались оклики съ разныхъ концовъ.

— Провалять, разумѣется, провалять,—толковали въ публикѣ, пока шла баллотировка.

Но, къ удивленію нашему, большинствомъ четырехъ шаровъ проекты Ягодкиной были приняты собраніемъ. Курчаевская партія угрюмо молчала. Лица Осминина и Воскобойникова вытянулись.

— Поздравляю съ побѣдой, — привѣтствовалъ я Ягодкину, когда мы вышли въ корридоръ:—не ожидайте!.. Ну, да вы, Алевтина Семеновна, не очень торжествуйте... Теперь васъ Адашевъ живьемъ съѣстъ.

— Ничего, отбоюсь какъ-нибудь, — улынулась она.

— Вы куда?

— Домой... Больше мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Хорошо, что хоть не даромъ съѣздила... А тамъ у меня всякихъ дѣлъ конца краю нѣтъ, надо спѣшить...

Проводивъ Ягодкину, я вернулся въ собраніе. Въ корридорѣ горячо говорили между собой Осмининъ съ Адашевымъ.

— Простая случайность, — больше ничего, — говорилъ Адашевъ:—вѣдь большинство гласныхъ, что твое стадо барановъ: сами не знаютъ, куда шары кладутъ... Да вы не беспокойтесь, — управа вамъ выдастъ вознагражденіе изъ какихъ-нибудь суммъ... А эта госпожа недолго проторжествуетъ, мы ее живехонько сократимъ.

— Помилуйте, досадно: тутъ на фантастическіе прожекты тысячу рублей ассигновали, а мнѣ вполне законное вознагражденіе не хотятъ дать, — сътовалъ Осмининъ.

— Я говорю вамъ, не беспокойтесь: мы васъ удовлетворимъ, дайте только собранію кончиться...

— Госпожу Ягодкину провожали?—ядовито усмѣхнулся Осмининъ, замѣтивъ меня.—Совсѣмъ она васъ обворовала... Такъ за ней и ходите тѣнью, вѣрный рыцарь!

Я не отвѣчалъ и прошелъ въ залу, гдѣ ревизіонная коммиссія „разносила“ управу.

V.

Встрѣчи съ Ягодкиной отрезвили меня, я точно проснулся отъ тяжелаго сна. Боже мой! какимъ пошлякомъ казался я теперь самому себѣ! Краска стыда заливала мнѣ лицо, когда я припоминалъ безпутно загубленные послѣднія пять-шесть лѣтъ своей жизни. Какъ я могъ существовать въ такой атмосферѣ? Чѣмъ я жилъ, чѣмъ дышалъ? Какъ могла не претить мнѣ, не возмущать меня эта воплощенная пошлость въ лицѣ разныхъ Курашевскихъ и Осмининыхъ? Какъ я могъ уживаться съ ними? Какъ я могъ по ихъ примѣру живое дѣло обратить въ формальность, въ ремесло, въ мертвящую канцелярщину? О, съ какимъ жаромъ погрузился я въ работу!.. Я не давалъ себѣ отдыха. Мнѣ необходимо было заглушить работой угрызенія проснувшейся совѣсти.

Я зачистилъ въ Мизютиху: ѣздилъ съ Ягодкиной по ея участку, помогаль ей въ устройствѣ родильнаго пріюта, въ организаціи яслей, въ подготовкѣ дѣвушекъ, посѣщавшихъ больницу, къ поступленію въ фельдшерскую школу... Какое это было славное время! Какъ легко было работать!.. Точно я ожилъ, точно кто растворилъ мнѣ двери душнаго подвала и вывелъ меня на свѣжій воздухъ... Новымъ свѣтомъ озарилась жизнь...

Мы часто вспоминали съ Ягодкиной нашу первую встрѣчу, и... какъ же мнѣ было стыдно за себя!

Я не славословлю, не панегирикъ слагаю Ягодкиной, мнѣ хотѣлось бы только хоть слегка обрисовать эту неугомонную натуру. Въ глубинѣ ея сердца постоянно жила и трепетала какая-то жилка, подталкивая Ягодкину на новыя затѣи. Неугомонность у ней была въ крови. Есть такія натуры, своего рода ферменты: куда бы ни попали онѣ, окружающая ихъ мертвая среда оживаетъ, начинается въ ней броженіе... Такимъ ферментомъ Ягодкина была для нашего соннаго захолустья. Правда, путнаго-то ей удавалось сдѣлать немного, потому что отовсюду окружала ее твердая, непроницаемая стѣна, о которую разбивались всѣ усилія, но дорого было уже и то, что въ мертвой инертной массѣ появились признаки пробуждающейся жизни. Казалось бы, постоянныя неудачи должны были охладить Ягодкину, привести въ уныніе. Но запасъ бодрости, жизнерадостности въ ней былъ неистощимъ.

— Ну, не повезло, — говорила она: — что же дѣлать? Не надо надежды терять... Вотъ мы по-другому попробуемъ, можетъ быть,

выйдетъ что-нибудь,—ободряла она меня, когда я готовъ былъ сложить руки предъ непреодолимыми, какъ мнѣ казалось, препятствіями.

И она опять начинала пробовать и опять съ такою же стойкостью встрѣчала новыя неудачи. Помимо стойкости, было въ ней и еще цѣнное качество: умѣнье спланивать, объединять людей. Года не прошло съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала къ намъ Ягодкина, а ужъ около нея какъ-то само собой сплотился тѣсный кружокъ. Тутъ были всѣ, въ комъ мертвящая захолустная жизнь еще не въ конецъ очерствила душу. Сколько у насъ было плановъ, какая жажда работы охватила всѣхъ!

— Нѣтъ, это неправда,—говорила не разъ Ягодкина,—что провинція будто бы инертна, провинція мертва... Посмотрите, сколько вездѣ хорошихъ людей и какая въ нихъ жажда полезнаго дѣла!..

И въ самомъ дѣлѣ, откуда-то набралось много хорошихъ людей... Никогда я раньше не думалъ, что въ нашемъ захолустьѣ бьется столько самоотверженныхъ, благородныхъ сердець...

Узвѣдныя сплетники нашъ кружокъ окрестили почему-то „македонской фалангой“. И дали же мнѣ себя чувствовать эти милѣйшіе добрые малые, когда я отшатнулся отъ нихъ... Какой только грязью ни обливали они насъ съ Ягодкиной, какихъ только небывлицъ ни выдумывали!.. Что только могла изобрѣсти досужая обывательская фантазія, все было пущено въ ходъ. Сплетня перепутывалась со сплетней въ такое узорчатое кружево, которому позавидовалъ бы любой паукъ.

Адашевъ, по причинѣ постоянныхъ стычекъ изъ-за Ягодкиной, даже кланяться со мною пересталъ. И какихъ только придирокъ ни чинилъ онъ къ Ягодкиной. Безъ скрежета зубоваго онъ имени ея не могъ произносить. Каждый малѣйшій ея промахъ раздувался въ цѣлую исторію... Онъ бы давно выжилъ ее изъ Мизютихи, но она твердо ему заявила:

— Вамъ не удастся меня выжить изъ Мизютихи. Вы думаете я мѣстомъ дорожу?—Нисколько. Я хоть сейчасъ откажусь отъ него... Я останусь въ Мизютихѣ и буду жить практикой... Не бойтесь—съ голоду не умру...

— Ничего, я вѣдь двуязычная,—говорила Ягодкина, когда разыгрывалась какая-нибудь непріятная исторія:—а бѣжать отсюда—малодушіе. Воевать, такъ воевать... Въ концѣ концовъ мы все-таки свое отстоимъ... Безъ жертвъ ничего не дается... Да и слаще ли будетъ Курашевскому, Адашеву и другимъ, если я уйду?...

Это была правда. Захолустная идиллія въ конецъ была разрушена. Какъ ни трунили обыватели надъ „македонской фалангой“, но они не могли не видѣть, какъ „фаланга“ растетъ и становится замѣтною силой... Всѣ усилія задушить это проявленіе жизни въ глухомъ захолустѣ были тщетными... Какъ ни заносило тиною живую струйку, она нѣтъ-нѣтъ да и сверкнетъ среди сумерекъ соннаго затишья.

— Господи! вотъ и у насъ наконецъ появились хорошія начинанія, — съ шутовскимъ видомъ говорили въ клубѣ „добрые малые“: — шире растворяй ворота! Наплодилось у насъ теперь этихъ разныхъ радѣтелей народа видимо-невидимо!..

— Въ Мизютихѣ Ягодкина женскіе курсы устроила, общала врачъ Курашевскій: — крестьянскихъ дѣвицъ анатоміи обучаетъ. Теперь всѣ мизютинскія дѣвки стриженныя ходятъ.

Изъ сплетенъ и слуховъ выросли цѣлыя легенды, самыя нелѣпыя, самыя несообразныя... А въ ночной тиши нѣтъ-нѣтъ да и прозвенитъ ямской колокольчикъ по дорогѣ въ Мизютиху: кто-то ѣдетъ на мѣстѣ изслѣдовать создавшуюся легенду...

VI.

Смерклось. Полумракъ окутывалъ углы моего номера... Вотъ ужъ вторую недѣлю живу я въ губернскомъ городѣ по разнымъ дѣламъ.

Я только-что вернулся въ номеръ, усталый отъ бѣготни по городу, и стоялъ у окна, глядя на улицу. Съ четырехъэтажной вышины разстилалось предо мной цѣлое море крышъ, полузанесенныхъ снѣгомъ. На крышахъ видѣлись трубы, — низенькія кубическія и высокія круглыя, съ желѣзнымъ вѣнцомъ и колпакомъ на верхушкѣ и безъ колпака. Клубы дыма вырывались и ползли изъ этихъ трубъ, отчетливо вырисовываясь на потемнѣвшемъ небѣ. Вотъ чернѣйшій густой дымъ валитъ клубами, быстро-быстро вылетаютъ они одинъ за другимъ, а здѣсь бѣлый столбъ дыма прямо поднимается въ высь и расплывается тамъ, точно облачко... Призраками казались эти колеблющіеся столбы; глазъ не успѣвалъ уловить ихъ измѣняющихся очертаній. Казалось, какіе-то призраки, свиваясь и развиваясь, рѣяли надъ затихавшимъ городомъ...

Я задумался и не слышалъ скрипа двери...

— Вамъ депеша, баринъ! — окликнулъ меня корридорный, подавая телеграмму.

Предчувствіе чего-то недобраго охватило меня. Сердце мое сжалось, когда я поспѣшно развертывалъ депешу. Смотрю, читаю... и въ глазахъ у меня потемнѣло... „Алевтина Семеновна опасно больна. Заразилась тифомъ“,—сообщалъ мнѣ одинъ благопріятель, принадлежавшій къ нашей „фалангѣ“.

„Ну, достукалась!“ подумалъ я и вспомнилъ, какъ въ день моего отъѣзда зашла она на прощанье пожать мнѣ руку, бодрая и веселая.

— А я нынче въ Митино ѣду,—сообщила мнѣ она:—оттуда плохія вѣсти: тифъ тамъ разыгрался... Шесть заболѣваній въ одномъ Митинѣ да и въ сосѣднихъ деревушкахъ больные есть...

„Нѣтъ ничего удивительнаго, что заразилась! — думалъ я: удивительно то, какъ раньше все съ рукъ сходило. Въ самый огонь лѣзла,—какъ было не сгорѣть?“

Мнѣ ясно представилась она одинокой, покинутой въ глухой деревушкѣ, и у меня больно заныло сердце. Курашевскій врядъ ли поѣдетъ въ такую даль, да и Осмининъ тоже: у нихъ на рукахъ больницы, скажутъ что нельзя дѣло бросить... Пошлютъ фельдшера, а управа Воскобойникову напишетъ, который едва ли въ Митинѣ долго сидѣть будетъ, а понавѣдается, пошлетъ за лѣкарствами и укатитъ домой.

Въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ изъ губернскаго города, а черезъ полторы сутокъ уже подѣзжалъ къ земской управѣ.

— Что? Какъ?—спрашиваю Ѳедора Павловича.

— Плохо, голубчикъ, плохо,—грустно отвѣчалъ предсѣдатель:—мало надежды... Ѣздили провѣдать ее Воскобойниковъ, пишетъ, что едва ли вынесетъ... Организмъ-то у ней, знаете, надорванъ. Тамъ фельдшеръ при ней постоянно... Завтра Осмининъ собирается... Давно его прошу съѣздить, да на подъемъ-то онъ больно тяжелъ...

Не заѣзжая домой, я помчался въ Митино...

Ночь застала меня въ дорогѣ. Свѣтилъ мѣсяцъ. Было свѣтло, точно днемъ. Колокольчикъ рассыпался печальной трелью. Бѣлѣлъ снѣгъ по дорогѣ. Окутанные прозрачной дымкой темнѣли по сторонамъ перелѣски. Изрѣдка мелькнуть огоньки въ сторонѣ, покажется деревушка. Минуемъ ее, и опять впереди снѣжное поле, синее темное небо да круглый желтый сверкающій мѣсяцъ. Такъ все величаво кругомъ, широко, просторно и... грустно!

Ахъ, скорѣе бы, скорѣй добраться до Митина... Вотъ и мѣсяцъ поблѣдѣлъ. Похолодѣло въ воздухѣ. На востокѣ потянулись палевыя полосы... Новый день начинался... Тревога моя все

росла и росла. Я жадно смотрѣлъ впередъ: скоро ли покажется Митино?

— Что, скоро ли?—спрашиваю ямщика чуть ли не въ десятый разъ.

— Вотъ до поворота доѣдемъ, а оттолъ верстъ пять, не болѣ, — утѣшаетъ онъ меня, нахлестывая лошадей.

Поворотъ... Сворачиваемъ въ лощину. На горкѣ черная точка маячитъ. Все ближе она къ намъ да ближе... Всматриваюсь—верховой скачетъ... Поравнялся. Останавливаю его.

— Откуда?

— Изъ Митина, — отвѣчаетъ верховой.

— Чтò тамъ?—съ замираніемъ сердца спрашиваю.

— Больно неблагополучно... Дюже нездорово... Лѣкарша-то наша, Левтина Семеновна, долго жить приказала... Сѣдни передъ утромъ Богъ по душу послалъ... Царство ей небесное! Въ управу ѣду...

Снимаетъ шапку верховой, крестится; крестится и ямщикъ.

— Ахъ и добра же была, ахъ добра!—говорить ямщикъ:—много народу о ней вспоманетъ...

Опять потрусилъ нарочный по снѣжной дорогѣ; опять несутся тройка, бренчить и поетъ колокольчикъ...

„Все кончено, все, — пронесется въ моей головѣ:—не стало Ягодкиной... Отдыхаетъ теперь неспокойное сердце. Что же? Славная, честная смерть, все равно, что въ бою!...“

Избы замелькали по сторонамъ: мы въѣзжаемъ въ село. Дымъ клубится облаками изъ трубъ. Собаки лаютъ и бѣгутъ за тройкой. Бабы за водой бредутъ къ колодцамъ...

Тройка круто останавливается у послѣдней избы.

Толпа тѣснится у дверей и у воротъ на улицѣ. У всѣхъ печальныя торжественныя лица. Бабы всхлипываютъ. Заплаканная фельдшерица выходитъ мнѣ на встрѣчу; фельдшеръ въ глиняномъ черепкѣ размѣшиваетъ растворъ сулемы...

Вхожу въ избу. Передъ образомъ мерцаетъ восковая свѣча. А вотъ на столѣ, на свѣжей желтой соломѣ лежитъ Ягодкина, спокойная и безстрастная... И какъ-то странно видѣть ее, кипучую, неугомонную, молчаливой и неподвижной!...

На гвоздикѣ у стѣны ея маленькіе часики тикаютъ.

— Съ недѣлю тому заболѣла, — шепчетъ мнѣ фельдшерица:—вѣдь знаете ее, все перемогалась, работала, потомъ ее сразу свалило... Когда-то знатъ дали, ну и валялась безъ помощи. Потомъ я пріѣхала, фельдшеръ изъ города... Докторъ Воскобой-

никовъ раза четыре навѣщаль... Я все еще надѣялась, а нынче къ разсвѣту она и затихла совсѣмъ...

Въ дверяхъ тѣснилась толпа.

— Успокой, Господи, душеньку ея, — слышался шамкающій голосъ дряхлой старухи, стоявшей впереди: — много потрудилась, болѣзная!..

— Что толковать... Душа человѣкъ была, — подтверждалъ суровый, угрюмый мужикъ: — царство ей небесное...

— А-ахъ, голубушка ты наша, на кого ты насъ покинула? — вдругъ заголосила въ сѣнцахъ какая-то баба.

Я стоялъ и молча смотрѣлъ въ исхудалое, спокойное лицо мертвой... Глубокимъ, невозмутимымъ миромъ и покоемъ дышало оно... Задвигался народъ въ сѣняхъ. Батюшка пришелъ. Свѣчки затеплились. Синій дымокъ изъ кадила волною потянулся надъ покойницей...

Началась панихида...

Масай.

ГАСИТЕ СВѢЧИ!

Оконченъ пышный, шумный балъ,
Умолкнулъ вальса отзвукъ дальный,
И на пустой, угрюмый залъ
Въ окно глядитъ разсвѣтъ печальный.
Хозяинъ дома утомленъ,
Халатъ накинута имъ на плечи,
И говорить лакеямъ онъ:
„Гасите свѣчи!...“

Какъ-будто споря со свѣчей,
Въ окно разсвѣта лучъ ворвался...
Въ каморкѣ душно, и больной
Въ постели бѣдной разметался.
Онъ здѣсь одинъ лежитъ въ бреду,
И слышно, какъ въ безсвязной рѣчи
Твердитъ: „Довольно... я иду...“
Гасите свѣчи!...“

П. Я. Б.

РОЛЬ ЗЕМСКАГО ВРАЧА ВЪ БОРЬБѢ СЪ НАРОДНЫМЪ АЛКОГОЛИЗМОМЪ.

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ я желалъ бы подѣлиться съ читателями своими мыслями касательно нашего народнаго алкоголизма. Я далекъ при этомъ отъ того, чтобы претендовать здѣсь на какой бы то ни было приоритетъ въ своихъ взглядахъ; еще менѣе у меня желанія утверждать, что я, высказывая свои мысли, открываю совершенно новые, никому неизвѣстные горизонты. Задача моя болѣе скромная; я просто имѣю въ виду сообщить здѣсь тѣ заключенія, которыя слагаются у меня по вопросу объ алкоголизмѣ сами собой послѣ ряда лѣтъ общенія съ больными алкоголиками.

Каждый разъ, когда въ сферѣ вопросовъ, касающихся такъ наз. народнаго здравія, на первый планъ выдвигается какой-нибудь одинъ и начинаетъ обращать на себя всеобщее вниманіе, дѣлается, такъ сказать, *жигуимъ вопросомъ*, невольно начинаешь себя спрашивать мысленно: „что по этому вопросу сдѣлано земскою медициной?“ И если оказывается, что сдѣлано еще очень мало или вовсе ничего не сдѣлано, то ждешь настойчиво отвѣта: „когда же будетъ сдѣлано и что будетъ сдѣлано?“ Такіе вопросы напрашиваются невольно, сами собой, въ силу сложившейся привычки относиться къ представителямъ земской медицины такъ, а не иначе. А сложилась такая привычка въ силу того, что послѣднія тридцать лѣтъ нашей общественной жизни дали много неоспоримыхъ доказательствъ въ пользу того, что деревня многимъ обязана земскому врачу.

Чѣмъ является для деревни земскій врачъ, знаетъ каждый, кто знаетъ хоть сколько-нибудь по личнымъ воспоминаніямъ, какъ жили въ деревнѣ прежде, когда не были еще созданы за-

конодательнымъ путемъ органы земской медицины. Пишущій эти строки помнитъ тотъ моментъ нашей общественной жизни, который можетъ быть названъ переходнымъ періодомъ: доживали свой вѣкъ старые порядки, и вотъ-вотъ готовъ былъ народиться новый типъ служителей народнаго здравія.

По старымъ порядкамъ лѣчить обывателей въ уѣздѣ долженъ былъ *уѣздный* врачъ. Въ томъ уѣздѣ, гдѣ протекало дѣтство автора—въ Ярославской губерніи,—такой врачъ имѣлся одинъ на весь уѣздъ и жилъ онъ въ городѣ. А между тѣмъ размѣры уѣзда были чрезвычайно обширны и все огромное пространство его врачъ долженъ былъ объѣзжать постоянно, навѣщая такъ наз. фельдшерскіе пункты. Въ виду того, что непрерывные разѣзды доводили доктора до страшнаго утомленія, онъ, въ концѣ концовъ, завелъ такой порядокъ. Двѣ первыя недѣли каждаго мѣсяца онъ оставался въ городѣ—„отдыхал“, а вторыя двѣ недѣли посвящалъ на объѣздъ уѣзда. Чтобы успѣть въ эти двѣ недѣли по возможности посѣтить всѣ пункты и въ то же время не изнурить себя чрезмѣрно, докторъ старался скорѣе кончать свои дѣла тамъ, гдѣ обстановка не располагала къ особому физическому покою, и, наоборотъ, замедлялъ свой отъѣздъ изъ такого участка, который находился въ болѣе или менѣе значительномъ помѣщичьемъ имѣніи. Здѣсь онъ отдыхалъ и запасался силами до слѣдующаго такого же хорошаго для него пункта.

Такимъ образомъ каждый изъ участковъ видалъ своего доктора не болѣе раза въ мѣсяцъ. Правда, случалось, что уѣздный врачъ пріѣзжалъ и не въ урочное время и при томъ совершенно внезапно; но это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда въ округѣ оказывалось „тѣло“ и врачу надлежало вмѣстѣ съ другими властями произвести вскрытіе. Если принять во вниманіе, что такихъ „тѣлъ“ регистрировалось по уѣзду въ теченіе мѣсяца довольно изрядное число и что всѣ дѣла „по вскрытіямъ“ признавались не терпящими отлагательства, то будетъ понятно, что такими внезапными выѣздами въ уѣздъ не только нарушалось правильное теченіе жизни уѣзднаго врача въ тѣ дни мѣсяца, которые онъ предполагалъ проводить въ городѣ, но сплошь и рядомъ нарушался даже самый порядокъ объѣзда врачебныхъ пунктовъ для подачи врачебной помощи населенію.

При такомъ порядкѣ вещей населеніе уѣзда, въ сущности говоря, оставалось совершенно безъ помощи врача. Найти доктора въ ту половину мѣсяца, когда онъ былъ въ „уѣздѣ“, представлялось совершенно невозможнымъ, такъ какъ узнать для простаго человека, гдѣ въ данную минуту находится врачъ, не

было никакихъ средствъ, да и было совершенно не подѣ силу; но и ѣхать къ нему на квартиру въ тѣ дни, которые онъ проводилъ въ городѣ, было также бесполезно, такъ какъ можно было рисковать, что онъ уѣхалъ на вскрытіе, или „собирается“ ѣхать, или „сейчасъ только вызванъ“...

Я не могу умолчать также и о томъ впечатлѣніи, которое оставалось въ душѣ простого человѣка всякій разъ, когда ему приходилось имѣть дѣло съ уѣзднымъ врачомъ. Сталкиваясь съ нимъ чаще не какъ съ врачомъ, подающимъ населенію медицинскую помощь, а какъ съ однимъ изъ представителей „начальства“, наѣзжавшаго въ деревню въ виду такихъ тяжелыхъ явленій въ ея жизни, какъ „тѣло“, побои, смертоубійство и пр., деревенскій людъ не могъ чувствовать себя въ присутствіи врача-чиновника настолько непринужденно, насколько долженъ себя чувствовать каждый паціентъ, довѣряющій врачу подчасъ самую свою сокровенную тайну.

Не мало, конечно, отдаляли отъ врача мѣстное населеніе и тѣ приемы обращенія, которые существовали въ тѣ времена при встрѣчѣ съ „простымъ“ больнымъ: раздраженность тона, нетерпѣніе, рѣзкость выраженій и пр.,—все это скорѣе пугало робкаго мужика, а не располагало его къ словоохотливости и довѣрію.

И вотъ, среди населенія, привыкшаго лѣчиться по преимуществу собственными средствами или по совѣту какихъ-нибудь старухъ и стариковъ, въ сущности говоря, такихъ же „темныхъ“ людей, какъ и самъ больной, населеніе, которое скорѣе боялось врача, чѣмъ чувствовало къ нему довѣріе, которое не было избаловано вниманіемъ съ себѣ и которое какъ бы считало себя не въ правѣ претендовать на такое вниманіе, среди этого населенія вдругъ появляется новый *земскій* докторъ, въ которомъ сразу почувствовалось что-то особенное. Онъ не спѣшитъ, не кричитъ, не только приказываетъ другимъ, а и самъ дѣлаетъ. Онъ самъ до всего доходитъ; онъ самъ „набивается“ своею помощью, онъ уговариваетъ, „урезониваетъ“, дѣлать такъ, а не иначе. А взявшись лѣчить, онъ не оставляетъ больного, пока тотъ не встанетъ совсѣмъ на свои ноги. Нужно, онъ требуетъ больного къ себѣ, а нельзя ему двинуться, онъ самъ идетъ къ нему. Да и обращеніе его не то: его и разговоръ понятенъ, при немъ не страшно, при немъ чувствуешь себя тѣмъ, чѣмъ чувствуетъ себя человѣкъ дома, среди обычной ему обстановки.

Быстро сроднилась деревня съ этимъ новымъ врачомъ. Молва о немъ скоро обошла всю округу, и если у народа оставалось

какое-нибудь неудовлетворенное чувство, то оно сводилось только къ желанію видѣть такого доктора поближе къ себѣ.

Да, скоро земскій врачъ овладѣлъ сердцемъ деревни! Онъ не только зналъ, чѣмъ удовлетворить ея нужды, онъ понималъ, какъ нужно удовлетворять эти нужды. Быстро привыкло населеніе довѣрять спеціальнымъ знаніямъ земскихъ врачей. Скоро также привыкло оно видѣть въ нихъ людей идеи, которые въ своей службѣ земству ищутъ не столько удовлетворенія своимъ матеріальнымъ требованіямъ, сколько удовлетворенія своимъ духовнымъ стремленіямъ. Обстоятельство это создало земскому врачу положеніе челоуѣка не только знающаго, но и *уважаемаго*. А это положеніе, въ свою очередь, открыло ему путь къ благотворному *вліянію* на мѣстное населеніе въ той сферѣ, которая подлежитъ его вѣдѣнію, какъ лица, облеченнаго извѣстными полномочіями.

Подъ этимъ вліяніемъ въ мѣстномъ населеніи и въ мѣстномъ обществѣ за послѣднія тридцать лѣтъ успѣло совершиться уже много перемѣнъ. Да и теперь какъ простое населеніе, такъ и общество постоянно прислушиваются и примѣняются къ тому, что говорятъ представители земской медицины. Вотъ почему вопросъ о томъ, что дѣлается земской медициной въ той или другой области народнаго здравія, какіе взгляды проводятся ею въ мѣстное населеніе по тѣмъ или другимъ животрепещущимъ вопросамъ, является въ высшей степени важнымъ.

Но разъ представители земской медицины безспорно имѣютъ извѣстное вліяніе на мѣстное населеніе въ смыслѣ проведенія въ его среду здоровыхъ понятій по медицинѣ вообще, они сами, какъ врачи, должны постоянно стоять на той нравственной высотѣ, на которую поставило ихъ знаніе и отвѣтственное положеніе, какъ лицъ, облеченныхъ полнымъ довѣріемъ населенія. Они, какъ и всѣ мы, врачи, должны непрестанно слѣдить за собой, чтобы быть свободными даже отъ простыхъ предразсудковъ. Эти предразсудки, будучи по существу не чѣмъ инымъ, какъ простой, усвоенной по шаблону, привычкой, тѣмъ не менѣе подчасъ могутъ вредно отражаться на успѣхѣ даннаго дѣла.

Свою мысль я поясню ссылкой на старый вопросъ о борьбѣ врачей съ такимъ ужаснымъ зломъ, какъ сифилисъ.

Кому не извѣстно, какимъ страшнымъ бичемъ для народнаго здравія является сифилисъ. Онъ тяжелъ не только въ своихъ проявленіяхъ, какъ болѣзненная форма; онъ ужасенъ и по своимъ косвеннымъ вліяніямъ. Онъ предрасполагаетъ къ заболѣваніямъ нервной системы и при томъ въ самыхъ тяжелыхъ фор-

махъ, какъ, напр., прогрессивный параличъ, сухотка спинного мозга и пр.; онъ отражается и на потомствѣ, вліяя на число рожденій, сказываясь и на здоровьи рождающихся. И чтò самое тяжелое, это—то, что заболѣваемость сифилисомъ послѣднее время прогрессивно увеличивается и стала достигать огромныхъ размѣровъ. Опасность положенія, наконецъ, признана. Для борьбы съ болѣзью принимаются съ разныхъ сторонъ самыя энергичныя мѣры; для разработки ихъ былъ созданъ даже особый сѣздъ специалистовъ.

Но въ чемъ же кроется причина того, что развитіе сифилиса приняло такіе огромные размѣры? На нашъ взглядъ, одной изъ главныхъ причинъ такого быстрого и повсемѣстнаго развитія сифилиса является своеобразное отношеніе общества къ этой болѣзни.

Достаточно ли знакомо населеніе съ тѣмъ, чтò такое сифилисъ; знаетъ ли оно всѣ тѣ послѣдствія, съ которыми соединено зараженіе этой болѣзью, и достаточно ли оно предостерегается отъ возможности заразиться при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ?

Весьма возможно, что въ настоящее время многіе уже хорошо освѣдомлены относительно того, на чтò обрекаетъ себя человѣкъ, заражаясь сифилисомъ; весьма возможно, что теперь уже многіе знаютъ, что сифилисъ излѣчимъ далеко не всегда и что онъ легко можетъ отразиться на ихъ потомствѣ. Весьма возможно, что все это извѣстно теперь уже многимъ, и что многіе, зная все это, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы избѣгать возможности получить сифилисъ. Но не то было еще очень недавно. Я помню то время, когда сифилисъ не внушалъ къ себѣ страха, особенно среди молодежи,—того страха, который по справедливости должна внушать къ себѣ эта болѣзнь. Заболѣть той или другой венерической формой считалось чуть ли не молодечествомъ, а увѣренность въ излѣчимости сифилиса была почти абсолютной. Въ виду этого избѣгать случаевъ зараженія сифилисомъ особенно не старались. Постепенно сложилось даже сказаніе, передававшееся преемственно отъ однихъ къ другимъ, сказаніе, будто умѣренная жизнь—быть можетъ, единственное средство избѣгать зараженія сифилисомъ—вредна, противна природѣ, а слѣдовательно и немыслима для человѣка въ извѣстномъ возрастѣ.

Обязывалось ли энергичное противоудѣйствіе такому неправильному взгляду общества на сифилисъ съ той стороны, откуда всего естественнѣе было ждать этого противоудѣйствія—со сто-

роны врачей? Несомненно, что многіе боролись противъ такого ненормальнаго явленія; весьма возможно, что такому заблужденію старалось противоѣствовать огромное большинство врачей. Но несомненно и то, что были голоса, которые поддерживали въ обществѣ заблужденія и ни на чемъ неоснованные взгляды выдавали чуть ли не за доказанныя научныя истины.

Кто незнакомъ съ тѣми грустными строками, которыя написаны Л. Н. Толстымъ на одной изъ страницъ ¹⁾ его „Крейцеровой Сонаты“. Если нашъ знаменитый писатель отмѣтилъ столь печальный фактъ, то несомненно, что наша жизнь давала примѣры подобнаго ненормальнаго положенія вещей. Весьма возможно, что факты эти относились къ далекому прошлому, но заподозривать вѣрность самаго сообщенія мы не имѣемъ никакого основанія.

Какъ ни тяжелы сами по себѣ были слова Л. Н. Толстого, но они, несомненно, оказали благотворное вліяніе. Они открыли многимъ глаза, и многіе изъ общества стали болѣе доступны воздѣйствію совѣтовъ врача, защищающаго идею воздержной жизни. По крайней мѣрѣ совмѣстная работа врачей, направленная на ослабленіе вреда, приносимаго сифилисомъ, повидимому, никогда не была еще столь дружной и энергичной, какой она является теперь.

Итакъ, чѣмъ свободнѣе мы, врачи, отъ предразсудковъ, тѣмъ устойчивѣе наше положеніе и тѣмъ плодотворнѣе вліяніе на мѣстное населеніе. Для тѣхъ же, кого судьба поставила въ особую близость къ народу, кто имѣетъ на него такое большое вліяніе—для земскихъ врачей—свобода отъ подобныхъ предразсудковъ—сила первостепенной важности, сила наименьшая, чѣмъ самое специальное ихъ знаніе.

Кто раздѣляетъ наши воззрѣнія на значеніе земской медицины въ современной русской жизни, кто въ земскомъ врачѣ видитъ важный факторъ въ дѣлѣ борьбы съ различными нестройствами санитарными, кто вѣритъ, что и будущія поколѣнія земскихъ врачей не перестанутъ такъ же идейно служить ввѣренному имъ дѣлу, какъ служили ему сходящіе уже со сцены старые дѣятели, кто такъ привыкъ относиться къ земскому врачу, тотъ не можетъ пройти молчаніемъ вопроса объ отношеніи земскихъ врачей къ народному алкоголизму, разъ только этотъ вопросъ становится общественнымъ вопросомъ, захватывающимъ глубоко самые различныя интересы населенія.

¹⁾ Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Изданіе первое. Москва. Типографія Волчаннинова. 1891 г. Стр. 281, 282 и 367.

И обхожу молчаніемъ вопросъ о томъ, что *сдѣлано* земскою медициною въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ алкоголизмомъ; я хочу коснуться другого вопроса—вопроса о томъ, въ какомъ направленіи *могла бы идти дѣятельность* земскихъ врачей, чтобы ослабить вредное вліяніе народнаго алкоголизма.

По нашему глубокому убѣжденію, первую и главную задачу земскаго врача въ борьбѣ съ алкоголизмомъ должно быть стремленіе провести въ населеніе и поддержать въ немъ правильный взглядъ на употребленіе спиртныхъ напитковъ. Въ этомъ стремленіи онъ долженъ проявить всю свою энергію, а для достиженія намѣченной цѣли долженъ воспользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ложность возрѣній на значеніе алкоголя, какъ момента, дѣйствующаго вредно на здоровье, отзывается на благосостояніи населенія несравненно чувствительнѣе, чѣмъ сказывается на немъ ложность возрѣній на сифилисъ, какъ на болѣзнь, легко поддающуюся излѣченію. Сифилисъ, какъ и всякая другая болѣзненная форма, разъ только развился у человѣка, скоро заставляетъ его убѣдиться воочію въ ложности исповѣдованныхъ имъ взглядовъ. Самые храбрые изъ тѣхъ, кто смѣялся надъ сифилисомъ, быстро падаютъ духомъ, лишь только на себѣ самихъ увидятъ первыя проявленія тяжелой формы болѣзни. Насколько легкомысленно было ихъ отношеніе къ вопросу о возможности зараженія до заболѣванія, настолько же страстнымъ является ихъ желаніе освободиться отъ ужасной болѣзни послѣ зараженія ею и притомъ освободиться совершенно и навсегда, дабы снова войти въ обладаніе всѣхъ тѣхъ правъ, которыя, по ихъ понятіямъ, утратились ими съ момента пріобрѣтенія сифилиса. Такое настроеніе больного дѣлаетъ его крайне доступнымъ вліянію со стороны врача, а его примѣръ даетъ поводъ и другимъ задумываться надъ вопросомъ: дѣйствительно ли сифилисъ такая легкая болѣзнь, какъ это полагаютъ очень многіе.

Не то при алкоголизмѣ. Больной подчасъ бываетъ на шагъ отъ самой серьезной опасности, приготовленной ему алко-големъ, и тѣмъ не менѣе онъ не сознаетъ тяжести своего положенія, онъ даже не допускаетъ возможности связывать свое заболѣваніе съ неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Онъ отказывается вѣрить словамъ того, кто сталъ бы доказывать истинную причину его болѣзни, онъ продолжаетъ оставаться при своемъ убѣжденіи или, говоря правильнѣе, при своемъ заблужденіи.

И это понятно! Въ своемъ заблужденіи онъ поддерживался

такъ долго и притомъ чуть ли не со всѣхъ сторонъ. Вся жизнь его, все, что только окружало его, совсѣмъ не говорило ему, что водка врагъ здоровья; напротивъ, онъ свикся, онъ сжился съ мыслью о томъ, что всѣ пьютъ, всегда пьютъ и сколько хотятъ пьютъ. И ни разу не было такого положенія, когда кто-нибудь, во имя какихъ-нибудь соображеній, удержалъ бы его отъ вина. Напротивъ, всѣ и всегда поощряли и поощряютъ его къ тому, чтобы онъ пилъ.

Кому незнакомы такія картины? Вотъ человѣкъ, завѣдомый алкоголикъ, и онъ втянулся въ пьянство уже настолько, что ему трудно бороться съ такъ наз. „соблазномъ“, хотя отъ всякой лишне выпитой рюмки онъ и страдаетъ жестоко. Каждый знаетъ его слабость и каждому хорошо извѣстенъ вредъ, оказываемый на него алкоголемъ. Тѣмъ не менѣе каждый, къ которому приходитъ такой алкоголикъ „въ гости“, считаетъ своимъ долгомъ, изъ ложно понимаемаго чувства гостепріимства, „угостить“ его—дать ему возможность привести себя въ состояніе алкогольнаго опьяненія,—состояніе ненормальное, болѣзненное, вредящее завѣдомо его здоровью. А между тѣмъ по отношенію къ другимъ „гостямъ“ тѣмъ же „хозяиномъ“ проявляется самая крайняя предупредительность, чтобы уберечь ихъ, напр., отъ простуды, разъ только ему стало извѣстно, что такая простуда можетъ повлечь за собой обостреніе какого-нибудь бронхита, плеврита или суставнаго ревматизма.

Случись тому же самому алкоголику начать лѣченіе противъ своего недуга и онъ сейчасъ же становится предметомъ общаго вниманія. Но вниманіе это совершенно особаго свойства. Это—не выраженіе сочувствія къ рѣшимости человѣка побороть свою слабость и повести новую жизнь; нѣтъ, это—выраженіе простого любопытства, соединеннаго съ извѣстной долей затаеннаго злорадства, которое обнаруживается сейчасъ же, какъ только сдѣланная попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Предупредительности со стороны окружающихъ, старанія облегчить ему достиженіе намѣченной цѣли онъ сталъ бы ждать совершенно напрасно. Напротивъ, на каждомъ шагѣ онъ встрѣчаетъ попытки помѣшать начатому лѣченію, онъ слышитъ голоса, убѣждающіе его, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, измѣнить данному слову—нарушить обѣщаніе воздерживаться отъ алкоголя.

Изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи исторій болѣзни я могъ бы привести много случаевъ, которые живо иллюстрируютъ то отношеніе, которое проявляетъ порой окружающая среда къ лѣчащемуся алкоголику; но я ограничусь только однимъ; всѣ

остальные являются ничѣмъ инымъ, какъ варіаціями на одну и ту же тему.

Вотъ—передъ нами интеллигентъ, принадлежащій къ определенной корпораціи людей служащихъ; онъ семейный, страстно любитъ жену, въ высшей степени нѣжно относится къ своимъ дѣтямъ. Лѣтъ 15 онъ злоупотребляетъ спиртными напитками. Ему самому понятенъ весь вредъ его дурной привычки, онъ давно уже стремится къ тому, чтобы выбрать удобное время и начать лѣчиться; но обстоятельства складывались такъ, что лѣченіе это откладывалось и откладывалось. Наконецъ, подошелъ удобный случай: ничто болѣе не мѣшаетъ, и вотъ лѣченіе начато. Успѣхъ—полный. Проходитъ мѣсяцъ, другой, третій; больной чувствуетъ себя прекрасно. Дома онъ совершенно не испытываетъ потребности пить. Онъ старается только избѣгать нѣкоторыхъ домовъ, гдѣ, какъ извѣстно ему по опыту, не любятъ отказывающихся отъ „угощенія“. Домашніе радуются достигнутому результату, самъ онъ счастливъ, что его усилія не остались безплодными.

Но вотъ приходитъ 17 сентября — день, когда съ большой торжественностью празднуютъ именины жены главнаго начальника нашего больного. Онъ не можетъ не быть въ числѣ поздравляющихъ; онъ не можетъ не принять любезнаго приглашенія быть на обѣдѣ въ самомъ тѣсномъ кругу наиболѣе близкихъ для него лицъ. И вотъ во время этого обѣда къ нему обращаются съ предложеніемъ осушить бокалъ вина. Напрасно онъ отказывается, напрасно онъ намекаетъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, что онъ боится за себя, боится возврата прошлаго. Его уговариваютъ, просятъ; просить сама хозяйка, просить непременно выпить за ея „здоровье“. Онъ уступилъ, онъ выпилъ.

Уступка эта оказалась роковой: съ этого дня онъ возвращается снова къ своей прежней невозддержанной жизни. Надежды семьи разбиты, счастье ея кончилось и, быть можетъ, навсегда!..

Когда встрѣчаешься съ случаями, подобными только-что описанному, невольно задаешь себѣ вопросъ: что это такое? сознательное ли стремленіе причинить человѣку непоправимый вредъ, или полное и при томъ наивное незнаніе того, насколько опасенъ бываетъ порою алкоголь для человѣка, потерявшаго способность избѣгать его употребленія по собственной волѣ?

Я не могу допустить, чтобы сознательно можно было наносить вредъ въ той мѣрѣ, въ какой наносится онъ при подоб-

ныхъ обстоятельствахъ человѣку, который является не врагомъ, а скорѣе близкимъ человѣкомъ. Я склоненъ думать, что въ подобныхъ случаяхъ люди дѣйствуютъ просто по шаблону, по усвоенной привычкѣ, не сознавая и не отдавая себѣ отчета въ томъ, какія послѣдствія могутъ имѣть ихъ поступки. Они знаютъ, что такъ всѣ и всегда дѣлали, и *не знаютъ того*, что накопилось уже много фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что *такъ поступать не слѣдуетъ*.

Знать эти факты надлежитъ намъ, врачамъ. Намъ надлежитъ и указывать на эти факты каждому и при каждомъ подходящемъ обстоятельстве. И подобно тому, какъ мы въ своихъ врачебныхъ совѣтахъ тщательно стараемся избѣгать всего, что могло бы толкнуть человѣка на тотъ путь, гдѣ онъ всего скорѣе рискуетъ приобрести сифилисъ, такъ и въ своихъ совѣтахъ, касающихся употребленія алкоголя, мы должны быть абсолютно объективны и далеки отъ всякой шаблонности. Каждый разъ, когда мы говоримъ по вопросу объ употребленія алкоголя, мы должны говорить какъ представители науки, дающей ясныя доказательства вреда алкоголизма. Мы не можемъ претендовать на то, чтобы нашъ голосъ былъ услышанъ всѣми и чтобы всѣ сразу послѣдовали нашимъ совѣтамъ; но никто и ничто не можетъ склонить насъ къ тому, чтобы мы молчали, когда намъ слѣдуетъ говорить, или говорили не то, что велитъ говорить намъ наше знаніе и нашъ долгъ.

Вопросъ о народномъ алкоголизмѣ не можетъ не касаться представителей земской медицины; напротивъ, борьба съ неправильнымъ употребленіемъ алкоголя должна всецѣло входить въ кругъ ихъ вѣдѣнія совершенно такъ же, какъ и борьба съ сифилисомъ. Земскій врачъ долженъ поднимать свой голосъ противъ злоупотребленія алкоголемъ, чтобы окружающая его среда слышала непрестанно то, что ей нужно знать, и чего, повидимому, она совершенно не знаетъ. Этотъ голосъ будетъ служить противовѣсомъ того вліянія, которое оказываетъ на населеніе ужасная привычка, наслѣдуемая отъ предшественниковъ и передаваемая по наслѣдству молодому поколѣнію. Этотъ голосъ откроетъ истину многимъ, отъ которыхъ она иначе была бы сокрыта; онъ во-время поддержитъ колеблющихся, укрѣпитъ тѣхъ, кто вступилъ въ борьбу, трудную на первое время... Мало-помалу, но онъ сдѣлаетъ свое благое дѣло: общественное сознаніе восприметъ то, что оно должно воспринять отъ научныхъ фактовъ.

Но несомнѣнно, что однимъ воздѣйствіемъ на среду, въ

смыслъ проведенія въ нее правильнаго взгляда на значеніе алкоголизма, не можетъ ограничиваться дѣятельность земскаго врача въ дѣлѣ борьбы съ злоупотребленіемъ спиртными напитками; на его обязанности лежитъ и *лѣченіе* страдающихъ алкоголизмомъ.

Теперь спрашивается, въ какой мѣрѣ можетъ быть выполнена эта послѣдняя обязанность земскаго врача: насколько она по его средствамъ и въ какой формѣ можетъ быть осуществлена?

Въ настоящее время можетъ считаться общепризнаннымъ то положеніе, что *алкоголики подлежатъ лѣченію*. Они подлежатъ лѣченію не только въ томъ случаѣ, если у нихъ имѣются налицо элементы психическаго расстройства; нѣтъ, они вообще подлежатъ лѣченію на ряду со всѣми соматическими больными и независимо отъ того, имѣется или нѣтъ у нихъ расстройство психики.

Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что при лѣченіи лицъ, злоупотребляющихъ спиртными напитками, индивидуализація врачебныхъ приѣмовъ должна быть проведена съ особой тщательностью, какая при другихъ болѣзненныхъ формахъ, быть можетъ, и не имѣетъ особаго значенія. Здѣсь приходится считаться не только съ формой, въ которой проявляется страданіе, но и съ такими моментами, какъ бытъ, въ которомъ живетъ пациентъ, его матеріальныя средства, семейная обстановка и пр. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ врачебныя мѣры, которыя примѣнимы при лѣченіи одного алкоголика, сплошь и рядомъ оказываются совершенно излишними и стѣснительными при лѣченіи другого, и наоборотъ, чѣмъ можно ограничиться при пользованіи третьяго больного; то совершенно оказывается недостаточнымъ для четвертаго. Одинъ можетъ посвятить своему лѣченію столько времени и средствъ, сколько это требуется интересомъ дѣла, другой при всемъ желаніи выполнить требованіе врача, оказывается внѣ этой возможности и по недостатку средствъ, и по неимѣнію свободнаго времени. Очевидно, что мы, приходя на помощь больному съ нашими лѣчебными приѣмами, должны предлагать ихъ въ такой формѣ, которая всего болѣе отвѣчала бы нуждамъ нашего пациента.

Среди нашихъ алкоголиковъ весьма распространеннымъ типомъ является алкоголикъ-дегенерантъ. Онъ наиболѣе трудный для лѣченія пациентъ. Помимо привычки злоупотреблять спиртными напитками, у него всегда, въ большей или меньшей степени, наблюдаются дефекты въ нравственной сферѣ: понятія о долгѣ—никакого; любви къ труду—ни малѣйшей; готовности при-

нести свои интересы въ жертву интересамъ другого не было никогда; сознаніи отвѣтственности передъ семьей, обществомъ такъ же мало, какъ мало благороднаго самолюбія,—того самолюбія, которое удерживаетъ человѣка даже въ самыя тяжелыя минуты жизни отъ рискованныхъ шаговъ, ведущихъ къ нравственному паденію. Такой субъектъ негоденъ для жизни въ обыкновенныхъ условіяхъ. Онъ негоденъ для нея не только потому, что пьетъ, но и потому, что онъ вообще неспособенъ ни къ какому серьезному труду, охотнѣе говоритъ ложь, чѣмъ правду, не задумываясь посягаетъ на чужое и не пожалѣетъ никого и ничего, разъ только кто-нибудь или что-нибудь будетъ стоять препятствіемъ на его пути къ достиженію желаемого.

Искренняго желанія освободиться отъ своей привычки къ алкоголю у такого алкоголика нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ онъ совершенно не сознаетъ, что подобная привычка могла бы чему-нибудь мѣшать въ его жизни. Правда, онъ соглашается иногда „лѣчиться“, но дѣлаетъ это всегда подъ давленіемъ какой-нибудь необходимости: просьбъ близкаго человѣка, требованій или прямыхъ угрозъ того или другого лица, имѣющаго на него какія-нибудь права.

Въ результатѣ бываетъ всегда одинъ и тотъ же конецъ: какъ только является малѣйшая возможность освободиться отъ внѣшняго давленія, онъ освобождается отъ него и снова дѣлаетъ то, что дѣлалъ раньше.

Очевидно, что по отношенію къ алкоголикамъ этого типа должны примѣняться особыя мѣры,—такія мѣры, которыя ограничивали бы въ извѣстныхъ предѣлахъ ихъ волю. Не будучи ограничены въ своемъ правѣ распоряжаться своей свободой по личному усмотрѣнію, они добровольно никогда не промѣняютъ свою обычную жизнь на другую—на жизнь трезвую и трудовую.

Въ настоящее время единственнымъ средствомъ достигнуть такого ограниченія свободы воли подобныхъ алкоголиковъ является помѣщеніе ихъ въ спеціальное заведеніе для душевно-больныхъ. Но помѣщеніемъ ихъ въ обыкновенное психіатрическое заведеніе, на нашъ взглядъ, трудно достигнуть сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ. Въ самомъ дѣлѣ, при переполненіи нашихъ психіатрическихъ больницъ острыми больными, такіе алкоголики, какъ нуждающіеся скорѣе въ призрѣніи, чѣмъ въ лѣченіи, не могутъ удерживаться въ заведеніи столько времени, сколько требовалось бы это въ интересахъ дѣла. А разъ нельзя ихъ помѣщать въ больницу на срокъ сколько-нибудь значи-

тельный, самое помѣщеніе ихъ туда теряетъ всякое значеніе въ смыслѣ лѣчебномъ.

По нашему мнѣнію, для подобныхъ алкоголиковъ долженъ быть созданъ особый типъ пріюта-колоніи, куда призрѣваемые помѣщались бы совершенно такъ же, какъ они помѣщаются въ психіатрическую больницу, т.-е. независимо отъ личнаго ихъ желанія. Оставаясь въ пріютѣ неопредѣленное время, по усмотрѣнію завѣдывающаго врача, и подчиняясь безпрекословно установленному режиму жизни, они должны были бы исполнять тамъ назначаемыя для нихъ работы совершенно на тѣхъ же началахъ, на какихъ исполняются работы содержащимися въ исправительныхъ заведеніяхъ или работныхъ домахъ.

Разъ алкоголикъ описаннаго типа нуждается для своего лѣченія или, вѣрнѣе сказать, исправленія въ совершенно особой обстановкѣ—особаго рода пріютѣ, онъ не можетъ быть пациентомъ земскаго врача. Все, что земскій врачъ можетъ сдѣлать по отношенію къ такому больному, это—поставить, по возможности, вѣрный діагнозъ и своевременно направить больного для лѣченія туда, гдѣ въ данное время имѣется соотвѣтствующій лѣчебный пріютъ. Но и такая задача врача, какъ бы ни казалась она скромна съ перваго раза, по существу является мѣрой капитальной важности. Въ самомъ дѣлѣ, возможно раннее удаленіе больного изъ той среды, гдѣ онъ находитъ много средствъ для удовлетворенія своихъ порочныхъ стремленій, и своевременное помѣщеніе въ такую обстановку, которая въ одно и то же время носитъ на себѣ характеръ и карательной, и исправительной, не можетъ не вліять въ благопріятномъ смыслѣ на успѣхъ предпринимаемыхъ мѣръ. Въ этомъ отношеніи своевременное указаніе на необходимость лѣченія равнозначуще самому лѣченію.

Второй типъ алкоголиковъ составляютъ лица, привыкшія постоянно употреблять спиртные напитки въ неумѣренномъ количествѣ. Алкоголики этого типа могутъ быть вполне свободны отъ признаковъ вырожденія и дѣлаются обыкновенно алкоголиками въ силу совершенно случайныхъ моментовъ: изъ подражанія другимъ (въ т. наз. компаніи), въ силу принужденія со стороны лицъ, отъ которыхъ они такъ или иначе зависятъ (товарищество), и пр. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ такіе алкоголики совершенно ясно сознаютъ ненормальность своего положенія, тяготятся своей привычкой и искренно желаютъ освободиться отъ нея. И если они не всегда идутъ лѣчиться, то только потому, что не всегда находятъ сочувствіе въ окружающей ихъ средѣ, далеко не всегда располагаютъ возможностью

лѣчиться (въ смыслѣ досуга и средствъ), а главное—недостаточно еще знакомы съ тѣмъ, что привычка злоупотреблять спиртомъ можетъ излѣчиваться на ряду съ другими болѣзнями.

Лѣченіе такихъ алкоголиковъ должно сводиться къ отученію ихъ отъ употребленія спирта при одновременномъ лѣченіи тѣхъ соматическихъ разстройствъ, которыя успѣли развиться у нихъ за время злоупотребленія алкоголемъ. Лѣченіе требуетъ довольно продолжительнаго времени и идетъ успѣшнѣе при удаленіи больного изъ обычной обстановки, когда онъ переходитъ въ обстановку больничную, подчиняясь всѣмъ условіямъ больничнаго режима. Но такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ больные описываемаго типа бываютъ проникнуты искреннимъ желаніемъ освободиться отъ своей привычки, то помѣщенія ихъ въ психіатрическое заведеніе, куда больные поступаютъ недобровольно, а по принужденію, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ избѣгать безусловно. Пребываніе въ заведеніи съ принудительнымъ помѣщеніемъ дѣйствуетъ на такихъ лицъ въ высшей степени удручающе, почему они и стараются сократить срокъ своего лѣченія до крайней степени и притомъ, подчасъ, во вредъ прочности выздоровленія. Изъ общаго правила должны составлять, по нашему мнѣнію, исключеніе только тѣ случаи, когда у больного имѣется налицо психическое разстройство, дѣлающее невозможнымъ пребываніе его среди обстановки, обычной для психически здоровыхъ людей.

Куда же должны помѣщаться такіе больные для лѣченія?

На нашъ взглядъ, такіе больные совершенно свободно могутъ помѣщаться въ обыкновенную земскую больницу наравнѣ со всѣми остальными больными, страдающими той или другой нервной формой; говоря иначе, такіе больные могутъ быть приняты земскимъ врачомъ подъ свое наблюденіе съ полнымъ правомъ и съ полной надеждой на успѣхъ. Препятствія для помѣщенія такого алкоголика въ земскую больницу могутъ быть только второстепеннаго характера. Изъ этихъ препятствій самое главное, конечно, отсутствіе въ больницѣ достаточнаго числа свободныхъ мѣстъ для такихъ хрониковъ, какими являются подобные больные. Вторымъ препятствіемъ можетъ служить нежеланіе больного лѣчиться въ своей мѣстности, такъ сказать, на глазахъ всѣхъ, знающихъ его. Можетъ, наконецъ, служить препятствіемъ для пріема такихъ больныхъ и отсутствіе въ больницѣ приспособленій, необходимыхъ для лѣченія страдающихъ разстройствомъ нервной системы. Въ этихъ условій нѣтъ, по

нашему мнѣнію, основаній отказываться отъ пріема алкоголиковъ описываемаго типа въ земскую больницу.

Но если почему-либо больной не будетъ принять въ земскую больницу, его всего правильнѣе направлять въ спеціальную лѣчебницу для алкоголиковъ *безъ принудительнаго помѣщенія* больныхъ. Здѣсь онъ остается столько времени, сколько необходимо для того, чтобы не только отвыкнуть отъ своей привычки, но и избавиться отъ тѣхъ разстройствъ, которыя нажиты были имъ черезъ продолжительное злоупотребленіе алкоголемъ. По минованіи опредѣленнаго срока онъ возвращается снова домой и здѣсь, хотя бы на первое время, снова поступаетъ подъ наблюденіе земскаго врача, который долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы переходъ на полную свободу и въ обычную обстановку не отразился вредно на здоровьѣ больного.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ дѣлѣ лѣченія алкоголиковъ второго типа роль земскаго врача можетъ быть болѣе активной, чѣмъ при лѣченіи алкоголиковъ-дегенерантовъ. Мы скажемъ даже болѣе: съ теченіемъ времени роль эта должна сдѣлаться главной, и когда она будетъ таковой, интересы лѣченія алкоголиковъ этого типа будутъ удовлетворены наиполнѣе и наипрочнѣе.

Намъ остается теперь сказать о третьемъ типѣ алкоголиковъ—о пьющихъ запоємъ.

Запойные, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ прибѣгаютъ къ неумѣренному употребленію алкоголя лишь періодически, когда начинаютъ испытывать особую душевную тяжесть и непреодолимое влеченіе къ спиртнымъ напиткамъ. Къ запойнымъ нерѣдко причисляются у насъ и такіе больные, которые къ періодическому злоупотребленію алкоголемъ побуждаются не столько особымъ болѣзненнымъ настроеніемъ духа, сколько какими-нибудь внѣшними, случайными моментами, чаще всего угощеніемъ въ компаніи (напр., при получкѣ жалованья, по случаю какого-нибудь праздника и пр.).

Будетъ ли побуждаться больной къ періодическому злоупотребленію спиртными напитками особымъ душевнымъ состояніемъ, или какими-нибудь случайными обстоятельствами, все равно, въ промежутки времени, свободные отъ употребленія алкоголя, онъ обыкновенно не испытываетъ никакой потребности въ питьѣ вина или, по меньшей мѣрѣ, чувствуетъ себя въ силахъ бороться съ соблазномъ и избѣгать не только злоупотребленія, но и простого употребленія вина. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ такіе больные совершенно ясно сознаютъ вредъ, причиняемый имъ

алкоголемъ, искренно желаютъ освободиться отъ своей привычки или неудержимаго влеченія пить, и для этой цѣли нерѣдко сами изыскиваютъ какіе-нибудь особые приемы, которые давали бы имъ возможность въ-время остановиться и не дать слишкомъ долго продолжаться періоду запоя. Кромѣ того, по отношенію ко многимъ подобнымъ больнымъ приходится отмѣтить еще тотъ фактъ, что запойный періодъ дѣйствительно можетъ быть искусственно укороченъ и даже совершенно предотвращенъ своевременнымъ врачебнымъ вмѣшательствомъ. Несомнѣнно и то, что предотвращеніемъ запоевъ и сокращеніемъ наступающихъ періодовъ запоя очень нерѣдко удается въ значительной мѣрѣ ослабить силу привычки къ постоянному употребленію вина.

Запойный больной нуждается во врачебной помощи, главнымъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда чувствуетъ приближеніе запоя или когда наступить уже самый запой. Лучшимъ мѣропріятіемъ въ этомъ случаѣ служить, на нашъ взглядъ, удаленіе больного изъ домашней обстановки на нѣсколько дней и помѣщеніе его въ обстановку больничную съ одновременнымъ назначеніемъ средствъ, которыя дѣйствовали бы на него успокаивающимъ образомъ. Болѣе продолжительнаго пребыванія въ больницѣ обыкновенно не требуется, такъ какъ съ прекращеніемъ періода запоя больной не только въ больницѣ, но и у себя дома можетъ считаться внѣ опасности отъ злоупотребленія виномъ.

Если говорить о правильной организаціи лѣченія такихъ запойныхъ больныхъ, то несомнѣнно лучшей нужно назвать ту, когда заботу о больномъ беретъ на себя врачъ, завѣдывающій больницей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ суть лѣченія должна въ этихъ случаяхъ сводиться къ періодической подачѣ быстрой и своевременной помощи—удаленію больного изъ домашней обстановки и помѣщенію его въ обстановку больничную, и при томъ на сравнительно непродолжительное время,—то всего легче такая помощь можетъ быть оказана мѣстнымъ земскимъ врачомъ. Помѣщать больного въ психіатрическое заведеніе нѣтъ никакого основанія; посылать его въ удаленную отъ его мѣстожительства специальную лѣчебницу для алкоголиковъ тоже нѣтъ большой нужды, такъ какъ трата времени на перемѣщеніе больного туда и обратно была бы непропорціонально велика сравнительно съ продолжительностью самаго періода запоя. Всего правильнѣе въ подобныхъ случаяхъ, на нашъ взглядъ, помѣщать больного въ обыкновенную земскую больницу, сдѣлавъ въ ней предварительно незначительное приспособленіе, позволяющее въ большей или меньшей степени изолировать больного изъ общей массы

содержащихся въ больницѣ. Какъ только больной начинаетъ приходить въ состояніе, внушающее опасеніе за его воздержаніе, его немедленно—съ его предварительнаго согласія—помѣщаютъ въ больницу. Здѣсь онъ остается столько времени, сколько необходимо, чтобы прошли всѣ проявленія его временнаго ненормальнаго состоянія, затѣмъ отпускается домой, гдѣ продолжаетъ подъ наблюденіемъ врача то лѣченіе, которое будетъ найдено наиболѣе подходящимъ по условіямъ каждаго случая въ отдѣльности.

Я набросалъ нѣсколько мыслей. Ихъ можно развить еще далѣе, можно пополнить многими новыми соображеніями. Но и эти мысли, мнѣ кажется, даютъ основаніе утверждать, что земскій врачъ можетъ многое сдѣлать въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. Если ему не подѣ силу—въ той обстановкѣ, въ которой онъ дѣйствуетъ—бороться со всѣми видами народнаго алкоголизма, то во всякомъ случаѣ для его дѣятельности открывается обширное поле. Ждать, пока осуществится одна общая организація для всей страны и уже тогда только начинать дѣйствовать по составленному для всѣхъ общему плану,—значить, надолго отказаться приносить мѣстному населенію съ своей стороны ту долю пользы, которую можетъ принести каждый изъ насъ. Скажу болѣе: разработка общей организаціи борьбы съ алкоголизмомъ будетъ плодотворна только въ томъ случаѣ, когда въ ней дѣятельно будутъ участвовать представители земской медицины. Намъ нужны не подражанія нѣмецкимъ учрежденіямъ; намъ нужны учрежденія, соотвѣтствующія быту и духу мѣстнаго населенія. Но чтобы знать, чѣмъ и какъ помочь нуждѣ, надо самому испытать свои силы въ борьбѣ съ этой нуждой...

Проф. Л. О. Даркшевичъ.

ПО ЗАКОНУ.

(Рассказъ проходимца).

Надо, чтобъ все было по закону... Это ужъ сдѣлайте ваше одолженіе... Тамъ какъ-никакъ, а чтобъ законъ былъ соблюденъ. Непремѣнно-съ. Вотъ для чего требуется умъ. Да хоть бы такой случай... Прелюбопытнѣйшая исторія... Я тогда еще человѣкомъ былъ и жилъ, можно сказать, воеводой: квартира готовая, отопленіе, освѣщеніе—тоже, лошади, прислуга, жалованье, кромѣ казеннаго, большое, къ праздникамъ награды, а тамъ и еще то, да се,—однимъ словомъ, матеріальное обезпеченіе полное... И отъ всѣхъ къ тебѣ почетъ... Какъ вспомнишь теперь, точно во снѣ приснилось... Рвешь на себѣ волоса, да ужъ поздно. Эхъ-хе-хе! судьба, судьба, батенька мой!.. А какая исторія? Видите ли. По случаю земельного устройства мастеровыхъ въ Палкинскомъ заводѣ надо было немножечко мужиковъ припугнуть... А, главная статья, мужиченко тамъ былъ одинъ, грамотный, каналья, такъ вотъ его, собственно... Разумѣется, и такъ были приняты мѣры, но ихъ оказалось недостаточно... Хорошо-съ. Говоритъ мнѣ какъ-то разъ управляющій г. фонъ-Энде эдакъ политично: „Нельзя ли“, говоритъ, „того“... А я, дуракъ, испугался...—„Какъ же такъ?“ говорю — „это превышеніе власти“... Однимъ словомъ, оказалъ я себя полнымъ осломъ. Понятное дѣло, что онъ больше и разговаривать со мною не сталъ, а повелъ линію повыше, обратился къ самому Корнилову-Серебрянскому. Написалъ донесеніе, не отъ себя, конечно, а черезъ другое лицо, а кромѣ того частное письмецо уже отъ себя лично. Сообщалось, что такъ и такъ, проживающій обыватель Трофимовъ въ Бога не вѣруетъ, по случаю раскола въ церковь не ходитъ, существующія установленія опровергаетъ, занимается

ложнымъ истолкованіемъ законовъ и возмущаетъ заводское населеніе, отчего все общество приходитъ въ разстройство, ну и прочее, какъ обыкновенно... Что отъ этого у лѣсничаго окна выбили, перепугали дѣтей и супругу, и что многіе мужики въ кабацкѣ ругали управляющаго поматерно, и еще доносилось, что неизвѣстно гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ Трофимовъ списалъ собственноручно законъ 1893 года и читалъ его разнымъ лицамъ, допуская при семъ произвольныя толкованія, что, на требованіе лѣсничаго и заводскаго надзирателя показать имъ этотъ законъ, отвѣчалъ отказомъ и съ дерзостью возражалъ, послѣ чего скрылъ законъ неизвѣстно куда. Все это—въ официальномъ донесеніи, а въ частномъ письмѣ пожаловался и на меня. Вотъ хорошо. Приѣзжаетъ въ Палкинский заводъ самъ Серебрянскій, распустилъ меня—страсть! „Ты“, говоритъ, „болванъ, ты“, говоритъ, „осель, ты“, говоритъ, пустяковаго дѣла не умѣешь сдѣлать; ты, говоритъ, „баба, а не чиновникъ“! Ну, распустилъ, однимъ словомъ!.. А между прочимъ, передъ управляющимъ за меня заступился. Ловкій былъ человѣкъ, одно слово—артистъ!.. „Онъ“, говоритъ, „по закону ничего не могъ, а законъ“, говоритъ, „прежде всего“. Словомъ, такъ дѣло повернулъ, что г. фонъ-Энде долженъ былъ передо мной же извиниться—вотъ какъ!.. Толковали они, толковали, наконецъ, Серебрянскій и говоритъ: „Нѣтъ“, говоритъ, „сурьезнаго ничего тутъ сдѣлать нельзя, а если хотите, страху нагнать можно... Можно, говоритъ, эдакую видимость устроить, въ родѣ представленія“. На томъ и порѣшили. Великолѣпно. „Посмотримъ“, думаю, какую такую видимость онъ устроить. Хорошо-съ. Серебрянскій тутъ же отдалъ мнѣ строжайшій приказъ, чтобы тотъ переписанный Трофимовымъ законъ къ 21 августа былъ непременно разысканъ, потомъ отобѣдалъ у управляющаго, поигралъ въ картишки и уѣхалъ. Остался я, можно сказать, въ недоумѣніи. Разыскать законъ... А какъ его разыскать? Нѣтъ, вы скажите, какъ и гдѣ его разыскать? Повальный обыскъ произвести? Очень хорошо, а онъ, можетъ быть, въ огородѣ спрятанъ, или въ лѣсу зарытъ, а? тогда какъ? Приѣзжаю домой, а мысль эта у меня все изъ головы не выходитъ: какъ бы такъ почище да поаккуратнѣе это дѣльце устроить? И вѣдь придумалъ таки! и ловкую штуку придумалъ, потому, что башка-то у меня тоже на мѣстѣ... Ну, какъ вы думаете, что я сдѣлалъ?.. а?.. Готовъ пари держать, что не угадаете... Ха, ха, ха, ха... Взялъ я тройку лошадей и поѣхалъ въ Палкинский заводъ. Не доѣзжая эдакъ версты двѣ, снялъ я съ себя всю амуницію, надѣлъ пиджачекъ, брюки, суконный

картузь на голову, отпустилъ лошадей, а самъ съ узелочкомъ въ рукахъ пѣшечкомъ. Прихожу на заводъ, потолкался на рынкѣ, никто меня не узнаетъ, наконецъ захожу къ знакомому одному человѣку, Трефилю Фокину по фамиліи. Трефилій мужикъ богатый, полированный, даромъ что созлый раскольникъ. Какъ увидалъ онъ меня, такъ и ахнулъ: „Господи Исусе! это какъ? въ такомъ видѣ? что это? что съ вами, Ерофей Петровичъ?“ — А вотъ, говорю, со службы прогнали, такъ пробираюсь теперь въ городъ новую должность искать. — „Ахъ, ты, говоритъ, Господи! Вотъ оно!“... Приютилъ онъ меня, можно сказать, какъ родного, напоилъ, накормилъ, водочка, само собой, на столѣ появилась, а самъ все ахаетъ, да меня жалѣетъ, что я должности такой хорошей рѣшилъ. — Ну! говорю, хороша должность! да я, говорю, радъ радехонекъ, что раздѣлался съ ними, будь они всѣ со свѣту прокляты! самая собачья служба, говорю, лаешься-лаешься, рвешь-рвешь, сколько грѣха на душу принимаешь, а прогнали — весь тутъ, ступай по бѣлу свѣту въ чемъ мать родила. Вѣдь это, говорю, только со стороны смотрѣть наша служба хороша, а вы посмотрите въ натурѣ. Хоть бы то взять, что половину жалованья надо отдать Корнилову-Серебрянскому, а тамъ изворачивайся, какъ знаешь. Вотъ и продаешь душу чорту. А вы полагаете, это легко? Нѣтъ, дружище, потому что и у нашего брата душа есть и совѣсть есть, хоть и замаранная. Вотъ заводы шестьсотъ рублей платятъ, такъ вѣдь за это ты у нихъ лакей. Дороги не чинятъ, гони мужиковъ, несчастіе какое, шахта обвалилась, человѣка машиной изувѣчило — укрывай! народъ истязай! Да еще спасибо, что платятъ, а то и не платили бы — все равно, то же самое, потому что сила!.. — Говорю это я, и такъ оно натурально у меня выходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ все это правда. Вотъ хорошо; потихоньку да помаленьку, дошли мы и до межевого дѣла... Сталъ я тутъ расписывать эти дѣла, да такъ, что даже самъ себѣ удивился. Шире — далѣ, выпиваемъ, говоримъ по душѣ, наконецъ того цѣлуемся и обнимаемся. Вижу, размякъ мой Трефилій, то-есть окончательно... „Эхъ!“ говоритъ, познакомлю я тебя съ человѣкомъ однимъ, ты съ нимъ поговори! вотъ, говоритъ, человѣкъ! умница, грамотный и всѣ законы знаетъ... Пойдемъ къ нему въ гости“... Пошли и приходимъ къ тому самому Трофимову. Тамъ опять водочка, опять разговоры, и договорились мы до того, наконецъ, что однимъ словомъ, полная у насъ свобода печати!.. Ха, ха, ха! ей-Богу!.. Наконецъ вытаскиваетъ хозяинъ изъ-за божницы тотъ самый переписанный законъ и давай читать. „Вотъ“, говоритъ, „какъ по

закону, а они что? И пошелъ, и пошелъ. Я, разумѣется, под-
дакиваю.—А гдѣ же ты, спрашиваю, этотъ законъ досталъ? —
Онъ было замялся, да Трефилий его успокоилъ: „Не бойся, го-
ворить, ничего, — онъ теперь, говорить, все равно, что свой
братъ“. Ну, тотъ и сознался: „У писаря, говорить, въ волости.
Сначала не давалъ было, боялся: полномоченнымъ, говорить, и
то не даемъ“. Ну, я изъ милости сталъ просить, никому, говорю,
не покажу, только самъ почитаю. Ну, онъ и далъ мнѣ на ве-
черъ, а я взялъ, да ночью-то его и переписалъ“. Превосходно-съ.
Почитали мы, почитали, положили опять законъ на божничку,
еще поговорили, потомъ воротились къ Трефилию Фокину и здо-
рово таки тамъ урѣзали!.. Угостилъ онъ насъ пельменями... Ну,
однимъ словомъ, полнымъ мерзавцемъ я противъ него оказался...
На другой день просыпаюсь утромъ, развязываю свой узелокъ,
надѣваю амуницію во всемъ блескѣ, иду хозяина будить: „Вста-
вай, говорю, Фокинъ!“ Вскочилъ онъ, посмотрѣлъ на меня, за-
трясся весь и побѣлѣлъ, какъ платокъ. Ну, затѣмъ живо поня-
тыхъ, старосту, старшину съ обыскомъ къ Трофимову... Отобрали
у него законъ, а самого посадили въ чижевку... И только что,
Господи благослови, управился я, какъ динь-динь-динь: фдутъ!..
„Ну, что? ну, какъ?“ спрашиваетъ. — Готово, говорю. „Моло-
децъ!“ говорить. Посадили Трофимова въ телѣгу и отправили со
стражникомъ въ городъ, а мы все поѣхали къ управляющему
въ карты играть. Понятное дѣло пошелъ въ заводъ страшный
переполохъ. Пошли пересуды, разговоры, наговорили того, чего
и не было вовсе. Писаря вскорѣ уволили. Ничего, нагнали
страху, дѣйствительно. Послѣ того за полверсты завидитъ тебя
мастеровой, такъ шапку съ головы, подлець, спѣшитъ снять...
Такъ вотъ какая исторія... Вы спрашиваете, чѣмъ дѣло кончи-
лось? Да ничѣмъ. Вѣдь надо было только одну видимость сдѣ-
лать, декорацію, такъ сказать, обстановку... Ну, и сдѣлали, и
все по закону... Вы спрашиваете, какъ по закону? Ха, ха, ха!
не понимаете? Очень просто. Продержали Трофимова подъ аре-
стомъ три дня и выпустили. Чтò въ этомъ противозаконнаго?
вѣдь всякаго мужика можно подъ арестъ посадить мало ли за
что... Все по закону-съ... А между прочимъ, обстановочка-то эта,
торжественность эта... ха, ха, ха!.. Нѣтъ, батенька мой, что ни
говорите, а тутъ большой умъ требуется.

А. Погорѣловъ.

ЧТО ТАКОЕ МЕТАФИЗИКА?

„Метафизика грезитъ, уходя въ свой собственный міръ. Общій міръ есть чувственный, а познаніе его есть опытъ. Мнимое познаніе сверхчувственного міра есть греза. Метафизика грезитъ, потому что она не есть опытная наука“.

Имм. Кантъ.

Современное общество, повидимому, ничего не забыло и ничему не научилось. Однимъ изъ многочисленныхъ тому свидѣтельствъ можетъ служить между прочимъ и тотъ фактъ, что за послѣднее время у насъ снова оживился интересъ къ такъ называемымъ „философскимъ“ вопросамъ, за рѣшеніе которыхъ взялись наши доморощенные философы. Не въ томъ, конечно, бѣда, что мы удѣляемъ много времени „философскимъ“ вопросамъ (это вполнѣ естественно и составляетъ необходимую принадлежность всякаго культурнаго общества), а въ томъ, что подъ именемъ „философіи“ наши доморощенные философы, мыслящіе заднимъ числомъ, преподносятъ намъ ту самую дряхлую-предряхлую старушку—метафизику, которая давнымъ-давно уже вышла изъ ума и чуть дышетъ.

Идя по пути прогресса въ хвостъ цивилизованныхъ народовъ и подражая имъ, подобно всѣмъ отсталымъ въ культурномъ отношеніи странамъ, мы еще настолько дики въ умственномъ отношеніи, что охотнѣе подражаемъ не въ томъ, что наиболѣе цѣнно и полезно для насъ, а въ томъ, что наиболѣе можетъ, по нашему мнѣнію, „украсить“ насъ. Мы похожи въ этомъ случаѣ на индѣйца Ориноко, который, по словамъ Спенсера, стыдился бы показываться своимъ соплеменникамъ, не украсивъ предварительно своего голаго тѣла татуировкой.

Въ то же время наши доморощенные метафизики, перебирая

на разные лады старую метафизическую рухлядь и заявляя съ высоты своего воображаемого величія презрѣніе къ наукѣ, именуемой ими „эмпиризмомъ“, оказываются въ комическомъ положеніи людей, представляющихъ собою одинъ изъ случаевъ проявленія отрицаемаго ими закона трехъ фазисовъ интеллектуальнаго состоянія.

Когда-то мечтательная Германія, колыбель новѣйшей метафизики, откуда и наши доморощенные философы продолжаютъ извлекать перлы своей премудрости, пережила уже двѣ стадіи умственного состоянія—теологическую и метафизическую, и въ настоящее время—можно сказать это съ увѣренностью—безповоротно вступила въ третью стадію—положительнаго міросозерцанія. И потому тамъ съ каждымъ днемъ перестаютъ все болѣе и болѣе интересоваться метафизическими вопросами, не говоря уже о теологическихъ. Наше же общество *en masse*, какъ отсталое въ умственномъ отношеніи, едва-едва еще только начинаетъ выходить изъ мистическаго тумана теологической стадіи, и потому для него вѣщанія современныхъ метафизирующихъ согражданъ, весьма естественно, могутъ казаться чѣмъ-то серьезнымъ, чуть не „новымъ словомъ“. Это-то послѣднее обстоятельство и вводитъ въ заблужденіе нашихъ метафизиковъ, въ простотѣ души своей усматривающихъ въ сказанномъ интересѣ нашего общества признакъ благодѣтельной „реакціи“ противъ ненавистнаго имъ „эмпиризма“.

Характеризуя литературную дѣятельность Вольтера, Дюрингъ замѣчаетъ: „существуютъ вещи, которыхъ не должно принимать серьезно, если не хотимъ оказывать имъ слишкомъ много чести и оскорблять этимъ собственный разумъ“. Къ числу подобныхъ вещей слѣдуетъ отнести и метафизику, которую еще старикъ Кантъ охарактеризовалъ слѣдующими убійственными словами: „Въ метафизикѣ можно беззаботно врать всякій вздоръ“. Ему же принадлежитъ и другая по формѣ выраженія, но однородная съ этой характеристика метафизики, взятая нами эпиграфомъ къ этимъ бѣглымъ замѣткамъ. Несмотря, однако, на рѣзкость своихъ сужденій о метафизикѣ, Кантъ не могъ еще вполне отрѣшиться отъ метафизическаго мышленія и міросозерцанія. Вотъ почему и до сихъ поръ метафизики всего свѣта обращаютъ свои взоры назадъ — къ старику Канту и въ его авторитетѣ ищутъ опоры для своихъ новѣйшихъ хитросплетеній. Этотъ двойственный философъ, „Критика чистаго разума“ котораго полна противорѣчій, дѣйствительно, можетъ служить для современныхъ метафизиковъ надежнымъ столпомъ. И это будетъ продолжаться

до тѣхъ поръ, пока правильная оцѣнка философіи Канта, доступная пока немногимъ, вполне отрѣшившимся отъ метафизики умамъ, сдѣлается общимъ достояніемъ.

Впрочемъ, возможенъ еще и другой способъ, которымъ могутъ разрѣшиться метафизическія стадіи умственного состоянія нашего общества. Этотъ, уже не разъ испытанный, способъ борьбы со всякаго рода заблужденіями и предрасудками есть *насмѣшка*. Если бы метафизика, подобно средневѣковому рыцарству, дождалась когда-нибудь своего Сервантеса, она навѣрняка была бы убита наповаль. Но, видно, часть ея еще не пробилъ...

Что же такое представляетъ изъ себя метафизика? Чѣмъ она занимается? Попробуемъ, читатель, на эти вопросы поискать отвѣта у самихъ современныхъ метафизиковъ: они-то ужъ навѣрное дадутъ намъ самыя обстоятельныя разъясненія на этотъ счетъ. Вотъ, наприм., г. Вл. Соловьевъ, — несомнѣнный и общепризнанный метафизикъ, съ самой незапятнанной метафизической репутаціей, которому и было поручено поэтому редакціей „Энциклопедическаго словаря“, издаваемого Брокгаузомъ и Ефрономъ, составить для названнаго словаря статью по метафизикѣ. Для начала мы и заглянемъ въ эту статью г. Вл. Соловьева и посмотримъ, что онъ тамъ рассказываетъ о метафизикѣ.

Статья эта начинается слѣдующимъ *опредѣленіемъ* метафизики: „Метафизика или *первая философія* (ή πρώτη φιλοσοφία, philosophia prima) — *умозрительное* ученіе о *первоначальныхъ* основахъ всякаго бытія или о *сущности* міра“ ¹⁾.

Сдѣлавъ это общее опредѣленіе метафизики, г. Вл. Соловьевъ въ дальнѣйшемъ изложеніи статьи поучаетъ русскую публику слѣдующимъ образомъ.

„У метафизики *нѣтъ* особаго, исключительно ей свойственнаго *метода*; она пользуется всѣми способами *научнаго* мышленія, отличаясь отъ *положительныхъ* наукъ лишь стремленіемъ дойти до окончательнаго *міровоззрѣнія*, изъ котораго можно было бы *объяснить* всѣ области бытія, въ ихъ внутренней связи. Это стремленіе свойственно *всякой* метафизикѣ, какъ таковой, результаты же, къ которымъ оно приводитъ, т.-е. самыя метафизическія системы, представляютъ *большое разнообразіе*“ (курсивъ вездѣ нашъ) ²⁾... „Наиболѣе полныя системы метафизики стремятся, исходя изъ *одного* основнаго начала, связать съ нимъ

¹⁾ „Энциклопедическій словарь“. Спб. 1896 года. Т. XIX, стр. 164. Курсивъ нашъ.

²⁾ Тамъ же, стр. 165.

внутреннею логическою связью *всѣ* другія начала и создать, такимъ образомъ, *цѣльное всеобъемлющее и всестороннее міросозерцаніе*“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Такъ поучаетъ насъ г. Вл. Соловьевъ. Если послушать его и повѣрить ему на слово, то метафизика, это—сама мудрость, дальше которой некуда и незачѣмъ идти. Но мы, читатель, не будемъ съ вами на этотъ разъ легковѣрны и попробуемъ осмыслить вѣщанія нашего мудреца.

Такъ, прежде всего, по словамъ г. Вл. Соловьева, оказывается, что „метафизика, это—*умозрительное* ученіе... о *сущности* міра и, въ то же самое время, „у метафизики *нѣтъ* какого-нибудь *особаго*, исключительно ей свойственнаго *метода*“. Не находите ли вы, читатель, что эти два утвержденія г. Вл. Соловьева, этого признаннаго философа, плохо вяжутся между собою? Въ самомъ дѣлѣ, если „слово“ умозрительный имѣетъ какой-нибудь смыслъ въ качествѣ научнаго термина, то несомнѣнно, что смыслъ этотъ долженъ быть одинъ, и притомъ слѣдующій.

Умозрѣніе есть способъ мышленія, *независимый* отъ данныхъ *опыта*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. какъ любить выражаться метафизики, *мысленіе a priori*. Что терминъ „умозрительный“ нужно понимать именно въ указанномъ сейчасъ смыслѣ и только въ этомъ смыслѣ, а не въ какомъ-либо иномъ—въ этомъ мы можемъ убѣдиться, обратившись къ столпу всей современной метафизики, старику Канту, который говоритъ, напримѣръ, такъ:

„Топоръ и пила вполне годятся для обработки строеваго лѣса, но для гравированія нужна гравировальная игла. Такъ и *здравый* разсудокъ и *умозрительный*—оба должны быть употребляемы, по каждый въ *своей* сферѣ; первый—въ сужденіяхъ, имѣющихъ свое непосредственное примѣненіе въ *опытъ*, второй же—въ общихъ сужденіяхъ изъ *частныхъ понятій*, напр., въ *метафизикѣ*, гдѣ *здравый* разсудокъ... не долженъ имѣть *совершенно никакого* сужденія“ (курсивъ нашъ) ²⁾.

Или въ другомъ мѣстѣ: „Вопросъ былъ не въ томъ, правильно ли понятіе причинности, пригодно ли оно и необходимо ли для изученія природы: въ этомъ Юмъ никогда не сомнѣвался; но *мыслится* ли это понятіе разумомъ *a priori* и имѣетъ ли

¹⁾ Тамъ же, стр. 166

²⁾ Имм. Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки“. Перев. Вл. Соловьева. Изд. 2-е. Москва. 1893 г., стр. 8.

оно такимъ образомъ *независимую отъ всякаго опыта* внутреннюю истинность, а черезъ это и *неограниченное* одними предметами *опыта* примѣненіе, касательно этого Юмъ требовалъ объясненій“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Мы могли бы умножить подобныя приведеннымъ цитаты изъ Канта безъ конца, но надѣмся, что и двухъ будетъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ правильности того смысла, какой слѣдуетъ придавать термину „умозрительный“ и какой мы именно и придали ему выше.

Итакъ, очевидно, что умозрительный способъ мышленія или, иначе, мышленія *a priori*, не имѣетъ ничего общаго съ собственно *научнымъ методомъ*, отправнымъ пунктомъ *котораго служитъ* именно *опытъ*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, равно какъ и матеріаль, надъ которымъ оперируетъ научный умъ или, говоря словами Канта, „здравый разсудокъ“, составляютъ лишь данныя наблюденія или эксперимента, а не „чистыя понятія“, созданныя воображеніемъ метафизическаго ума. Слѣдовательно, утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Соловьевъ, что метафизика „пользуется всѣми способами *научнаго* мышленія“,—это значить не только утверждать нелѣпость, но и ридить ворону въ павлиньи перья.

Въ самомъ дѣлѣ, если повѣрить г. Влад. Соловьеву, то придется заключить, какъ этого, очевидно, и хотеть достигнуть г. Вл. Соловьевъ, что метафизика, только одна метафизика собственно и есть наука, самая „научная наука“, а всѣ „положительныя“ науки не что иное, какъ жалкіе „обрывки“ низкихъ истинъ“, потому что метафизика, „пользуясь всѣми способами *научнаго* мышленія“, приходитъ къ „цѣльному, всеобъемлющему и всестороннему міросозерцанію“, на что, разумѣется, не можетъ претендовать ни одна изъ „положительныхъ“ наукъ.

Такъ, повидимому, хотеть заставить насъ думать г. Вл. Соловьевъ, но не такъ думаемъ мы, не въ обиду будь сказано нашему философу. Мы склонны думать именно, что г. Вл. Соловьевъ, какъ и многіе другіе метафизики, воочію убѣдились въ томъ, что „положительныя науки“ завоевали себѣ настолько прочное положеніе въ сознаніи мыслящихъ людей, что прямо отрицать ихъ довольно рискованно. Поэтому г. Вл. Соловьевъ, утверждая, что „у метафизики нѣтъ особаго, исключительно ей свойственнаго метода“ и что „она пользуется всѣми способами *научнаго* мышленія“, обнаруживаетъ лишь стремленіе сблизить

¹⁾ Тамъ же, стр. 7.

метафизику съ „положительнымъ“ знаніемъ и тѣмъ самымъ поставить ее подъ защиту признаннаго авторитета послѣдняго.

Мы уже видѣли выше, какъ характеризовалъ сущность „умозрительнаго“ метода метафизики Кантъ. Столь же рѣшительно и опредѣленно выражается на этотъ счетъ и г. Б. Чичеринъ, другой признанный метафизикъ. „Метафизика, — говоритъ онъ, — представляетъ развитіе *логическихъ опредѣленій* на основаніи *логическихъ законовъ*; она *вся* держится на *логикѣ*“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ отношеніи *метода* между метафизикой и положительнымъ знаніемъ существуетъ полнѣйшая противоположность. Методъ первой, какъ мы видѣли, заключается въ „развитіи *логическихъ опредѣленій*“, въ мышленіи *a priori* „изъ чистыхъ понятій разума“, т.-е., говоря кратко, методъ „умозрительный“. Не то мы видимъ въ положительныхъ наукахъ. Всякая положительная наука начинается и кончается данными *опыта*: она собираетъ данныя наблюденія и производитъ *эксперименты*, систематизируетъ всѣ относящіеся къ данному вопросу факты и считаетъ свое дѣло законченнымъ, если удалось ей установить такъ называемые *законы* существованія и послѣдовательности изучаемыхъ явленій. Всякій научный законъ представляетъ собою лишь сжатый и точный *отчетъ* о фактахъ и больше ничего. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ физики (законъ Бойля-Маріотта) формулированъ такъ: *объемъ ограниченной массы газа обратно пропорціоналенъ давленію, которому онъ подвергнутъ*.

Къ числу положительныхъ наукъ относится по справедливости также и математика, основные факты которой такъ просты и повседнежны, что пріобрѣтаютъ для насъ, даже помимо нашей воли, самоочевидность. Это обстоятельство и служило до послѣдняго времени большимъ соблазномъ для метафизиковъ. Вы видите, — съ торжествомъ говорили они противникамъ „умозрительнаго метода“, — что математика доходитъ же въ своихъ изслѣдованіяхъ до положительныхъ истинъ совершенно независимо отъ опыта, слѣдовательно, умозрительный методъ и въ другихъ областяхъ знанія можетъ дать положительные результаты. Но положительное знаніе заставило метафизиковъ распроститься и съ этимъ пріятнымъ для нихъ заблужденіемъ. Новѣйшія изслѣдованія Риманна, Бельтрами, Липшица, Гельмгольца и другихъ математиковъ и физиковъ доказали, что, напримѣръ, аксіомы

¹⁾ „Основанія логики и метафизики“. Москва. 1894 г., стр. 3.

геометріи Эвклида чисто опытного происхожденія, равно какъ и самое содержаніе пространства о трехъ измѣреніяхъ. Впрочемъ, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка русскій геометръ Н. И. Лобачевскій указывалъ на опытное происхожденіе аксіомъ Эвклидовой геометріи, но тогда надъ нимъ только смѣялись, и научныя заслуги его были признаны лишь въ самое послѣднее время, благодаря именно указаннымъ выше изслѣдованіямъ.

Въ такомъ взаимномъ положеніи находятся метафизика и положительное знаніе, или наука въ собственномъ смыслѣ, по отношенію къ методу мышленія. Сейчасъ мы увидимъ, что столь же радикальная противоположность существуетъ между ними и по отношенію къ „предметамъ познанія“.

Мы уже знаемъ, что, по словамъ г. Вл. Соловьева, метафизика есть ученіе „о первоначальныхъ основахъ всякаго бытія или о сущности міра“. Таковы предметы познанія въ метафизикѣ. Что же касается науки, то она, какъ уже было сказано выше, занимается фактами дѣйствительности и больше ничѣмъ другимъ. Казалось бы, что послѣ этого не можетъ быть и рѣчи о торжествѣ между метафизикой и наукой со стороны „предметовъ познанія“. Но не такъ думаетъ нашъ метафизикъ, г. Вл. Соловьевъ. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ въ той же статьѣ, о которой было уже упомянуто нами выше.

„Ошибочно утверждаютъ, будто метафизика беретъ своимъ предметомъ *непознаваемую* (курсивъ въ подлинникѣ) сущность вещей, тогда какъ предметъ положительной науки есть познаваемый міръ явленій. Безусловное противоположеніе между *сущностью* и *явленіемъ* (курсивъ нашъ) не выдерживаетъ не только критики гнозеологической... но и просто логической. Эти два понятія имѣютъ значеніе соотносительное и формальное; явленіе *обнаруживаетъ, проявляетъ* свою сущность, и сущность *обнаруживается, проявляется въ своемъ* явленіи,—а вмѣстѣ съ тѣмъ то, что есть *сущность* въ извѣстномъ отношеніи или на извѣстной *степени* познанія, есть только *явленіе* въ другомъ отношеніи или на другой степени познанія“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Несмотря на всѣ, отмѣченные нами курсивомъ, темныя оговорки, г. Вл. Соловьевъ, повидимому, утверждаетъ въ приведенной цитатѣ, что „явленіе“ и его „сущность“ одно и то же. Мы охотно бы согласились въ этомъ случаѣ съ почтеннымъ метафизикомъ, если бы подъ словомъ „сущность“ какого-либо „явленія“ г. Вл. Соловьевъ разумѣлъ то же самое, что разу-

¹⁾ „Энциклопед. Словарь“, т. XIX, стр. 165.

мѣется подъ этимъ словомъ въ „положительной“ наукѣ, а именно, еслибъ онъ „сущностью“ даннаго „явленія“ называлъ ту совокупность *признаковъ* его, которая обладаетъ наибольшимъ постоянствомъ, наибольшей устойчивостью. Но если бы г. Вл. Соловьевъ и всѣ другіе метафизики понимали „сущность“ указаннымъ сейчасъ образомъ, то метафизика потеряла бы всякій *raison d'être*. Уже одного этого замѣчанія достаточно, чтобы понять, что г. Вл. Соловьевъ въ данномъ случаѣ подъ „сущностью“ „явленія“ разумѣетъ нѣчто иное, а не то, что разумѣетъ подъ этимъ понятіемъ „положительная“ наука. И въ самомъ дѣлѣ, изъ дальнѣйшихъ разъясненій г. Вл. Соловьева мы ясно можемъ усмотрѣть его настоящую точку зрѣнія на этотъ предметъ. Вотъ какъ продолжаетъ онъ свою рѣчь.

„Когда мы смотримъ въ микроскопъ на живую инфузорию, то ея движенія и все, что мы замѣчаемъ въ ней, *есть явленіе*, въ которомъ обнаруживается извѣстная *сущность*, именно *жизнь* этого организма; но и эта жизнь есть только *явленіе* болѣе глубокой и основной *сущности*, именно того существеннаго *органическаго типа*, по которому построено это животное и который воспроизводится и пребываетъ въ *безконечномъ* (?) рядѣ поколѣній, доказывая тѣмъ свою *субстанціональность*; но и это есть только *явленіе цѣлаго органическаго процесса* и т. д. Подобнымъ образомъ и въ области психологіи: мое слово или дѣйствіе есть *явленіе* или обнаруженіе моихъ скрытыхъ *состояній* мысли, чувства и воли, которыя непосредственно не даны постороннему наблюдателю и въ *этомъ смыслѣ* (?) представляютъ для него нѣкоторую „непознаваемую сущность“ (sic); однако она познается именно черезъ свое *внѣшнее явленіе*; но и эта психологическая *сущность*—наприм., опредѣленный актъ воли—есть только *явленіе* моего общаго характера и душевнаго склада (эмпирическаго характера по Канту), который, въ свою очередь, не есть *окончательная* сущность, а только проявленіе болѣе глубокаго *задушевнаго* (курсивъ въ подлинникѣ) существа (умопостигаемаго характера по Канту), на которое непрерываемо указываютъ факты *нравственныхъ кризисовъ* и *перерожденій* (sic). Такимъ образомъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ провести опредѣленную и постоянную *границу* между „сущностью“ и „явленіемъ“, а слѣдовательно, между *предметами* метафизики и положительной науки, *совершенно невозможно* (sic), и безусловное ихъ противоположеніе есть *явная ошибка*“ (sic) (курсивъ нашъ) ¹⁾.

¹⁾ „Энциклопед. Словарь“, т. XIX, стр. 165.

Послѣдняя цитата изъ статьи г. Вл. Соловьева можетъ служить для читателя между прочимъ хорошимъ примѣромъ той *словесной* игры, которой въ сущности и исчерпывается все содержаніе такъ называемыхъ метафизическихъ системъ. Мы не станемъ останавливаться на этихъ словесныхъ фокусахъ г. Вл. Соловьева—они очевидны для всякаго.

Несмотря на сбивчивость и туманность приведенной цитаты, мы все-таки имѣемъ возможность уловить ея основной смыслъ. Спрашивается: можно ли въ этотъ смыслъ вложить то значеніе термина „сущность“, которое придается ему положительной наукой? Очевидно, что нѣтъ. Въ цитатѣ встрѣчаются такія словечки, которыя не оставляютъ на этотъ счетъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ, напримѣръ, „*задушевное* существо“. Но, можетъ быть, мы придали термину „сущность“ совершенно произвольное значеніе, такое, котораго не знаетъ положительная наука? Къ сожалѣнію, словесные фокусы г. Вл. Соловьева не находятъ себѣ оправданія даже и въ этомъ послѣднемъ предположеніи. Такой писатель, какъ Эрнестъ Навиль, наприим., уже ни въ какомъ случаѣ не можетъ заслужить упрека въ недостаточномъ уваженіи къ метафизикѣ. Посмотримъ же, что говоритъ этотъ философъ о терминѣ „сущность“.

„Терминъ *сущность* (essence) въ „Словарѣ французской академіи“ опредѣляется такъ: сущность есть то, что дѣлаетъ вещь именно этою вещью, — то, что составляетъ ея природу“. Это опредѣленіе открыто для сильныхъ нападеній со стороны скептицизма. Могутъ сказать и говорить, что у насъ нѣтъ никакихъ средствъ узнать, что такое вещь сама въ себѣ, что сущность *недоступна*, такъ что это слово должно быть вычеркнуто изъ словаря осторожной науки... Съ субъективной точки зрѣнія сущность есть совокупность свойствъ, безъ которыхъ не было бы въ нашей мысли понятія объ элементахъ, общихъ для одного и того же класса. Всякій предметъ, реальный или идеальный, это все равно,—имѣетъ признаки, общіе для его вида, которые называются существенными, и признаки случайные, которые отличаютъ только одинъ индивидуумъ отъ другого въ предѣлахъ одного и того же вида...

„Можно находить аналогію между философскимъ смысломъ слова „сущность“ (essence) и тѣмъ значеніемъ, которое это слово имѣетъ въ парфюмеріи („эссенція“ по-французски тоже essence), такъ какъ парфюмеръ извлекаетъ изъ нѣсколькихъ растений запахъ, составляющій ихъ общее свойство“ ¹⁾.

¹⁾ Что такое философія?“ Эрн. Навиль. Переводъ съ француз. подъ редакціей А. И. Введенскаго. Москва. 1896 г., стр. 52—54.

Въ указанномъ Эрнестомъ Навилемъ смыслѣ обыкновенно и употребляется наукой слово сущность. Такимъ образомъ, для насъ становится яснымъ, что г. Вл. Соловьевъ, играя словами „сущность“ и „явленіе“ указаннымъ выше образомъ, желалъ, по русской пословицѣ, „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“. Но, какъ видитъ читатель, усилія его отождествить метафизику и науку, утверждая, что у нихъ предметы познанія одни и тѣ же, совершенно тщетны. Однако эти усилія въ нашихъ глазахъ являются отраднымъ явленіемъ. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не многознаменателенъ тотъ фактъ, что современные метафизики, съ нескрываемымъ презрѣніемъ относящіеся къ „эмпирическимъ“ наукамъ, въ то же самое время, чтобы легче поймать въ свои сѣти наивныхъ читателей, стараются при помощи разныхъ словесныхъ фокусовъ убѣдить ихъ, что метафизика ни своимъ методомъ, ни предметами познанія не отличается отъ положительной (опытной) науки? Для чего стали бы современные метафизики разными правдами и неправдами увѣрять публику, что метафизика такая же точно наука, какъ и другія признанныя науки, если бы это не было выгодно для репутаціи метафизики? А если современные метафизики находятъ это выгоднымъ для метафизики, то тѣмъ самымъ они доказываютъ свое безсиліе овладѣть вниманіемъ общества собственными средствами, не прячась за авторитетъ науки.

Справедливость требуетъ, впрочемъ, чтобы мы не забыли сказать здѣсь, что не всѣ современные метафизики прибѣгаютъ къ сейчасъ указанному приему для того, чтобы проповѣдывать серьезное значеніе метафизики. Есть между ними и такіе, которые смѣло могутъ быть названы „рыцарями безъ страха и упрека“. Во главѣ этихъ храбрыхъ мы должны поставить г. Б. Чичерина. Мы уже видѣли выше, какъ откровенно высказывается онъ о сущности метафизическаго мышленія. Но мы попросимъ позволенія у нашего читателя остановить его вниманіе еще и на нѣкоторыхъ другихъ его взглядахъ, не лишенныхъ, съ нашей точки зрѣнія, извѣстнаго интереса.

„Девятнадцатый вѣкъ, — говорилъ г. Б. Чичеринъ, — представляетъ, относительно метафизики, два совершенно противоположныхъ теченія. Первая его половина отличалась такимъ увлеченіемъ метафизическими началами, подобное которому едва ли можно найти въ исторіи мысли. Система возникала за системой, одна величественнѣе другой. Казалось, мысль проникала во всѣ тайны бытія и все свела къ высшему, вытекающему изъ разума единству. И вдругъ, на этой высотѣ произошелъ

поворотъ. Мысль приняла обратное (?) движеніе. Метафизика была отвергнута, какъ негодный хламъ; единственнымъ источникомъ познанія признанъ былъ опытъ... Легкомысленные поклонники настоящей минуты могли считать исключительный эмпиризмъ послѣднимъ словомъ науки и видѣть въ метафизикѣ отживающую точку зрѣнія, окончательно сданную въ архивъ; для болѣе глубокаго и основательнаго взгляда это было не болѣе, какъ временное увлеченіе, за которымъ должна была послѣдовать новая реакція. И точно, *эта реакція теперь наступаетъ*. Чистый эмпиризмъ далъ *все*, что онъ могъ дать... Мыслители различныхъ народностей и направленій начинаютъ обращаться къ метафизикѣ, ожидая отъ нея *высшаго* объединенія человѣческаго знанія. Это — знаменіе времени; въ немъ выражается сознаніе недостаточности односторонней точки зрѣнія и требованіе исхода“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Такъ торжествуетъ г. Б. Чичеринъ по поводу того оживленія интереса къ метафизикѣ, которое замѣчается въ нашемъ обществѣ за послѣднее время и о которомъ мы упоминали выше. Не даромъ же его книга, изъ которой мы взяли приведенную цитату, „посвящается молодымъ русскимъ философамъ, какъ наслѣдіе поколѣній, занимавшихся философіей въ нашемъ отечествѣ“. Но, увы, даже на солнцѣ есть пятна. Такъ точно и возрождающаяся метафизика имѣетъ свои темныя стороны и притомъ такого свойства, что, будь мы на мѣстѣ метафизиковъ, мы, взирая на эти темныя стороны, затруднились бы рѣшить: радоваться намъ или печалиться.

По словамъ г. Б. Чичерина, оказывается, что „высшее объединеніе человѣческаго знанія“, котораго наши современные философы „ожидаютъ“ отъ метафизики, „до сихъ поръ... остается однимъ чаяніемъ“.

„Для того,—продолжаетъ г. Б. Чичеринъ,—чтобы оно стало научнымъ (?) началомъ, надобно, чтобы сама метафизика сдѣлалась положительной *наукой* (sic), имѣющей *свои* достовѣрныя основанія и *свои* совершенно твердые пути. Недостаточно *говорить* о необходимости метафизики; надобно *представить* ее какъ неотразимый фактъ. Матеріалы для этого научнаго (?) построенія существуютъ въ изобиліи; ихъ доставляетъ *исторія философіи* въ своемъ всемірномъ развитіи. Но необходимо эти матеріалы *разработать*, отдѣлить въ нихъ существенное отъ не-

¹⁾ „Основаніе логики и метафизики“ Б. Чичерина. Москва. 1894 г., предисловіе, стр. 1 и 2.

существеннаго, прочное отъ преходящаго и свести ихъ къ *единству*, согласному съ *современными требованіями*“ (sic). (Курсивъ нашъ) ¹⁾.

Итакъ, если мы понимаемъ русскій языкъ, то, по словамъ г. Б. Чичерина, оказывается, что до сихъ поръ метафизики еще *не существовало*, и всѣ метафизическія системы прошлаго времени, „одна глубже и величественнѣе другой“, суть не что иное, какъ только „матеріалы“ для построенія метафизики, — „матеріалы“, которые еще необходимо „разработать“ и „свести къ единству, согласному съ современными требованіями“. Только послѣ всего этого метафизика можетъ предстать передъ нами, „какъ неотразимый фактъ“.

Скажите же, читатель: Что можетъ быть печальнѣе той участи, какая постигла метафизику? Метафизика вѣдь существуетъ не 10, не 100 лѣтъ, она существуетъ цѣлыя тысячелѣтія, и все-таки она „до сихъ поръ остается однимъ чаяніемъ“ того, къ чему стремится съ испоконъ вѣка! Уже одинъ этотъ поразительный фактъ, самъ по себѣ, долженъ былъ бы образумить поборниковъ метафизики и заставить ихъ задуматься надъ вопросомъ: не химера ли то, къ чему она стремится?

Впрочемъ, и то сказать, кто ихъ разберетъ, чего собственно хотятъ метафизики—каждый порознь и всѣ вмѣстѣ взятые.

Такъ, напримѣръ, тотъ же самый г. Б. Чичеринъ, отрицающій существованіе настоящей метафизики, несмотря на пышный расцвѣтъ ея въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда, по его словамъ... система возникала за системой, одна глубже и величественнѣе другой“, въ то же самое время и въ той же самой книгѣ говорить о сущности метафизики слѣдующее.

„Разработка метафизики составляетъ результатъ чисто логическаго процесса, въ которомъ мысль послѣдовательно идетъ отъ опредѣленія къ опредѣленію...“

„Каждая система, исходя отъ извѣстнаго метафизическаго опредѣленія, къ которому она сводитъ *все* остальное въ видахъ обединенія знанія, тѣмъ самымъ становится на одностороннюю точку зрѣнія, заключающую въ себѣ *внутреннее противорѣчіе*. Только совокупность *восполняющихъ другъ друга системъ* даетъ *полноту истины*. Въ этомъ заключается *отличіе* опытныхъ и математическихъ наукъ отъ наукъ философскихъ. Въ *первыхъ* новое открытіе *присоединяется* къ предъидущимъ, въ *последнихъ* новая точка зрѣнія *смыняетъ* предшествующія“ (курсивъ нашъ) ²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 2.

²⁾ Тамъ же, стр. 213.

Поймите послѣ этого, чего же собственно хочетъ г. Б. Чичеринъ? Разъ „смѣна“ метафизическихъ системъ вытекаетъ изъ самой сущности метафизическаго познанія и „только совокупность восполняющихъ другъ друга системъ даетъ полноту (метафизической) истины“, то, казалось бы, ему, убѣжденному метафизику, не къ лицу говорить о всѣхъ предшествовавшихъ системахъ метафизики лишь какъ о безпорядочной грудѣ „матеріаловъ“ для построенія метафизики, которые необходимо еще разработать, „отдѣлить въ нихъ существенное отъ несущественнаго, прочное отъ преходящаго“, и видѣть въ этомъ „неустранимую задачу, которая предстоить современнымъ философамъ, — задачу, безъ исполненія которой мысль не подвинется ни на шагъ“¹⁾. Казалось бы, что, напротивъ, г. Б. Чичерину только и оставалось дѣлать, что рекомендовать „молодымъ русскимъ философамъ“ идти по стопамъ старыхъ „поколѣній, занимавшихся философіею“, и, подобно послѣднимъ, продолжать „строить систему за системой, одну глубже и величественнѣе другой“, а самому смотрѣть на эту Сизифову работу со стороны да радоваться преуспѣванію дорогой ему метафизики, ибо, очевидно, чѣмъ больше будетъ „одностороннихъ“ системъ, „заключающихъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе“, тѣмъ совершеннѣе будетъ достигнута „полнота“ метафизической „истины“.

Можно даже удивиться тому, какъ это г. Б. Чичеринъ не открылъ метафизическаго закона, который самъ собою напрашивается на языкъ, и который можетъ быть формулированъ такъ: *полнота метафизической истины прямо пропорціональна числу метафизическихъ системъ, заключающихъ въ себѣ внутреннія противорѣчія*.

Не подумайте, читатель, что г. Б. Чичеринъ просто обмолвился, утверждая, что „полноту истины“ даетъ совокупность „внутренне противорѣчивыхъ“ метафизическихъ системъ. Нѣтъ, это общее убѣжденіе метафизиковъ. Такъ, наприм., другой нашъ извѣстный метафизикъ, г. Н. Гротъ, выражается по этому поводу слѣдующимъ образомъ.

„Германская философія, какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ великихъ представителяхъ, безспорно, импонируетъ своею глубиной и духовною мощью. Но если мы спросимъ себя, каковы ея результаты и гдѣ собственно слѣдуетъ ихъ искать — въ совокупности *противорѣчивыхъ* ученій, въ какомъ-либо одномъ изъ прежнихъ, или въ какомъ-нибудь послѣднемъ словѣ науки“,

¹⁾ Тамъ же, стр. 3.

—если мы спросимъ себя, что собственно дала германская философія положительнаго и опредѣленнаго,—мы очутимся въ большемъ затрудненіи и почувствуемъ себя въ цѣлой *стѣнѣ противорѣчій*. Ибо мы ясно видимъ какъ *неполноту и противорѣчія* отдѣльныхъ ученій, такъ и ихъ *взаимную историческую и логическую связь*“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Правда, въ приведенныхъ словахъ г. Н. Грота проглядываетъ какъ будто нѣкоторое недовольство: „результатами“ германской метафизики, но тѣмъ не менѣе и онъ, въ концѣ концовъ, признаетъ „взаимную логическую (и историческую) связь“ отдѣльныхъ ученій, въ каждомъ изъ которыхъ онъ „ясно видитъ неполноту и противорѣчія“.

Не правда ли, читатель, какая странная, чтобы не сказать болѣе, *наука*—эта метафизика! Какой туманъ мысли необходимъ для того, чтобы быть адептомъ этой науки! И что мы должны сказать о метафизикахъ, видя, какъ они презрительно относятся къ опытной наукѣ, къ той самой наукѣ, въ которой, по словамъ г. Б. Чичерина, всякое „новое открытіе присоединяется къ предыдущимъ“, въ которой, слѣдовательно, обнаруживается непрерывный ростъ положительнаго знанія, и не видно конца этому росту? Мы не будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, ибо увѣрены, что читатель и самъ догадается, какой долженъ быть отвѣтъ. Не очевидно ли, послѣ этого, явное противорѣчіе здравому смыслу въ утвержденіи г. Б. Чичерина, что „эмпиризмъ далъ *все*, что онъ *могъ* дать“? Нѣтъ, „эмпиризмъ“, т.-е. непрерывно возрастающее, количественно и качественно, положительное знаніе, конечно, не могъ еще дать всего того, что онъ *можетъ* дать въ неопредѣленномъ будущемъ, но побѣды его въ прошломъ служатъ достаточной порукой тому, что успѣхи его въ будущемъ безграничны. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду еще одного „существеннаго отличія“ опытнаго знанія отъ метафизики, о которомъ умалчалъ г. Б. Чичеринъ. Въ то время, какъ метафизика „грезитъ, уходя въ свой собственный міръ“, не имѣющій ничего общаго съ тѣмъ міромъ дѣйствительности, въ которомъ живетъ человѣчество, опытные науки изучаютъ эту дѣйствительность. А такъ какъ „знаніе есть сила“, то, слѣдовательно, „эмпиризмъ“ занимается рѣшеніемъ такихъ задачъ, которыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ насущнѣйшими интересами человѣчества... Прошу извиненія у читателя, что я останавливаю его вниманіе на такихъ элементарныхъ истинахъ.

¹⁾ „Вопросы философіи и психологіи“. 1890 г., кн. 3-я, стр. 169.

Возвращаясь снова къ метафизикѣ, познакоимся ближе, чѣмъ же собственно занимается эта возвышенная наука. Мы уже имѣли выше случай касаться этого вопроса въ общихъ его чертахъ. Обратимъ теперь наше вниманіе на нѣкоторыя детали его, чтобы составить себѣ болѣе ясное понятіе о содержаніи метафизики.

Въ той части цитированной уже нами книги г. Б. Чичерина, которая носитъ названіе: „Метафизика“, почтенный философъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее по занимающему насъ теперь предмету.

„Метафизика есть наука о вытекающихъ изъ закона разума способа пониманія вещей. Короче, ее можно назвать наукою *пониманія*“ (курсивъ нашъ). (Стр. 217).

Далѣе г. Б. Чичеринъ разъясняетъ намъ эти „способы пониманія вещей“ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Эти способы пониманія суть логическія *опредѣленія* или *категоріи*, подъ которыя разумъ *подводитъ* или которыми онъ *связываетъ* и *раздѣляетъ* получаемыя отъ объектовъ впечатлѣнія. Поэтому, метафизика состоитъ въ развитіи *системы категорій*“ (курсивъ нашъ). (Стр. 217).

Такъ какъ въ этихъ послѣднихъ словахъ г. Б. Чичерина не трудно усмотрѣть, что онъ въ сущности повторяетъ Кантовскіе зады, т.-е. своими словами излагаетъ ученіе Канта о „категоріяхъ разсудка“, то мы сдѣлаемъ самое лучшее, если покинемъ нашего „собственного“ метафизика и обратимся къ источнику его премудрости, т.-е. къ старику Канту. Кантъ уже однимъ тѣмъ выше нашихъ современныхъ метафизиковъ, что у него мы находимъ болѣшую ясность и откровенность въ выраженіяхъ мысли, чѣмъ у доморожденныхъ философовъ, старающихся угодить и нашимъ, и вашимъ.

Послушайте, напр., какъ ясно и опредѣленно говоритъ Кантъ „объ особенностяхъ всякаго метафизическаго познанія“.

„Когда нужно представить какое-нибудь познаніе, какъ науку, то прежде всего нужно въ точности опредѣлить ту отличительную особенность, которую оно не раздѣляетъ ни съ какимъ другимъ познаніемъ и которая, такимъ образомъ, исключительно ему свойственна; въ противномъ случаѣ границы всѣхъ наукъ сольются, и ни одну изъ нихъ нельзя будетъ основательно изложить сообразно съ ея природой.“

„Идея возможной науки и ея области основывается прежде всего именно на такой отличительной особенности, въ чемъ бы она ни состояла: въ различіи ли *предмета* или *источниковъ* по-

знанія, или же *рода познанія*, или, наконецъ, въ различіи нѣ-
которыхъ, если не всѣхъ, этихъ отношеній вмѣстѣ.

„...Что касается источниковъ метафизическаго познанія, то уже въ его понятіи полагается, что они не могутъ быть эмпирическими. Слѣдовательно, принципы метафизики (куда принадлежать не только ея *основныя положенія*, но и ея *основныя понятія*) никогда не должны браться изъ опыта, ибо она должна быть познаніемъ не физическимъ, а метафизическимъ, т.-е. лежащимъ за предѣлами опыта. Итакъ, въ ея основаніе не ляжетъ ни виѣшній опытъ, служащій источникомъ собственно физикѣ, ни внутренній, на которомъ основывается собственно эмпирическая психологія. Метафизика есть, такимъ образомъ, познаніе а priori, или изъ чистаго разсудка и чистаго разума... Она должна будетъ называться чистымъ *философскимъ* познаніемъ“¹⁾.

Не правда ли, какъ эти слова Канта мало похожи на рѣчи нашихъ современныхъ метафизиковъ, хлопочущихъ не о томъ, чтобы, подобно Канту, провести рѣзкую демаркаціонную линію между опытнымъ знаніемъ и метафизикой, а какъ разъ о противномъ, т.-е. о томъ, чтобы и то, и другое свалить въ одну кучу и такимъ путемъ заставить легковѣрныхъ людей думать, что наука и метафизика и въ отношеніи метода мышленія, и въ отношеніи „предметовъ познанія“ едино суть, съ тою лишь важною разницею, что метафизика идетъ въ своихъ выводахъ дальше опытныхъ наукъ и въ концѣ концовъ достигаетъ „первоначальныхъ основъ всякаго бытія или сущности міра“.

Итакъ, обратимся же къ Канту и, въ видѣ примѣра метафизическихъ ученій вообще, посмотримъ, въ чемъ состоитъ его ученіе о „категоріяхъ чистаго разсудка“.

„Прежде всего мы должны замѣтить,—говоритъ Кантъ,—что хотя всѣ опытные ученія эмпиричны, т.-е. основаны на непосредственномъ воспріятіи чувствъ, однако нельзя сказать обратно, что всѣ эмпирическія сужденія тѣмъ самымъ суть и опытные сужденія; но чтобы имъ быть опытными, для этого къ эмпирическому данному чувственному созерцанію должны присоединиться *особыя понятія*, имѣющія свое происхожденіе совершенно а priori въ чистомъ разсудкѣ; каждое воспріятіе должно быть сначала *подведено подъ эти понятія* и тогда уже посредствомъ нихъ можетъ быть *превращено въ опытъ*“ (курсивъ нашъ)²⁾.

¹⁾ Имм. Кантъ. „Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки“. Пер. Вл. Соловьева, изд. 2-е. Москва. 1893 г., стр. 15 и 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

Читатель, разумеется, недоумевает: почему „эмпирическія“ сужденія, въ указанномъ Кантомъ смыслѣ, *не могутъ* быть названы „опытными сужденіями“? Но этотъ ларчикъ открывается очень просто. Канту, во что бы то ни было, нужно было спасти *апріорныя понятія* разсудка отъ разрушительнаго скептицизма Юма. Поэтому Кантъ *опытъ* въ широкомъ смыслѣ этого слова, въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ, напимѣръ, и современная наука, совершенно *произвольно* разбилъ на двѣ категоріи: 1) „сужденія воспріятія“ и 2) собственно „опытныя сужденія“.

Чѣмъ же именно различаются между собою эти, *предполагаемыя* Кантомъ различными, „эмпирическія сужденія“? Разница между ними, по Канту, заключается въ слѣдующемъ.

„Сужденія воспріятія *не нуждаются* ни въ какомъ *чистомъ* разсудочномъ понятіи, а *требуютъ* только логической связи воспріятія въ мыслящемъ субъектѣ... Опытныя же сужденія... *всегда требуютъ* сверхъ представленій чувственнаго созерцанія еще особыхъ *первоначальныхъ, произведенныхъ въ разсудкъ* понятій, которыя и придаютъ опытному сужденію *объективное значеніе*“ (въ послѣдней части курсивъ въ подлинникѣ) ¹⁾.

Легко видѣть изъ приведенныхъ словъ Канта всю *произвольность* его дѣленія „эмпирическихъ сужденій“ вообще на „сужденія“ по такому, ни на чемъ неоснованному признаку, какъ „требуютъ“ или не „требуютъ“ „эмпирическія сужденія“ какихъ-то „особыхъ, первоначально произведенныхъ въ разсудѣ понятій“. Но дѣло этимъ еще не исчерпывается. Оказывается, какъ мы уже видѣли, что эти-то именно „особыя, первоначально произведенныя въ разсудѣ, понятія“, только они одни и „*придаютъ* опытному сужденію *объективное значеніе*“.

Читатель согласится, конечно, что это очень интересный метафизическій фокусъ: „эмпирическое сужденіе“ при прикосновеніи къ нему магической палочки, называемой „чистыми понятіями разсудка“, моментально превращается въ „опытное сужденіе“ съ „объективнымъ значеніемъ“. Читатель, разумеется, горитъ желаніемъ проникнуть въ секретъ этого фокуса. Но, увы, Кантъ не открываетъ своего секрета, а лишь *догматически* повѣствуетъ объ этомъ таинственномъ превращеніи слѣдующее.

„Всѣ наши сужденія *сперва* суть простыя сужденія воспріятія; они имѣютъ значеніе только для насъ, т.-е. для нашего субъекта, и лишь *впослѣдствіи* мы имъ *даемъ* новое отношеніе, именно къ объекту, и *хотимъ*, чтобы оно имѣло *постоянное* зна-

¹⁾ Тамъ же, стр. 66.

ченіе для насъ и также для *другихъ*; ибо, если *одно* сужденіе *согласуется съ предметомъ*, то и *всѣ* сужденія о томъ же предметѣ *должны согласоваться* (sic) между собою, такъ что *объективное значеніе* опытнаго сужденія есть не что иное, какъ его необходимая всеобщность“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

„Сперва“ или „впослѣдствіи“, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что мы всегда стремимся въ области познанія къ тому, чтобы наши „опытныя сужденія“ имѣли „объективное значеніе“, т.-е., говоря иначе, къ тому, чтобы и всѣ другіе люди судили „о томъ же предметѣ“ именно такъ, какъ судимъ о немъ мы сами. Однакоже, въ высшей степени сомнительно, чтобы только потому, что *мнѣ кажется*, что мое „одно сужденіе“ согласуется съ предметомъ“, и сужденія всѣхъ другихъ людей о томъ же предметѣ „должны согласоваться между собою“. А между тѣмъ Кантъ былъ недалеко отъ истиннаго критерія „объективнаго значенія“ „опытныхъ сужденій“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ вполне опредѣленно, что „объективное значеніе опытныхъ сужденій есть не что *иное*, какъ его необходимая *всеобщность*“, или, въ другомъ мѣстѣ (стр. 67), „объективное значеніе и необходимая всеобщность суть *тождественныя* понятія“. Откуда истинный критерій объективности вытекаетъ самъ собою, какъ необходимое слѣдствіе, и можетъ быть выраженъ слѣдующими дополняющими другъ друга положеніями.

1) Опытныя сужденія разныхъ лицъ о какомъ-либо предметѣ дѣйствительности, если они объективны, т.-е. согласованы съ предметомъ, должны необходимо согласоваться и между собою.

2) Обратно, опытныя сужденія разныхъ лицъ о какомъ-либо предметѣ дѣйствительности могутъ имѣть *объективное значеніе* лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ они согласны между собою.

Но не трудно видѣть, что такой критерій „объективнаго значенія опытныхъ сужденій“ долженъ оказаться роковымъ для судьбы метафизики; строго придерживаясь такого критерія, какъ это и дѣлаютъ люди положительнаго знанія, мы необходимо должны будемъ выкинуть за бортъ всѣ такъ-называемыя сужденія а ріогі, какъ негодный хламъ. Но вѣдь это значитъ, что о метафизикѣ тогда не можетъ быть и рѣчи. Отсюда становится понятнымъ, почему Кантъ, желавшій спасти метафизику отъ неминуемой гибели, установилъ совершенно иной критерій объективности сужденій.

„Прежде чѣмъ *эмпирическое* сужденіе станетъ опытнымъ, —

¹⁾ Тамъ же, стр. 66.

говорить онъ,—нужно *подвести* воспріятіе подъ какое-нибудь изъ *разсудочныхъ понятій*“... „Такое понятіе есть *чистое разсудочное* понятіе а *priori*“... „которое и *сообщаетъ всеобщность* эмпирическимъ сужденіямъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, для того, чтобы „эмпирическое сужденіе“ *приобрѣло* „объективное значеніе“, достаточно сдѣлать только одно, а именно, „подвести“ его „подъ какое-нибудь чистое разсудочное понятіе а *priori*“. А такъ какъ въ метафизикѣ этихъ „чистыхъ разсудочныхъ понятій а *priori*“ столько, что хоть прудъ ими пруди, то, благодаря данному Кантомъ критерию объективности сужденій, для метафизики открывается широкій просторъ для созиданія всякаго рода химеръ, которымъ придается объективное значеніе по личному произволу каждаго отдѣльнаго метафизика.

Чтобы у читателя не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ справедливости нашего послѣдняго замѣчанія, а также и на счетъ того, что мы вѣрно истолковали критерій объективности сужденій, данный Кантомъ, мы позволимъ себѣ остановиться здѣсь на одномъ примѣрѣ, который приводитъ самъ Кантъ въ поясненіе своей мысли.

„Какъ болѣе легкій примѣръ,—говорить Кантъ,—возьмемъ слѣдующій: когда солнце освѣщаетъ камень, то онъ становится теплымъ,—это сужденіе есть простое сужденіе воспріятія и не содержитъ никакой *необходимости*: какъ бы часто мы это ни воспринимали, можно сказать только, что воспріятія *обыкновенно* связаны такимъ образомъ. Если же я говорю: солнце *согрѣваетъ* камень (курсивъ въ подлинникѣ), то тутъ уже сверхъ воспріятія привходитъ еще *разсудочное понятіе причины*, связывающее *необходимо* (послѣдній курсивъ въ подлинникѣ) съ понятіемъ солнца понятіе теплоты, и синтетическое сужденіе *становится необходимо всеобщимъ* (sic), слѣдовательно, *объективнымъ*, и изъ воспріятія *превращается въ опытъ* ²⁾.

Итакъ, вы ясно видите изъ этого Кантовскаго примѣра, что стоитъ только измѣнить *форму* выраженія „эмпирическаго сужденія“, и при томъ измѣнить такъ, чтобы явилась возможность приплести къ дѣлу какое-нибудь изъ тѣхъ понятій, которыя произвольно почитаются метафизиками „чистыми разсудочными понятіями а *priori*“,—и дѣло въ шляпѣ: метафизикъ получаетъ „необходимо всеобщее, слѣдовательно, объективное“, „опытное суж-

¹⁾ Тамъ же, стр. 70.

²⁾ Тамъ же, подстрочная выписка на стр. 70 и 71.

деніе“. Продѣлавъ это, метафизику остается только гордо поднять свою мудрую голову и съ презрѣніемъ посмотрѣть сверху внизъ на толпу жалкихъ ученыхъ, которые, не довольствуясь словесными фокусами, часто затрачиваютъ труды всей своей жизни, чтобы установить строго-объективное значеніе опытныхъ сужденій, вынесенныхъ ими изъ наблюдений дѣйствительности.

Нѣтъ, не такъ метафизически просто смотреть на этотъ важный вопросъ—вопросъ о критеріи объективнаго значенія сужденій—современная наука.

„Дѣйствительность, — говоритъ Гефдингъ, — это то, что мы воспринимаемъ какъ дѣйствительное, — что, несмотря ни на какое сопротивление, мы должны оставить такъ, какъ оно есть, — чего мы не можемъ не признать. Это „не можетъ не“ является *отрицательнымъ и субъективнымъ критеріемъ*, и о другомъ критеріи тутъ *не можетъ быть и рѣчи*. Кто видитъ сонъ—для того онъ дѣйствительность... Но всегда наступаетъ наконецъ моментъ, когда нить (сновидѣній) разрывается. Даже самый послѣдовательный сонъ есть только отрывокъ сравнительно съ тѣмъ цѣлымъ, въ которое насъ вводитъ осложняющійся опытъ. Такимъ-то путемъ исправляются всѣ тѣ изъ нашихъ идей, которыя не коренятся въ дѣйствительности; раньше или позже обнаружится ихъ ограниченность и окажется, что на небѣ и на землѣ есть больше, чѣмъ намъ *грезилось* въ нашей *философіи*.

„На этомъ пути познаніе отдѣльнаго индивидуальнаго ума находитъ себѣ завершеніе въ общей картинѣ связи, звеномъ которой является и онъ самъ. Но собственныя силы индивидуума тутъ немного значатъ. Онъ не можетъ исправить всѣхъ своихъ „иллюзій“, если стоитъ *особнякомъ*. Точно такъ же невозможно это для отдѣльнаго народа и для отдѣльной эпохи. Общія картины, образованныя отдѣльнымъ индивидуумомъ, народомъ или вѣкомъ, въ свою очередь, вступаютъ между собою въ борьбу, и, благодаря этой борьбѣ, *медленно развивается міросозерцаніе рода*, получая все больше и больше ясности и прочности“ (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Мы не будемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія детали нашей темы: полагаемъ, что и того немногаго, что было изложено выше, совершенно достаточно для того, чтобы читатель могъ составить себѣ нѣкоторое правдивое представленіе о томъ вздорѣ, который именуется метафизикой и который претендуетъ на „высшее обь-

¹⁾ Г. Гефдингъ. „Очерки психологіи, основанной на опытѣ“. 3-е русское изданіе. Спб. 1898 г. Стр. 175 и 176.

единеніе человѣческаго знанія“. Не стоитъ распространяться далѣе объ этой своеобразной наукѣ, „гдѣ,—по выраженію Канта,—всякій человѣкъ, невѣжественный по всѣмъ прочимъ предметамъ, приписываетъ себѣ рѣшающее сужденіе, такъ какъ въ этой области, дѣйствительно, нѣтъ *никакой мѣры и вѣса*, чтобы отличить *основательность* отъ поверхностной болтовни“.

Какъ жаль, что старикъ Кантъ такъ часто самъ забывалъ эти поистинѣ мудрыя слова свои. Закончимъ же наши бѣглыя замѣтки золотыми словами Юма, этого истиннаго предвѣстника современнаго положительнаго знанія, который никогда не переставалъ разрушать всякія метафизическія хитросплетенія.

„Возьмемъ въ руки какое-нибудь теологическое или мистикосхоластическое произведеніе и спросимъ: содержитъ ли оно какое-нибудь изслѣдованіе о количествѣ или числѣ? Нѣтъ. Содержитъ ли какое-нибудь опытное изслѣдованіе эмпирическихъ фактовъ? Нѣтъ. Ну, такъ бросимъ же книгу въ огонь, такъ какъ въ ней ничего иного, кромѣ софистики и обмана, и быть не можетъ“.

П. Фирсовъ.

ИЗЪ ВЕСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ.

Тихо спустились вечернія тѣни,
Полныя чаръ и беззвучныхъ видѣній,
На засыпающій міръ.
Сладко вечерняя дремлетъ прохлада,
Дремлютъ аллеи заглохшаго сада,
Дремлетъ зефиръ...
Только порой изъ глуши отдаленной
Тихо доносится плескъ полусонный,
Ропотъ немолчной волны,
Да соловей свою пѣснь напѣваетъ...
Съ темнаго купола неба сіяетъ
Дискъ серебрястой луны.

П. Я. Б.

ОБЗОРЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВЪ ПЕРМСКОЙ ГУБЕР- НІИ ПО ОХРАНЕНІЮ НАРОДНАГО ЗДРАВІЯ.

I.

Съ паденіемъ крѣпостного права (но до введенія земскихъ учрежденій въ Пермской губерніи) горнозаводское населеніе было лишено и той незначительной медицинской помощи, которой оно пользовалось при крѣпостномъ правѣ. Въ дореформенное время обыкновенно на цѣлый заводскій округъ, раскинувшійся иногда на 2 и на 3 уѣзда губерніи, существовалъ одинъ большой госпиталь при главномъ управленіи округа и небольшія больницы или приѣмные покои въ каждомъ заводѣ. Послѣдніе обыкновенно находились, да и теперь еще часто находятся, въ завѣдываніи фельдшеровъ. Но и эта крайне недостаточная во всѣхъ отношеніяхъ медицинская помощь существовала только въ горнозаводскихъ районахъ, въ уѣздахъ же земледѣльческихъ она совсѣмъ отсутствовала. Правда, для государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ и кой-гдѣ для инородцевъ содержались фельдшера и оспопрививатели („оспенники“), но врачебной помощи не существовало вовсе.

Правительственные—уѣздные и городовые—врачи, занятые своимъ судебнo-медицинскимъ дѣломъ и жившіе въ городахъ, конечно, не могли оказывать да и не оказывали въ дѣйствительности никакой помощи сельскому населенію; при томъ городовые врачи были далеко не во всѣхъ городахъ губерніи, а должности уѣздныхъ врачей весьма часто оставались подолгу незамѣщенными, такъ что одинъ врачъ существовалъ на два уѣзда; такимъ образомъ, даже и городское населеніе въ большинствѣ было вовсе не обезпечено врачебной помощью.

На уѣздныхъ городскихъ врачей возлагались сплошь и рядомъ совершенно несвойственныя имъ обязанности: такъ, напримеръ, въ Шадринскомъ уѣздѣ они должны были свидѣтельствовать лавки и питейныя заведенія, съ составленіемъ протоколовъ на „штемпелеванной“ бумагѣ о томъ, что продаваемые припасы и вина хорошаго качества; не имѣя возможности выполнить эту обязанность, врачи ограничивались тѣмъ, что обходили лавки и въ каждой продавали по листу гербовой бумаги. Въ этомъ и заключалась вся санитарная дѣятельность, сущность которой сводилась къ доходу отъ продажи гербовой бумаги.

Кромѣ уѣздныхъ врачей на 2-хъ миллионное сельское и заводское населеніе при введеніи земскихъ учрежденій было еще 25 врачей ¹⁾, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ: въ Камышловскомъ, Кунгурскомъ, Осинскомъ (Юго-Кнауфскій заводъ) и Оханскомъ (Нытвинскій зав.) уѣздахъ было по 1 врачу, въ Красноуфимскомъ—2 врача, въ Соликамскомъ—3 (въ с. Усольѣ, Пожевскомъ и Чермозскомъ заводахъ), въ Пермскомъ—4 врача (село Ильинское, заводы: Мотовилихинскій, Юговской и Лысьвинскій), въ Екатеринбургскомъ—4 (заводы: Невьянскій, Верхъ-Исетскій, Сысертскій и Н.-Исетскій), въ Верхотурскомъ—8 (заводы: Нижне-Тагильскій, Н.-Салдинскій, Богославскій, Кушвинскій, Н.-Туринскій, Алапаевскій, Нейво-Шайтанскій и село Турьинскіе Рудники). Въ Ирбитскомъ, Чердынскомъ и Шадринскомъ уѣздахъ для сельскаго населенія врачей не было.

Низшаго медицинскаго персонала—фельдшеровъ, акушеровъ, оспопрививателей—было больше, но полныхъ свѣдѣній о числѣ ихъ не имѣется. Качества этого персонала были весьма неудовлетворительны. Фельдшера почти сплошь были изъ отставныхъ военныхъ, т.-е. безъ всякаго образованія и съ весьма ничтожною спеціальною подготовкой. Земскіе врачи въ первые годы дѣятельности принуждены были по необходимости оставить на службѣ этотъ персоналъ. Въ своихъ сообщеніяхъ врачи приводили поразительные факты изъ фельдшерской практики. Врачъ Моллесонъ (въ 1871 г.) говоритъ, напр.: „Я знаю случаи ампутаціи рукъ и ногъ, произведенныя фельдшерами простой столярной пилой и деревенскимъ косаремъ безъ хлороформа. Въ одномъ изъ упомянутыхъ случаевъ во время рѣзни сломалась пила, другой въ деревнѣ не нашлось, такъ что нужно было стѣздить въ сосѣднюю деревню, и полупьяный фельдшеръ хладнокровно дожи-

¹⁾ Большая часть врачей была въ городахъ; по Мозелю, въ 1860 году было въ Пермской губерніи 79 врачей и ветеринаровъ.

дался инструмента". На первомъ сѣздѣ врачей Пермской губерніи (въ 1871 году) приводились многочисленные случаи крайняго невѣжества, недобросовѣстности и самоувѣренности фельдшеровъ. Но чтó могъ бы сдѣлать въ дореформенное время даже и добросовѣстный фельдшеръ? Несвѣдущій въ хирургіи, гинекологіи, акушерствѣ, офтальмологіи, т.-е. въ тѣхъ областяхъ, гдѣ медицинская наука наиболѣе сильна, онъ при лѣченіи внутреннихъ болѣзней долженъ былъ употреблять преимущественно „дикорастущія цѣлебныя травы“, собираемыя имъ же самимъ, такъ какъ отпускавшіеся на пріобрѣтеніе лѣкарствъ средства были ничтожны, особенно при тогдашнихъ очень высокихъ цѣнахъ на медикаменты. Въ Осинскомъ уѣздѣ, напр., на медикаменты для фельдшерскаго пункта полагалось въ годъ 10 руб., въ Красноуфимскомъ—8 руб. и т. д., и это при цѣнѣ не менѣе 3 руб. за одну унцію хинина! Положеніе въ этомъ отношеніи заводскихъ фельдшеровъ было лучше, но все-таки весьма неудовлетворительно.

При такомъ плохомъ персоналѣ земство приняло отъ приказа общественнаго призрѣнія столь же плохія больницы, помѣщавшіеся большей частью въ частныхъ домахъ. Вмѣстѣ съ больницами земствамъ (исключая Пермское уѣздное и Екатеринбургское) были переданы и больничные капиталы, обыкновенно весьма незначительные и при томъ состоявшіе большею частію въ недоимкахъ, такъ: въ Оханскомъ уѣздѣ съ передачей больницы, находившейся въ частномъ домѣ, было передано наличными 34 руб. и въ недоимкахъ 440 руб., въ Соликамскѣ, при больницѣ, находившейся въ частномъ домѣ, передано земству 779 рублей, въ Чердынскомъ уѣздѣ—1.380 р., въ Ирбитскомъ—1.450 руб. наличными и 568 руб. въ недоимкахъ, въ Красноуфимскомъ—наличностью 973 руб. и въ недоимкахъ 847 руб. и т. д.

Вотъ и все, чтó получено было уѣздными земствами отъ приказа общественнаго призрѣнія; между тѣмъ съ этимъ полученіемъ связаны были извѣстные обязательства по призрѣнію и лѣченію чиновниковъ, разночинцевъ, бѣдныхъ всякаго званія и проч. Полученные капиталы были ничтожны, особенно по сравненію съ теперешними расходами на медицину, а принятые земствомъ больничныя зданія были ни на что непригодны: ни одна больница не помѣщалась въ сколько-нибудь удовлетворительномъ зданіи,—все это были ветхія наемныя лачуги съ числомъ кроватей, не превышавшимъ 20-ти. Земство должно было заводить почти весь больничный инвентарь — одежду, бѣлье и предметы ухода за больными. Медикаментовъ въ переданныхъ земству боль-

ничныхъ аптекахъ иногда совсѣмъ не было. Такъ въ Шадринскомъ уѣздѣ для больныхъ военнаго вѣдомства, лѣчившихся въ больницѣ, интендантство отпускало медикаменты изъ своего склада, а для другихъ больныхъ лѣкарствъ совсѣмъ не полагалось, а врачъ долженъ былъ покупать медикаменты на свой счетъ ¹⁾. Въ Соликамскѣ, по докладу управы земскому собранію первой сессіи, въ переданной земству аптекѣ вовсе не оказалось медикаментовъ, и чѣмъ собственно лѣчились больные—неизвѣстно.

Опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о врачахъ, завѣдывавшихъ больницами въ уѣздныхъ городахъ въ до-земскій періодъ, очень мало, но извѣстно, что больницами завѣдывали иногда уѣздные врачи, и это завѣдываніе, конечно, существовало только на бумагѣ, такъ какъ уѣздные врачи постоянно находились въ разъѣздахъ, а больницы фактически оставались на попеченіи фельдшеровъ.

Пермское губернское земство приняло отъ приказа общественнаго призрѣнія губернскую Александровскую больницу съ пріютомъ душевно-больныхъ. Кромѣ больницы, были переданы земству аптека (съ правомъ вольной продажи лѣкарствъ) и богадѣльни. Всѣ эти учрежденія находились, по словамъ управы, въ послѣдней степени запущенности и требовали немедленныхъ исправленій и снабженія ихъ самыми необходимыми принадлежностями. Внутренніе порядки вполнѣ отвѣчали внѣшнему виду означенныхъ учреждений. Домъ умалишенныхъ переданъ земству въ полуразрушенномъ состояніи. Нѣкоторыя части зданія богадѣльни угрожали паденіемъ. Аптека представляла собою нѣчто совершенно невозможное. Темное, тѣсное, грязное помѣщеніе, такая же мебель и посуда, невозобновлявшіеся съ самаго открытія аптеки, и вся вообще обстановка производили ужасное, отталкивающее впечатлѣніе. Въ дежурной комнатѣ зимою надо было надѣвать шубу и теплыя калоши; подвалъ подъ аптекой постоянно былъ полонъ водой; лабораторія совершенно разрушена, даже чугунные котлы съ пробитыми днами были выворочены изъ печей, и всѣ печи были негодны и т. д. Въ больницѣ было всего 60 кроватей для гражданскихъ больныхъ и 240 для военныхъ (военнаго лазарета въ городѣ не было). Пріютъ вмѣщалъ еще меньшее число умалишенныхъ; даже послѣ перестройки въ 1874 году въ немъ помѣщалось только 35 человекъ. Если къ сказанному добавить, что больница съ такимъ числомъ кро-

¹⁾ „Земско-медицинскій сборникъ“—Шадринскій уѣздъ, отчетъ, составленный врачомъ Нагибинымъ.

вателей была единственною въ Перми, а пріютъ душевно-больныхъ былъ единственнымъ на цѣлую губернію, то станетъ очевиднымъ, какъ мало удовлетворялась нужда населенія въ отношеніи медицинской помощи. За лѣченіе въ губернской больницѣ брали плату впередъ за цѣлый мѣсяць (7 руб. 50 коп.), и если, пролежавъ всего нѣсколько дней, больной выбывалъ изъ больницы, то внесенная имъ плата не возвращалась. Этотъ порядокъ дѣлалъ больницу еще менѣе доступной для населенія.

Часто указываютъ, что губернское земство получило вмѣстѣ съ больницами и больничные капиталы отъ приказа общественнаго призрѣнія, но въ дѣйствительности эти капиталы были настолько незначительны (по настоящей нашей мѣрѣ), что о нихъ не стоило бы и упоминать.

Такъ, Пермское губернское земство должно было получить капитала 1-го разряда 142.206 р. 92 коп.

Изъ нихъ въ облигаціяхъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ и деньгами 133.285 р. 54¹/₂ к.

Остальная сумма составлялась изъ слѣдующаго:

Ссуда, выданная подрядчикамъ богоугодныхъ заведеній	4046 р. 67 ¹ / ₂ к.
Стоимость налич. медикаментовъ	2030 " 29 "
Начетъ на аптекаря Шперлинга	331 " 40 "
Аптечная выручка за августъ 1870 г.	148 " 67 "
Штрафовъ, слѣдующихъ ко взысканію.	2364 " 34 "
Всего	8921 р. 37 ¹ / ₂ к.

Изъ капитала 1-го разряда только эти 8.921 р. 37¹/₂ к. и были переданы губернской земской управѣ, а 133.285 р. 54¹/₂ к.—въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Ходатайство земства о передачѣ ему капитала 1-го разряда полностью было отклонено, а изъ полученныхъ 8.921 р. 37¹/₂ к.—штрафныя деньги (2.364 р. 34 к.) и начетъ на аптекаря были совершенно безнадежны, а половина медикаментовъ, отбѣненныхъ въ 2.030 р. 29 к., была недоброкачественна.

Капиталь 2-го разряда, равнявшійся ко дню передачи его земству 32.840 р. 80¹/₄ коп., имѣлъ специальное назначеніе: земство могло тратить проценты съ этого капитала только на воспитаніе сиротъ и подкидышей.

Капиталь 3-го разряда, составлявшійся изъ апелляціонныхъ пошлинъ и равнявшійся 9.757 р. 63¹/₂ к., также не былъ переданъ земству.

Такимъ образомъ, всѣ эти пресловутые капиталы приказа, полученные земствомъ вмѣстѣ съ больницей, *составляли не болѣе (вѣрнѣе, менѣе) 6.000 рублей.*

Серьезной матеріальной поддержкой въ дѣлѣ реорганизаціи больницы эти капиталы, конечно, быть не могли, и если упоминается иногда о полученныхъ губернскимъ земствомъ капиталахъ, то болѣе по недоразумѣнію, по незнанію ихъ дѣйствительныхъ размѣровъ. Губернское земство въ сущности приняло отъ приказа лишь голыя стѣны больницы, требовавшей большаго и притомъ немедленнаго ремонта, и очень плохую обстановку, отъ которой теперь не осталось и слѣдовъ.

Но самое плохое наслѣдіе, полученное земствомъ отъ дореформенныхъ учреждений, заключалось въ крайне недоброжелательномъ, почти враждебномъ отношеніи населенія къ врачамъ и больницамъ.

Населеніе избѣгало больницъ, какъ огня: лечь въ больницу, по мнѣнію народа, значило пойти на вѣрную смерть. При такихъ воззрѣніяхъ населенія, земству предстояла трудная задача сломить это предубѣжденіе и пріобрѣсти довѣріе къ медицинской помощи. Насколько удалось выполнить эту задачу — видно будетъ изъ слѣдующей главы.

II.

Трудно, конечно, въ короткой статьѣ перечислить и описать все, что сдѣлано земствомъ въ медицинскомъ отношеніи за 25 лѣтъ. Можно лишь подвести итоги этой дѣятельности. Въ первый годъ существованія земства, послѣ разграниченія между губернскимъ и уѣздными земствами районовъ ихъ вѣдѣнія въ области охраненія народнаго здравія, всѣ уѣздныя больницы и вообще забота объ обезпеченіи сельскаго населенія медицинской помощью была возложена на уѣздныя земства; губернское же земство, кромѣ губернской больницы и пріюта душевно-больныхъ въ гор. Перми, взяло въ свое вѣдѣніе общегубернскую санитарію. Губернское земство устроило также съѣзды врачей губерніи (первый былъ въ 1872 году), которые не только объединили организаціонную дѣятельность земскихъ медицинскихъ учреждений уѣздовъ, но и дали этой дѣятельности извѣстное направленіе; въ нѣкоторыхъ случаяхъ губернское земство принимало на себя расходы по приведенію выработанныхъ съѣздами проектовъ въ исполненіе (противоэпидемическія мѣры во всей губерніи).

Первый съѣздъ врачей имѣлъ особенно важное значеніе для правильной постановки медицинскаго дѣла въ губерніи, — онъ призналъ цѣлесообразной только стаціонарную систему организаціи земской медицины, совершенно отвергъ самостоятельное лѣченіе больныхъ фельдшерами, уже допущенное нѣкоторыми уѣздными земствами, въ виду относительной дешевизны его, рекомендовалъ врачамъ не узко терапевтическую дѣятельность, а и производство санитарныхъ изслѣдованій, рекомендовалъ земству устройство въ каждомъ городѣ своихъ аптекъ, предложилъ систему постройки больницъ и т. д. Если принять во вниманіе, что все это было постановлено въ 1872 году, что это были почти впервые высказанные въ Россіи принципы организаціи народной медицины, то понятно будетъ чрезвычайно важное значеніе этого съѣзда. Развѣхавшись изъ Перми, врачи настойчиво проводили въ жизнь установленные съѣздомъ принципы. Не вездѣ, однако, рѣшенія съѣзда проведены были въ жизнь. Наиболѣе полное примѣненіе постановленій съѣзда послѣдовало въ Шадринскомъ уѣздѣ, куда на службу поступилъ вскорѣ послѣ перваго съѣзда врачъ И. И. Моллесонъ, предложившій Шадринскому земству для веденія медицинскаго дѣла учредить (впервые въ Россіи) врачебный совѣтъ, состоящій изъ всѣхъ врачей уѣзда и предсѣдателя управы. Уѣздъ былъ раздѣленъ на 5 врачебныхъ участковъ съ больницами, устроенными во многочисленныхъ селеніяхъ; организовано было оспопрививаніе. Большая же часть уѣздныхъ земствъ, тотчасъ по приѣмѣ находившихся въ городѣ больницъ приказа общественнаго призрѣнія, должна была прежде всего заняться переустройствомъ ихъ, и лишь постепенно учреждали должности врачей въ деревняхъ и селахъ уѣздовъ. Во всѣхъ уѣздныхъ городахъ началась постройка новыхъ и перестройка старыхъ больничныхъ зданій, такъ какъ оставить ихъ безъ капитальныхъ исправленій было невозможно, и городскія больницы, сначала исправленные, потомъ въ большинствѣ уѣздовъ были перестроены вновь. Хотя и съ различной быстротой, но дѣло медицинской помощи развивалось и росло неудержимо, — такъ ясно сознавалась необходимость ея, такъ настойчивы были требованія представителей крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ объ увеличеніи числа больницъ и врачей въ селахъ.

Въ 1871 году въ уѣздныхъ земствахъ Пермской губерніи было на службѣ только 19 врачей, въ 1881 году — 49, въ 1891 году — 75, а теперь ихъ уже 96, а съ врачами губернскаго земства 113. Число земскихъ и земско-заводскихъ врачебныхъ участковъ съ 18-ти въ 1871 году возрасло до 43-хъ въ 1881

году, до 66-ти въ 1891 году, а теперь равно 84. Число кроватей въ лѣчебныхъ заведеніяхъ уѣздныхъ земствъ въ 1871 году было 165, въ 1881 году—699, въ 1891 году—1.091, а теперь, въ 1898 году—1.396, съ кроватями же больницы губернскаго земства 2.277.

Конечно, ростъ медицинскаго дѣла въ отдѣльныхъ уѣздахъ шелъ неодинаково, какъ неодинаково было и отношеніе земствъ къ этому дѣлу.

Такъ, въ Оханскомъ уѣздѣ, напр., теперь при 7 земскихъ врачахъ на cadaго врача приходится 37—38 тысячъ жителей (не считая заводскихъ врачей), въ Екатеринбургскомъ еще меньше, а именно 35.000, а въ Осинскомъ, при 6 врачахъ, приходится все еще около 50.000 на врача, въ Шадринскомъ тоже и т. д. Въ однихъ уѣздахъ въ каждомъ медицинскомъ участкѣ имѣется больница въ специально для нея выстроенномъ зданіи (Шадринскій, Оханскій уѣзды), въ другихъ, напр., въ Пермскомъ изъ 7 больницъ только одна помѣщается въ специально построенномъ зданіи. Въ однихъ уѣздахъ за лѣкарства платы не берутъ, а въ Соликамскомъ, Осинскомъ, Верхотурскомъ на нихъ наложена плата, но медицинское дѣло и здѣсь понемногу развивается.

Быстрѣе, чѣмъ число врачебныхъ участковъ и число кроватей въ земскихъ больницахъ, росло число больныхъ, которымъ оказана помощь земско-медицинскимъ персоналомъ. Въ 1871 году у врачей и фельдшеровъ было 42.601 приходящихъ больныхъ, въ 1881 году—361.320 чел., въ 1891 году—976.796, а въ 1897 году ¹⁾ уже 1.054.952, или 35% населенія губерніи.

Уже однѣ эти цифры свидѣтельствуютъ о быстромъ возрастаніи довѣрія къ медицинской помощи. На первыхъ земскихъ собраніяхъ, въ отчетахъ за первые годы дѣятельности земскихъ врачей, указывается на это возрастаніе и на уменьшеніе роли и значенія въ крестьянской жизни знахарства, но потомъ объ этомъ перестали даже упоминать, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ. Конечно, и теперь, несмотря на всѣ усилія, на всю пропаганду врачей, знахарство не исчезло изъ деревни, какъ не исчезло оно изъ городовъ, даже изъ городовъ въ Западной Европѣ, но роль его уже не велика, оно едва влачитъ существованіе. Теперь къ знахарямъ идутъ преимущественно тѣ неизлѣчимые хроники, ко-

¹⁾ Всѣ цифры взяты изъ книги: „Санитарное и медицинское дѣло въ Пермской губерніи“, „Земская медицина“ и изъ „Санитарныхъ обзоровъ“ Пермской губерніи за послѣдніе годы, составленныхъ медико-статистическимъ бюро.

которые безуспѣшно лѣчились у врачей. Большое значеніе въ привлеченіи крестьянъ къ пользованію услугами врачей имѣло то обстоятельство, что услуги эти были бесплатны, бесплатно же выдавались и лѣкарства; знахарямъ же надо было много или мало платить; вліяли сильно на привлеченіе крестьянъ къ пользованію услугами врачей и результаты оперативной помощи, особенно при глазныхъ болѣзняхъ; польза операцій, напр., при извлеченіи катаракты, была настолько очевидна, что, какъ бы ни велико было предубѣжденіе противъ врачей и больницъ, населеніе не могло игнорировать бьющій въ глаза фактъ исцѣленія слѣпоты. Конечно, со стороны первыхъ земскихъ врачей надо было и много терпѣнія, и умѣнія, и такта, чтобы расположить къ себѣ населеніе. При всемъ недостаткѣ врачей, земство тѣмъ не менѣе находило преданныхъ народному благу дѣятелей, которые шли въ деревню, мужественно переносили всѣ лишенія некультурной жизни и сумѣли вселить къ себѣ довѣріе народа. Такъ было вездѣ, такъ было и въ Пермской губерніи, и память объ этихъ первыхъ врачахъ до сихъ поръ живетъ въ населеніи многихъ селъ и деревень.

Самое положеніе больничнаго дѣла совершенно измѣнилось. Формализмъ исчезъ. Смотрители, вѣдавшіе безконтрольно все больничное хозяйство, были постепенно отодвинуты на второй планъ, а фактическимъ хозяиномъ больницы сдѣлался врачъ. Съ этихъ поръ о злоупотребленіяхъ въ земскихъ больницахъ не слышно, и уѣзднымъ земствамъ иногда приходилось лишь нѣсколько умѣрять усиленное стремленіе врачей въ улучшеніи пици больныхъ, если на улучшеніе это не хватало ассигнованныхъ средствъ.

Но не одна медицинская помощь, не одно лѣченіе болѣзней были предметомъ дѣятельности земства: оно организовало также оспопрививаніе и создало акушерскую помощь. Все это существовало и раньше, но было или очень плохо, или числилось на бумагахъ только. Еще въ 1882 году одинъ зажиточный крестьянинъ просилъ пишущаго эти строки не прививать оспу его ребенку, а лишь сдѣлать отмѣтку о привитіи, и по укоренившемуся обычаю, предложилъ за эту услугу 5 рублей, получивъ отказъ и (совершенно неосновательно) опасаясь преслѣдованія судомъ, онъ отправилъ ребенка въ другой уѣздъ, къ родственникамъ. Ребенокъ умеръ отъ оспы, а слѣдующимъ дѣтямъ предохранительная прививка производилась уже безпрепятственно. Когда врачамъ пришлось провѣрять результаты прививокъ первыхъ оспопрививателей, служившихъ еще до введенія земскихъ

учреждений, то обнаружилось, что значительной части дѣтей, показанныхъ въ спискѣ, оспа вовсе не была привита. Вообще контроль врачей обнаружилъ въ оспопрививаніи такую массу неправильностей, такое плохое состояніе этого важнаго дѣла, что для всѣхъ стала ясна необходимость полной его реорганизаціи. Земству пришлось не только измѣнить систему оспопрививанія, но позаботиться и о прививочномъ матеріалѣ, и о персоналѣ оспопрививателей, и о правильной регистраціи прививокъ и т. д. Прежде всего обнаружилась совершенная негодность стараго персонала полуграмотныхъ волостныхъ оспенниковъ. Съѣздъ врачей предложилъ замѣнить ихъ женщинами съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, и нѣкоторые изъ земствъ осуществили эту мѣру вполне (напримѣръ, Шадринское), другія — отчасти (Оханское, Екатеринбургское), поручивъ производство прививокъ и наличному фельдшерскому персоналу, и особымъ оспопрививательницамъ. вмѣсто прививокъ съ ручки на ручку, иногда влекшихъ за собою передачу заразныхъ болѣзней, была введена сначала телячья лимфа, для полученія которой былъ открытъ въ Перми губерскимъ земствомъ телятникъ, а потомъ и дитритъ, довольно хорошо выдерживающій пересылку на далекія разстоянія (Казань) и сдѣлавшій излишнимъ существованіе оспеннаго телятника. Оспенный персоналъ былъ поставленъ подъ контроль врачей, установившихъ возможно правильную регистрацію оспопривитыхъ. Результатомъ этого явилось быстрое увеличеніе числа оспопривитыхъ.

Въ 1872 году по отчетамъ врачей было 21.079 оспопривитыхъ.

" 1875	"	"	"	"	35.785	"
" 1880	"	"	"	"	39.264	"
" 1885	"	"	"	"	49.609	"
" 1890	"	"	"	"	61.882	"
" 1895	"	"	"	"	50.728 ¹⁾	"
" 1897	"	"	"	"	87.642	"

Цифры 1897 г. составляютъ 51,4⁰/о всѣхъ родившихся, но, принявъ во вниманіе, что около 25⁰/о родившихся умираетъ до 3-хъ мѣсяцевъ, т.-е. до времени привітія оспы, получимъ, что только 25⁰/о изъ числа родившихся въ 1897 г. остались непривитыми. Успѣхъ земскихъ мѣропріятій въ этомъ дѣлѣ очень великъ, и числа непривитыхъ были бы совсѣмъ ничтожны, если бы не невѣжество населенія и не расколъ, сильно тормозящій успѣхи оспопрививанія.

¹⁾ Цифры неполны.

Менѣе значительны результаты земской дѣятельности въ отношеніи акушерской помощи. До земскихъ учреждений раціональной акушерской помощи въ деревняхъ почти не существовало. Всѣмъ было извѣстно ужасное положеніе крестьянки при сколько-нибудь ненормальныхъ родахъ и тѣ пытки (подвѣшиваніе, встряхиваніе и т. д.), которымъ подвергалась роженица; поэтому первыя земскія собранія охотно ассигновали деньги на содержаніе акушеровъ. Число земскихъ акушеровъ равнялось 17-ти въ 1871 году, 35-ти въ 1873 году, 57-ми въ 1880 г. и 66-ти въ 1886 году; затѣмъ число ихъ стало уменьшаться и въ 1892 году упало до 28; лишь въ самые послѣдніе годы количество акушеровъ понемногу снова начинаетъ увеличиваться. Причина сокращенія акушеровъ заключалась въ ихъ малоуспѣшности: число родовспоможеній у многихъ акушеровъ, жившихъ въ селахъ, было такъ невелико, что каждое изъ нихъ обходилось земству слишкомъ дорого. Личныя качества акушеровъ были тутъ ни при чемъ; земство измѣняло и систему вознагражденія, — назначало за каждое родовспоможеніе, — замѣняло акушеровъ повитухами, болѣе близкими къ народной средѣ, но результатъ оставался тотъ же; поэтому врачи признали возможнымъ соединить въ одномъ лицѣ обязанности акушерки и фельдшерицы. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ на службѣ земства появляются фельдшерицы-акушерки. Населеніе обращается за акушерской помощью главнымъ образомъ тогда, когда требуется производство какой-либо операци; съ этой цѣлью роженицъ привозятъ нерѣдко въ больницы; но такихъ оперативныхъ случаевъ немного, и у фельдшерицъ-акушеровъ числа нормальныхъ родовспоможеній также невелики. Въ большихъ населенныхъ пунктахъ — заводахъ — развитіе акушерской помощи шло, конечно, гораздо успѣшнѣе, и при массѣ бездомнаго люда (женской прислуги и проч.) скоро выяснилась необходимость устройства родильныхъ покоевъ. Такіе родильные покои и дома имѣются въ настоящее время въ г. Перми при губернской земской больницѣ — на 6 кроватей, въ г. Екатеринбургѣ на 37 ¹⁾ кроватей, въ Н.-Тагильской земской больницѣ на 8 кроватей, въ Невьянскомъ заводѣ на 5 кроватей, въ Каслинскомъ заводѣ на 3 кровати, въ г. Камышловѣ на 6 кроватей, а въ гг. Красноуфимскѣ, Чердыни, Оханскѣ и Соликамскѣ имѣются при больницахъ отдѣльныя помѣщенія для роженицъ. Дѣятельность нѣкоторыхъ изъ этихъ покоевъ весьма широкая: въ Екатеринбургскомъ, напр.,

¹⁾ Въ томъ числѣ 12 кроватей для гинекологическихъ больныхъ.

по отчету за 1894 годъ было 657 роженицъ, въ Невьянскомъ—252, въ Н.-Тагильскомъ—82, въ Камышловскомъ—142, въ Пермскомъ—350, въ остальныхъ—меньше. Но важны не одни числа получившихъ пособіе въ родильныхъ покояхъ, а то большое вліяніе, которое оказываютъ эти покои на населеніе, приучая его къ пользованію правильной акушерской помощью: тамъ, гдѣ есть родильный покой, обыкновенно увеличивается и число родовспоможеній, оказываемыхъ акушерками на домахъ. Повсемѣстное признаніе пользы родильныхъ покоевъ, рекомендованныхъ V и VI-мъ сѣздами врачей Пермской губ., послужило толчкомъ къ устройству ихъ почти во всѣхъ уѣздахъ, и Пермская губ., повидимому, одна изъ немногихъ съ столь значительнымъ числомъ кроватей для роженицъ. Число роженицъ, пользующихся услугами медицинскаго персонала въ Пермской губ., составляетъ около 4% всего годового числа роженицъ въ губерніи¹⁾. Если мы сопоставимъ варварскіе, жестокіе приемы, примѣняемые въ деревняхъ при сколько-нибудь ненормальныхъ родахъ, нерѣдко кончающихся смертью ребенка и роженицы, и почти полное отсутствіе смертныхъ случаевъ при правильномъ акушерскомъ пособіи, то поймемъ все важное значеніе даже небольшого прогресса въ этомъ дѣлѣ, а наличность его съ устройствомъ родильныхъ покоевъ несомнѣнна.

Все медицинское дѣло въ уѣздахъ, вся организаціонная работа была возложена земствами на мѣстные врачебные совѣты, впервые возникшіе въ Пермской губерніи и состоящіе изъ земскихъ гласныхъ (управы) и врачей. Уставы нѣкоторыхъ совѣтовъ (Оханскаго, напр.), были утверждены министромъ внутреннихъ дѣлъ. Компетенція совѣтовъ различныхъ уѣздовъ была неодинакова, и если между управами и совѣтами возникали иногда конфликты, то они касались, главнымъ образомъ, вопроса объ опредѣленіи и увольненіи врачей въ тѣхъ случаяхъ, когда по уставу своему совѣтъ имѣлъ право на увольненіе и опредѣленіе ихъ, а управа держалась, на основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, противоположнаго взгляда. Такихъ конфликтовъ было, впрочемъ, немного.

Совѣты, взаимныя коихъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Пермскій, Верхотурскій) учреждены періодическія совѣщанія врачей, созыаемыя по мѣрѣ надобности, даютъ возможность врачамъ открыто выяснять необходимость новыхъ затратъ земства на медицину,

¹⁾ Труды VI сѣзда врачей Пермской губерніи, докладъ „Объ акушерской помощи въ Пермской губерніи“.

необходимость различных улучшений новых мѣропріятій въ областяхъ земской медицины. Совѣты эти или однозначущія съ ними учрежденія имѣли и имѣютъ поэтому большое значеніе въ развитіи медицинской помощи въ уѣздахъ, и земство, организовавъ ихъ, оказало большую услугу дѣлу земской медицины. Протоколы засѣданій совѣтовъ, съ докладами, нерѣдко печатались и разсылались сосѣднимъ земствамъ, что способствовало до извѣстной степени объединенію земской дѣятельности на этомъ поприщѣ. Совмѣстная съ земскими гласными работа въ области земско-медицинскаго дѣла, возможность проводить въ жизнь свои взгляды,—все это, конечно, придавало особый интересъ службѣ земскихъ врачей. Неся нравственную отвѣтственность за свои собственныя предложенія, врачъ естественно старался осуществить ихъ возможно лучше и экономичнѣе, такъ какъ незавидное положеніе главныхъ земскихъ плательщиковъ-крестьянъ, среди которыхъ онъ жилъ и которымъ на своихъ плечахъ приходится выносить всѣ улучшенія въ медицинскомъ дѣлѣ, ему хорошо извѣстно.

Учредивъ врачебные совѣты, давая врачамъ возможность участвовать въ организациі медицинскаго дѣла, земство создавало контингентъ преданныхъ ему работниковъ, подолгу остававшихся на службѣ, что также имѣло большое значеніе для населенія, особенно, если земство періодически отпускало врача въ университетскіе города для научнаго совершенствованія.

Учрежденіе врачебныхъ совѣтовъ—большая заслуга земствъ Пермской губерніи.

Для предупрежденія болѣзней земствомъ сдѣлано пока немного (исключая, конечно, организацию оспопрививанія). Первымъ собраніемъ губернскому и уѣзднымъ были представлены доклады врачей объ ужасномъ санитарномъ положеніи крестьянскаго населенія, грязно живущаго, плохо питающагося, крайне невѣжественнаго и мѣстами вырождающагося; земства не могли равнодушно отнестись къ этимъ сообщеніямъ, такъ какъ и лѣченіе очень многихъ болѣзней оказывалось при такихъ условіяхъ бесполезнымъ, онѣ (чесотка, катарръ желудка и проч.) тотчасъ же возникали вновь, послѣ выписки крестьянина изъ больницы или вообще послѣ окончанія лѣченія; это была бы Сизифова работа, которой не предвидѣлось конца.

Поэтому губернскимъ и уѣздными земствами предпринимались неоднократно серьезныя попытки санитарной дѣятельности, санитарныхъ мѣропріятій. Но область необходимыхъ санитарныхъ улучшеній была такъ велика, а средства для ихъ выполненія

такъ малы! Губернское земство обратилось за совѣтомъ, что дѣлать, къ знаменитому нашему врачу Н. И. Пирогову. Н. И. Пироговъ рекомендовалъ обратить вниманіе на оспопрививаніе и сифилисъ и одобрилъ учрежденіе при губернской управѣ санитарной комиссіи, имѣвшей цѣлью изслѣдованіе санитарнаго состоянія губерніи.

О томъ, что сдѣлано земствомъ по оспопрививанію, сказано выше; что касается сифилиса, то губернское земство, получивъ отвѣтъ Пирогова, командировало своего врача И. И. Моллесона для изслѣдованія сифилиса въ Инвенскомъ краѣ Соликамскаго уѣзда, гдѣ, по свѣдѣніямъ управы, эта болѣзнь была распространена чрезвычайно сильно. Однако практическихъ послѣдствій это изслѣдованіе не имѣло.

Санитарная комиссія и губернской санитарный врачъ существовали, впрочемъ, недолго, а первый съѣздъ врачей (1872 г.), давшій толчокъ санитарному дѣлу, не вызвалъ у земства желанія организовать съѣзды, какъ постоянное учрежденіе, и поэтому второй съѣздъ былъ созванъ только чрезъ 12 лѣтъ—въ 1884 году. Санитарная дѣятельность губернскаго земства за этотъ періодъ времени ни въ чемъ не проявлялась.

Уѣздныя земства, занятыя главнымъ образомъ устройствомъ медицинской помощи народу, не могли, однако, совершенно игнорировать санитарію. Правда, дѣятельность ихъ въ этомъ направленіи носила случайный, разрозненный характеръ; земства принимали кое-какія санитарныя мѣропріятія по случаю появленія эпидеміи, или вслѣдствіе докладовъ врачей. Въ Оханскомъ уѣздѣ, напр., въ мѣстностяхъ съ значительнымъ распространеніемъ зоба была много разъ изслѣдована вода; въ Шадринскомъ уѣздѣ изслѣдовались санитарныя условія крестьянскихъ жилищъ (И. И. Моллесонъ); въ Осинскомъ уѣздѣ былъ для изслѣдованія уѣзда приглашенъ санитарный врачъ, должность котораго существовала, впрочемъ, только годъ; въ Верхотурскомъ и Екатеринбургскомъ были предприняты однодневныя переписи въ двухъ населенныхъ пунктахъ и т. д. Во время эпидеміи чумы въ Ветлянкѣ, послѣ обнародованія Высочайше утвержденныхъ правилъ о правѣ земствъ издавать обязательныя для жителей уѣздовъ санитарныя правила, всѣми уѣздными земскими собраніями были изданы обязательныя для сельскаго, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и городского населенія санитарныя постановленія о содержаніи въ чистотѣ улицъ, площадей, дворовъ, о торговлѣ стѣстными припасами, о мѣрахъ противъ эпидемій и проч.; для наблюденія за исполненіемъ этихъ правилъ были избраны вездѣ санитарныя попечи-

тели и кое-гдѣ въ селеніяхъ были учреждены мѣстные санитарные комитеты; въ послѣднюю эпидемію холеры были учреждены приходскія санитарныя попечительства. Должность попечителей не оплачивалась и въ то же время была настолько хлопотлива и обременительна, что желающихъ исполнять эти обязанности находилось немного; контингентъ попечителей въ большинствѣ случаевъ былъ неудовлетворителенъ, и они мало принесли пользы. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ для надзора за исполненіемъ санитарныхъ правилъ учреждены были земствомъ платныя должности санитарныхъ смотрителей, состоящихъ въ вѣдѣніи Нижне-Тагильскаго санитарнаго комитета ¹⁾. Санитарными смотрителями опредѣляются здѣсь болѣею частью ветеринарные фельдшера; мѣсячное жалованье смотрителя—25 руб. Въ санитарномъ комитетѣ существуетъ оплачиваемая должность секретаря комитета, ведущаго все канцелярское дѣлопроизводство. Комитетъ имѣетъ отдѣлы въ разныхъ частяхъ уѣзда. Но при отсутствіи санитарнаго врача, при отсутствіи опредѣленнаго плана дѣйствій и при невозможности для участковыхъ земскихъ врачей всецѣло отдаться дѣлу санитаріи, результаты дѣятельности санитарныхъ учреждений Верхотурскаго земства невелики.

Въ восьмидесятыхъ годахъ во многихъ уѣздахъ произведенъ былъ рядъ санитарно-статистическихъ изслѣдованій, какъ о распространенности инфекціонныхъ болѣзней, такъ и о движеніи населенія. Часть этихъ работъ была напечатана въ „Сборникѣ Пермскаго Земства“, часть же—въ журналахъ мѣстныхъ врачебныхъ совѣтовъ, въ трудахъ съѣздовъ врачей губерніи, въ журналахъ земскихъ собраній. Работы эти или выясняли условія, способствующія развитію инфекціонныхъ болѣзней, или обнаруживали громадныя размѣры смертности въ различныхъ частяхъ губерніи, или указывали недостатки постановки какого-либо отдѣла земской медицины (Моллесонъ, Смородинцевъ, Золотавинъ, Предтеченскій и др.). Въ это же время появились въ печати медико-топографическія описанія отдѣльныхъ селеній и мѣстностей въ губерніи, напр., г. Ирбита (д-ра Серебренникова), Рождественской волости Екатеринбургскаго уѣзда (д-ра Никольскаго) и т. д. Былъ исполненъ рядъ работъ санитарной станціей губернскаго земства (Рума, Хлопинъ и др.), состоявшихъ, преимущественно, въ анализахъ пищевыхъ продуктовъ, воды и проч. Вообще восьмидесятые годы отмѣчены стремленіемъ врачей работать въ санитарномъ направленіи, но весь этотъ, часто очень

¹⁾ Нижний Тагиль—заводское поселеніе съ 40-тысячнымъ населеніемъ.

кропотливый, трудъ не имѣлъ того значенія, какое могъ бы получить при существованіи постоянной санитарной организаціи, при объединеніи работъ какой-либо опредѣленной системой. Къ концу 80-хъ годовъ число санитарныхъ работъ стало уменьшаться, и онѣ почти совершенно исчезли къ началу 90-хъ годовъ, съ приостановкой земско-медицинскаго органа „Эпидемиологическаго Листка“, прекратившаго свое существованіе не по желанію земства. Начиная съ 90-хъ годовъ, санитарныя и санитарно-статистическія работы и санитарныя мѣропріятія были уже преимущественно дѣломъ губернскаго земства и его учреждений. Однако практическая санитарная дѣятельность не прекратилась и въ уѣздахъ. Такъ Ирбитское уѣздное земство, по исполненіи особыми санитарными смотрителями подъ руководствомъ врачей описанія санитарнаго состоянія селеній уѣзда, предприняло рядъ мѣръ къ обезпеченію населенія чистой водой (очистка и вырытіе новыхъ колодезевъ, очистка береговъ рѣкъ) и къ очисткѣ загрязненныхъ селеній, сообщая о томъ, что констатировано осмотромъ, сельскимъ обществамъ и мѣстнымъ властямъ. Къ числу санитарныхъ мѣропріятій уѣздныхъ земствъ относится также: раздача популярныхъ брошюръ по гигиенѣ и заразнымъ болѣзнямъ, даровая раздача резиновыхъ сосокъ, изданіе обязательныхъ санитарныхъ постановленій и проч.

Губернское земство, возобновивъ въ 1884 году, послѣ долгаго перерыва, сѣзды врачей, вступило вновь на путь общегубернской медицинской и санитарной дѣятельности. Съ 1886 г. была открыта санитарная станція губернскаго земства (теперь, къ сожалѣнію, закрытая), и начали производиться анализы съ санитарною цѣлью, „Сборникъ Пермскаго Земства“ и „Эпидемиологическій Листокъ“, выходившіе каждыя двѣ недѣли, содержали чрезвычайно много санитарно-статистическихъ матеріаловъ и медицинскихъ статей разнообразнаго характера. Интересъ къ земско-медицинскому дѣлу возросъ настолько, что статьи по организаціи земско-медицинской помощи писались и не врачами, а и другими лицами—земскими гласными и проч. Съ 1888 года, съ измѣненіемъ состава редакціи сборника (выходъ въ отставку Ив. Ив. Моллесона), печатаніе медицинскихъ статей остановилось. Равнымъ образомъ и должность завѣдывающаго санитарной станціей, съ уходомъ Р. Н. Рума, осталась незанятой. Въ санитарной дѣятельности губернскаго земства опять произошелъ перерывъ. Между тѣмъ сознаніе необходимости постоянной регистраціи инфекціонныхъ болѣзней въ губерніи, необходимости собиранія цифровыхъ и иныхъ данныхъ по каждому вопросу,

подлежащему разсмотрѣнію сѣздовъ врачей, распространялось болѣе и болѣе среди земскихъ дѣятелей; при губернской управѣ въ 1890 г. было окончательно учреждено постоянное бюро сѣздовъ, послѣ двукратнаго отказа на ходатайства объ этомъ III и IV сѣздовъ врачей. Дѣятельность бюро началась съ 1891 года. Бюро сѣздовъ, состоящее изъ врача и счетчика, въ сущности сдѣлалось однимъ изъ отдѣленій управы, вѣдающимъ все, что касается участія губернскаго земства въ земско-медицинскомъ и санитарномъ дѣлѣ губерніи; оно вело и ведетъ всю медицинскую переписку управы съ учрежденіями и лицами, издаетъ ежемѣсячныя свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ губерніи, представляетъ доклады сѣздамъ врачей и исполняетъ всѣ порученія управы по составленію санитарно-медицинскихъ отчетовъ и докладовъ губернскому земскому собранію, санитарныхъ обзоровъ и проч. Въ дѣятельности бюро были перерывы; кромѣ того, значительную часть времени оно затратило на осуществленіе мѣръ борьбы съ холерой. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время, кромѣ текущей регистраціи, бюро обработало и карточный матеріалъ по сифлису, оспопрививанію, акушерской помощи и дифтериту; издало „Труды VI и VII сѣздовъ врачей“, „Очеркъ санитарнаго и медицинскаго дѣла“ въ Пермской губерніи“ и т. д.

Губернское земство, по окончаніи борьбы съ холерой, не прекратило своего участія въ удовлетвореніи общегубернскихъ медицинскихъ нуждъ; такъ, оно рѣшило (въ 1895 г.) снабжать уѣзды противодифтерійной сывороткой. Мѣра эта имѣетъ, конечно, не только терапевтическое, но и санитарное значеніе. Для приготовленія сыворотки на мѣстѣ—въ Перми, губернское земство, по ходатайству VI сѣзда врачей, устроило бактериологическую станцію, прекрасно обставило ее и пригласило для завѣдыванія ею особаго врача съ спеціальной подготовкой. Эта станція служить и для лѣченія прививками по способу Пастера укушенныхъ бѣшеными животными; прежде этихъ больныхъ на счетъ губернскаго земства посылали въ Самару или въ Москву.

Въ послѣдніе 3 года губернское земство произвело опытъ устройства лѣтнихъ дѣтскихъ ясель во всѣхъ уѣздахъ губерніи. Поводомъ къ устройству ясель послужило ходатайство VI сѣзда врачей. Ясли, сохраняющія немало дѣтскихъ жизней, служатъ нагляднымъ средствомъ для пропаганды среди населенія правилъ дѣтской діететики.

Опытъ устройства ясель оказался удачнымъ, и поэтому большинство уѣздныхъ земствъ согласилось принять ихъ въ свое вѣ-

дѣніе, при этомъ 2 уѣздныхъ земства — Чердынское и Екатеринбургское — постановили открыть по 2 пріюта въ уѣздѣ. Если возникли по частной инициативѣ и въ гг. Перми и Екатеринбургѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что этому полезному дѣлу губернскимъ земствомъ данъ сильный толчокъ, и инициатива его не пройдетъ безслѣдно.

Изданныя уѣздными земскими собраніями обязательныя санитарныя правила, частью совершенно забытыя, частью очень устарѣвшія, были, послѣ введенія новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, пересмотрѣны губернскимъ земствомъ при участіи уѣздныхъ земствъ и утверждены губернаторомъ. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи достигнуто извѣстное единообразіе; нѣтъ такихъ странностей, какъ раньше, когда въ одномъ уѣздѣ запрещалось то, что въ другомъ, сосѣднемъ, было дозволено. VII съѣздомъ врачей предложено было учредить для наблюденія за исполненіемъ санитарныхъ правилъ (на фабрикахъ особенно) и вообще для завѣдыванія всѣмъ санитарнымъ дѣломъ уѣздовъ институтъ санитарныхъ врачей, особенно необходимыхъ въ огромной Пермской губерніи. Губернское земское собраніе, послѣ горячихъ и долгихъ дебатовъ, большинствомъ двухъ голосовъ отвергло учрежденіе санитарныхъ врачей. Этимъ положенъ предѣлъ дальнѣйшему развитію дѣла санитаріи. При крайнемъ обремененіи участковыхъ врачей обязанностями по лѣченію больныхъ, трудно разсчитывать на систематическую работу въ области санитаріи безъ особаго института санитарныхъ врачей. Къ сожалѣнію, эта мысль еще не общепризнана, хотя средства для ея осуществленія нужны, сравнительно съ затратами земства на лѣчебную медицину, небольшія. Отсутствие санитарныхъ врачей — большой недостатокъ въ земской медицинѣ Пермской губерніи.

III.

Много хлопотъ и заботъ губернскому земству принесли богоугодныя заведенія, принятыя имъ отъ приказа общественного призрѣнія. Больничныя зданія пришлось на первыхъ же порахъ подвергнуть капитальному ремонту. Нетронутыми остались развѣ только каменные стѣны. Что касается больничной обстановки, то земство не получило отъ приказа ни одной вещи, годной къ употребленію; оно должно было пріобрѣсти новое бѣлье; деревянныя кровати (это на Уралѣ-то деревянныя кровати!?) замѣнить желѣзными, старыя одѣяла изъ сѣраго солдатскаго сукна

замѣнить байковыми, выписать инструменты для хирургическаго отдѣленія, книги для библіотеки, улучшить пищу и т. д., и т. д. ¹⁾).

Въ больницѣ не было отдѣленій для инфекціонныхъ больныхъ, тифозные, оспенные, скарлатинные и дифтеритные больные помѣщались въ одномъ зданіи съ сифилитиками, „съ возможнымъ разобщеніемъ однихъ отъ другихъ“; но въ дѣйствительности постоянной изоляціи, конечно, не существовало. Земство должно было, хотя постепенно, выстроить рядъ зданій для помѣщенія каждаго разряда больныхъ отдѣльно, съ особой прислугой и бѣльемъ. Выстроены также въ больничномъ саду баракъ для лѣтняго помѣщенія больныхъ внутренними болѣзнями. Земствомъ признана была также необходимость паровой дезинфекціонной камеры, которая и была построена одновременно съ паровой прачечной.

Вода для нуждъ больницы въ дореформенное время подвозилась въ бочкахъ, но съ ростомъ числа больныхъ, съ болѣе широкимъ пользованіемъ для лѣченія ваннами, нужда въ водѣ возрастала, и земство должно было озаботиться устройствомъ для больницы водопровода, который былъ оконченъ въ 1888 году. Вода проведена по листовничнымъ трубамъ изъ ключей р. Данилихи, находящихся въ 3-хъ верстахъ отъ больницы; вода идетъ самотекомъ, такъ какъ ключи лежатъ выше той мѣстности, гдѣ расположена больница. Въ послѣднее время земствомъ перестроена (или, вѣрнѣе, вновь устроена) кухня и одно изъ зданій заразныхъ отдѣленій и выстроена вновь амбулаторія съ двумя отдѣльными комнатами для временнаго (1—2 дня) помѣщенія больныхъ съ невыяснившимися формами заразныхъ болѣзней, съ большой залой для ожидающихъ приѣма, съ отдѣльными кабинетами для каждаго изъ врачей и съ ванной комнатой. Давно также выдѣленъ изъ зданія больницы родильный покой, помѣщающійся въ наемномъ домѣ.

Земство завело свой санитарный обозъ, построило новую покойническую съ комнатой для вскрытій, улучшило пищу больныхъ и специализировало медицинскую помощь, выдѣливъ особое глазное отдѣленіе, увеличивъ научно-вспомогательныя средства больницы, библіотеку, специальные кабинеты и проч.) и пригласивъ для массажа, часто примѣняемаго врачами, особое лицо; въ выпискѣ же необходимыхъ медикаментовъ врачи никогда не встрѣчали препятствій. Однимъ словомъ, больница пересоздана земствомъ совершенно.

¹⁾ Смотри „Очеркъ Александровской больницы“ врача В. М. Виноградова.

При больницѣ врачами ведутся безвозмездно частные фельдшерскіе 4-годи́чные курсы. Земство ассигнуе́тъ небольшую сумму на руководство, пособі́я и вообще на расходы по преподаванію.

Улучшеніе въ постановкѣ́ больничнаго дѣла, конечно, отразилось на числѣ́ больныхъ, поступающихъ въ больницу. Въ 1870 году общее число лѣчившихся вмѣстѣ́ съ душевно-больными ¹⁾ равнялось 2.376, въ 1880 году общее число лѣчившихся безъ душевно-больныхъ равнялось 2.846, а съ душевно-больными—3.001 чел., въ 1890 году — 5.602 (безъ душевно-больныхъ), а въ 1897 году—5.114 ²⁾. Еще быстрѣ́е росла амбулаторія́, хотя свѣдѣній о числѣ́ амбулаторныхъ больныхъ до 1874 года нѣтъ. Въ 1874 году приходящихъ больныхъ безъ повторныхъ посѣтителей было 1.252 чел., въ 1884 году—4.415 чел., въ 1894 году—18.343 чел., въ 1897 году—27.932 чел. Такъ какъ по своему положенію больница служить преимущественно для населенія́ города Перми, Пермскаго и отчасти 2-хъ другихъ ближайшихъ уѣздовъ, то и распредѣленіе расходовъ на ея содержаніе производится между уѣздами пропорціонально числу лѣчившихся въ больницѣ́ изъ каждаго уѣзда.

Очень много хлопотъ и издержекъ потребовалъ пріютъ душевно-больныхъ. Если дореформенная больница была плоха, то пріюта душевно-больныхъ не существовало вовсе въ томъ смыслѣ́, какой придается теперь этимъ словамъ. Призрѣвалось всего 27 человекъ, за которыми наблюдалъ одинъ изъ больничныхъ врачей. Земство немедленно же послѣ́ пріема больницы принялось за улучшеніе помѣщеній душевно-больныхъ, и въ 1874 году окончило перестройку и ремонтъ каменнаго зданія́ во дворѣ́ больницы на 40 душевно-больныхъ, истративъ на это 25.124 руб. Для завѣдыванія́ пріютомъ былъ приглашенъ специалистъ-психіатръ. Число больныхъ, съ улучшеніемъ пріюта, съ ростомъ земской медицины въ уѣздахъ, быстро увеличивалось. Помѣщеніе пріюта сначала, по словамъ проф. Фрезе, вполне благоустроенное, мало-по-малу становилось тѣснымъ, гигиеническія условія́ содержанія́ больныхъ ухудшались. Земство понемногу начало расширять помѣщеніе, дѣлая пристройки, выстроило новый деревянный флигель, но мѣста все было мало. Особенно сильно число больныхъ стало возрастать съ 1886 года, когда губернскае земское собраніе постановило призрѣвать душевно-больныхъ крестьянъ и мѣщанъ Пермской губерніи бесплатно. Пришлось уже

¹⁾ На основаніи имѣющихся документовъ ихъ нельзя выдѣлѣть особо.

²⁾ За 11 мѣс., вслѣдствіе измѣненій сроковъ отчетности.

въ 1885 году приобрѣсти отъ города большой участокъ земли (18 десятинъ) внѣ городской черты и застраивать его новыми зданіями для разнаго рода душевно-больныхъ. Пришлось на этомъ участкѣ выстроить и особую (каменную) кухню для пріюта. Для помѣщенія нѣкоторыхъ спокойныхъ больныхъ устроена въ 8-ми верстахъ отъ г. Перми колонія (38 десятинъ земли), гдѣ больные занимаются сельско-хозяйственными работами.

Затраты земства, за все время его существованія, на постройки пріютскихъ зданій превысили въ 1898 г. уже 250.000 руб., но все-таки постройки еще не закончены.

Пріютъ обставленъ всѣмъ необходимымъ для лѣченія; врачи—полные въ немъ хозяева по постановкѣ и веденію дѣла.

Больные имѣютъ возможность и лѣтомъ и зимою работать на открытомъ воздухѣ, въ зданіяхъ же больныя женщины могутъ заниматься шитьемъ бѣлья, пряжей льна, тканьемъ холста и ковровъ, а мужчины—дѣланіемъ гильзъ, клейкой коробокъ и вязаніемъ изъ бичевы.

Число поступающихъ въ пріютъ увеличивалось въ такомъ размѣрѣ:

Въ 1874 году поступило	41	человѣкъ.
„ 1880 „ „	155	„
„ 1885 „ „	276	„
„ 1890 „ „	458	„
„ 1895 „ „	450	„

Въ 1898 году въ пріютѣ содержалось 550 чел., къ концу года—600 чел.

Заботы земства не ограничиваются устройствомъ большого лѣчебнаго заведенія для душевно-больныхъ и содержаніемъ его: оно, кромѣ того, за свой счетъ помѣщаетъ безопасныхъ больныхъ въ семействахъ ихъ родственниковъ, если находятся желающіе держать у себя душевно-больного, но, къ сожалѣнію, мѣра эта плохо прививается.

Итакъ, губернская больница и пріютъ душевно-больныхъ обязаны своимъ существованіемъ всецѣло губернскому земству. Жалкое наслѣдіе, полученное земствомъ, служило лишь препятствіемъ къ правильному развитію дѣла. Если одинъ ремонтъ зданія приказа на 40 человѣкъ стоилъ 25.000 руб., то, конечно, лучше было построить новое зданіе, которое могло быть устроено несравненно лучше и цѣлесообразнѣе. Новое вино всегда невыгодно вливать въ старые мѣхи.

Ограниченность средств земства, невозможность сразу ассигновать ту сумму, которая бы позволила быстро организовать дѣло такъ, какъ нужно,—все это служило большимъ тормозомъ для развитія земской медицины въ Пермской губерніи. Но тѣмъ не менѣе смѣта на медицинскую помощь неудержимо росла: въ 1871 году всѣми земствами Пермской губерніи ассигновано на медицину 153.062 руб. (13% всѣхъ земскихъ расходовъ), въ томъ числѣ губернскимъ земствомъ 40.952 руб.; въ 1880 году расходы на медицину были—479.407 руб. (въ томъ числѣ уѣздныя земства 376.972 руб.) или 20,8% всей смѣты расходовъ; въ 1890 году на медицину израсходовано уѣздными земствами 582.716 руб., губернскимъ земствомъ—151.175 руб., всего—733.891 руб., что составляло уже 26,2% всей смѣты; въ 1897 году уѣздными земствами расходовалось 805.138 руб. и губернскимъ — 214.716 руб., а всего — 1.019.854 руб. или 27,9% всѣхъ расходовъ земства. Расходъ въ миллионъ руб. на медицинское дѣло нельзя признать незначительнымъ даже для Пермской губерніи съ ея 3-милліоннымъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что заводы губерніи сами еще тратятъ на медицинскую помощь болѣе 300.000 руб. ежегодно. Большая часть ассигнуемыхъ денегъ, какъ видно изъ смѣты, тратится на содержаніе медицинскаго персонала и на лѣкарства, меньшая — на содержаніе больныхъ въ больницахъ. Оклады жалованья медицинскому персоналу, какъ извѣстно, въ земствѣ невелики (врачу окладъ въ годъ отъ 1.200 до 1.800); средняя стоимость лѣкарства, выданнаго по одному рецепту, равняется 3½ коп., слѣдовательно, если земство тратитъ большія деньги на свои медицинскія учрежденія, то это объясняется только массой лѣчащихся: такимъ образомъ, земство несомнѣнно удовлетворяетъ потребности всего населенія въ медицинской помощи.

Изъ этого краткаго очерка дѣятельности земства Пермской губерніи по охраненію народнаго здравія видно, что земство создало медицинскія учрежденія для народа и тѣмъ дало ему возможность лѣчиться; оно вступило въ упорную борьбу съ народнымъ невѣжествомъ во всемъ, что касалось медицины, и въ корнѣ пошатнуло довѣріе народа къ знахарству; оно сдѣлало многое, хотя и далеко не все, что нужно, для предупрежденія болѣзней, организовавъ оспопрививаніе, обративъ вниманіе на санитарныя условія деревень, и оно же дало возможность дальнѣйшаго совершенствованія дѣла, создавъ коллегіальныя медицинскія учре-

жденія: съѣзды врачей, врачебныя совѣты, санитарныя коммисіи и проч., для обсужденія всего, что касается организаціи медицинской помощи народу. Это—не малая заслуга учрежденія, существующаго менѣе 30-ти лѣтъ. Самый важный успѣхъ, достигнутый земствомъ,—измѣненіе взглядовъ народа на больницы и врачей; прежде онъ ихъ боялся и не довѣрялъ имъ, а теперь самъ идетъ къ нимъ за помощью. Мало того, населеніе начинаетъ давать свои средства на медицинскія учрежденія и помимо земства. Такъ, двѣ волости Соликамскаго уѣзда—Юсвинская и Архангельская—содержать на свой счетъ особаго врача и пріемный покой съ кроватями; жители большого села Покчи, находящагося въ 4-хъ верстахъ отъ г. Чердыни, послѣ закрытія у нихъ фельдшерскаго пункта и перевода фельдшерицы въ г. Чердынь, рѣшили оставить фельдшерскій пунктъ у себя на свой счетъ; крестьяне Сивинской, Бубинской, Усть-Бубинской и Кизвинской волостей Оханскаго уѣзда, желая имѣть у себя больницу, приговоромъ постановили внести на постройку больницы въ селѣ Сивинскомъ по 10 коп. съ души и обязались бесплатно вывезти весь необходимый для постройки больницы лѣсъ; много подобныхъ случаевъ было и въ другихъ уѣздахъ. Эти факты служатъ прекрасной иллюстраціей измѣнившимся воззрѣніямъ народа на медицинскую помощь. Земствомъ впервые былъ осуществленъ, и осуществленъ удачно, принципъ бесплатной и всеѣмъ доступной медицинской помощи—фундаментъ всего медицинскаго дѣла. Примѣненіе этого принципа было до сихъ поръ въ Пермской губерніи правильное, а дальнѣйшее развитіе и совершенствованіе дѣла будутъ зависѣть отъ того, какими средствами въ состояніи будетъ располагать земство.

В. Предтеченскій.

ВЪ КАЗАРМѢ.

I.

Капитанъ Баганюкъ.

Нигдѣ не жилось такъ привольно солдатамъ П-скаго полка, какъ въ пятой ротѣ. И это было тѣмъ болѣе удивительно, что ею командовалъ капитанъ Баганюкъ, о которомъ говорили много нехорошаго и который просилъ у командира полка назначенія въ пятую роту только потому, что она была ротой бородатыхъ. Ее комплектовали тѣми изъ прибывшихъ новобранцевъ, у кого была болѣе или менѣе заслуживающая вниманія борода. А влекла капитана Баганюка къ бородатымъ молодцамъ не любовь къ этого рода растительному украшенію, даже не то, что самъ онъ носилъ длинную, черную какъ смоль бороду... Нѣтъ, этой слабости былъ чуждъ Баганюкъ. Тутъ было другое.

— Вы не можете понять, — говаривалъ онъ товарищамъ-офицерамъ въ веселыя минуты, — что за удовольствіе, что за пріятное чувство испытываешь, когда рука твоя вопьется въ косматую, густую бороду, или когда заберешь ее съ конца, обовьешь вокругъ руки и начнешь трезвонить справа налѣво и слѣва направо. А кромѣ того, господа, я избавляюсь такимъ образомъ отъ необходимости бить солдата, давать ему въ зубы, въ морду, по сусаламъ и подъ микитки. Для чего, скажите на милость, истязать человѣка, когда у него есть борода!..

И капитанъ Баганюкъ, дѣйствительно, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ командовать пятой ротой, никогда не билъ своихъ подчиненныхъ, а довольствовался солдатскими бородами, которыя и подвергались немилосердной трепкѣ и отъ которыхъ частенько

въ рукахъ капитана оставались кудрявыя и прямыя, жесткія, какъ щетина, и мягкія, какъ шелкъ, пряди волосъ. Раскроетъ Баганюкъ ладонь, и если не находитъ въ ней ничего, то говоритъ: „Молодецъ, братецъ, крѣпка“. А въ противномъ случаѣ изобразить на своей чрезвычайно подвижной фізіономіи притворное удивленіе и горечь. „Плоха, служивенькій. Вотъ какъ плоха, погляди“. Затѣмъ осторожно соберетъ волосы въ комочекъ и никогда не броситъ на полъ, а аккуратно положить на подоконникъ, на которомъ имѣлъ обыкновеніе сидѣть.

— У всѣхъ солдатъ честь одна—честь мундира. У тебя же двѣ чести: честь мундира и честь бороды,—философствуетъ Баганюкъ.—Борода твоя собственность и твоя краса. Гордись ею, береги и никому, кромѣ своего ротнаго командира, не позволяй къ ней прикасаться.

— Что это, капитанъ, рота ваша какъ будто того... бороды-то примѣтно порѣдѣли у вашихъ бородачей,—обронить иногда какъ-бы невзначай знавшій про слабость Баганюка полковникъ, подмигивая офицерамъ...

Баганюкъ всегда считалъ такія шутки за личное оскорбленіе и принималъ хмурый видъ.

Баганюкъ вообще представлялъ собою странное и не вполне нормальное явленіе. То беззастѣнчивый и ласковый, то грубый и циничный, онъ вовсе не былъ тѣмъ, что называется звѣрь-человѣкъ, и даже самыя дикія и нелѣпыя выходки его по отношенію къ солдатамъ въ сущности не были преднамѣренно злыми. Въ ротѣ онъ никого особенно не любилъ, но и никого не преслѣдовалъ. За эту черту и за остроуміе, которое онъ иногда проявлялъ и которое очень нравилось солдатамъ, ему многое прощали. Отношеніе его къ ротѣ, какъ къ экономическому цѣлому, тоже не было лишено оригинальности, отъ которой ротѣ приходилось часто терпѣть и отъ которой впоследствии потерпѣлъ самъ Баганюкъ. Случалось, что въ теченіе цѣлой недѣли онъ не показывался въ казармѣ, и только благодаря опытному и дѣльному фельдфебелю рота не теряла своего единства, не расшатывалась въ конецъ, какъ это можно было ожидать, хотя и пользовалась въ эту пору свободой и правомъ бездѣльничать. Солдаты отлично знали, что означало такое долговременное отсутствіе и съ интересомъ и любопытствомъ ожидали появленія своего капитана. Суть въ томъ, что Баганюкъ былъ страстный картежникъ. Иногда онъ съ какимъ-то дикимъ упоеніемъ отдавался игрѣ и ставилъ на карту все: долгъ службы, спокойствіе и благосостояніе семьи, даже самую честь, потому что зачастую

спускалъ чужія деньги, деньги роты, выдаваемые ему авансомъ на ея продовольствіе. Играя, Баганюкъ неустанно пилъ и доходилъ до потери человѣческаго достоинства, до полного одичанія. Впрочемъ, Баганюкъ пилъ всегда, и рѣдко его можно было видѣть совершенно трезвымъ. Если онъ спускалъ все, что у него было и что онъ могъ поставить на карту, онъ не стѣснялся проигрывать ротное имущество: подошвы, голенища и холсты, звалъ къ себѣ фельдфебеля, просилъ денегъ у него, просилъ его достать въ ротѣ у богатыхъ солдатъ, отдавалъ въ залогъ свой парадный мундиръ и былъ донельзя приниженъ и жалокъ. Рота же въ то время голодала, кое-какъ перебиваясь съ хлѣба на квасъ, роптала, но роптала молча, про себя, жалѣя своего командира и не вынося за предѣлы своей казармы этого величайшаго скандала, періодически повторявшагося въ зависимости отъ счастья, которое то улыбалось Баганюку, то поворачивалось къ нему спиной. Но зато какой былъ праздникъ въ казармѣ, когда Баганюку удавалось, наконецъ, отыгаться или даже сорвать съ банкмета порядочный кушъ. Только покажется онъ въ воротахъ полкового двора, какъ дежурный уже оповѣщаетъ роту: „Командиръ идетъ весело: выигралъ!“ Мигомъ бородачи принимали веселый, молодецкій видъ, и не успѣвъ еще капитанъ сказать: „Здорово, люди!“—какъ на его привѣтствіе отвѣчаютъ оглушительно здоровымъ и сознательнымъ восклицаніемъ: „Здравія желаемъ, ваше в—дѣ!“.

Начиналось представленіе, какъ выражался фельдфебель. Былъ въ нашей ротѣ полякъ изъ Варшавы, Войницкій, сынъ богатыхъ родителей. Войницкій былъ франтъ. Всегда одѣтый съ иголки, ловко подстриженный, выложенный, онъ производилъ въ казармѣ впечатлѣніе чего-то лишняго. Но усы и борода были у него на рѣдкость. Въ особенности борода—пушистая, мягкая, которую онъ холилъ и которой занимался, во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ военной наукой. По этой ли причинѣ, или же потому, что въ трудныя минуты жизни фельдфебель бралъ у Войницкаго для Баганюка займы деньги, послѣдній щадилъ его бороду, хотя и вознаграждалъ себя за это лишеніе тѣмъ, что всячески язвилъ его, а случалось и издѣвался. Баганюкъ почему-то прозвалъ его фильдекосовымъ франтомъ, и въ веселые моменты неизмѣнно начиналъ съ него.

— Ну, фильдекосовый франтъ, говори, что тебѣ больше по сердцу: русскій царь или польская революція?

Или:—Фильдекосовый кавалеръ! Гляди прямо въ глаза своему ротному командиру и не помышляй о Маринѣ или Галинѣ.

— А ты какъ поживешь, verflüchter Wurstmacher?—трепаль онъ по плечу безобиднѣйшаго нѣмца Миллера. — Соскучился, поди, по колбасѣ? Фельдфебель! купи ему колбасы на десять копѣекъ. А рассказать тебѣ, Фридрихъ-Августъ-Отто-Вильгельмъ (Миллера именно такъ и звали), рассказать тебѣ басню? Ну, слушай: Одинъ маленькій корофка, бикинъ сынъ, шоль черезъ мостъ и ломалъ себѣ хвостъ. Вотъ, дѣти, какъ легко простудиться.

Смѣется Баганюкъ, хохочетъ рота, снисходительно улыбается и самъ Миллеръ.

— А!.. Гантарцуптовъ!—находитъ капитанъ армянина:—ты живъ и здоровъ, нахичеванскій гражданинъ? Вчера бульваръ барышнямъ подъ ручка гулялъ; кость-халва, мармеладъ, кишмишъ, рахатъ-лукумъ угощалъ, а ружейные приемы все-таки не зналъ.

Доставалось отъ Баганюка всѣмъ. Онъ никого не пропуститъ, всѣхъ осмѣетъ, задѣнетъ, передразнитъ. Но все добродушно и безъ злобы.

— Чумакъ!—продолжаетъ онъ,—скажи намъ, какое самое красивое войско въ Россіи.

А чумакъ, надо вамъ знать, въ сферѣ военной выучки и въ особенности терминологіи, феноменально и упорно-глупый и бездарный хохоль. Чумакъ задумывался, долго думалъ, наконецъ, вспоминалъ.

— Кала...кава... казавъ... не выговорю... Калагвардъ ¹⁾, ваше превосход...

— Тсс...—замахалъ на него Баганюкъ.—Совеѣмъ ты разумъ потерялъ.

— Ваше высокоблагородіе сказывали: я твій ротній, твій Богъ, твій царь...—оправдывается чумакъ.

— А ты ужъ и обрадовался. Сметана сорочинская. Въ Сорочинцахъ былъ?

— Бувъ.

— Сметану ѣлъ?

— Ивъ.

— Ну, вотъ видишь!.. А все же ты дуракъ... Повѣрь мнѣ, чумаче,—дружески увѣрялъ его Баганюкъ:—повѣрь мнѣ, что ты не только дуракъ, ты идіотъ. И-ді-отъ... Понимаешь и вѣришь ли мнѣ?

— Такъ точно, в. в—діе.

— Женатъ?—совершенно серьезно спрашиваетъ Баганюкъ.

— Женатъ, такъ точно.

¹⁾ Кавалергардъ.

— Жену любишь?

— Люблю, такъ точно.

— А какъ зовутъ твою жену?

— № 16194.

— Покажи, какъ содержишь.

Чумаки медленно, какъ бы нехотя, идетъ къ ружницѣ и подносить ротному командиру свою жену—ружье, потому что, вручая ружье, ему говорили: „Вотъ тебѣ супруга на 4 года“.

— Продолжай въ томъ же духѣ,—осмотрѣвъ ружье, говоритъ Баганюкъ.—Жену не бросай, задавай смазку и потуже закручивай винты...

— Эге-ге! вотъ они гдѣ пріютились два Аякса, пуріціи херсонскіе. ¹⁾ И всегда рядышкомъ, какъ женихъ съ невѣстой. Шмуль, крѣпко ты любишь Лейбу? А ты, Лейба, Шмуля любишь?... Скажи мнѣ, Шмуль: кто у насъ внутренній врагъ? Знаешь внутренняго врага?

— Знаю. Внутренній врагъ—фельдфебель, ваше благородіе.

— Хорошо. Чудесно.

— Радъ стараться, в. б—діе.

— Лейба! Ты какъ думаешь, а внѣшній врагъ есть у насъ?

— Внѣшній врагъ? Какъ же, ваше в—діе, безъ враговъ?—удивляется Лейба.

— Кто-жь, по-твоему, этотъ врагъ?

— Кто врагъ? Почему я знаю, кто врагъ, ваше в—діе. Я не знаю,—совершенно наивно отвѣчаетъ Лейба, точно и не его дѣло знать объ этомъ.

— Конечно. Откуда тебѣ знать?—соглашается Баганюкъ Лейбѣ.—Но я скажу тебѣ, запомни: мои партнеры. Говори: партнеры вашего б—дія.

— Партнеры вашего б—дія,—какъ эхо повторяетъ Лейба.

— Скажи мнѣ, Лейба, кто тебя такого выдумалъ и зачѣмъ? Это-то хоть знаешь ли?

— Знаю, в. б—діе,—радостно отвѣчаетъ Лейба.—Меня выдумалъ Богъ... для защиты вашего б—дія отъ внѣшнихъ враговъ.

— То-есть?—нѣсколько растерянно спрашиваетъ командиръ.

— То-есть... то-есть отъ вашихъ партнеровъ, ваше благородіе,—быстро говоритъ Лейба, очевидно, и самъ не сознавая всей ядовитости своего отвѣта.

Смущенный Баганюкъ нѣкоторое время задумчиво смотритъ

¹⁾ Шуриць—по-еврейски баринъ, сибаритъ.

вдаль, потомъ молча отходить отъ радостно улыбающагося Лейбы.

Послѣ такой прелюдіи Баганюкъ приступалъ къ серьезнымъ занятіямъ. Окончивъ занятія и отпустивъ роту на обѣдъ, онъ поручалъ фельдфебелю вечеромъ угостить роту чаемъ, напоминалъ ему о Миллеровой колбасѣ и довольный уходилъ восвояси.

На нѣкоторое время рота принимала обычный всѣмъ ротамъ внѣшній видъ, и солдаты получали все, что полагалось и даже больше, благодаря щедрости ротнаго командира. Въ это время Баганюкъ бывалъ очень добрѣ, участливо разспрашивалъ солдатъ объ ихъ нуждахъ, рѣдко цѣплялся въ ихъ бороды, рѣдко надъ кѣмъ издѣвался и даже фильдекосоваго франта оставлялъ въ покоѣ. Житіе тогда было пятой ротѣ. Но какой дорогой цѣной доставался этотъ кратковременный результатъ побѣды командира „надъ внѣшними врагами“!

Пройдетъ недѣля-двѣ, много мѣсяцъ, и опять рота голодаетъ, опять артельщикъ и кашеваръ бездѣйствуютъ, а фельдфебель ищетъ выхода изъ положенія, твердо вѣруя въ звѣзду своего командира.

И горе, если Баганюкъ, проигравшись въ чистую, не можетъ найти денегъ на отыгрышъ. Приходить онъ въ казарму сумрачный, злой, придиричивый. Шуткамъ и остротамъ мѣста нѣтъ. Того и гляди оттаскаетъ кого-нибудь за бороду.

Здороваясь съ ротой, онъ говоритъ—не „люди“ и не „братцы“, а „здорово, бородатые“, что звучитъ угрозой, намекомъ на то, что бороды солдатъ находятся въ полномъ распоряженіи командира.

Помню, однажды Баганюкъ явился въ казарму сердитый и недовольный болѣе обыкновеннаго. Цѣлый день онъ держалъ роту на плацу, крутилъ, гонялъ ее бѣгомъ и все кричалъ: „Не пыли! Не пыли, мерзавцы!“ Не пыли, когда двѣ сотни солдатскихъ ногъ тонутъ въ известковой пыли.

И вотъ за эту пыль, поднятую на пустынной площади и никому, конечно, не мѣшавшую, кромѣ самихъ солдатъ, онъ буквально перехваталъ и передергалъ всѣ бороды. Это была какая-то отвратительная бородоманія, за которую, впрочемъ, никогда не краснѣлъ Баганюкъ, потому что этотъ человѣкъ едва ли былъ вполне вмѣняемъ.

Въ нѣкоторыхъ ротахъ нашего полка и преимущественно въ пятой практиковался лѣтомъ и осенью особый видъ промысла, состоявшаго въ набѣгахъ на фруктовые сады окрестностей города. Эти хищническіе набѣги солдатъ находили себѣ молчали-

ваго поощрителя въ лицѣ Баганюка. Въ дни удачныхъ нашихъ на сады рота запасалась чуть не на недѣлю великолѣпными грушами и яблоками и съ нетерпѣніемъ ждала наступленія винограднаго сезона. Лишь только ночь опускалась на горы и покрывала виноградники, солдаты освобождали отъ соломы нѣсколько тюфяковъ и отправлялись въ походъ. Еще до восхода солнца возвращались они домой, нагруженные десяткомъ пудовъ винограда. Бородачи въ то время не роптали на отсутствіе щей и каши, довольствуясь сочными, крупными ягодами винограда, котораго съѣдали неимоверное количество. Баганюкъ прекрасно зналъ объ этихъ экскурсіяхъ своихъ людей и смотрѣлъ на нихъ сквозь пальцы, благо это избавляло его отъ непріятныхъ заботъ по продовольствію роты.

Разъ, помню, пришелъ Баганюкъ въ казарму на разсвѣтъ и засталъ солдатъ за дѣлежемъ награбленнаго и разложеннаго по полу винограда. Въ первую минуту онъ испуганно и растерянно озирался во все стороны, сталъ кричать на фельдфебеля, на солдатъ, но потомъ, махнувъ рукой, сказалъ:

— Ну, мародеры, я ничего не видалъ и ничего не знаю. Если васъ, каналій, подстрѣлятъ или поймаютъ да представятъ въ полкъ — пеняйте на себя. Воруй съ оглядкой и не смѣй попадаться.

Каковъ въ ротѣ, такимъ Баганюкъ былъ и въ своей семьѣ. Жена и дѣти были объектами его раздраженія, несправедливыхъ нападокъ, дикихъ выходокъ. Бывали недѣли, когда въ домѣ у него не имѣлось ничего, кромѣ солдатскаго хлѣба и щей, за которыми денщикъ бѣгалъ въ роту; то, напротивъ, появлялся обильный и дорогой столъ съ не менѣе дорогимъ виномъ. Эти рѣзкія перемѣны были настолько привычнымъ явленіемъ въ домѣ Баганюка, что никого не удивляли, а старшій его сыннишка, мальчуганъ лѣтъ восьми, приходилъ въ казарму и живалъ въ ней подолгу, довольствуясь неприхотливой солдатской ѣдой.

Въ несчастные моменты своего житія Баганюкъ, бывало, и самъ ночевывалъ въ ротѣ, въ фельдфебельской комнатѣ, и на него находили тогда припадки строгаго законнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ.

Само собою разумѣется, что ни такой образъ жизни, ни его безпорядочное, лишенное смысла и воли управленіе сотней людей не могли продолжаться безъ конца, и катастрофа разразилась надъ его головой раньше, чѣмъ ожидали.

Получивъ довольно крупную сумму заработанныхъ солдатами

денегъ за лѣтній полевой трудъ по вольному найму, Баганюкъ вмѣсто того, чтобы сдать ихъ въ полковое казначейство, пустилъ ихъ въ оборотъ на игорномъ столѣ и проигралъ. Даже когда состоялось уже распоряженіе о преданіи его суду и прибылъ въ полкъ военный слѣдователь по дѣлу о растратѣ, Баганюкъ все еще мечталъ о реваншѣ, пребывая въ спокойной увѣренности, что могъ бы все поправить, будь только чѣмъ отыграться.

Шагъ за шагомъ слѣдователь раскрывалъ систематическое разореніе роты ея командиромъ. Баганюкъ былъ судимъ и исключенъ изъ службы съ лишеніемъ военнаго званія, при чемъ и здѣсь онъ обнаружилъ поистинѣ феноменальную странность своей природы. Онъ не горевалъ, не страдалъ, не сожалѣлъ о потерянной карьерѣ, не раскаивался, а только неустанно писалъ куда-то полныя самоуниженія просьбы о помилованіи, гдѣ изображалъ себя несчастной жертвой и говорилъ о себѣ одио и то же: „Я ничтожная тля“.

Къ счастью для семьи Баганюка, надъ нимъ сжалились, и онъ былъ помилованъ съ переводомъ по службѣ въ Восточную Сибирь.

Вскорѣ и я вышелъ изъ полка. Годъ спустя, по волѣ случая, я трясся въ телѣгѣ, проѣзжая по унылой сибирской равнинѣ. Впереди за поскотиной виднѣлась деревня и бревенчатое зданіе этапа, обнесенное высокими острыми палиями,—обычный типъ сибирскихъ этапныхъ построекъ. Въ тотъ моментъ, когда я приближался къ деревнѣ, только-что прибыла арестантская партія и, выстроившись на улицѣ, ждала выхода начальника этапа. Каково же было мое изумленіе, когда въ этапномъ офицерѣ я узналъ нашего стараго знакомаго Баганюка. Онъ очень мало измѣнился, только во всей фигурѣ его, начиная съ походки и кончая разстегнутой военной курткой и фуражкой, сдвинутой на затылокъ, виднѣлись ухарство и распущенность, — черта, впрочемъ, свойственная очень многимъ начальникамъ сибирскихъ этапныхъ командъ.

— Крымчаки есть?.. Есть крымчаки? — крикнулъ Баганюкъ арестантской партіи слегка охрипшимъ голосомъ.

Я остановилъ ямщика, заинтересовавшись сценой, въ которой не могъ не узнать чего-то весьма похожаго на спектакли, которыхъ столько разъ бывалъ свидѣтелемъ.

— Есть, ваше б—діе.

— Кто такой? Выходи...

Изъ рядовъ, гремя и позвякивая кандалами, вышелъ далеко уже не молодой, несомнѣнно бродяжяго типа арестантъ, изъ

тѣхъ, которыхъ тоска по родинѣ, желаніе взглянуть на родное село заставляютъ пренебрегать покоемъ, рисковать жизнью, арестомъ съ перспективой плетей и каторги и безпрестанно путешествовать черезъ границу, изъ Сибири въ Россію и обратно въ годъ по два рейса.

— Крымчакъ?—односложно спросилъ Баганюкъ.

— Крымчакъ,—такъ же односложно, но не безъ оттѣнка лужавости отвѣтилъ кандалный.

— Ахъ, крымчаки, голубчики, — умильно заговорилъ Баганюкъ, слегка пошатываясь на ногахъ: — милые землячки!... Крым-ча-ки!!.. Покуримъ, землячокъ.

Онъ подаль арестанту папиросу, тотъ взялъ и закурилъ.

— Тамъ теперь фрукта этого, ежели взять, ваше в—діе, тьма тьмуцая, особливо насчетъ винограду, — началъ мнимый крымчакъ.—Опять же взять горы теперича, моря.

Баганюкъ поднялъ на говорившаго глаза и пристально посмотрѣлъ ему въ лицо. Онъ долго разглядывалъ арестанта и вдругъ визгливо крикнулъ:

— Ты чего мнѣ пускаешь дымъ въ носъ, а? Шпанка каторжная!!.. Запору, закую! Кандалы!..—совсѣмъ забывшись, заревѣлъ Баганюкъ.

Не было никакого желанія присутствовать при начавшейся дикой расправѣ, и я предпочелъ поскорѣе уѣхать въ деревню, гдѣ мнѣ предстояло прожить около недѣли.

Вся деревня, конечно, знала Баганюка, и мнѣ вездѣ приходилось слышать о его причудахъ, о дикости и разнузданности его характера. Онъ уже не довольствовался бородами. Онъ то жестоко билъ и истязалъ арестантовъ, мучилъ конвойную команду, угнеталъ свою собственную семью, то вдругъ рѣзко, безъ всякой видимой причины мѣнялъ свое обращеніе и становился необыкновенно ласковъ, мягокъ, щедръ и внимателенъ къ арестантамъ.

— Не пугай,—говорить при мнѣ отставной солдатъ въ ссорѣ съ чалдономъ ¹⁾,—не страдай: у Баганюка служилъ и то живъ остался.

Арестанты знали слабость Баганюка къ отыскиванію земляковъ и каждый разъ выбирали изъ своей среды одного изъ товарищей для этой роли. Если мнимый землякъ былъ находчивъ, могъ угодить ему и доказать, что онъ не обманывается и не притворяется, партія получала разрѣшеніе купить водки, „стрѣлять“ ²⁾ на деревнѣ и всякія другія льготы.

¹⁾ Чалдонъ, желторотный чалдонъ—прозвище, данное коренному сибиряку.

²⁾ Стрѣлять на арестантскомъ жаргонѣ значитъ собирать милостыню.

На службѣ въ Сибири Баганюкъ въ концѣ концовъ дошелъ до того, что подвергъ насилію, лишивъ свободы, И—скаго воинскаго начальника, полковника Поливанова. Послѣдній былъ командированъ высшей администраціей края для ревизіи конвойныхъ командъ.

Ко времени прибытія ревизора Баганюкъ выстроилъ своихъ солдатъ въ полной парадной формѣ, а самъ, какъ былъ въ распахнутой тужуркѣ, безъ сабли, такъ и представился полковнику.

— Вы что же это, капитанъ?.. Какъ вы на смотръ вышли? — замѣтилъ не столько возмущенный, сколько изумленный ревизоръ.

— А что такое?! — дерзко возразилъ Баганюкъ. — Ты что за птица, чтобъ я для тебя эполеты надѣвалъ? Кто ты такой? а? Я тебя знаю. Ты переодѣтый бродяга — вотъ ты кто. Эй, люди, взять его! Это бродяга, бѣглый.

И не успѣлъ очнуться отъ изумленія растерявшійся полковникъ, какъ его окружили, скрутили, и онъ неожиданно-негаданно очутился въ одной изъ этапныхъ камеръ подъ замкомъ и съ приставленнымъ къ ея дверямъ часовымъ.

Съ большимъ трудомъ удалось злополучному полковнику, при посредствѣ сельскихъ властей, телеграфировать кому слѣдуетъ въ И., откуда немедленно высланъ былъ чиновникъ для разслѣдованія этого невѣроятнаго и, быть можетъ, безпримѣрнаго происшествія.

Но, провѣдавъ объ этомъ заранѣе, Баганюкъ вышелъ со своими солдатами за деревню, на встрѣчу скакавшему врагу, захвативъ для куражу нѣсколько бутылей съ виномъ и кандалы.

— Стой! — остановилъ онъ ямщика, везшаго неизвѣстнаго пассажира. — Вылѣзай! — приказалъ онъ послѣднему. — Ты кто? Бродяга?.. По мордѣ вижу, что бродяга... И откуда ихъ несетъ, откуда они берутся?.. Ну, взять его! Справа — слѣва, заходи! — командовалъ Баганюкъ съ такимъ видомъ, точно бралъ неприступную крѣпость.

Солдаты окружили повозку.

— Вотъ я проучу ихъ, перестанутъ шлаться. Покоя нѣтъ отъ нихъ. Берите его, мазурика, — кричалъ совершенно уже обезумѣвшій хмельной Баганюкъ.

Но конвой, уже давно понявъ опасность, угрожавшую не только ихъ командиру, но и ему самому, смущенно стоялъ, не исполняя приказанія. Этимъ моментомъ и воспользовался чиновникъ, объяснивъ солдатамъ, что они должны повиноваться ему,

а не пьяному капитану, что они будутъ прощены за арестъ полковника, если будутъ исполнять его приказанія и немедленно арестуютъ Баганюка. Эта рѣчь, а можетъ быть промелькнувшія въ солдатскихъ головахъ воспоминанія о тиранствѣ и мучительствѣ Баганюка такъ ихъ настроили, что они арестовали своего командира. Подъ сильнымъ конвоемъ Баганюкъ въ тотъ же день былъ препровожденъ въ И., и тамъ заключенъ въ мѣстный острогъ.

Прошелъ еще годъ. Я возвращался изъ Сибири въ Россію и, проѣзжая черезъ И., слышалъ, что Баганюкъ все еще содержится въ мѣстной тюрьмѣ, что слѣдствіе открыло колоссальную массу преступленій по службѣ, растрату ввѣренныхъ ему суммъ, обсчитываніе арестантовъ и полнѣйшій произволъ въ отношеніяхъ къ нимъ и солдатамъ.

Съ тѣхъ поръ я совершенно потерялъ изъ виду Баганюка и о дальнѣйшей судьбѣ его ничего не знаю.

II.

Шм у л ь.

Шм у л ь благополучно проживалъ гдѣ-то на Литвѣ, когда однажды его оторвали отъ Ривки, съ которой онъ не успѣлъ провести еще медоваго мѣсяца, и отправили далеко-далеко отъ родного города въ полкъ.

Плакалъ Шм у л ь, плакала Ривка и причитала: „Будешь ты кушать трѣфное ¹⁾ и курить въ субботу, перестанешь молиться Богу и будешь „гоемъ“ ²⁾“. Но Шм у л ь клялся, что этого не будетъ, что скорѣй онъ умретъ, чѣмъ прикоснется къ солдатскому борщу, въ которомъ плаваютъ куски свиного сала, и умолялъ Ривку не плакать и дожидаться его, Шм у л ь, черезъ 5 лѣтъ. Провожая его, Ривка держала платочекъ у заплаканныхъ глазъ, и когда поѣздъ уже тронулся, закричала ему сквозь рыданія: „Смотри же, Шм у л ь, не кушай трѣфного“!..

Шм у л ь вмѣстѣ съ другими новобранцами прибылъ въ полкъ. Плохое житіе ему было.

Шм у л ь вѣлѣли сбрить бороду. Онъ подумалъ: ай-ай! что-то скажетъ Ривка, когда узнаетъ, что онъ это сдѣлалъ, что онъ

¹⁾ Кушанье приготовленное не евреями.

²⁾ Гой,—иновѣрецъ.

похожъ на опаленнаго поросенка“ ¹⁾). Нѣтъ, надо постараться избѣжать этого несчастья. И, подкарауливъ однажды въ полковомъ дворѣ командира полка, онъ просительно перегнулся въ сторону и сказалъ:

— Господинъ! ваше благородіе! Послушайте, что я вамъ скажу: пошлите меня въ 5-ю роту ²⁾). Я еврей, бороду брить грѣхъ... Господинъ!..

Полковникъ посмотрѣлъ на сопровождавшаго его адъютанта, какъ бы спрашивая его: что это значить? На его лицѣ выразились сперва удивленіе, затѣмъ гнѣвъ, но наконецъ онъ разрился здоровымъ, раскатистымъ, почти бетрищевскимъ смѣхомъ.

— Ступай, ступай!.. — выговорилъ онъ, наконецъ, сквозь смѣхъ...—Ступай... въ 5-ю роту... Ступай!..

Шмуть, очень довольный, переселился въ новую роту.

— Тебѣ чего? — спрашиваетъ фельдфебель, смотря съ изумленіемъ на Шмюля.

— Ой, не сердитесь, господинъ служивый. Мнѣ самъ капитанъ-исправникъ велѣлъ сюда идти.

Такимъ образомъ Шмуть спасъ свою бороду. Затѣмъ онъ остригъ волосы на головѣ, но пейсы оставилъ; правда, это были коротенькіе, жидкіе пейсы, и ихъ нельзя было сравнить съ тѣми длинными пейсами, которые онъ когда-то съ такой любовью расправлялъ, гладилъ, завивалъ, но Шмуть надѣялся, что они со временемъ опять отрутутъ и будутъ лучше прежнихъ.

Сталъ Шмуть вмѣстѣ съ другими учиться.

Пока дѣло шло объ усвоеніи разныхъ словесныхъ понятій: что такое служба, присяга и проч., онъ былъ далеко не изъ послѣднихъ,—онъ быстро усваивалъ всю эту премудрость. Когда молодыхъ стали обучать гимнастикѣ и маршировкѣ, Шмуть и тутъ, хоть съ трудомъ, а все-таки успѣвалъ, такъ что на его долю не досталось почти ни одного удара. Вообще онъ былъ послушный, робкій солдатикъ, исполнявшій все, что бы и кто бы ему ни приказывалъ.

Но когда, спустя шесть недѣль со дня опредѣленія его въ роту, ихъ—новенькихъ—разставили въ казармѣ въ шеренгу и роздали ружья... о! что тогда было со Шмюлемъ!.. Весь дрожа отъ страха, онъ взялъ ружье и тутъ же выпустилъ его изъ рукъ. Со звономъ упало оно на полъ, а Шмуть получилъ то, что въ этихъ случаяхъ полагалось, при чемъ дядька сказалъ: „Это,

¹⁾ Такъ называютъ евреи людей, брѣющихъ бороду.

²⁾ Рота бородатыхъ.

братъ, не лопата и не грабли“. Шмуля заставили взять ружье. Онъ старался держать его отъ себя какъ можно дальше: ни на минуту не покидала его мысль, что оно можетъ выстрѣлить и убить его — Шмуля. И что тогда будетъ съ Ривкой, — думалъ онъ, — когда она узнаетъ, что я умеръ. И ружье становилось ему все страшнѣе и страшнѣе. Какъ ни убѣждали Шмуля, какъ ни доказывали ему, что ружье само по себѣ стрѣлять не можетъ, наука не пошла дальше того, что Шмуль сжималъ крѣпко въ рукахъ прикладъ, боясь уронить его и тѣмъ, какъ онъ думалъ, произвести выстрѣлъ.

Наступила весна. Свѣтило яркое солнце, пробивалась всюду травка. На улицахъ маленькаго приморскаго города затрубили рожки, заиграли барабаны, и подъ эти звуки стали водить солдатъ за городъ на учебную стрѣльбу.

Несмотря на усиленную маршировку, фехтовку и стрѣльбу, весна для всѣхъ солдатъ очень пріятная и долгожданная гостя: весною рота живетъ на улицѣ, дышетъ чистымъ воздухомъ. Тѣмъ болѣе радовались ей новенькіе, что съ весною кончается первоначальная выучка и они вступаютъ въ ряды старыхъ солдатъ, что отчасти избавляетъ ихъ отъ самоуправства „дядекъ“ и заносчивости „стариковъ“.

Но Шмуль не радовался, онъ съ тайнымъ страхомъ ожидалъ того дня, когда его, Шмуля, заставятъ не только держать ружье, но и стрѣлять изъ него.

И вотъ наступилъ этотъ день...

Когда пришла очередь Шмуля стрѣлять, онъ трясся, какъ больной въ лихорадкѣ.

— Шеренга... пли!.. скомандовалъ унтеръ-офицеръ.

Шмуль зажмурилъ глаза, надавилъ на собачку и вмѣстѣ съ тѣмъ бросилъ ружье, а самъ повалился на земь. Онъ ударился о прикладъ и разбилъ себѣ лицо въ кровь.

На звукъ упавшаго ружья подошелъ ротный командиръ и велѣлъ повторить при себѣ пріемъ. Но Шмуль, хотя самъ на этотъ разъ не упалъ, но ружье попрежнему послѣ выстрѣла бросилъ.

Много и не щадя силъ Шмуль старался, много и горько онъ плакалъ, и никто уже не сомнѣвался, какъ прежде, въ томъ, что Шмуль притворяется и продѣлываетъ свои „фокусы“ нарочно.

Шмуля перестали водить на стрѣльбу.

Полковникъ, уже знавшій отъ командира роты „объ особенной неспособности“, какъ выразился послѣдній въ своемъ ра-

портѣ, Шмуля къ стрѣльбѣ, на смотру, который дѣлалъ вновь обученнымъ солдатамъ, обратился къ нему со словами:

— Ты отчего не стрѣляешь?

— Ваше высокоблагородіе, — отвѣтилъ Шмуль со слезами въ голосѣ, — не умѣю.

— Чтò-жъ ты умѣешь? чтò, а? — спросилъ разсерженный полковникъ.

— Все, все умѣю, ваше в—діе.

— Печи умѣешь ставить? — хотѣлъ его озадачить командиръ.

— Умѣю, ваше в—діе.

— Хорошо, — сказалъ полковникъ, подумавъ. — Ступай на мою квартиру. На кухнѣ печь развалилась. Почини, исправь. Посмотримъ. Обманешь — подь судъ отдамъ тебя, каналью!..

— Ой, и какъ же можно, ваше в—діе, обманывать господина начальника!

И Шмуль сталъ печникомъ, и когда бы ни занимался своимъ дѣломъ, — а былъ онъ имъ занятъ почти всегда, — онъ все думалъ: „какое счастье, что и дѣдъ мой, и отецъ, и я — мы постоянно чистили трубы въ господскихъ домахъ“.

Шмулю дали фартукъ, линейку, щетки, молотокъ и перевели въ нестроевую роту. И вотъ когда онъ зажилъ настоящей жизнью, жизнью благочестиваго еврея!

Еще съ прибытія въ полкъ онъ сдѣлалъ себѣ привычку вставать очень рано, когда всѣ еще спятъ и, надѣвъ на себя молитвенныя принадлежности, долго и горячо молился. Шмуль не оставилъ этой привычки до послѣдняго дня службы въ полку. Сперва надъ нимъ смѣялись, дразнили, а потомъ всѣ привыкли къ этому, и Шмуль своимъ упорствомъ какъ бы завоевалъ себѣ право утромъ и вечеромъ стоять на молитвѣ. Что же касается пици, то Шмуль и въ этомъ отношеніи свято хранилъ Ривкинъ завѣтъ и ни разу не прикоснулся къ солдатской ѣдѣ.

Долго питался онъ однимъ хлѣбомъ съ водой. А когда стали работать и стали перепадать на его долю и заработки, тогда Шмуль уходилъ къ еврейкѣ, чтò жила насупротивъ казармы, и тамъ получалъ горячую пищу.

Шмуля знали не только всѣ солдаты и офицеры, не только полковыя дамы, но даже и городскіе жители.

— Покажи, какъ Шмуль стрѣляетъ, — говорила какая-нибудь женщина своему сорванцу.

И сорванецъ съ палкой въ рукахъ продѣлываетъ артикулъ, какъ продѣлывалъ его когда-то Шмуль.

Да, это было когда-то, а теперь Шмуль хотя и ходитъ въ

старомъ, изодранномъ мундирѣ, но зато онъ пользуется любовью всѣхъ, кто его знаетъ. Онъ всегда работаетъ и хотя медленно, но зато отлично строить печи, исправляетъ ихъ и даже красить полы, чему онъ выучился въ полку отъ другого солдата-красильщика, и не такъ давно выкрасилъ „подъ паркетъ“ офицерскую столовую и другія комнаты.

Въ субботу Шмуть отдыхаетъ и ходитъ въ еврейскую молельню.

Этотъ праздникъ онъ сдѣлалъ себѣ самъ и никто противъ этого не возражалъ, потому что воскресный день онъ работалъ такъ же, какъ другіе субботній.

Никто никогда не звалъ Шмуля по фамиліи, да врядъ ли кто и зналъ ее. Всѣ говорили ему „Шмуть“, а нѣкоторыя дамы даже „голубчикъ Шмуть“.

Вотъ уже четвертый годъ, какъ Шмуть въ полку. Еще полтора года, и онъ обниметъ свою Ривку. Но я сомнѣваюсь, чтобы она повѣрила ему, когда онъ ей разскажетъ обо всемъ, а главное о томъ, что онъ остался все тѣмъ же „неиспорченнымъ евреемъ“.

III.

ПРІЯТЕЛИ.

Чуть пробилъ барабанъ утреннюю зорю, какъ вся рота была ужъ на ногахъ. Холодное декабрьское утро давало себя знать не только на дворѣ, но и въ казармѣ, которая не могла похвалиться тепломъ.

Былъ праздничный день. Несмотря на это, люди суетились такъ, какъ будто они собирались на ученье: второпяхъ одѣвались, мылись, убирали постели. Стройно и торжественно сотня голосовъ пропѣла передъ ротными образами утреннюю молитву, и затѣмъ всѣ разбрелись въ разныя стороны: кто ушелъ въ другія роты повидаться съ земляками, кто просто зѣвалъ, шляясь по двору, кто, наконецъ, въ клубъ отправился чай пить ¹⁾. Большинство же оставалось въ казармѣ и тоже не одинаково проводило время. Къ кому пришли гости, тѣхъ сейчасъ узнаешь по выраженію ихъ лицъ и по тому, что тутъ идетъ угощеніе чаемъ и даже водкой, смотря по достатку. Нѣкоторые, сидя

¹⁾ Солдатская чайная.

группами, вели нешумную бесѣду о прошломъ крестьянскомъ житьѣ или о прежней службѣ, о ея строгостяхъ, при чемъ приводились многіе случаи и происшествія.

Толстый, приземистый нѣмецъ Рауль напѣвалъ про себя какую-то грустную пѣсню, изъ которой мнѣ удалось разслышать слова „ein armes Mädchen stand“, и въ противоположность ему маленькій подвижной унтеръ-офицеръ Макаренко прекомично выводилъ дискантомъ:

„Всѣ мы пѣсни перепѣли.—
 Про комарика не спѣли!
 Ахъ, не спѣ... ахъ не спѣ...
 да не спѣли.“

Въ самомъ дальнемъ углу, на двухъ противоположныхъ другъ другу кроватяхъ, раздѣленныхъ маленькимъ крашенымъ столикомъ, сидѣли два солдата. Оба были уже старослужащіе, хотя на видъ довольно сохранившіеся, такъ что ихъ можно было принять за людей, служившихъ не болѣе, какъ второй годъ. Это были большіе пріятели. Про ихъ дружбу знали даже офицеры. Хотя Саламатинъ по росту не подходилъ къ Когликову, ибо послѣдній былъ много выше перваго, тѣмъ не менѣе въ строю, когда не было большихъ начальниковъ, они всегда стояли рядомъ. Трудно представить себѣ двухъ людей, столь не похожихъ другъ на друга, какъ Саламатинъ и Когликовъ. Начать съ того, что первый былъ маленькій, крѣпко сложенный, на короткихъ ножкахъ человѣкъ, тогда какъ Когликовъ былъ высокъ, сухощавъ и слылъ въ ротѣ подѣ именемъ, „длинноножки“. Саламатинъ носилъ рыжіе усы, имѣлъ очень выразительные голубые глаза и часто брилъ подбородокъ и щеки, мундиръ содержалъ въ безукоризненной чистотѣ и нѣсколько разъ на день осматривалъ глянецъ сапогъ, очень сокрушаясь, если приходилось идти на ученье или въ караулъ въ мокрую, грязную погоду. Что же касается до Когликова, то усовъ у него почти не было, брился онъ лишь по настоянію того же Саламатина, которому былъ подчиненъ, какъ своему ефрейтору, и неряшливъ былъ почти баснословно. Скажетъ ему кто-нибудь: „Хоть бы ты сапоги вычистилъ“, а онъ только опуститъ внизъ свои мутные глаза, изъ которыхъ одинъ смотрѣлъ влѣво, а другой вправо, затѣмъ подыметъ ихъ, посмотритъ на совѣтника и молчитъ: дескать, чего ихъ чистить и такъ ладно. Вообще длинноножка ко всему относился равнодушно, даже къ тому, что его часто дразнили, говоря: „Когликовъ, Расскажи, братецъ, за что твои

глаза поссорились“? и оживлялся лишь, когда подходило обѣденное время. Тогда съ несвойственной ему живостью онъ схватывалъ кѣпи, ложку и хлѣбъ и, припрыгивая и сбивая другихъ съ ногъ, кричалъ, подражая сигналу: „Бери ложку, бери бакъ, а не хочешь—ступай такъ“¹⁾, и всегда неизмѣнно первымъ оказывался у котла.

Когликовъ былъ изъ крестьянъ, никогда ничего не видѣлъ, кромѣ села своего, не зналъ другого дѣла, кромѣ сохи, и рѣдко говорилъ, больше всего отмалчивался, а если и отвѣчалъ на всякіе вопросы или замѣчанія, то не иначе, какъ односложными ругательствами. Саламатинъ былъ много развитѣе Когликова. Сынъ церковнаго сторожа, онъ рано лишился родныхъ, и оставшись круглымъ сиротой, попалъ на воспитаніе въ монастырь къ дядѣ своему—монаху. Пробывъ тамъ до 14 лѣтъ, онъ распростился съ своимъ воспитателемъ и пошелъ странствовать по Россіи съ котомкой за плечами и посохомъ въ рукахъ. Онъ не считалъ себя солдатомъ, на службу смотрѣлъ, какъ на случайность, оторвавшую его отъ странствій, и въ глубинѣ души мнилъ себя не иначе, какъ человѣкомъ духовнаго званія, а потому рѣчь свою пересыпалъ славянскими фразами или текстами изъ священнаго писанія и никогда не произносилъ бранныхъ словъ. Онъ всѣмъ говорилъ „ты“, за то и подчиненные никогда его не величали на „вы“ или дядькой, называя просто по фамиліи. Саламатинъ очень любилъ рассказывать историческое и божественное, никогда не уставалъ говорить о своихъ странствіяхъ и въ этомъ, быть можетъ, заключался секретъ того, что къ нему снисходили начальники, когда онъ не выказывалъ особаго рвенія къ службѣ. Правда, что они всегда дѣлали видъ, что ни мало не интересуются его рассказами, мало довѣряютъ ихъ правдивости и слушаютъ его только по своей снисходительности къ подчиненнымъ. На него рѣдко сердились старшіе, но зато не боялись и младшіе. Добрый, богобоязненный, онъ былъ, въ противоположность своему товарищу, туповатому и недалекому, очень смѣтливъ и хитеръ.

Несмотря на такую разницу, а можетъ быть и благодаря ей, Саламатинъ и Когликовъ состояли въ большой дружбѣ, доходившей иногда до трогательныхъ моментовъ.

Но случалось, что Саламатинъ сердился на друга, преиму-

¹⁾ Солдаты на всѣ сигналы положили слова, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются большимъ остроуміемъ. Такъ, провожая солдата въ могилу, рожекъ спрашиваетъ: „Ты куда? Ты куда?“ „Въ тар-та-ра-ры, въ тар-та-ра-ры“,—отвѣчаетъ барабанъ.

щественно за его неряшливость и, главное, за то, что Когликовъ даже ружья не берегъ, не чистилъ его, не смазывалъ. Однажды онъ даже пригрозилъ ему: „Я тебя, глупаго, вотъ наряжу наряда на два не въ очередь въ караулъ—будешь тогда ружье беречь. Мнѣ вѣдь за тебя отвѣчать“. Когликовъ посмотрѣлъ на него, съ минуту постоялъ въ нерѣшительности, затѣмъ спокойно подошелъ къ Саламатину и щелкнулъ его слегка по носу.

— Выходи, стройся!—гудитъ басъ дежурнаго унтеръ-офицера.—Саламатинъ, а ты чего прохладжаешься?

— Иди къ Богу. Дай исторію доскажу... И рече Господь: „се прахъ“...

— Ахъ, ты лѣшій аеонскій! Долго я съ тобой возиться стану? Смотри, ротному доложу.

— Докладывай, грѣховодникъ, докладывай. Не впервой тебѣ божьихъ людей обижать.

— Иды, не разгужуруй. Цѣ не солдатъ, цѣ баба яка, або полומרъ.

— Иду, иду... И то, братъ, надо идти... Да не ори, страхолюдь,—огрызается Саламатинъ,—страхолюдь и есть. Послѣ доскажу,—бросилъ онъ мнѣ на ходу.

На ученѣхъ, бывало, только скомандуютъ: „вольно, оправь!“ какъ ужъ Саламатинъ собираетъ вокругъ себя аудиторію. „Ну, чтò я стану рассказывать?... Еще до выходу евреевъ изъ плѣну египетскаго жилъ былъ премудрый царь Соломонъ“...—начиналъ онъ, и толпа жадно внимаетъ его рассказамъ, а Когликовъ, какъ только пріятель его принимался за свои мудрыя исторіи, ложился на койку, закрывалъ глаза и, повидимому, совсѣмъ не слушалъ, на самомъ же дѣлѣ въ цѣлой ротѣ не было у Саламатина болѣе раболѣпнаго слушателя и почитателя, чѣмъ Когликовъ, чтò прекрасно зналъ и самъ Саламатинъ и за чтò онъ прощалъ ему многіе его недостатки.

— А, ну-ка, Саламатинъ, расскажи что-нибудь про странствія.

— Да все ужъ, почитай, рассказалъ. Нечего ужъ и говорить, — скромничаетъ Саламатинъ, который любилъ, чтобъ его упрасивали.

— Да ты поройся, гляди, и найдется что-нибудь. Вотъ ты говорилъ, что въ Бахмутѣ бывалъ. Что-жъ, хорошій это городъ?

— Въ Бахмутѣ!—переспрашиваетъ Саламатинъ.—Это точно, что бывалъ я и въ Бахмутѣ. И слышу я, братецъ, гласъ: „Ступай въ Бахмутъ“. Постой, — прерываетъ онъ себя, — дай двѣ копейки: мы съ Когликовымъ чаю напьемся за твое здоровье.

Получивъ просимое, Саламатинъ откомандировываетъ Когликова въ клубъ за кипяткомъ и цикоріемъ ¹⁾ и затѣмъ, по возвращеніи его продолжаетъ.

— А въ Бахмутѣ грязь, и не доведи Богъ! Не разъ лапти терялъ. Вотъ, другъ ты мой, иду я разъ по базару, а насупротивъ меня фартальный. Я ему, какъ полагается, шляпенку снялъ. А онъ какъ глянетъ на меня, какъ глянетъ... Господи, думаю, Варвара Великомученица, не дай въ обиду.—„Откуда? Изъ какихъ мѣстъ?“ говоритъ. Странникъ, говорю, ваше благородіе. „Откуда?“ да какъ крикнетъ! Вѣришь ли ажно будто животь у меня ушелъ куда-то, такъ подвело. Вотъ-вотъ, кажется, на колѣни упаду. Да парилъ надъ моею головою ангелъ небесный. Откуда и храбрости взялъ—не знаю.—Изъ Святыхъ, ваше благородіе.—„Зачѣмъ?“—Какъ странникъ, говорю, ваше благородіе, а самъ думаю: съѣсть ты меня не съѣшь, а страданія принять я готовъ. „Взять!...“ Ваше благородіе! Сирота я, божій человѣкъ. Куда тебѣ? И поволокли меня, и бросили что ни на есть въ смрадный погребъ. Не доведи Богъ. Не то что сказать врагу государеву, а и турку того не пожелаю: тутъ тебѣ смерть, тутъ тебѣ гады. И возропталъ я: доколѣ, о, Господи, будешь ты терзать плоть мою?! И вспомнилъ я про Іова многострадальнаго, а какъ вспомнилъ, индо тепло на душѣ стало. Палъ я на колѣни и давай молиться. Понялъ я, что Богъ мнѣ испытаніе посылалъ.

— Что-жъ, долго ли просидѣлъ?

— Заутра. Пришелъ фартальный. „Ты, говоритъ, Михаилъ Саламатинъ“,—значить, по пачпорту узналъ. „Ступай, говоритъ. Вотъ тебѣ на порцію“... Ну, какъ же не Богъ? Все Богъ, а ты, капраль, говоришь,—обратился онъ ко мнѣ,—что громъ не отъ Бога. А отъ кого же?.. Нѣтъ, ты скажи, отъ кого?—присталъ онъ ко мнѣ.

— Да много-ль даль-то на выпивку-то?—спросилъ Когликовъ, отрываясь отъ блюдечка.

— Погоди. До выпивки надо еще возблагодарить Творца вселенной,—строго возразилъ рассказчикъ.—Поставилъ я свѣчу Николѣ вешнему, да чаю напился. И таково это хорошо на душѣ стало... Вотъ тебѣ и про Бахмутъ. А ты не былъ въ Бахмутѣ? Не былъ? Ну, братъ и грязь...

— И что вы слушаете его?—вставилъ Макаренко, — вѣдь онъ брехунъ. Чего глядѣлки пучишь?

¹⁾ Солдаты часто пьютъ цикорій вмѣсто чая, предпочитая первый за его дешевизну.

— Брехунъ твой батька.

— Ахъ ты, бѣлоторское пугало, печорская крыса! Службу забылъ, гнѣздо поповское? Я твой начальникъ, чортово пугало!

— Коли чортово, такъ, стало быть, за ангеломъ стою, а ты у нечистой силы въ поварахъ. Право слово...

— Безъ очереди!.. Подъ арестъ!—ужъ разсердившись, кричить Макаренко.

— Только твоихъ словъ и есть, что „безъ очереди, да подъ арестъ“. А что въ св. писаніи сказано: „Люби ближняго, какъ самого себя“, а ты обижаешь... Эхъ, вы книжники и фариसेи... И азъ глаголю вамъ... слышалось уже въ другомъ мѣстѣ казармы.

На этотъ разъ, однако, Макаренко не былъ склоненъ простить Саламатину его неуваженіе къ своему званію, и Саламатинъ въ первый разъ за всю свою службу очутился въ маленькой каморкѣ съ маленькимъ окномъ за желѣзнымъ переплетомъ и подъ замкомъ. Трудно сказать, кто болѣе былъ огорченъ этимъ обстоятельствомъ: самъ ли Саламатинъ или другъ его Когликовъ. Всякую свободную минуту онъ проводилъ въ караульномъ домѣ у дверей заключеннаго, носилъ ему обѣдъ, кипятокъ, даже бѣлый хлѣбъ и сахаръ, которые выпрашивалъ въ клубъ въ долгъ и вообще, видимо, тосковалъ, лишившись вдругъ товарища, къ которому сильно привязался за долгіе годы совмѣстной жизни.

И надо же было видѣть его радость, когда однажды, прійдя съ ученья, онъ засталъ Саламатина, который сидѣлъ у окна и, какъ ни въ чемъ не бывало, чинилъ его, Когликова, шинель! Но со времени этого ареста Саламатинъ какъ-то примирѣлъ и сталъ очень разсѣянъ. Богъ его знаетъ, о чемъ онъ думалъ. Но я предполагаю, что въ это время онъ очень рвался къ своимъ монастырямъ и странствіямъ. Разсѣянность его доходила до того, что однажды капитанъ на словесномъ ученіи, замѣтивъ, что Саламатинъ думаетъ о чемъ-то постороннемъ, вдругъ обратился къ нему:

— Саламатинъ! Медвѣдь летить!..

— Гдѣ, ваше благородіе? — вскочивъ съ мѣста, спросилъ Саламатинъ.

А. Геденовъ.

ГОЛОСЪ ЗЕМСТВА О ТѢЛЕСНОМЪ НАКАЗАНІИ ¹⁾.

„Если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгоняетъ сѣченаго изъ своей среды, и это послужитъ ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ врагомъ общества навѣки. Но подобная страна еще счастлива. Хуже тамъ, гдѣ только-что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія, — это свидѣтельствуетъ о грубости народа, объ его отсталости“. *Росси.*

„Тѣлесное наказаніе есть возведеніе побоевъ въ законъ, есть узаконеніе грубой силы... Побои, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положительно безнравственнымъ“... *Б. Аксаковъ.*

Покойную Евгенію Павловну Серебренникову лично узналъ я очень недавно и встрѣчалъ ее только на Пироговскихъ сѣздахъ врачей. Здѣсь рѣзко сказывалась недюжинная натура Евгеніи Павловны, которая не могла ограничиться одной своей, хотя и благодарной, спеціальностью. Сильно волновали ее всѣ наболѣвшіе общественные вопросы, и всегда она имѣла въ виду нашъ бѣдный и темный народъ. Уже полубольная явилась она на Пироговскій сѣздъ въ Кіевѣ, и ея присутствіе вовсе не прошло безслѣдно. Тогда однимъ изъ наболѣвшихъ вопросовъ было *тѣлесное наказаніе*, и Е. П. обратила вниманіе членовъ сѣзда на это позорное явленіе. Съ свойственной ей энергіей доказывала она необходимость и Пироговскому сѣзду откликнуться на этотъ

¹⁾ Настоящая статья первоначально была напечатана въ „Русскомъ Богатствѣ“ за 1898 годъ (6-я книжка). Въ виду того интереса, который возбуждаетъ въ настоящее время вопросъ о тѣлесномъ наказаніи, издатели „Сборника“ признали полезнымъ перепечатать статью, при чемъ авторъ снабдилъ ее предисловіемъ и пополнилъ новыми данными. *Ред.*

вопросъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ найдено было неудобнымъ самой Е. П. выступить съ докладомъ о тѣлесномъ наказаніи и необходимости ходатайствовать объ отмѣнѣ его для всѣхъ крестьянъ безъ исключенія. Внесеніе такого ходатайства на секціи общественной медицины было поручено Евгеніей Павловной мнѣ... Вотъ почему въ Сборникѣ, посвященномъ памяти Евгеніи Павловны, я помѣщаю статью о тѣлесномъ наказаніи и вотъ почему ей, какъ инициатору, посвящаю я эту статью. *Feci, quod potui, faciunt meliora potentes...*

Послѣдніе три года вопросъ о тѣлесномъ наказаніи привлекъ вниманіе всего русскаго общества: земство, дворянство, видные представители администраціи, военнаго вѣдомства и юстиціи, ученыя общества, съѣзды и общества врачей, печать всѣхъ отраслей свѣтская и духовная, административная и общая, дѣятели, близко стоящіе къ народу, — предводители дворянства, учителя, врачи и даже земскіе начальники, — всѣ въ той или другой формѣ, съ большей или меньшей силой протестуютъ противъ розогъ и ходатайствуютъ объ отмѣнѣ ихъ. Даже темные и безгласные крестьяне, несчастные объекты этого наказанія, и тѣ находятъ различные способы подать и свой голосъ противъ этого позорнаго наказанія — остатка рабства. Розги являются какъ бы эпидеміей травмъ, которая въ послѣднее время замѣтно ослабѣваетъ, но все-таки оказываетъ еще сильное пагубное вліяніе на здоровье не только наказуемыхъ, но и окружающихъ ихъ.

Вполнѣ естественно, что врачи также не могли игнорировать этой эпидеміи; нѣсколько врачебныхъ обществъ обсуждали вопросъ о тѣлесномъ наказаніи и возбудили соотвѣтственныя ходатайства объ отмѣнѣ его. Затѣмъ являющійся выразителемъ желаній русскихъ врачей VI съѣздъ въ память Н. И. Пирогова въ Кіевѣ при громкихъ единодушныхъ рукоплесканіяхъ принялъ предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ крестьянъ безъ исключенія; въ распорядительномъ засѣданіи съѣзда была избрана особая коммиссія изъ врача Д. Н. Жбанкова, проф. М. Я. Капустина, проф. С. С. Корсакова и врача В. И. Яковенко, которымъ и было поручено составить вполнѣ мотивированное ходатайство и передать его въ правленіе съѣзда для направленія его въ надлежащемъ порядкѣ. Эта коммиссія поручила двумъ своимъ членамъ собрать предварительно имѣющійся въ печати матеріалъ по тѣлесному наказанію, а также свѣдѣнія отъ врачей о пагубномъ вліяніи тѣлесныхъ на-

казаній на здоровье наказуемыхъ. Весь этотъ матеріаль долженъ быть систематизированъ и послужить основаніемъ для мотивировки ходатайства. Въ виду того, что земства въ протестѣ противъ розогъ играли выдающуюся роль, признано было необходимымъ собрать весь земскій матеріаль по данному вопросу; на обращеніе коммисіи всѣ губернскія управы, за исключеніемъ нѣсколькихъ, отозвались очень охотно и въ непродолжительномъ времени прислали необходимые журналы, постановленія или увѣдомленія. По четыремъ земствамъ вмѣсто управъ дали сообщенія служащіе при губернскомъ земствѣ врачи, и недостаетъ свѣдѣній только по Олонецкому и Тульскому земствамъ. Несомнѣнно, что земскія ходатайства сыграютъ извѣстную роль въ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; въ то же время всѣ земскія мытарства съ этимъ вопросомъ составляютъ довольно интересную и поучительную страницу изъ земской жизни, почему мы и сочли необходимымъ ознакомить общество съ краткимъ сводомъ всѣхъ земскихъ постановленій относительно тѣлеснаго наказанія. Всѣ ходатайства и постановленія вполне опредѣленны и не нуждаются въ комментаріяхъ; отмѣтимъ только одно малоизвѣстное всѣмъ обстоятельство, что земства уже съ начала 80-хъ годовъ начали ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Губернскія земства, Владимірское, Вятское, Орловское, Харьковское и Ярославское, по сообщеніямъ управъ, не возбуждали вопроса объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Впрочемъ *Харьковское* земство ходатайствуетъ объ освобожденіи отъ розогъ крестьянъ, прослужившихъ извѣстное число лѣтъ пожарными старостами. Стало-быть, и это земство, хотя и по особой причинѣ, протестуетъ противъ тѣлеснаго наказанія („Сынъ Отеч.“ 1898 г. № 263).

Владимірскому губернскому собранію также придется разсматривать въ декабрѣ 1898 г. вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія согласно ходатайству *Гороховецкаго* земскаго собранія. Вопросъ въ этомъ собраніи былъ поднятъ земскимъ начальникомъ П. П. Булыгинымъ, который между прочимъ высказалъ, что, „стоя близко къ народу въ качествѣ земскаго начальника, онъ убѣдился, что не только нѣтъ надобности когда-либо примѣнять тѣлесное наказаніе, но, ссылаясь на мнѣніе товарищей, беретъ смѣлость утверждать, что кромѣ вреда ничего нѣтъ и быть не можетъ отъ примѣненія этой несвоевременной, позорной и лишающей не только чести, но и нѣкоторыхъ правъ мѣры“, такъ какъ лица, подвергшіяся тѣлесному наказанію, лишаются права выбора въ старосты, на участіе въ выборахъ. Это хода-

тайство было поддержано гласнымъ волостнымъ старшиной и др. гласными, доказывавшими вредъ тѣлеснаго наказанія, а уѣздный предводитель заявилъ, что теперь въ Гороховецкомъ уѣздѣ тѣлесное наказаніе не примѣняется. Собраніе постановило возбудить ходатайство черезъ губернское собраніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ („Русск. Вѣдом.“ 1898 г. № 204). Остальныя земства расположены въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ по каждой губерніи приведены и всѣ уѣздныя земства, заявившія ходатайства по данному вопросу.

Бессарабское губернское собраніе въ засѣданіи 7-го февраля 1895 г. заслушало и приняло предложеніе гл. П. Н. Кишинскаго ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, такъ какъ эта мѣра явится очень дѣйствительною для дальнѣйшаго распространения народнаго образованія. Подобное же ходатайство, по предложенію Л. М. Геевскаго, было возбуждено XXVII хотинскимъ уѣзднымъ собраніемъ въ засѣданіи 11-го октября 1895 г. Однако губернская управа воздержалась отъ представленія перваго ходатайства губернскаго собранія, и оно было возбуждено уже въ слѣдующемъ году, послѣ такого вторичнаго постановленія XXVII губернскаго собранія въ засѣданіи 11-го февраля 1896 г.: „Раздѣляя тѣ основанія, по которымъ управа воздержалась отъ представленія ходатайства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ народныя школы, но имѣя въ виду, что подобныя ходатайства были возбуждены въ послѣднее время нѣкоторыми дворянствами и земствами, и что таковымъ былъ данъ надлежащій ходъ, собраніе нашло необходимымъ возбудить это ходатайство“.

Въ *Вологодской* губерніи, по сообщенію губернской управы, Устюжское уѣздное земство въ 1895 г. и Усть-Сысольское въ 1896 г. возбудили ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, кончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Губернская управа оба раза представляла доклады объ этихъ ходатайствахъ губернскому собранію, но оба раза предсѣдатель собранія не допустилъ къ обсужденію этотъ вопросъ, якобы имѣющій общегосударственное значеніе.

Воронежское губернское земское собраніе нѣсколько разъ возбуждало ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, окончившихъ начальныя школы. Первое ходатайство было возбуждено губернскимъ собраніемъ въ сессію 1890 г.; министръ внутреннихъ дѣлъ, по совѣщанію съ министромъ народнаго просвѣщенія и юстиціи, сообщилъ, что это ходатайство

относится къ общегосударственнымъ вопросамъ, а не къ мѣстнымъ нуждамъ. Затѣмъ на вторичное такое же ходатайство сессіи 1891 года отвѣта не получено. Наконецъ, воронежское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 14 октября 1895 года слушало письменное, весьма подробно мотивированное предложеніе предсѣдателя этого собранія, уѣзднаго предводителя дворянства, И. Т. Алисова. Кромѣ общихъ соображеній о вредѣ розогъ, авторъ предложенія приводитъ мнѣніе другихъ лицъ и печати объ этомъ наказаніи: казанскихъ профессоровъ-медиковъ о вредѣ розогъ съ санитарной точки зрѣнія, извѣстнаго генерала Драгомирова, осуждающаго тѣлесное наказаніе для солдатъ и находящаго, что „нѣтъ болѣе противнаго нравственной природѣ челоуѣка, какъ тѣлесное наказаніе“, — наконецъ, органа с.-петербургской духовной академіи „Церковнаго Вѣстника“, который осудилъ это наказаніе съ точки зрѣнія христіанства, указывая, между прочимъ, и на то, что древне-русскому народу тѣлесное наказаніе было чуждо, и что оно занесено къ намъ различными иноземцами. Многіе гласные поддержали предложеніе предсѣдателя, и собраніе единогласно постановило возбудить ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ всѣхъ вѣдомствъ. Это предложеніе уѣзднаго земства было прочитано въ засѣданіи 16 декабря 1895 года губернскаго земскаго собранія. Указавъ на то, что губернское земство уже дважды ходатайствовало по этому поводу, И. Т. Алисовъ полагаетъ, что земство можетъ снова поднять то же ходатайство.

„Вопросъ объ этихъ ходатайствахъ по существу рѣшается въ комитетѣ министровъ, и можно снова возбудить ходатайство; и, затѣмъ, получивъ опредѣленный отвѣтъ, въ случаѣ отказа, обжаловать его въ Сенатъ, по примѣру другихъ земскихъ собраній, или принять какіе-либо законные способы для защиты своего права на то, чтобы ходатайства доходили до высшаго правительства. Отмѣна тѣлеснаго наказанія является мѣстной нуждой, и „если такая нужда существуетъ и въ другихъ губерніяхъ, то это уже дѣло высшаго правительства признать ее общегосударственной нуждой“. Собраніе постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ губерніи, окончившихъ курсъ во всѣхъ начальныхъ школахъ. Въ 1897 г. въ октябрьскомъ засѣданіи воронежское уѣздное собраніе снова постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но на этотъ разъ уже для всѣхъ лицъ уѣзда, такъ какъ тѣлесное наказаніе бесполезно и кромѣ того уни-

жаетъ человѣка и оскорбляетъ его достоинство, независимо отъ степени его образованія („Русск. Вѣд.“ 1897 г. № 325).

Въ *Екатеринославской* губерніи весьма обстоятельную записку внесъ въ маріупольское уѣздное земское собраніе уѣздный предводитель дворянства П. В. Каменскій. Заявивши себя свободнымъ „отъ тенденцій, отъ предвзятой точки зрѣнія“, П. В. Каменскій основалъ „свои соображенія на мѣстныхъ условіяхъ уѣзда, изгоняющихъ розгу“. Крестьяне Маріупольскаго уѣзда не представляютъ однородной массы, среди нихъ много лицъ съ высшимъ развитіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и вообще населеніе уѣзда, благодаря 25-лѣтней дѣятельности земства въ области народнаго образованія, оказывается болѣе развитымъ, болѣе культурнымъ. Для него тѣлесное наказаніе не такъ страшно по физической боли, какъ по психическимъ, нравственнымъ страданіямъ. Это наказаніе имѣетъ ту особенность, что, объективно оставаясь одной величиной, оно является неизмѣримо различной величиной, смотря по лицу, на которое падаетъ; для одного это—только острая физическая боль, а для другого—„психическая пытка, разрушающая его душу“. Для громаднаго большинства маріупольцевъ розги будутъ имѣть второе значеніе и такимъ образомъ являются грубой несправедливостью—несоотвѣтствіемъ между проступкомъ и тяжестью наказанія, такъ какъ розги могутъ быть назначены за маловажные поступки, какъ-то: нанесеніе обиды на словахъ или письмѣ, прошеніе милостины, нарушеніе общественной тишины. Въ виду такого состава населенія уѣзда земскіе начальники не утверждаютъ почти всѣ приговоры волостныхъ судовъ о тѣлесномъ наказаніи. Но этого недостаточно: лица могутъ перемѣниться, а важенъ порядокъ, основанный на законѣ, иначе населеніе постоянно остается подъ угрозой висящей розги. Что значить эта угроза, П. В. Каменскій доказываетъ прекраснымъ примѣромъ: „Сдѣлаемъ невѣроятное предположеніе, допустимъ, что тѣлесное наказаніе по приговорамъ судовъ распространяется на все населеніе нашего государства безъ различія сословій. Можно быть увѣреннымъ, что наши просвѣщенные суды, покорные духу времени, не могли бы произнести приговора о сѣченіи розгами. Тѣмъ не менѣе существованіе такого закона давило бы насъ, какъ кошмаръ, причиняло всегдашнее безпокойствіе и было бы для насъ моральнымъ несчастіемъ“. Въ заключеніе записки П. В. Каменскій предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія Маріупольскаго уѣзда. Уѣздная управа поддерживаетъ это предложеніе, выражающее „одно изъ заду-

шевныхъ желаній населенія, чувствующаго себя постоянно подъ гнетущей угрозой отвратительной расправы,—этой нагой экзекуціи“. Мариупольское собраніе въ засѣданіи 10 октября 1896 г. постановило единогласно возбудить предложенное ходатайство. Губернская управа также поддержала это ходатайство, указывая на полную законность его, но предсѣдатель губернскаго собранія не допустилъ его до разсмотрѣнія. Въ александровскомъ уѣздномъ ¹⁾ собраніи одинъ гласный, дѣлая обзоръ мѣръ для поднятія народнаго хозяйства, указалъ также на необходимость отмены тѣлесныхъ наказаній, но предсѣдатель остановилъ оратора, хотя его и поддержали нѣсколько гласныхъ.

Въ *Казанской* губерніи первое Чистопольское земство ²⁾ возбудило въ 1894 г. ходатайство объ отменѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Это ходатайство, конечно, должно было пройти черезъ губернское собраніе, но казанскій губернаторъ нашелъ, что чистопольское собраніе вышло изъ круга своего вѣдомства, и предложилъ губернской управѣ не давать дальнѣйшаго хода этому постановленію уѣзднаго земства. Затѣмъ казанское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 5 октября 1895 г., согласно предложенію одного гласнаго—члена училищнаго совѣта, единогласно постановило ходатайствовать черезъ губернское собраніе объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ земскихъ начальныхъ школахъ. Однимъ изъ мотивовъ такого ходатайства было предположеніе, что эта льгота для окончившихъ курсъ усилитъ среди крестьянъ любовь къ грамотности и будетъ способствовать широкому распространенію образованія въ народѣ ³⁾. Это ходатайство было представлено на обсужденіе губернскаго собранія, но доложенъ ли этотъ вопросъ собранію, и какое состоялось постановленіе, мы не знаемъ.

Въ *Калужской* губерніи Козельское и Мещовское уѣздныя земства въ осеннюю сессію 1895 г., согласно предложенію гласнаго Н. С. Кашкина, единогласно постановили возбудить ходатайство черезъ губернское собраніе объ избавленіи всѣхъ, получившихъ образованіе въ народныхъ школахъ всѣхъ наименованій въ Мещовскомъ и Козельскомъ уѣздахъ, отъ тѣлеснаго наказанія, „позорящаго нравственное достоинство человѣка, которое земство старается развить путемъ религіозно-нравственнаго образованія“. Въ мотивировкѣ этихъ ходатайствъ указы-

¹⁾ В. Семевскій. Необходимость отмены тѣлесныхъ наказаній. Русск. Мысль 1896 г. Мартъ, стр. 62.

²⁾ Саратовская Земская Недѣля, № 13 1895 г.

³⁾ Семевскій, I. с., стр. 62.

вается, что народное образованіе, благодаря заботамъ земства и стараніямъ самого населенія, быстро растетъ, а тѣлесное наказаніе является тормозомъ для развитія народа. Оба эти ходатайства въ губернскомъ собраніи, благодаря краткости сессіи, не были рассмотрѣны, какъ сообщила намъ объ этомъ губернская управа.

Въ *Костромской* губерніи настоящій вопросъ былъ возбужденъ двумя земствами. Костромское уѣздное земское собраніе¹⁾ постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ начальную школу. Это постановленіе было опротестовано губернаторомъ на томъ основаніи, что данный вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе, и земство, по 2-й ст. земскаго положенія, не имѣетъ права ходатайствовать по подобнымъ вопросамъ. Этотъ протестъ былъ рассмотрѣнъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ; оно большинствомъ голосовъ признало, что уѣздное земство имѣло право возбудить ходатайство, и что ходатайства передъ правительствомъ, на основаніи рѣшеній Сената, должны быть представляемы установленнымъ порядкомъ.

Губернское земское собраніе, въ засѣданіи 16 января 1896 года, постановило возбудить болѣе общее ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ по приговорамъ волостныхъ судовъ. Это ходатайство опять-таки было опротестовано губернаторомъ и передано имъ на рассмотрѣніе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія. Последнее опредѣлило постановленіе губернскаго собранія отмѣнить, какъ незаконное, такъ какъ „возбужденный въ этомъ постановленіи вопросъ есть вопросъ обще-государственный, а не мѣстный, и притомъ онъ по существу своему не подходитъ ни подъ одинъ изъ разрядовъ дѣлъ, указанныхъ въ ст. 2 Полож. о земск. учрежд., которыя подлежатъ обсужденію земскихъ учреждений, и по которымъ земскими собраніями могутъ быть возбуждаемы ходатайства, такъ какъ очевидно, что законъ, предоставляя земскимъ собраніямъ ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, разумѣетъ подъ этими пользами и нуждами тѣ, которыя касаются дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ учреждений“. (Эта фраза, буквально списанная изъ докладовъ управы, довольно темна). Губернское собраніе декабрьской сессіи 1896 г. не согласилось съ этимъ опредѣленіемъ присутствія. Гласный Н. А. Зюзинъ разъяснилъ, что Сенатъ недавно входилъ въ рассмотрѣніе существую-

¹⁾ Саратовская Земская Недѣля 1895 г. № 45.

щаго порядка разсмотрѣнія и отклоненія земскихъ ходатайствъ, состоящаго въ томъ, что ходатайства эти направляются къ губернатору и, въ случаѣ его протеста, въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, которое и можетъ отмѣнить постановленіе собранія. Этотъ порядокъ, какъ указывалъ Н. А. Зюзинъ, Сенатъ нашелъ несогласнымъ съ закономъ и разъяснилъ, что земскія ходатайства должны доходить до кульминаціоннаго пункта, назначеннаго для нихъ по закону, т.-е. до комитета министровъ, который одинъ только и можетъ безапелляціонно рѣшать въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ земскія ходатайства. Собраніе согласилось съ предложеніемъ гласнаго Зюзина и большинствомъ 33 противъ 1 постановило: уполномочить губернскую управу принести жалобу на опредѣленіе губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія.

Въ *Курской* губерніи починъ въ данномъ вопросѣ исходилъ отъ трехъ уѣздовъ, при чемъ на уѣздныхъ собраніяхъ 1895 г. одинаковыя предложенія вносились различными лицами. Суджанское собраніе приняло предложеніе уѣзднаго училищнаго общества ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ. Грайворонское собраніе возбудило подобное же ходатайство и, между прочимъ, указало, что отмѣна тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ будетъ служить сильнѣйшимъ побудительнымъ мотивомъ къ окончанію курса. Въ старооскольскомъ собраніи 6 октября 1895 года предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія хотя бы для окончившихъ курсъ было возбуждено однимъ земскимъ начальникомъ отъ лица всѣхъ остальныхъ земскихъ начальниковъ, которые ни разу не утверждали приговоровъ волостныхъ судовъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ¹⁾. Это предложеніе было горячо поддержано гласными изъ крестьянъ и принято собраніемъ. Губернская управа представила докладъ объ этихъ постановленіяхъ губернскому собранію и оно въ засѣданіи 20 декабря 1895 года постановило закрытой баллотировкой—возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ Курской губерніи.

Въ *Московской* губерніи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ поднимался неоднократно. Въ первый разъ въ губернскомъ земскомъ собраніи онъ обсуждался въ 1879 году, въ чрезвычайную сессію при разборѣ доклада особой комиссіи о волостныхъ судахъ (вечернее засѣданіе 19 іюня). Комиссія предлагала изъ наказаній, которыми располагаетъ волостной судъ, совершенно

¹⁾ Русск. Вѣд. 1895 г. № 289.

исключить тѣлесныя, какъ „средство грубое и недостигающее цѣли“. Это предложеніе вызвало очень продолжительныя пренія, при чемъ гласные: Васильчиковъ, Уваровъ, Мусинъ-Пушкинъ были за, а гласные: Самарины, Шлиппе, Волковъ, Безобразовъ—противъ предложенія комиссіи и за сохраненіе тѣлеснаго наказанія. Главныя мотивы послѣднихъ сводились къ слѣдующему. Нечѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ арестъ невыполнимъ по отсутствію подходящихъ помѣщеній, и теперь это наказаніе ложится не на арестуемаго, а на тѣхъ, кто его кормитъ и караулитъ; штрафъ также уплачивается часто не самимъ виновнымъ, а его семьей, родителями. Общество, отвѣчающее за крестьянина круговой порукой, имѣетъ право наказывать его; къ этому гласный Волковъ (крестьянинъ) добавилъ, что теперь невозможно отмѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ крестьяне настолько необразованы и дики, что не могутъ сознавать дурную сторону многого, дѣйствительно дурного, напр., пьянства, дракъ. „Скажите, что дѣлать крестьянамъ съ бобылемъ, который отправляется на заработки, ведетъ невоздержанную жизнь, возвращается въ общество безъ денегъ и не платить оброка? Если его наказать, то на будущее время онъ будетъ остерегаться и будетъ беречь деньги“. Много говорилось о томъ, что слѣдуетъ относиться съ уваженіемъ къ обычаямъ народной жизни и не прибѣгать къ „нравственному произволу“ надъ крестьянами, которые такъ любятъ тѣлесное наказаніе, что, несмотря на воспрещеніе закономъ, продолжаютъ примѣнять самую грубую форму этихъ наказаній, а именно—тѣлесныя наказанія къ женщинамъ. Противники тѣлеснаго наказанія эти факты беззаконнаго насилія надъ женщинами, а также наказанія и мужчинъ помимо суда по произволу старшинъ и старостъ приводили въ защиту своего взгляда, но приверженцы порки такъ остроумно (?) перевернули ихъ въ свою пользу. Случаи злоупотребленій тѣлеснымъ наказаніемъ и примѣненіемъ его къ людямъ невиннымъ, но непріятнымъ для деревенскихъ властей; несправедливость порки человѣка, не имѣющаго денегъ для уплаты оброка, неразвитость волостныхъ судей, зависимость ихъ отъ старшины; невозможность уважать всякіе звѣрскіе и безнравственные обычаи народа и пр.,—все это приводилось противъ тѣлеснаго наказанія.

„Разъ волостной судъ смѣшиваетъ самыя обыденныя юридическія понятія, не различаетъ преднамѣреннаго отъ случайнаго, гражданскаго отъ уголовнаго, права отъ обязанности и т. д.—дать ему возможность употреблять тѣлесныя наказанія, это все

равно, что дать человѣку ножъ въ руки, когда онъ не можетъ располагать имъ“,—высказалъ И. И. Мусинъ-Пушкинъ. Предложеніе комиссіи объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія было отвергнуто большинствомъ голосовъ.

Вторично разбираемый вопросъ былъ поднятъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ чрезвычайную сессію 1882 г. въ засѣданіяхъ 20—21 января при обсужденіи доклада комиссіи о крестьянскомъ управленіи и судѣ. Гласный А. А. Оленинъ предложилъ собранію ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и обосновалъ это предложеніе на слѣдующихъ соображеніяхъ. Тѣлесное наказаніе приносить громаднѣй вредъ въ нравственномъ отношеніи, приравнивая человѣка къ скоту; выпоротый членъ или даже глава семьи лишается всякаго уваженія въ своей семьѣ, между тѣмъ какъ очень часто порютъ за невзность податей. Это наказаніе позорнѣе и унижительное тюремнаго заключенія. Теперь многіе болѣе развитые и нравственные крестьяне сами высказываются противъ розогъ, но если бы даже крестьяне были за розги, то наша обязанность бороться съ этой дикостью и необразованностью. Пока тѣлесное наказаніе не будетъ уничтожено, нравственность крестьянъ не поднимется. В. Ю. Скалонъ заявилъ, что московское уездное земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; онъ поддерживаетъ предложеніе А. А. Оленина. Опять возникли продолжительныя пренія, при чемъ И. И. Мусинъ-Пушкинъ, Д. С. Сипягинъ и Н. Ф. Самаринъ говорили противъ, а В. Ю. Скалонъ, Н. П. Ланинъ, П. Д. Ахлестышевъ, С. А. Муромцевъ—за ходатайство. Первые признавали тѣлесное наказаніе безнравственнымъ и позорнымъ, но все-таки представляли такія возраженія: нечѣмъ замѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ при настоящихъ экономическихъ условіяхъ нельзя придумать равносильное наказаніе; тюрьма унижительно не менѣе розогъ; крестьяне не уполномочивали собраніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; у нихъ есть выборъ въ назначеніи наказаній и если они находятъ розги болѣе цѣлесообразными и достигающими цѣли, то „ставить себя въ роль ихъ учителей и неудобно, и нежелательно“. Опровергнуть такіе слабые доводы было очень нетрудно. Розги во всѣхъ отношеніяхъ являются нецѣлесообразными и непрактичными; такъ, напр., крестьянъ подвидомъ пьянства и нерадѣнія о хозяйствѣ часто порютъ за невзность податей, но вѣдь послѣ порки они богаче не будутъ, а наоборотъ, поротый крестьянинъ идетъ въ кабакъ заглушить свое горе и позоръ. Несправедливо оставлять розги привилегіей одного

крестьянства, и если онѣ такъ практичны, то ихъ слѣдуетъ примѣнять ко всѣмъ сословіямъ. Предполагается ввести всесословную волость и всѣхъ жителей подчинить одному общему начальству, и въ то же время думаютъ для крестьянъ оставить особый судъ и особые наказанія, это логическая несообразность: власть однородна, и мѣры должны быть однородны. Отмѣна болѣе страшныхъ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи вовсе не повела къ увеличенію преступленій; смягченіе наказаній благотворно дѣйствуетъ на нравы и уменьшаетъ преступность; точно такъ же изгнаніе розогъ изъ нашихъ школъ отозвалось очень хорошо на нашихъ сыновьяхъ и дочеряхъ: они стали нравственнѣе и впечатлительнѣе. Что касается замѣны тѣлеснаго наказанія, то подобные вопросы всегда поднимаются при уголовныхъ реформахъ; „если задумываться надъ этимъ, то навсегда нужно оставить пытку въ слѣдственныхъ дѣлахъ, ее нечѣмъ замѣнить, и всѣ нынѣшнія мѣры стоятъ ниже пытокъ; но никто не поднимется за сохраненіе этого гнуснаго средства“. Наконецъ, относительно полномочій не можетъ быть и рѣчи въ земскомъ собраніи... и „все-таки въ собраніи постоянно рѣшаютъ вопросы о крестьянскихъ интересахъ, не задаваясь вопросомъ о полномочіяхъ, почему же въ данномъ случаѣ ставятъ этотъ вопросъ“. Собраніе большинствомъ противъ 10 голосовъ постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія.

Въ послѣдній разъ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи былъ весьма неудачно поднятъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, что мы узнаемъ изъ слѣдующей выписки изъ журнала 4 декабря 1895 г.

Предсѣдатель. Имѣю честь сообщить слѣдующее. Въ предпослѣднее засѣданіе губернскаго собранія *М. В. Духовской* представилъ мнѣ заявленіе о возбужденіи ходатайства передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для жителей Московской губерніи. Заявленіе это было подписано въ собраніи *М. И. Щенкинымъ*. Признавая съ своей стороны, что этотъ вопросъ не входитъ въ предметъ вѣдѣнія губернскаго земства, я не считаю себя въ правѣ допустить его на разсмотрѣніе и рѣшеніе собранія. Подавшіе заявленіе и остальные гласные оставили безъ протеста такое незаконное рѣшеніе предсѣдателя собранія.

Въ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія былъ возбужденъ запиской гласнаго *А. А. Савельева* и докладомъ управы; докладъ и записка были представлены въ XXX губернскаго собранія, которое избрало особую комиссію для разсмотрѣнія всѣхъ вопросовъ по народ-

ному образованію, о которомъ шла рѣчь въ запискѣ и докладѣ. Такъ какъ въ нихъ предлагалось, какъ мѣра для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня населенія, отмѣна тѣлеснаго наказанія, то коммиссія и внесла въ губернское собраніе слѣдующее предложеніе: „Собраніе, выражая глубокое сочувствіе отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вообще, возбуждаетъ ходатайство объ отмѣнѣ его для окончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ Нижегородской губерніи“. Это предложеніе и принято губернскимъ собраніемъ въ засѣданіи 4 декабря 1895 г., несмотря на протесты нѣкоторыхъ гласныхъ, что этотъ вопросъ внѣ компетенціи земства. Изъ мотивовъ для ходатайства коммиссія указала слѣдующіе: 1) статистическія данныя о приговорахъ къ розгамъ указываютъ, что въ населеніе губерніи все болѣе и болѣе проникаетъ сознаніе о бесполезности этого наказанія; 2) тѣлесное наказаніе развращаетъ нравственно и такимъ образомъ ослабляетъ мѣры земства, направленные къ умственному и нравственному развитію народа; 3) изъ молодежи наказанію розгами подлежатъ только пользующіеся по воинской повинности льготой 1-го разряда, такъ какъ, по закону, достаточно разъ быть на сборѣ, чтобы быть освобожденнымъ отъ розогъ; 4) отъ наказанія розгами освобождены всѣ наиболѣе порочные крестьяне, лишенные особыхъ правъ и преимуществъ и потому не подсудные волостнымъ судамъ; послѣднія двѣ причины дѣйствительно указываютъ, какъ неправильно и несправедливо поставлено дѣло тѣлесныхъ наказаній.

Въ Новгородскомъ земствѣ вопросъ о тѣлесномъ наказаніи постигла печальная участь. Губернская управа представила земскому собранію докладъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, но этотъ докладъ въ засѣданіи 13 января 1896 г. былъ снятъ съ очереди, такъ какъ предсѣдатель собранія нашелъ этотъ вопросъ не подлежащимъ обсужденію собранія. Такое ограниченіе правъ земства со стороны предсѣдателя было найдено незаконнымъ нѣсколькими губернскими гласными, которые и представили приложенное къ журналу обстоятельно мотивированное особое мнѣніе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ (п. 14 ст. 63 изд. 1892 г.) возлагаетъ на земство обязанность ходатайствовать о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, а отмѣна тѣлеснаго наказанія является, по мнѣнію протестующихъ, одной изъ самыхъ настоятельныхъ нуждъ для Новгородской губерніи. Изъ приведенныхъ протестующими мотивовъ отмѣтимъ здѣсь только слѣдующіе: тѣлесное наказаніе, унижая человѣческое достоинство и укрѣпляя грубость нравовъ, дѣйствуетъ противоположно стараніямъ зем-

ства и задачъ школы — поднять общій умственный и религіозно-нравственный уровень населенія. Тѣлесное наказаніе, какъ карательная мѣра, нецѣлесообразно, и вмѣсто исправленія можетъ вызвать озлобленіе и даже недовольство существующимъ порядкомъ. Наконецъ, въ крестьянскихъ семьяхъ имѣются члены, изъятые по закону отъ тѣлеснаго наказанія, какъ, напр., запасные нижніе чины, бывшіе ученики сельско-хозяйственной школы, почему результатомъ наказанія является нежелательный семейный разладъ и подрывъ авторитета главы семейства, не изъятаго отъ наказанія.

Относительно Пензенскаго земства докторъ П. Е. Гавриловъ сообщаетъ мнѣ, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи поднимался въ пензенскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи 1895 г. губернскимъ предводителемъ дворянства. Однако, по совѣщанію съ председателемъ собранія, онъ не сдѣлалъ никакого опредѣленнаго предложенія и отложилъ его до предстоящаго губернскаго собранія. На губернскомъ же собраніи 1895 и 1896 гг. этотъ вопросъ вовсе не возбуждался.

Въ *Пермской* губерніи настоящій вопросъ прошелъ довольно бурно. VI съѣздъ пермскихъ земскихъ врачей, согласно предложенію женщины-врача Е. П. Серебренниковой, постановилъ просить губернское собраніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Въ предложеніи Е. П. Серебренниковой указывалось, что тѣлесное наказаніе, помимо его позорящей стороны и нецѣлесообразности, имѣетъ массу вредныхъ сторонъ и въ санитарномъ отношеніи: разстройство психики, нанесеніе травмъ и возможное зараженіе ихъ, мгновенная смерть у страдающихъ болѣзнями сердца и сосудовъ и др. Это постановленіе съѣзда не было губернской управой внесено на разсмотрѣніе губернскаго собранія, но собраніе послѣ горячихъ преній, по предложенію В. В. Ковалевскаго, признало, что управа не имѣла основаній не внести въ докладъ собранію ходатайство съѣзда врачей объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Затѣмъ губернская управа поставила этотъ вопросъ въ списокъ для разсмотрѣнія въ XXVIII чрезвычайномъ губернскомъ собраніи 1896 г., но министръ внутреннихъ дѣлъ разрѣшилъ созывъ собранія и всѣ перечисленные управой вопросы, кромѣ доклада объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія... Собраніе постановило отложить разсмотрѣніе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія до очередной сессіи.

XXVIII очередное собраніе не успѣло разсмотрѣть этотъ вопросъ по недостатку времени. Онъ снова былъ внесенъ въ перечень вопросовъ на чрезвычайное собраніе и на этотъ разъ былъ

разрѣшенъ министромъ. Когда этотъ вопросъ былъ доложенъ собранію, то предсѣдатель, ссылаясь на общеимперское значеніе подобнаго ходатайства, снялъ его съ очереди. Тогда гласный В. В. Грибель указалъ на рѣшеніе Сената по подобному ходатайству Тамбовскаго земства, и, признавая необходимымъ обсужденіе ходатайства, остался при особомъ мнѣніи и, на основаніи 197—198 ст. т. II Общ. Губ. Учр., рѣшилъ обжаловать распоряженіе предсѣдателя. — Екатеринбургская земская управа, докладывая о постановленіяхъ сѣзда, предлагала высказаться за возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Но предсѣдатель собранія, въ засѣданіи 11-го октября 1896 г. XXVII уѣзднаго собранія, заявилъ, что этотъ вопросъ не подлежитъ вѣдѣнію земства, и потому не допустилъ разсматривать его, но затѣмъ добавилъ: „чтобы успокоить собраніе, я, какъ предсѣдатель сѣзда, могу удостовѣрить, что за время моей здѣсь службы — около года — я убѣдился, что эта тяжелая мѣра взысканія примѣняется только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ“.

Полтавское земство отличилось изъ всѣхъ: оно совершенно своеобразно доказало весь позоръ тѣлеснаго наказанія и необходимость отмѣны его. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этой губерніи вредъ тѣлеснаго наказанія признанъ давно, и полтавцы были изъ первыхъ земствъ, ходатайствовавшихъ объ отмѣнѣ розогъ. Еще въ началѣ 80-хъ годовъ константиноградское земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, но Сенатъ въ указѣ отъ 31 мая 1884 г. № 7616 разъяснилъ, что это постановленіе собранія относится къ такимъ постановленіямъ, которыя, безъ надлежащаго утвержденія ихъ, не вызываютъ какихъ-либо опредѣленныхъ дѣйствій или распоряженій, а потому ходатайство Константиноградскаго земства не подлежитъ опротестованію и должно быть представлено въ подлежащее министерство (правител. распоряж. по земскимъ дѣламъ, т. XII, стр. 239—241). Затѣмъ въ 1895 г. въ очередныхъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ *Золотоношскаго, Лохвицкаго, Полтавскаго и Хорольскаго* уѣздовъ было возбуждено однородное ходатайство объ освобожденіи отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ. Въ Хорольскомъ земствѣ постановленіе сдѣлано по весьма обстоятельному докладу уѣздной управы, при чемъ 4 гласныхъ подали особое мнѣніе, что этотъ вопросъ не подлежитъ обсужденію земства. Въ остальныхъ трехъ земствахъ вопросъ о ходатайствѣ былъ возбужденъ ревизіонной или комиссіей по народному образованію (интересна маленькая

подробность: гласный Б. М. Мусманъ былъ въ той золотоношской комиссіи, которая возбудила ходатайство, и тотъ же Мусманъ въ губернскомъ собраніи говорилъ противъ ходатайства). Мотивы для ходатайства въ общемъ таковы: 1) школа возвышаетъ умственный и нравственный уровень учащихся, почему справедливо освободить ихъ отъ позорнаго наказанія; 2) родители не будутъ брать изъ школы своихъ дѣтей до окончанія курса; 3) сельскія общества позаботятся объ увеличеніи числа школъ; 4) благодаря несовершенству волостныхъ судовъ, можетъ подвергнуться тѣлесному наказанію, а слѣдовательно и лишенію навсегда правъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, лицо, способное, по своему развитію, оказать благопріятное вліяніе на окружающую среду. — *Полтавская губернская управа* предложила собранію поддержать это ходатайство, распространивъ его на всю губернію, „принимая во вниманіе сравнительно высокій умственный и нравственный уровень ея населенія (по степени распространенности тѣлесныхъ наказаній Полтавская губернія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ губерній). Въ Полтавскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 4 декабря 1895 года возникли по этому поводу интересныя пренія, и состоялось два постановленія. Противъ ходатайства говорили двое, Г. Н. Навроцкій и Б. М. Мусманъ (см. журналы XXXI полтавскаго губ. собранія). Считаемо необходимымъ вкратцѣ привести возраженія этихъ гласныхъ. Земство не въ правѣ обсуждать этотъ общегосударственный вопросъ, такъ какъ ходатайство объ уничтоженіи одного наказанія нарушить (?) стройность и цѣлесообразность всей системы наказаній, которая создалась при участіи опытнѣйшихъ юристовъ и извѣстныхъ ученыхъ. Несправедливо освобождать грамотнаго отъ тѣлеснаго наказанія за тотъ проступокъ, за который порютъ неграмотнаго сосѣда; напротивъ, по нашему законодательству, образованіе и высшее положеніе увеличиваетъ мѣру наказанія (почему же этотъ гласный ради послѣдовательности не высказался за розги для дворянъ и кончившихъ курсъ въ университетѣ?). Примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія теперь нельзя злоупотреблять, такъ какъ приговоры волостныхъ судовъ контролируются земскими начальниками—нашими лучшими людьми (но вѣдь и земскіе начальники—люди, и рядъ фактовъ показываетъ, что есть среди нихъ лица не безъ крупныхъ изъязновъ!). „Всякая мать скорѣе согласится, чтобы ея сына выѣкли, чѣмъ посадили въ тюрьму, которая есть высшая школа разврата и мошенничества“. „Для мужика лишеніе свободы ровно ничего“: подъ арестомъ онъ сидитъ, „его поятъ, кормятъ, и ему, въ особенности зимою,

больше ничего не нужно“ (?!). Далѣе слѣдуютъ крокодиловы слезы о вредѣ либеральныхъ шестидесятихъ годовъ, „уронившихъ“ народъ: онъ избаловался, сталъ лѣнивъ, не хочетъ работать. И въ заключеніе слезная просьба къ собранію: „Прошу васъ, господа, пожалуйте народъ, не увлекайтесь модными идеями; не посылайте народа въ тюрьму, не лишайте его тѣлеснаго наказанія“. Несмотря на эти мольбы, собраніе большинствомъ 36 голосовъ противъ 26 при открытой подачѣ голосовъ принимаетъ предложеніе управы о ходатайствѣ... Тогда раздаются голоса о закрытой баллотировкѣ, которая, по заявленію гл. М. А. Эристова, необходима, такъ какъ „здѣсь есть, можетъ быть, гласные, которые стѣсняются высказать свое мнѣніе открыто.“ Это заявленіе положительно превосходно и указываетъ, насколько позорно тѣлесное наказаніе, что гласные открыто не рѣшаются высказаться за его сохраненіе. Собраніе высказалось за закрытую баллотировку, и большинствомъ 36 шаровъ противъ 26 постановило ходатайства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія не возбуждать. Повторяемъ, такую баллотировку полтавскаго собранія мы считаемъ лучшимъ доказательствомъ всей омерзительности розогъ: гласные, почему-то стоящіе за розги, за исключеніемъ двухъ, не рѣшаются говорить открыто за это наказаніе, а предпочитаютъ играть въ темноту. Стало быть, есть что-то такое ужасное, безобразное въ тѣлесномъ наказаніи, что бѣдные полтавцы рѣшаются лгать, т.-е. при открытомъ голосованіи баллотировать противъ своихъ убѣжденій! Вотъ гдѣ нужно поднятіе умственнаго и нравственнаго уровня!

Въ *Исковской* губерніи, по сообщенію губернской управы, ходатайство возбуждено двумя уѣздами. Новоржевское и опочечское уѣздныя собранія сессіи 1895 года возбудили вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ. При обсужденіи этихъ постановленій губернское собраніе 9 декабря 1895 года возбудило два ходатайства: первое—объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, и вытекающее изъ него второе—объ отмѣнѣ этого наказанія для всего крестьянскаго населенія губерніи.

Главными мотивами указаны слѣдующіе: тѣлесное наказаніе не оправдывается никакими доводами и не имѣетъ за собой не только исторической заслуги, но даже историческаго происхожденія, и появляется на сцену только въ періоды упадка и огрубѣнія общества; въ періоды же интеллектуальной общественной работы оно постоянно возмущало лучшую часть общества, не

имѣя надлежащихъ основъ въ человѣческой природѣ и идя въ разрѣзъ съ понятіями о нравственности, гуманности и христіанствѣ, которые не допускаютъ тѣлеснаго наказанія. Розги не исправляютъ человѣка, а ожесточаютъ или приводятъ его къ отчаянію, апатіи къ жизни и труду, почему изъ хорошаго хозяина работника дѣлается человѣкъ, на все махнувшій рукой и запускающій свое хозяйство. „Личность деморализованная, угнетенная и забитая не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, имѣющимъ понятіе о долгѣ по отношенію государства и общества, и является самой ненадежной платежной единицей“. Особенно тягостно и позорно это наказаніе для грамотной крестьянской молодежи; но, „имѣя въ виду семейныя отношенія и сложившіяся вѣками понятія русскаго человѣка, можно смѣло сказать, что тѣлесное наказаніе отца или брата будетъ принято, какъ позорящее оскорбленіе всего семейства, а слѣдовательно и грамотныхъ членовъ его, почему отмѣна тѣлеснаго наказанія своевременна и необходима не только для грамотныхъ, но и неграмотныхъ“.

Въ *Рязанской губерніи*, какъ сообщаетъ губернская управа, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался два раза, въ различные періоды. Въ 1885—86 г. рязанское уѣздное земское собраніе постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія черезъ губернское собраніе. Но губернская управа въ своемъ докладѣ находила это предложеніе несвоевременнымъ, такъ какъ всѣ подобныя ходатайства остаются безуспѣшными; губернское собраніе согласилось съ мнѣніемъ управы и отклонило ходатайство уѣзднаго собранія. Въ послѣдніе годы предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поступило съ двухъ сторонъ. Въ XXX губернское собраніе подобное предложеніе было внесено предсѣдателемъ касимовской уѣздной земской управы П. А. Ленинымъ, но обсужденіе этого вопроса отложено до слѣдующей сессіи. Затѣмъ XXXI егорьевское уѣздное собраніе, согласно предложенію гл. Тихановскаго, въ засѣданіи 20 октября 1895 года постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ.—Гласный *П. А. Ленинъ* въ губернскомъ собраніи 18 января 1896 г. снова повторилъ свое предложеніе, но только въ болѣе широкомъ смыслѣ, а именно—ходатайствовать о совершенной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Онъ находитъ, что тѣлесное наказаніе низводитъ человѣка на степень животнаго, позорно для подвергающихся ему и унижительно для примѣняющихъ его. Будучи примѣняемо къ одному сословію, оно несправедливо, и къ тому же возможны случаи неправиль-

наго примѣненія наказанія. Наконецъ, розги и нецѣлесообразны: для человѣка потеряннаго онѣ не страшны, а дорожащаго своимъ достоинствомъ доводятъ до отчаянія или до потери стыда. *Губернская управа* въ своемъ докладѣ поддержала эти ходатайства, но въ смыслѣ исключенія тѣлеснаго наказанія вообще для всѣхъ. Губернское собраніе, несмотря на протестъ одного земскаго начальника, приняло письменной баллотировкой докладъ управы — ходатайствовать о полномъ прекращеніи тѣлеснаго наказанія.

Въ *Самарской губерніи* ходатайство исходило отъ *Новоузенскаго земства*. Новоузенское земское собраніе въ засѣданіи 8 декабря 1895 г. приняло предложеніе гласнаго Г. П. Агапова: въ виду вреднаго вліянія розги на народную нравственность, присоединиться къ ходатайствамъ другихъ земствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. *Губернская управа* поддержала это ходатайство и внесла подобное предложеніе на разсмотрѣніе губернскаго собранія, но предсѣдатель собранія нашелъ, что этотъ вопросъ „о существующихъ въ государствѣ наказаніяхъ“ не подлежитъ вѣдѣнію земскихъ учреждений, и не допустилъ его до обсужденія собранія.

С.-Петербургское земство было одно изъ первыхъ, признавшихъ необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія; оно дважды высказывалось по этому поводу. Въ засѣданіи 28 января 1882 года губернское собраніе разсматривало докладъ комиссіи, избранной для изслѣдованія условий, имѣющихъ вредное вліяніе на экономическое положеніе населенія губерніи. Большинство гласныхъ находило, что если бы даже всѣ крестьяне поголовно были за сохраненіе тѣлеснаго наказанія, то и тогда слѣдовало бы ходатайствовать объ отмѣнѣ его для поднятія нравственнаго, а черезъ то и экономическаго уровня крестьянства. На самомъ же дѣлѣ многіе крестьяне живо чувствуютъ позоръ этого наказанія, постоянно тяготятся мыслью о возможности подвергнуться ему и изъ-за этого переходятъ въ другія сословія. Если арестъ разоряетъ семью, то тѣлесное наказаніе отца роняетъ его нравственное достоинство и авторитетъ въ глазахъ семьи (а слѣд. опять-таки разоряетъ семью). На основаніи такихъ соображеній губернское собраніе большинствомъ 29 противъ трехъ постановило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Въ засѣданіи петербургскаго губернскаго земскаго собранія 26 января 1895 г. снова состоялось постановленіе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ для всѣхъ тѣхъ жителей губерніи, которые до сихъ поръ со-

отвѣтственными узаконеніями не освобождены отъ этого наказанія. Для редакціи этого ходатайства избрана особая коммиссія изъ гласныхъ К. К. Арсеньева, П. А. Корфа и М. М. Стасюлевича. Изъ этой редакціи мы узнаемъ, что губернскіе гласные члены училищнаго совѣта предложили ходатайствовать, если не о полномъ прекращеніи тѣлеснаго наказанія, то объ отмѣнѣ этого наказанія для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ, такъ какъ эта мѣра послужила бы сильнымъ стимуломъ для распространенія народнаго образованія и къ усиленнымъ пожертвованіямъ на него. Но губернское собраніе нашло болѣе правильнымъ возбудить ходатайство относительно всѣхъ не освобожденныхъ отъ этого наказанія, такъ какъ соображенія, приведенныя при такомъ же ходатайствѣ 13 лѣтъ тому назадъ, получили еще большую силу. 13 лѣтъ прошли не безслѣдно: усиленное открытіе народныхъ школъ и непрерывное распространеніе грамотности способствовали поднятію умственнаго и нравственнаго уровня, что неразрывно связано съ усиленіемъ воспримчивости къ позорному наказанію. Было бы несправедливо освободить отъ него только кончившихъ курсъ, потому что облагораживающее вліяніе школы испытали на себѣ и тѣ многочисленные мальчики, которые взяты изъ школы до окончанія курса, иногда наканунѣ экзамена вслѣдствіе бѣдности родителей или нужды въ дѣтскомъ трудѣ. „Всѣ учившіеся въ школѣ, независимо отъ окончанія или неокончанія курса, вносятъ въ свою среду болѣе свѣтлыя взгляды и теплыя чувства, не остающіеся безъ дѣйствія на ихъ родителей и старшихъ родственниковъ. Они читаютъ у себя дома вслухъ евангеліе и библію, пользуются школьными библіотеками, часто употребляютъ свои скудные сбереженія на покупку книгъ, слѣдятъ иногда за „Сельскимъ Вѣстникомъ“ и, поддерживая такимъ образомъ въ самихъ себѣ приобрѣтенные въ школѣ навыки, приобщаютъ къ нимъ, въ большей или меньшей степени, и всѣхъ окружающихъ, дѣлая ихъ участниками благодѣяній школы. Изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія окончившаго курсъ въ начальной школѣ, вполне справедливое и цѣлесообразное само по себѣ, было бы поэтому несправедливо по отношенію къ остальной массѣ сельскаго населенія Петербургской губерніи. Сыновья не могли бы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, дарованную имъ льготу, если бы она не была въ то же время распространена на ихъ отцовъ“. (Эта прекрасная аргументація петербургскаго земства ясно доказываетъ, какъ ошибочно поступали тѣ собранія, которыя ходатайствовали объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній только для окончившихъ курсъ въ школахъ). Въ даль-

нѣйшихъ мотивахъ петербургскаго земства говорится, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній послужить новымъ источникомъ смягченія нравовъ и явится естественнымъ продолженіемъ длиннаго ряда гуманныхъ мѣръ въ нашей уголовно-карательной системѣ: отмѣна кнута, плетей, шпицрутеновъ, клеймъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній для ссыльно-каторжныхъ женщинъ и, наконецъ, учрежденіе контроля земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ надъ примѣненіемъ тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Отмѣна этихъ наказаній вовсе не вела къ увеличенію преступности, ни къ затрудненіямъ въ замѣнѣ этихъ наказаній; особенно легка замѣна тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ по приговорамъ волостныхъ судовъ, такъ какъ способъ замѣны подробно опредѣленъ временными правилами о волостныхъ судахъ (ст. 29, 41 и 42, 12 іюля 1889 г.), и онъ часто практикуется земскими начальниками. „Нельзя, однако, признать, чтобы въ правѣ замѣны тѣлеснаго наказанія, принадлежащемъ земскому начальнику, заключалась достаточная гарантія противъ примѣненія его къ такимъ проступкамъ и такимъ лицамъ, къ которымъ оно, по мысли законодателя, въ настоящее время примѣняемо быть не должно. Многое зависитъ здѣсь отъ личныхъ взглядовъ земскаго начальника, до крайности разнообразныхъ; въ однихъ участкахъ тѣлесное наказаніе не допускается почти никогда, въ другихъ же, рядомъ, встрѣчается довольно часто. При такомъ положеніи дѣла никто изъ лицъ, неизъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что не подвергнется ему по обвиненію въ сравнительно маловажномъ и во всякомъ случаѣ не позорящемъ проступкѣ; никто изъ нихъ не можетъ считать себя огражденнымъ и отъ злоупотребленій, напр., отъ обвиненій неосновательныхъ, отъ давленія на волостной судъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ вліяній, отъ преждевременнаго исполненія приговора и т. п. Обезпечить личное достоинство крестьянина противъ нарушенія, по самому своему существу невознаграждаемаго, можетъ только законъ, отмѣняющій тѣлесное наказаніе, а крестьянство С.-Петербургской губерніи, по глубокому убѣжденію собранія, достигло той степени развитія, при которой подобное обезпеченіе является существенно важнымъ“. Въ заключеніе собраніе ходатайствовало объ отмѣнѣ во „Временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ 1889 г.“ пункта 4, ст. 33 и о соотвѣтствующемъ измѣненіи стоящихъ съ нею въ связи статей для населенія С.-Петербургской губерніи. На это представленіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ былъ полученъ отрицательный отвѣтъ. Но такъ какъ на основаніи

п. 14 ст. 26 т. I ч. II Св. Зак. изд. 1892 г. представлѣнія министровъ объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ собраній подлежатъ разрѣшенію комитета министровъ, чего въ данномъ случаѣ соблюдено не было, то губернское собраніе сессіи 1896 г. постановило, чтобы вышеуказанное ходатайство было передано на усмотрѣніе комитета министровъ. На это вторичное ходатайство, какъ и въ остальныхъ земствахъ, отвѣта еще не получено.

Въ *Саратовской* губерніи постановленія уѣздныхъ земствъ не дошли до губернскаго собранія. *Царицынское* ¹⁾ уѣздное земское собраніе, согласно предложенію гласнаго В. Ф. Лятошинскаго, постановило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлесныхъ наказаній бывшихъ учениковъ начальныхъ школъ, но губернаторъ и затѣмъ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе опротестовали это постановленіе, какъ выходящее изъ предѣловъ земской компетенціи. Слѣдующее земское собраніе рѣшило обжаловать этотъ протестъ въ правительствующій сенатъ. Въ *Саратовскомъ* уѣздѣ ²⁾ этотъ вопросъ возбуждался дважды. Сдѣланное однимъ гласнымъ въ собраніи 1895 г. предложеніе возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для кончившихъ курсъ въ сельскихъ школахъ не было допущено до обсужденія предсѣдателемъ собранія. Тогда въ засѣданіи 19 ноября 1896 г. въ саратовскомъ уѣздномъ собраніи ³⁾ снова былъ поднятъ тотъ же вопросъ гласнымъ Н. О. Никольскимъ, при чемъ при обсужденіи этого предложенія возникли очень интересныя пренія. Указавъ на всѣ заботы и расходы уѣзднаго земства на распространеніе народнаго образованія, Н. О. Никольскій полагаетъ, что всѣ земскія старанія до извѣстной степени подрываются 26 темными пятнами въ уѣздѣ—волостными правленіями, которыя своими приговорами къ тѣлесному наказанію дѣйствуютъ обратно школъ, деморализируютъ и убиваютъ человѣческое достоинство въ людяхъ. Гласные изъ крестьянъ въ земскомъ собраніи равноправны съ остальными, а внѣ собранія могутъ быть подвергнуты позорной варварской поркѣ розгами. Необходимо ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Замѣчаніе предсѣдателя собранія, что едва ли это ходатайство будетъ пропущено администраціей, Н. О. Никольскій опровергаетъ ссылкой на указъ сената отъ 17 сентября (см.

¹⁾ Русск. Вѣд. № 324, 1896 г.

²⁾ В. Семевскій, I, с., стр. 62.

³⁾ Русск. Вѣд. 1896, № 325.

ниже), который установилъ право земствъ на подобныя ходатайства. Изъ двухъ гласныхъ крестьянъ, говорившихъ по этому вопросу, одинъ высказался за, другой—противъ розогъ. Первый гласный, Володинъ, говоритъ, что если запретить розгу, то въ деревнѣ нельзя будетъ жить: пойдутъ ломать амбары, уводить лошадей; эта острастка нужна. Второй гласный, Мирошниковъ, доказываетъ, что теперь въ деревнѣ страшное неравноправіе: мѣщане и крестьяне живутъ въ деревнѣ при однихъ условіяхъ, но крестьянъ порютъ, а мѣщанъ нѣтъ. Нужно розги отмѣнить для всѣхъ, а если этого нельзя, то не слѣдуетъ дѣлать исключеній и для другихъ сословій. Земскій начальникъ Гриммъ также говоритъ противъ розогъ, такъ какъ и безъ нихъ земскіе начальники своей сильной административной властью могутъ поддерживать порядокъ. Въ уѣздѣ прежде розги примѣнялись часто, а теперь земскіе начальники почти изгнали ихъ, и дѣло идетъ лучше. Гл. Никольскій снова говоритъ, что если земскіе начальники изгоняютъ розгу, то, значитъ, сама жизнь этого требуетъ, но нельзя это наказаніе оставлять въ зависимости отъ личности земскаго начальника, нужно уничтожить его законодательнымъ путемъ. Возражая гласному Володину и обращаясь къ остальнымъ гласнымъ изъ крестьянъ, гл. Никольскій сказалъ: „за розгу стоитъ старикъ, пережившій крѣпостное право и воспитанный въ дореформенныхъ традиціяхъ; такимъ-то людямъ законъ и ввѣряетъ ужасное право—сѣчь другихъ. Розга не спасетъ васъ, крестьянъ, отъ порочныхъ членовъ, берегитесь именно тѣхъ, кого вы выпороли: ему ужъ не страшны ни замки, ни тюрьма, ему мѣсто за Ураломъ... Другими мѣрами слѣдуетъ воспитывать населеніе, и земство избрало эти мѣры воспитанія народа“. Собраніе единогласно постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для всѣхъ крестьянъ Саратовскаго уѣзда. Въ 1897 г. въ засѣданіи 6 октября саратовское уѣздное собраніе снова единогласно возбудило ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ уѣзда, мотивируя это ходатайство между прочимъ тѣмъ, что существованіемъ этого позорнаго наказанія парализуются всѣ мѣропріятія и дѣлаются бесполезными затраты земства на народное образованіе (Русск. Вѣд. 1897 г. № 281).

Въ Симбирской губерніи ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ было возбуждено ардатовскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ въ 1895 г. По докладѣ этого ходатайства губернскому собранію, предсѣдатель собранія заявилъ, что этотъ вопросъ имѣетъ обще-

государственное значеніе и не подлежит вѣдѣнію земства. Въ Симбирской же губерніи нашлось единственное въ Россіи земство, которое высказалось за розги. А именно *сенгилеевское* ¹⁾ уѣздное собраніе возбудило ходатайство о примѣненіи розогъ. Это ходатайство было предложено земскимъ начальникомъ, поддержано всѣми остальными земскими начальниками-гласными и гласными изъ крестьянъ. Что крестьяне вовсе не были за розгу на самомъ дѣлѣ, а дѣйствовали подъ давленіемъ земскихъ начальниковъ, это гласный Поповъ, сообщившій объ этомъ постановленіи, доказываетъ слѣдующимъ фактомъ. Когда въ томъ же собраніи земскіе начальники, получающіе отъ казны разѣздныхъ по 600 руб., просили разрѣшить имъ бесплатно пользоваться земскими лошадьми, то раздалось большинство голосовъ: „разрѣшить... разрѣшить“; при закрытой же баллотировкѣ большинство высказалось противъ разрѣшенія.

Въ Смоленскомъ земствѣ изслѣдуемый вопросъ былъ возбужденъ въ губернскомъ собраніи въ сессію 1894 г. запиской гласнаго К. И. Ровинскаго, предложившаго возбудить ходатайство объ отмѣнѣ для крестьянскаго населенія тѣлеснаго наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ. Эта записка была передана на предварительное обсужденіе редакціонной комиссіи. Въ своей запискѣ К. И. Ровинскій довольно обстоятельно соединяетъ всѣ тѣ мотивы, которые приводились въ ходатайствахъ другихъ земствъ, но есть нѣкоторые мотивы новые или носящіе мѣстный характеръ; приведемъ ихъ вкратцѣ. Тѣлесное наказаніе является, по общему мнѣнію ученыхъ криминалистовъ и представителей судебной власти, наказаніемъ не только жестокимъ и крайне позорнымъ, но и неудобнымъ, бесполезнымъ и несправедливымъ. Несправедливо оно потому, что ему подвергается только одно крестьянское сословіе, а также и потому, что подвергнутый розгамъ лишается права занимать общественныя и почетныя должности. Не даромъ оно создаетъ озлобленныхъ личностей или доводитъ ихъ до отчаянія и самоубійства. Мало того: самое наказаніе розгами поставлено внѣ контроля, ни одинъ изъ администраторовъ не присутствуетъ при экзекуціи, и розги въ рукахъ усердныхъ исполнителей могутъ быть истязаніемъ, которое запрещается закономъ даже относительно животныхъ. (Въ самомъ дѣлѣ, какое вопіющее противорѣчіе: развѣ можно вызвать состраданіе къ животнымъ въ людяхъ, которые приговариваютъ къ истязанію и приводятъ въ исполненіе это истязаніе.)

¹⁾ Саратовская Земская Недѣля 1895 г., № 48.

заніе надъ другими людьми?!). Развѣ можетъ „въ крестьянской средѣ послѣдовать смягченіе нравовъ, развитіе уваженіе къ личности, исчезнуть грубость и самодурство, когда съ провинившимся крестьяниномъ грубо расправляются въ волостномъ правленіи, сбѣгутъ иногда на глазахъ сосѣдей и даже при помощи ихъ, такъ какъ нерѣдко волостной старшина приказываетъ крестьянамъ помочь сторожамъ, которые не могутъ справиться съ сбѣгомъ, оказывающимъ сопротивленіе, а иногда даже въ присутствіи его собственныхъ и чужихъ дѣтей, такъ какъ нерѣдко школы расположены рядомъ съ волостными правленіями?“ Теперь почти вездѣ народъ считаетъ высѣченного опозореннымъ, и только въ глухихъ мѣстахъ, гдѣ народъ особенно неразвитъ и грубъ, крестьяне довольно спокойно относятся къ розгамъ, „предпочитая даже иногда, по экономическимъ соображеніямъ, отсѣчься, чѣмъ сидѣть подъ арестомъ или платить штрафъ. Эти факты весьма грустны и свидѣлствуютъ только о томъ, что существованіе въ теченіе весьма долгаго времени тѣлеснаго наказанія, при полной необразованности, окончательно убило въ крестьянскомъ населеніи нѣкоторыхъ мѣстностей чувство чести“. Въ подтвержденіе этого авторъ записки приводитъ глубоко справедливыя слова юриста Россіи: „Если въ обществѣ развито нравственное достоинство, то оно изгоняетъ сбѣченного изъ своей среды, и это послужить ему препятствіемъ для снисканія пропитанія своимъ трудомъ, сдѣлаетъ изъ него врага общества навѣки. Но подобная страна еще счастлива. Хуже тамъ, гдѣ только что высѣченный принимается въ прежнее общество, гдѣ наказанному стоитъ только отряхнуться, чтобы изгладить послѣдствія наказанія, — *это свидѣлствуетъ о грубости народа, объ его отсталости*“. Тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено для народа по тѣмъ же мотивамъ, по которымъ оно отмѣнено самимъ правительствомъ для воинскихъ чиновъ — „возвыситъ нравственный духъ“. По мнѣнію закона, контроль земскихъ начальниковъ служить „достаточной гарантіей правильности примѣненія тѣлеснаго наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ какъ названныя лица не будутъ допускать исполненія его надъ такими лицами, для коихъ наказаніе это, по ихъ развитію и занимаемому ими положенію, представлялось бы *слишкомъ тяжелымъ*“. Но этотъ контроль не достигаетъ цѣли: съ одной стороны, земскій начальникъ не знаетъ близко всѣхъ крестьянъ, для которыхъ наказаніе розгами будетъ *слишкомъ тяжелымъ*, а съ другой стороны, есть такіе земскіе начальники, которые вслѣдствіе *принципиальныхъ взглядовъ* безусловно утвѣждаютъ всѣ приговоры

волостныхъ судовъ о розгахъ, не разбирая ни лицъ, ни положеній и пр. Подобный примѣръ земскаго начальника въ Смоленской губ. извѣстенъ автору записки; но есть и обратные примѣры: нѣкоторые земскіе начальники *de facto* совсѣмъ упразднили розги въ своемъ участкѣ.

Редакціонная коммиссія согласилась съ авторомъ записки и внесла въ собраніе предложеніе объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ. Въ засѣданіи 17 декабря былъ прочитанъ докладъ коммиссіи, и собраніе согласилось съ нимъ громаднымъ большинствомъ голосовъ противъ семи. Эти 7 гласныхъ подписались подъ поданнымъ ими отдѣльнымъ мнѣніемъ, въ которомъ, а также и въ преніяхъ, они за тѣлесное наказаніе привели слѣдующіе мотивы: 1) народъ нашъ еще грубъ и неразвитъ, и дикіе инстинкты нѣкоторыхъ испорченныхъ могутъ сдерживаться только страхомъ тѣлеснаго наказанія, такъ что, ходатайствуя объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, „мы заботимся о безопасности именно этихъ негодяевъ и забываемъ невинныя жертвы ихъ произвола“; 2) „введеніе тѣлеснаго наказанія было встрѣчено самими крестьянами сочувственно“; 3) наказаніе тогда отвѣчаетъ своему назначенію, когда оно падаетъ только на виновныхъ, а не на лицъ, къ проступку не причастныхъ, — таково тѣлесное наказаніе, штрафъ же и арестъ служатъ наказаніемъ не для одного виновнаго, но и для его семьи, лишая ее денежныхъ средствъ при штрафѣ или заработка арестованнаго (почему послѣдовательно ради не предложить розги и для дворянъ, такъ какъ и ихъ семьи иногда еще больше страдаютъ матеріально отъ ареста своихъ членовъ?). Отдѣльное мнѣніе заканчивается патетическими словами: „въ заботахъ о нравственныхъ интересахъ правонарушителей, весьма, конечно, похвальныхъ и желательныхъ, забываютъ про жертвы преступленія, ихъ человѣческое достоинство и поруганную честь (интересный аргументъ: для возстановленія чести одного нужно надругаться надъ другимъ)... Лучшее будущее для нашего народа, намъ думается, скорѣе наступитъ, когда мы на первый планъ будемъ ставить интересы трудящейся лучшей части народа, а не его отбросовъ“.

Слѣдующему XXXI смоленскому губернскому земскому собранію управа представила докладъ, въ которомъ приводится отвѣтъ министра на ходатайство, и новое ходатайство *гжатскаго* собранія. Въ послѣднемъ собраніи предводитель дворянства заявилъ, что, въ виду распространенія грамотности и развитія *гжатскаго* населенія, тѣлесное наказаніе не только бесполезно, но даже вредно, и предложилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ этого

наказанія для всѣхъ крестьянъ Гжатскаго уѣзда, что уѣзднымъ собраніемъ и принято *единогласно*.—Отвѣтъ министра на прошлогоднее подобное ходатайство губернскаго собранія былъ отрицательный, такъ какъ возбужденный земствомъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе и выходитъ изъ предметовъ вѣдѣнія, предоставленныхъ по закону земскимъ учрежденіямъ.—Сообщая объ этомъ, губернская управа предложила возбудить вновь ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ губерніи съ тѣмъ, чтобы это ходатайство было представлено, согласно утвержденному 7 іюля 1867 г. положенію комитета министровъ, на заключеніе этого комитета. Собраніе въ засѣданіи 13 января 1896 г. *единогласно* приняло это предложеніе управы.

Таврическая губернская управа сообщаетъ, что въ этомъ земствѣ не возбуждалось ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, такъ какъ обсужденіе этого вопроса въ одной изъ сессій губернскаго собранія встрѣтило препятствія внѣшняго характера. Но отношеніе этого земства къ розгамъ вполне опредѣленное и сходное съ остальными земствами. Такъ, таврическое губернское земское собраніе ¹⁾ еще въ 1880 г. ходатайствовало о воспрепятствованіи наказанія розгами по приговорамъ волостныхъ судовъ, и таврическая губернская управа въ своемъ отвѣтѣ въ Кохановскую комиссію безусловно высказалась за отмѣну тѣлеснаго наказанія: „трудно защищать наказаніе, убивающее въ человѣкѣ чувство чести и нравственнаго достоинства и не достигающее даже и цѣли устрашенія, если только оно не обращено въ истязаніе“. Впрочемъ, несмотря на вышеуказанное препятствіе „внѣшняго характера“, *Симферопольское* уѣздное земство ²⁾ и въ настоящее время высказалось противъ розги при обсужденіи запроса министерства земледѣлія о мѣрахъ, необходимыхъ для развитія экономическихъ силъ страны и сельскаго хозяйства въ частности. Кромѣ другихъ мѣръ, это собраніе находитъ необходимымъ въ интересахъ сельскаго хозяйства отмѣнить тѣлесное наказаніе, такъ какъ „порка“ является важнымъ тормозомъ для развитія этого хозяйства. По мнѣнію собранія: „благодаря существованію этого наказанія, изъ селеній уходятъ въ города и даже переходятъ въ другія состоянія всѣ тѣ грамотные крестьяне, которые сознаютъ свое человѣческое достоинство и всю нравственную тяжесть гибельнаго тѣлеснаго наказанія; въ де-

¹⁾ В. Семевскій, I. с., стр. 58.

²⁾ Саратовская Земская Недѣля 1895, № 48.

ревняхъ у плуга остаются тѣ неграмотные крестьяне, которые почти вовсе не сознають этого человѣческаго достоинства. Этотъ контингентъ землепашцевъ совершенно безучастно относится къ разнымъ улучшеніямъ и нововведеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и слѣдовательно на поднятіе сельскаго хозяйства при ихъ помощи трудно разсчитывать“.

Ходатайство *Тамбовскаго земства* особенно интересно по процессуальному веденію дѣла. Въ губернское собраніе, въ засѣданіи 14 декабря 1894 г., поступило заявленіе отъ 17 гласныхъ, которые, въ видахъ поднятія нравственнаго уровня населенія, предложили возбудить ходатайство объ освобожденіи навсегда отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ, получившихъ установленное свидѣтельство объ окончаніи курса въ народныхъ школахъ. Эта мѣра послужить поощреніемъ къ распространенію народнаго образованія и къ окончанію учениками курса. Одинъ изъ гласныхъ пытался доказать, что земство некомпетентно говорить объ этомъ, но предсѣдатель собранія въ отличіе отъ многихъ другихъ нашелъ подобное ходатайство вполне законнымъ, и собраніе приняло предложеніе о ходатайствѣ. Тамбовскій губернаторъ, разсмотрѣвъ постановленія собранія, увѣдомилъ управу, что онъ считаетъ это ходатайство выходящимъ изъ круга вѣдѣнія земства и не подлежащимъ дальнѣйшему движенію. Но затѣмъ черезъ три мѣсяца губернаторъ вторично увѣдомилъ управу, что онъ представлялъ это ходатайство въ министерство внутреннихъ дѣлъ и получилъ отвѣтъ, который и препровождаетъ въ управу. Въ этомъ отвѣтѣ говорится, что „значеніе земскихъ учрежденій должно быть строго мѣстное, касаться лишь предметовъ, предоставленныхъ ихъ управленію, исключительно съ точки зрѣнія той территоріальной единицы (губерніи и уѣзда), на которую распространяется ихъ сфера дѣйствій, и потому всякое постановленіе или ходатайство, хотя бы и относящееся до предметовъ земскаго вѣдѣнія, но имѣющее своей цѣлью установленіе порядка внѣ предѣловъ упомянутой территоріи или затрагивающее интересы всего государства, не можетъ почитаться законнымъ. Въ законѣ (ст. 193 т. II общ. губ. учрежд. изд. 1892 г.) прямо выражено, что постановленія, относящіяся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или, по содержанію своему, превышающія предоставленныя ему права, не подлежатъ, какъ противныя законамъ и потому недействительныя, ни исполненію, ни дальнѣйшему производству“. Поэтому, безъ разсмотрѣнія сущности дѣла, ходатайство оставлено министромъ безъ разсмотрѣнія. Все это дѣло вторично разсматривалось тамбовскимъ губер-

скимъ собраніемъ въ засѣданіяхъ 1 и 4 декабря 1895 года, при чемъ было постановлено согласиться съ мнѣніемъ комиссіи, а именно, во избѣжаніе впредь подобныхъ столкновеній, представить на дѣйствія губернатора жалобу въ сенатъ и изложить дѣло какъ со стороны формальнаго порядка, такъ и по существу. Комиссія, а вмѣстѣ съ ней и собраніе нашли, что губернаторъ, отмѣняя своей властью прошлогоднее постановленіе, дѣйствовалъ неправильно; по положенію 12 іюня 1890 г. губернатору не предоставлено право отмѣнять постановленія земства своей собственной властью, а онъ долженъ передать ихъ на разсмотрѣніе въ губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, почему и необходимо обжаловать дѣйствія губернатора. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса по существу, достаточно сказать, что мотивы, приведенные въ отвѣтѣ министра, неправильны. Дѣйствительно, законъ предоставляетъ земству ходатайствовать о своихъ мѣстныхъ нуждахъ и пользахъ, но *въдѣ губерніи и уѣздѣ не оторванные клочки русской земли, не имѣющіе ничего общаго съ остальнымъ государствомъ*, и всякая мѣстная нужда будетъ болѣе или менѣе общей. Тамбовское и многія другія земства ходатайствовали часто по такимъ вопросамъ, которые требовали измѣненія закона, и эти ходатайства не признавались незаконными. Такъ, тамбовское земство ходатайствовало объ учрежденіи министерства земледѣлія, объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей устава крестьянскаго банка, о запрещеніи вывоза за границу хлѣба и проч., а въ этомъ году представитель министерства тамбовскій губернаторъ самъ предложилъ губернскому собранію ходатайствовать объ измѣненіи продовольственнаго устава, т.-е. общаго закона для всей имперіи. Такимъ образомъ, и ходатайство земства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія вполнѣ законно. Съ постановленіемъ собранія—принести жалобу на губернатора, не согласились 5 гласныхъ, которые подали особое мнѣніе. Декабрьскому собранію 1896 года губернской управой былъ представленъ докладъ, содержащій указъ сената по поводу жалобы собранія и ходатайство тамбовскаго уѣзднаго земства. Указъ сената отъ 17 сентября 1896 г. гласитъ слѣдующее: „Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, правительствующій сенатъ находитъ, что ст. 192 и 193 общ. губ. учр. т. II св. зак. изд. 1892 г. постановляется общимъ правиломъ, что постановленіе земскаго собранія, несогласное съ закономъ, либо относящееся къ предметамъ, не подлежащимъ вѣдѣнію собранія, или по содержанію своему превышающее предоставленныя земству права, признается недѣйствительнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшему исполненію

и производству. Для того, чтобы выяснитъ при какихъ условіяхъ и какими учрежденіями постановленія земскаго собранія могутъ быть признаваемы недѣйствительными и, слѣдовательно, не подлежащими дальнѣйшему исполненію и производству, слѣдуетъ обратиться къ разсмотрѣнію статей пол. о зем. учр. 12 іюня 1890 г., опредѣляющихъ порядокъ обсужденія и направленія дѣлъ, возбуждаемыхъ постановленіями земскихъ собраній. Согласно подлежащимъ на сей предметъ статьямъ пол. о зем. учрежд. (ст. 82—85, 86 и прим. къ оной, 87—89 и 104), постановленія земскихъ собраній относительно порядка разсмотрѣнія, опредѣленія ихъ законности и направленія самого дѣла, раздѣляются на 4 разряда: постановленія, утверждаемыя губернаторомъ или министромъ внутреннихъ дѣлъ, постановленія, не требующія такого утвержденія и приводящія въ дѣйствіе при неопротестованіи ихъ губернаторомъ въ двухнедѣльный срокъ со дня полученія сихъ постановленій, и постановленія, заключающія въ себѣ тѣ или другія ходатайства земствъ предъ высшимъ правительствомъ. Постановленія земскихъ собраній, требующія утвержденія административной власти, признаются несостоявшимися при отказѣ въ такомъ утвержденіи со стороны губернскихъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствій или министра внутреннихъ дѣлъ; постановленія, не требующія упомянутаго утвержденія, также постановленіями губернскихъ присутствій, а въ случаѣ обжалованія оныхъ земскими собраніями, рѣшеніями правительствующаго сената. Что же касается ходатайствъ земствъ передъ высшимъ правительствомъ, то направленіе ихъ опредѣляется особымъ порядкомъ: каждое такое ходатайство губернаторъ обязанъ направлять, съ своимъ заключеніемъ, въ подлежащее министерство, засимъ, согласно п. 14 ст. 23 учр. ком. мин. т. I св. зак. изд. 1892 года, объ оставленіи безъ послѣдствій ходатайствъ губернскихъ земскихъ собраній, министръ обязанъ представлять комитету министровъ. Такимъ образомъ, относительно неуважительности ходатайствъ земствъ по тѣмъ или другимъ причинамъ, какъ губернаторы, такъ и министры даютъ только свои заключенія, признаніе же постановленія земскаго собранія о томъ или другомъ ходатайствѣ передъ правительствомъ недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству, зависитъ отъ усмотрѣнія комитета министровъ. Признавая, въ виду изложенныхъ соображеній, распоряженіе тамбовскаго губернатора о признаніи собственною властью недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству постановленія тамбовскаго губер-

скаго земскаго собранія о возбужденіи предъ правительствомъ ходатайства объ освобожденіи кончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ учениковъ отъ тѣлеснаго наказанія, не имѣющимъ законныхъ основаній, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: таковое отмѣнить, предписавъ губернатору направить настоящее дѣло въ установленномъ закономъ порядкѣ. О чемъ для надлежащаго исполненія и объявленія тамбовской губернской земской управѣ, а равно въ разрѣшеніе рапорта за № 615 тамбовскому губернатору послать указъ, каковымъ увѣдомить и министра внутреннихъ дѣлъ“.

Та же исторія повторилась и съ тамбовскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ; оно, въ засѣданіи 8 октября 1895 г., согласно предложенію предсѣдателя собранія—предводителя дворянства В. М. Петрово-Соловово, постановило ходатайствовать объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ школахъ уѣзда. Это постановленіе собранія было опротестовано губернаторомъ. Тогда экстренное уѣздное собраніе 12 февраля 1896 г. обжаловало распоряженіе губернатора въ сенатъ, который и прислалъ такой же указъ, что и губернскому земству.

Наконецъ, губернское собраніе въ засѣданіи 7 декабря 1896 г., ознакомившись съ докладомъ управы и указомъ сената, постановило согласовать оба ходатайства губернскаго и уѣзднаго собранія объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ и дать имъ законное движеніе.

Въ *Тверской* губерніи разбираемый вопросъ поднимался два раза. Въ засѣданіи губернскаго собранія 14 декабря 1889 г. гласный М. И. Петрункевичъ, въ виду предстоящей реформы мѣстнаго управленія, внесъ предложеніе ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ. Гл. Ф. И. Родичевъ находить, что это наказаніе одинаково позорно для всѣхъ, почему и предлагаетъ ходатайствовать о безусловной отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всего населенія. Собраніе безъ возраженій приняло послѣднее предложеніе. Тверской губернаторъ опротестовалъ это постановленіе, какъ выходящее изъ предѣловъ вѣдѣнія земскихъ учреждений. Слѣдующее губернское собраніе въ засѣданіи 10 декабря 1890 г. разсматривало заключеніе редакціонной комиссіи по этому протесту, и послѣ продолжительныхъ преній согласилось съ мнѣніемъ комиссіи, что протестъ губернатора неправильный, и потому постановило дать ходатайству дальнѣйшій ходъ. Между прочимъ, свое рѣшеніе собраніе основало на указѣ

сената отъ 31 мая 1884 г., въ которомъ признанъ неправильнымъ протестъ губернатора по такому же ходатайству Константиноградскаго земства (см. Полтавскую губернію). Одинъ изъ гласныхъ, доказывавшихъ необходимость отмѣны розогъ, опровергалъ „любовь крестьянъ къ розгамъ“ и указалъ на такой фактъ, что одинъ крестьянинъ, будучи приговоренъ къ розгамъ, оказалъ сопротивленіе и былъ уже приговоренъ къ высшему наказанію—къ аресту. Добившись этого болѣе строгаго наказанія, онъ заявилъ, что для того и сопротивлялся, чтобы избавиться отъ розогъ. Снова поднять этотъ вопросъ въ 1895 г. новоторжскимъ земскимъ собраніемъ, которое постановило ходатайствовать объ освобожденіи населенія уѣзда отъ тѣлеснаго наказанія. Однако, предсѣдатель губернскаго собранія въ засѣданіи 11 декабря 1895 г. исключилъ изъ программы занятій собранія докладъ губернской управы по этому вопросу. Въ 1897 г. въ бѣжецкомъ уѣздномъ собраніи гласный И. И. Ревякинъ предложилъ возбудить ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія въ уѣздѣ; это предложеніе было поддержано собраніемъ, но предсѣдатель собранія Н. И. Хрущовъ прекратилъ дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса. (Русск. Вѣд. 1897 г. № 291).

Въ *Уфимской* губерніи вопросъ былъ поднять стерлитамакскимъ земскимъ собраніемъ, которое въ засѣданіи 15 октября 1895 г., согласно предложенію гласнаго В. В. Ушакова, постановило: въ видахъ привлеченія большаго числа учащихся въ школы ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія лицъ, кончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. Губернская управа въ своемъ докладѣ поддерживаетъ предложеніе стерлитамакскаго собранія, указываетъ на тѣ мотивы, которые приводились въ другихъ земствахъ, но, между прочимъ, отмѣчаетъ и одну мѣстную причину, говорящую за особую важность отмѣны тѣлеснаго наказанія для Уфимской губерніи. Эта губернія, благодаря своимъ бытовымъ и естественно-историческимъ условіямъ, —рѣдкость населенія, пестрый составъ его, удаленность отъ центровъ страны, недостатокъ хорошихъ путей сообщенія,—очень отстала въ дѣлѣ народнаго образованія отъ центральныхъ губерній, и сельское населеніе еще не сознаетъ въ желаемой степени пользу школы. Если теперь многіе крестьяне, желая избавиться отъ возможности подвергнуться тѣлесному наказанію, переходятъ въ другія сословія, то школа, избавляющая отъ этого наказанія, пріобрѣтетъ въ ихъ глазахъ особое значеніе. Кромѣ развитія народа, школа въ Уфимской губерніи является могучимъ орудіемъ къ сліянію съ русскимъ народомъ массы обитающихъ

инородцевъ, почему для привлеченія ихъ въ школы необходимы всѣ способы. — *Губернское собраніе* въ засѣданіи 8 декабря 1895 г. согласилось съ докладомъ управы и постановило ходатайствовать объ избавленіи отъ тѣлеснаго наказанія крестьянъ, окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ.

Въ *Херсонскомъ земствѣ* вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія поднимался неоднократно. *Елисаветградское* собраніе еще въ сессію 1872 г. въ засѣданіи 19 сентября приняло докладъ училищной комиссіи, восьмымъ пунктомъ котораго предлагалось: „просить у правительства крестьянъ, окончившихъ съ успѣхомъ образованіе въ сельской школѣ, освободить отъ тѣлеснаго наказанія и предоставить имъ какія-либо права при поступленіи на службу“. Въ 1881 г. то же собраніе утвердило записку гл. Н. А. Бошняка по вопросу объ улучшеніи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій; въ этой запискѣ 12 пунктъ редактированъ такъ: „наказаніе розгами, какъ наказаніе унижающее и развращающее, должно быть отмѣнено“.

По тому же самому поводу высказалось и *одесское уѣздное* собраніе, принявши предложеніе управы о представленіи правительству относительно необходимости уничтоженія тѣлеснаго наказанія вообще. Губернская управа поддержала предложеніе обоихъ уѣздныхъ земствъ, и оно было принято *губернскимъ собраніемъ* 1881 года.

Затѣмъ въ послѣднее время этотъ вопросъ снова былъ поднятъ *Елисаветградскимъ* земствомъ въ сессію 1895 г. Въ это собраніе было представлено прекрасно мотивированное письменное предложеніе гл. П. А. Зеленаго. Опуская тѣ мотивы, которые приведены уже въ предложеніяхъ другихъ земствъ, мы отмѣтимъ нѣкоторыя особенности этого предложенія. Авторъ приводитъ мнѣнія врачебныхъ обществъ о вредѣ тѣлеснаго наказанія, что подтверждается и недавно опубликованными случаями самоубійства и сумасшествія отъ розогъ. Печать, за исключеніемъ двухъ органовъ, всегда высказывалась противъ розогъ. Славянофилы уже давно говорили противъ нихъ и К. Аксаковъ („Русь“ № 5, 1883 г.) обращалъ вниманіе, что „древняя Русь не знала тѣлеснаго наказанія; въ ней грубая сила являлась, какъ случайность, но никогда, какъ законъ. Тѣлесное наказаніе — подарокъ татарскій“. Официальные и духовные органы также высказываются противъ тѣлеснаго наказанія, таковы: „Церковный Вѣстникъ“, считающій шпицрутены, кнутъ и пр. наслѣдіемъ нѣмцевъ и татаръ и находящій, что пора отмѣнить совсѣмъ это позорное, противорѣчащее христіанству наказаніе;

„Курскія Губернскія Вѣдомости“ считаютъ розги „крайне несовершенною исправительною мѣрою“, которая „на крестьянина, въ существѣ порядочнаго, дѣйствуетъ крайне удручающимъ образомъ: позоръ, наносимый ему, остается на всю жизнь; позоръ этотъ раздѣляетъ и семья, такъ какъ дѣтей человѣка, подпавшаго такому наказанію, сверстники не преминутъ подвергнуть осмѣянію: „твой батька, молъ, поротый!“ По компетентному заявленію этого официальнаго органа, бывають случаи, что къ розгамъ за сравнительно маловажные проступки приговариваются люди въ зрѣломъ возрастѣ, хорошіе домохозяева, отцы взрослыхъ дѣтей. Громадное большинство земствъ неоднократно высказывалось за отмѣну розогъ. Гл. Зеленый особенно останавливается на интересныхъ преніяхъ въ чистопольскомъ собраніи. Гласный городской голова Бургеръ задалъ такой вопросъ: какъ согласовать заботы земства о народномъ образованіи съ позорнымъ наказаніемъ? „При настоящихъ условіяхъ могутъ произойти, слѣдовательно, ненормальныя явленія: въ читальнѣ, учрежденной при волостномъ правленіи, можетъ ожидать своей очереди, чтобы подвергнуться позорной экзекуціи, грамотный крестьянинъ, и въ ожиданіи читать сочиненіе какого-нибудь писателя, въ которомъ его научають уважать человѣческое достоинство, даютъ понятіе о томъ, что такое есть доброе имя, а черезъ минуту... все это будетъ попрано, и человѣкъ будетъ опозоренъ на всю жизнь, иногда за легкомысленный поступокъ“.

Въ томъ же собраніи гласный крестьянинъ Васянинъ говорилъ, что розги въ деревнѣ часто примѣняются *совершенно зря* и противъ безусловно порядочныхъ людей. При той власти, какой пользуются въ деревнѣ старшина и писарь, часто бывають и такіе случаи, что старшина или другіе мѣстные воротилы подводятъ подъ розги лицъ непріятныхъ имъ, чтобы не допустить ихъ до общественныхъ должностей и избавить себя отъ конкурентовъ. Наконецъ, приводя списокъ лицъ, изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія, гласный Зеленый указалъ, что ученики народныхъ школъ, вѣроятно, только вслѣдствіе пропуска не попали въ этотъ списокъ, такъ какъ программа этихъ школъ нисколько не ниже программы, освобожденной отъ наказаній школы дома воспитанія бѣдныхъ. Въ заключеніе гл. Зеленый предложилъ два ходатайства: 1) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ во всѣхъ народныхъ школахъ и 2) объ отмѣнѣ пункта 4-го 33 ст., второй половины 34 ст. и соотвѣтственной редакціи 36 ст. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ. Къ

этому предложенію елисаветградская уѣздная управа отъ себя привела историческія справки о подобныхъ ходатайствахъ въ 1872 и 1881 гг.; если земство уже 25 лѣтъ тому назадъ находило необходимымъ отмѣнить тѣлесное наказаніе, то теперь, въ виду широкаго распространенія народнаго образованія, подобное ходатайство безусловно необходимо. По прочтеніи записки гл. Зеленаго въ собраніи, предсѣдатель заявилъ, что онъ можетъ допустить къ обсужденію только первую часть предложенія, почему собраніе, ограниченное въ своихъ правахъ предсѣдателемъ, и постановило ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ окончившихъ курсъ во всѣхъ народныхъ школахъ.

Херсонская губернская управа въ своемъ докладѣ собранію поддержала это ходатайство Елисаветградскаго земства, и *губернское собраніе* въ засѣданіи 20 ноября 1895 г. постановило единогласно возбудить указанное ходатайство.

Въ *Черниговскомъ* земствѣ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія разработанъ очень подробно; онъ разсматривался неоднократно въ губернскомъ земствѣ и почти во всѣхъ уѣздныхъ. Въ первый разъ губернская управа представила собранію 1892 г. прекрасно мотивированный докладъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній для окончившихъ народныя училища. Кромѣ соображеній, приведенныхъ другими земствами, черниговская управа указала, что само правительство постоянно стремится къ ограниченію тѣлесныхъ наказаній посредствомъ изыятія отъ него цѣлаго ряда лицъ по должности и по образованію. Желая еще болѣе ограничить примѣненіе тѣлеснаго наказанія, законъ поставилъ его подъ контроль земскихъ начальниковъ. Этой тенденціи правительства соотвѣтствуютъ и желанія земствъ, которыя уже съ начала 80-хъ годовъ начали ходатайствовать о полной отмѣнѣ этого наказанія. Однимъ словомъ, необходимость отмѣны розогъ вполне назрѣла. Характерно, что и сторонники тѣлеснаго наказанія никогда не одобряли его въ принципѣ, признавали его нежелательность и всю унижительность для челоѣческаго достоинства, а въ защиту его приводили: „народъ привыкъ къ тѣлесному наказанію и самъ хочетъ, чтобы его сѣкли“, невозможность замѣнить розги другими наказаніями, грубость, дикость и необразованность крестьянъ, „розги не болѣе безнравственны, чѣмъ тюрьма“, и наконецъ „необходимость уваженія къ обычаямъ народной жизни“. Всѣ эти доводы, по мнѣнію управы, вполне неосновательны; начать съ того, что народъ привыкъ ко многому дурному, и вовсе не слѣдуетъ, что

эти привычки слѣдуетъ сохранять, особенно если онѣ, какъ, напр., розги, поддерживаютъ эту дикость, на которую жалуются защитники розги. Странно также слышать по поводу розогъ объ уваженіи къ народнымъ обычаямъ, когда эти сторонники уваженія къ народу являются сторонниками крайней опеки надъ народомъ, и къ другимъ его обычаямъ, болѣе почтеннымъ, относятся безъ всякаго уваженія. И наконецъ, вовсе не доказано, что народъ любитъ розги. Ни жизнь, ни наука не говорятъ въ пользу розги. Далѣе управа приводитъ рядъ соображеній противъ тѣлеснаго наказанія изъ „Элементарнаго учебника уголовного права“ проф. Кистяковского. Достаточно привести слѣдующія ссылки: „Подъ тѣлеснымъ наказаніемъ разумѣются способы причиненія мученія тѣлу человѣка; тѣлесныя наказанія имѣютъ тождественное происхожденіе со смертной казнью: они были вызваны къ жизни тѣми же чувствами злобы, мести и устрашенія, которыя создали смертную казнь во всѣхъ ея видахъ“. „Тѣлесныя наказанія имѣютъ огрубляющее и развращающее вліяніе на духъ народный. Они укрѣпляютъ привычку къ физическому насилию, освящая его примѣромъ; менѣе развитая умственно часть народа, видя употребленіе побоевъ и истязаній именемъ закона, остается при впечатлѣніяхъ и мысляхъ о состоятельности и умѣстности грубыхъ насилій надъ тѣломъ своихъ близкихъ. Отвергая всякую цѣлесообразность розогъ, что приведено въ мнѣніяхъ другихъ земствъ, проф. Кистяковскій опровергаетъ и экономическое оправданіе розогъ: „не должно забывать, что увѣковѣченіе грубости посредствомъ удержанія тѣлесныхъ наказаній можетъ причинить большій, хотя и невидимый вредъ всей нравственности народной. Кому неизвѣстно, что возвышеніе нравственнаго достоинства человѣка есть лучшій рычагъ улучшенія экономическаго быта народа“. Затѣмъ, сдѣлавъ ссылку на указъ сената отъ 31 мая 1884 г. № 7616, черниговская управа находитъ, что ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній хотя бы для окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ вполне своевременно, законно и соответствуетъ мѣстнымъ нуждамъ губерніи. Но предсѣдатель губернскаго собранія въ 1892 г. не допустилъ обсуждать вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, ссылаясь на указъ сената 14 марта 1873 г. № 7332. Рѣшеніе предсѣдателя оспаривалось 12 гласными, подавшими особое мнѣніе, въ которомъ указывали на позднѣйшее, вполне ясное рѣшеніе сената 31 мая 1884 г. по поводу такого же ходатайства Константиноградскаго земства; разъ губернаторы не имѣютъ основаній опротестовывать подобныя ходатайства, „то еще менѣе

естественно было председателю собранія, его представителю, налагать veto на самое обсужденіе вопроса“.

Въ губернскомъ собраніи 1894 г. вопросъ снова былъ возбужденъ докладомъ губернской управы, которая воспроизвела свой докладъ собранію 1892 г. съ слѣдующимъ дополненіемъ. Нѣсколько учителей подали въ губернскую управу заявленіе, въ которомъ они указывали на необходимость освободить учившихся отъ тѣлеснаго наказанія, иначе „школа ставитъ своихъ питомцевъ въ ложное положеніе, возвышая ихъ человѣческое достоинство и тѣмъ невольно способствуя особенной горечи и чувствительности тѣлеснаго наказанія, въ случаѣ примѣненія его къ такимъ бывшимъ ея питомцамъ“.

Губернская управа передала это заявленіе на разсмотрѣніе уѣздныхъ собраній, изъ которыхъ 8 категорически высказались за поддержаніе ходатайства (черниговское уѣздное, борзенское, козелецкое, конотопское, кролевецкое, мглинское, остерское и сосницкое); одно суражское воздержалось отъ подачи мнѣнія, и 6—городничское, глуховское, новозыбковское, новгородѣверское, нѣжинское и стародубское собранія, за позднимъ полученіемъ запроса губ. управы, не успѣли обсудить ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для окончившихъ курсъ. Приводя сводку постановленій уѣздныхъ собраній, губернская управа на этотъ разъ шире и правильнѣе взглянула на дѣло, чѣмъ въ предъидущемъ своемъ докладѣ 1892 г. Принимая во вниманіе, что розги составляютъ предметъ ужаса и позора не только для грамотнаго, но и для неграмотнаго, которому также присуще чувство личнаго достоинства, и что не задача земства — учрежденія безсловнаго — создавать какой-то новый полу-привилегированный классъ населенія, изъятаго отъ розогъ, губернская управа предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ, кто до сихъ поръ не освобожденъ. Въ подтвержденіе необходимости этой мѣры управа приводитъ мнѣнія врачебныхъ обществъ, печати, различныхъ ученыхъ учреждений и ходатайства нѣсколькихъ губернскихъ собраній. Это предложеніе губернская управа и внесла въ XXX губернское земское собраніе 1895 г., которое въ засѣданіи 1 февраля и приняло слѣдующее осторожное заключеніе коммисіи: „крупныя законодательныя измѣненія совершаются путемъ весьма труднымъ и медленнымъ. Много и много времени должно пройти прежде, чѣмъ составитъ непреложное убѣжденіе, что извѣстный законъ устарѣлъ и не соответствуетъ современному росту постоянно прогрессирующаго общества. Обыкновенный путь такихъ измѣненій — путь исклю-

ченій и изыятій отъ дѣйствія закона, и если число изыятій дѣлается очень значительнымъ, тогда самый законъ пріобрѣтаетъ характеръ исключенія и, утративъ почву для примѣненія, остается ненужнымъ и бевреднымъ балластомъ въ законодательствѣ, пока не будетъ выключенъ вовсе кодификаціоннымъ порядкомъ. Предлагаемое губернскою управою ходатайство объ общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, если бы такое ходатайство и было признано не выходящимъ изъ рамокъ компетенціи земства, даетъ слишкомъ мало надежды на скорое осуществленіе; между тѣмъ какъ ходатайство о частичномъ измѣненіи общаго закона и объ изыятіи отъ дѣйствія его отдѣльной группы лицъ, имѣющее прямое соотношеніе къ возложенной на земство задачѣ заботы о начальномъ народномъ образованіи и не требующее сильной ломки въ законодательствѣ, имѣетъ много шансовъ успѣха, если не сразу, то, по крайней мѣрѣ, въ весьма недалекомъ будущемъ. Въ виду этого коммиссія предлагаетъ, высказавъ пожеланіе объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, ходатайствовать объ освобожденіи отъ него воспитанниковъ начальныхъ школъ, окончившихъ ученіе со свидѣтельствами объ успѣшномъ окончаніи“.

На это ходатайство получился отрицательный отвѣтъ отъ министра, признавшаго, что поднятый земствомъ вопросъ имѣетъ общегосударственное значеніе. Въ то же время три уѣздныхъ земскихъ собранія въ сессію 1895 г. возбудили ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, борзенское о полной отмѣнѣ его, а черниговское уѣздное и городническое для окончившихъ курсъ въ школахъ. Докладывая объ этомъ губернскому собранію сессіи 1895 г. (бывшему 16 янв.—1 февр. 1896 г.), губернская управа снова настаиваетъ на ходатайствѣ объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія; это ходатайство, согласно утвержденному 7 іюля 1867 г. положенію комитета министровъ, должно быть представлено комитету министровъ. Этотъ докладъ управы разсматривала особая коммиссія, которая, имѣя передъ собою отвѣтъ министра и новыя ходатайства трехъ уѣздныхъ собраній, предложила слѣдующее: 1) ходатайство прошлаго губернскаго собранія сессіи 1894 г. объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ представить вновь министру внутреннихъ дѣлъ и просить его передать это ходатайство на разсмотрѣніе комитета министровъ; 2) ходатайство собраній борзенскаго, городническаго и черниговскаго уѣзднаго представить въ установленномъ порядкѣ министру внутреннихъ дѣлъ и ходатайствовать въ томъ же порядкѣ отъ черниговскаго губернскаго зем-

скаго собранія объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для населенія Черниговской губерніи.

Въ засѣданіи губернскаго собранія 25 января предсѣдатель ¹⁾, по прочтеніи заключенія комиссіи и отвѣта министра, не разрѣшилъ вовсе говорить по существу дѣла и о второмъ предложеніи комиссіи объ общемъ ходатайствѣ, а только по поводу перваго предложенія комиссіи. На исполнѣ справедливыя возраженія гл. Шрага, предсѣдатель, между прочимъ, замѣтилъ: „Повѣрьте, я не менѣе тѣхъ, которые писали этотъ докладъ, сочувствую отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, этому сочувствуютъ всѣ, но говорить объ этомъ не велѣно“. (Этому совершенно противорѣчить то обстоятельство, что вопросъ объ общей отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія свободно обсуждался въ смоленскомъ, московскомъ, тверскомъ, петербургскомъ и др. собраніяхъ). Въ виду такого запрещенія предсѣдателя, несмотря на протестъ нѣкоторыхъ гласныхъ, собранію оставалось только одно — принять первое предложеніе комиссіи — просить министра внутреннихъ дѣлъ передать прошлогоднее ходатайство собранія на разсмотрѣніе комитета министровъ. 15 гласныхъ приложили къ журналу свое особое мнѣніе о неправильности дѣйствій предсѣдателя. Въ этомъ мнѣніи, между прочимъ, указывается, что общая отмѣна тѣлеснаго наказанія составляетъ мѣстную нужду для населенія губерніи, но мѣстныя нужды и пользы часто совпадаютъ съ государственными, такъ и въ данномъ случаѣ: почти всѣ земства высказались за отмѣну тѣлеснаго наказанія, вопросъ приобрѣтаетъ общегосударственное значеніе, но это нисколько не лишаетъ его мѣстнаго значенія для населенія Черниговской губерніи. И вообще вопросъ о томъ, насколько данное ходатайство касается мѣстныхъ нуждъ и пользы, можетъ быть разрѣшенъ „только компетентною властью, комитетомъ министровъ, почему всякія воспрепятствія ихъ обсужденія, исходящія изъ власти предсѣдателей собраній, признаемъ крайне нежелательными, какъ основывающіяся на чисто субъективной оцѣнкѣ: въ то время, когда предсѣдатели чуть ли не всѣхъ земскихъ собраній, губернскихъ и уѣздныхъ, находили возможнымъ допускать обсужденіе вопросовъ о тѣлесномъ наказаніи, предсѣдатель нашего собранія нашелъ возможнымъ воспретить такое обсужденіе, „что является неправильнымъ въ виду Высочайше утвержд. 7 іюля 1867 пол. комит. министровъ и рѣш. Прав. Сената 1884 г., № 7616“.

¹⁾ Не тотъ, который былъ въ XXX собраніи.

Такимъ образомъ, большинство губернскихъ земствъ и очень многія уѣздныя возбуждали вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній; одни земства имѣли въ виду только окончившихъ курсъ въ народныхъ школахъ, но другія смотрѣли на вопросъ болѣе правильно и цѣлесообразно и просили полного уничтоженія позорнаго тѣлеснаго наказанія. Земскія ходатайства сдѣлали очень многое: примѣненіе розогъ во всей Россіи уменьшилось въ значительной степени. Нужно думать, что остальные земства послѣдуютъ примѣру перечисленныхъ и также возбудятъ соотвѣтственныя ходатайства, а тѣ земства, которыя не получили еще отвѣта, снова повторятъ свои ходатайства.

Врачъ Д. Жбанковъ.

МОРЯКЪ.

На равнинѣ бурной моря
По гребнямъ вспѣнныхъ волнъ,
Съ ихъ громадой грозной спора,
Пусть плыветъ мой утлый челнъ!

Я-ль отвагою не полнъ?...

Буря близко... Воздухъ душень,
И окуталъ море мракъ...
Парусъ крѣпокъ, руль послушень,
А вдали блеситъ маякъ,—
Не боится бурь морякъ!

П. Я. Б.

КАПЛИЦА ¹⁾.

(Изъ вѣлорусскихъ разсказовъ).

— Олесь, Олесь!—говорила пани Чаплинская своему сыну, юношѣ лѣтъ двадцати:—ты забылъ заповѣди твоего отца! ты забываешь слезы твоей матери! ты отвернулся отъ святой вѣры, въ которой родился. Ты не видишь страданій поляковъ; ты уже не помнишь, что брата твоего родного повѣсили моска́ли, что отецъ твой умеръ въ моска́льной Сибири! Хоть бы подумалъ ты о томъ, что по милости москалей ты теперь простой работникъ!.. Простой работникъ изъ рода Чаплинскихъ! Польскій дворянинъ—простой работникъ! А предки твои брали Москву и были кандидатами въ крули польскіе. Хоть бы ты пожалѣлъ самого себя; подумалъ о родѣ своемъ, о будущихъ дѣтяхъ своихъ, не все же тебѣ жить бобылемъ, дружить съ москалями! Ты не ходишь въ костель; ты не хочешь говорить съ ксендзомъ, ты не хочешь покаяться передъ нимъ... Ты помѣшанъ на глупыхъ русскихъ книжкахъ. Теперь ты ужъ могъ бы бросить водить дружбу съ хлопами, твоей компаніей должны быть господа: ты получаешь, хвала Богу, хорошее жалованье! Когда мы были въ нуждѣ, то поневолѣ избѣгали пановъ. Что-жъ, если не было приличнаго костюма выйти въ люди!.. Ты вспомнишь когда-нибудь все, что я говорю теперь! вспомнишь, да ужъ поздно будетъ! Не долго мнѣ маяться на этомъ свѣтѣ... Охъ, не долго...

Пани Чаплинская ударила нѣсколько разъ о полъ посохомъ, который никогда не выпускала изъ рукъ, потому что ноги уже отказывались служить ей. Изъ глазъ старухи полились крупныя

¹⁾ Часовня.

слезы, она не могла больше говорить и отъ волненія дрожала и всхлипывала...

— Каждый день я это слышу, мамуня! Ей Богу, каждый день!—отвѣчалъ Олесь, поднимаясь изъ за-стола, у котораго читалъ книжку.

Это былъ высокій юноша съ открытымъ лицомъ. Голубые глаза его блестя, щеки пылали и онъ нервно крутилъ свои рыжеватые небольшіе усы.

Въ окна стучала вьюга, колебля убогій домишко.

— Я ужъ не дитя, мамуня, самъ знаю, что дѣлать мнѣ,—продолжалъ онъ.—Изъ меня не выйдетъ такого поляка, какой тебѣ нуженъ, что-жъ дѣлать!... Ксендзамъ я не вѣрю...

— Олесь, Олесь, опомнись! Что ты говоришь... Ты безбожникъ! Олесь! ты хуже москаля...

Пани Чаплинская сдѣлала жестъ обѣими руками, какъ бы отстраняя отъ себя кого-то, и выпустила свой посохъ изъ рукъ.

— Ты хуже москаля!—повторила она слабымъ голосомъ.—О, что сказалъ бы твой отецъ!... Прощаясь со мною, онъ говорилъ: „Оставляю тебѣ, Ксаверія, двухъ сыновъ, воспитай изъ нихъ добрыхъ поляковъ“... Что сказалъ бы теперь твой старшій братъ! На послѣднемъ свиданіи со мною онъ говорилъ: „Напиши отцу, что изъ меня вышелъ добрый полякъ“. Что бы они сказали теперь, когда бы встали изъ своихъ могилъ и посмотрѣли на такого поляка, что и вѣру забылъ, и отчизну, и все...

— Наша отчизна не Польша, какіе мы поляки! А по вѣрѣ... всѣ работники одной вѣры...

— Лжешь, лжешь!—пани Чаплинская встала съ убогаго кресла и нѣсколько разъ съ сердцемъ ударила посохомъ въ полъ...—Лжешь!—повторила она еще разъ. Старческое лицо ея приняло грозное выраженіе, тонкія губы дрожали, казалось, она не находила словъ для выраженія своихъ чувствъ и мыслей. Казалось, что морщины разгладились на ея старческомъ лицѣ, точно она помолодѣла на много лѣтъ; на щекахъ вспыхнуль румянецъ.

Вѣтеръ съ силою ударилъ ставнями и бросилъ въ обледе-нѣлыя стекла глыбу снѣга.

— Нѣтъ у меня сына, нѣтъ у меня Олеся,—неожиданно проговорила пани Чаплинская. Она произнесла это медленно, съ разстановкой.

— Мама, что ты сказала?—спросилъ испуганно сынъ, точно не вѣря своему слуху.—Что ты сказала?

Но Чаплинскую уже покинула энергія, и она опять опустилась въ кресло, и худое лицо ея приняло свое обычное выра-

женіе. Юноша взволнованно зашагалъ по комнатѣ. Взоръ его невольно остановился на переднемъ углу, гдѣ висѣли рядомъ икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ и изображеніе святого Іоасафата Кунцевича, этого истребителя православныхъ и жестокаго гонителя одной изъ христіанскихъ религій; въ углу лежали нѣсколько золотыхъ олтажиковъ разныхъ форматовъ. Затѣмъ юноша оглянулся на свой письменный столъ. На этомъ столѣ лежало нѣсколько книгъ по естествознанію и политической экономіи, тутъ же лежалъ томъ Некрасова и два томика сочиненій Сырокомли.

„Два разныхъ міра!“ — подумалъ Чаплинскій. — „Не понять ей моихъ стремленій! не передѣлать мнѣ этой натуры, сложившейся подъ вліяніемъ вѣковыхъ условій“.

— Прости, мамуня, — проговорилъ онъ, подходя къ матери. — Прости твоего сына; не станетъ онъ больше огорчать тебя. Вотъ съ этимъ олтажикомъ (Олесь взялъ со стола золотообрѣзный молитвенникъ) съ этимъ самымъ олтажикомъ стану ходить вмѣстѣ съ тобою въ костель... Наступятъ дни покаянія, и я вмѣстѣ съ другими наклоню свою голову, — пусть посыплетъ есендзъ ее пепломъ...

Юноша опустилсѣ на колѣни и склонилъ свою покорную голову къ ногамъ матери. Слезы струились по впалымъ щекамъ старухи. Съ обожаніемъ и гордостью смотрѣла она на своего сына, послѣднюю отрасль нѣкогда славнаго рода Чаплинскихъ, истощившаго свои силы въ борьбѣ съ могущественными врагами величія былой Польши.

— Встань, Олесь, ты дворянинъ!

— Нѣтъ, мама, я рабочій. Но прости меня, все будетъ такъ, какъ ты меня учишь. Будь здорова и спокойна, твои труды не пропали даромъ: твою вѣру, твою надежду, твою ненависть впитало сердце твоего родного сына Олесь.

Пани Чаплинская почувствовала приливъ давно небывалой бодрости, глаза ея засверкали, точно съ нихъ спала пелена, положенная долгими годами бѣдности, бессонными ночами отчаянія, когда она оплакивала потерю своего послѣдняго сына, отпавшаго отъ святого костела, презрѣвшаго стремленія польскихъ патріотовъ и помѣшавшагося на торжествѣ какихъ-то холопскихъ идей, признавшаго своими братьями не родовитыхъ шляхтичей, а безродныхъ мастеровыхъ, въ среду которыхъ загнала его нужда. Она такъ часто винила своихъ знаменитыхъ предковъ, что не сумѣли они сберечь богатства для поддержанія своего славнаго рода, что по ихъ расточительности Олесь смѣшался

теперь съ чернью и забылъ все славныя преданія старины. Старая Чаплинская не вѣрила своимъ глазамъ, слушая Олеса: „Боже мой, неужели это правда? неужели слухъ не обманываетъ ее? Значить, только нужда заставляла его быть не такимъ, какимъ она хотѣла его видѣть; значить, въ душѣ онъ остался добрымъ полякомъ, вѣрнымъ своей родинѣ, который въ своей гордости предпочиталъ быть первымъ между рабочими, чѣмъ пресмыкаться между чванными панами... „Олесь, Олесь!—думала она: — ты лучше меня оправдалъ надежды отца“. Приливъ необычайной гордости наполнилъ ея старое сердце, она выпрямилась во весь ростъ, простерла свои руки надъ головой Олеса и осѣнила его крестнымъ знаменіемъ...

— Ты умнѣе, чѣмъ я думала,—сказала она:—дѣлай такъ, какъ знаешь, живи, какъ хочешь, теперь я могу умереть спокойно.

Взявши затѣмъ со стола золотой олтажикъ, она промолвила:—Помоги мнѣ, Олесь, надѣть салопъ!

— Куда ты, мама, въ такую погоду?

— Молчи.

У Олеса мелькнула мысль, что старухѣ хочется отвести душу съ ксендозомъ, остановившимся по случаю непогоды ночевать въ мѣстечкѣ, и онъ не сталъ противиться желанію матери.

— Такъ я тебя, мамуня, провожу.

— Сиди дома, сама дорогу знаю.

Подавши салопъ, молодой Чаплинскій вышелъ на дворъ; ему показалось, что вѣтеръ стихалъ, переставалъ сыпать снѣгомъ; съ улицы донесся скрипъ проѣзжавшихъ саней; съ вокзала слышался свистокъ...

„Половина шестого,—сказалъ самъ себѣ Олесь:—не поздно; пусть старуха душу отведетъ... Не буду мѣшать ей“...

По возвращеніи въ комнату, онъ встрѣтилъ мать уже готовою въ путь: съ посохомъ въ рукѣ, съ молитвенникомъ въ другой, въ лучшемъ салопѣ; въ такомъ видѣ она всегда путешествовала за 5 верстъ въ городъ, гдѣ находился костель.

— Мамуня, позволь мнѣ проводить тебя! — сказалъ Олесь.

— Сиди дома, сама дорогу знаю,—отвѣтила она сурово. Олесь не противился болѣе.

Пани Чаплинская вышла на улицу. Кой-гдѣ изъ непритворенныхъ ставнями оконъ, сквозь замерзшія стекла, падалъ блѣд-

ный свѣтъ на снѣжные сугробы. Съ кровель сыпало мелкимъ снѣжкомъ.

Старуха бодро пробиралась по тропинкѣ, протоптанной подлѣ заборовъ, плетней и избъ. Она чувствовала себя легко и свободно, будто съ плечъ ея свалилось бремя тридцати годовъ. Она стремилась, однако, не туда, куда думалъ Олесь. Кончились избы, послѣдній заборъ остался позади. Потянулись безконечные плетни мѣщанскихъ огородовъ, сыпучій снѣгъ широкими волнами усыпалъ, казалось, весь земной шаръ. Пани Чаплинская выбралась на шляхъ.

— Божія Матерь! — шептала она: — смилуйся надъ нами грѣшными.

По временамъ вѣтеръ стихалъ и переставалъ сыпать снѣгомъ,—и тогда сквозь мглу пробивалось мутное сіяніе луны. Но вскорѣ луна выглянула на землю и освѣтила ее тихимъ свѣтомъ.

Пани Чаплинская увидѣла въ сторонѣ небольшую сосновую рощу; темными массами возвышалась она надъ сугробами сыпучаго снѣга; рощу осѣнялъ накренившійся на бокъ крестъ. Пани Чаплинская перекрестилась: она увидѣла цѣль своего путешествія—старую капицу. Погода, между тѣмъ, начала мѣняться. Стало морозить. Ровный и тихій вѣтеръ гналъ мелкій снѣгъ по безконечнымъ сугробамъ. Морозъ съ минуты на минуту крѣпчалъ.

Съ тѣхъ поръ какъ русскій царь отъ пановъ отнялъ мужиковъ, ни одна вѣрующая душа не тронулась, чтобы поддержать почернѣвшую отъ непогоды древнюю капицу, скромно пріютившуюся среди кудрявыхъ сосенъ, осѣнявшихъ кладбище.

Послѣднее повстаніе отважныхъ пановъ было подавлено удалыми казаками, не оставившими въ цѣлости ни одного фольварка. Съ того времени, казалось, окрестные жители потеряли всякое благоговѣніе къ высокочтимой нѣкогда капицѣ, а безбожники-мѣщане не пропускали случая стащить то сухую половицу на подтопку, то дралицу съ ветхой крыши, чтобы заложить ею пробитую свиньями дыру въ плетневомъ хлѣву. Давно двери капицы сняты съ петель и унесены неизвѣстно кѣмъ; во многихъ мѣстахъ вырваны жетѣзные скрѣпы, выдернуты гвозди; мальчишки, потерявъ благоговѣйный страхъ къ святому мѣсту, смѣло спускались подъ полъ, гдѣ былъ устроенъ просторный склепъ и пробивали отверстіе за отверстіемъ въ кирпичной стѣнѣ, замуравливавшей гробы гордыхъ магнатовъ; они карабкались подъ самую кровлю капицы, пугая мирныхъ галокъ и разоряя ихъ гнѣзда.

Съ давнихъ поръ не раздается пѣнія священныхъ гимновъ

на этомъ кладбищѣ. Вѣтеръ заноситъ пескомъ забытыя могилы. Каменные и чугунныя плиты, положенныя для увѣковѣченія скрытыхъ подъ ними покойниковъ, все болѣе и болѣе погружались въ землю. Съ каждымъ годомъ становились рѣже и рѣже кресты и памятники, украшавшіе кладбище: одни изъ нихъ уже погрузились въ сыпучій песокъ, другіе подгнили и упали, многіе были похищены святотатственною рукою окрестныхъ жителей. Одновременно рѣдѣла и вѣчно-зеленая роца, точно она хотѣла раздѣлить судьбу давно забытаго кладбища, не желая переживать его славу. Древнія сосны корявѣли, теряя свой стройный видъ; не выдерживая болѣе напора бури и вѣтровъ, онѣ крошились, точно срѣзанныя, и валились на землю, разрушая при своемъ паденіи уцѣлѣвшіе памятники.

Въ то время, какъ на сосѣднемъ православномъ кладбищѣ густымъ кольцомъ молодой соснякъ окаймлялъ старую роцу, выдвигая съ каждымъ годомъ новыя и новыя поколѣнія на защиту умножавшихся могилъ, — около каплицы не появлялось ни одного молодого ростка. Окрестные жители удивлялись такому явленію. „Богъ пересталъ, — говорили они: — любить панскую вѣру съ тѣхъ поръ, какъ поляки измѣнили русскому царю“. Каплица была сложена изъ прочныхъ сосновыхъ брусевъ... Архитекторъ счумѣлъ придать ей стройную красивую форму, гармонировавшую съ окружающими соснами и могильными крестами. Но время взяло свое: какъ бы въ раздумьи надъ брѣвностью всего земного, наклонилась каплица и точно застыла въ такомъ положеніи.

Не всѣ, однако, забыли и покинули ее. Два раза въ годъ сквозь узкія отверстія оконъ виденъ былъ слабый мерцающій свѣтъ, и жители мѣстечка прекрасно знали, кто этотъ таинственный почитатель былой святыни. Въ продолженіе четверти вѣка, изъ года въ годъ на Великій день и на Нарожденіе старая Чаплинская проводила ночи въ каплицѣ; тогда оттуда слышалось старческое пѣніе гимновъ, плачь и рыданіе о временахъ прошедшихъ; можно было подслушать проклятія, посылаемыя на головы враговъ, виновниковъ несчастія пани Чаплинской, ея рода и отчизны. Забиравшіеся послѣ этого въ каплицу мальчишки находили огарокъ восковой свѣчи, небольшой образокъ Спасителя или Божіей Матери; уцѣлѣвшія половицы были выметены, зеленныя вѣтви елей и сосенъ живописно украшали стѣны, съ которыхъ время и непогоды давно согнали слѣды украшеній и изображеній католическихъ святыхъ.

Теперь пани Чаплинская стремилась въ эту святыню возблагодарить Бога за неожиданно ниспосланную ей радость. Морозъ щипалъ ей щеки и носъ, но она не чувствовала его прикосновеній. Запыхавшись, она остановилась и почти съ испугомъ подняла свои глаза: ей представилась картина, которую она уже гдѣ-то видѣла. Луна докатилась до рощи и крестъ каплицы чернымъ силуэтомъ вѣззался въ ясный дискъ свѣтила, придававшего своимъ освѣщеніемъ загадочный видъ темной рощѣ, одиноко возвышавшейся среди необозримаго снѣжнаго моря.

Но гдѣ Чаплинская видѣла эту картину? О, Боже мой! она вспомнила: она видѣла ее въ своей молодости. Давно то было, а кажется, что только вчера случилось. Тогда ѣхали они на пикникъ; она съ Ясемъ, покойнымъ мужемъ, сидѣла въ переднихъ саняхъ, цугомъ. Лошади мчались; вдругъ—стой! Что такое? Глухие хлопы возвращались со свадьбы и загородили дорогу. Свѣтила луна, и снѣжныя искорки блестѣли, какъ брилліанты. Она любовалась этой картиной, пока Ясь расправлялся съ мужиками. Какъ орелъ налетѣлъ онъ на нихъ съ бичемъ и хлесталъ ихъ сплеча, пока они не своротили своихъ клячъ въ сугробы снѣга. Такъ же въ сторонѣ тогда стояла роща, освѣнявшая кладбище; такъ же возвышался крестъ надъ рощей; такъ же луна зашла за крестъ, который величественно озираетъ такое же безбрежное снѣжное море, и такъ же въ душѣ гнѣздилося смѣшанное чувство, въ которомъ были и грусть, и любовь... Ахъ, пріятное то было чувство! И плакать ей тогда хотѣлось, и излить свою душу въ какомъ-нибудь торжественномъ гимнѣ. Она сама не замѣтила, какъ тихимъ голосомъ начала: „Съ дымомъ пожаровъ“. Она такъ увлечена была своимъ настроеніемъ, что не слышала, какъ вся компанія подхватила мотивъ, и полились по безбрежному морю величественные звуки торжественнаго гимна.

Старуху бросило въ жаръ, она забыла свои годы и свою прошлую, тяжелую, полную лишеній и униженій жизнь. Она видѣла передъ собой только одну цѣль, къ которой стремилась,—темную рощу съ накренившимся крестомъ надъ застывшей въ своемъ теченіи луной. Пріятная бодрость проникла во всѣ ея члены, и старуха совсѣмъ не ощущала налегавшаго мороза. Забывши самоё себя, свой возрастъ, пани Чаплинская въ мечтахъ переживала иную жизнь.

Перебравшись черезъ перегнившій порогъ внутри часовни, она остановилась на минуту, чтобы перевести духъ и осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ. Тутъ на нее пахнуло холодомъ... Лунные лучи косою блѣдной полосой прорѣзывали каплицу. Мо-

гильная тишина изрѣдка нарушалась трескомъ, производимымъ морозомъ, сжимавшимъ ветхія стѣны древней постройки.

— Божія Матерь! смилуйся надъ нами грѣшными, — произнесла Чаплинская, стараясь окоченѣвшими руками зажечь небольшой огарокъ свѣчи, насаженный на гвоздь, на которомъ стояла прислоненная къ стѣнѣ небольшая икона Спасителя.

Тутъ только она почувствовала нѣкоторую усталость. Положивши передъ собою молитвенникъ, какъ обыкновенно она дѣлала, пани Чаплинская опустила на колѣни и, сложивши на груди руки, принялась шептать слова святой молитвы. Усердное моленіе придало ей новыя силы. Она чувствовала, что у нея озябли ноги, но вскорѣ убѣдилась, что это ей такъ только показалось...

Прошло немного времени, молящаяся почувствовала во всемъ тѣлѣ ознобъ; окоченѣвшія руки свои она спрятала въ рукава салона. Проговоривши всѣ извѣстныя ей молитвы, она запѣла старческимъ надтреснувшимъ голосомъ гимнъ Божьему Промыслу, любимую свою пѣснь.

Счастливъ, кого Промыслъ Божій хранитъ;
Не страшатъ его жизни невзгоды!

Но съ каждымъ словомъ, однако, становились слабѣе и слабѣе звуки ея голоса. Сильно треснуло гдѣ-то въ углу, какъ сквозь сонъ услышала этотъ трескъ пани Чаплинская и подумала: „Углы трещатъ, чью-то смерть пророчатъ!“ — „Не мою!“ — мысленно отвѣтила она себѣ, продолжая пѣть, какъ ей казалось, громкимъ голосомъ, въ которомъ должно было выливаться побѣдное торжество надъ всѣми ухищреніями враговъ.

Желаніе жить, потребность наслажденій теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, овладѣли ею. Разгоряченное воображеніе рисовало ей будущее, полное удовольствій, — будущее, въ которомъ она видѣла свое торжество надъ всѣми невзгодами. Родной Олесь пріобрѣлъ богатство и славу, породнился съ первыми магнатами края, тѣми магнатами, о которыхъ написано много книжекъ, ея Олесь предводителствуетъ коронными войсками; ея Олесю служить тотъ самый преданный казакъ, который такъ хорошо изображенъ Мальчевскимъ въ его поэмѣ „Марія“. Подъ предводительствомъ Олеси коронныя войска разбиваютъ татаръ, турокъ, казаковъ, венгровъ, москалей, берутъ Москву... Границы отчизны расширяются отъ одного моря до другого. Король даетъ Олесю за его услуги много-много хлоповъ... Тутъ пани Чаплинская наклонила голову къ холодному полу, какъ она всегда скло-

няла ее во время усердныхъ моленій... Никогда не ожидала она, что чаянія ея сбудутся. И теперь вдругъ такое торжество...

Господи Боже! Мой добрый Боже!
Возьми Ты меня подъ крыла свои!
За крѣпкую вѣру мою.
Ты мой избавитель-надежда!

Заключительныя слова гимна, какъ казалось пани Чаплинской, прозвучали особенно торжественно; но губы ея не шевелились, и застывшія уста давно уже не издавали никакихъ звуковъ. Мертвая, ничѣмъ не нарушаемая тишина царила кругомъ, хотя молящейся казалось, что все вокругъ наполнено торжественными звуками... Гдѣ-то звонили колокола праздничнымъ звономъ... И никогда она не испытывала такого пріятнаго ощущенія, какъ теперь, прижавшись отяжелѣвшей головой къ холодному полу. Она знала, что въ это время Олесь уже умиралъ хлоповъ, поднявшихся противъ пановъ и противъ святой римско-католической вѣры. И самъ святѣйшій папа шлетъ Олеся свое благословеніе, а ей, матери Олеся, письмо, въ которомъ благодарить ее, что она воспитала великаго воина за вѣру католическую.

Еще треснуло гдѣ-то въ углу, словно раздался пушечный выстрѣлъ: морозъ продолжалъ нажимать на прогнившія стѣны часовни, но пани Чаплинская уже не слышала этого треска.

Усѣвшись за книгу послѣ ухода матери, Олесь не замѣтилъ, какъ пролетѣло время за полночь. Подождавши еще немного, онъ отправился въ тотъ домъ, гдѣ, по слухамъ, остановился ксендзь. Морозъ трещалъ; вѣтеръ совсѣмъ стихъ; луна ровнымъ свѣтомъ озаряла убогое мѣстечко, бросая рѣзкіе силуэты короткихъ тѣней отъ погруженныхъ въ снѣгъ хатъ. Оказалось, что ксендзь уѣхалъ, какъ только перестало буранить.

„Но куда же она могла уйти? — размышлялъ Олесь:—въ капицу развѣ? Но не можетъ быть, чтобы она рѣшилась идти туда въ такую погоду, и одѣлась она недостаточно тепло: не такъ она одѣвается, когда идетъ туда“.

Олесь зашелъ еще къ одной мѣщанкѣ, съ которой пани Чаплинская любила отводить душу въ послѣднее время, не придавая значенія тому обстоятельству, что эта мѣщанка была не католичка. „Мать моя начинаетъ дѣлать уступки духу времени“,—говаривалъ по этому поводу Олесь. Въ хатѣ мѣщанки было темно. Олесь постучался въ окно.

— Негдѣ ей быть!—сказала мѣщанка на вопросъ Чаплинскаго.—Развѣ поплелась въ каплицу своему Пану Богу Крулю молиться;—въ послѣднихъ словахъ мѣщанки звучала явная иронія. Эта фраза полоснула Олеса по сердцу, точно ему нанесли кровную обиду. „Мамуня, мамуня! — подумалъ онъ:—что если, вмѣсто счастливой жизни, святая ложь моя принесла тебѣ блаженную смерть.

Олесемъ овладѣло недоброе предчувствіе; это предчувствіе скоро перешло въ страхъ. Не отвѣтивши ни слова мѣщанкѣ, онъ бросился на улицу и побѣжалъ по направленію къ кладбищенской рошѣ. Отъ дороги онъ замѣтилъ заметенные слѣды, ведшіе по нетронутому снѣгу къ каплицѣ. Сомнѣнія не было, что пани Чаплинская тамъ. Это сначала успокоило Олеса, но не надолго. Онъ чувствовалъ на себѣ дыханіе жестокаго мороза; вѣтеръ чуть-чуть колебалъ воздухъ и, казалось, рѣзалъ немилосердно все, къ чему ни прикасался. Олесъ поминутно теръ себѣ носъ, щеки. На порогѣ каплицы Олесъ споткнулся. Тутъ онъ всмотрѣлся въ то, что находилось передъ нимъ. Догорала свѣча; мерцающій свѣтъ ея освѣщалъ то ту, то другую стѣну каплицы, то падалъ на полъ. Въ кроткомъ взорѣ Спасителя свѣтилась скорбь, и Олесъ не могъ вынести этого взора: въ немъ онъ видѣлъ какой-то укоръ себѣ и сожалѣніе. Полоса луннаго свѣта падала на молящуюся мать Олеса.

Нѣсколько секундъ онъ не рѣшался сдвинуться съ мѣста; онъ не рѣшался нарушить молитвеннаго настроенія дорогой матери. Но со стороны молящейся не слышалось ни одного звука; она не сдѣлала ни одного движенія. Кровь прилила къ сердцу Олеса; онъ сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ,—заскрипѣли половицы отъ тяжести его молодого тѣла. Въ одномъ углу затрещало отъ мороза.

— Мамуня!—крикнулъ Олесъ.

Ни звука на это восклицаніе. Олесъ прикоснулся къ плечу матери; тѣло ея подалось немного впередъ, будто она постаралась сдѣлать болѣе низкій поклонъ, Олесъ прикоснулся рукою къ ея лицу: оно было холодно и твердо...

— Мамуня, мамуня!—закричалъ онъ, вдругъ понявъ страшную истину, всплеснулъ руками и съ дикимъ воплемъ бросился на колѣни.

Д. Е. Лаппо.

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА ВЪ СУРГУТСКОМЪ КРАѢ.

I.

Было время, когда и наука, и культурное общество смотрѣли на народную медицину съ величайшимъ пренебреженіемъ, считая ее плодомъ дикаго невѣжества и темноты народныхъ массъ, сбродомъ всевозможныхъ нелѣпостей и суевѣрій. Но теперь этотъ взглядъ уже отжилъ свое время, и я едва ли ошибусь, если скажу, что установленіе правильной точки зрѣнія на народную медицину у насъ въ Россіи слѣдуетъ приписать земскимъ врачамъ, которые, можно сказать, первые столкнулись на практикѣ съ народной медициной и первые же вступили съ ней въ борьбу. Но эта борьба въ то же время заставила земскихъ врачей ближе присмотрѣться къ тѣмъ способамъ и приѣмамъ лѣченія, какіе практикуетъ народъ съ незапамятныхъ временъ для уврачеванія своихъ болѣзней. И вотъ, если на первыхъ порахъ со стороны земскихъ врачей высказывалось отрицательное отношеніе къ народной медицинѣ и даже нерѣдко возбуждался вопросъ о борьбѣ съ ней путемъ полицейскихъ мѣръ, то впоследствии эти отношенія стали совершенно иными.

Болѣе близкое знакомство съ народной жизнью измѣнило взглядъ и на народную медицину. На сѣздѣ земскихъ врачей Саратовской губ. въ 1887 г. уже поднимается вопросъ о томъ, нельзя ли утилизировать народную медицину въ интересахъ населенія и нельзя ли „овладѣть довѣріемъ народныхъ лѣкарей и лѣкарокъ, которые часто, отличаясь полной добросовѣстностью и осторожностью, приносятъ населенію (сплошь и рядомъ совершенно безкорыстно) значительную долю пользы, подавая ему

первоначальное врачебное пособіе и снабжая его нѣкоторыми гігіеническими и діететическими свѣдѣніями“¹⁾.

Это стремленіе утилизировать народную медицину тѣмъ болѣе имѣетъ основаній, что, какъ заявили составители программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на вышеназванномъ съѣздѣ, „наличный медицинскій персоналъ въ состояніи оказывать пособіе не болѣе, какъ одной пятой части населенія“. И это въ Саратовской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, медицинское дѣло поставлено лучше всѣхъ прочихъ отраслей земскаго хозяйства. А что же дѣлается въ неземскихъ губерніяхъ?

Въ защиту народной медицины за земскими врачами возвысили свой голосъ и представители науки. Вѣроятно многимъ еще памятна рѣчь проф. Рейна о русскомъ народномъ акушерствѣ, произнесенная на III съѣздѣ врачей въ 1889 г. Указавъ на то, что 90% родовъ въ Россіи составляютъ удѣлъ народнаго акушерства и что вопросъ о народномъ акушерствѣ долженъ быть отнесенъ къ числу крупныхъ вопросовъ, достойныхъ подвергнуться коллективному обсужденію врачебнаго сословія, проф. Рейнъ между прочимъ высказалъ: „Помимо своего значенія государственнаго, помимо глубокаго интереса для каждаго образованнаго человѣка, изученіе народнаго акушерства, по моему убѣжденію, можетъ остаться не безъ пользы и для дальнѣйшей разработки нѣкоторыхъ вопросовъ научнаго акушерства. Особенно это относится къ фізіологической части акушерства. Здѣсь вѣками накопились наблюденія народа надъ процессами, повторяющимися почти ежедневно; притомъ наблюденія эти производились при обстановкѣ, отличной отъ той, въ которой собираются данныя, служащія основой для научнаго акушерства. Такимъ путемъ создалось бы, да позволено будетъ мнѣ это сравненіе, какъ бы акушерство экспериментальное, акушерство сравнительное, столь же важное для научнаго акушерства, какъ и сравнительная анатомія и сравнительная фізіологія—для анатоміи и фізіологіи человѣка“²⁾.

Такимъ образомъ, въ настоящее время накопилась уже масса фактовъ, указывающихъ, что среди употребляемыхъ народомъ средствъ и приемовъ лѣченія не все такъ вздорно и нелѣпо, какъ казалось это раньше, и въ научную терапію вошло множество чисто-народныхъ средствъ, особенно такъ называемыхъ лѣкарственныхъ травъ, которыя съ успѣхомъ примѣняютъ и

¹⁾ „Народная медицина“—В. Бирюковича, „Русская Мысль“, апрѣль 1893 г., стр. 70.

²⁾ Тамъ же, смотри стр. 70—71.

ученые врачи. При этомъ, между прочимъ, оказалось, что очень многое изъ того, что считается какъ бы послѣднимъ словомъ медицинской науки, какъ, напр., массажъ, гидротерапія, гипнозъ (внушеніе), уже давно предвосхищено народомъ и практикуется народными лѣкарями.

Но это одна сторона дѣла. Если, дѣйствительно, народная медицина представляетъ плодъ вѣкового опыта въ сферѣ лѣченія болѣзней и если среди этихъ вѣками вырабатывавшихся и вѣками практикующихся приѣмовъ и средствъ нерѣдко встрѣчаются и такіе, которыми можетъ воспользоваться научная медицина, то, съ другой стороны, не нужно забывать и то, что народная медицина сохранила въ себѣ многіе остатки первобытнаго міросозерцанія, того міросозерцанія, которое населяло всю природу различными духами, безпрестанно вмѣшивающимися въ человѣческую жизнь и даже принимающими въ экстренныхъ случаяхъ тотъ или другой видимый образъ. Для иллюстраціи мнѣ достаточно указать на тотъ общеизвѣстный фактъ, что всѣ такъ называемыя злыя болѣзни, въ родѣ, напр., холеры, или, какъ мы увидимъ ниже, лихорадки, народъ обыкновенно олицетворяетъ въ образѣ различныхъ человѣкоподобныхъ существъ и даже создаетъ о нихъ цѣлыя легенды. И то, что можно наблюдать въ этомъ родѣ среди какихъ-нибудь дикарей Австраліи, существуетъ и у насъ въ Россіи. „Даяки,—говоритъ Спенсеръ,—которые, подобно австралійцамъ, приписываютъ всякую болѣзнь духамъ, подобно австралійцамъ же олицетворяютъ всѣ болѣзни. Спрашивая о томъ, прошла ли у васъ оспа, они никогда не назовутъ ее по имени, а скажутъ „оставилъ ли онъ васъ?“

Иной разъ они называютъ ее „вождь“¹⁾. Это говоритъ Спенсеръ о даякахъ, живущихъ на островѣ Борнео. А вотъ что происходитъ у насъ въ Олонецкой губерніи. „Среди жителей Обонежья (Олонец. губ.), — пишетъ одинъ наблюдатель,—оспа считается самой почетной и уважаемой гостьей, вслѣдствіе чего злыя ея проявленія стараются всевозможными способами умиловить; въ разговорѣ оспу иначе не называютъ, какъ „оспаматушка“ или „оспа-Ивановна“, при чемъ обыкновенно прибавляется: „прости насъ грѣшныхъ“. Какъ только кто-нибудь въ деревнѣ заболѣетъ оспой съ явными ея признаками, съ которыми уже все крестьянское населеніе хорошо ознакомлено, сосѣди немедленно собираютъ своихъ дѣтей, одѣваютъ ихъ въ праздничныя платья и ведутъ къ оспенному больному привѣт-

¹⁾ „Основанія соціологіи“, изд. Н. А. Рубакина, 1898 г., стр. 144.

ствовать „оспу-Ивановну“. Привѣтствіе это выражается въ троекратномъ поцѣлуѣ больного, и въ немъ нерѣдко принимаютъ участіе дѣти крестьянъ ближайшей округи, которыхъ для этой цѣли приводятъ иногда за 10—15 верстъ. Все время, пока оспенный больной въ домѣ, 4—6 недѣль, обычаемъ строго-на-строго возбраняется всѣмъ членамъ семьи перемѣнять одежду, мести и мыть избу (кромѣ сѣней), а также произносить бранныя слова; при нечаянно произнесенномъ словѣ означеннаго характера всѣ члены семьи, нерѣдко десятки разъ въ день, подходятъ къ больному и просятъ у него прощенія, кланяясь и произнося: „оспа-матушка“ или „оспа-Ивановна“, „прости насъ многогрѣшныхъ“.

Если болѣзнь, какъ говорятъ крестьяне, „не унимается“, а начинаетъ переходить изъ дома въ домъ, что, конечно, и бываетъ при такихъ условіяхъ, то тѣ крестьяне, у которыхъ оспенныхъ больныхъ нѣтъ, отправляются со своими дѣтьми на поклоненіе къ „оспѣ-Ивановнѣ“ съ приношеніями.—Въ каждомъ такомъ домѣ заготавливается „три-девять“ маленькихъ пироговъ изъ ржаной или пшеничной муки и приносятся съ поклонами и привѣтствіями въ даръ оспѣ: пироги раскладываются на столѣ около больного или на его постели, и ими угощаются всѣ посѣтителі больного¹⁾...

Это первобытное міросозерцаніе, не заглухшее въ массѣ и понинѣ, составляетъ тотъ фонъ, на которомъ, въ числѣ прочихъ явленій, напр., народной агрономіи или народной метеорологіи, развилась и народная медицина. Отсюда становится понятнымъ, между прочимъ, и то обстоятельство, которое такъ часто ставятъ въ вину народной медицинѣ, что хотя среди различныхъ цѣлебныхъ народныхъ средствъ и встрѣчаются нѣкоторыя, заслуживающія вниманія съ точки зрѣнія научной медицины, но въ общемъ все-таки эти послѣднія тонутъ въ массѣ несомнѣнныхъ нелѣпостей и суевѣрій.

Присматриваясь къ народнымъ способамъ лѣченія, нельзя не замѣтить, что въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ вмѣстѣ съ физически-цѣлебными средствами здѣсь дѣйствуютъ и извѣстные психическіе факторы въ видѣ тѣхъ или другихъ психическихъ вліяній, вызванныхъ самой обстановкой народнаго лѣченія. А эта обстановка, какъ извѣстно, обыкновенно бываетъ построена на цѣломъ рядѣ различныхъ суевѣрій, представляющихъ изъ себя не что иное, какъ обломки первобытныхъ наивныхъ вѣрованій.

¹⁾ „Русск. Вѣд.“, 1891 г. № 67, корреспонденція изъ Обонежы.

И, можетъ быть, терапевтическое значеніе громаднago большинства народныхъ средствъ заключается не столько въ дѣйствительной, такъ сказать, физической полезности ихъ, сколько въ этихъ психическихъ вліяніяхъ, связанныхъ съ примѣненіемъ указанныхъ средствъ и съ извѣстной обстановкой лѣченія. Въ этомъ, быть можетъ, и кроется чудодѣйственная сила народной медицины, ибо иначе трудно объяснить, какимъ образомъ совершенно нелѣпыя или даже явно вредныя средства могли удержаться въ народной практикѣ; удержались же они потому, что вся сила лѣченія въ данномъ случаѣ была не въ нихъ, а въ той вѣрѣ въ чудесное, въ томъ первобытномъ міросозерцаніи, которое представляетъ особенно благоприятную почву для всевозможныхъ психическихъ вліяній. А роль этихъ психическихъ вліяній въ терапіи, хотя и недостаточно еще разработанная въ наукѣ, какъ извѣстно, громадна. Ниже мы увидимъ любопытный образчикъ терапевтическаго значенія извѣстной обстановки лѣченія, основанной на цѣломъ рядѣ самыхъ дикихъ и нелѣпыхъ суевѣрій.

Такимъ образомъ, народная медицина представляетъ громадный интересъ, какъ съ точки зрѣнія чисто медицинской, такъ и съ точки зрѣнія этнологической.

Но несмотря на всю свою важность, эта отрасль медицины изучена въ Россіи крайне слабо, чтобы не сказать болѣе. Впрочемъ это всегда бываетъ съ изученіемъ тѣхъ сторонъ жизни, которыя стоятъ на рубежѣ двухъ различныхъ областей знанія, въ данномъ случаѣ — медицины и этнологіи. Медики, быть можетъ, не берутся за нее, считая ее дѣломъ этнологовъ, а этнологи, въ свою очередь, ждутъ ея разработки отъ медиковъ, и въ результатѣ получается то, что о русской народной медицинѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь обстоятельнаго изслѣдованія ни съ точки зрѣнія медицинской, ни съ точки зрѣнія этнологической. Въ „Библиографическомъ указателѣ“ по медицинской литературѣ, составленномъ Д. Н. Жбанковымъ и приложенномъ къ извѣстному „Земско-Медицинскому Сборнику“, изданному IV съѣздомъ врачей въ память Пирогова въ 1890 г., по народной медицинѣ указано не болѣе 40 названій, при чемъ все это небольшие статьи и замѣтки въ разныхъ медицинскихъ журналахъ и газетахъ. И это на протяженіи болѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ (1858—1890). Не большее вниманіе посвящено этому предмету и въ специально этнографической литературѣ, если, впрочемъ, не считать массы мелкихъ замѣтокъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ и въ провинціальной прессѣ. Не обладая специально медицин-

скими познаніями, въ нижеслѣдующемъ очеркѣ я представляю лишь этнографическій матеріалъ по народной медицинѣ одной мѣстности, которую мнѣ приходилось наблюдать, предоставляя медицинскую обработку этого матеріала лицамъ, болѣе меня компетентнымъ.

II.

Мѣстность, о которой я собираюсь говорить, это—Сургутскій округъ Тобольской губерніи, расположенный по среднему теченію рѣки Оби и ея притоковъ, на границѣ Тобольской и Томской губерній. Преобладающее по численности населеніе этого края, вообще крайне малолюдного и пустынного,—осѣдлые остяки, живущіе въ юртахъ, разбросанныхъ по берегамъ Оби и по нѣкоторымъ наиболѣе крупнымъ ея притокамъ. Русское же населеніе, весьма здѣсь немногочисленное, сосредоточивается лишь въ окружномъ городѣ Сургутѣ и въ немногихъ, 6—7, чисто русскихъ поселеніяхъ. Главнымъ занятіемъ жителей края, какъ русскихъ, такъ и инородцевъ, являются рыбные и лѣсные промыслы. Хлѣбопашествомъ здѣсь не занимаются, оно прекращается верстъ за 500 отъ Сургута, приблизительно на срединѣ пути, если ѣхать изъ Тобольска по Иртышу внизъ, между Тобольскомъ и с. Самаровскимъ. Но въ послѣднее время, съ развитіемъ по Оби пароходства, всѣ эти промыслы отступаютъ на задній планъ передъ тѣмъ заработкомъ, какой даютъ населенію города и деревни, куда пристають пароходы,—доставка пароходскихъ дровъ, въ громадномъ количествѣ поглощаемыхъ обскими пароходами и заготавливаемыхъ обыкновенно зимой. Кромѣ того, для жителей русскихъ деревень и болѣе состоятельныхъ горожанъ нѣкоторый заработокъ даетъ и извозъ.

Хотя мои наблюденія относятся главнымъ образомъ къ городу Сургуту (*и исключительно къ русскому населенію края*), но Сургутъ, населенный казаками, теперь обращенными въ мѣщанъ и крестьянъ, съ очень небольшимъ пришлымъ элементомъ въ видѣ администраціи и невольныхъ обитателей, въ сущности, ничѣмъ, кромѣ присутствія здѣсь окружного начальства, не отличается отъ другихъ русскихъ поселеній округа. Городовое поселеніе въ Сургутѣ еще не введено, и хотя онъ считается уѣзднымъ городомъ, но это скорѣе небольшое село, гдѣ есть полицейское управленіе, почтовая контора, небольшая воинская команда и три изнывающихъ отъ скуки жандарма. Вотъ и всѣ городскіе атрибуты Сургута. Здѣсь нѣтъ ни казначейства, ни суда, ни

даже тюрьмы. И вообще такихъ городовъ, какъ Сургутъ, вѣроятно, очень немного въ Россіи.

Невелики преимущества Сургута и въ культурномъ отношеніи передъ округомъ. Въ началѣ 1890-хъ годовъ, къ каковому времени относятся мои наблюденія, на весь городъ съ 2.000-мъ населеніемъ было только двѣ школы, это—приходское училище для мальчиковъ и небольшая школа грамотности для дѣвочекъ, конечно, далеко не вмѣщающія въ себѣ всѣхъ желающихъ учиться дѣтей. Въ это же время появилась первая и единственная школа въ уѣздѣ—въ одной изъ ближайшихъ къ Сургуту русскихъ деревень. Этимъ и ограничились здѣсь всѣ мѣры къ развитію народнаго образованія. Но нужно замѣтить, что эти три школы—продуктъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, а раньше, до конца 1870-хъ гг., когда здѣсь появилось приходское училище, ни въ городѣ, ни въ уѣздѣ не было ни одной школы.

Въ такомъ же неудовлетворительномъ состояніи, впрочемъ, какъ и повсюду въ Сибири, находится здѣсь и медицинская помощь. Будетъ даже правильнѣе сказать, что русское населеніе края почти совсѣмъ лишено медицинской помощи, такъ какъ имѣющаяся въ городѣ и единственная на весь уѣздъ больница приказа общественнаго призрѣнія на 12 или на 16 коекъ предназначена исключительно для инородцевъ (главнымъ образомъ для лѣченія остяковъ отъ сифилиса). А обставлена эта больница столь жалкимъ образомъ, что сплошь и рядомъ здѣсь нельзя было достать (въ городѣ, конечно, нѣтъ аптеки и лѣкарства продаются при больницѣ) самыхъ элементарныхъ медикаментовъ, въ родѣ, напримѣръ, хины или салициловаго натра. Я не говорю уже о хирургическихъ инструментахъ и о самой обстановкѣ больничнаго лѣченія. Все это имѣетъ воистину анекдотическій характеръ.

До 1888 года на весь городъ и округъ былъ одинъ только врачъ, и когда онъ уѣзжалъ по округу, а въ округѣ есть селенія, отстоящія отъ Сургута на 1.000 и болѣе верстъ, не говоря уже про сургутскіе пути сообщенія, при которыхъ и на поѣздѣ въ 20 верстъ можно ухлопать нѣсколько дней,—то все городское населеніе на нѣсколько мѣсяцевъ оставалось совершенно безъ всякой медицинской помощи на попеченіи одного фельдшера (изъ двухъ состоящихъ при врачѣ фельдшеровъ, одного онъ бралъ съ собою въ уѣздъ). Но если фельдшера и въ Россіи представляютъ элементъ крайне сомнительный, то о сургутскихъ и говорить нечего. Огромное большинство ихъ, по крайней мѣрѣ при мнѣ (1885—1891 гг.), кажется, ровно ни-

чего не знаютъ, кромѣ какъ ставить клистиры и „пускать“ кровь. Въ уѣздѣ, впрочемъ, не было даже и фельдшеровъ. Единственными представителями медицинской помощи въ уѣздѣ—въ двухъ или трехъ селахъ—были оспопрививатели, — невѣжественные, даже прямо неграмотные и вообще ниже всякаго описанія. Это почти полное отсутствіе до недавняго времени какихъ бы то ни было средствъ къ образованію съ одной стороны, и жалкое состояніе медицинской части, съ другой, на общемъ фонѣ дикости и захолустности края, создаютъ, конечно, прекрасную почву для того, чтобы народная медицина расцвѣла здѣсь самымъ пышнымъ цвѣтомъ.

III.

Сдѣлаться знахаремъ (или лѣкаремъ), по мнѣнію сургутянъ, вовсе не хитро. Стоитъ только взять „Васильевскій огарокъ“ ¹⁾ и отправившись съ нимъ ночью на Ивановъ день (23 іюня) въ лѣсъ, забраться въ самую чащу, гдѣ больше всякихъ разныхъ травъ, и, очертивши этимъ огаркомъ широкій кругъ, засѣсть въ него и дожидаться полуночи... А что будетъ въ полночь, объ этомъ сургутяне рассказываютъ такъ: „Въ полночь заговорятъ травы, и всякая трава начнетъ сказывать своимъ голосомъ отъ какой она болѣзни лѣчить. Та скажетъ: я лѣчу отъ хрипоты, другая: а я отъ ломоты... И пойдутъ промежъ нихъ разговоры, всякая трава начнетъ какъ бы хвастаться, а ты только сиди, да слушай, да запоминай. А потомъ, расчертившись (огаркомъ въ обратномъ направленіи тому, какъ очерченъ былъ кругъ), нарви себѣ этихъ травъ, и будешь большимъ знахаремъ, будешь доподлинно знать, отъ какой болѣзни какая трава помогаетъ... „Но только, — прибавляютъ обыкновенно рассказчики, — для этого большая смѣтливость нужна... Жутко въ лѣсу сидѣть одному до полуночи, а какъ заговоритъ всякая трава по-своему и начнутъ на нихъ прыгать огоньки—на всякой травѣ свой огонекъ: то зеленый, то синій, то красный,—такой страхъ на-

¹⁾ Этотъ огарокъ готовится вечеромъ наканунѣ новаго года, почему и называется „Васильевскимъ“. Первый огонь въ этотъ вечеръ добываютъ на лучинку; свѣчу зажигаютъ уже послѣ того, какъ лучина обгоритъ. Полученный такимъ образомъ огарокъ, по мнѣнію сургутянъ, обладаетъ таинственной силой отгонять нечистаго духа, почему и употребляется при нѣкоторыхъ наиболее страшныхъ гаданьяхъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло сопряжено съ рискомъ заплатить собственной жизнью.

падетъ, что не выдержишь, только успѣешь расчертиться и убѣжишь“...

Такъ разсказываютъ сургутяне объ ужасахъ Ивановской ночи, и въ эту ночь, дѣйствительно, боятся ходить въ лѣсъ, а лѣкарственные травы предпочитаютъ собирать днемъ, но непременно наканунѣ Ивана Купала. Этимъ дѣломъ обыкновенно занимаются старухи-лѣкарки, которыя и лѣчатъ потомъ безвозмездно или за самое скромное вознагражденіе — „чѣмъ поблагодарятъ“ — всѣхъ обращающихся за ихъ помощью больныхъ. Къ врачу или фельдшеру сургутяне обращаются рѣдко, съ большой неохотой и только въ тѣхъ случаяхъ, когда переберутъ всѣ свои домашнія средства и послѣднія окажутся безсильными побороть болѣзнь. А въ деревняхъ и селахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, нѣтъ никакой медицинской помощи, кромѣ жалкихъ оспопрививателей, и поневолѣ приходится прибѣгать только къ доморощеннымъ лѣкарямъ и лѣкаркамъ (послѣднихъ здѣсь больше) и лѣчиться „своими средствами“.

Эти послѣднія здѣсь столько разнообразны, что нечего и думать о томъ, чтобы описать ихъ въ сколько-нибудь систематическомъ порядкѣ. вмѣстѣ съ лѣкарственными травами тутъ идетъ въ дѣло и масса другихъ разнообразнѣйшихъ средствъ, — начиная какой-нибудь „молчаной водой“ или „переносной землей“ и кончая „свомъ Пр. Богородицы“. Ниже я представлю лишь рядъ наиболѣе распространенныхъ въ здѣшнемъ краѣ болѣзней и всѣ извѣстные мнѣ мѣстные способы ихъ лѣченія. При этомъ я буду придерживаться исключительно воззрѣній самихъ сургутянъ, такъ что въ ряду этихъ болѣзней, съ одной стороны, могутъ оказаться и нѣкоторыя проблематическія, въ родѣ, напримѣръ, болѣзни, появляющейся, по словамъ сургутянъ, отъ того, что съѣшь какую-нибудь пищу, которую понюхала собака или кошка, а съ другой — въ этотъ рядъ могутъ не попасть и нѣкоторыя очень существенныя болѣзни, скрываясь въ такихъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, какъ простуда или ломота въ костяхъ. Вообще нужно замѣтить, что сургутскія болѣзни, повидимому, несложны, по крайней мѣрѣ, по опредѣленію самихъ сургутянъ. По этому поводу мнѣ вспоминаются слова Монтаня, который, говоря въ своихъ „опытахъ“ о преимуществахъ простого народа передъ культурнымъ обществомъ, между прочимъ, писалъ:

„У народа самыя имена болѣзней какъ бы смягчаютъ ихъ и дѣлаютъ болѣе легкими: чахотку они называютъ кашлемъ, дизентерію — разстройствомъ желудка, плеврезію — простудой и, соотвѣтственно съ этими успокоительными названіями, спокойно

переносить недугъ; онъ долженъ быть ужъ очень тяжелъ, чтобы заставить ихъ прервать работу; въ постель они ложатся для того, чтобы умереть“¹⁾...

Вообще же сургутяне различаютъ слѣдующія болѣзни: „лихорадочну, болѣзнь, которая беретъ жаромъ и дрожжомъ“—иначе она называется здѣсь „лихоманкой“ или „кумахой“²⁾, „сердечну болѣзнь“, подъ которой разумѣютъ отнюдь не болѣзнь сердца, а какое-то желудочно-кишечное разстройство (боль подъ ложечкой сургутяне называютъ: „сердце болитъ“), „гортанну болѣзнь“ (болѣзнь горла), „нутрянну боль“ или „болѣзнь по внутренностямъ“, „безумку“ (сумасшествіе) и пр.

IV.

Наиболѣе распространенными въ Сургутскомъ краѣ болѣзнями являются лихорадки, ревматизмы и вообще простудныя заболѣванія, что объясняется какъ климатическими и почвенными условіями мѣстности, такъ и образомъ жизни населенія края. Европейскому жителю трудно даже представить себѣ то обиліе воды, какое появляется здѣсь лѣтомъ, когда разольется Обь. Вода въ Оби начинается прибывать, по замѣтамъ сургутянъ, съ Васильева дня (12-го апрѣля) и прибываетъ безъ перерывовъ вплоть до Петрова дня (29-го іюня), т.-е. безъ малаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ въ европейскихъ рѣкахъ разливъ продолжается не болѣе 2—3 недѣль. Затѣмъ нѣкоторое время Обь стоитъ на одномъ уровнѣ и лишь съ середины іюля вода начинается сбывать, чтобы только къ сентябрю стать „въ трубу“. Такимъ образомъ, помимо естественныхъ болотъ, которыхъ здѣсь тоже достаточно, Обь своими разливами дѣлаетъ болотистыми на лѣтнее время (по спадѣ воды) и всѣ затопляемыя ею окрестности и этимъ создаетъ, конечно, благоприятную почву для всевозможныхъ лихорадочныхъ заболѣваній. Кромѣ того, этому же способствуютъ и мѣстные промыслы, особенно рыбные, которые происходятъ здѣсь главнымъ образомъ весной и осенью; при суровомъ и крайне непостоянномъ сургутскомъ климатѣ и при не-

¹⁾ Цитата мною взята изъ статьи Д. Мережковского „Монтань“, „Русск. Мысль“, февраль, 1893 г., стр. 160.

²⁾ Что значитъ „кумаха“ и какого она корня—я не знаю, но въ Сургутѣ есть даже пѣсня, гдѣ поется: „Кумаха меня не трясывала, громовая не колачивала“... Кромѣ того употребляются такія выраженія: „Подъ ты къ кумахѣ!“ „А кумаха ее знаетъ“ и т. п.

обходимости все это время бродить въ водѣ, эти промыслы, конечно, не мало содѣйствуютъ развитію ревматическихъ и всякихъ простудныхъ заболѣваній. Словомъ, для развитія „костной болѣзни“, какъ выражаются сургутяне, куда они относятъ и лихорадку, такъ какъ отъ нея кости ломаютъ, здѣсь слишкомъ даже достаточно причинъ. И дѣйствительно, трудно встрѣтить сургутянина, который въ той или другой формѣ не отдалъ бы дань лихорадкѣ или не страдалъ бы ревматизмомъ, особенно подлѣ старость, не говоря уже о легкихъ простудныхъ заболѣваніяхъ, которымъ, впрочемъ, сургутяне не придають значенія и обыкновенно не принимаютъ противъ нихъ никакихъ особенныхъ мѣръ: сходятъ въ баню и постараются, если есть возможность, отлежаться дома. Но что касается лихорадки, то здѣсь ее считаютъ одной изъ самыхъ злыхъ болѣзней, отъ которой ужъ не отдѣлаешься одной баней, и противъ нея сургутяне употребляютъ массу всевозможныхъ средствъ. А о самой болѣзни здѣсь существуетъ даже повѣрье, что это—цѣлая семья, состоящая изъ 12 сестеръ, которыя трясутъ и колотятъ человѣка, при чемъ, когда наступаетъ особенно сильный пароксизмъ болѣзни, это дѣйствуетъ самая главная сестра—12-я ¹⁾. Всѣ эти 12 сестеръ—порожденіе знаменитой Иродіады, жены Ирода, потребовавшей голову Іоанна Крестителя. Въ силу этого же повѣрья спеціальнымъ цѣлителемъ лихорадки считается Іоаннъ Креститель, или, какъ чаще зовутъ его сургутяне, Иванъ Предтеча, котораго обыкновенно величаютъ въ такихъ случаяхъ: „многостивъ и исцѣлитель всей костной болѣзни!“

По мнѣнію сургутянъ, лихорадка можетъ принимать иногда даже и человѣческій образъ и вообще дѣйствовать, какъ какое-то особое живое существо. Поэтому однимъ изъ самыхъ радикальныхъ средствъ отъ лихорадки сургутяне считаютъ лѣченіе въ черной банѣ. Сущность этого лѣченія состоитъ въ томъ, что больной на время приступа лихорадки долженъ въ банѣ (обязательно черной) залѣзть на каменку и лежать тамъ безмолвно и неподвижно. Во время приступа лихорадки къ нему въ баню явится сама лихорадка въ человѣческомъ образѣ (только, по

¹⁾ Эти 12 сестеръ лихорадки напоминаютъ другую болѣзнь, которая бываетъ въ Сургутѣ на скотѣ и извѣстна здѣсь подлѣ названіемъ „ноготъ крутой“. Болѣзнь эта, по словамъ сургутянъ, бываетъ какъ у коровъ, такъ и у лошадей и выражается въ томъ, что у скотины голова „стынетъ“, и скотина не можетъ ходить, тащить заднія ноги, а затѣмъ ложится, не ѣстъ и околѣваетъ. По мнѣнію сургутянъ „ноготъ крутой“, тоже подобно лихорадкѣ, состоитъ изъ 12 „ногтей“. Послѣдній—12-й самый сильный. Если знахарь вылѣчитъ 12-й „ноготъ“, то самъ долженъ помереть.

словамъ сургутянъ, лица у ней не видно) и начнетъ всячески стращать больного, будто его задавить „банна сусѣдка“¹⁾, или что вотъ на него упадетъ печка и задавить его камнями и пр. И станетъ эта „лихорадка“ всячески вызывать больного на разговоръ или на какое-нибудь дѣйствіе. Но больной долженъ все время молчать и лежать, какъ мертвый, и даже не можетъ перекреститься. Если онъ выдержитъ это испытаніе, то „лихорадка“ разозлится, что не сумѣла никакъ потревожить больного, оплюетъ ему все лицо и убѣжитъ. Послѣ этого у больного лицо „опрыщивѣтъ“ (покроется прыщами), и ему станетъ легче. Значитъ, лихорадка его бросила. Но если же больной какъ-нибудь пошевелится или что-нибудь проговоритъ на застращиваніи „лихорадки“, то послѣдняя примется еще злѣй и тошнѣй его трепать.

Разсказанный сейчасъ способъ лѣченія крайне любопытенъ, какъ типичный образчикъ народной медицины. Вы здѣсь ясно видите эмпирически полезное средство, закутанное, если можно такъ выразиться, въ демонологическую оболочку. Въ сущности все это лѣченіе сводится къ тому, чтобы вызвать у больного потъ, что, конечно, вполне рacionales при простудной лихорадкѣ, которая чаще всего здѣсь бываетъ. И вотъ больного заставляютъ залѣзть въ банѣ на каменку, но это, повидимому, считается недостаточнымъ, и тогда это лежанье на каменкѣ обставляютъ такими условіями, которыя, дѣйствуя на психику боль-

¹⁾ „Сусѣдка“—то же, что въ Россіи домовая, но сургутяне различаютъ три вида сусѣдокъ: „дизна сусѣдка“ (живетъ въ избѣ), „скотска сусѣдка“ (живетъ въ хлѣвахъ и наблюдаетъ за скотиной) и „банна сусѣдка“ (живетъ въ банѣ и считается самой злой и страшной). Кромѣ того, мнѣ приходилось слышать еще о существованіи „земляной сусѣдки“, которая живетъ въ землѣ и, кажется, имѣетъ какую-то связь съ огородами (въ Сургутѣ у всѣхъ есть огороды, гдѣ садятъ картофель, лукъ, рѣпу, рѣдку и пр.). Всѣ эти домашніе духи отличаются другъ отъ друга различными свойствами и отмежевали себѣ особыя сферы вліянія и время отъ времени проявляютъ себя какими-нибудь дѣйствіями по отношенію къ человѣку и къ домашнимъ животнымъ; дѣйствія эти, впрочемъ, не исключительно злы и недоброжелательны, за исключеніемъ банной сусѣдки, которая, повидимому, неспособна къ добру. Тѣмъ не менѣе, въ видахъ умиловленія и чтобы задобрить сусѣдокъ, сургутяне считаютъ нужнымъ приносить имъ извѣстныя жертвы. Такъ, напр., съ этою цѣлью въ страстной четвергъ некутъ для скотской сусѣдки маленькіе круглые хлѣбцы и относятъ ихъ въ „загородъ“ (хлѣвъ), гдѣ и кладутъ подъ матку. Кромѣ того здѣсь, какъ и вездѣ еще въ простомъ народѣ, сильно распространена вѣра въ лѣшихъ, водяныхъ, „вѣщицъ“, „полувѣщицъ“, оборотней и проч. Это длинное примѣчаніе я позволилъ себѣ для того, чтобы хотя мелькомъ обрисовать передъ читателемъ демонологическія представленія сургутянъ, входящія значительной своей частью въ народную медицину.

ного, еще болѣе должны вызывать потоотдѣленіе. Нужно лежать безмолвно и неподвижно, что создаетъ извѣстное столь же физическое, сколько и психическое напряженіе,—въ банѣ, которая считается здѣсь самымъ страшнымъ мѣстомъ и куда сургутянинъ даже днемъ ни за что не пойдетъ на долгое время одинъ, и при этомъ еще ожидать прихода какой-то страшной гостьи, которая вдобавокъ будетъ пугать больного банной сусѣдкой и тому подобными ужасами. Въ сущности, этого одного достаточно, даже если бы баня была совсѣмъ холодной, чтобы отъ напряженного состоянія и отъ всѣхъ ожиданій суевѣрнаго сургутянина прошибъ потъ. Такимъ образомъ, вы видите здѣсь соединеніе и физическихъ, и психическихъ факторовъ, направленныхъ противъ болѣзни, и участіе этихъ послѣднихъ особенно характерно для народной медицины. Ниже мы не разъ еще встрѣтимся съ этимъ, а теперь я хочу рассказать еще объ одномъ способѣ лѣченія лихорадки, гдѣ послѣдняя тоже фигурируетъ въ качествѣ какого-то живого существа. Но здѣсь дѣло обстоитъ уже совсѣмъ просто. Именно: на время приступа лихорадки рекомендуютъ садиться въ погребъ, при чемъ идти на погребъ обязательно нужно „взапятки“ (задомъ), и просидѣть тамъ все это время одному взаперти. Повидимому, это значить просто скрыться отъ лихорадки, конечно, съ извѣстными предосторожностями (взапятки, чтобы слѣдъ шелъ отъ погреба). Но лихорадка тѣмъ не менѣе будетъ искать больного, и если не найдетъ, то больному будетъ легче. Если же въ это время, несмотря на запоры, кто-нибудь явится къ больному въ погребъ, это значить пришла лихорадка въ человѣческомъ образѣ, которая, разыскавъ свою жертву, станетъ еще больше ее мучить. Съ этою же цѣлью скрываться отъ лихорадки совѣтуютъ подъ опрокинутую кадку или накрываютъ больного во время пароксизма „поганимъ“ корытомъ (въ которомъ моютъ бѣлье и которое здѣсь имѣетъ какое-то особенное значеніе и употребляется при нѣкоторыхъ гаданьяхъ).

Впрочемъ, по понятіямъ сургутянъ, лихорадка можетъ принимать и не только человѣческій образъ. Такъ, если во время пароксизма болѣзни на больного сядетъ муха, то совѣтуютъ сейчасъ же ловить эту муху и садить ее въ какой-нибудь кожаный мѣшочекъ (предпочтительно въ „пузырь“ отъ тетерки — опорожненный тетеревиный желудокъ). А затѣмъ этотъ мѣшочекъ съ мухой бросить въ печку, и когда онъ сгоритъ, то болѣзнь, по словамъ сургутянъ, будетъ вырвана съ корнемъ. Обращаясь теперь къ другимъ средствамъ, которыя употребляютъ

сургутяне отъ лихорадки, въ нижеслѣдующемъ списокѣ я отнюдь не думаю исчерпать ихъ всѣхъ, а привожу лишь наиболѣе извѣстныя. Вотъ эти средства.

1) Если тихо подкрасться къ тому дереву, на которомъ кукуетъ кукушка, и взять изъ-подъ дерева землицы или отколупнуть съ этого дерева кусочекъ коры, то эта земляца или кора помогаютъ отъ всѣхъ болѣзней, но „наипаче отъ лихоманки“.

Спеціально же отъ лихорадки употребляются слѣдующія средства:

2) Пьютъ настой полыни (такой консистенціи, чтобы онъ былъ „жаркѣго“ цвѣта). Если съ полыни вырветъ больного, то этой рвотой обмазываютъ ему все тѣло до лица включительно. Послѣ этого, по словамъ сургутянъ, на тѣлѣ и на лицѣ больного должны появиться прыщи и другія „больнушки“. Это значитъ, что лихорадка „оплевала“ больного и бросила, послѣ чего больной обязательно долженъ выздороветь. Вообще, если больной лихорадкой „опрыщивѣтъ“, это всегда служитъ симптомомъ выздоровленія. Съ этой же цѣлью во время пароксизма пьются до рвоты виномъ и затѣмъ мажутъ себя этой рвотой, послѣ чего больной будто бы долженъ „опрыщивѣтъ“ и выздороветь.

3) Даютъ пить больнымъ настоящий въ водкѣ нюхательный табакъ съ сырымъ яйцомъ (чѣмъ крѣпче, тѣмъ лучше).

4) Пьютъ настоящий въ теплой водѣ порошокъ мамонтова рога ¹⁾.

5) Поятъ больныхъ рѣдечнымъ сокомъ, выжатымъ изъ тертой рѣдьки, съ какимъ-то наговоромъ.

6) Пьютъ дѣтскую мочу (отъ дѣтей не старше 5-лѣтняго возраста), мужчины—отъ мальчиковъ, женщины отъ дѣвочекъ.

7) Пьютъ медвѣжью желчь, настоящую въ водкѣ.

8) „Нахлѣбываются“, сколько можно вмѣстить, простокваши.

9) Пьютъ настой въ водѣ или въ водкѣ (густой, какъ смола) осинової коры, при чемъ, однако, въ дѣло идетъ не всякая осина,

¹⁾ Находки костей мамонта и другихъ допотопныхъ животныхъ довольно часто встрѣчаются въ Сургутскомъ краѣ. Кромѣ того, мамонтовы клыки, которые сургутяне называютъ рогами, привозятъ на сургутскую ярмарку самоѣды съ береговъ Ледовитаго океана (см. объ этомъ мою статью—„Самоѣдская ярмарка въ Сургутѣ“ „Сиб. Лист.“ 1893 г. № 4—5). А о самомъ мамонтѣ у сургутянъ существуетъ повѣрье, что мамонтъ живетъ подъ землею, дѣлаетъ тамъ ходы и проч. Вообще, часть того суевѣрнаго почтенія къ мамонту, какое испытываютъ остяки, перешла и къ русскимъ, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется употребленіе мамонтова рога въ сургутской народной медицинѣ.

а отыскивают непременно группу изъ трехъ осинъ и съ одной изъ нихъ берутъ кору.

10) Ложатся спать на навозной кучѣ.

11)купаются въ холодной водѣ.

12) Окачиваютъ невзначай больного холодной водой.

13) Пугаютъ больного, напр., стрѣляютъ изъ ружья близъ соннаго.

14) Мажутъ дегтемъ руки, ноги и спину больного (крестообразно).

15) Даютъ плотать катышки чернаго хлѣба, съ какимъ-то наговоромъ на бумажекѣ, завернутой въ хлѣбъ.

16) Кладутъ подъ подушку или вообще подъ постель высушенную змѣю или надѣваютъ на шею больному зашитый въ тряпочку змѣиный „кожухъ“ (оставленную ею кожу при линяньѣ, которую иногда находятъ въ лѣсу).

17) Даютъ ѣсть больному пирогъ съ начинкой изъ сороки.

18) Кладутъ подъ подушку кости падали такъ, чтобы больной не зналъ объ этомъ.

19) Прячутся въ печь передъ приступомъ лихорадки.

20) Пьютъ настой „троецвѣтки“ (трава съ тремя цвѣтками „пишечкой“—голубымъ, алымъ и желтымъ) въ водѣ или водкѣ, настоянной до тѣхъ поръ, чтобы получился „жаркой“ цвѣтъ. Настой въ винѣ считается болѣе полезнымъ.

21) Съ дерева, разбитаго молніей, берутъ щепки и обкуриваютъ ими въ комнатѣ больного или кладутъ ихъ больному подъ подушку.

Отъ *простуды*, выражающейся въ появленіи большого жара, часто смѣняемаго ознобомъ, ломотой костей и проч., пьютъ настой богульника вмѣсто квасу. Пьютъ еще отъ простуды настой пихты. Съ тонкихъ вѣтокъ пихты соскабливаютъ кожицу и вмѣстѣ съ иглами настаиваютъ въ водкѣ. Пьютъ натошакъ по рюмкѣ и больше. Настой пихты пьютъ еще и отъ чахотки ¹⁾.

Отъ *ломоты въ ногахъ* простуднаго происхожденія дѣлаютъ „муравейну ванну“. Приносятъ изъ лѣсу въ мѣшкѣ муравьевъ и всыпаютъ ихъ въ кадку съ горячей водой, чтобы они околѣли. Затѣмъ охлаждаютъ воду до того состоянія, чтобы было „въ утерпѣ“ (можно было терпѣть), и ставятъ туда ноги, закрывши ихъ одѣяломъ, и держатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не

¹⁾ Отъ чахотки же, къ слову сказать, весьма мало распространенной въ Сургутскомъ краѣ, пьютъ еще „дегтеву воду“. Деготь кладутъ въ отварную воду, потомъ воду сливаютъ и процѣживаютъ сквозь чистую ветошку и затѣмъ пьютъ по три рюмки въ день.

остынетъ вода. Дѣлають это до трехъ разъ черезъ день. Кромѣ того, отъ той же болѣзни употребляютъ еще ванны изъ кислой гущи изъ-подъ квасу, „елочекъ“ (хвои) пихты и конскаго кала. Всѣ эти ванны приготавливаются тѣмъ же способомъ, какъ и описанная выше „муравейна ванна“.

Наконецъ, отъ *ревматизма* въ ногахъ носятъ въ стелькахъ (на днѣ обуви) волчье лыко или кладутъ ноги въ свѣжіе березовые листья. Далѣе, отъ *ломоты въ костяхъ* втирають въ больное мѣсто размоченную въ водѣ бодягу или, какъ ее называютъ сургутяне, „вотягу“, „вишь“.

Прикладываютъ къ больному мѣсту лютикъ (растеніе, извѣстное и сургутянамъ подъ именемъ лютика же)—средство въ родѣ мушки, но сильнѣе. Какъ и при мушкѣ, отъ лютика нарываесть водянистый пузырь. Дѣйствуетъ только свѣжій, только-что сорванный съ корня.

При *ломотѣ въ костяхъ* и боли въ спинѣ, или въ груди, или въ головѣ (простуднаго происхожденія) „жгутъ ядно“. На больное мѣсто кладутъ кусочекъ сырого трута величиной съ кедровый орѣхъ и зажигаютъ. Когда трутъ прогоритъ, образуется рана, которую прикладываютъ свѣжей зайчиной съ мыломъ. Рана загнаивается и изъ нея вытекаетъ „дурь“,—по объясненію сургутянъ, эта „кровь перегнаивается и дѣлается дурью“, ее протирають ветошкой и затѣмъ вновь накладываютъ заячьей шкурой съ мыломъ. Первая зайчина лежитъ сутки, но въ теченіе этого времени ее нѣсколько разъ снимають и „обихаживаютъ“: спрыскиваютъ свѣжей водой и вновь памыливаютъ. Когда рана начнетъ заживать, больному станетъ легче. Средство употребляется здѣсь вмѣсто банокъ или пиявокъ для пусканія крови.

При *ломотѣ въ поясницѣ* встряхиваютъ больного такъ, чтобъ у него „хрупнуло“ въ спинѣ. Если въ спинѣ при этомъ „хрупнетъ“, то, по словамъ сургутянъ, больному станетъ легче.

Кромѣ того, при боли въ поясницѣ носятъ еще на тѣлѣ медвѣжьей зубъ, такъ чтобы онъ лежалъ на поясницѣ ¹⁾.

¹⁾ Употребленіе въ настоящемъ случаѣ медвѣжьего зуба, вѣроятно, связано съ тѣми представленіями о медвѣдѣ, которыя заимствованы сургутянами отъ остяковъ. Какъ извѣстно, у остяковъ и другихъ сибирскихъ инородцевъ существуетъ даже цѣлый культъ медвѣда (см. объ этомъ ст. Н. Л. Гондатти „Культъ медвѣда у инородцевъ сѣверо-западной Сибири“, „Труды этнографическаго отдѣла“ Москов. общ. люб. естествознанія, антропол. и этногр., кн. VIII, 1888 г.), часть котораго въ видѣ разныхъ повѣрій и примѣтъ перешла и къ сургутянамъ. Можетъ быть, здѣсь даже кроется и цѣлебная сила медвѣжьей желчи—средства довольно часто употребляемаго сургутянами при лѣченіи различныхъ болѣзней.

Отъ *ломоты въ рукѣ*, когда говорятъ, что „рука развилась“, обвязываютъ руку у кисти или у плеча (смотря по тому, гдѣ сильнѣе чувствуется боль) ниткой, свитой „наотмашь“ (за спиной).

Отъ *зубной боли*, которая здѣсь тоже очень распространена и вѣроятно всего чаще вызывается простудой, сургутяне употребляютъ слѣдующія средства: прикладываютъ къ больному зубу завернутый въ ветошку толченый чернильный орѣшекъ, кладутъ на зубъ, тоже въ ветошкѣ, листовой табакъ или трубочный сокъ, прикладываютъ къ зубу рѣпчатый лукъ, совѣтуютъ ѣсть мышинные объѣдки, т.-е. обгрызанный мышами хлѣбъ или что-нибудь подобное, и употребляютъ еще какіе-то наговоры.

V.

Послѣ простудныхъ болѣзней, которыя мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ, наибольшее распространеніе въ Сургутскомъ краѣ имѣютъ болѣзни, такъ сказать, бытовые, т.-е. обусловленные самимъ образомъ жизни и обстановкою быта сургутянъ. Сюда можно отнести *накожные болѣзни*, обусловливаемые главнымъ образомъ грязью и нечистоплотностью, какъ домашней, такъ и промысловой обстановки, *травматическія поврежденія*, вызываемыя промысловымъ образомъ жизни, и *разстройство кишечечно-желудочнаго канала*. Эти послѣднія тоже вызываются чисто мѣстными условіями и прежде всего недоброкачественностью воды, которая, какъ мы видѣли выше, лѣтомъ почти вездѣ получаетъ болотистый характеръ. Кромѣ того, у сургутянъ существуетъ скверный обычай ѣсть гнилую, совершенно протухлую и разложившуюся рыбу (такъ называемую, по мѣстному, „загорѣлую“), которая издаетъ такое зловоніе, что даже мимо того дома, гдѣ ѣдятъ эту рыбу, нельзя пройти, не затыкая носа. А между тѣмъ рыбу въ такомъ состояніи сургутяне ѣдятъ отнюдь не отъ недостатка или бѣдности, но считаютъ ее лакомствомъ, находя въ ней какой-то особенный вкусъ.

Я не говорю уже о томъ, что сургутяне, подобно всѣмъ вообще сибирякамъ, съ большимъ удовольствіемъ ѣдятъ сырую рыбу, какъ мерзлую (такъ называемую „стружанину“ или, по-сургутски „патанку“), такъ и только-что пойманную изъ воды, при чемъ ее сплошь и рядомъ тутъ же на вашихъ глазахъ распариваютъ и стѣдаютъ. А благодаря всему этому, кромѣ катаральныхъ разстройствъ желудка, здѣсь нерѣдки случаи соли-тера и глистовъ.

Обращаясь къ кожнымъ болѣзнямъ, мы прежде всего встрѣтимся съ разнообразными средствами, употребляемыми сургутянами для лѣченія *чирьевъ* и *прыщей* на лицѣ. Такъ для устранения ихъ моются „четверёжной“ (иначе „четверговой“) солью. Соль эта готовится такъ: берутъ въ узелокъ соли и вечеромъ на страстной четвергъ (откуда и названіе „четверёжная“ соль) кладутъ этотъ узелокъ на окно или въ продушину, которая обязательно должна выходить на утреннюю зарю. Соль лежитъ тамъ до утра, т.-е. двѣ зари, вечернюю и утреннюю. Затѣмъ узелокъ съ солью мочатъ въ водѣ и кладутъ въ печь на загнету, и держатъ тамъ, пока высохнетъ, а потомъ и употребляютъ въ дѣло.

Когда нарываетъ чирій, отыскиваютъ какой-либо сукъ и крестятъ по суку безымяннымъ пальцемъ, приговаривая: „какъ сукъ сохнетъ, такъ и чирій сохни“, до трехъ разъ. Затѣмъ, приговаривая то же самое, чертятъ тѣмъ же пальцемъ по чирью.

Иногда просто потираютъ по чирію безымяннымъ пальцемъ, приговаривая: „какъ безымянному пальцу имени нѣтъ, такъ и тебѣ, чирію, мѣста нѣтъ“.

Прикладываютъ къ чирью овечью шерсть со сметаной. Прикладываютъ также свѣжую зайчину, небольшой лоскутокъ, шкуркой къ чирію, шерстью вверхъ.

Наконецъ, отыскиваютъ таракана, разрываютъ его и мажутъ чирій.

Отъ *рябинъ* (пятенъ на лицѣ) мажутъ лицо березовымъ сокомъ. По мнѣнію сургутянъ, если утереться тѣмъ же полотенцемъ, которымъ утирается больной этими рябинами, то пятна могутъ перейти, но только со старшаго на младшаго по лѣтамъ или на ровню, а не наоборотъ: съ младшаго на старшаго пятна не переходятъ. Также переходятъ, по мнѣнію сургутянъ, отъ старшаго къ младшему, и тѣ пятна, что бываютъ на лицѣ у беременныхъ женщинъ (такъ называемыя „матежи“), но только переходятъ они съ женщины на женщину же, при чемъ могутъ перейти и къ небеременнымъ, если утереться полотенцемъ, которымъ утирались женщины съ „матежами“. Чтобы избавиться отъ нихъ, совѣтуютъ пойти въ баню съ той женщиной, отъ которой перешли „матежи“, и тайкомъ отъ нея утереться воротникомъ ея бѣлой рубашки, которую она приносила на переѣзду въ баню.

Отъ *коросты* мажутся дегтемъ или сметаной съ толченымъ купоросомъ. Это же средство (сметану съ толченымъ купоро-

сомъ) употребляютъ и отъ венерическихъ болѣзней ¹⁾, когда появляются струнья. Кромѣ того, струнья отъ венерическихъ болѣзней присыпаютъ еще солью.

Къ *нарывамъ*, отъ чего бы они ни происходили, прикладываютъ рубленую морковь (лѣтомъ свѣжую, зимой обмоченную въ водѣ),—вытягиваетъ жаръ и способствуетъ заживленію.

Прикладываютъ еще кашу изъ солдатской крупы на молокѣ, теплую, и когда она остынетъ (высохнетъ) замѣняютъ ее свѣжей и теплой. Гдѣ быть провалу, тамъ почернѣетъ, тогда на это мѣсто прикладываютъ чего-нибудь „ядучаго“ — особую лепешку на меду или на постномъ маслѣ. Если нарывъ не прорвется и послѣ этого, тогда кладутъ на него какую-нибудь серебряную вещь, напр., монету. Когда сдѣлается провалъ, тогда варятъ желтый воскъ на деревянномъ маслѣ, въ родѣ пластыря, и прикладываютъ его на ветошкѣ къ больному мѣсту, — вытягиваетъ жаръ и живить.

Если же нарывы бываютъ подъ мышками, что сургутяне называютъ: „собачьи титьки“ (отчего они происходят—сургутяне не объясняютъ,—мнѣ же не доводилось ихъ видѣть), то лѣчатъ ихъ, прикладывая къ нарывамъ кислое тѣсто на ветошкѣ. При этомъ употребляютъ какой-то наговоръ. Хлѣбъ потомъ бросаютъ собакѣ.

Отъ „*притки*“ (опухоль и краснота на ногахъ или на щекахъ) прикладываютъ красное сукно, натертое мѣломъ. (А отъ „*колки*“ (колотья) въ груди прикладываютъ къ больному мѣсту синее сукно, или синюю сахарную бумагу, и пьютъ синьку).

Отъ язвы, которая бываетъ на пальцахъ и извѣстна у сургутянъ подъ именемъ „*змѣвца*“, прикладываютъ къ больному мѣсту свѣжій человѣческій калъ, и когда онъ подсохнетъ, замѣняютъ его новымъ.

Обвязываютъ также палецъ нюхательнымъ табакомъ. О самой болѣзни сургутяне думаютъ, что въ пальцѣ зарождается какой-то мохнатый червь, который, если его въ-время не уничтожатъ, вырастаетъ и можетъ „щениться“, и отъ него пойдутъ мелкіе черви. Поэтому, пока „змѣвецъ“ (иначе „волосень“) въ самомъ началѣ, надо его „заморить“, опуская больной палецъ въ горячую воду и держа его тамъ, сколько можно терпѣть.

Отъ „*ячменя*“ (на глазу) пекутъ небольшой каравашекъ изъ

¹⁾ Вопреки общераспространенному мнѣнію, среди русскаго населенія Сургутскаго края сифилисъ и вообще венерическія болѣзни встрѣчаются очень рѣдко, что, вѣроятно, объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ этомъ дикомъ краѣ продажной проституціи.

кислаго тѣста, разламываютъ его и горячимъ паромъ отъ него подпариваютъ „ячень“, а затѣмъ хлѣбъ этотъ бросаютъ собакамъ (при чемъ непременно почему-то сучкѣ).

Отъ летучаго огня или когда губы трескаются (по мѣстному: „перевѣтриваютъ“) мажутъ „сѣрой“ изъ ушей. „Летучій огонь“ еще пересѣкаютъ искрой: поставивъ легонько плашку (огниво) къ больному мѣсту, высѣкаютъ надъ послѣднимъ огонь и стараются такъ, чтобы искры попали на „больнушку“, отчего, будто бы, она проходитъ.

Отъ „золотухи“ собираютъ листья смородины и настаиваютъ ихъ въ водѣ (полъ горшка листьевъ и половина воды). Горшокъ этотъ замазываютъ прѣснымъ тѣстомъ, въ родѣ покрывки, и ставятъ на сутки въ печку. Настоемъ мочатъ голову, если золотуха выражается въ головныхъ сыпяхъ, и затѣмъ завязываютъ голову чѣмъ-нибудь теплымъ, чтобы она не охлаждалась. Кромѣ того, пьютъ этотъ настой вмѣсто кваса.

При этой болѣзни, по словамъ сургутянъ, нельзя ѣсть „щучины“, яицъ, чернаго хлѣба, свинины, соленого и нельзя пить кислаго кваса. Если золотуха выражается въ нарывахъ, то къ этимъ нарывамъ кладутъ тонкую лепешку изъ крупчатой муки на меду или на деревянномъ маслѣ. Нарывъ тогда лопается и выходитъ „дурь“. Медовая лепешка скорѣе „прорываетъ“, а съ деревяннымъ масломъ скорѣе „заживляетъ“ рану.

Пьютъ еще отъ золотухи окуневый жиръ и имъ же смазываютъ опухоли.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію лѣченія травматическихъ поврежденій, я расскажу здѣсь объ употребляемыхъ сургутянами средствахъ для заживленія переломовъ и порѣзовъ, а также и о лѣченіи разныхъ укусовъ, укуловъ и пр.

При *порѣзахъ* для остановки кровотеченія присыпаютъ рану солью или толченымъ углемъ; прикладываютъ также къ ранѣ листъ „попурника“ (подорожника).

Для остановки послѣродового кровотеченія, если таковое бываетъ очень сильнымъ, употребляютъ пережженные и истолченные въ порошокъ мышиные экскременты. Съ этой цѣлью пьютъ еще настоянные въ водѣ и точно такъ же предварительно пережженные и истолченные въ порошокъ, такъ называемые „лягушичьи ящики“ (раковины какихъ-то слизняковъ, которыя во множествѣ покрываютъ берега здѣшнихъ рѣкъ по спадѣ воды). Это послѣднее средство пьютъ и отъ „рѣзачки“.

Для заживленія ранъ (вообще) и чтобы онѣ не гноились, мажутъ ихъ медвѣжьимъ саломъ.

При *переломъ костей* у людей и у животныхъ дается внутрь красная мѣдъ. Въ дѣло идутъ предпочтительно старыя монеты, — ихъ скоблятъ и порошокъ разбалтываютъ въ водѣ. О цѣлебной силѣ мѣди въ данномъ случаѣ у сургутянъ существуетъ повѣрье, что мѣдъ, принятая внутрь, охватываетъ изломъ кольцомъ, образуя такимъ образомъ какъ бы спайку кости. Говорятъ, какъ выпьешь мѣди, то сразу почувствуешь, что она начинаетъ ходить по тѣлу, отыскивая больное мѣсто. Ударится туда, сюда, и какъ только дойдетъ до излома, сразу остановится.

При переломѣ костей или при вывихѣ для уничтоженія жара и опухоли прикладываютъ къ больному мѣсту тряпку, намоченную въ человѣческой мочѣ, въ родѣ компресса. Какъ только она высохнетъ, ее снимаютъ и замѣняютъ свѣжей ¹⁾.

Точно такъ же для вытягиванія жара прикладываютъ къ больному мѣсту тертый картофель или гущу изъ-подъ кваса съ глиной.

При *головныхъ боляхъ*, явившихся въ результатѣ ушиба головы, напр., при паденіи съ какого-нибудь высокаго мѣста, когда опасаются, что мозгъ сотрясенъ, „правятъ мозгъ“. Правежъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Обвязываютъ голову поясомъ и дѣлаютъ на немъ въ четырехъ мѣстахъ по значку: на лбу, на затылкѣ и на вискахъ. Потомъ повязку снимаютъ и складываютъ ее надвое такъ, чтобы значки лба и затылка пришлись ровно на концахъ повязки; затѣмъ повязка складывается еще поперекъ такъ, чтобы височные значки приходились на концахъ сложенной повязки, т.-е. повязка складывается сначала по продольной линіи головы, потомъ по поперечной. Въ первомъ случаѣ значки лба и затылка будутъ на концахъ повязки, и височные значки должны совпадать; во второмъ случаѣ — наоборотъ. Если значки въ томъ и другомъ случаяхъ совпадаютъ, — сотрясенія нѣтъ; если же не совпадаютъ, — думаютъ, что мозгъ сотрясенъ. Тогда лѣкарка беретъ голову больного въ руки и сильно встряхиваетъ, отчего у больного сыплются искры изъ глазъ. Потомъ

¹⁾ Здѣсь кстати будетъ отмѣтить и о другихъ цѣлебныхъ свойствахъ человѣческой мочи, по понятіямъ сургутянъ. Выше мы видѣли, что дѣтскую мочу сургутяне пьютъ отъ лихорадки. Кромѣ того, человѣческая моча считается у сургутянъ лучшимъ средствомъ отъ опьяненія, и ее насильно вливаютъ въ ротъ безчувственно пьяному для отрезвленія. Наконецъ, мочей же лѣчатся и отъ болѣзни глазъ. Весной отъ снѣга, по выраженію сургутянъ, „глаза скрадываетъ“, т.-е. глаза дѣлаются воспаленными, красными, мутными, все время слезятся и болятъ. Страдающій этимъ все видитъ какъ бы въ туманѣ, а въ крайнемъ случаѣ даже вовсе нѣкоторое время не видитъ. Отъ этого лѣчатся тѣмъ, что часто смачиваютъ больные глаза своей собственной мочей.

голову туго стягиваютъ платкомъ и кладутъ больного въ постель, „чтобы былъ спокой“. Примѣрно черезъ полчаса платокъ развязываютъ.

Отъ *ознобовъ* лучшимъ средствомъ считается кошачье сало. Употребляется также и сало лисы.

Если *укусить собака*, то совѣтуютъ выстричь у этой собаки клокъ шерсти, сжечь его и пепломъ прикладывать къ больному мѣсту, предварительно обкуривъ больное мѣсто этой же шерстью. Собачій зубъ считается худымъ зубомъ: укушенное имъ мѣсто долго не заживаетъ.

Если *уколотъ руку ершевой костью* и отъ этого образуется въ рукѣ сильный ломъ и пойдетъ кровь, то совѣтуютъ больнымъ мѣстомъ потереть объ этого же ерша „противъ шерсти“, — и оттого боль утихнетъ.

Отъ *укуса зми* (здѣсь говорятъ, что змѣя „ужалила“), когда образуется опухоль, чтобы прекратить ея дальнѣйшее распространѣніе, перевязываютъ опухшее мѣсто чѣмъ-нибудь шелковымъ, напр., ниткой или платкомъ, или же женскими или конскими волосами. По словамъ сургутянъ, черезъ шелковинку или волосъ опухоль не переступитъ. Затѣмъ стараются во что бы то ни стало вынуть изъ укушеннаго мѣста „жало“. Что здѣсь принимаютъ за „жало“, трудно сказать, но я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ однажды при мнѣ вынимали у укушеннаго змѣею человѣка „жало“, при чемъ за таковое сошла просто какая-то соринка, оказавшаяся въ ранѣ.

Если укусить змѣя, то сургутяне думаютъ, что она сейчасъ же побѣжитъ къ водѣ и ее слѣдуетъ „упредить“, т. е. раньше нея окунуть въ воду укушенное мѣсто. Если это удастся, то змѣя пропадетъ, если же нѣтъ, то человѣку трудно будетъ вылѣчиться.

Вмѣсто воды можно пользоваться и слюной, и слѣдуетъ сейчасъ же посплюнуть укушенное мѣсто.

Для того же, чтобы вынуть „жало“, совѣтуютъ наскоблить „громову стрѣлу“ и посыпать рану этимъ порошкомъ, и тогда „жало“ само навѣрхъ выйдетъ.

Въ заключеніе этой главы расскажу еще о лѣченіи сургутянами желудочныхъ болѣзней.

Отъ *поноса* сургутяне употребляютъ слѣдующія средства:

1) Пьютъ настой звѣробоя — дѣти въ водѣ, взрослые предпочтительно въ водкѣ, первыя по чайной ложкѣ часа черезъ 2—3, взрослые по три чашки или по три рюмки въ день.

2) Пьютъ настой „тростерки“ (трилистника), — способъ употребленія тотъ же, что и звѣробоя.

3) Ржаной пережженный хлѣбъ толкутъ въ порошокъ, обвариваютъ его затѣмъ кипяченой водой изъ самовара и „хлебають“ вмѣстѣ съ водой.

При *боляхъ въ животѣ* очень распространенное средство — нашатырь въ водѣ или въ молокѣ.

Отъ *икоты* пьютъ золу въ водѣ. Это же средство употребляютъ и отъ кликушества (истерическихъ припадковъ), вообще крайне рѣдкой въ этомъ краѣ болѣзни.

Отъ *изжоги* (въ Сургутѣ говорятъ: „сердце горитъ“) ѣдятъ мыло или же держать во рту что-либо мѣдное, напр., крестъ, деньги и т. п.

VI.

Теперь я скажу о лѣченіи дѣтскихъ болѣзней. Изъ дѣтскихъ болѣзней сургутяне признаютъ только „испугъ“, грыжу, „собачью старость“ и особенно такъ называемые „уроки“ и „призоры“, т.-е. болѣзни, обусловленные „дурнымъ глазомъ“. И хотя въ Сургутѣ каждое лѣто по спадѣ воды (іюль—августъ) умираютъ десятки дѣтей отъ дизентеріи, но этой болѣзни сургутяне не придаютъ особеннаго значенія. Еще меньшее значеніе придаютъ они дифтериту, который появился въ Сургутѣ впервые въ 1889 году и произвелъ цѣлый переполохъ среди немногочисленного здѣсь культурнаго общества и врачей (незадолго передъ этимъ въ Сургутѣ появилось два врача: одинъ для города, другой для округа). Сейчасъ же врачами были приняты всѣ доступныя здѣсь мѣры для локализациі болѣзни.

Но сургутяне относились съ эпическимъ спокойствіемъ къ этой невѣдомой для нихъ „гортанной болѣзни“, и въ концѣ концовъ по поводу нѣкоторыхъ принятыхъ врачемъ и полиціею мѣръ, у сургутянъ произошло даже столкновеніе съ подлежащими властями, нѣчто въ родѣ антидифтеритныхъ безпорядковъ. Послѣ того дифтеритъ уже не переводился въ Сургутѣ (до моего отъѣзда въ 1891 г.), появляясь спорадически то тамъ, то сямъ, но не заставляя однако сургутянъ обращать на себя большаго вниманія, чѣмъ на всякую другую „гортанную“ болѣзнь. Впрочемъ, вообще я вынесъ впечатлѣніе, что сургутяне въ массѣ довольно равнодушно относятся къ дѣтской смертности, отъ чего бы она ни происходила. Если же и придаютъ нѣкоторое значеніе выше перечисленнымъ болѣзнямъ, то, мнѣ кажется, единственно потому, что всѣ эти „испуги“, грыжи и „уроки“ отражаются на послѣдующей судьбѣ ребенка, и, быть можетъ, даже

на всей послѣдующей жизни, что и заставляет относиться къ этимъ болѣзнямъ не столь индифферентно, какъ къ тѣмъ, которыя прямо ведутъ къ смерти.

Если ребенокъ не спитъ по ночамъ безъ достаточныхъ основаній, кричитъ, плачетъ, не ѣстъ и пр., то сургутяне обыкновенно предполагаютъ здѣсь „испугъ“ и думаютъ, что ребенокъ чѣмъ-нибудь испуганъ, — какимъ-нибудь громкимъ крикомъ или стукомъ, страшнымъ видомъ и т. п.

„Испугъ“ считается у сургутянъ серьезной болѣзью, и если его своевременно не лѣчатъ, то ребенокъ можетъ на всю жизнь сдѣлаться „пугливымъ“, — раздражительнымъ, слабосильнымъ, нервнымъ. Поэтому сургутяне сейчасъ же стараются принять противъ испуга свои мѣры. Прежде всего, какъ бы слѣдую старинному медицинскому правилу: *similia, similibus curantur*, въ случаѣ если ребенокъ испуганъ громкимъ крикомъ, носятъ его подъ колокольный звонъ. Если это не помогаетъ, лѣчатъ внезапнымъ обливаніемъ такъ называемой „молчанной“ или „колокольной“ водой. Вода эта добывается такимъ образомъ. Въ 12 часовъ ночи мать больного ребенка беретъ воду въ заранѣ намѣченномъ мѣстѣ при слияніи трехъ ручьевъ. Съ этой водой она *молча* отправляется на колокольню. Здѣсь она обливаетъ принесенной водой большой колоколъ (по другимъ рассказамъ—три колокола), и стекающую съ колокола воду собираетъ въ особую посуду, послѣ чего эта вода пріобрѣтаетъ цѣлебную силу.

Вся эта процедура обязательно продѣлывается молча, никакіе разговоры и вопросы встрѣчныхъ не должны вызывать отвѣта, иначе вода потеряетъ свои цѣлебныя свойства.

Затѣмъ испуганныхъ дѣтей обкуриваютъ корнемъ чертополоха.

Умываютъ лицо дѣтей „четверёжной“ солью, о способѣ приготовленія которой было говорено выше.

Даютъ пить больнымъ дѣтямъ настой черной травы. Эту траву настаиваютъ въ водѣ трое сутокъ въ плотно закупоренной бутылкѣ или запариваютъ на водѣ въ печи тоже въ наглухо закрытомъ сосудѣ. Даютъ пить по двѣ ложки въ день: утромъ натощакъ и вечеромъ передъ сномъ. Это средство считается очень сильнымъ, и думаютъ, что большая доза можетъ повредить.

Отъ *грыжи*, которая въ Сургутѣ является среди дѣтей довольно распространенной болѣзью, сургутяне употребляютъ слѣдующія средства:

Даютъ пить ребенку „сѣру горячую“ (обыкновенно желтую сѣру), истолченную въ порошокъ и разведенную въ материн-

скомъ молокѣ, приблизительно золотникъ сѣры на 5 чайныхъ ложекъ молока. Даютъ по двѣ ложки въ день, утромъ и вечеромъ.

Поятъ дѣтей ягодами волчьяго лыка, тоже разведенными въ материнскомъ молокѣ. Одну ягоду разрѣзываютъ на 5 частей, и каждая часть на одну чайную ложку молока. Это лѣкарство считается очень сильнымъ и ядовитымъ и его даютъ ребенку только разъ въ день.

Мажутъ дѣтей поросячей желчью, при чемъ для мальчиковъ берется желчь отъ „мужичка“ (такъ здѣсь называютъ самцовъ всѣхъ животныхъ), а для дѣвочекъ отъ „женки“ (самки). У мальчиковъ мажутъ пупокъ и мошонку, у дѣвочекъ тоже пупокъ и около лобка.

Даютъ пить дѣтямъ „кучелебу“, постоянную или въ молокѣ, или въ винѣ (приблизительно на стаканъ того или другого полагается одна ягода), по полъ-чайной ложкѣ въ день, — считается тоже очень ядовитымъ лѣкарствомъ. Ягода эта различается сургутянами на мужскую и женскую: мужская — „попуречками“, женская — „ямочками“, и даютъ мужскую мальчикамъ, а женскую дѣвочкамъ.

Принимаютъ внутрь медвѣжью желчь въ водѣ, а равно и куриную. Это средство отъ грыжи употребляется и взрослыми.

Даютъ дѣтямъ киноваръ въ материнскомъ молокѣ, въ очень небольшихъ дозахъ (говорятъ, съ нея зябнутъ дѣти).

Даютъ пить брусничный сокъ, по чайной ложкѣ два раза въ день.

Настаиваютъ въ водѣ листовничью губу и этимъ настоемъ поятъ дѣтей.

При грыжѣ прокалываютъ у дѣтей въ мочкахъ уха дырочки и заставляютъ носить серыги какъ дѣвочекъ, такъ и мальчиковъ, думая, что это помогаетъ отъ грыжи. Наконецъ, дѣтей, у которыхъ замѣчена грыжа, никогда не пеленаютъ цѣликомъ, какъ всѣхъ прочихъ, а свиваютъ ихъ только до пояса, думая, что черезъ это проходитъ грыжа, но зато у такихъ дѣтей, по словамъ сургутянъ, бываютъ кривыя ноги.

Если родится худосочный, блѣдный, старообразный ребенокъ, то говорятъ, что онъ „подверженъ“ „собачьей старости“. Чтобы „выправить“ такого ребенка, надо его три дня садить на лопатѣ въ печь на нѣсколько минутъ. При этомъ существуетъ какой-то наговоръ. Послѣ того приготовленнымъ заранѣе хлѣбомъ обтираютъ всего ребенка, а хлѣбъ бросаютъ собакамъ. Въ этомъ и состоитъ все лѣчение „собачьей старости“ (вѣроятно, рахитизма или англійской болѣзни).

„Уроки“ и „призоры“—если человѣкъ „съ дурнымъ глазомъ“ посмотреть на ребенка въ то время, когда тотъ ѣсть, и при этомъ скажетъ, что онъ много ѣсть, то этимъ онъ можетъ слазить ребенка, или, какъ говорятъ сургутяне, „изурочить“, „уркнуть“, „озинуть на пищѣ“ и у ребенка вслѣдствіе этого появляются „уроки въ животѣ“: животъ станетъ пучить, а ребенокъ много ѣсть и пить, но самъ будетъ все худѣть и хирѣть.

Точно такъ же, если „урочливый“ человѣкъ посмотреть на женщину, когда та кормить грудью ребенка и при этомъ замѣтитъ, что у нея большія груди или сравнить ее съ коровой, то можетъ и женщину „озинуть на молокѣ“, и у нея послѣ этого „доспѣются“ (сдѣлаются) „уроки въ груди“: груди будутъ болѣть и перестанутъ давать молоко.

„Изурочить“ на ѣдѣ можно и взрослога, у котораго „уроки въ животѣ“ выразятся тѣми же симптомами (пученье живота и пр.), что и у ребенка, но взрослые менѣе „подвержены“ этимъ „урокамъ“ и „призорамъ“, чѣмъ малолѣтнія, и особенно грудныя дѣти, почему этихъ послѣднихъ всегда и стараются кормить грудью гдѣ-нибудь наединѣ, чтобы посторонніе не могли ихъ видѣть и „изурочить“.

Наконецъ, урочливый человѣкъ, если подивуется на „красовитаго“ ребенка, то можетъ „доспѣть“ „призоры“ на лицѣ, т.-е у ребенка появятся на лицѣ пятна, разные „попури“, лишай и пр.

Самымъ радикальнымъ средствомъ отъ „уроковъ“ и „призоровъ“ считается такъ называемая „четверёжная соль“, о которой уже не разъ приходилось говорить выше. Отъ „уроковъ въ животѣ“ эту соль разводятъ въ водѣ и даютъ пить дѣтямъ и взрослымъ; отъ „уроковъ въ груди“ растворомъ соли женщины моютъ себѣ груди, а отъ „призоровъ“ умываютъ дѣтямъ лицо.

Кромѣ того, отъ „уроковъ“ лѣчатся еще такъ называемой „переносной землей“: съ потолка трехъ домовъ, непременно такихъ, которые были перенесены съ своихъ мѣстъ въ другія, берутъ землю въ опредѣленной мѣрѣ съ каждаго дома и эту землю даютъ пить больному въ водѣ. Послѣ нея, по словамъ сургутянъ, у больного „уроками въ животѣ“ „доспѣется“ поносъ, желудокъ очистится и придетъ въ свое нормальное состояніе.

Отъ „уроковъ въ груди“ у женщинъ прикладываютъ къ грудямъ тертую картофель, которая уничтожаетъ ломъ.

„Призоры на лицѣ“ „сживаютъ“ еще тѣмъ, что мажутъ лицо у ребенка сметаной и затѣмъ приносятъ щенка—если „при-

зори“ у мальчика, то „мужичка“ (кобеля), а если у дѣвочки, то „женку“ (сучку), и даютъ щенку слизывать эту сметану.

Такъ дѣлають нѣсколько разъ и призоры будто бы проходятъ: „ихъ слижетъ съ лица собака“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, т.-е. и отъ „уроковъ“, и отъ „призоровъ“ употребляется еще такое средство: у того человѣка, который „изурочилъ“, вырѣзываютъ изъ какой-нибудь его одежды (обыкновенно изъ самой лучшей и дорогой, чтобы тому было особенно ее жаль) лоскутъ на спинѣ противъ сердца и этимъ лоскутомъ обкуриваютъ изуроченнаго, при чемъ это дѣлается такъ, чтобы собственникъ испорченной одежды не зналъ, кто у него вырѣзалъ лоскутъ, иначе это средство не помогаетъ.

Здѣсь нельзя не видѣть аналогіи, почти тождества, съ тѣмъ средствомъ, которое употребляютъ отъ укуса собаки. Тамъ тоже выстригаютъ у собаки клокъ шерсти и обкуриваютъ имъ укушенное мѣсто ¹⁾).

Любопытна еще одна аналогія между „урочливымъ“ человекомъ и собакой. Если собака (или кошка) понюхаютъ пищу, то человѣкъ, потребившій ее, заболѣетъ, чѣмъ—сургутяне не объясняютъ. Но увѣрены, что заболѣетъ такъ же, какъ и съ глаза „урочливаго“ человѣка, и заранѣе лѣчатся „переносной землей“.

VII.

Въ заключеніе я считаю нелишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о разныхъ примѣтахъ и обрядахъ, касающихся больныхъ и имѣющихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ бы профилактическій и діететическій характеръ. Вообще нужно замѣтить, что эти профилактическія и діететическія правила въ народной медицинѣ крайне скудны и состоятъ обыкновенно изъ ряда отрывочныхъ совѣтовъ и примѣтъ, гдѣ опять-таки, какъ и въ сферѣ лѣченія болѣзней, правила разумнаго эмпиризма теряются среди пережитковъ первобытныхъ воззрѣній.

Выше мнѣ приходилось говорить о сургутской діететикѣ пищи при золотухѣ, но это, кажется, единственная болѣзнь, при которой сургутяне рекомендуютъ нѣкоторый пищевой режимъ, хотя бы въ видѣ отрицательныхъ совѣтовъ не употреблять той или другой пищи.

¹⁾ Укажу одинъ аналогичный случай обкуриванія. Если заболѣетъ скотина, то у хозяйки этой скотины вырѣзываютъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ волосы и обкуриваютъ ими скотину.

Но вообще на пищу сургутяне не смотрятъ ни какъ на источникъ болѣзней, ни какъ на средство, при разумномъ употребленіи котораго можно побороть болѣзнь, и въ этомъ отношеніи не придаютъ ей особеннаго значенія, дозволяя почти при всѣхъ болѣзняхъ ѣсть все, чтò только можетъ вынести натура.

При чемъ, какъ общее правило, при всѣхъ болѣзняхъ рекомендуется побольше ѣсть: „будешь здоровѣй, а на тощій желудокъ и болѣзнь сильнѣе дѣйствуетъ“.

Гораздо большее вниманіе обращается, повидимому, на сонъ. Хорошій сонъ, когда, по выраженію сургутянъ, „и рука спитъ, и нога спитъ“, считается первымъ условіемъ здоровья. Здоровымъ же сномъ считается такъ называемый „черный сонъ“, „черный сонъ—до полуночи“.

Ловя этотъ „черный сонъ“, т.-е. сонъ по закатѣ солнца, сургутяне удивительнымъ образомъ приспособили свою жизнь и привычки къ мѣстнымъ географическимъ условіямъ. Какъ извѣстно, весь этотъ край расположенъ сѣвернѣе 61-й параллели (Сургутъ лежитъ подь 61° 17 сек. шир.), и лѣтомъ здѣсь ночи почти не бываетъ. Солнце заходитъ за горизонтъ всего на какихъ-нибудь 2—3 часа, и все это время такъ свѣтло, что можно свободно читать книгу. Зато зимой уже въ третьемъ часу дня приходится зажигать огонь. И вотъ заѣзжій туристъ наблюдаетъ такую картину: зимой сургутяне ложатся спать необычайно рано; такъ, въ 6—7 часовъ вечера уже все туземное населеніе города спитъ и встаетъ приблизительно въ тѣ же часы утра, когда здѣсь еще совершенно темно, такъ что въ общей сложности сургутяне зимой спятъ чуть ли не двѣнадцать часовъ въ сутки. Но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ солнце подымается надъ горизонтомъ, время сна отодвигается все дальше и дальше, и лѣтомъ сургутяне не ложатся спать раньше 11—12 часовъ ночи, а встаютъ часа въ 3—4 утра, т.-е. спятъ не болѣе четырехъ часовъ въ сутки.

Правда, такое продолжительное бодрствованіе не по силамъ человѣка (нужно замѣтить, что и рабочій день въ Сургутѣ, напр., для плотниковъ, тянется лѣтомъ около 20-ти часовъ, за небольшими вычетами на завтракъ, обѣдъ и чай), и сургутяне обыкновенно ложатся еще въ полдень на часъ или два отдохнуть; но вообще, по ихъ понятіямъ, спать днемъ не слѣдуетъ: можетъ приключиться болѣзнь.

Въ особенности же не слѣдуетъ спать днемъ весной ¹⁾.

¹⁾ Всѣ весенніе промыслы (ловля сѣтями утокъ, ружейная охота и рыбная

Также не хорошо спать и при закатѣ солнца. Вообще, если человѣкъ начинаетъ клонить въ сонъ не во-время, или, какъ здѣсь говорятъ, „сномъ давить“ не въ обычное время, то это предвѣщаетъ какое-нибудь несчастіе или даже близкую смерть. Что же касается безсонницы, то отъ нея сургутяне употребляютъ такое средство. По мнѣнію сургутянъ, въ головѣ у налива есть „сонъ“. Это, по ихъ объясненію, двѣ маленькія кругленькія косточки, которыя находятся по ту и по другую сторону наливьяго мозга и благодаря которымъ наливъ „дремлетъ“. По другимъ рассказамъ, „сонъ“ есть и у окуня. Эти двѣ косточки изъ внутренней полости окуневьяго или наливьяго черепа и кладутъ больному безсонницей подъ подушку. Это средство употребляютъ отъ безсонницы взрослые; безсонницу же у дѣтей (кромя тѣхъ случаевъ, когда безсонница вызвана „испугомъ“, о чемъ говорилось уже выше) сургутяне объясняютъ появленіемъ на головѣ какой-то „скалки“, въ родѣ дробинки. Это и есть „безсонница“,—ее обязательно нужно срѣзать, иначе съ ребенкомъ замаешься.

Этими предупрежденіями относительно дневного и весенняго сна, кажется, и ограничиваются всѣ, такъ сказать, профилактическіе совѣты сургутянъ. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще о томъ, что при эпидеміяхъ (вообще), въ видѣ предохранительной мѣры, дѣлаютъ на дверяхъ домовъ дегтемъ кресты и имъ же обкуриваютъ помѣщенія. То же дѣлаютъ и при эпизоотіяхъ съ „загородами“ (хлѣвъ, гдѣ помѣщается скотина), при чемъ здоровый скотъ обмазываютъ дегтемъ.

Обращаясь теперь къ тѣмъ правиламъ, которыя рекомендуется соблюдать больнымъ (что можно бы назвать народной діететикой, слѣдуетъ сказать, что и эта часть правилъ такъ же скудна, какъ и рассказанные выше профилактическіе совѣты сургутянъ.

Больнымъ (чѣмъ бы то ни было) запрещается смотрѣться въ зеркало. Далѣе, запрещаютъ больнымъ причесывать волосы и стричь ногти: усилится болѣзнь. Это запрещеніе стричь ногти, можетъ быть, стоитъ въ связи съ существующимъ у сургутянъ обычаемъ—сохранять обстригаемые ногти, такъ какъ они при-

ловля) происходятъ здѣсь ночью, главнымъ образомъ, на вечерней и утренней зоряхъ, приблизительно отъ 10—11 часовъ вечера до 2—3 часовъ утра. Потомъ, вернувшись съ промысловъ, спать часовъ до 8—9 утра, что не считается дневнымъ сномъ.

годятся „на томъ свѣтѣ“. По словамъ сургутянъ, „на томъ свѣтѣ“ грѣшниковъ заставляютъ лѣзть на какую-то крутую и высокую гору, и вотъ, чтобы удобнѣе было карабкаться на эту гору, слѣдуетъ имѣть ногти.

Больнымъ, у которыхъ есть жаръ, нельзя ходить въ баню: жаръ можетъ усилиться. Утопленниковъ никогда не слѣдуетъ класть на голую землю, а непременно на доски, иначе съ нимъ не отводиться. А отваживаются сургутяне съ утопленниками обычнымъ способомъ, какъ и вездѣ въ простонародѣ, т.-е. откачиваютъ ихъ, положивши на простыню или на какую-нибудь подходящую одежду. Объ утонувшихъ же сургутяне думаютъ, что это утащилъ ихъ къ себѣ водяной, котораго они такъ же боятся, какъ и лѣшаго или какъ „банну сусѣдку“¹⁾.

При трудныхъ болѣзняхъ, чтобы узнать выздоровѣтъ ли больной, употребляютъ воду съ образа св. Пантелеймона: образъ обливаютъ водой,—если вода съ него скатится вся, то больной выздоровѣтъ, если же часть ее останется на образѣ, больной умретъ. Эту воду даютъ потомъ больному пить. Дѣйствіе ея таково: когда, на основаніи предыдущаго испытанія, видно будетъ, что больному суждено умереть, то выпитая вода ускоритъ агонію, и больной скорѣе начнетъ „страдать“ (отходить). Если же больному суждено выздоровѣть, то онъ тотчасъ же почувствуетъ облегченіе. Образъ этотъ ставятъ иногда въ головахъ больного. При сильныхъ болѣзняхъ кладутъ больному подъ голову „Сонъ Пр. Богородицы“ (апокрифическую рукопись, имѣющую какую-то таинственную и цѣлебную силу). Если больной выздоровѣтъ, то онъ послѣ этого будетъ спать и почувствуетъ облегченіе, если же умретъ, то станетъ „страдать“. Если больной передъ смертью все смотритъ на потолокъ и на руки, то говорятъ: „скоро умереть“. Если опасно больной быстро или, по-сургутски, „устремно“ глядитъ,—помретъ. А у кого взоръ томный, этотъ выздоровѣтъ. Если больной „ощипывается“, т.-е. щиплетъ руками одѣяло,—скоро умереть.

Въ случаѣ избавленія отъ болѣзни, сургутяне даютъ обѣтъ (или, какъ здѣсь говорятъ, „обвѣтъ“) отслужить молебенъ тому

¹⁾ Внезапная смерть въ банѣ отъ угара или отъ другой какой-нибудь причины обыкновенно приписывается „банной сусѣдкѣ“. При этомъ замѣчается какая-то связь между банной сусѣдкой и водянымъ. Такъ, по словамъ сургутянъ, водяной особенно любитъ бросаться на „парное тѣло“, поэтому никогда не слѣдуетъ по выходѣ изъ бани тотчасъ же купаться, иначе утащить водяной.

или другому святому. При этомъ дѣлають литыя изображенія изъ металла, кому какой по средствамъ, тѣхъ частей тѣла, которыя болѣли, напр., руки, или головы, или сердца. Эти изображенія подвѣшиваютъ къ иконамъ и жертвуютъ въ храмы.

И. Я. Неклепаевъ.

7 мая 1898 г.
Устьсысольскъ.

КЪ БІОГРАФІИ Ѳ. М. РѢШЕТНИКОВА.

Въ Перми Ѳедора Михайловича Рѣшетникова еще многіе помнятъ. Одни учились съ нимъ вмѣстѣ, другіе—его товарищи по службѣ. Въ надеждѣ узнать кое-что по подробнѣе о дѣтствѣ и ранней юности Ѳ. М., проведенныхъ имъ преимущественно въ Перми, я просилъ знавшихъ Ѳ. М. сообщить мнѣ все, что имъ извѣстно о немъ и что они помнятъ. Всѣ, къ кому я ни обращался, охотно откликнулись на мою просьбу.

Кромѣ того, мною извлечены и письменные матеріалы, относящіеся къ ученію Ѳ. М. въ уѣздномъ училищѣ и извѣстной ссылкѣ его въ Соликамскій монастырь и нигдѣ еще не напечатанные.

Дядя Ѳедора Михайловича—старшій сортировщикъ пермской почтовой конторы, въ послѣдствіи былъ почтмейстеромъ въ Оханскѣ. Это былъ толстый, коренастый, выше средняго роста брюнетъ, съ лицомъ, похожимъ на лицо Ѳедора Михайловича, съ выдающимися челюстями,—въ общемъ истый типъ стараго чиновника. Жена его, тетка Ѳедора Михайловича, худенькая, маленькая старушка. Оба въ сущности были люди очень добрые и отзывчивые, только по-своему. Они, на примѣръ, искренно были убѣждены въ своей правотѣ, когда зачастую били своего племянника или попрекали его въ каждомъ съѣденномъ кускѣ хлѣба. Здѣсь сказывались, конечно, нравы той среды, къ которой они принадлежали. Тяжелая трудовая жизнь очерстила и ожесточила ихъ ко всему и ко всѣмъ и, не имѣя возможности вымещать накопившейся злобы на другихъ, они обрушивались на племянника, жизнь котораго въ ихъ домѣ ¹⁾ была поэтому чистымъ

¹⁾ Кстати сказать, Ѳ. М. жилъ и воспитывался исключительно въ семьѣ дяди, и въ „бурсѣ“, про которую упоминается въ его біографіяхъ, никогда не былъ.

адомъ, и котораго, однако, они за всѣмъ тѣмъ любили и сильно безпокоились объ его судьбѣ.

Дядя не только не придавалъ серьезнаго значенія зародившимся у племянника литературнымъ наклонностямъ, но относился къ нимъ косо и постоянно совѣтовалъ бросить ихъ.

— Пора тебѣ, дураку, за канцелярское дѣло приниматься; нечего зря-то бумаги марать, — говаривалъ, бывало, дядя племяннику, когда тотъ, забравшись на полаты, „сочинялъ“ что-нибудь на четвертушкѣ бумаги.

И позднѣе, когда произведенія О. М. появились въ печати, дядя все еще стоялъ на своемъ; очевидно, онъ никакъ не могъ повѣрить и даже представить себѣ что-нибудь путное изъ „сочиненій“ своего питомца.

— Это, мой-то Тюнька? Что вы, что вы?! Куда ему, съ его-то рыломъ, да его башкой. Ему указывали на подпись, значущуюся подъ какимъ-нибудь сочиненіемъ О. М.

— Не вѣрю, ни за что не вѣрю! Да вѣдь одинаковыхъ-то фамилій развѣ мало на свѣтѣ?

Когда О. М. переѣхалъ въ С.-Петербургъ, дядя усиленно звалъ его домой.

— Приѣзжай, Оедоръ, все (имущество дяди) тебѣ достанется; не приѣдешь — наслѣдства лишу.

А и наслѣдство-то, коимъ хотѣлось прельстить племянника, было не Богъ вѣсть какое.

О. М., наконецъ, сталъ извѣстностью; о немъ заговорили въ газетахъ и журналахъ; заговорили и въ Перми. Дядя узналъ это; пришлось повѣрить, что его „Тюнька“ дѣйствительно „вышелъ въ люди“. Отношенія измѣнились. Теперь дядя уже сталъ гордиться своимъ племянникомъ.

— Вотъ какъ небось! А? знай нашихъ! Тюнька-то, Тюнька-то мой, подикося! Вѣдь такъ, съ позволенія сказать, ни шесть, ни весло было, а теперь, подикося... эвонъ куда хватилъ, писатель!.. Молодецъ, право слово, молодецъ, нечего сказать!

Онъ всѣмъ и каждому говорилъ о „Оедорѣ“ и былъ искренно радъ, когда кто-нибудь раздѣлялъ его восхищеніе и хвалилъ племянника.

Гордась племянникомъ, онъ гордился и собой, приписывая своимъ заслугамъ литературныя дарованія О. М.

— А вѣдь какого племянника я воспиталъ, а? Забудетъ меня, забудетъ, кто ему вмѣсто отца родного былъ. Поди, теперь все съ генералами, да съ князьями дружбу ведетъ! Гдѣ ужъ о насъ думать!

Старикъ ошибался не совсѣмъ. *Θ. М.* въ то время вельхотя и не дружбу, но во всякомъ случаѣ близкое знакомство съ „генералами“ отъ литературы: Некрасовымъ, Салтыковымъ и другими.

Ту пору жизни *Θ. М.*, когда онъ былъ рѣзвый, бойкій, веселый мальчикъ, никто не помнитъ. Вся живость и подвижность его натуры уже ко времени поступленія его въ уѣздное училище исчезли. Загнанный и запуганный еще ребенкомъ, *Θ. М.* поступилъ въ уѣздное училище такимъ, какимъ онъ рисуется въ его біографіяхъ: сосредоточеннымъ въ себѣ, угрюмымъ, необщительнымъ, чуждавшимся всего и всѣхъ. Отъ прежняго сохранились только бойкіе и живые, иногда замѣчательно выразительные глаза, которые какъ-то странно блестя на угрюмомъ и блѣдномъ, скуластомъ, инородческаго типа лицѣ будущаго писателя.

Всегда онъ выглядывалъ „букой“, какъ выразился одинъ изъ его сотоварищей по ученію. Ни съ кѣмъ онъ не велъ особенной дружбы, хотя и рѣдко съ кѣмъ ссорился. Игры, особенно шумныя, онъ не любилъ и если временами принималъ въ нихъ участіе, то какъ-то нехотя, чтобы только чѣмъ-нибудь заняться. Въ разговоры онъ также не вмѣшивался; но вслушиваться въ разговоры онъ любилъ, когда его они почему-нибудь заинтересовывали. Соберутся, бывало, во время переменъ учителя въ учительской комнатѣ и начнутъ судить о разныхъ разностяхъ. *Θ. М.* приткнется гдѣ-нибудь около и вслушивается въ высшей степени внимательно; лицо его, обыкновенно угрюмое и апатичное, тогда оживлялось; смотря по ходу разговора, оно дѣлалось то серьезнымъ, то веселымъ. Но стоило только замѣтить кому-нибудь его присутствіе и *Θ. М.* сразу стушевывался и становился снова прежнимъ.

До начала уроковъ или въ перемѣну *Θ. М.* „слонялся“ по корридору или на улицѣ одиноко, выбирая преимущественно уединенныя мѣста и стараясь быть наименѣ замѣченнымъ.

Способности у него были богатѣйшія; это сознавали учителя и ученики. Еслибъ хотя сколько-нибудь его интересовало ученіе, онъ былъ бы блестящимъ ученикомъ; но оно нисколько его не привлекало; никакой склонности къ нему онъ не чувствовалъ и считалъ его для себя лишь невольной обязанностью. Въ результатѣ такого отношенія къ „наукѣ“ получались ежедневныя единицы, къ которымъ, однако, *Θ. М.* относился съ убійственнымъ индифферентизмомъ.

Только когда единицы вызывали соотвѣтственные внушенія со стороны учителей въ видѣ разныхъ практиковавшихся тогда педагогическихъ пріемовъ („безъ обѣда“, на нѣсколько часовъ „на колѣни“, „розги“) О. М., въ видахъ самосохраненія, придумывалъ разные средства и ухищренія.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы О. М. совсѣмъ не интересовало ученіе. Случались минуты, когда онъ, казалось, сознавалъ пользу ученія, чувствовалъ охоту и желаніе учиться: внимательно слушалъ въ классѣ и прилежно сидѣлъ за уроками. Но или его не спрашивали, когда онъ зналъ урокъ, или случалось дома что-нибудь въ видѣ незаслуженной потасовки отъ дяди или тетки, — равнодушіе вступало опять въ свои права, охоты къ ученію какъ не бывало.

Я разсматривалъ классный журналъ по русскому языку Пермскаго уѣзднаго училища за 1855—56 годъ, когда О. М. былъ во 2-мъ классѣ. На протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ противъ его фамиліи значатся: единица, двойка, единица и т. д. изо дня въ день. Въ среднемъ выводѣ за каждый мѣсяць значатся почему-то двойки, а за годъ успѣхи опредѣлены тройкой, поведеніе четверкой.

Поступивши, по возвращеніи изъ монастырской ссылки снова въ уѣздное училище, О. М. сталъ учиться хорошо. Двоекъ у него уже не стало, да и тройки пошли рѣже. Годовыя отмѣтки при окончаніи курса слѣдующія:

Законъ Божій	5.
Русскій языкъ	4.
Ариѳмет. и геометрія	3.
Исторія и географія	5.
Чистописаніе, черченіе и рисованіе	4.
Поведеніе	5.

Свидѣтельство объ окончаніи курса составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Казанскій учебный округъ, свидѣтельство.

„Ученикъ Ѳеодоръ Михайловъ, сынъ Рѣшетниковъ, изъ почтальонскихъ дѣтей, имѣющій отъ роду 17 лѣтъ, обучался съ 15 апрѣля 1857 г. по 24-е іюля 1859 г. въ Пермскомъ уѣздномъ училищѣ и окончилъ въ ономъ полный курсъ ученія. Во время ученія поведенія былъ отличнаго. Въ преподаваемыхъ предметахъ оказалъ успѣхи: 1) въ законѣ Божіемъ—отличные; 2) въ русскомъ языкѣ—хорошіе; 3) въ ариѳметикѣ—достаточные; 4) въ геометріи—достаточные; 5) въ исторіи—отличные; 6) въ географіи—отличные; 7) въ чистописаніи—отличные; 8) въ рисованіи

и черченіи—хорошіе, а потому имѣть право на преимущества, предоставленныя Высочайше утв. 28-го ноября 1844 г. дополнит. прав. къ уст. о гражд. службѣ окончившимъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ.

Въ удостовѣреніе чего и дано ему сіе свидѣтельство за печатью училища. Пермь, іюля 24 дня 1859 г. Штатный смотритель Н. Ивановъ, законоучитель свящ. П. Накаряковъ, учитель ариѳметики и геометріи В. Некипѣловъ и учитель исторіи и географіи Б. Протопоповъ“.

Математика ему не особенно давалась, хотя онъ занимался ею прилежно; часто при рѣшеніи задачъ онъ обращался за помощью къ товарищамъ. Зато поражалъ онъ своими сочиненіями. Зададутъ какое-нибудь сочиненіе. Всѣ, въ томъ числѣ лучшіе ученики, кое-какъ набросаютъ его на четвертушкѣ бумаги, а *Θ. М.* представитъ цѣлую диссертацию на 5—6 листахъ писчей бумаги, исписанной мельчайшимъ почеркомъ. Когда и какъ успѣвалъ онъ писать—это было для всѣхъ загадкой. Зададутъ сочиненіе сегодня, а завтра къ утру оно у него уже готово.

Ссылка замѣтно повліяла на *Θ. М.*: выраженіе его лица сдѣлалось серьезнѣе и задумчивѣе. Въ отношеніяхъ къ окружающимъ онъ старался быть мягче и привѣтливѣе, добродушнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ еще болѣе замкнутымъ и сосредоточеннымъ въ себѣ.

Въ казенной палатѣ, изъ которой *Θ. М.* былъ переведенъ въ С.-Петербургъ, онъ служилъ въ отдѣленіи секретаря простымъ писцомъ. „Столomъ“ завѣдывалъ „протоколистъ“, но фактически всѣми дѣлами управлялъ *Θ. М.* (тогда еще юноша лѣтъ 20—21), составляя всѣ дѣловые бумаги и непосредственно докладывая ихъ по начальству. Умѣло и трудолюбиво относился онъ къ занятіямъ; приходилъ раньше, уходилъ позднѣе всѣхъ со службы. Это, какъ и его хорошій почеркъ выдвигали его въ глазахъ начальства изъ ряда другихъ.

Зависти и недоброжелательства къ нему со стороны товарищей не было. Напротивъ, всѣ товарищи любили угрюмаго и мрачнаго „сочинителя“, какъ обыкновенно звали его въ палатѣ.

Несмотря на вниманіе служебнаго начальства, *Θ. М.* получалъ ничтожное жалованье и жилъ на границѣ съ крайней нуждой, хотя никому не жаловался на это, стараясь, напротивъ, не показывать и виду, какъ тяжело приходится ему жить.

Одно время *Θ. М.* завѣдывалъ палатской библіотекой и все свободное отъ служебныхъ занятій время сидѣлъ въ ней за книгами. Кончатся служебныя дѣла, сойдется свободная минута,—

и О. М. озабоченно спѣшить въ завѣтную комнату. Если бы можно было жить и спать въ библіотекѣ, онъ бы, вѣроятно, совсѣмъ не выходилъ изъ нея.

Когда О. М. собрался ѣхать въ Петербургъ, то всѣ товарищи его искренно желали ему всякаго успѣха. Предполагали тогда, что его „дѣловыя“ способности и трудолюбіе составятъ ему выдающуюся карьеру и не особенно рассчитывали на карьеру литературную. Вышло на самомъ дѣлѣ наоборотъ.

Въ архивѣ казенной палаты сохранились два дѣла о О. М. Рѣшетниковѣ, изъ которыхъ одно:

„По просьбѣ канцелярскаго служителя 3 разряда О-ра М-ва Рѣшетникова о помѣщеніи его на службу изъ екатеринбургскаго уѣзднаго суда въ штатъ казенной палаты“ (нач. 25 мая 1861 г., конч. 26 іюня 1861 г., на 10 листахъ), а другое: „О перемѣщеніи канцелярскаго служителя Рѣшетникова въ число канцелярскихъ служителей департамента внѣшней торговли“ (нач. 16 іюня 1863 г., конч. 5 октября 1863 г.—на 11 листахъ).

Переѣхавши въ Петербургъ, О. М. раза по два наѣзжалъ въ Пермскій край. Онъ проѣзжалъ далѣе Перми,—въ Усолье, Соликамскъ, Чердынъ,—знакомился съ бытомъ населенія, живущаго здѣсь, кстати сказать, значительно иною жизнью, съ особыми правами, понятіями, обычаями.

Больше всего его привлекало Усолье,—эта прежняя столица соляного царства. Сюда во всякое время года, а особенно весною, стекался на заработки простой людъ со всей Пермской губерніи, Вятской, Вологодской. Теперь пришлого люда съ упадкомъ солеваренія въ Усольѣ появляется все меньше и меньше... Мѣстное населеніе Усоля, добродушное и трудолюбивое, пользовалось особыми симпатіями О. М.

Онъ думалъ написать романъ изъ жизни Усоля до уничтоженія въ немъ крѣпостного права. Фабулой должна была служить любовь дочери заводскаго управителя къ простому рабочему, самоучкой выучившемуся грамотѣ и значительно развившемуся умственно самообразованіемъ.

Многіе выдающіеся факты изъ дѣйствительной прошлой жизни Усоля были записаны и разработаны О. М. для романа тутъ же на мѣстѣ и, навѣрное, сохранились въ его бумагахъ.

Для большаго ознакомленія съ простымъ народомъ О. М. ходилъ по промысламъ, кабакамъ, базарамъ, ѣлъ, пилъ, спалъ съ простымъ людомъ, вездѣ и все записывая въ свою объемистую записную книжку.

Въ Соликамскѣ О. М. останавливался у мѣстнаго чинов-

ника Степанова. Здѣсь собиралась вся наличная интеллигенція города и между разными обычными времяпрепровожденіями шли разговоры и на серьезные темы.

Ө. М. обыкновенно садился въ сторонкѣ у окна и курилъ изъ трубочки прежнюю „крупку“ (табакъ низкаго сорта въ картузикахъ, въ родѣ нынѣшней махорки), выпуская дымъ въ растворенное окно.

Не измѣняя привычкѣ, Ө. М. и здѣсь говорилъ мало. Выпустить, „процѣдить“ сквозь зубы какое-нибудь замѣчаніе и опять замолкнуть, усиленно потягивая изъ трубочки.

Случалось, что онъ и увлекался, говорилъ оживленно и много.

Это когда разговоръ касался излюбленной имъ темы или писателей, которыхъ онъ боготворилъ.

Держалъ онъ себя очень скромно, застѣнчиво и постоянно стѣснялся за себя, за свои угловатыя манеры, за свою невоспитанность.

Ө. М. терпѣть не могъ высокомернаго обращенія, но больше всего не выносилъ, когда кто-нибудь кого-нибудь билъ, особенно дѣтей. Разъ былъ такой случай. Шелъ онъ со службы съ портфелемъ и бумагами. Поровнявшись съ однимъ домомъ, онъ услышалъ крикъ и плачъ мальчика, котораго кто-то билъ. Онъ бросилъ портфель на тротуаръ, а самъ кинулся въ домъ. Оказалось, что мальчика билъ моржевѣмъ ремнемъ его отецъ—простой мѣщанинъ—за какіе-то пустяки. Ө. М. прикрикнулъ на отца. Неожиданное вмѣшательство прекратило тяжелую сцену наказыванія, но вмѣсто сына отецъ обрушился на Ө. М., который, однако, хладнокровно началъ доказывать отцу всю жестокость и безчеловѣчность его поступка. Все это, однако, въ концѣ концовъ, завершилось дружбой Ө. М. съ отцомъ, оказавшимся въ сущности добрымъ человѣкомъ. Оставленный на улицѣ портфель оказался потомъ въ полиціи, откуда Ө. М. удалось его получить лишь черезъ недѣлю. Это передавалъ мнѣ самъ наказанный, нынѣ уже пожилой мужчина, прибавившій, что Ө. М. часто потомъ заходилъ къ его отцу попить чайку и поболтать...

Ссылка Ө. М. въ Соликамскій монастырь послѣдовала по рѣшенію бывшей палаты уголовного и гражданскаго суда. Въ дѣлѣ палаты, хранящемся въ архивѣ окружнаго суда, заключается протоколъ, въ которомъ довольно подробно изложено весь процессъ этого дѣла.

Привожу цѣликомъ протоколъ (по списанной мною съ подлинника копій), оставляя безъ измѣненія изложеніе и исправивши лишь наиболѣе рѣзкія грамматическія погрѣшности. Самого слѣдственнаго дѣла съ подлинными документами, о коихъ упоминается въ протоколѣ, въ архивѣ суда не нашлось,—оно утеряно.

„1856 года, апрѣля 30 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Пермская палата уголовного и гражданского суда обще съ членами совѣтнаго суда, слушали: дѣло, представленное общимъ пермскимъ уѣздного суда и городского магистрата присутствіемъ, о выкражѣ изъ Пермской губернской почтовой конторы почтальенскимъ сыномъ, не принадлежащимъ къ почтовому вѣдомству, Ѳеодоромъ Рѣшетниковымъ разныхъ бумагъ, газетъ и журналовъ.

Обстоятельства дѣла слѣдующія. Пермская почтовая контора въ отношеніи своемъ отъ 4 апрѣля 1855 года за № 1011 въ Пермскую градскую полицію писала, что она: „препроводя при семъ въ градскую полицію показаніе почтальенскаго сына Ѳеодора Рѣшетникова, сознавагоса въ выкражѣ изъ сей конторы разныхъ бумагъ, газетъ, журналовъ, картинокъ и писемъ“, просить по содержанію этого показанія отобрать таковое-жъ отъ ученика здѣшняго уѣздного училища Ломтева и въ случаѣ ссылки его на другихъ лицъ въ чемъ либо, то и отъ нихъ потребовать надлежащія показанія и затѣмъ все это прислать въ контору для дальнѣйшихъ распоряженій. Вмѣстѣ съ симъ контора, препроводя десять писемъ, адресованныхъ Ѳеодору Рѣшетникову, отъ разныхъ учениковъ и найденныя въ его квартирѣ, просила полицію и по нимъ отобрать отъ учениковъ показанія, а въ особенности отъ Ломтева, который въ письмѣ, значущимся подъ № 1, употребляетъ непонятныя слова, и затѣмъ письма эти съ показаніями прислать въ контору. Ѳеодоръ Михайловъ Рѣшетниковъ, ученикъ 2 класса Пермскаго уѣздного училища, пермской почтовой конторѣ показалъ, что найденныя въ огородѣ дома г-жи Мальтянской бумаги, слѣдующія Дедюхинскому волостному правленію, заброшены туда имъ недѣли двѣ тому назадъ изъ ограды почтовой конторы. Первоначально бумаги эти онъ взялъ изъ почтовой конторы по вечеру, гдѣ никто изъ служащихъ его примѣтить не могъ, но онѣ только были задѣланы въ простой постъ-пакетъ изъ Петербурга въ Веретію, каковой онъ раздѣлалъ въ отхожемъ мѣстѣ конторы, вынутый изъ него реэстръ равно оболочку съ постъ-пакета разорвалъ на части и бросилъ въ яму отхожаго мѣста, потомъ распечаталъ два или три пакета, конверты бумагъ бросилъ въ ту же яму, а бумаги перебросилъ че-

резъ заборъ въ огородъ дома г-жи Мальтянской; равнымъ образомъ отобранныя у ученика уѣзднаго училища Ломтева разныя газеты, картинки, письма, обложки и другіе журналы были взяты тоже имъ изъ почтовой конторы тайно въ разное время, обложки съ нихъ разорваны и брошены, а газеты и журналы и картинки переданы Ломтеву, который, какъ товарищъ и соученикъ его, подарилъ ему за то краски, чѣмъ болѣе и вовлекъ его въ это дѣло, безпрестанно о томъ надпомяная, или на словахъ или письмами, каковыя и имѣются въ почтовой конторѣ, будучи отобранны на его квартирѣ; въ заключеніе по всей справедливости объявляетъ, что утайка бумагъ и пр. имъ сдѣлана по молодости лѣтъ безъ всякаго умысла, а болѣе—*изъ уножденія товарищу и желанія получить отъ него еще краски, которыя тотъ неоднократно обещалъ.*

Онъ же, Рѣшетниковъ, въ дополненіе показанія своего объяснилъ, что взятый имъ постъ-пакетъ изъ Петербурга въ Веретію съ простой корреспонденціей, онъ полагалъ, что тутъ тоже заключаются газеты, но распечатая его не нашелъ въ немъ ничего, кромѣ пакетовъ, которые не зналъ, куда дѣвать, а спросить ни у кого не смѣлъ, поэтому и бросилъ ихъ въ огородъ.

При слѣдствіи о семъ Михаилъ Васильевъ Ломтевъ показалъ, что показанныя ему при семъ спросѣ письма съ подписью его руки дѣйствительно писаны имъ товарищу его ученику же уѣзднаго училища, жившему въ домѣ почтовой конторы, у дяди старшаго сортировщика Василя Рѣшетникова, почтальенскому сыну Оедору Мих. Рѣшетникову, безъ всякихъ злонамѣренныхъ умысловъ, однимъ словомъ съ выясненіемъ собственныхъ его и относящихся до его просьбъ, которыя состояли въ слѣдующемъ: первое письмо заключаетъ въ себѣ слова, означающія просьбу его, состоящую въ томъ, чтобы онъ далъ ему денегъ и бѣлой бумаги для употребленія по занятію въ классѣ, а деньги обыкновенно во всякомъ случаѣ необходимы и особенно онъ имѣлъ въ нихъ необходимость на тотъ предметъ, чтобы исправить по нечаянности растопленный имъ у учителя нижняго класса Садовникова самоваръ; за одолженіе его въ этомъ отношеніи онъ обѣщался ему быть благодарнымъ тѣмъ, чтобы познакомить его съ извѣстными ему случайно обстоятельствами на счетъ труппы Соколова, и по производству открытія, будто бы, театра, какъ довелось дознать, участіемъ здѣшняго губернатора возместить имѣющагося изъ 175 человекъ, при томъ разяснялъ ему на счетъ путей, по поступленію на службу относительно лучшаго избранія онаго. Что же касается до непонятныхъ другихъ словъ въ

письмъ его написанныхъ, то объ нихъ разъяснительно скажу здѣсь слѣдующее: отъ начала письма сверху въ третьей строкѣ слова „Сударь“, „Бугарь“ выражены въ родѣ куплета, а въ послѣдующей строкѣ пришедшія на память изъ русской исторіи „Сударь“, „Дальфедъ“, „Альбатъ“ приведены къ вышеписаннымъ на предметъ риѣмы,—но это полагалъ такъ онъ, а выходитъ ли тутъ риѣма или нѣтъ понятія не имѣетъ; далѣе въ седьмой строкѣ слова: „дадай мнѣзе тызы тозовозо“ означаютъ то, что у него, какъ и выше объяснилъ, просилъ прежде денегъ и бумаги; и затѣмъ послѣдующія слова: ей! сей! гей! неробей, робей, робей, всѣхъ перебей, будетъ воробей“, означаютъ тоже риѣму—далѣе же: „возозмизи тозовозо чезовозо дазавазаль изавазанузу изива-занозовизицузу“ означаютъ: возьми того, чего давалъ Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ, учитель уѣзднаго училища, Милорозовъ, ему Рѣш—въ давалъ для прочтенія „Московскія Вѣдомости“, которыя онъ и просилъ взять у Ивана Ивановича и передать ему, а вѣдомости, онъ сказалъ ему, бралъ по знакомству отъ почтальоновъ, а отъ кого именно—не разъяснилъ. Приносилъ же онъ Рѣшетниковъ въ училище не скрытнымъ образомъ, а при всѣхъ, и давалъ какъ учителямъ, такъ и ученикамъ и даже былъ иногда учителями спрашиваемъ, откуда вѣдомости беретъ, на что было у него всегда общимъ отвѣтомъ: беретъ или пользуется отъ почтальоновъ и отъ сортировщика дяди его; но справедливы ли слова его въ этомъ случаѣ или нѣтъ, ему неизвѣстно, равно ни въ лживыхъ продѣлкахъ, ни въ соучастіи съ нимъ никогда не состоялъ. Слова на оборотѣ странички сверху въ шестой строкѣ: „дадай мнѣзе тозовозе, чтозо яза позопрозощузу узу тезебязя, твозой друзгъ“, означаютъ: „дай мнѣ того, что я попрошу у тебя, твой другъ“; они писаны въ напомниманіе вышеозначенной подобными словами просьбы. Послѣднія же на оборотѣ слова: „завози Вазка Тенолимтели-вози“ означаютъ подпись Васька Ломтевъ. Второе письмо заключаетъ въ себѣ ничего больше, какъ одну просьбу его, состоящую въ томъ, чтобы Рѣшетниковъ далъ ему 50 коп. серебромъ на исправленіе помянутаго растопленнаго самовара, которыхъ по первому письму онъ ему не далъ; за деньгами же къ нему обращался потому, что онъ таковыя нерѣдко имѣлъ, такъ какъ ему въ почтовой конторѣ доставляли случаи за неграмотныхъ расписываться въ книгахъ; но, однако, при всѣхъ просьбахъ о деньгахъ онъ ему отказывалъ и вовсе таковыхъ не далъ; его же обѣщаніе услужить ему состояло въ томъ собственно, чтобы показать ему иногда что-либо въ недоразумѣніи изъ преподаваемыхъ

по училищу предметовъ, такъ какъ онъ познаніями своими его превышалъ. Третье письмо заключаетъ въ себѣ благодарность, которую онъ приноситъ Рѣш—ву за данную ему для надобностей бѣлую бумагу, получивъ которую онъ могъ избавиться отъ неприяностей со стороны смотрителя и учителей, почему и изъявлялъ письмомъ въ одномъ случаѣ восхитительную радость; а потомъ на оборотѣ далъ замѣтить Рѣш—ву то, что онъ наслышалъ, будто онъ съ товарищами, учениками Иваномъ Антипинымъ, Михаиломъ Григорьевымъ и другими, намѣревался пробовать противъ нихъ силу. Четвертое письмо его тоже выражаетъ благодарность за полученный отъ Рѣшетникова сургучъ, но оный ему не нравился и потому онъ просилъ, нельзя ли одолжить получше; вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ бумаги побольше; а въ послѣдующихъ затѣмъ словахъ писалъ дружескія шутки. Пятымъ письмомъ онъ просилъ у Рѣш—ва неизвѣстно гдѣ имъ приобрѣтенныя приносимыя къ нему въ день сгорѣнія театра небольшіе на домовнія строенія планы, состоящіе изъ профилей и фасадовъ, которые ему были нужны на случай приученія себя съ оныхъ къ черченію. Шестое письмо заключаетъ въ себѣ то, что случай довелъ его поспорить съ бывшимъ ученикомъ приходскаго училища Шерыпскимъ мальчикомъ Красновымъ, неизвѣстно гдѣ нынѣ живущимъ, о томъ, что онъ говорилъ ему, будто имѣетъ переписку съ живущимъ въ Екатеринбургѣ въ услуженіи при трупѣ Сокколова мальчикомъ, а онъ ему не вѣрилъ, почему довелось ему доказать полученіемъ при немъ съ почты, будто бы, письма, которое и просилъ онъ Рѣш—ва написать, запечатать и принести къ нему въ домъ учителя Садовникова, сказавъ, что получено по почтѣ, но этого Рѣш—въ не исполнилъ; написанная же въ концѣ его письма подпись Немеродова, написана для того собственно, чтобъ доказать Краснову, что письмо, которое получится, будто бы, съ почты, писано услугой актрисы Немеродовой. Седьмое письмо не что иное, какъ повтореніе на пятое письмо, а штука имъ Рѣш—ву обѣщанная лишь маленькій дѣтскій пи-столець, но оный онъ ему не отдалъ и имѣетъ до сихъ поръ при себѣ; а другое обѣщаніе, въ семъ письмѣ выраженное такъ: „Милый другъ Оединька, я тебѣ что хотѣлъ сдѣлать, такъ сдѣлаю“, означаетъ то, что онъ не въ состояніи былъ сдѣлать одну задачу, данную учителями, которую и обѣщалъ ему показать секретно отъ учителей, потому что показывать не дозволяютъ. Письмо его онъ передавалъ Рѣшетникову въ училищѣ лично и даже при всѣхъ ученикахъ, потому какъ опасаться было нечего. Оказавшіеся между его письмами другія писаны учениками же

уѣзднаго училища, 1-е Иваномъ Николаевымъ, а 2-е и 3-е Николаемъ Дерябинымъ; отобранные у него разныя газеты, картинки, обложки и журналы дѣйствительно имъ были выпрошены у Рѣш—ва, но не то, чтобы зазнамо того, что оныя были имъ взяты тайно изъ почтовой конторы, а такимъ образомъ, когда таковыя приносилъ онъ въ училище и давалъ пользоваться какъ учителямъ, такъ и ученикамъ, приговаривая, что беретъ ихъ у знакомыхъ почтальоновъ и дяди сортировщика; краски давалъ онъ Рѣш—ву не за то, чтобы онъ кралъ и отдавалъ ему газеты и проч., а просто по-дружески; также газетами и прочимъ пользовался отъ него по-дружески все зазнамо, что оныя взяты имъ тайно и вовлекать его въ это не имѣлъ никакой надобности, а надпоминанія если и дѣлалъ ему какія-то, къ чему оныя клонились, и что его къ тому вынуждало, разъяснено объ этомъ выше; участникомъ же съ Рѣш—вымъ не въ одномъ случаѣ пакостныхъ его поступковъ не былъ.

Учитель Пермскаго уѣзднаго училища титул. совѣт. Садовниковъ, на запросъ частнаго пристава 1 части города Перми увѣдомилъ, что „у бывшаго ученика 2 класса здѣшняго уѣзднаго училища почтальенскаго сына Ѳедора Рѣшетникова онъ только однажды замѣтилъ принесенные имъ въ классъ два №№ „Московскихъ Вѣдомостей“, а такъ какъ номера эти были старые, то онъ не обратилъ большого вниманія на то, какимъ образомъ они попали къ нему, а сдѣлавъ ему при этомъ случаѣ выговоръ, запретилъ приносить съ собою въ классъ что-либо подобное и дѣйствительно съ тѣхъ поръ онъ не видалъ у него болѣе никакихъ журналовъ. Что же касается до чтенія учителями *Московскихъ Вѣдомостей*, что, какъ вы говорите, видно изъ дѣла, то онъ не знаетъ, кому изъ учителей была необходимость пользоваться ими отъ Рѣш—ва, когда газета эта выписывалась, и по настоящее время выписывается, училищемъ? Во всякомъ случаѣ, что касается до него, то онъ отъ него рѣшительно ничѣмъ не пользовался, а потому не имѣлъ ни случая, ни надобности разспрашивать его о томъ, какимъ путемъ онъ доставалъ себѣ книги и журналы. Далѣе имѣетъ честь увѣдомить васъ, что исключенный изъ 2 класса уѣзднаго училища пермскій мѣщанскій сынъ Михаилъ Ломтевъ, во время проживанія его въ домѣ дѣйствительно растопилъ однажды самоваръ и починилъ его на свой счетъ, хотя онъ не принуждалъ его къ этому. Въ пакостныхъ связяхъ съ Рѣш—вымъ онъ его не замѣчалъ и вели ли они между собою какую переписку ему неизвѣстно“.

На таковой же запросъ онъ же Садовниковъ увѣдомилъ, что

„у бывшаго ученика Рѣш—ва онъ взялъ однажды два Л.Л. Вѣдомостей, читанные имъ во время класса, сказавъ при томъ, чтобы ученики не имѣли обыкновенія носить въ классъ ничего, кромѣ учебныхъ книгъ и тетрадей. На вопросъ его, гдѣ взялъ онъ Вѣдомости, онъ отвѣчалъ, что взялъ у дяди своего, сортировщика Рѣшетникова; прочитанныя уже послѣднимъ еще во время класса взяты были имъ два письма, которыя онъ въ свое время, чрезъ штатнаго смотрителя училища доставилъ въ почтовую контору“.

Иванъ Козьминъ Николаевъ, уѣзднаго училища ученикъ, показанное ему при семъ спросѣ письмо писалъ онъ товарищу его ученику же уѣзднаго училища, жившему въ домѣ почтовой конторы у дяди старшаго сортировщика Василя Рѣш—ва, почтальонскому сыну Ѳедору Мих. Рѣш—ву и просилъ у него дѣйствительно картиночекъ какихъ-нибудь, „Московскихъ Вѣдомостей“ и земледѣльческихъ газетъ, которыми ему и не доводилось отъ него пользоваться, но какъ онъ все это нерѣдко приносилъ въ училище и снабжалъ соучениковъ, то онъ, будучи въ числѣ послѣднихъ, надѣялся отъ него чѣмъ-либо изъ прописаннаго на случай любопытства пользоваться, но, однако, случая не представилось. Какимъ образомъ Рѣш—въ находилъ возможность пользоваться приносимыми имъ въ училище газетами и прочимъ,—онъ сказать не можетъ, потому что близкихъ отношений съ нимъ не имѣлъ, будучи знакомъ съ нимъ просто; самъ же онъ сказывалъ, что пользуется ими отъ знакомыхъ почтальоновъ и отъ дяди старшаго сортировщика. Что же касается до переписки Рѣшетникова съ Лаптевымъ, то объ этомъ ничего не знаетъ, а также и о томъ, что между ними происходило.

Николай Аѳанасьевъ Дерябинъ—два письма при семъ спросѣ показанныя ему написаны его рукой соученику его Ѳедору Рѣш—ву; а о чемъ—это видно изъ нихъ; только что изъ просимаго имъ у Рѣш—ва пользоваться даже одинъ разъ не удалось; гдѣ же какая возможность представлялась Рѣш—ву пользоваться Вѣдомостями, журналами, картинками онъ этого ничего не знаетъ, а слышалъ отъ него, будто бы отъ знакомыхъ почтальоновъ и отъ дяди старшаго сортировщика Василя Рѣшетникова, но правда ли это или нѣтъ,—ему неизвѣстно. Что же касается до того, какія были отношенія у Рѣш—ва съ Ломтевымъ, ему ничего неизвѣстно; самъ же онъ въ участіи съ нимъ ни въ одномъ пакистномъ поступкѣ никогда не состоялъ и въ настоящее время не состоитъ. Показалъ сіе по сущей справедливости въ томъ и подписуется съ тѣмъ, что пользовался ли кто отъ Рѣш—ва,

кромя Лаптева, газетами, онъ не замѣчалъ, а что приносилъ онъ таковыя въ училище при всѣхъ и казалъ, это неоднократно видѣлъ.

Пермская губернская почтовая контора отъ 30 августа 1855 года за № 2431 изъяснила, что изслѣдованіе, произведенное пермскою городскою полиціею о кражѣ изъ сей конторы разныхъ бумагъ, газетъ и журналовъ было представлено въ почтовый департаментъ, который, разсмотрѣвъ оное и находя, что въ кражѣ сознался четырнадцатилѣтній мальчикъ Ѳеодоръ Рѣш—въ, не принадлежавшій къ почтовому вѣдомству, призналъ, что мѣра взысканія за таковой поступокъ его подлежить опредѣленію совѣстнаго суда (т. 2 общ. учреж. губ., ст. 2275), почему и возвратилъ означенное изслѣдованіе для подлежащаго распоряженія.

При разсмотрѣніи въ пермскомъ совѣстномъ судѣ дѣла оказалось: 1) по какому случаю почтальонскій сынъ Рѣш—въ къ почтовому вѣдомству не принадлежитъ изъ дѣла не видно; 2) на какую сумму сдѣлана Рѣш—вымъ кража, неизвѣстно; 3) свѣдѣнія изъ метрическихъ книгъ о времени рожденія какъ Рѣш—ва, такъ и прикосновенныхъ къ дѣлу Михаила Ломтева, Ивана Николаева и Николая Дерябина къ дѣлу не приложено.

При дополненіи дѣла старшій сортировщикъ Василій Рѣшетниковъ, на запросъ частнаго пристава 1 части города Перми объяснилъ, что находящійся на воспитаніи у него почтальонскій сынъ Ѳеодоръ Рѣш—въ рожденъ у брата его екатеринбургскаго почтальона Михаила въ Екатеринбургѣ въ 1841 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, коей молитвованъ и крещенъ при екатеринбургскомъ соборѣ протоіереемъ Александромъ Милердовымъ (что нынѣ уже покойный). Воспріемники были екатеринбургскій почтальонъ Иванъ Кочкинъ и мастеровая жена вдова Александра Гусельникова. Михаилъ Васильевъ Ломтевъ показалъ, что родитель его былъ пермскій мѣщанинъ Василій Ломтевъ и мать Марія, оба уже умершіе; родился онъ въ городѣ Перми 1839 г. іюля 10 дня; крещенъ былъ Рождество-Богородицкой церкви священникомъ Іоанномъ Лебедевымъ, воспріемники были канцеляристъ губернскаго правленія Василій Парышевъ и солдатская дѣвица Палагея... (?).

Пермская губернская почтовая контора приставу 1 стана города Перми отъ 5 октября 1855 г. за № 9776 увѣдомила: а) что почтальонскій сынъ Ѳеодоръ Рѣшетниковъ не принадлежитъ къ почтовому вѣдомству потому, что отецъ его происходитъ изъ дѣтей канцелярскихъ служителей и б) что поступокъ Ѳеодора Рѣш—ва, заключающійся въ выкражѣ разныхъ бумагъ,

газетъ и журналовъ, кои по принадлежности уже доставлены, приведенъ въ оцѣнку быть не можетъ.

Вдова пермская мѣщанка Николаева показала, что сынъ ея Иванъ родился отъ незаконнаго брака по смерти мужа ея въ генварѣ мѣсяцѣ 1844 года въ городѣ Перми; крещенъ былъ священникомъ Петро-Павловскаго собора Іосифомъ Кутиловымъ; восприѣмники его были рядовой Иванъ Крыловъ и вольноотпущенница Анна Маслова, записанъ же онъ въ метрикахъ незаконно-рожденнымъ ея сыномъ.

Чиновникъ 12 класса Аѳанасій Дерябинъ на запросъ пристава 1 части города Перми объяснилъ, что сынъ его Николай родился въ г. Оханскѣ 1840 г. декабря 3 числа, крещенъ оханскимъ Успенскаго собора священникомъ Іоанномъ Холмогоровымъ, восприѣмники были: титулярный совѣтникъ Василій Саврасовъ и чиновница Аграфена Грѣхова.

Изъ доставленной пермской духовною консисторіею метрической справки видно, что въ метрикахъ Градо-Екатеринбургскаго собора за 1841 г. о немъ есть слѣдующая запись: Николай, восприѣмникъ оханскій соляный приставъ титулярный совѣтникъ Василій Петровъ Саврасовъ, молился Холмогоровъ съ пономаремъ Константиномъ Поповымъ.

Общее присутствіе пермскихъ уѣзднаго суда и городского магистрата мнѣніемъ, состоявшимся въ 14 день декабря 1855 года, положило: почтафонскій сынъ, не принадлежащій къ почтовому вѣдомству, Ѳеодоръ Рѣш—овъ показалъ, что найденныя въ огородѣ дома г-жи Мальтянской бумаги, слѣдующія дедухинскому солянному правленію, заброшены туда имъ изъ ограды почтовой конторы, бумаги тѣ онъ взялъ изъ почтовой конторы по вечеру, гдѣ никто изъ служащихъ замѣтить его не могъ; означенныя бумаги задѣланы были въ простой постъ-пакетъ изъ С.-Петербурга въ Веретію, каковой онъ раздѣлалъ въ отхожемъ мѣстѣ конторы, взятый изъ него реэстръ, равно оболочку съ постъ-пакета разорвалъ и бросилъ въ яму отхожаго мѣста, потомъ распечаталъ 2 или 3 пакета, конверты бросилъ въ ту же яму, а бумаги перебросилъ черезъ заборъ въ огородъ г-жи Мальтянской; отобранныя отъ ученика уѣзднаго училища Ломтева разные газеты, картинки, письма и журналы были взяты тоже изъ почтовой конторы тайно въ разное время и переданы Ломтеву, а онъ подарилъ ему за то краски, чѣмъ и вовлекъ его въ это дѣло, непрестанно напоминая на словахъ или письмами, которыя и приложены къ дѣлу. Утайка имъ бумагъ и проч. учинена безъ всякаго умысла. Михайло Ломтевъ, не отрицаясь отъ полученія

отъ Рѣш—ва „Московскихъ Вѣдомостей“ и другихъ журналовъ, пояснилъ, что, по словамъ Рѣш—ва, сей послѣдній бралъ оныя по знакомству отъ почтальоновъ и отъ кого именно, не изъяснилъ, присовокупляя при томъ, что письма имъ писанныя къ Рѣш—ву были безъ всякихъ злонамѣренныхъ умысловъ и заключали только просьбы къ нему въ дачѣ денегъ, бѣлой бумаги и Вѣдомостей; денегъ онъ просилъ на тотъ предметъ, чтобъ исправить по нечаянности расплавленный имъ у учителя Садовникова самоваръ; участникомъ же съ Рѣш—вымъ ни въ одномъ случаѣ не былъ. Иванъ Николаевъ и Николай Дерябинъ объяснили, что они письмами, писанными къ Рѣш—ву, просили картиночекъ и какихъ нибудь вѣдомостей; нѣ ничѣмъ пользоваться не удалось; гдѣ же и какая возможность представлялась Рѣш—ву пользоваться вѣдомостями, журналами и картинками они не знаютъ, а слышали, что будто бы отъ почтальоновъ и отъ дяди старшаго сортировщика Рѣшетникова. Въ участіи съ Рѣш—вымъ они ни въ чемъ не состояли.

Пермская губернская почтовая контора увѣдомила, что поступокъ Ѳедора Рѣш—ва, заключающійся въ выкражѣ разныхъ бумагъ, газетъ и журналовъ, кои по принадлежности уже доставлены, приведенъ въ оцѣнку быть не можетъ; письма же, находящіеся при дѣлѣ, никакихъ не заключаютъ въ себѣ противозаконныхъ поступковъ, а наполнены однѣми дѣтскими глупостями. Посему общее присутствіе заключило: 1) почтальонскаго сына, не принадлежащаго почтовому вѣдомству Ѳедора Мих. Рѣш—ва 13^{1/2} лѣтъ, за выкражу изъ почтовой конторы пакетовъ и вѣдомостей, на основаніи 144 ст. 4 п. улож. подвергнуть исправительному домашнему по распоряженію воспитателя его взысканію, равно тому же подвергнуть Ивана Козьмина Николаева 11 лѣтъ. Привлеченнаго къ сему дѣлу ученика Николая Аѳанасьева Дерябина 14 лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ въ соучастіи съ Рѣшетниковымъ не сознававшимся и не оговореннаго по 97 ст. уложенія, отъ суда освободить, и 3) мѣщанскаго сына Михаила Васил. Колотова, онъ же и Ломтевъ, 15^{1/2} лѣтъ по предмету полученія отъ почтальонскаго сына Рѣш—ва вѣдомостей и журналовъ зазнамо воровскихъ и въ подговорѣ его, Рѣш—ва, къ выкражѣ оныхъ не сознававшегося и не уличеннаго по 97 ст. улож. отъ суда освободить.

По справкѣ оказалось:

Справка: Заключающійся по сему дѣлу лица Ѳеодоръ Мих. Рѣш—въ 13^{1/2} лѣтъ, Иванъ Коз. Николаевъ 11 лѣтъ, Николай

Аеоанас. Дерябинъ 14 лѣтъ и Михаилъ Васил. Колотовъ, онъ же Ломтевъ, 15^{1/2} лѣтъ на предъ сего судимы не были.

Законами повелѣно:

Законы: 1169 ст. XV т. Никто не долженъ быть присужденъ къ наказанію безъ точныхъ доказательствъ или сильныхъ уликъ въ преступленіи. Доказательства суть двухъ родовъ: совершенныя или несовершенныя 3 пун. 144 ст. уложен. за преступленія, менѣе тяжкія, по которымъ опредѣляются закономъ лишеніе всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житіе въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, или же отдача въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства или въ рабочіе дома; они присуждаются къ заключенію на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года въ монастырѣ или въ смиренномъ домѣ на основаніи правила, въ предшедшемъ 2 пунктѣ сей статьи означеннаго.

Сія записка изъ дѣла учтена правильно, узаконенія приличныя означены всѣ и болѣе приличныхъ узаконеній не имѣется, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую не-исправность. Въ д. секретаря (?)...

Рѣшеніе палаты уголовного и гражданскаго суда и совѣстнаго суда.

Приказали: Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго 1855 года кучеромъ коллежской совѣтницы Мальтянской въ огородѣ у забора найдено шесть предписаній, слѣдующихъ изъ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ Дедюхинскому соляному правленію. Въ выносѣ этихъ бумагъ изъ почтовой конторы сознался почтальонскій сынъ Оеодоръ Мих. Рѣшетниковъ, который въ показаніи своемъ объявилъ, что онъ взялъ ихъ изъ почтовой конторы по-вечеру, гдѣ никто изъ служащихъ замѣтить его не могъ, что бумаги сіи запечатаны были въ простомъ постъ-пакетѣ изъ С.-Петербурга въ Веретію, каковой пакетъ онъ распечаталъ тамъ въ отхожемъ мѣстѣ конторы и взятый изъ него реестръ, равно оболочку его разорвалъ и бросилъ въ яму отхожаго мѣста; потомъ распечаталъ еще 2 или 3 пакета, конверты оныхъ бросилъ въ ту же яму, а находившіяся въ нихъ бумаги перебросилъ черезъ заборъ г-жи Мальтянской, что отобранныя отъ ученика уѣзднаго училища Ломтева письма и журналы были взяты тоже изъ почтовой конторы тайно въ разное время и переданы Ломтеву, который подарилъ ему, Рѣш—ву, за то краски, чѣмъ и вовлекъ его въ это дѣло, непрестанно надпоминая на словахъ или письмами, что утайка имъ бумагъ и проч. учинена безъ

всякаго умысла. Мальчикъ Михайло Ломтевъ, не запираясь въ полученіи отъ Рѣш—ва Московскихъ Вѣдомостей и друг. журналовъ, пояснилъ, что, по словамъ Рѣш—ва, сей послѣдній бралъ ихъ по знакомству отъ почтальоновъ, а отъ кого именно, не пояснилъ, присовокупляя при томъ, что письма имъ писанныя къ Рѣш—ву, безъ всякихъ злонамѣренныхъ умысловъ, заключали только просьбы къ нему въ дачѣ бѣлой бумаги и вѣдомостей; деньги онъ просилъ на тотъ предметъ, чтобъ исправить по нечаянности растопленный имъ у учителя Садовникова самоваръ; участникомъ же съ Рѣшетниковымъ ни въ одномъ случаѣ не былъ, а ученики Иванъ Николаевъ и Николай Дерябинъ объяснили, что они письмами, писанными къ Рѣш—ву, просили картинокъ и какихъ-нибудь вѣдомостей, но ничѣмъ попользоваться не удалось; гдѣ же и какая возможность представлялась Рѣшетникову пользоваться вѣдомостями, журналами и картинками, они не знаютъ, а слышали, что будто бы отъ почтальоновъ и отъ дяди старшаго сортировщика Рѣш—ва; участія съ Рѣш—вымъ они не имѣли. По метрическимъ справкамъ мальчикъ Рѣш—въ значителен родившимся 1841 г. сентября 5 дня, Михайлъ Ломтевъ 1839 года іюля 9 дня, Иванъ Николаевъ 1844 года января 21 дня, Николай Дерябинъ 1840 года декабря 5 дня. Разсматривая вышеизложенныя обстоятельства и соображая оныя съ существующими на сей предметъ законами, члены палаты находятъ, что несовершеннолѣтніе мальчики: Михайло Ломтевъ и Николай Дерябинъ ни въ чемъ противозаконномъ не сознались и по дѣлу не уличаются. Члены же совѣстнаго суда, разсматривая поступки малолѣтнихъ, съ своей стороны находятъ, что мальчикъ Рѣш—въ вынесъ пакеты изъ почтовой конторы съ разумѣніемъ, соединеннымъ съ намѣреніемъ воспользоваться содержащимся въ нихъ, что доказывается, сколько собственнымъ сознаниемъ Рѣш—ва, что утайка бумагъ и прочаго имъ сдѣлана изъ угрожденія своему товарищу ученику уѣзднаго училища Ломтеву, помогавшемуся газетъ, картинокъ и прочаго, и изъ желанія получить отъ него краски, которыя онъ уже получилъ отъ него за это въ подарокъ и еще надѣялся ихъ получить, такъ и тѣмъ, что вынесенные имъ постъ-пакеты и находившіяся въ нихъ бумаги брошены уже тогда, какъ онъ убѣдился въ ихъ неважности или бесполезности для себя и что уничтоженіе постъ-пакетовъ въ одномъ мѣстѣ и кинутіе бумагъ въ другомъ, значительно отдаленномъ отъ почтовой конторы, обнаруживаютъ обдуманность въ дѣйствіяхъ Рѣш—ва, управляемыхъ желаніемъ скрыть слѣды своего преступленія. Что же касается до мальчика Нико-

лаева, то онъ ни въ чемъ противозаконномъ по дѣлу не обвиняется. А потому общее присутствіе палаты и членовъ совѣстнаго суда полагаетъ: 1) пермскихъ мѣщанскихъ мальчиковъ Михаила Васильева Ломтева 16, Ивана Козьмина Николаева 10 и чиновничьяго сына Николая Афанасьева Дерябина 15 лѣтъ, какъ ни въ чемъ противозаконномъ по настоящему дѣлу не сознавшихся и никѣмъ въ томъ не изобличенныхъ, по силѣ 1169 ст. XV т. считать отъ дѣла сего свободными; 2) почтальонскій же сынъ Ѳеодоръ Михайловъ Рѣшетниковъ за выносъ изъ почтовой конторы постъ-пакетовъ съ бумагами, учиненный имъ при совершеннѣйшій, по 330 ст. Улож. о наказаніяхъ уголовн. и исправительныхъ подвергался лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по происхожденію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь; но какъ во время учиненія сего преступленія ему было 13 лѣтъ отъ роду, то, согласно 3 пун. 144 ст. того же Уложенія, заключить его, Рѣш—ва, за таковыя преступленія въ монастырь на три мѣсяца, а потомъ по истеченіи срока его заключенія возвратить его къ прежнему роду жизни. Объ исполненіи сего сообщить въ Пермское губернское правленіе. Затѣмъ мнѣніе общаго присутствія, въ чемъ оно не согласно съ симъ рѣшеніемъ палаты, отмѣнить. Дѣло обратить при указѣ въ общее присутствіе, велѣвъ разрѣшеніе палаты объявить подсудимымъ мальчикамъ, Ѳеодору Рѣш—ву и другимъ, съ правомъ апелляціи на основаніи существующихъ по сему предмету законовъ и о послѣдующемъ палатѣ довести, но предварительно сіе опредѣленіе внести, на основаніи 2241 ст. 2 т. Свод. Зак. Учреж. Губ. изд. 1842 г., съ дѣломъ на утвержденіе къ г. начальнику губерніи.

Постановленіе палаты было сообщено для исполненія въ губернское правленіе, а изъ него въ духовную консисторію, въ которой объ этомъ есть особое дѣло.

Изъ этого дѣла (на 6 листахъ) привожу нѣкоторые бумаги.

Подписка Ѳ. М.

1856 года декабря 4 дня въ присутствіи пермской городской полиціи рѣшеніе пермской палаты уголовнаго и гражданскаго суда 22-го ноября за № 7957 по дѣлу о выкражѣ мною бумагъ изъ пермской губернской почтовой конторы выслушалъ и опредѣленнымъ наказаніемъ по 3 п. 144 ст. уложенія—заключеніе меня въ монастырь на 3 мѣсяца—остался доволенъ, въ чемъ и подписуюсь почтальонскій сынъ Ѳ. М. Рѣшетниковъ.

Подписка дяди Ѳ. М.

1856 года 4 дня я, нижеподписавшійся, далъ сію подписку

пермской духовной консисторіи въ томъ, что находящагося у меня на воспитаніи почтальонскаго сына Ѳеодора Рѣш—ва обязуюсь по принятіи его изъ консисторіи доставить въ С—скій монастырь для исполненія надъ нимъ рѣшенія пермской палаты уголовного и гражданскаго суда, въ томъ и подписуюсь, сортировщикъ пермской губернской почтовой конторы Василій Рѣшетниковъ.

Опредѣленіе консисторіи:

1856 года декабря 10 дня, по указу Его Императорскаго Величества пермская духовная консисторія слушала рапортъ пермской градской полиціи 4 сего декабря за № 2026 съ представленіемъ копии съ рѣшенія пермской судебной палаты о заключеніи почтальонскаго сына Ѳ. Мих. Рѣшетникова въ монастырь на 3 мѣсяца за выкражу изъ пермской губернской почтовой конторы бумагъ—приказали: почтальонскаго сына Ѳеодора Рѣшетникова согласно рѣшенія палаты за выкражу имъ изъ пермской губернской почтовой конторы бумагъ заключить на 3 мѣсяца въ Соликамскій монастырь. О чемъ и послать указъ настоятелю Соликамскаго монастыря, а объ отсылкѣ его, Рѣш—ва въ монастырь сообщить въ пермскую почтовую контору, такъ какъ означенный Рѣш—ва находится въ настоящее время губернской почтовой конторы у старшаго сортировщика Василя Рѣшетникова (подписи).

Въ пермскую духовную консисторію.

Соликамскаго монастыря Старшей Братіи рапортъ.

Вслѣдствіе указа изъ пермской духовной консисторіи отъ 15 декабря за № 11353, послѣдовало о назначеніи въ Соликамскій монастырь почтальонскаго сына Ѳеодора Рѣш—ва, который явился въ монастырь 23 декабря.

О чемъ оной духовной консисторіи симъ почтеннѣйше доносимъ (слѣдуютъ подписи).

№ 22, января 15 дня 1857 г.

Во исполненіе указа отъ 15 декабря 1856 г. за № 11353 присланный въ сей монастырь гор. Перми почтальонскій сынъ Ѳеодоръ Рѣшетниковъ за выкражу бумагъ, срокомъ на 3 мѣсяца, въ продолженіе сего времени велъ себя хорошо и удаленъ изъ мѣста своего жительства.

О чемъ пермской духовной консисторіи покорнѣйше и доносимъ (подписи).

№ 55, 2 апрѣля 1857 г.

Любопытно, что судившіеся съ Ѳ. М. мальчики, по общему отзыву, всѣ также замѣчательно даровитыя натуры и сами по себѣ очень симпатичные, но загнанные и забытые чуть не съ пе-

ленокъ,—такіе же горемыки, какъ и онъ самъ. Одинаковая судьба, очевидно, и сближала ихъ.

Интересна послѣдующая судьба одного изъ нихъ—Николаева. Онъ служилъ потомъ въ губернскомъ правленіи и между прочимъ давалъ уроки въ семьѣ своего начальника; у гувернантки послѣдняго онъ выучился говорить довольно бойко по-французски и по-нѣмецки.

Въ общемъ зарабатывалъ онъ немного и все мечталъ приобрѣсти гдѣ бы ни было денегъ, большую сумму.

„Ужъ показалъ бы тогда я себя!“—говаривалъ онъ.

Скоро представился подходящий случай. Ему удалось по составленной имъ подложной ассигновкѣ получить изъ казначейства изрядную сумму, около 11 тысячъ руб., съ которыми онъ исчезъ безслѣдно, словно въ воду канулъ. Какъ ни искали его, нигдѣ не могли найти.

Прошло лѣтъ 30, въ теченіе коихъ о немъ почти забыли, какъ вдругъ случайно онъ былъ арестованъ, кажется, въ Москвѣ, въ монашеской одеждѣ. Стали его судить въ 1895 г., но, кажется, не за сдѣланный имъ подлогъ, который ликвидировался давностью и манифестами, а за самовольное оставленіе отечества. На судѣ онъ объяснилъ, что съ 11 тыс. онъ пробрался за границу, пожилъ въ Парижѣ, Лондонѣ и, наконецъ, уѣхалъ въ Америку. Тамъ ему повезло. Онъ завелъ какія-то плантаціи, нажилъ состояніе, удачно женился, имѣлъ дѣтей...

И жилъ бы онъ въ Америкѣ припѣваючи, если бы не тоска по родинѣ, заставившая его бросить все: состояніе, жену, дѣтей, и ѣхать въ Россію...

Его осудили въ Сибирь на поселеніе.

Г. С. Десятовъ.

ЛѢСОМЪ.

(ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ).

— Вотъ теперича ты и смотри на ево... Когда барскій былъ— слава Богу, рубили слободно, а какъ свой сталъ, теперича какъ его тронешь?.. Главная причина, приговоръ дали, чтобы не шевелить...

Такъ, указывая кнутовищемъ на бѣгущій мимо насъ лѣсъ, говорилъ ямщикъ, сидѣвшій на облучкѣ коробка, подсказывавшаго вмѣстѣ со мной между пнями по оголеннымъ корневищамъ деревьевъ. Я почти не слушалъ его и угрюмо молчалъ. Эти нескончаемые разговоры о лѣсныхъ дѣлахъ успѣли надоесть мнѣ до отвращенія. Вотъ уже девятый день кряду я слышу все одно и то же, варіаціи одной и той же жалобы: „въ лѣсу живемъ, а лѣсу нѣту“. Говорилось что-то о паевомъ надѣлѣ, о графскомъ и своемъ лѣсѣ, о прежнихъ и нынѣшнихъ временахъ, о добромъ графскомъ приказчикѣ, заботившемся только о томъ, „чтобъ снаружи зеленѣло“, но больше всего говорилось о самовольныхъ порубкахъ.

— Мы это и за грѣхъ не считаемъ, ваше высокородіе, ежели лѣсину свалить для надобности, — толковали мнѣ самовольные порубщики: — потому какъ она все единственно ни къ чему, на корню изгниетъ... Вотъ ежели безъ надобности, то, конечно, оно нехорошо, а здѣсь когда по нуждѣ... потому, сами знаете, безъ лѣсу не проживешь... на то Господь далъ человѣку произрастеніе.

При видѣ необозримыхъ пространствъ „графскаго“ лѣса,

обступившаго со всѣхъ сторонъ убогіе крестьянскіе поселки, потонувшіе и затерявшіеся въ зеленомъ морѣ, мнѣ начинало казаться, что въ этихъ разговорахъ заключается не мало вполне справедливыхъ резоновъ.

— Вотъ Ивановцы,—продолжалъ ямщикъ:—бѣда имъ теперь изъ-за лѣсу, прямо зарѣзъ. Конечно, кабы знатъе, побережъ бы имъ свой лѣсокъ: изъ-за него и воровать легче... Ну, не утерпѣли, слѣдовательно... вылучили свой начисто... А какъ вылучили свой, то и графскій сдѣлался отъ нихъ подалѣ... Вонъ она графская грань,—прибавилъ онъ, мотнувъ головой, когда мы стали спускаться подъ гору.

Внизу на днѣ глубокой долины показалась деревня, а кругомъ на необозримое пространство виденъ былъ лѣсъ. Онъ уходилъ далеко, вѣроятно, за предѣлы уѣзда, а можетъ быть и губерніи, и темною полосой синѣлъ на горизонтѣ. Только около деревни виднѣлась голая площадка съ безобразно торчащими пнями, аккуратно отрѣзанная широкой просѣкой отъ графскаго лѣса. Я припоминалъ страшныя цифры, выражающія размѣры этого огромнаго владѣнія, но эти цифры ничего мнѣ не говорили: воображеніе отказывалось представить пространство, выражающееся въ миллионахъ десятинъ.

Лошади, почуявъ близость станціи, помчались бѣшенымъ галопомъ. Черезъ минуту мы вѣзжали въ ворота.

На земскую квартиру прибѣжалъ нѣсколько встревоженный волостной писарь понавѣдаться, кто, откуда и по какимъ дѣламъ „изволили пріѣхать“.

Такъ какъ у меня здѣсь никакихъ дѣлъ не было, то я считывалъ отдохнуть немного, напиться чаю и ѣхать дальше... Разговоръ съ писаремъ весьма скоро перешелъ опять все на тѣ же лѣсныя дѣла... Писарь жаловался на лѣсные порядки, конечно, уже съ своей, писарской, точки зрѣнія.

— Смучились мы окончательно съ этими лѣсными порубками,—говорилъ онъ, присаживаясь на край стула:—протоколы, дознанія, повѣстки... а канцелярія-то вся на мой счетъ... какъ въ котлѣ кипишь... Ну, правда, что и мужики здѣсь обижены, нельзя не воровать,—продолжалъ писарь:—нѣту у нихъ своего лѣсу—поневолѣ воруютъ. Вотъ не угодно ли взглянуть: отсюда видна вся палестина... Вонъ, видите тамъ зеленѣтъ—все тутъ, весь мужицкій лѣсъ... Берегутъ они его пуще глаза... Раздѣлили по

дворамъ... Оно и хорошо... Изъ-за этого лѣску и воровать все-жъ повольготнѣе...

— И большія порубки? — спросилъ я, чтобъ сказать что-нибудь.

— Нѣтъ, по мелочамъ больше... Можно сказать, пустяками занимаются... Здѣсь что! а вотъ у Епишенцевъ, такъ тамъ „помочами“ рубятъ... Ужъ это не то, что воровство, а въ родѣ какъ грабежъ или нападеніе дикихъ корсаровъ на французскій городъ Парижъ... въ родѣ того выходитъ...

— Какъ же такъ?

— А такъ, что идутъ въ лѣсъ большими артелями, какъ войско... Стража, само собой, ужъ тогда и подступиться не смѣетъ... Пришли и сейчасъ за работу: одни рубятъ, другіе возятъ и сваливаютъ лѣсъ во рвы, около рѣчки... Потомъ весной плотятъ плоты и сплавляютъ внизъ по рѣкѣ. Само собой, часть плотовъ конфискуется лѣсною стражей, но все же большая половина уходитъ благополучно... Такъ и живутъ... И то сказать, еслибъ не это, то хоть помирай... Хлѣбъ здѣсь не родится, ремесла никакого не знаютъ, работъ нѣтъ... Только одно и есть, что лѣсъ рубить... Старинные лѣсорубы издревле... Еслибъ у графа было хоть какое-нибудь обзаведеніе, а то вѣдь такъ впустѣ богатства лежатъ: ни себѣ, ни людямъ... Лѣсъ на корню гнѣетъ, безъ всякой пользы гибнетъ... Мужики руды находили богатѣйшія, да все ни къ чему... Что и прежде-то было, и то прекратилось... Конечно, мужикамъ обиднѣе всего, что, значить, пропадай добро такъ зря, дуромъ, а имъ не доставайся—вотъ чтò главное... Оно, пожалуй что, когда и не вовсе благополучно выходитъ: вонъ новѣ цѣлая баталія вышла, трое убитыхъ и нѣсколько человѣкъ изувѣченныхъ... Теперича слѣдствіе идетъ... Само собой, по головѣ за это не поглядятъ.

Я передалъ писарю стаканъ чаю. Онъ принялъ стаканъ, сказалъ „благодарствуйте“ и затѣмъ продолжалъ:

— Правда, что ежели и свой лѣсъ есть у которыхъ, то и его истребляютъ нещадно... жалость смотрѣть!.. У Чухаревцевъ какой лѣсъ былъ! И берегли его: выбрали сторожей, знаки имъ у начальства выхлопотали... Однако, въ концѣ концовъ не утерпѣли: сразу весь выпластали. Еще на свѣту старшина проѣзжалъ, стоялъ лѣсъ, какъ лѣсъ, а поѣхалъ обратно — что за оказія!—чисто! одни пни торчатъ... Въ одинъ моментъ лѣсу не стало...

— Но чтò случилось, что общество такъ круто измѣнило своей бережливости?

— А ничего... потому бараны... Мужиченко одинъ: „Что, говорить, это такое что изъ-за своего лѣса мы эдакъ маемся... Наплевать“, говорить... Да и пошелъ въ лѣсъ съ топоромъ, за нимъ другой, третій, а тамъ и вся деревня... Послѣ слѣдствіе, судъ... Судили сторожей, а что сторожа?.. Они и сами рубили вмѣстѣ съ прочими.

„Утромъ былъ лѣсъ, а вечеромъ не стало“. Разсказъ словоохотливаго писаря показался мнѣ необычайщиной. Но вскорѣ я долженъ былъ измѣнить свое мнѣніе.

Нѣкоторое время спустя, я снова былъ среди лѣса, въ деревнѣ Небаевкѣ. Время было около полудня. Я сидѣлъ у старосты за самоваромъ и поддерживалъ разговоръ о деревенскихъ „грѣхахъ“.

— Тяжело на міру жить, ваше благородіе,—вздыхая говорилъ староста:—потому какъ, извините, каждый грозитъ тебѣ непріятность сдѣлать... А тутъ начальство... оно требуетъ строгости, закону...

Староста повелъ рѣчь опять о графской стражѣ, о полѣсовщикахъ, о протоколахъ, о какомъ-то „мертвякѣ“, оказавшемся въ лѣсу у свѣжей порубки... Бесѣда наша затянулась. Я разсѣянно слушалъ и смотрѣлъ въ окно, откуда теплый, пропитанный бальзамическимъ лѣснымъ ароматомъ вѣтерокъ струился легкой волной. Была весна. На бугрѣ яркой зеленью пробивалась молодая травка.

Къ окну подошелъ какой-то мужикъ и, увидѣвъ меня, попятился назадъ. Онъ былъ въ синемъ балахонѣ домашняго издѣлія, перетянутомъ широкимъ кожанымъ поясомъ. Къ поясу была прикрѣплена желѣзная скоба, а въ скобѣ висѣлъ топоръ. Это традиціонное одѣяніе лѣсорубовъ, а безъ топора здѣшній мужикъ не дѣлаетъ ни одного шагу изъ дому.

— Чего тебѣ, Василій Ивановичъ?—спросилъ староста.

Василій Ивановичъ былъ сильно взволнованъ. Прежде чѣмъ вымолвить слово, онъ замахалъ руками, заморгалъ глазами, захлебывался и заикался, и вдругъ заговорилъ быстрой скороговоркой, точно его прорвало:

— Я тебѣ, староста, докладываю.... вотъ докладываю тебѣ, какъ хошь... при баринѣ докладываю... На Ваничевыхъ ребятъ докладываю... Они Поляковский садокъ рубятъ, ужъ, почитай, весь вырубилъ—вотъ чтò!.. Ты староста... ты долженъ... какъ это можно!.. ты долженъ смотрѣть...

Староста при словѣ „садокъ“ вытащилъ изъ кармана и надѣлъ на себя знакъ, потомъ торопливо сталъ одѣваться. Уже опоясавшись и нахлобучивъ шапку, онъ вспомнилъ обо мнѣ и сказалъ:

— Пойдемъ съ нами... Можетъ, хоть тебя посторожатся маленько.

Мы вышли... Василій Ивановичъ бѣжалъ впереди. Мы страшно торопились, и черезъ минуту уже были за деревней. Куда мы бѣжимъ, зачѣмъ торопимся—я ничего не понималъ и даже почему-то не догадался спросить у старосты.

— Отъ Соколычатъ все это пошло,—на ходу, запыхавшись, говорилъ староста:—все отъ нихъ отъ поддыхъ... Ахъ, ты, Господи!.. Нейдется окаяннымъ!.. И старосту, и сторожевъ подъ судъ отдали...

Староста, задыхаясь, отрывочными фразами рассказалъ исторію Соколинцевъ, которые „помочью“ вырубили лѣсъ, а послѣ судились за это...

А вотъ и роща показалась впереди или, вѣрнѣе, лѣсная опушка, за которой трудно было угадать величину лѣсной площади: можетъ быть, лѣсъ тянулся на десятки верстъ, а можетъ быть, кончался тутъ же гдѣ-нибудь за полъ-версты. Изъ рощи неся неопредѣленный шумъ, drobный стукъ топоровъ и гулъ человѣческихъ голосовъ.

Перваго, кого мы увидѣли въ рощѣ, это Василя Ивановича, который безъ шапки старался съ топоромъ въ рукахъ около большой стройной ели. Онъ рубилъ съ ожесточеніемъ, съ выраженіемъ отчаянности на лицѣ, и потъ лился съ него градомъ. Староста куда-то исчезъ, а я, подвинувшись влѣво, очутился въ самомъ центрѣ свалки.

Тутъ были уже не одни „Ваничевы ребята“, а по крайней мѣрѣ полъ-деревни. Десятки здоровыхъ мужиковъ взмахивали топорами и „береженный“ ельникъ со скрипомъ и стономъ валился на землю... Бабы очищали отъ сучьевъ свалившіяся на земь деревья, точно потрошили трупъ убитаго животнаго... Всѣ молчали или же перекидывались вполголоса односложными фразами, въ родѣ: „вотъ это вали“, „зачищай“... и т. п. Раздавался трескъ, гулъ да крикъ испуганныхъ птицъ... Старосты нигдѣ не было... Я не совсѣмъ понималъ того впечатлѣнія, какое произвело на „самовольщиковъ“ мое появленіе: повидимому, они были нѣсколько удивлены, и только нѣкоторые остановились рубить и подошли ко мнѣ. У меня невольно вырвался цѣлый

рядъ вопросовъ, пожалуй, криковъ: Что случилось? почему такое безобразіе? кто позволилъ и проч. Никто мнѣ не отвѣчалъ. Мужики съ недоумѣніемъ переглядывались. Наступившее молчаніе было прервано руганью бабы, которая, раскраснѣвшись и захлебываясь собственнымъ говоромъ, тащила за шиворотъ какого-то дряхлаго старика, при этомъ достаточно выпившаго. А за ними шель молодой парень и старался перекричать бабу. Я понялъ только, что кто-то погорѣлъ, кто-то купилъ лѣсъ на избу, кого-то напоили.

— Мошенники! разбойники!.. разорили!.. обокрали!.. Будьте вы, анаемы, со свѣту прокляты!—кричала баба.

Старикъ улыбался блаженной улыбкой, бормоталъ что-то непонятное и даже пробовалъ плясать, чѣмъ вызвалъ всеобщій хохотъ... Въ концѣ концовъ онъ упалъ мнѣ въ ноги и сталъ просить прощенія. Скоро подошелъ староста, который и выяснилъ мнѣ все дѣло. Старикъ это и есть Поляковъ, который почему-то считался хозяиномъ рощи, хотя роща собственно не его, а общественная. Дѣло въ томъ, что домъ Поляковыхъ—когда-то богатый—имѣлъ пчелъ и фактически владѣлъ рощей для пасѣнки. Давность сдѣлала свое дѣло, и общество какъ бы перестало считать лѣсъ своимъ. Не трогалъ лѣсъ и Поляковъ: роща была, такимъ образомъ, „береженой“. Нашлись, однако, какіе-то „Ваничевы ребята“, которымъ послѣ пожара нуженъ былъ лѣсъ и которые нарушили это юридическое состояніе „ничьего“ лѣса. Они подпоили старика Полякова и убѣдили его продать имъ лѣсу на избу. Когда они начали рубить и нарубили уже и на амбаръ, и на избу, за ними пошли и другіе, и третьи, а наконецъ и весь конецъ деревни...

Мало-по-малу насъ окружили со всѣхъ сторонъ плотнымъ кольцомъ. Преобладало юмористическое настроеніе. Подтрунивали надъ старикомъ, и временами воздухъ оглашался дружнымъ хохотомъ.

Происшествіе требовало дознанія по формѣ. Поэтому мы, т.-е. староста, я и нѣсколько сотскихъ и десятскихъ, пошли въ деревню для составленія протокола и описи вывезеннаго Ваничевыми ребятами лѣса. Въ рощѣ для порядка остался одинъ десятскій.

Лѣсъ, самовольно срубленный Ваничевыми, былъ сосчитанъ и описанъ, попутно сосчитали и у другихъ. Староста былъ мраченъ и неразговорчивъ: повидимому, предвидѣлъ впереди что-то не вполне ладное.

Черезъ часъ я уѣхалъ изъ деревни. Въ ту же ночь снова въ роцѣ пришли мужики, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ, которые не поспѣли днемъ, уже съ пилами, чтобъ не производить шума, и свалили остатки Поляковской роцѣ. Объ этомъ я узналъ уже въ городѣ. Староста составилъ протоколъ, но это не освободило его отъ суда.

Д. У.

СТАРАЯ ШКОЛА.

(Изъ воспоминаній).

Обычный на Уралѣ заводскій видъ: обширный прудъ, съ двухъ сторонъ обрамленный домами заводскихъ жителей, замкнутый съ третьей стороны плотиною. Внизу, подъ горой расположены закоптѣлыя фабрики, съ трубами, вѣчно выпускающими клубы черного дыма. Рѣчка, пройдя черезъ плотину и достаточно загрязнившись отъ колесъ, турбинъ и разныхъ водосточковъ, набурливъ и напѣнившись въ подневольныхъ каскадахъ, выбивается, наконецъ, на свободу и тихой струей разливается по зеленымъ лугамъ, постепенно сбрасывая съ себя слѣды недавняго заточенія. Со стороны, противоположной плотинѣ, за прудомъ виднѣются острова, покрытые вѣчно-зеленымъ хвойнымъ лѣсомъ, а дальше, за ними, прудъ теряется изъ вида въ безконечныхъ извилахъ. На одной изъ сторонъ пруда церковь, окруженная оградой, и здѣсь на самомъ припѣкѣ чернѣютъ могильныя плиты и возвышаются кресты съ надписями, то краткими, то растянувшимися въ длинную эпитафію. Ни одного деревца не стоитъ здѣсь, все открыто, точно въ степи,—заводскій народъ не любитъ садовъ. Не подалеку отъ церкви идутъ главные улицы съ тремя-четырьмя каменными домами заводской знати и съ деревянными одноэтажными однообразнаго типа домами „служащихъ“; и чѣмъ дальше, тѣмъ постройки идутъ хуже, заканчиваясь на окраинахъ совсѣмъ разваливающимися хибарками бѣдняковъ. Среди этихъ незатѣйливыхъ построекъ то тамъ, то здѣсь выдается домъ мѣстнаго лавочника, окрашенный въ какую-нибудь вычурно яркую краску, да на горѣ, гдѣ происходитъ базаръ по воскресеньямъ, виднѣются нѣсколько лавокъ съ краснымъ товаромъ и принад-

лежностями скромнаго домашняго обихода. На другой сторонѣ пруда нестройными рядами стоятъ покосившіеся и вкось, и вкривъ дома, преимущественно, рабочаго люда. Вотъ и вся несложная картина заводскаго поселенія, какихъ не мало разбросано по Уралу на его высокихъ склонахъ.

Центромъ завода, какъ въ прямомъ, такъ и въ переносномъ значеніи слова, слѣдуетъ считать заводское правленіе, двухъэтажное зданіе, казарменнаго вида, каменное, выбѣленное, съ вышкой для пожарнаго сторожа. Въ верхнемъ этажѣ помѣщается собственно правленіе, т.-е. то административное учрежденіе, которое вѣдаетъ всѣ заводскія дѣла, распоряжается всѣми заводскими дѣйствіями, нанимаетъ и увольняетъ служащихъ и рабочихъ и вершитъ ихъ судьбу. Здѣсь цѣлая іерархическая лѣстница, внизу которой находятся писаря и другая канцелярская челядь, не имѣющая своего сужденія, а только изъ года въ годъ переписывающая разные отношенія, отчеты, вѣдомости и проч., а вверху — члены правленія, возсѣдающіе въ особой комнатѣ, за столомъ съ краснымъ сукномъ, и, наконецъ, глава всей этой сложной машины — управитель, который, впрочемъ, рѣдко показывается въ правленіи, а рѣшаетъ всѣ дѣла на дому, въ своемъ кабинетѣ, какъ *deus ex machina*. Вся эта служебная лѣстница представляетъ сложную, но стройную систему, и восхожденіе по ней совершается медленно, путемъ долгаго просиживанія стульевъ и неукоснительнаго чинопочитанія. Въ другой части верхняго этажа помѣщается школа, состоящая изъ двухъ обширныхъ комнатъ безъ прихожей. Каждое утро сюда стекается толпа ребятшекъ и своимъ неугомоннымъ крикомъ наполняютъ всю эту половину. Однако прочныя стѣны стариннаго зданія и большой корридоръ не позволяютъ этому шуму проникать въ комнаты правленія и нарушать административное священнодѣйствіе.

Внизу, за рѣшетками и крѣпкими дверями помѣщается касса, постоянно охраняемая сторожами, а въ другой половинѣ нижняго этажа... театръ. Да, театръ, гдѣ служащіе на святкахъ упражнялись въ сценическомъ искусствѣ, разыгрывая „Ворону въ павлиньихъ перьяхъ“ и „Филатку и Мирошку“. Какъ ни разнообразны были элементы, заключенные въ этомъ обширномъ зданіи, но они не спутывались между собою и, повидимому, другъ другу не мѣшали. Съ Олимпа, гдѣ возсѣдала заводская администрація, шли приказанія о заготовкѣ угля, о доставкѣ руды, о рубкѣ лѣса и т. д.; кассиръ угрюмо сидѣлъ за рѣшеткой и считалъ хозяйскія деньги; школьники гудѣли, какъ пчелы въ ульѣ, а по праздникамъ зимой открывался храмъ Мельпомены, и на

сценѣ появлялись лицедѣи изъ мѣстной интеллигенціи, улаждая зрѣніе и слухъ скучающей заводской публики.

Школа по числу классовъ занимала двѣ большихъ комнаты, загроможденныхъ такъ, что у стѣнъ едва оставались свободные проходы. У одной изъ узкихъ стѣнъ первой комнаты стояла кафедра, съ высоты которой учитель могъ обозрѣвать свой обширный классъ. На стѣнахъ висѣли печатныя таблицы для взаимнаго обученія, да въ углу стояла классная доска, — вотъ и всѣ принадлежности немудреного ученія для начинающихъ. Все это носило довольно унылый казенный отпечатокъ; не было даже такихъ простѣйшихъ приспособленій, какъ вѣшалки для верхняго платья, и ученикамъ предоставлялось сбрасывать его въ общую кучу въ уголъ, а по окончаніи занятій извлекать оттуда общими силами.

Второй классъ былъ меньшаго размѣра, потому что многіе свое образованіе кончали первымъ классомъ. Здѣсь на стѣнахъ были картины изъ русской исторіи, учитель сидѣлъ за небольшимъ столомъ, — вотъ и вся разница. Полный курсъ кончали не всѣ, — много званыхъ, но мало избранныхъ, и прямой путь для этихъ избранныхъ обыкновенно былъ въ правленіе, гдѣ долгимъ и упорнымъ трудомъ служащіе постепенно переходили изъ ничтожества къ рангамъ высшаго разряда. Ученики были преимущественно изъ рабочаго класса — мастеровыхъ, и только нѣсколько человѣкъ изъ семей служащихъ или такъ называемыхъ „приказныхъ“. Одѣвались они большею частію очень бѣдно: лѣтомъ рубаха и штаны изъ синяго холста, безъ обуви, а зимой, кромѣ того, онучи и лапти, сверху — сѣрый зипунъ. Дѣти успѣвали дома насмотрѣться на всякую всячину, на пьянство и буйство родителей, и уже съ раннихъ лѣтъ были знакомы со многими недозволенными для ихъ возраста вещами; они были грубы и бойки на видъ, но въ сущности это были очень трусливые, запуганные звѣрки, до безпамятства боявшіеся всякаго начальства, подъ которымъ подразумѣвались всѣ, кто былъ одѣтъ по-господски. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, т.-е. болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, школой завѣдывали два учителя. Земства тогда еще не было, и потому эти учителя содержались отъ заводоуправленія, которому и были до извѣстной степени подчинены. Одинъ изъ нихъ происходилъ изъ семьи, до чрезвычайности бѣдной, жившей въ маленькой хибаркѣ, и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, онъ мало пользовался положеніемъ въ высшихъ кругахъ мѣстнаго общества. Это былъ высокій, худощавый блондинъ съ прыщеватымъ лицомъ и хрип-

лымъ голосомъ. Образованіе онъ получилъ небольшое, окончивши курсъ приходскаго училища. Онъ, между прочимъ, былъ скрипачъ и потому его приглашали вмѣстѣ съ другимъ музыкантомъ—виолончелистомъ на вечеринки. Зная его любовь къ выпивкѣ, за нимъ строго слѣдили, но все же, проигравъ нѣсколько кадрий, онъ оказывался навеселѣ, а къ концу вечера былъ уже совсѣмъ пьянъ, и его отвозили домой, завернувъ вмѣстѣ со скрипкой, какъ мертвое тѣло. Въ просторѣчьи его называли Юдкой, такъ какъ его имя было Іуда Аванасьевичъ.

Приемы при обученіи письму были довольно упрощены. Первая парта писала на пескѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Собственно, это была и не парта, а доска шириною около четверти съ закраинами и двумя желобками, между которыми и писались буквы. На этой доскѣ былъ насыпанъ мелкій песокъ, который выравнивался дощечкой; потомъ по желобкамъ проводились вверху и внизу строки—черты посредствомъ желѣзной палочки, и письмо производилось такими же палочками, расширенными на одномъ концѣ лопаточкой. Каждый ученикъ писалъ на пространствѣ, какое соотвѣтствовало его сидѣнью; затѣмъ, когда всѣ ученики закончатъ свою строку, старшій ученикъ провѣрить написанное, песокъ вновь выравнивался и писаніе начиналось тѣмъ же манеромъ. Сколько при этомъ глоталось пыли, сколько лѣзло ее въ глаза—въ расчетъ не принималось.

Слѣдующія парты писали на грифельныхъ доскахъ, обыкновенно сломанныхъ на куски, при чемъ на долю младшихъ учениковъ приходились кусочки не болѣе 2—3 квадратныхъ вершковъ. На послѣднихъ партахъ писали уже на бумагѣ гусиными перьями. Ученики разсаживались по количеству знаній и переходили съ парты на парту, по мѣрѣ ихъ увеличенія. При каждой партѣ находился ученикъ, болѣе преуспѣвшій въ наукахъ, и руководилъ занятіями; онъ диктовалъ, исправлялъ написанное и, наконецъ, училъ читать.

Обученіе чтенію производилось по таблицамъ, развѣшаннымъ по стѣнамъ. Для каждой парты полагалась таблица, съ написанными на ней буквами, складами, словами и, наконецъ, цѣлыми изреченіями. Но такъ какъ требовался порядокъ и при размѣщеніи учениковъ у таблицъ, то употреблялся слѣдующій приемъ: когда наступало время для чтенія, дежурный у парты командовалъ громкимъ голосомъ: „Первая парта встать!.. Первая парта, направо, маршъ!“ И ученики этой парты шеренгой, одинъ за другимъ, направлялись подъ командой дежурнаго къ таблицѣ. Затѣмъ отводилась такимъ же образомъ вторая парта,

третья и т. д., пока весь классъ не располагался кругомъ стѣнъ у соотвѣствующихъ таблицъ. Тогда начиналось ученіе. Читали всѣ сразу, громко, стараясь перекричать другъ друга, и можно вообразить, какой хаосъ водворился въ классѣ? По окончаніи занятій ученики распускались также парта за партой, по особой громогласной командѣ.

Благодаря такой системѣ обученія, гдѣ каждая группа учениковъ имѣла своего руководителя изъ старшихъ товарищей, гдѣ всѣ приемы сводились къ командѣ, какъ у солдатъ, учителю оставалось мало дѣла; онъ могъ, заведя всю эту машину, сидѣть на своей каѳедрѣ и спокойно наблюдать за всѣмъ происходившимъ, по временамъ только спрашивая уроки и принимая устные рапорты отъ дежурныхъ о состояніи „ввѣренной ему“ парты и выслушивая ихъ жалобы на шалости и непослушаніе учениковъ. Какъ возмездіе за проступки, примѣнялась цѣлая система наказаній, но объ этомъ скажемъ потомъ.

Такъ шло время, ученикамъ предоставлялось учиться подъ руководствомъ дежурныхъ, переходить съ парты на парту, до тѣхъ поръ, пока не накапливалось столько знаній, что можно было перевести ихъ послѣ экзамена во второй классъ. Это достигалось, впрочемъ, не скоро, во всякомъ случаѣ проходило нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, ученикъ, если у него хватало терпѣнія, могъ разсчитывать на переводъ. Большинство же, не постигнувъ всей мудрости, выходили изъ школы, не окончивъ курса. Прохожденіе перваго класса давало умѣнье читать, писать и считать, т.-е. первыя четыре ариметическія правила. Къ этому надо присоединить нѣсколько молитвъ и начало священной исторіи, которымъ обучалъ священникъ.

Второй классъ представлялъ изъ себя болѣе семейную картину. Учениковъ здѣсь было сравнительно немного, человекъ 20. Здѣсь не было этихъ разводовъ, маршировки, всеобщаго галдѣнія передъ таблицами; учитель, Семенъ Николаевичъ, болѣе осмысленно относился къ дѣлу и пользовался большимъ уваженіемъ какъ среди учениковъ, такъ и въ обществѣ. Возрастъ учениковъ здѣсь былъ отъ 12-ти до 16-ти лѣтъ, но науки все же шли не далеко: дѣло кончалось русской грамматикой, арифметикой, священной исторіей и начатками катехизиса. Впрочемъ, давались еще нѣкоторыя понятія объ исторіи и географіи.

Обращеніе съ учениками было самое „простое“. Вызываетъ, положимъ, Іуда Аванасьевичъ ученика къ каѳедрѣ отвѣчать урокъ. Ученикъ путается и отвѣчаетъ плохо. Тогда учитель, молча, не говоря ни слова, ударялъ ученика книгой по головѣ. Если это

предостереженіе не помогало и продолженіе отвѣта было столь же слабо, то учитель, также молча, приступалъ къ дранью за уши или за волосы, и въ концѣ концовъ провинившійся ставился на колѣни въ уголь.

Это битіе по головѣ и дранье за уши было настолько обычнымъ явленіемъ, что оно никого не смущало, и занятія отнюдь не нарушали своего теченія. Если на какой-либо партѣ многіе не знали урока или знали плохо, то доставалось и дежурному то же самое наказаніе.

Учитель второго класса, Семень Николаевичъ, также не мало дралъ за уши. Но законоучитель не прибѣгалъ къ этой мѣрѣ, онъ изобрѣлъ свою особенную, такъ называемыхъ „рябчиковъ“. Батюшка подзывалъ къ себѣ провинившагося ученика, приказывалъ ему наклонить голову и начиналъ мелкими щипками драть волосы, подражая тому, какъ ощипываютъ рябчиковъ. Этой выдумкой онъ весьма гордился: и больно, и слѣдовъ никакихъ не остается! Развѣ только ученикъ лишится нѣсколькихъ клочковъ волосъ. Поплачетъ, похнычетъ да и перестанетъ.

Было еще одно своеобразное наказаніе, это — лапти. Въ шкафу, между запасами бумаги, карандашей и другихъ классныхъ принадлежностей, хранились большіе и старые лапти. Ихъ надѣвали на ученика, отличавшагося большой и хронической лѣнностью, и заставляли ходить кругомъ обоихъ классовъ, въ назиданіе прочимъ, а иногда высылали и въ корридоръ, чтобы проходящіе въ правленіе служащіе также могли видѣть, какъ наказывается порокъ.

Но особенно рѣзкое, удручающее впечатлѣніе на всѣхъ учениковъ производило наказаніе розгами. Іуда Аѳанасьевичъ дралъ часто и беспорядочно, что называется, направо и налево. Достаточно было получить нѣсколько единицъ за плохое ученіе или очень зашумѣть во время класса, тотчасъ же отдавалось грозное приказаніе: „розогъ!“ Розги тоже хранились въ шкафу; длинные, упругіе прутья березы, связанные штукъ по пяти вмѣстѣ—это орудіе производило магическое дѣйствіе на всѣхъ школьниковъ уже однимъ своимъ видомъ: какъ только учитель объявлялъ свое рѣшеніе произвести экзекуцію, весь классъ притихалъ, шумъ исчезалъ какъ бы по волшебству, и всѣ замирали въ ожиданіи чего-то страшнаго. Для исполненія наказанія назначался какой-нибудь ученикъ изъ старшихъ. Присужденный ложился тутъ же на полъ у доски, обнажался у всѣхъ на виду и, по командѣ учителя, розги начинали работать. Ученикъ всхлипывалъ еще до начала наказанія, послѣ перваго же удара онъ

кричалъ во все горло, визжалъ, вылъ, и чѣмъ дальше шло дранье, тѣмъ громче и громче кричалъ наказуемый.

Что дѣлалось въ это время съ учениками, которые были свидѣтелями этой сцены, трудно сказать: то блѣдные, то покраснѣвшіе, съ искаженными чертами лица, съ блестящими глазами, не смѣя громко вздохнуть, сидѣли они и съ замираніемъ сердца слѣдили за всей процедурой. Вотъ осужденный, плача и безсильно ломая руки, падаетъ передъ учителемъ на колѣни, прося о помилованіи, вотъ онъ идетъ къ лобному мѣсту — въ уголъ, еще разъ молить о пощадѣ, вотъ начинается разоблачаться, ложится и ждетъ перваго удара. А палачъ тоже самъ не свой, неловко теребитъ розги, размахивается и даетъ первый ударъ, неумѣлый, легкій, но потомъ, при грозномъ поощреніи учителя изловчается и сыплетъ удары своему товарищу до тѣхъ поръ, пока не услышитъ приказаніе остановиться. Всѣ это видятъ, всѣ слышатъ вопли наказываемаго, среди которыхъ можно только разобрать: „простите, простите, больше не буду!“

Экзекуція кончилась. Заплаканный и истерзанный ученикъ спѣшитъ одѣться, садится на свое мѣсто и, закрывши лицо, долго еще продолжаетъ рыдать. Классъ тоже не можетъ скоро успокоиться, тишина хранится еще долго, урокъ какъ-то разстраивается, — видимо, всѣ потрясены этой сценой и занятія не идутъ уже въ голову.

Такія наказанія розгами были нерѣдки, чуть не каждую недѣлю; однако, повидимому, школьники никакъ не могли привыкнуть къ этимъ сценамъ. Всякій разъ, какъ они совершались, съ классомъ происходило одно и то же, онъ какъ бы оцѣпенѣетъ, какъ будто каждый испытываетъ на себѣ всю боль и весь позоръ наказанія. Даже самые смѣлые изъ школьниковъ, сорванцы, и тѣ притихали и не находили въ себѣ силъ смотрѣть на это хладнокровно.

Во второмъ классѣ розги появлялись рѣдко, разъ-два въ годъ, и здѣсь еще больше замѣчалось удручающее ихъ вліяніе. Наказанный чувствовалъ неимоверный стыдъ и часто изъ-за этого бросалъ даже школу. Случалось такъ, что послѣ наказанія ученикъ переставалъ ходить учиться, странствуя это время гдѣ-нибудь по дорогамъ, скрывая отъ родителей свое несчастіе, а потомъ открывался имъ и настойчиво требовалъ взять его изъ училища. Просьба эта, конечно, исполнялась, и ученіе этимъ оканчивалось.

Но вотъ пришло земство и принесло намъ новыя школы. Дѣти вздохнули свободнѣе.

Но — только дѣти, а ихъ отцы, которыхъ драли въ старой школѣ, и теперь еще продолжаютъ носить на себѣ это позорное пятно...

И вспоминается мнѣ, какъ на одномъ изъ врачебныхъ съѣздовъ въ Перми Евгенія Павловна Серебренникова, всегда отзывчивая къ несчастію другихъ, среди общаго молчанія и тишины увѣреннымъ голосомъ читаетъ свое предложеніе.

„Въ послѣднее время, послѣ серьезныхъ уроковъ холерныхъ и голодныхъ годовъ, весь образованный классъ охваченъ единодушнымъ стремленіемъ поднять культуру народныхъ массъ, и отовсюду слышится голоса за введеніе всеобщаго обученія, на ряду съ другими мѣрами, клонящимися къ просвѣщенію народа“.

„Одновременно съ этимъ вопросомъ всталъ тѣсно связанный съ нимъ вопросъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, особенно для лицъ, получившихъ образованіе въ народной школѣ“.

„Вопросъ этотъ настолько назрѣлъ и наболѣлъ въ душѣ каждаго просвѣщеннаго человѣка, что въ короткое время сдѣлался злобою дня, и по поводу его высказываются земскія собранія, ученыя общества, и пишется въ литературѣ и общей, и медицинской, и юридической, и церковной, и даже въ военной,—статья генерала Драгомирова, въ журналѣ „Развѣдчикъ“, гдѣ онъ говоритъ, что нѣтъ наказанія болѣе противнаго природѣ человѣка, какъ тѣлесное...—Предлагаю уважаемымъ товарищамъ присоединиться къ призыву нашихъ старшихъ собратьевъ и ходатайствовать предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ отъ имени съѣзда врачей о возбужденіи ходатайства со стороны послѣдняго объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія...“

Н. А. Русскихъ.

АРТЕЛИ ГРУЗЧИКОВЪ

Въ настоящемъ очеркѣ мнѣ хочется познакомить читателя, въ общихъ чертахъ, съ одною артельною организаціей, о которой, кажется, еще нигдѣ ничего не говорилось и не писалось.

Это — артель пароходныхъ грузчиковъ. Не знаю, наблюдается ли что-нибудь подобное въ другихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ Сибири и Россіи, но мнѣ лично пришлось познакомиться съ такою артелью только въ Барнаулѣ. Почва, на которой родилась и выросла эта артель, очень недавняго образованія, хотя организація самой артели представляется уже въ достаточно сформировавшемся и окрѣпшемъ видѣ.

Зародилась артель грузчиковъ въ то время, когда, благодаря установившемуся по рѣкамъ Западной Сибири пароходному сообщенію, земледѣльческіе и скотоводческіе продукты Алтая были вовлечены въ круговоротъ общерусскаго и даже международнаго рынка. Въ послѣдніе годы, когда съ проведеніемъ сибирской желѣзной дороги вывозъ хлѣба и другихъ земледѣльческихъ и сырьевыхъ продуктовъ изъ Алтайскаго округа дѣлается все значительнѣе и интенсивнѣе, ростъ артели также замѣтно идетъ впередъ. Въ настоящее время только въ одномъ Барнаульскомъ округѣ хлѣбъ скупается миллионами пудовъ ежегодно и каждую весну, съ открытіемъ навигаціи, отправляется изъ Барнаула, центра мѣстной хлѣбной торговли, десятками баржъ внизъ по теченію Оби до Кривошекова и далѣе до Тюмени, гдѣ кончается сибирскій водный путь и начинается уральскій желѣзнодорожный. Съ усиленіемъ вывоза хлѣба и сырья усилился и спросъ на рабочія руки по нагрузкѣ на суда вывозимаго товара. Это обстоятельство, разумѣется, не могло не отразиться на ростѣ артели. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Барнаулѣ была всего только

одна артель грузчиковъ, которая и удовлетворяла всѣ потребности въ грузовой рабочей силѣ. Въ послѣднее же время, съ оживленіемъ операцій по вывозу хлѣба и другого сырья, этой одной артели оказалось недостаточно. И вотъ, въ отвѣтъ на усиленный спросъ грузовыхъ рабочихъ рукъ, образовалось три новыхъ артели, вполне сходныхъ по организаціи съ своимъ прототипомъ. Изобразить ростъ артелей болѣе детально и обстоятельно, за неимѣніемъ статистическихъ цифровыхъ данныхъ, не представляется возможнымъ и потому пока приходится ограничиться констатированіемъ только одного вышеприведеннаго голаго факта количественнаго возрастанія, несмотря на весь тотъ интересъ, который заключается въ изученіи этихъ организацій.

Объ въ Барнаулѣ очищается отъ льда обыкновенно около середины апрѣля. Съ 15 по 20 апрѣля пароходы и баржи уже готовятся къ навигации. Къ этому же приблизительно времени оканчиваются всѣ зимнія работы на заводахъ и промышленныхъ заведеніяхъ въ городѣ и округѣ. Всѣ рабочіе, оставшіеся безъ работы, стягиваются въ городъ. Здѣсь къ нимъ примыкаютъ безхозяйственные мѣщане, присоединяются бобыли, для которыхъ безразлично, гдѣ бы и чтѣ бы ни работать, лишь бы не быть безъ куска хлѣба; затѣмъ сюда же приходятъ изъ деревень крестьяне, ищущіе заработка до начала страдныхъ работъ. Вотъ изъ этихъ-то элементовъ и составляются артели грузчиковъ. Составъ артелей выходитъ самый разнообразный: тутъ можно встрѣтить и профессиональных заводскихъ рабочихъ, и мѣщанъ, живущихъ случайнымъ трудомъ, и безработныхъ мѣстныхъ крестьянъ, и оторванныхъ отъ родины переселенцевъ изъ разныхъ губерній, и бездомовныхъ бобылей разнаго званія и рода, и даже представителей годъ отъ года возрастающаго киргизскаго пролетаріата. Вся эта „смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній“, неимѣющая прочнаго насижennaго мѣста и постоянно мѣняющая одинъ родъ труда на другой, носитъ на мѣстномъ жаргонѣ характерное названіе „кобылки“. Откуда и какъ получило свое начало это названіе—остается невыясненнымъ, но въ настоящее время оно приобрѣло всѣ права гражданства, и сама „кобылка“ ни чуть не считаетъ себя имъ шокированной. „Одно слово—кобылка“,—говоритъ даже съ чувствомъ нѣкотораго самодовольства ея типичный представитель.

Мѣстомъ сборища „кобылки“ бываетъ обыкновенно платформа на берегу рѣки, около паромныхъ пристаней. Лица, ранѣе входившія въ составъ артелей, являются первыми, какъ уже знакомыя съ артельными порядками и обычаями. За ними приходятъ

новички, желающіе вступить въ артель. Когда желающіе набираются въ количествѣ, достаточномъ для комплектованія артели, всѣ они собираются въ кучку и тотчасъ же принимаются за выборъ должностныхъ лицъ артели—старосты и писаря. Съ выборомъ старосты и писаря артель является уже вполне сформировавшимся органическимъ цѣлымъ, и дальнѣйшее вступленіе въ нее сопровождается нѣкоторыми формальностями. Отъ желающаго вступить въ артель послѣ окончательнаго сформированія ея прежде всего требуется рекомендація кого-либо изъ дѣйствительныхъ членовъ артели, а затѣмъ вопросъ о приѣмѣ его передается на обсужденіе всей артели, отъ рѣшенія которой вполне зависитъ участь просителя. Если артель находитъ, что для нея нужны постоянныя рабочія руки, она принимаетъ просителя въ свою среду, въ противномъ же случаѣ отказываетъ ему въ приѣмѣ.

Количество членовъ въ артеляхъ бываетъ неопредѣленно: въ однѣхъ артеляхъ оно доходитъ до 600 человѣкъ, въ другихъ же спускается до 100, до 50, смотря по количеству работъ, на полученіе которыхъ артель имѣетъ положительныя основанія надѣяться. Съ приближеніемъ страднаго времени значительная часть артельщиковъ, преимущественно крестьяне, расходится на полевныя работы, и въ артели остаются только субъекты, совершенно освободившіеся отъ „власти земли“, такъ что и въ каждой данной артели число членовъ бываетъ непостоянно.

Староста и писарь выбираются ежегодно на весь рабочій сезонъ, но артель оставляетъ за собою право смѣнить ихъ и въ теченіе сезона, если она найдетъ это нужнымъ по какимъ-либо соображеніямъ. Лица, заслужившія уваженіе и довѣріе со стороны артели своими умственными и моральными качествами, порядительностью и добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, выбираются кряду нѣсколько сезоновъ. Такъ, въ послѣднее время въ одной артели уже три года подъ рядъ выбирается старостой запасный рядовой С. О. Говоровъ, а писаремъ В. Е. Казанцевъ.

Права и обязанности старосты и писаря строго опредѣленны. Ни тотъ, ни другой личнаго непосредственнаго участія въ работахъ по нагрузкѣ не принимаютъ, хотя пользуются правомъ на полученіе одинаковой со всѣми прочими членами доли изъ заработанныхъ денегъ. Специальной и исключительной обязанностью старосты служитъ наблюденіе за порядкомъ и общимъ ходомъ работъ по нагрузкѣ и посредничество при всякаго рода сношеніяхъ и договорахъ съ работодателями. Староста наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы члены артели не уклонялись отъ исполненія по-

рученныхъ имъ работъ, вмѣстѣ съ писаремъ дѣлаетъ имъ повѣрку, затѣнившихся приглашаетъ къ труду, шабашить работы, разбираетъ мелкія ссоры и недоразумѣнія между артельщиками, налагаетъ на провинившихся штрафъ и проч. Сношенія съ работодателями староста ведетъ не единолично, а всегда въ присутствіи писаря и двухъ или трехъ депутатовъ отъ артели. Давать лично отъ себя за всю артель какія-либо обязательства или заключать условія староста не въ правѣ; артель сами диктуетъ условія, сама принимаетъ или не принимаетъ сдѣланныя ей работодателями предложенія; староста же, являясь представителемъ артели, только объявляетъ ея рѣшенія и отстаиваетъ ея интересы. Наконецъ, староста вмѣстѣ съ писаремъ подписываетъ отъ лица артели условія съ работодателями и расписывается въ конторскихъ книгахъ въ полученіи заработанныхъ денегъ.

Въ каждой артели имѣется своя цѣлая контора, на содержаніе которой отчисляется извѣстный процентъ изъ валовой суммы заработка. Веденіе конторскихъ книгъ и дѣлъ составляетъ исключительную обязанность писаря. Онъ ведетъ табель рабочимъ днямъ артельщиковъ, отмѣчаетъ прогульные дни, усчитываетъ приходъ и расходъ заработковъ, одновременныя выдачи, штрафы, производитъ раскладку и вообще исполняетъ все письменныя и бухгалтерскія работы по дѣламъ артели.

Сформировавшись, артель немедленно приступаетъ къ переговорамъ съ работодателями—пароходными конторами—относительно вознагражденія за работы по нагрузкѣ. Впрочемъ, плата за нагрузку по первымъ тремъ рейсамъ болѣе или менѣе постоянна. Единицей оплаты служитъ 1000 пудовъ клади. По первому рейсу артель обыкновенно договаривается грузить кладь по 5 руб. съ тысячи пудовъ, по второму—по 7 руб., по третьему—по 9 руб. На слѣдующій, послѣдній, рейсъ опредѣленной цифры не существуетъ: артель беретъ съ конторы столько, сколько позволяютъ взять обстоятельства, но во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ за предыдущіе рейсы. Такое прогрессивное возрастаніе платы за нагрузку по рейсамъ объясняется тѣмъ, что чѣмъ ближе рейсъ къ лѣтнимъ полевымъ работамъ, тѣмъ менѣе свободныхъ рабочихъ рукъ въ городѣ: большинство рабочихъ расходится по деревнямъ и спросъ на нихъ въ городѣ превышаетъ предложеніе.

Весеннее начало работъ артели обставляется нѣкоторою торжественностью. Прежде чѣмъ приступить къ работамъ, артель отправляетъ нѣсколько человекъ изъ своей среды въ церковь просить священника отслужить молебенъ и принести иконы. На молебенъ приглашаются почетныя лица въ городѣ: городской го-

лова, исправникъ, мѣщанскій староста и проч. Послѣ молебна, который служится тутъ же на площади, гдѣ производится на-грузка, артельный староста разбиваетъ артель на группы, по роду и мѣсту предстоящихъ работъ; каждой группѣ назначаетъ особаго подстаросту, который во все время работы данной группы носить по отношенію къ ней права и обязанности старосты, и отдаетъ приказъ начинать работы.

Въ первые два рейса грузятся обыкновенно почти одинъ только хлѣбъ, въ послѣдующіе же рейсы кромѣ хлѣба нагружаются и другіе сырьевые товары: масло, орѣхъ, кожи, просо, куделя, шубы (извѣстныя „барнаулки“), пимы и проч. По возвращеніи пароходовъ и баржъ изъ Тюмени и Томска та же артель приглашается къ разгрузкѣ. По обратному рейсу въ Барнаулъ обыкновенно сплавляются изъ Кривошекова и Тюмени товары, набранные въ Москвѣ и на Ирбитской и Нижегородской ярмаркахъ. Цѣны по разгрузкѣ стоятъ на одномъ уровнѣ съ грузовыми даннаго рейса.

Ежедневная грузовая работа начинается съ 5—6 часовъ утра и оканчивается около 8—9 вечера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда контора по какимъ-либо соображеніямъ проситъ ускорить нагрузку, рабочій день затягивается и до 10—11 часовъ ночи. За такія сверхсрочныя работы артель получаетъ съ конторы добавочное вознагражденіе сверхъ договорной платы. Въ продолженіе дня дѣлается два получасовыхъ перерыва для завтрака и „паужна“ (второй завтракъ) и одинъ полуторачасовой для обѣда съ отдыхомъ. Кромѣ того смѣнный порядокъ работъ даетъ грузчикамъ возможность пользоваться короткимъ роздыхомъ по нѣскольку разъ въ день. Выполнить каждая смѣна свою работу и, пока работаетъ другая, отдыхаетъ. Снесутъ, напр., 10 человѣкъ съ вѣсовъ по кулю и становятся въ сторону, пока дѣлаютъ тоже самое другіе десять человѣкъ. Но при всемъ томъ работа бываетъ очень тяжела и утомительна. Случаются дни такой жаркой, спѣшной работы, когда на каждого грузчика приходится даже по 1.000 пудовъ! 500 пуд. въ день—постоянная работа, а меньше 250—300 пуд. въ день работы никогда не бываетъ. Нужно страшное напряженіе мускуловъ всего организма, чудовищную выносливость и желѣзную спину, чтобы перетаскать эти 500—1.000 пуд. пятипудовыми кулями!

Не малымъ облегченіемъ при такомъ каторжномъ трудѣ служить для артельщиковъ обыкновеніе строго сообразоваться при утреннемъ ежедневномъ распредѣленіи работъ съ ихъ сравнительною трудностью. Той группѣ, которая наканунѣ была наря-

жена на тяжелую работу, сегодня дается болѣе легкая и наоборот. Значеніе такого регулирующаго трудъ порядка прекрасно сознаютъ всѣ грузчики и всегда безпрекословно ему подчиняются.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда артели предстоитъ очень трудная и горячая работа и когда артель сознаетъ, что ей одной не справиться съ ней собственными силами, но въ то же время и не желаетъ, чтобы комплектъ ея увеличился приѣмомъ новыхъ постоянныхъ членовъ, она приглашаетъ въ помощь себѣ обыкновенныхъ поденщиковъ, платя имъ всегда опредѣленную сумму—1 рубль въ сутки.

Выходить на работу обязаны всѣ члены артели безъ исключенія; никакихъ прогульныхъ дней не полагается. Исключеніе дѣлается только для больныхъ, но и то въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенно же и отъ больного требуютъ поденщика, который бы замѣнилъ его на работѣ. Только въ этомъ случаѣ больные не теряютъ права на полученіе одинаковой съ другими доли общаго заработка. Выставлять вмѣсто себя поденщика съ правомъ полученія равной со всѣми части заработка дозволяется также въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо неотложныя семейныя или другія обстоятельства лишаютъ артельщика возможности лично явиться на работы. Но такого снисходительнаго отношенія со стороны артели не видятъ къ себѣ „загулявшіе“. Обыкновенно каждый прогульный день такого слишкомъ увлекающагося артельщика артель возмѣщаетъ штрафомъ, равнымъ суммѣ дневного заработка. Это—въ первый разъ; въ послѣдующіе же разы штрафъ увеличивается до очень почтенныхъ размѣровъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда артель видитъ, что система штрафовъ не оказываетъ желаемаго дѣйствія на загулявшаго артельщика, она прибѣгаетъ къ рѣшительной мѣрѣ—исключаетъ его изъ своихъ членовъ.

Заработки артели за каждый рейсъ достигаютъ до очень солидной цифры—отъ 2 до 3 и болѣе тысячъ рублей. Сюда же, въ общій артельный фондъ, причисляются и всѣ частныя заработки, выпавшіе на долю артельщиковъ во время свальной грузовой работы, напр., отъ переноса пассажирскаго багажа и др. Никто изъ артельщиковъ, случайно заработавшій въ это время на какой-либо сторонней работѣ нѣсколько копѣекъ, не въ правѣ удержать ихъ у себя. Виновныхъ въ утайкѣ этого заработка наказываютъ штрафомъ въ размѣрѣ, иногда вдвое превышающемъ утаенное. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда заработокъ пріобрѣтенъ артельщикомъ въ промежутокъ времени, свободнаго отъ грузо-

выхъ работъ, артель не выражаетъ на него никакихъ притязаній и онъ поступаетъ въ полное распоряженіе своего владѣльца.

Всѣмъ поступленіямъ въ кассу артели и расходованіемъ изъ нея ведется строгій учетъ на началахъ широкой гласности. Ни одна копѣйка не ускользаетъ отъ общаго учета. Приходорасходныя книги артели постоянно открыты для всякаго, желающаго провѣрить правильность ихъ веденія, и никогда не бывало, чтобы кто-нибудь находилъ въ нихъ какую-либо серьезную погрѣшность.

Раздѣлъ заработка производится послѣ окончанія работъ, когда староста, въ сопровожденіи писаря и депутатовъ, сходитъ въ контору и получить деньги. Дѣлежъ производится тутъ же, на пристани. Дѣлится заработокъ между всѣми членами артели поровну, исключеній никакихъ никому не дѣлается. Писарь со старостой выходятъ на средину площади и громко объявляютъ всей артели сумму грузового заработка, сумму штрафовъ, сумму частныхъ заработковъ, производить повѣрку посредствомъ опроса оштрафованныхъ и внесшихъ въ кассу частный заработокъ и затѣмъ подводить итогъ прихода. Такимъ же порядкомъ производится повѣрка расходныхъ статей и подводится итогъ всего расхода. Тутъ же предъявляются оправдательные документы. Послѣ этого, когда артельщики убѣждаются въ правильности прихода и расхода, производится раскладка заработка и, затѣмъ, выдача его на руки съ вычетомъ штрафовъ и забранныхъ впередъ денегъ. Доля тѣхъ артельщиковъ, о которыхъ артель знаетъ, что они страдаютъ пристрастіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, выдается съ общаго согласія не имъ самимъ, а ихъ женамъ или близкимъ семейнымъ.

Размѣръ заработка, падающаго на долю каждаго артельщика, бываетъ различенъ, смотря по роду и количеству работъ, но при хорошей работѣ мѣсячный итогъ его иногда достигаетъ до 25—30 рублей. Принимая во вниманіе, что лѣтнія наемныя работы оплачиваются на мѣстѣ гораздо ниже, отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ, приведенную выше сумму заработка артельщика можно назвать сравнительно очень высокой.

Съ окончаніемъ навигаціи артель распадается. Артельщики расходятся по всему городу и округу на наемныя работы. Кто поступаетъ въ хлѣбные амбары ссыпать и *кантарить* (развѣшивать въ кули—мѣстный техническій терминъ) скупаемый осенью и зимою хлѣбъ; кто идетъ на пимокатни, кто—въ шубныя мастерскія, кто попадаетъ на винокурни, заводы и мельницы, кто отправляется на желѣзную дорогу—въ Кривошеково и Томскъ,—однимъ словомъ, всѣ разбредаются въ разныя стороны, съ тѣмъ,

чтобы весной снова сойтись въ Барнауль и сплотиться въ артель для тяжелой грузовой работы. „Кто разъ поработалъ въ артели, того на другую весну ужъ она сама къ себѣ потянетъ“, — говоритъ старая опытная „кобылка“, — „потому нѣтъ лучше работы, какъ на людяхъ: „на людяхъ и смерть красна“, говорится по-словица... А, главное, никакихъ хозяевъ не знаешь, — самъ себѣ хозяинъ и только!“

А. Шерстовитовъ.

Урожище „Баяновскіе Ключи“,
Барнаульского округа.

ЖЕНЩИНЫ-ТРУЖЕНИЦЫ ВЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ Г. БОБОРЫКИНА.

Отношеніе общества къ тому или другому писателю нерѣдко переживаетъ разныя фазы. Быть можетъ, это особенно замѣтно на крупныхъ литературныхъ силахъ. Примѣръ Пушкина въ этомъ случаѣ сдѣлался, такъ сказать, классическимъ. Напомнимъ и о Тургеневѣ, который одно время чуть не собрался совсѣмъ сойти съ литературной сцены. Читатели помнятъ, что и Достоевскій пользовался широкой популярностью именно въ концѣ своей жизни и т. д. Думается, естественнѣе наблюдать сильныя колебанія общественнаго мнѣнія тамъ, гдѣ дѣло идетъ о выдающихся художникахъ. Послѣдніе всегда, съ одной стороны, самохарактернѣе, индивидуальнѣе, какъ принято выражаться, неподатливѣе на временныя и случайныя вѣянія (не прекращающіяся въ обществѣ); съ другой — они и подвижнѣе, съ болѣе продолжительнымъ періодомъ роста и формировки, ибо содержательнѣе. Г. Боборыкинъ, какъ можно судить на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ, до извѣстной степени автобіографическаго характера, въ его же собственныхъ произведеніяхъ, и самъ, съ благородною скромностью, не ставитъ себя на слишкомъ большую высоту. Но несомнѣнно, что „его книга имѣла свою судьбу“. Въ былую пору нашей русской реформациі г. Боборыкину не посчастливилось, потому, главнымъ образомъ, что тогда играли значительную роль въ обществѣ дѣятели и критики, предъявлявшіе къ жизни и литературѣ слишкомъ опредѣленные требованія. Ихъ не могъ удовлетворять г. Боборыкинъ, писатель и рѣзкихъ симпатій, и идеаловъ — вдобавокъ и не первоклассный талантъ, и не созрѣвшій еще тогда литератур-

ный характеръ. Наступила далѣе эпоха какой-то довольно мелкой пестроты и разногласицы—постепенно возобладали нравственно-общественное и литературное безразличіе и безпринципіе. Надъ г. Боборыкинымъ не мало посмѣялись, можетъ быть, больше потому, что тогда надъ всѣмъ издѣвались слегка—„безъ вѣры и любви“. Нынѣ, наконецъ, г. Боборыкинъ, кажется, дождался болѣе справедливой и сочувственной оцѣнки своей дѣятельности, по крайней мѣрѣ, со стороны лучшей части нашей интеллигенціи.

Въ нашей литературѣ творчество г. Боборыкина является до извѣстной степени отвѣтвленіемъ Тургеневскаго. Такая аналогія не должна вызывать недоразумѣній. Размѣрами дарованій, глубокопсихологичностью всѣхъ почти сочиненій, яркостью, общимъ тономъ и окраской міросозерцанія, наконецъ, необычайнымъ и столь разнообразнымъ изяществомъ формы Тургеневъ, конечно, отличается отъ П. Д. Боборыкина. Но и сродство тутъ несомнѣнно. У обоихъ писателей читающій чувствуетъ себя на почвѣ и въ сферѣ стараго, идейнаго гуманизма и европеизма, у обоихъ предъ вами—живая исторія волнующихъ русскую интеллигенцію идеаловъ, у обоихъ—и „вѣчно юный“ вопросъ любви, трактуемый цѣломудренно и просто, безъ малѣйшихъ признаковъ ухищреній и аномалій во вкусѣ мнимо-красиваго и мнимо-возвышеннаго декадентства или мистицизма. Особенность литературно-художественнаго метода г. Боборыкина—это, подчасъ, нѣкоторый не столько реализмъ, сколько не всѣмъ даже самостоятельный, немного французскій натурализмъ, „протоколизмъ“, объективизмъ, фотографія, если хотите. Выписывая иной разъ какую-нибудь „натуру“, авторъ до того простираетъ свое безпристрастіе, что... вызываетъ въ читателѣ одно недоумѣніе!

Передъ вами дама удивительно умная, съ прекраснымъ „европейскимъ“ образованіемъ и манерами, во всякомъ случаѣ съ литературными познаніями, не меньшими... Боборыкинскихъ, не то загадочная натура, не то порочный гений, а въ старости предричная кокотка (Любовь Федоровна въ повѣсти „Обречена“). Или вотъ энергичный дѣятель, съ независимыми сужденіями и дѣйствіями, съ какими-то идеями и планами, заявляющій, что „надо силу себѣ приготовить... общественную... политическую“, изящный и тоже наикультурнѣйшій и пр.—и все же въ концѣ концовъ только червонный валетъ (Палтусовъ въ романѣ „Китай-городъ“).

Г. Боборыкинъ передаетъ одинъ моментъ изъ жизни героя,

очерчиваетъ его наружность, движенія, рѣчи—и вы любуетесь въ высшей степени правдоподобнымъ литературнымъ портретомъ, увлекаетесь жизненною драматичностью сцены... Но перелистуйте книгу далѣе... Никакой синтезъ не дается вамъ въ руки. Графъ Таманцевъ (въ ром. „Ходокъ“) напоминаетъ вамъ многое и многихъ, вызываетъ въ васъ циклъ, циклы идей, возбуждаетъ интересъ и сочувствіе. Но постепенно ваше любопытство и симпатія спадаютъ, вамъ надобно гоняться за авторомъ, очертанія котораго словно неуловимы. Сначала Таманцевъ какъ будто убѣжденный „народникъ“, отлично сознающій, сколько правды въ иныхъ широко расточаемыхъ благодѣяніяхъ и попеченіяхъ. Онъ бросаетъ такіе энергичные попреки уравнивающимъ бюрократамъ изъ нашихъ Бисмарковъ: „Но вы теперь—одна клика. И прежніе, тѣ щедринскіе администраторы, ташкентцы изъ ресторана Бореля, были гораздо менѣе опасны, чѣмъ вы, господа. Тѣ были комическіе персонажи, и вся грамотная Русь такъ и смотрѣла на нихъ. А вы—съ направлениемъ, съ идеей, у васъ есть какой-то талисманъ и приворотное зелье“. И о „свѣтѣ“ вообще онъ выражается безъ большой нѣжности: „Онъ (Лушковъ) олицетворяетъ для меня все, что я нашелъ здѣсь, въ нашемъ мондѣ—въ этомъ отвратительномъ Петербургѣ чинухей, карьеристовъ, добровольныхъ холоповъ и миньоновъ“. Далѣе... ну, далѣе, конечно, Таманцевъ переживаетъ обязательный романъ и даже съ благополучнымъ окончаніемъ. Тутъ-то нашъ „фантастъ“ обращается въ какого-то необыкновенно-дѣловаго аристократа-индивидуалиста. „А вотъ что, господа, заявляетъ онъ, прежде всего быть самимъ собою. Ни отъ чего не отказываться: ни отъ награды своей, ни отъ положенія, ни отъ власти, ни отъ чего. Сознать себя самого и дать своему „я“ полный ходъ“. И еще: „и народъ мы не поднимаемъ, пока люди высшей культуры, дворяне или купцы съ образованіемъ, тѣ, что сидятъ на землѣ, не станутъ создавать себѣ *своей* жизни, конечно, на общее благо, но *своей*, со *своими* интересами и цѣлями, а не съ однимъ полумистическимъ культомъ мужика“.

Другая отличительная примѣта творчества Боборыкина—это пристрастіе, мы сказали бы—любовь къ изображенію подробностей, удобствъ и красокъ „внѣшняго быта“, наружной культурности. О комнатной обстановкѣ, костюмѣ, голосѣ, даже гастрономическихъ привычкахъ своихъ героевъ авторъ нашъ никогда не забудетъ: можно сказать, пожалуй, что именно Боборыкинъ ввелъ у насъ цѣлый особый описательный жанръ въ этомъ направленіи. Тутъ авторъ—рѣшительный виртуозъ... „Фруктовые

запаху, вкусъ грушъ, не утолившихъ вполне его жажды, привели его къ мысли о квасной лавкѣ“. „Дома ѣли онѣ очень неопрятно и не воспитанно: наваливались грудью, оба локтя клали на столъ, чмокали, ѣли съ ножа, крошили хлѣбъ, не рѣзали, а дергали мясо или теребили его вилкой“. „По-французски произносилъ онъ чрезвычайно отчетливо и нарядно. Въ этомъ произношеніи слышался баринъ“. „Въ родномъ языкѣ у нея было трудно-уловимый, но несомнѣнный акцентъ—полуфранцузскій, полуанглійскій, усвоенный съ дѣтства, проведеннаго исключительно за границей. Голосъ звучалъ утомленно. На букву „р“ она слегка картавила—по-русски и на другихъ языкахъ“ и т. д., и т. д. Умѣнье одѣваться?... Да, мы рѣшаемся утверждать, что у г. Боборыкина иные характеры дѣйствующихъ лицъ какъ будто прямо и создаются на почвѣ... отношенія къ костюмерному искусству. „Прекрасная, какъ богиня, величественная и гордая, какъ древняя римлянка, всѣхъ и все соблазняющая и покоряющая своимъ умомъ и „интеллигентностью“ всякаго рода—Зина Ногайцева (въ романѣ „Изъ новыхъ“) —это какой-то Наполеонъ „моды и стиля“, возведенная въ перлъ созданія франтиха“.

Поставивъ себѣ задачею предварительно сказать два слова о литературной дѣятельности г. Боборыкина вообще, мы не могли обойтись безъ вышеприведенныхъ замѣчаній. Все это слишкомъ бросается въ глаза при чтеніи произведеній нашего автора. Но его вѣдь отличаютъ и совсѣмъ другія, безусловно положительныя черты и свойства. И прежде всего—несомнѣнная талантливость, разносторонняя просвѣщенность и безукоризненная литературная порядочность. Сочиненія г. Боборыкина, это въ своемъ родѣ живая лѣтопись разныхъ вѣяній и движеній, новообразованій и зарожденій тѣхъ или другихъ типовъ въ средѣ нашей такъ называемой интеллигенціи. Ни разу г. Боборыкинъ не отнесся какъ-нибудь неблаговидно къ свѣжимъ и чистымъ проявленіямъ въ жизни и литературѣ, ни разу не посочувствовалъ чему-нибудь недостойному. Большой эстетикъ и довольно равнодушный или безразличный политикъ, г. Боборыкинъ, однако, умѣетъ уважать все честное и возвышенное и презирать все низкое и пошлое.

Пѣвецъ „науки страсти нѣжной“, столь усердно иллюстрировавшій въ рядѣ произведеній пушкинскую формулу, что „любви все возрасты покорны“, г. Боборыкинъ, тѣмъ не менѣе, всегда остается въ предѣлахъ здороваго бытописанія; нѣтъ у него здѣсь ни зоологическихъ подхикиваній, ни романтическихъ или мистическихъ украшеній... грязи.

Сочиненія г. Боборыкина не передають читателю какого-нибудь явственно цѣльнаго міросозерцанія, осязательной убѣжденности, какихъ-нибудь главенствующихъ и связующихъ излюбленныхъ идей; но общій тонъ ихъ весьма симпатиченъ, главнымъ образомъ, по отсутствію въ нихъ пессимизма. Мы разумѣемъ не тотъ пессимизмъ, который грозно осуждаетъ и чернитъ на основаніи идеала, но тотъ довольно модный пессимизмъ, бесплодный и холодный, который происходитъ обыкновенно изъ духовнаго истощенія. Г. Боборыкинъ немножко позитивистъ и натуралистъ; это, быть можетъ, охраняетъ его отъ иныхъ настроеній данной минуты, когда нѣкоторые забавляются особой маніей величія въ мистическомъ туманѣ или благороднымъ избиваніемъ непосильныхъ имъ старыхъ идей, или мрачнымъ фотографированіемъ непонятаго зла.

Мы взялись здѣсь толковать „о женщинахъ-труженицахъ“. Намъ, пожалуй, возразятъ, что такой темой почти совсѣмъ не занимается г. Боборыкинъ. У нашего автора большая портретная галлерей, по все на другіе сюжеты. Вонъ „кающійся дворянинъ“—Юрій Лыжинъ (въ „Перевалѣ“), разочаровавшійся, было, „народникъ“, идущій, однако, въ концѣ концовъ спасать „народъ“ отъ голода и мора. Или вотъ—Рыпинъ (въ ром. „Изъ новыхъ“), не чета Палтусову, не „благопріобрѣтатель“, человѣкъ съ „идеями“, который, впрочемъ, „вѣритъ“ только въ себя, „и съ него довольно“. Великолѣпная Анна Гавриловна (изъ ром. „На ущербѣ“), „курсистка“ и богачка, кажется, занятая по преимуществу отыскиваніемъ мужчинъ, „на которыхъ можно испытывать свою власть и обаяніе“. Аристократическая Кэтъ (изъ ром. „Ходоки“), съ помощью Таманцева, окончательно прозрѣваетъ относительно „свѣта“ и такъ изливается передъ графомъ: „И знаешь ли, André, что я тебѣ скажу: я не понимаю даже, какъ я могла, еще годъ тому назадъ, держаться за то, что тамъ меня окружало. Я сама себя лгала. И тогда уже все, и часто, очень часто, казалось мнѣ скучнымъ и слишкомъ вздорнымъ. Des pantins! Des marionettes! И надъ всѣмъ этимъ—грязь! Брр!..“ Изящная, нѣжная, вдумчивая и тонко чувствующая Маруся (изъ повѣсти „Обречена“) отказывается отъ предлагаемаго высвобожденія изъ „свѣтской“ неволи и идетъ „на добровольное погруженіе въ болото, гдѣ барахтаются самыя вредныя особи челоуѣческаго стада, по выраженію Грубина, живущія только въ свое чрево и въ свои ненасытные порывы тщеславія и безпутства“. Всѣ эти и многіе другіе характеры не рисуютъ передъ

нами міра тружениковъ. Однако, и таковыхъ не оставила вовсе безъ вниманія плодovitая муза г. Боборыкина.

Какъ мы выше указывали, для г. Боборыкина „ничто чело-вѣческое не чуждо“, имѣть ли онъ въ виду мужчину или женщину. Выберетъ ли женщина для себя сценическую дѣятельность, займется ли наукой, увлечется ли общественными вопросами, нашъ художникъ отмѣтитъ все это въ своей хроникѣ безъ гнѣва или насмѣшки, не станетъ сѣтовать о потрясеніи соціальныхъ устоевъ или развращенія нравовъ. Въ произведеніяхъ Боборыкина не однажды пасуютъ передъ молодыми женскими силами люди, высоко цѣнящіе свою просвѣщенность и культурность и моральную упроченность. Нравственная устойчивость и умственная широта „новыхъ“ женщинъ здѣсь не разъ посрамляетъ разныхъ старыхъ „интеллигентовъ“ „лучшей школы“.

И все же г. Боборыкину, видимо, боязно слишкомъ далеко заглядывать въ „женское будущее“. Чѣмъ-то „немножко черезчуръ фельетоннымъ“, анекдотическимъ и поверхностнымъ отзывается творчество г. Боборыкина, когда онъ, словно торопясь поспѣвать за вѣкомъ, записываетъ свои новѣйшія наблюденія въ женскомъ мірѣ. Новыя женщины труженицы и не труженицы какъ будто не ясны и для самого художника, онъ обращается скорѣе въ... репортера. Въ предлагаемомъ очеркѣ, поэтому, мы воспользуемся разсказами г. Боборыкина не изъ самоновѣйшихъ.

Муза Прокофьевна въ разсказѣ „По чужимъ людямъ“, дѣйствительно, живетъ своимъ трудомъ. Она вовсе не симпатичный характеръ.

Опасно, было, заболѣвшая, она сводитъ счеты съ прошлой жизнью своей—и тутъ ей представляется „безконечная тканьъ изъ двоедушныхъ словъ, поступковъ, минъ, жестовъ, съ неустанной работой обдумыванія, подготовки, актерской практики, точно заучиваніе цѣлой сотни ролей передъ зеркаломъ“. Привѣтливая сестра милосердія бодряще подѣйствовала на Музу Прокофьевну. „Грѣхъ лицемѣрія, двоедушія и затаенной злобности“ засѣлъ въ ея душу „отъ ея положенія“ подъ давленіемъ незадачной и тяжелой жизненной канители. „Доброе чувство къ сестрѣ смѣшалось теперь съ радостью надежды, почти увѣренности. Ей захотѣлось обласкать, про себя, эту добрую душу нѣсколькими пѣжными словами. Она начала ихъ произносить въ умѣ, и ей было это ново и непривычно-отраднo. Для кого же она такъ изнывала долгіе годы своей жизни по чужимъ людямъ—компаньонкой, кочевавшей изъ одного семейства въ другое, одно другого ненавистнѣе и тошнѣе“? Ненормальная эта работа—угождать

людскимъ прихотямъ, служить какимъ-то „вышимъ“ наймитомъ, домашней прислугой по особымъ порученіямъ. Быть можетъ, чисто физическій трудъ, настоящее ремесло помогли бы устроиться независимѣе. Но Музу Прокофьевну воспитывали и образовывали не въ такихъ цѣляхъ. „Опрощаться“ сознательно и производительно—подвигъ, посильный для очень немногихъ. О немъ и не подумала, конечно, она ни разу въ жизни. Да и чисто внѣшняя даже культура тяготѣетъ надъ человѣчествомъ властно и безапелляціонно, и возвращаться къ низшей бытовой обстановкѣ для цѣлаго общества ненатурально. Прогрессъ безповоротно идетъ другими путями. Обыкновенная Муза Прокофьевна станетъ всячески изводиться—и душой и тѣломъ,—а въ прачки не пойдетъ. Въ такихъ случаяхъ любятъ ссылаться, напримѣръ, на Америку. Но эта (вовсе не такая уже и восхитительная) страна пережила свою исторію, какой не наследуютъ наши Музы Прокофьевны. Рисуя свою „компаньонку“, г. Боборыкинъ, согласимся, не собирався подымать вопросовъ обширнаго соціологическаго и этического значенія. Онъ остановился на ней скорѣе, какъ реалистъ и гуманистъ-художникъ. Но правдивостью своего очерка, любовнымъ отношеніемъ къ личности человѣка, какъ такового, онъ волнуетъ читателя и будитъ въ немъ размышленія. Въ чью пользу работаетъ Муза Прокофьевна? Очень ли мудры совѣты не брезгать никакимъ трудомъ? Чѣмъ общество обезпечило болѣе или менѣе свободный переходъ отъ одного соціального положенія къ другому? Какія радости сулитъ оно для жизни въ культурныхъ низахъ? Какія преимущества ожидаютъ здѣсь женщину? Нынѣ чаще, чѣмъ когда либо, раздаются попреки на тему, что у насъ слишкомъ много бѣлоручекъ; что всѣ хотятъ быть не меньше, какъ генералами; что школы и воспитатели не готовятъ у насъ людей „для жизни“; что мы пренебрегаемъ весьма почтенными, хотя и „маленькими“ дѣлами и т. д., и т. д. Но... во многомъ ли улучшены теперь общія условія тѣхъ мѣстъ и областей, гдѣ должна совершаться эта не „чистовая“, а „черновая“ работа, эти не „широкія“, а „малыя“, хотя и „почтенныя“ дѣла? Съ одной стороны, негодуютъ, что русскіе люди, молъ, все жаждутъ геройскихъ подвиговъ; а съ другой,—прямо предлагаютъ обратиться въ какихъ-то чудо-богатырей добродѣтели. Ибо что же титаничнѣе работы (дѣйствительной) въ глуши, безъ поддержки, безъ удобствъ, безъ освѣжающихъ досуговъ, безъ замѣтныхъ результатовъ и откликовъ?

Муза Прокофьевна, полежавъ въ больницѣ, начала оправляться отъ своего недуга. Не только „сестрица милосердная“, но и

докторъ, Василій Ѳеодоровичъ, спасительно вліяли на душевное состояніе „компаньонки“. Даже столь присущее ей чувство зависти не шевельнулось на этотъ разъ. Муза Прокофьевна—полковничья дочь; но ея женская доля совсѣмъ не то, что мѣсто на пиру житейскомъ мужчины, доктора (хотя онъ и изъ „подлаго“ сословія). Положимъ, „и лѣкарей нынче на Москвѣ какъ песку морского“. Но этотъ докторъ „знаетъ, что ему долженъ быть ходъ не здѣсь, такъ въ другомъ мѣстѣ, не въ Москвѣ, такъ въ губерніи. Сестра уже говорила ей, что Василій Ѳеодоровичъ напечаталъ „ученую книжку“, и не просто медицинскую, а съ литературной отдѣлкой“.

Словно попутно, въ рамкахъ той же художественной хроники, не уклоняясь отъ текста своего бытописанія, г. Боборыкинъ задѣваетъ разныя серьезныя и текуція стороны женскаго существованія. Читатель не знаетъ, насколько широки взгляды автора на такъ называемый женскій вопросъ, но увѣренъ, что г. Боборыкинъ не станетъ извращать жизненныхъ фактовъ въ угоду возвращенія вспять, хотя и находилъ бы тамъ золотой вѣкъ женскаго благополучія. Муза небольшая прогрессистка, но силою практическаго порядка вещей подмѣчаетъ мужскую самостоятельность и образованность и интересуется ею.

Муза Прокофьевна совсѣмъ выздоровѣла и направилась къ своей бывшей „хозяйкѣ“. Паша героиня умна и наблюдательна, пожалуй, подчасъ слишкомъ умна и проницательна. Однако такія качества ея мало нарушаютъ художественную цѣльность изображаемой авторомъ личности. Мы хорошо знаемъ, какъ нужда иной разъ изощряетъ умственные способности человѣка, вооружаетъ его тонкой и всесторонней критикой людскаго эгоизма. Пришла Муза Прокофьевна справиться о работѣ—и уже не особенно добрыя чувства поднялись у нея на душѣ при видѣ „барыни“. „И эти московки, подумала она, обитательницы меблированныхъ комнатъ, и барыни въ собственныхъ домахъ воображаютъ, что онѣ добры, гостепріимны, привѣтливы, судачать про иностранцевъ, про заграничные порядки, находятъ, что пѣмки, француженки, англичанки—всѣ безъ сердца, всѣ сухи, плохо воспитаны, эгоистки... Да ни въ какой семьѣ самыхъ закорюзлыхъ буржуа или бюргеровъ не встрѣтили бы меня такъ, какъ эта колотовка!“ Быть можетъ, Муза Прокофьевна и не вполне права; но въ ней говорить оскорбленное человѣческое достоинство, о которомъ такъ мало заботятся и самыя „сердечныя“ наши „дамы“. И вовсе не по какой-нибудь своей сверхъестественной злости или невѣжеству, а прямо по неимѣнію соотвѣтственной нрав-

ственно-общественной практики. И у насъ женщина не меньше, а пожалуй и побольше мужчины умѣть постоять за свою личность, а слѣдовательно, и разглядѣть ее въ другомъ. Но неупражняемыя способности вянуть, отъ неупражнения органовъ зрѣнія слѣпнуть кроты. Не видя кругомъ подходящихъ примѣровъ, русская „дама“ совсѣмъ перестаетъ видѣть *многое*. Она пойметъ оскорбленную сестру, жену, отъ души посочувствуетъ обиженному по службѣ... подчиненному, вступится, если хотите, и за обдѣленного наймита. Но слуга, взволнованный изъ-за дурного обращенія съ нимъ—это нѣчто уже мало для нея понятное. Впрочемъ, въ данномъ отношеніи у насъ часто совпадаютъ и „женскій“, и „мужской“ вопросы. Приближать къ *нравственно-общественному* просвѣщенію слѣдуетъ вѣдь и мужчину, и женщину въ нашемъ все еще *юномъ* народѣ.

Бывшая „хозяйка“ Музы Прокофьевны, Грибанова властно заявляетъ: „Я обдумала все въ вашемъ интересѣ, Муза. Лучше вы сами бы ничего не пріискали. Я вамъ, Муза, разыскала прекрасную кондицію. И здѣсь, въ нашемъ гарни“. Петина соглашается, выбирать ей не приходится.

Она попадаетъ въ милое „цивилизованное“ общество матери и двухъ дочерей компаньонкой. Обѣдѣвшія, но праздныя, съ „культурными“ привычками и претензіями, но безъ духовныхъ интересовъ, презирающія всѣхъ не „изъ общества“, Антуфьевы сразу подавляютъ и озлобляютъ Музу Прокофьевну, столь недавнюю пациентку. Онѣ уже ей ненавистны. Она глядитъ на прислуживающаго семейству корридорнаго и думаетъ: „Вотъ съ кого должно брать примѣръ! Развѣ Евсей станетъ имъ показывать свои настоящія мысли и чувства? Зачѣмъ? Чтобы онѣ его оборвали? Онѣ ихъ презираетъ и справляетъ свою должность. У каждаго своя маска, иначе совсѣмъ пропадешь“. Добрыя и здоровыя настроенія, пережитыя, было, въ больницѣ, совсѣмъ пропадаютъ въ душѣ нашей героини. Развивается дурное расположеніе духа, убываютъ опять физическія силы. „Она начала кусать подушку и биться о нее головой... Ей захотѣлось, чтобы сейчасъ же загорѣлся домъ, и всѣ онѣ погибли съ ихъ смѣшными замашками, мелкими душонками, съ ихъ житьемъ на *чужой счетъ* или на проценты, или въ долгъ, съ паскуднымъ равнодушіемъ ко всему, что не онѣ, и отсутствіемъ простой жалости къ такимъ, какъ она, которую онѣ третируютъ хуже, чѣмъ корридорнаго Евсея, потому что тотъ имъ сгрубить или сдѣлаетъ гадость, какъ довѣренный лакей управителя“. Конечно, мало гуманны эти размышленія и не возвышенны душевныя изліянія. Слишкомъ много въ нихъ

отчаянной зависти, грубой мстительности. Но и прямой болѣзненности много. Наблюдательный авторъ-реалистъ заставляетъ тутъ насъ вспомнить, что въ такихъ симптомахъ зачастую скрывается начало душевнаго разстройства. Муза Прокофьевна не сошла съума; но душевныя потрясенія испытала, разумѣется. И психическое и физическое равновѣсіе опять нарушилось — снова Муза Прокофьевна попала въ больницу, чтобы больше не вставать. Наша героиня умирала, не теряя сознанія. Жизнь ей слишкомъ надоѣла — „лучше нырнуть и тамъ... Гдѣ тамъ? — удалось ей беззвучно выговорить губами. — Гдѣ? — Она не знала. Ее не влекло туда. Она не боится „того свѣта“, но и не тянетъ ее къ нему, какъ къ послѣднему убѣжищу жизни мира и тишины. „Слезы умиленного страха передъ тайной разставанья съ жизнью не дрожали на ея отягченныхъ вѣкахъ“. Въ ней „кипѣла, какъ расплавленная смола, и вырывалась *горель* и злоба всей жизни, со *скрежетомъ* *бесилія* противъ того, что тянуло вонъ изъ этой самой постылой жизни, изъ этой жалкой и постыдной тины“.

Мало у г. Боборыкина столь мрачныхъ и трагическихъ страницъ. И очень, разумѣется, характерно, что онѣ преобладаютъ въ разсказѣ, знакомящемъ насъ съ исторіей бѣдной и трудящейся *женщины*. Женщина эта всю жизнь ломалась, носила какую-то довольно гнѣсную маску „изъ-за куска хлѣба“. Кое-чему учившаяся, она не знала въ сущности никакихъ умственныхъ интересовъ и удовлетвореній. „Воспитанная“ и „интеллигентная“, она старательно поддерживала одинъ только вѣншній, чисто фарисейскій декорумъ. Не будучи извергомъ или идіотомъ, она, однако, по преимуществу развила въ себѣ скрытыя чувства ярости, ядовитой насмѣшливости, антипатіи ко всему окружающему. Ей дѣйствительно приходилось жить почти безъ вѣры, надежды и любви въ теченіе слишкомъ многихъ лѣтъ. Никакой подсказывающей лирики или философствованій вы, конечно, не найдете у г. Боборыкина. Но читателю невольно хочется словно договорить за автора: да, *съ женщиной*, а не съ мужчиной, главнымъ образомъ, случается все подобное. Возьмемъ для примѣра вовсе не высокопробнаго мужчину. Болѣе свободный въ выборѣ по вкусу профессіи и поприща для дѣятельности, мужчина скорѣе создаетъ себѣ обстановку, при которой, насытивъ свои прямо эгоистическіе порывы, онъ легче предается и такимъ иллюзіямъ: въ немъ „нуждаются“, его „любятъ“ — и онъ готовъ „любить“ пасомыхъ. Мужская учѣба и продолжительнѣе, и шире женской; умственные навыки и жела-

нія въ ней закрѣпляются и пробуждаются сильнѣе—и, плавая уже по морю житейскому, ихъ удобнѣе сохранить не совсѣмъ угасшими. И своимъ такъ называемымъ личнымъ, сердечнымъ „счастьемъ“ мужчина распоряжается на болѣемъ просторѣ, и хотя болѣе или менѣе искусственными путями, отмежевываетъ для себя „свѣтлыя“ минуты, вносящія отдыхъ и успокоеніе. Музы Прокофьевны лишены всего этого.

Марья Трофимовна (изъ разсказа „Безвѣстная“) женщина въ другомъ родѣ. Она — акушерка. „Никто ловчѣе и умѣлѣе ея не найдется въ самой бѣдной и грязной обстановкѣ, въ какой хотите поздній часъ ночи, и врядъ ли другая такъ ладитъ съ простонародьемъ, такъ изучила нравы, привычки, суевѣрія, примѣты, пороки и замашки темнаго и совсѣмъ бѣднаго и полубѣднаго петербургскаго люда: мелкихъ чиновничьихъ семей, артельщиковъ, унтеровъ, дворниковъ, прислуги всякаго рода, впавшихъ въ нищету дворянскихъ семей, недавно повѣнчанныхъ паръ изъ учащейся молодежи, изъ огромнаго класса ищущихъ занятій“. Не радостно сложилась ея жизнь; но наша героиня спокойно и бодро несла всѣ тяготы, служа ближнему, отдаваясь труду изо-дня въ день. Ей вздумалось взять на воспитаніе приемыша-дѣвочку. Дѣвочка выросла въ смазливую дѣвушку и... обманула всѣ чистыя упованія Марьи Трофимовны, самоотверженно заботившейся о своей Марусѣ. Маруся эта пошла, въ концѣ концовъ, по торной дорожкѣ низменныхъ увлеченій и порока. Отчаяніе нападаетъ на нашу акушерку. Незнакомый, было, пессимизмъ овладѣваетъ ея душою. „Она, акушерка, помогала рожденію столько ребятокъ... зачѣмъ? Разводила только нищихъ, преступниковъ, проституттокъ, идіотовъ...“ Маруся „погибла“. „А осталась бы она честной, развѣ не все равно? Вышла бы замужъ за студента—нынѣ это легче всего—дѣти, болѣзни и та же нищета, да еще нестерпимѣе отъ ученья, отъ умственнаго голода. Всего хочется отвѣдать, и яснѣе видишь, какъ кулакъ да рубль вездѣ въ почетѣ, какъ правда затоптана удачей, а на душевную доблесть плюетъ всякій, кто урветъ себѣ кусокъ пирога. Да и сытые-то не меньше голодныхъ маются“. Помогая послѣдними крохами Марусѣ и ея пріятелямъ, Марья Трофимовна доходитъ сама до нищеты и даже попадаетъ въ ночлежный домъ. И здѣсь въ ней совершается поворотъ къ прежнему. Она беретъ опять къ себѣ ребенка, приговореннаго къ „подкинутію“, „а то и до грѣха недолго“. „И ее наполнила увѣренность, что все будетъ такъ, какъ она говоритъ: „и вывернется она...“ „заберетъ она этого „бутуза...“ и станетъ съ

нимъ нянчиться еще сильнѣе, чѣмъ нянчилась съ Марусей. И Маруся прибѣжить!—у нея тоже можетъ быть ребеночекъ, какъ и у этой побирушки. Она и его приметъ, и повивать будетъ, и выведетъ въ люди! Чего же ей? И такъ пойдетъ до самой смерти, до послѣдняго издыханія“.

Разсказъ какъ будто не свободенъ отъ нѣкоторой сентиментальности въ обрисовкѣ героини. Но такое впечатлѣніе вполне выкупается замѣчательно вѣрнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ подробностей этой, конечно, весьма обыденной исторіи и общимъ тономъ величепріятнаго и вдумчиваго гуманизма. Бытовые описанія, діалоги, отдѣльные моменты повѣсти, психологическія и портретныя, такъ сказать, частности освѣщены удивительно жизненно, съ широкою, всестороннею наблюдательностью. Марья Трофимовна, быть можетъ, и не представляется вамъ вполне цѣльнымъ и увлекающимъ образомъ; но всѣ чувства, думы и дѣйствія ея вы понимаете. Марья Трофимовна не какой-нибудь выдающійся человѣкъ; она не задается никакими „идейными“ цѣлями и возвышенными планами; она, повидимому, даже не прошла и черезъ болѣе или менѣе систематическую школу „кружковъ“ и „направленій“; но во всякомъ случаѣ это „интеллигентная“ труженица. И авторъ, несомнѣнно, отмѣчаетъ ее, какъ положительный типъ, какъ желательную и надежную силу въ обиходѣ русской общественной жизни.

Что же это за личность? Разумѣется, „она добрая душа“, какъ выражается и акушерка Переверзева. „Она альтруистка“, обозначили бы другіе. Но не совсѣмъ тѣ, очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду самъ г. Боборыкинъ. Онъ, думается, подчеркиваетъ въ Марьѣ Трофимовнѣ не просто альтруизмъ, а именно *женственную* любовь къ ближнему, женственную способность къ самоотреченію. И тутъ мы близко соприкасаемся съ общими воззрѣніями автора въ этой области. Всякій добрый порывъ въ женщинѣ, всякое ея высшее стремленіе, какъ мы и видѣли, г. Боборыкинъ пойметъ, оцѣнитъ и не поставитъ имъ никакихъ *претензій*... Но... уже ко многимъ, къ очень многимъ поколѣніямъ и общественнымъ слоямъ, нравственно-соціальнымъ теченіямъ и типоброзованіямъ присматривался нашъ авторъ. Удавалось ему подчасъ подмѣчать контуры и штрихи, выдѣляющіе болѣе или менѣе новаго *мужчину*. Но относительно *женщины*, будемъ говорить правду, художеству г. Боборыкина словно привольнѣе въ старой сферѣ „культа“ любви—ничуть не „всечеловѣческой“—и семьи. Семейныя картинки, драмы, семейныя идилліи въ своемъ родѣ, если хотите, у нашего автора иногда вы-

ходятъ подвижными и правдивыми, колоритными и отчетливыми, какъ сама жизнь. А на счетъ „культы“ любви нашъ художникъ подчасъ какъ будто даже переступаетъ границы своей нѣсколько фотографической объективности и позволяетъ себѣ почти лирическія изліянія. О любви г. Боборыкинъ распространяется часто и много, даже слишкомъ часто и много. У него, напр., и человѣкъ изъ „новыхъ“, Рыпинъ, ставящій себя превыше всего и всѣхъ, вѣчно занятой, олимпійски сдержанный и холодный, не избѣгаетъ чаръ какой-нибудь Зины. „И она ему правила, какая бы она ни была: порочная, пустая, чванная, глупая, съ привычками къ виски, со смѣшной въ его глазахъ „религіей“ моднаго обезьянства, дочь „ерыги“ и какой-то корифейки... навѣрно изъ мѣщанокъ“. Въ повѣсти „Измѣнникъ“ Симцевъ — чуть не женоненавистникъ, ищущій послѣ многочисленныхъ романическихъ передрыгъ полной холостецкой свободы. Но... тонъ его монологовъ такой сильный, горячій и задушевный, и такъ остроумно и содержательно вообще онъ разсуждаетъ, что читателю невольно чувствуется тутъ нѣкоторое подсказываніе со стороны самого автора, — подсказываніе и сочувствіе. А Симцевъ вѣдь мѣстами философствуетъ и на такой ладъ: „Но и въ такихъ „интеллигенткахъ“, какою казалась ему на первыхъ порахъ Людмила, было все-таки же больше *женскаго*; подъ углаватостями и даже рѣзкостями тона онъ скоро почувствовалъ все тотъ же *вѣчный инстинктъ женщины*, влекущій ее къ существованію другого пола — источникъ ея силы и слабости“. Въ повѣсти „Обречена“ Грубинъ высоко ставилъ свою жену, покойную Катю, „за ея чистоту, вѣрность всему, что для нея было свято, за хрустальную честность и стойкость души въ маленькомъ тѣлѣ“. Но вотъ онъ встрѣтилъ Марусю изъ семьи, гдѣ главенствовала знакомая намъ Любовь Федоровна, и забылъ сороковой день кончины своей Кати. „Онъ не хотѣлъ больше обманывать себя. Не сантиментальной дружбы будетъ онъ искать. Все отдастъ, что у него есть, всѣ силы, *удесятеренныя великой тайной жизни — любовью*“... и т. д., и т. д. Опять читатель замѣчаетъ, что и здѣсь вдохновеннѣе и краснорѣчивѣе звучитъ изложеніе автора! Симцевъ такъ возстаетъ противъ женскаго инстинкта потому только, что онъ тотъ же Грубинъ, но уже страдавшійся отъ *мужскаго* инстинкта въ дѣлѣ великой тайны жизни.. Кустаревъ въ романѣ „На ущербѣ“, „этотъ русскій хорошій человѣкъ съ наружностью суроваго практика и съ сердцемъ младенца, жившаго по книжкамъ, которыя вдругъ оказались „не во дворѣ“, и онъ исповѣдуется между прочимъ въ ми-

нута откровенности: „Очень мы съ своей подоплекой носимся, батюшка мой, а чуть приманка... деньги ли, слава или *женская прелесть*, и пошелъ и такъ, и эдакъ“.

Чрезмѣрное зондированіе такихъ сюжетовъ, какъ *инстинктъ, прелесть*, собственно говоря, совсѣмъ могутъ вывести насъ изъ *области художества... въ область физиологіи*. Съ г. Боборыкинымъ этого, положимъ, не случилось. Онъ избѣгнулъ крайностей такого „реализма“. Еще старая, Тургеневская, идеалистическая закваска міровоззрѣній удержала его въ какомъ-то особомъ равновѣсіи. Нерѣдко упрекали нашего беллетриста въ копированіи Золя и др. „натуралистовъ“. Но эти вліянія отразились, кажется, только въ мелочахъ творчества г. Боборыкина.

Лѣтописецъ „романовъ“ — „въ усадьбѣ и на порядкѣ“, въ профессорской и писательской средѣ, у „народниковъ“ и „радикаловъ“, даже у „символистовъ“ и нитшіанцевъ, касавшійся и посейчасъ касающійся очень многого изъ русской жизни, г. Боборыкинъ, повторяемъ, не облюбовалъ никакого *цѣльнаго* образа *новой женщины*, героини „вѣчно юной исторіи“. Онъ тутъ въ колебаніи; онъ словно ищетъ *романтизма* въ инстинктѣ или же, напротивъ, сводитъ какъ будто къ одному *инстинкту* то, что еще формируется, создается въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. „*Физиологія*“, повторяемъ, у г. Боборыкина нѣтъ, но всяческой неустойчивости — не мало. Романомъ же *спеціально новой женщины-труженицы* г. Боборыкинъ занимался гораздо менѣе: его герои и героини принадлежатъ по преимуществу къ средѣ „интеллигентовъ“ болѣе или менѣе сытыхъ и съ „положеніемъ“ въ обществѣ. Вотъ, однако, въ рассказѣ „Въ отъѣздъ“ героиня, Татьяна Казимировна, молодая особа, сирота — „*трудовая дѣвушка*“ (какъ выражается г. Боборыкинъ немножко тяжело и, если хотите, не совсѣмъ по-русски). Взглядовъ она, само собою, держится передовыхъ и всякіе „умственные“ виды видала. Сдѣлалась она совершенно случайно воспитательницей въ семействѣ нѣкоего Братцева — „русскаго добраго барина, не нашедшаго еще своей тарелки“, можетъ быть, только „готоваго сбросить съ себя налетъ расплывчатаго мистицизма“, въ которомъ онъ очутился подъ давленіемъ жены“. Леонидъ Павловичъ (Братцевъ) полюбилъ, было, Татьяну Казимировну; но ей онъ только „симпатиченъ“. Затягивается довольно нерѣдкая у насъ канитель какихъ-то неопредѣленныхъ отношеній и недоразумѣній. И гордая, цѣломудренная дѣвушка убирается восвояси. Казалось бы — и дѣлу конецъ, по крайней мѣрѣ, для „новой“, „трудовой“ женщины. Но г. Боборыкину зачѣмъ-то понадобился тутъ довольно

торжественный апофеозъ. Уфъжаетъ Татьяна Казимирова—и „голову горделиво и почти дерзко“ поднимаетъ, и осматривается кругомъ, и складываетъ руки на груди въ позѣ рѣшимости и пр. И все изъ-за чего? Тамъ, въ усадьбѣ „Поддубное“, бросила она цѣлое „счастье“: такъ назвали бы это сотни и тысячи дѣвушекъ, безъ средствъ, безъ положенія, съ перспективой подневольнаго труда. Татьяна Казимировна молода и, положимъ, совсѣмъ не знаетъ, въ чемъ „счастье“. А г. Боборыкинъ словно сомнѣвается: да и есть ли *женское* счастье—внѣ Поддубнаго.

Въ разсказѣ „Проѣздомъ“ находимъ мы и еще молодую труженицу-чтицу у „русскаго парижанина“ Стягина, желчнаго и нервнаго. Онъ въ Москвѣ „проѣздомъ“, чувствуетъ къ ней усиленное отвращеніе и — лѣчится, лѣчится безъ конца. Къ нему налетаетъ и сама заграничная подруга. Характеристика ея ниже-слѣдующая: „она совершенно невѣжественна и всѣ ея умственные потребности сводятся къ чтенію по утрамъ „Petit journal“. Стягинъ не могъ „выносить ея пренебрежительнаго, доходящаго до цинизма, отношенія къ мужчинѣ вообще“... „Кромѣ вульгарности натуры“, въ ея манерѣ третировать „Стягина“ было и еще нѣчто, *общее французженкамъ*: точно будто она вымещала на немъ все то, что ей приводилось терпѣть отъ другихъ мужчинъ. Чтица—Вѣра Ивановна—женщина совсѣмъ изъ другого міра и другихъ свойствъ. Стягинъ увлеченъ ею, ему начинается и Москва представляться чуть не въ радужныхъ краскахъ: пропадаетъ недавнее отвращеніе, ненависть даже къ окружающему „варварству“. Онъ мечтаетъ о новой жизни и образъ Вѣры Ивановны не уходитъ отъ него, напоминая о какой-то „почвѣ“. Что же такъ возродило и оживило нашего героя? Да вотъ, кажется, такія размышленія: „Славная дѣвушка, думалъ онъ, дѣльная и кроткая!“ *Дѣльная и кроткая!* Два свойства, которыхъ онъ совсѣмъ не видѣлъ въ своей „подругѣ“. Вообразимъ нашу труженицу, Вѣру Ивановну, „сопутницей жизни“ г. Стягина. Не очень блистательная карьера ей предстоитъ. „Дѣльно“ вести хозяйство прихотливаго барина, „кротко“ ухаживать за нимъ во время частыхъ недомоганій—плодовъ долготѣней слабости къ... инымъ „европейскимъ“ удобствамъ.

Въ повѣсти „Ранніе выводы“ Любочка „съ пятнадцати лѣтъ впрягла себя въ учительскій трудъ“. Она и ея пріятель Вася „еще ребятами стали деньги зарабатывать, и не пустяшныя, а хорошія деньги, такія, что можно было безъ нужды цѣлой семьѣ жить. И на ихъ товаръ являлся спросъ“ и т. д., и т. д. Будучи, слѣдовательно, *хорошей рабочей* силой, *экономически* болѣе

или менѣе самостоятельная и независимая, наша труженица вмѣстѣ съ тѣмъ съ какою-то приниженностью объясняется съ своимъ вовсе не титаническимъ пріятелемъ (дѣло идетъ о русскомъ „добровольческомъ“ паломничествѣ). „Не останусь я здѣсь, Вася, не останусь!“ — шептала она, сдерживая рыданія. — А если бы я не пошелъ, осталась бы? — рѣзко спросилъ онъ. — „Вы своего рѣшенія не перемѣните, да и я не хочу этого! Слышите, Вася, не хочу! Да и почему вы знаете, что я не могу сочувствовать... *идеть*?“ — съ трудомъ нашла она слово. — Идѣй, говорите вы? — перебилъ Банарцевъ и сдѣлалъ жестъ головой. — Не вѣрится мнѣ, Любочка; воля ваша, не вѣрится... *Да если бы и такъ, найдите сначала такой способъ, чтобъ вамъ дома у себя дурного дѣла не дѣлать.* Тогда вотъ и потолкуемъ. — „Я затѣмъ и пришла къ вамъ, Вася“... и т. д. Въ концѣ концовъ оба они остаются „при домашнихъ пенатахъ“. Можетъ быть и къ лучшему. Насъ и тутъ больше всего интересуетъ то обстоятельство, что Боборыкинъ и съ бѣльшимъ искусствомъ, и съ большею симпатіей (скажемъ откровенно) рисуетъ именно Любочекъ... давно намъ знакомыхъ.

Осязательные, краснорѣчивые, подчасъ даже роковые факты свидѣтельствуютъ о томъ, что русская женщина-труженица, съ полнымъ самосознаніемъ и съ опредѣленными цѣлями и работой не миеъ и не злонамѣренное сочинительство. Жила же вѣдь, напримѣръ, между нами, на землѣ нашей и та русская женщина, памяти которой посвященъ настоящій сборникъ. Женщина-*труженица* на каждомъ шагѣ употребляемъ мы въ данномъ очеркѣ такое выраженіе, отгнѣняя его *соціологическій* характеръ. Женщина можетъ быть, конечно, и сестрой, и матерью, и другомъ, и героиней романической исторіи, можетъ, если хотите, имѣть свои особливья духовныя свойства (что своеобразнѣе очень многихъ другихъ отмѣчаетъ Дюрингъ) и т. д., и т. д. Все это весьма большіе вопросы общаго научнаго, *психическаго* значенія житейской прозы или *моментовъ* художественнаго творчества. Но термины: трудъ и *труженица* необходимо вводятъ насъ въ сферу *общественныхъ*, соціологическихъ понятій. Предъ нами не *женщина* только, — предметъ любви и хотя бы самаго рыцарскаго обожанія, а *трудящаяся членъ общества*, — и вопросъ о немъ не замкнешь ни въ какой отдѣльный, спеціальный, внѣ-соціальный кругъ. „Она“ — сливается тутъ съ „нимъ“ и со *всеми*.

Большой художественный талантъ могъ бы дать намъ цѣльный и типическій *женскій* образъ, какъ созданіе тѣхъ или другихъ вѣяній жизни, — и мы бы сами извлекли уже подходящіе

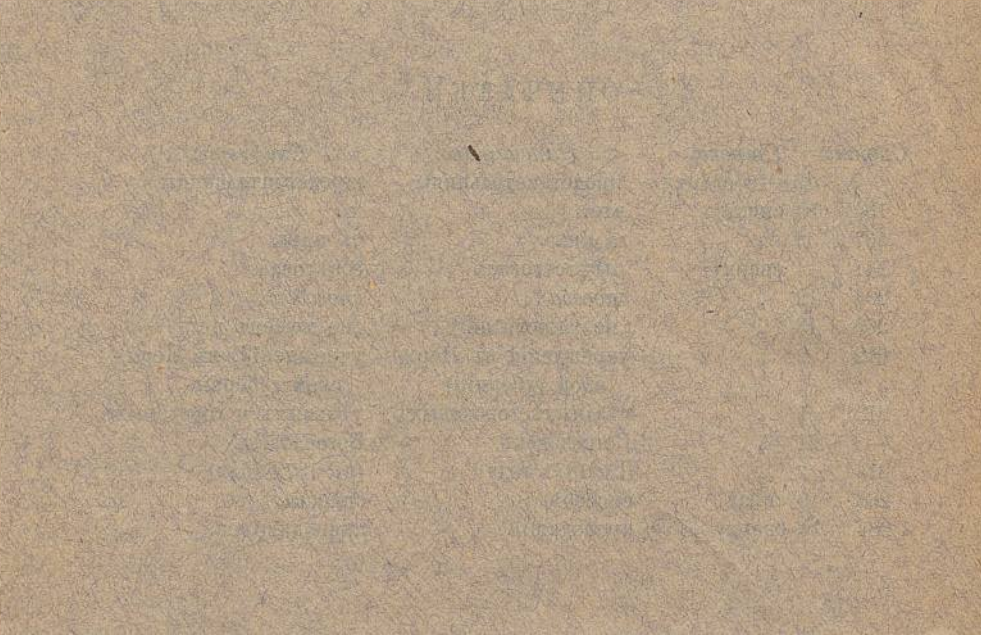
соціологіческіе итоги. Такими поэтическими силами г. Боборыкинъ не обладаетъ. Но въ мѣру своихъ дарованій онъ довольно потрудился на пользу разрѣшенія такъ называемаго женскаго вопроса. Женщина-прислуга и женщина-ученая спеціалистка, женщина-„идейная“ и женщина-служительница модъ и новинокъ, женщина-артистка и женщина „сестра милосердія“, женщина-мать и сестра — проходятъ передъ вами въ произведеніяхъ г. Боборыкина какъ достаточно яркіе характеры. Относительно женщины представительницы сцены нашъ авторъ обогатилъ литературу обильнымъ бытоописательнымъ матеріаломъ; его мастерскія и широко-гуманистическія картинки и характеристики этой категоріи, быть можетъ, единственныя въ своемъ родѣ. Г. Боборыкинъ большой любитель „европейскаго“ комфорта, разныхъ тонкостей и красотъ „культурной“ обстановки, большой знатокъ всякихъ „заграничныхъ“ мелочей послѣдняго привоза. Можетъ быть, потому и своихъ „свѣтскихъ львицъ и львовъ“ живописуетъ онъ не безъ преклоненія передъ Зинами (въ ром. „Изъ новыхъ“) и баронами Гольцами въ (ром. „Переваль“). Однако, онъ ничуть не скрываетъ и всей пустоты, всей замаскированной лжи и нечисти иныхъ „свѣтскихъ“ чертоговъ. Ни у одного писателя не захвачена въ такой массѣ художественныхъ схемъ и абрисовъ женщина разнообразныхъ русскихъ идейныхъ „половъ“ (любимое выраженіе г. Боборыкина) и направленій, духовныхъ подъемовъ и настроеній, какъ у г. Боборыкина. Расширеніе жизненной дѣятельности женщины, умственное ея прогрессированіе по „эпохамъ“ и „періодамъ“ „новообразованія“ среди женщинъ высшихъ и низшихъ слоевъ — все это занесено въ беллетристическую лѣтопись г. Боборыкина. Новыя птицы, новыя пѣсни. Сочиненія нашего автора не дадутъ обстоятельнаго отвѣта на поднимающіеся тутъ вопросы. Но эти сочиненія скажутъ: идетъ, растетъ новая жизнь, она выдвигаетъ новыя требованія; женщина все больше и чаще появляется на разныхъ поприщахъ общественнаго труда, все сильнѣе претендуетъ на признаніе ея личности, и не отвертѣтся уже людямъ отъ новыхъ задачъ.

Александръ Налимовъ.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
7	15—16 сверху	представительницы	предсѣдательницы
134	10 снизу	что	то
137	2 „	за нимъ	съ нимъ
141	4 сверху	отвѣтствовалъ	совѣтовалъ
204	12 „	способа	способахъ
209	13 „	„не можетъ не“	„не можемъ не“
212	2 „	учрежденій въ Перм- ской губерніи)	учрежденій) въ Перм- ской губерніи
213	1 „	уѣздныхъ городскихъ	уѣздныхъ и городскихъ
—	21 „	Богославскъ	Богословскъ
214	2 „	(въ 1871 году)	(въ 1872 году)
268	9 снизу	способъ	списокъ
284	14 сверху	приводящія	приводящіяся.

Цѣна 2 р. 50 к.

Складъ изданія при книжн. магаз. типографіи М. М. Стасюлевича.
(Спб. Вас. Остр., 5 л., 28).

